

ЛЕСТНИЦА *в Небо*

ДИАЛОГИ
О ВЛАСТИ, КАРЬЕРЕ
И МИРОВОЙ ЭЛИТЕ

М. ХАЗИН, С. ЩЕГЛОВ

Annotation

В своей книге Хазин и Щеглов предлагают читателю совершенно новую трактовку сущности Власти, подробно рассказывая о всех стадиях властной карьеры – от рядового сотрудника корпорации до высокопоставленного представителя мировой элиты.

Какое правило Власти нарушил Стив Джобс, в 1984 году уволенный со всех постов в собственной компании Apple? Какой враг довел до расстрела «гения Карпат», всесильного диктатора Румынии Николае Чаушеску? Почему военный переворот 1958 года во Франции начали генералы, а власть в результате досталась давно вышедшему в отставку Де Голлю? Сколько лет потребовалось настоящему человеку Власти, чтобы пройти путь от нищего на паперти до императора Византии, и как ему вообще это удалось?

Об этом и о многом другом – в новой книге известного российского экономиста Михаила Хазина и популярного блогера Сергея Щеглова.

-
- [М. Хазин, С. Щеглов](#)
 -
 - [ПРЕДИСЛОВИЕ](#)
 - [ЧАСТЬ I](#)
 -
 - [Глава 1. Люди Власти](#)
 -
 - [1. К власти рвутся бандой](#)
 - [2. Игра в системе](#)
 - [3. Ошибка вассала](#)
 - [4. Надобны нам верные](#)
 - [5. Несистемные элементы](#)
 - [Глава 2. Арена со львами](#)

-
- [1. Главный враг человека Власти](#)
- [2. Монархия или олигархия?](#)
- [3. Государство - это он!](#)
- [4. Воевать или договариваться?](#)
- [5. Современная Власть](#)
- [ЧАСТЬ II](#)
 -
 - [Глава 3. Государство](#)
 -
 - [1. Мандат Неба и Путь обмана](#)
 - [2. Подрезывание и остракизм](#)
 - [3. Асабийя и мулк](#)
 - [4. Судьба и доблесть](#)
 - [5. Бегемот и Левиафан](#)
 - [Глава 4. Элита](#)
 -
 - [1. Правящий класс](#)
 - [2. Властвующая элита](#)
 - [3. Элита и избиратели](#)
 - [4. Англо-американский истеблишмент](#)
 - [Глава 5. Институты](#)
 -
 - [1. Развенчание насилия](#)
 - [2. Создание дисциплины](#)
 - [3. Важность ресурсов](#)
 - [4. Сила денег](#)
 - [5. Рождение права](#)
 - [6. Теория власти](#)
- [ПРИЛОЖЕНИЕ](#)
- [ЛИТЕРАТУРА](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)

- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)

- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)

- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)
- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)

- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)
- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)

- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)
- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)

- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)
- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)

- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)
- [225](#)
- [226](#)
- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)
- [236](#)
- [237](#)
- [238](#)
- [239](#)
- [240](#)
- [241](#)
- [242](#)
- [243](#)
- [244](#)
- [245](#)
- [246](#)
- [247](#)
- [248](#)
- [249](#)
- [250](#)
- [251](#)
- [252](#)
- [253](#)
- [254](#)
- [255](#)
- [256](#)

- [257](#)
- [258](#)
- [259](#)
- [260](#)
- [261](#)
- [262](#)
- [263](#)
- [264](#)
- [265](#)
- [266](#)
- [267](#)
- [268](#)
- [269](#)
- [270](#)
- [271](#)
- [272](#)
- [273](#)
- [274](#)
- [275](#)
- [276](#)
- [277](#)
- [278](#)
- [279](#)
- [280](#)
- [281](#)
- [282](#)
- [283](#)
- [284](#)
- [285](#)
- [286](#)
- [287](#)
- [288](#)
- [289](#)
- [290](#)
- [291](#)
- [292](#)

- [293](#)
- [294](#)
- [295](#)
- [296](#)
- [297](#)
- [298](#)
- [299](#)
- [300](#)
- [301](#)
- [302](#)
- [303](#)
- [304](#)
- [305](#)
- [306](#)
- [307](#)
- [308](#)
- [309](#)
- [310](#)
- [311](#)
- [312](#)
- [313](#)
- [314](#)
- [315](#)
- [316](#)
- [317](#)
- [318](#)
- [319](#)
- [320](#)
- [321](#)
- [322](#)
- [323](#)
- [324](#)
- [325](#)
- [326](#)
- [327](#)
- [328](#)

- [329](#)
- [330](#)
- [331](#)
- [332](#)
- [333](#)
- [334](#)
- [335](#)
- [336](#)
- [337](#)
- [338](#)
- [339](#)
- [340](#)
- [341](#)
- [342](#)
- [343](#)
- [344](#)
- [345](#)
- [346](#)
- [347](#)
- [348](#)
- [349](#)
- [350](#)
- [351](#)
- [352](#)
- [353](#)
- [354](#)
- [355](#)
- [356](#)
- [357](#)
- [358](#)
- [359](#)
- [360](#)
- [361](#)
- [362](#)
- [363](#)
- [364](#)

- [365](#)
- [366](#)
- [367](#)
- [368](#)
- [369](#)
- [370](#)
- [371](#)
- [372](#)
- [373](#)
- [374](#)
- [375](#)
- [376](#)
- [377](#)
- [378](#)
- [379](#)
- [380](#)
- [381](#)
- [382](#)
- [383](#)
- [384](#)
- [385](#)
- [386](#)
- [387](#)
- [388](#)
- [389](#)
- [390](#)
- [391](#)
- [392](#)
- [393](#)
- [394](#)
- [395](#)
- [396](#)
- [397](#)
- [398](#)
- [399](#)
- [400](#)

- [401](#)
- [402](#)
- [403](#)
- [404](#)
- [405](#)
- [406](#)
- [407](#)
- [408](#)
- [409](#)
- [410](#)
- [411](#)
- [412](#)
- [413](#)
- [414](#)
- [415](#)
- [416](#)
- [417](#)
- [418](#)
- [419](#)
- [420](#)
- [421](#)
- [422](#)
- [423](#)
- [424](#)
- [425](#)
- [426](#)
- [427](#)
- [428](#)
- [429](#)
- [430](#)
- [431](#)
- [432](#)
- [433](#)
- [434](#)
- [435](#)
- [436](#)

- [437](#)
- [438](#)
- [439](#)
- [440](#)
- [441](#)
- [442](#)
- [443](#)
- [444](#)
- [445](#)
- [446](#)
- [447](#)
- [448](#)
- [449](#)
- [450](#)
- [451](#)
- [452](#)
- [453](#)
- [454](#)
- [455](#)
- [456](#)
- [457](#)
- [458](#)
- [459](#)
- [460](#)
- [461](#)
- [462](#)
- [463](#)
- [464](#)
- [465](#)
- [466](#)
- [467](#)
- [468](#)
- [469](#)
- [470](#)
- [471](#)
- [472](#)

- [473](#)
- [474](#)
- [475](#)
- [476](#)
- [477](#)
- [478](#)
- [479](#)
- [480](#)
- [481](#)
- [482](#)
- [483](#)
- [484](#)
- [485](#)
- [486](#)
- [487](#)
- [488](#)
- [489](#)
- [490](#)
- [491](#)
- [492](#)
- [493](#)
- [494](#)
- [495](#)
- [496](#)
- [497](#)
- [498](#)
- [499](#)
- [500](#)
- [501](#)
- [502](#)
- [503](#)
- [504](#)
- [505](#)
- [506](#)
- [507](#)
- [508](#)

- [509](#)
- [510](#)
- [511](#)
- [512](#)
- [513](#)
- [514](#)
- [515](#)
- [516](#)
- [517](#)
- [518](#)
- [519](#)
- [520](#)
- [521](#)
- [522](#)
- [523](#)
- [524](#)
- [525](#)
- [526](#)
- [527](#)
- [528](#)
- [529](#)
- [530](#)
- [531](#)
- [532](#)
- [533](#)
- [534](#)
- [535](#)
- [536](#)
- [537](#)
- [538](#)
- [539](#)
- [540](#)
- [541](#)
- [542](#)
- [543](#)
- [544](#)

- [545](#)
- [546](#)
- [547](#)
- [548](#)
- [549](#)
- [550](#)
- [551](#)
- [552](#)
- [553](#)
- [554](#)
- [555](#)
- [556](#)
- [557](#)
- [558](#)
- [559](#)
- [560](#)
- [561](#)
- [562](#)
- [563](#)
- [564](#)
- [565](#)
- [566](#)
- [567](#)
- [568](#)
- [569](#)
- [570](#)
- [571](#)
- [572](#)
- [573](#)
- [574](#)
- [575](#)
- [576](#)
- [577](#)
- [578](#)
- [579](#)
- [580](#)

- [581](#)
- [582](#)
- [583](#)
- [584](#)
- [585](#)
- [586](#)
- [587](#)
- [588](#)
- [589](#)
- [590](#)
- [591](#)
- [592](#)
- [593](#)
- [594](#)
- [595](#)
- [596](#)
- [597](#)
- [598](#)
- [599](#)
- [600](#)
- [601](#)
- [602](#)
- [603](#)
- [604](#)
- [605](#)
- [606](#)
- [607](#)
- [608](#)
- [609](#)
- [610](#)
- [611](#)
- [612](#)
- [613](#)
- [614](#)
- [615](#)
- [616](#)

- [617](#)
- [618](#)
- [619](#)
- [620](#)
- [621](#)
- [622](#)
- [623](#)
- [624](#)
- [625](#)
- [626](#)
- [627](#)
- [628](#)
- [629](#)
- [630](#)
- [631](#)
- [632](#)
- [633](#)
- [634](#)
- [635](#)
- [636](#)
- [637](#)
- [638](#)
- [639](#)
- [640](#)
- [641](#)
- [642](#)
- [643](#)
- [644](#)
- [645](#)
- [646](#)
- [647](#)
- [648](#)
- [649](#)
- [650](#)
- [651](#)
- [652](#)

- [653](#)
- [654](#)
- [655](#)
- [656](#)
- [657](#)
- [658](#)
- [659](#)
- [660](#)
- [661](#)
- [662](#)
- [663](#)
- [664](#)
- [665](#)
- [666](#)
- [667](#)
- [668](#)
- [669](#)
- [670](#)
- [671](#)
- [672](#)
- [673](#)
- [674](#)
- [675](#)
- [676](#)
- [677](#)
- [678](#)
- [679](#)
- [680](#)
- [681](#)
- [682](#)
- [683](#)
- [684](#)
- [685](#)
- [686](#)
- [687](#)
- [688](#)

- [689](#)
- [690](#)
- [691](#)
- [692](#)
- [693](#)
- [694](#)
- [695](#)
- [696](#)
- [697](#)
- [698](#)
- [699](#)
- [700](#)
- [701](#)
- [702](#)
- [703](#)
- [704](#)
- [705](#)
- [706](#)
- [707](#)
- [708](#)
- [709](#)
- [710](#)
- [711](#)
- [712](#)
- [713](#)
- [714](#)
- [715](#)
- [716](#)
- [717](#)
- [718](#)
- [719](#)
- [720](#)
- [721](#)
- [722](#)
- [723](#)
- [724](#)

- [725](#)
- [726](#)
- [727](#)
- [728](#)
- [729](#)
- [730](#)
- [731](#)
- [732](#)
- [733](#)
- [734](#)
- [735](#)
- [736](#)
- [737](#)
- [738](#)
- [739](#)
- [740](#)
- [741](#)
- [742](#)
- [743](#)
- [744](#)
- [745](#)
- [746](#)
- [747](#)
- [748](#)
- [749](#)
- [750](#)
- [751](#)
- [752](#)
- [753](#)
- [754](#)
- [755](#)
- [756](#)
- [757](#)
- [758](#)
- [759](#)
- [760](#)

- [761](#)
- [762](#)
- [763](#)
- [764](#)
- [765](#)
- [766](#)
- [767](#)
- [768](#)
- [769](#)
- [770](#)
- [771](#)
- [772](#)
- [773](#)
- [774](#)
- [775](#)
- [776](#)
- [777](#)
- [778](#)
- [779](#)
- [780](#)
- [781](#)
- [782](#)
- [783](#)
- [784](#)
- [785](#)
- [786](#)
- [787](#)
- [788](#)
- [789](#)
- [790](#)
- [791](#)
- [792](#)
- [793](#)
- [794](#)
- [795](#)
- [796](#)

- [797](#)
- [798](#)
- [799](#)
- [800](#)
- [801](#)
- [802](#)
- [803](#)
- [804](#)
- [805](#)
- [806](#)
- [807](#)
- [808](#)
- [809](#)
- [810](#)
- [811](#)
- [812](#)
- [813](#)
- [814](#)
- [815](#)
- [816](#)
- [817](#)
- [818](#)
- [819](#)
- [820](#)
- [821](#)
- [822](#)
- [823](#)
- [824](#)
- [825](#)
- [826](#)
- [827](#)
- [828](#)
- [829](#)
- [830](#)
- [831](#)
- [832](#)

- [833](#)
- [834](#)
- [835](#)
- [836](#)
- [837](#)
- [838](#)
- [839](#)
- [840](#)
- [841](#)
- [842](#)
- [843](#)
- [844](#)
- [845](#)
- [846](#)
- [847](#)
- [848](#)
- [849](#)
- [850](#)
- [851](#)
- [852](#)
- [853](#)
- [854](#)
- [855](#)
- [856](#)
- [857](#)
- [858](#)
- [859](#)
- [860](#)
- [861](#)
- [862](#)
- [863](#)
- [864](#)
- [865](#)
- [866](#)
- [867](#)
- [868](#)

- [869](#)
- [870](#)
- [871](#)
- [872](#)
- [873](#)
- [874](#)
- [875](#)
- [876](#)
- [877](#)
- [878](#)
- [879](#)
- [880](#)
- [881](#)
- [882](#)
- [883](#)
- [884](#)
- [885](#)
- [886](#)
- [887](#)
- [888](#)
- [889](#)
- [890](#)
- [891](#)
- [892](#)
- [893](#)
- [894](#)
- [895](#)
- [896](#)
- [897](#)
- [898](#)
- [899](#)
- [900](#)
- [901](#)
- [902](#)
- [903](#)
- [904](#)

- [905](#)
 - [906](#)
 - [907](#)
 - [908](#)
 - [909](#)
 - [910](#)
 - [911](#)
 - [912](#)
 - [913](#)
 - [914](#)
 - [915](#)
 - [916](#)
 - [917](#)
 - [918](#)
 - [919](#)
 - [920](#)
 - [921](#)
 - [922](#)
 - [923](#)
 - [924](#)
 - [925](#)
 - [926](#)
 - [927](#)
 - [928](#)
 - [929](#)
 - [930](#)
 - [931](#)
 - [932](#)
 - [933](#)
-

М. Хазин, С. Щеглов

ДИАЛОГИ О ВЛАСТИ, КАРЬЕРЕ И МИРОВОЙ ЭЛИТЕ

- Вы позволите загадать вам на прощание загадку, лорд Тирион? В одной комнате сидят три больших человека: король, священник и богач. Между ними стоит наемник, человек низкого происхождения и невеликого ума. И каждый из больших людей приказывает ему убить двух других. «Убей их, - говорит король, - ибо я твой законный правитель». «Убей их, - говорит священник, - ибо я приказываю тебе это от имени богов». «Убей их, - говорит богач, - и все это золото будет твоим». Скажите же - кто из них останется жив, а кто умрет?

Джордж Мартин, «Битва королей»

БЛАГОДАРНОСТИ

Оба автора прежде всего хотят поблагодарить Елену Ижицкую, без которой эта книга вряд ли была бы написана.

Михаил Хазин. Я хотел бы поблагодарить всех людей, общение с которыми позволило мне лучше понять проблемы власти. Это мой отец, Леонид Григорьевич Хазин, и мой дед, Григорий Лейзерович Хазин. Это люди, которые произвели на меня

колоссальное впечатление в молодости: один из творцов атомной бомбы Яков Борисович Зельдович и вечный бунтарь и гениальный генетик Владимир Павлович Эфроимсон.

Это математики, мои учителя, которые, в силу своего статуса, много понимали в устройстве советской системы: Я. Г. Синай, С. П. Новиков, В. И. Арнольд.

Это друзья родителей, которые много рассказывали мне об устройстве жизни: Л. Д. Панова, И. Б. Соколова, Э. Э. Шноль, С. Э. Шноль, Л. М. Флитман, В. С. Рябенский.

Это «молодые реформаторы», которые много объяснили о реальных механизмах тех событий, которые происходили в 90-е годы, в том числе С. А. Васильев, А. Н. Илларионов, В. А. Мау, А. Б. Чубайс. Это люди, о которых я много слышал от тех, кто с ними много и неформально общался, Г. М. Маленков, Н. К. Байбаков, Д. Ф. Устинов. Это сотрудники Госплана СССР и Минэкономики РФ Ю. Д. Маслюков, В. П. Воробьев, Ю. К. Петров, А. И. Салин, Г. П. Кутовой.

Это мои начальники С. М. Игнатьев, В. Г. Пансков, Е. Г. Ясин, А.Я. Лившиц и А. Н. Казаков, а также многие, многие другие.

Отдельно хочу поблагодарить тех, с кем я обсуждал отдельные положения книги: К. К. Масимова, В. И. Якунина, В. В. Геращенко, А. Ильичева, Д. Журавлева, В. Куликова, С. Белкина, С. Беякова, В. Лепехина, О. Леонова, И. Гутова, П. Гваськова, Д. Ракшу, В. Владимирову, Г. Шкурко, С. Пунтуса, Г. Джемалю и, конечно, моего соавтора по теории глобальных проектов Сергея Ильича Гавриленкова. Колоссальную роль в части углубления моих представлений о Власти внес Юрий Николаевич Солодухин, которому я за это искренне благодарен.

Серьезный вклад в написание книги внесла директор Фонда экономических исследований Михаила

Хазина Анастасия Заточная, чья самоотверженная работа создала необходимые возможности для моей творческой деятельности.

Я должен отметить еще несколько человек, с которыми я не имел продолжительных бесед, но которые произвели на меня очень сильное впечатление, причем далеко не всегда положительное: Б. Березовский, Е. Гайдар, Б. Ельцин, М. Горбачев, Л. Саммерс, Б. Клинтон. Я не могу не вспомнить человека, через которого мог бы быть знаком с В. И. Лениным (по принципу «двух рукопожатий»), Карла Густавовича Рянни.

Ну и в заключение, я хотел бы поблагодарить свою жену Александру и дочь Анастасию, которые своими трезвыми замечаниями и ехидными комментариями регулярно опускали меня на грешную землю, чем существенно повысили и качество моей работы, и ее соответствие реальности.

Сергей Щеглов. Считаю своим долгом выразить признательность Владиславу Балину за замечательную серию статей «Защита от темных искусств», заставившую задуматься о повсеместности властных отношений, и Александру Морозову за короткий разговор в книжном магазине «Пиотровский», ставший стимулом к поиску нового языка описания социальной реальности. Необходимо отметить, что мой вклад в написание книги был бы невозможен без влияния Романа Трипольского, в далекие 1980-е пытавшегося привить мне навыки философского мышления.

Главная же моя благодарность – любимой жене Оксане, в течение трех лет неизменно выступавшей первым критиком очередных глав книги о Власти.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Три мифа и три правды о власти

Что мы, россияне начала XXI века, знаем про Власть? Да вроде бы все, что нужно: «власть не дают, власть берут», «политика – грязное дело, честному человеку там делать нечего», «у них там все схвачено, везде свои люди».

У тех, кто начитался в свое время либеральной прессы, имеются еще более детальные представления о Власти. Граждане (акционеры) демократически выбирают президента (совет директоров), который распоряжается ресурсами государства (корпорации) на благо этих самых граждан (акционеров). Источником Власти принято считать «весь многонациональный народ», способом, которым она вручается конкретным лицам – «демократические выборы», а ее главной задачей – заботу о простых людях путем назначения на ответственные посты грамотных профессионалов и разумного расходования бюджетных средств.

В реальной жизни, конечно, наш либеральный читатель сталкивается с совсем иным устройством этой штуковины. В президенты его страны (неважно даже, Россия это, США или Франция) выбирают заранее согласованных внутри элиты персонажей (в России это прямые «преемники», на Западе – поочередно меняющиеся «левые» и «правые»). Президенты назначают на ключевые должности своих людей (а те, в свою очередь, своих подчиненных). Бюджеты тратятся исходя из клановой принадлежности чиновников – государственные заказы получают какие надо компании. Ровно то же самое делают руководители

крупных корпораций: назначают на ответственные места нужных людей да расходуют изрядную часть бюджетов исходя из личных интересов. В этой реальной жизни Власть больше похожа на пещеру с сокровищами, вход в которую доступен лишь избранным.

Тем не менее на вопрос: «Откуда берется власть?» – мы отвечаем как по писаному: **«Власть не дают, власть берут»**. Отвечаем, потому с детства выучили этот **первый миф** Власти – и больше не верим собственным глазам, сколько бы раз они ни свидетельствовали об обратном.

Между тем власть победителя Наполеона, императора Александра I, начиналась с фразы *«Довольно ребячиться, ступайте царствовать!»*. Великий Ленин попал в Россию в апреле 1917 года в «пломбированном вагоне» с разрешения Генерального штаба Германии. Никому не известный Билл стал тем самым Гейтсом благодаря сверхвыгодному заказу от IBM. И даже демократ Ельцин начинал свою карьеру кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС! Какого великого властителя ни возьми, каждый достиг своей власти не столько собственными усилиями, сколько получив ее (конечно, за некоторые заслуги) от предыдущих властителей.

Итак, вот первая правда о Власти, которую никогда не прочесть в либеральной прессе.

I. Власть не берут, власть дают.

Единственный способ приобрести власть – это получить ее от других людей; король тот, кому подчиняются, а не тот, на кого надета корона.

Но нужно ли стоять в очереди за Властью? Ведь **«политика – грязное дело, честному человеку там делать нечего»**? Пусть они наверху делят Власть, а

внизу никто не помешает человеку реализоваться в своей профессии или в частном бизнесе. Госсектор – еще не вся экономика, продавай свой продукт или свои умения на свободном рынке, и будь выше этого!

Как Вы наверняка уже догадались, это **второй миф** Власти. В реальном мире нет никакого «свободного рынка», а есть налоги, лицензии, профсоюзы и – самое главное! – конкуренты, со своими адвокатами (в «цивилизованных» странах) и со своими связями в силовых структурах (в менее «цивилизованных»), В этом реальном мире человеку, не желающему «заниматься политикой» (то есть участвовать во Власти), действительно делать нечего. Максимум, чего он сможет достичь, – это положение высокооплачиваемого профессионала, работающего на самого младшего из представителей реальной Власти (наемного менеджера). Выше находится стеклянный потолок, за который попадают лишь с разрешения хозяев. Чтобы заработать на жизнь, достаточно быть профильным специалистом; но чтобы реализовать серьезный проект (сделать научное открытие, выпустить новый товар, создать известную фирму) – нужно быть еще и *политиком*. Сравните судьбы «изобретателя Windows» Билла Гейтса и «изобретателя веб-браузера» Марка Андреессена (если Вы вообще такого помните).

Американский социолог Джеффри Пфедфер приводит еще более brutальный пример важности Власти. Несмотря на то что первые признаки передачи некоей болезни (позднее названной СПИД) при переливании крови были замечены еще в декабре 1981 года, переход к полному тестированию доноров завершился в США только в 1985-м. Четыре года понадобилось на то, чтобы преодолеть политическое сопротивление банков крови, не желавших тратить на

дорогостоящее тестирование и отпугивать доноров входным контролем:

«Противостояние между учеными и владельцами банков крови отнюдь нельзя было назвать борьбой на равных. Владельцы банков крови в совершенстве владели всевозможными техниками межличностного влияния и были весьма красноречивы. Ведь само существование этой отрасли зависело от умения убеждать доноров поддерживать такие организации, как Американский Красный Крест. Банки крови и другие связанные с ними организации имели многолетний опыт сотрудничества со средствами массовой информации и не меньший – с властными структурами в Вашингтоне, в частности с государственными учреждениями в сфере здравоохранения. Ученые и эпидемиологи полагали, что правда восторжествует, если собранные ими данные будут представлены в убедительной форме. Однако поначалу их влияние было слишком слабым, чтобы одержать верх над оппонентами и изменить политику борьбы со СПИДом. Представители донорской промышленности, напротив, искали не аргументы, а союзников (выделено нами. – Авт.)» [Пфеффер, 2007, с. 23].

В результате многие тысячи людей заразились смертельным в те годы вирусом и умерли в последующие годы. Такой оказалась цена нежелания ученых заниматься «грязным делом», то есть политикой. Похожая и в каком-то смысле еще более страшная история произошла в нашей собственной стране. Советская научная интеллигенция, жаждавшая «свободы» и «демократии» и фактически сокрушившая власть КПСС^[1], в силу демонстративного «чистоплюйства» отказалась от реальной работы во Власти – и практически полностью исчезла на глазах одного поколения.

Поэтому перевернем миф, чтобы узнать вторую правду о Власти.

II. Власть - самое важное дело на свете, и чтобы добиться успеха, человек должен прежде всего быть политиком.

Людей не интересует Ваша квалификация или Ваши идеи; их интересует, что они с этого будут иметь. Объяснить им это (пусть даже неправильно) – работа политика, а не специалиста.

Наверняка Вы и сами чувствовали, что быть политиком в реальном мире весьма полезно. Но разве можно убедить сильных мира сего поделиться своей Властью? Ведь **«у них там все схвачено, везде свои люди»?** Сыну генерала никогда не стать маршалом, потому что у маршалов тоже есть сыновья; на хорошую должность или крупный заказ всегда есть очередь из «своих», и со стороны ни за что не пробиться.

Неужели эта кажущаяся самоочевидной формулировка – **третий миф** Власти? Да, именно так. В реальном мире неограниченных ресурсов не существует: вам не хватает тысячи долларов, миллиардеру – миллиарда. Точно так же у любого властителя всегда в дефиците *надежные* люди. Это только со стороны «свои» выглядят верными соратниками; сами правители оценивают ситуацию куда реалистичнее. *«Кругом измена, трусость и обман»*, *«Тов. Сталин сосредоточил в своих руках необъятную власть...»* – так они характеризуют «своих» людей, когда отваживаются признать правду.

Мы подошли к третьей, самой охраняемой правде о Власти.

III. У них там все висит на волоске, и надежные люди – на вес золота.

Но, в отличие от двух предыдущих правд, признаваться в третьей смерти подобно. Ведь Власть держится прежде всего на готовности ей подчиняться. А кто же захочет подчиняться властителю, у которого мало верных сторонников? Признаться в том, что соратники ненадежны и бестолковы, значит *сразу* же потерять власть.

Вот почему вы так уверены, что «у них все схвачено». У Власти достаточно ресурсов, чтобы заставить вас так думать (на то она и Власть), у нее есть веская причина, чтобы это сделать. Подчиненный властителя может быть каким угодно изменником и трусом, но со стороны он должен выглядеть своим в доску, которому прощаются любые грехи. Вы наверняка замечали, что, попав однажды во Власть, человек становится «непотопляемым», а все дело в том, что, даже если сам по себе он полное ничтожество, он все равно должен оставаться во Власти, иначе ее репутация окажется под угрозой. «Своих не сдавать» – это не личное благородство властителя, а главное условие его выживания.

Ну а теперь последняя, и самая горькая, правда. Мы достаточно знаем о людях и о Власти, чтобы сказать вам, что будет дальше. Прочитав предыдущие абзацы, вы только еще сильнее поверите в три мифа, легко придумав для себя какой-нибудь аргумент, чтобы отбросить три правды. Тому есть две причины, и каждой хватило бы с избытком. Во-первых, вся окружающая вас Власть держится в том числе и на этих мифах, а потому поддерживает их всеми средствами (которых у нее намного больше, чем у вас). Во-вторых, вы сами хотите верить в эти три мифа, ведь они так хорошо объясняют, почему вы правильно поступаете, держась от Власти подальше. Но если три прочитанные правды заставили вас задуматься – а может быть, в

этом что-то есть? – тогда наша книга не станет для вас пустою забавой.

Тогда вы действительно *наш* Читатель, и мы – Теоретик и Практик – готовы начать с вами серьезный разговор о Власти, карьере и мировой элите.

ЧАСТЬ I

То, что нельзя говорить

Теоретик^[2]. На первый взгляд, в библиотеках лежат сотни ответов на вопрос «Что такое Власть?». Ведущий российский исследователь Власти, доктор философских наук Валерий Ледяев посвятил целую книгу анализу разнообразных *определений и концепций* Власти^[3]. Добавлять к имеющимся сотням томов еще один, пусть даже с приятными именами авторов на обложке, имеет смысл лишь затем, чтобы сказать о Власти что-то новое. Что-то такое, чего никто до сих пор не сказал – то ли потому, что не знал (хм-хм), то ли потому, что этого *нельзя говорить*.

Так вот, горькая правда о Власти заключается в следующем.

Власть – такая же точно сфера профессиональной занятости, как и любая другая (управление проектами, электромонтаж, программирование или игра на скрипке), и она точно так же требует профессионального мастерства и первоначального обучения.

Власть – чрезвычайно привлекательная сфера занятости (быть может, самая привлекательная из всех известных человечеству), в которой в наибольшей степени сохраняются традиции цеховой организации труда (клановость, семейственность, секреты ремесла, корпоративная солидарность).

Власть – сфера занятости, требующая от своих работников постоянной и качественной дезинформации как друг друга, так и – тем более! – не относящихся к Власти лиц.

В результате этих особенностей любая информация об устройстве Власти является либо 1) *инсайдерской* (предназначенной для своих и только для своих), либо 2) целенаправленно *фальсифицированной* (прошедшей определенный контроль и признанной удобной для работников Власти), либо 3) *дискредитированной* (получившей широкое распространение из-за несовершенства контроля, но позднее откомментированной и поданной публике с негативными ярлыками^[4]). Именно понимание этой ключевой особенности Власти – ее способности успешно сопротивляться любым попыткам узнать о ней правду (вытекающей из ее цеховой сущности) – и составляет то новое, что мы хотели бы донести до читателя.

Власть это то, о чем нельзя говорить

Читатель. Погодите, уважаемые авторы, я вас что-то не пойму. А почему вы сами вдруг разговорились? Кроме меня и Теоретика, у нас тут присутствует Практик, человек явно не чужой в российской Власти. И я должен поверить, что он просто так нарушает обет молчания и выдает цеховые секреты? Ради копеечного гонорара и забавы широкой публики? Не смешите мои тапочки, так не бывает. Признавайтесь, зачем вы решили выдать страшную тайну Власти?!

Практик. Хороший вопрос! Я отвечу. Дело в том, что мы стоим на пороге масштабной трансформации мировой элиты. Во-первых, на содержание старой больше нет денег – ее нужно менять категорически. Во-вторых, полностью исчерпан работавший несколько веков механизм развития. Наиболее близкий аналог текущего момента в истории – это IV-VI века, когда элита сменилась в Западной Европе **полностью**, и было это сделано довольно кровавыми способами. Даже в XVI-XVII веках, прославившихся гражданскими и

религиозными войнами, элита не сменилась так сильно, потому что феодалы успешно мимикрировали. Так вот, чтобы нынешняя смена элиты не оказалась весьма неприятной, тем, кто придет ей на смену, нужно хоть что-то знать об устройстве Власти. Иначе они такого наломают!

Читатель. Ничего себе! Так это **на самом деле** учебное пособие по Власти?

Теоретик. На самом деле. Чем лучше граждане России будут понимать, как на деле устроена и работает Власть, тем выше наши шансы на «мировой шахматной доске» (или, если хотите, за мировым карточным столом). Тут дело не в гонораре и не в дешевом пиаре; тут речь о будущем страны. Так что хватит разговоров вокруг да около, пора узнать правду о Власти.

Глава 1. Люди Власти

Правила Власти для вассалов

Всякая власть есть непрерывный заговор.

Оноре де Бальзак

Теоретик. Говорить о Власти^[5] *нельзя* не потому, что это запрещено какими-то высшими силами; на любой запрет найдется смельчак, который его нарушит. Невозможным делает такой разговор сама *природа* Власти, вершащей свои дела в тишине и скрывающейся за различными масками. На Власть нельзя просто указать пальцем; перед тем как рассуждать об ее устройстве, необходимо научиться *видеть* ее за группами людей и фасадами организаций. Пока вы воспринимаете всех окружающих как делающих свой бизнес или работающих в офисе, Власть останется для вас тайной за семью печатями. Понимать ее вы начнете только с того момента, когда обнаружите людей, занятых **кое-чем еще**.

Сделать это будет не так-то просто. Обратите внимание, как в современных СМИ^[6] реагируют на людей, которые по тем или иным причинам объединяют в рамках своих знаний некоторые вроде бы не связанные между собой события. Их называют **конспирологами**, причем слово это носит явно негативные коннотации. Многие из них действительно мало что понимают в жизни (если не являются платными дезинформаторами), но есть и такие, которые говорят правду. Этим последних нужно уметь находить и внимательно к ним прислушиваться. Тогда, поставив перед собой цель **разобраться**, что же такое Власть,

вы постепенно начнете сопоставлять различные, не очень заметные и на первый взгляд не связанные события и символы. И рано или поздно то, что казалось вам раньше совершенно невероятным, окажется столь очевидным, что вы сами не сможете поверить, как не замечали этого раньше.

1. К власти рвутся бандой

Теоретик. Начнем с простой и понятной любому задачи. Вы только что устроились на незначительную должность в большую и могущественную организацию. Как сделать в ней успешную карьеру?

Практик. Прежде всего, необходимо понять, как вообще можно даже не войти во власть, а хотя бы подойти к ней. Для того чтобы это сделать, нужно освоить, как «Отче наш» два основных момента, без которых даже разговаривать о власти бессмысленно. Первый из них звучит так: **«К власти рвутся бандой!»** Иначе говоря, Власть – это система, в которой *не существует индивидуальных игроков*, а есть только коллективные. По этой причине любое движение к Власти нужно начинать с поиска «банды», команды, группы, которая играет во властных играх самостоятельную и значимую роль.

Читатель. Что-то вы не то говорите. Чтобы сделать карьеру в крупной компании, нужно просто держаться за место и расти по служебной лестнице. А чтобы расти, нужно уметь руководить людьми и ладить с начальством. При чем тут какая-то «банда»? Если это руководство компании, то зачем называть его «бандой», а если не руководство – то какая у этих людей может быть власть?!

Теоретик. Ваш вопрос – прекрасная иллюстрация тех проблем, которые сразу же возникают при любом

разговоре о Власти. Действительно, какая может быть власть у человека, который не занимает руководящей должности? Какой должностной инструкцией она предусмотрена? Какие документы скреплены его подписью?

Чтобы увидеть Власть, необходимо выйти за пределы штатного расписания компании и обратиться к реальным событиям корпоративной жизни. Давайте сделаем это на простом и широко известном примере – истории компании «Портал», описанной в книге «Жизнь внутри пузыря» [Ашманов, 2007], как говорится, *на основе реальных событий*^[7]. История эта начинается в далеком 1999 году, когда владельцы перспективной компании «Портал», предлагавшей в Сети самый популярный на тот момент русскоязычный поисковик^[8], продали свой контрольный пакет новым инвесторам – российскому Банкиру и зарубежному Латиноамериканцу. Один из прежних владельцев (как раз и организовавший продажу) стал Президентом компании, второй (выведенный в книге под псевдонимом Основатель) возглавил отдел разработки. На первоначальном этапе делами «Портала» активнее занимался Банкир, делегировавший в него своего представителя, названного в книге Мистер Портал.

Поскольку инвесторы приобретали компанию в разгар дотком-бума с целью быстрой перепродажи, им требовалось как можно быстрее нарастить «капитализацию», в том числе и за счет приема в штат большого количества разработчиков («команда разработчиков» традиционно считается весомым активом ИТ-предприятия). Так в компанию попали дополнительные сотрудники. Во-первых, программисты:

«...ещё до получения денег от инвесторов Президент втащил в Портал команду "Физиков". Лидерами её были двое уже седых мальчиков-физиков.

Это были сотрудники академического института, кандидаты наук, преподаватели, которые считали и преподносили себя самыми крутыми интернетчиками, издавна строили сайт Физического института, по разным провайдерским и контентным делам знали Президента и Основателя довольно давно» [Ашманов, 2007].

А во-вторых (основной продукт компании – поисковая система, значит, нужны специалисты по естественному языку), лингвисты:

«...Ашмановцы, или Лингвисты... Команда состояла примерно из 15 человек, сильных менеджеров, математиков, программистов и нескольких лингвистов, в основном выпускников МГУ. Каждый второй-третий член команды был кандидатом математических или лингвистических наук» [Ашманов, 2007].

Поручили этой команде^[9] заниматься туманным и никому не мешающим делом – всякими перспективными разработками. Ее лидер, выведенный в книге под фамилией автора (Ашманов), получил должность директора по развитию, и штат будущего русского Google оказался полностью скомплектован. Зная все это, мы можем с легкостью нарисовать организационную диаграмму «Портала» образца 2000 года:

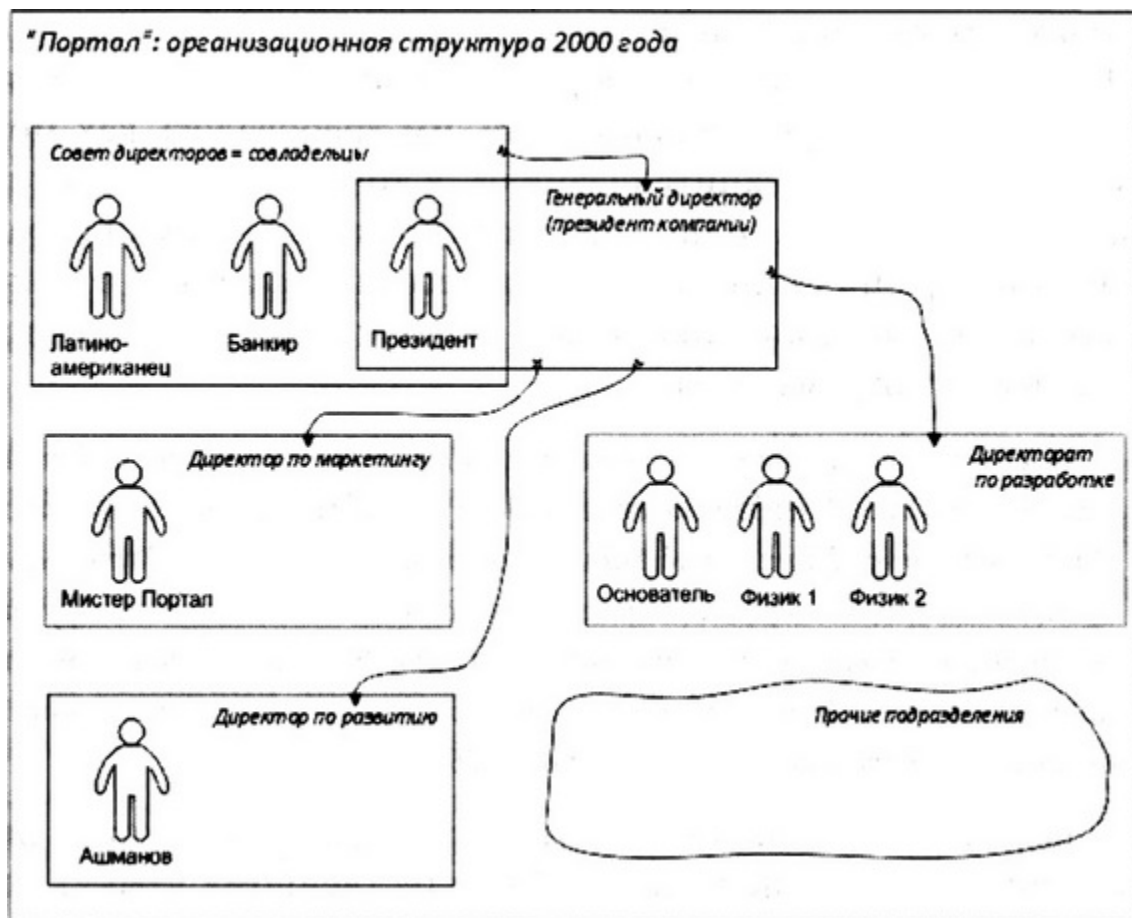

Рисунок 1. Организационная структура «Портала» в середине 2000 года

С точки зрения Управления^[10] диаграмма полна и не оставляет сомнений: Президент подчиняется Совету директоров, профильные директора – Президенту, каждый из директоров руководит своим направлением. Однако нам известна и некая *дополнительная* информация, не отраженная на схеме: 1) Мистер Портал – человек Банкира и легко может повлиять на него в обход Президента, 2) Директорат по разработке – люди Президента, но не Банкира, 3) Ашманов, в отличие от Основателя и обоих Физиков, непонятно чей человек (его «лингвистов» пригласили всего лишь увеличить капитализацию, но не работать).

С учетом этих **неформальных** отношений статусы трех подразделений «Портала» совершенно неравноправны, а положение подразделения Ашманова самое зыбкое (он ничей человек). В компании явно наличествует плодородная почва для интриги, но глазами Управления ее *не видно*. Хуже того, этого обычно не видно и в повседневной жизни компании – книга «Внутри Портала» не лежит на каждом рабочем месте, и кто чей человек – не так-то просто определить. На практике «кто есть кто» выясняется только после «оргвыводов», и весьма неожиданно для большинства участников.

Но вернемся к истории «Портала». Ашманов оказался в нем совсем не мальчиком для битья и сразу же занял активную позицию в корпоративных интригах:

«Инвесторы довольно быстро начали вмешиваться в операционную деятельность компании на самом низком уровне. Они (в основном Банкир) звонили напрямую дизайнерам, разработчикам, главному редактору и маркетинговым менеджерам и пытались давать самые конкретные указания – что поместить на главную страницу того или иного проекта, какой выбрать цвет и так далее...

Я потратил гигантское количество времени и сил на блокирование и канализирование этих прямых указаний, на объяснения с инвесторами, на разъяснение правил движения в мире интернет-технологий, и в конце концов приучил их к тому, что всё равно нужно сначала говорить со мной, потому что без моего приказа в любом случае ничего сделано не будет» [Ашманов, 2007].

На первый взгляд ситуация, когда «инвесторы» (то есть Банкир) звонят тебе каждый час по поводу «сделать кнопку зеленой», кошмар и ужас. Да, кошмар и ужас для разработчика – но не для человека Власти! Звонят – значит, чего-то хотят, значит, ты

контролируешь какой-то нужный им **ресурс**, а следовательно, от тебя в компании *кое-что зависит*.

Ресурс! Запомните это понятие, играющее ключевую роль в теории Власти. Вокруг существует бесчисленное множество сущностей, контроль над которыми делает нас незаменимыми для других людей (право подписи, знание конфиденциальной информации, знакомство с нужными людьми, не говоря уже о банальных деньгах и имуществе); объединив их в одном слове – ресурс – мы получаем возможность обобщить многие проявления Власти в короткие формулировки. Например, вывести основную формулу Власти: **власть → ресурс → власть**.

Вы контролируете какой-то, пусть даже незначительный, **ресурс**? Отлично! Все, что теперь нужно делать для успешной карьеры – просто увеличивать свой контроль над этим ресурсом, тем самым повышая свой статус в глазах вышестоящих. Ашманов так и делал: человека, без приказа которого ничего не делается, нужно либо убирать, либо включать в свою команду. И что особенно важно – все эти разговоры шли с *владельцем компании*, а не с ее Президентом. Ашманов налаживал личные отношения с высшим уровнем Власти!

В результате, когда перед Банкиром возникла очередная производственная проблема, он обратился к Ашманову с фактическим приглашением в команду:

«...в сентябре 2000, Банкир потребовал выпустить-таки давно обещанные контентные проекты Портала, поскольку он тоже их давно много кому пообещал, в том числе и публично. К 1-му ноября. Когда он спросил меня, я сказал, что могу это сделать к сроку, но мне нужны полномочия...» [Ашманов, 2007].

Естественно, эта идея не нашла понимания у Президента (у которого уже была своя команда):

«...Президент заявил, что меня не надо, что он полностью делегирует выпуск контентных проектов

Физикам, а управлять выпуском будет лично, без ансамбля» [Ашманов, 2007].

Таким образом, ответственность за выполнение критического по времени, а потому весьма рискованного проекта оказалась целиком на команде Президента. Когда сроки проекта были сорваны (вообще-то, так бывает с большей частью программных проектов, независимо от квалификации исполнителей), авторитет Президента в глазах Банкира снизился, а авторитет Ашманова, напротив, вырос:

«С этого момента начался ясно видимый закат команды Физиков в Портале. А когда пошатнулись и позиции Президента, в связи с окончательным падением NASDAQ и постоянно растущими, плохо обоснованными расходами компании, дни их в Портале были сочтены» [Ашманов, 2007].

Можно ли было разглядеть предпосылки подобных «интриг» на организационной диаграмме? Да, если бы мы дополнили ее изображением **властных группировок** (см. рисунок 2).

«Властная группировка – второй важнейший термин теории Власти. Как Вы уже могли догадаться, она представляет собой связанную неформальными отношениями подчинения («Б – это человек А») группу людей, целенаправленно захватывающую ресурсы. Далеко не всякая группа может считаться властной группировкой: чтобы обладать властью, группа должна быть связана отношениями подчинения и контролировать определенные ресурсы. Посмотрите на рисунок 2.

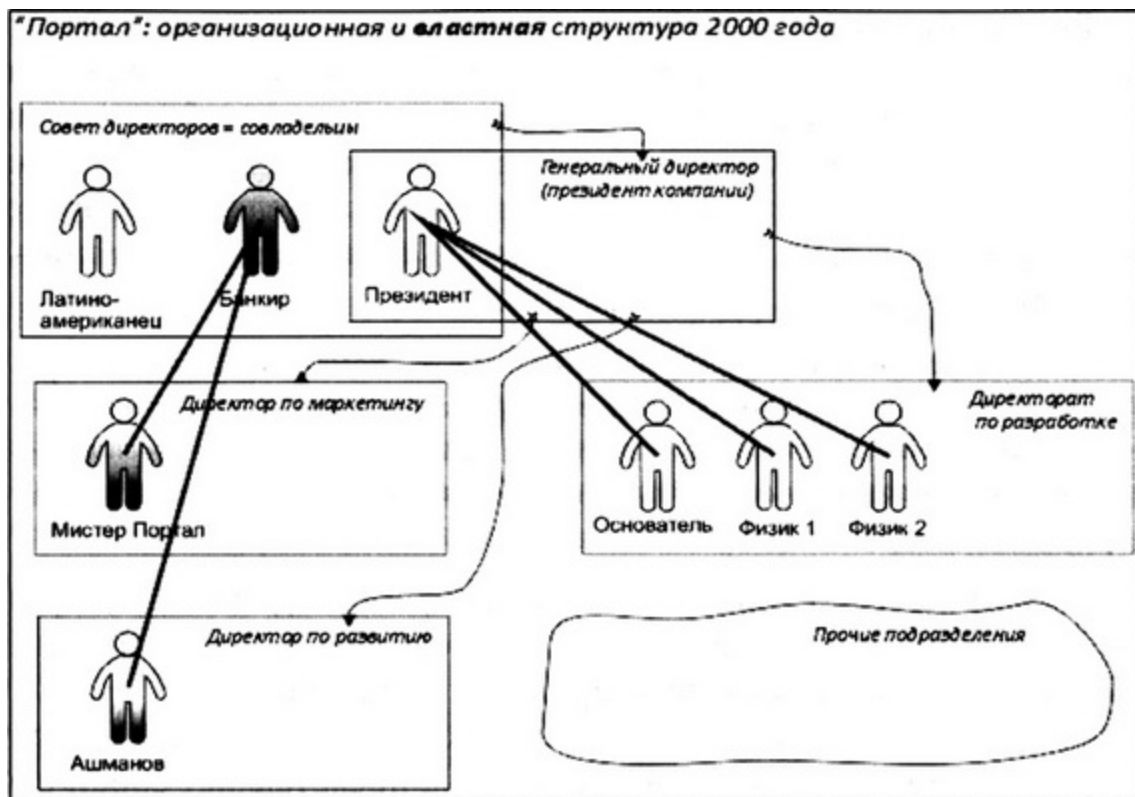

Рисунок 2. Организационная и властная структура «Портала» в середине 2000 года. Обозначены властные группировки, правящая группировка выделена темным цветом

Не правда ли, все сразу становится ясным? Участников группировок связывают между собой не служебные, а личные отношения подчинения, основанные на взаимном доверии и взаимной выгоде. Вход в группировки открыт – Ашманов не сразу вошел в доверие к Банкиру, на это потребовался почти год рабочих контактов, в ходе которых выяснилось, что Ашманов *не подведет*. Разные группировки находятся в конкурентных отношениях – Банкир не склонен доверять Президенту, поскольку тот явно работает на себя, а не на Банкира. Кроме того, группировки имеют *разный вес*: группировка Банкира, в которую вошел

Ашманов, несомненно сильнее группировки Президента, поскольку возглавляется фактическим владельцем Портала. Исходя из этого, нетрудно предсказать результат открытого конфликта между группировками: члены правящей властной группировки повышаются по службе, члены конкурирующей – увольняются или вытесняются из числа владельцев.

Именно так и произошло в Портале:

«Инвесторы вообще сильно нервничали, и неосторожная бюджетная заявка послужила последней каплей. Они страшно возмутились выросшей суммой, заморозили выдачу денег, и начали действия по выдавливанию Президента из Портала. После нескольких раундов переговоров, к январю 2001 года, они выкупили у Президента и Основателя их акции по низкой цене и сняли их со всех постов в Портале» [Ашманов, 2007].

На место Президента был назначен Мистер Портал, а на место директора по разработкам (и по всем остальным вопросам) – Ашманов.

Однако, как и везде в жизни, «покой нам только снится». Несмотря на организационные изменения в «Портале», он оставался убыточным (а чего еще ждать от проекта, изначально нацеленного не на прибыль, а на перепродажу). В результате лидер правящей группировки – Банкир – потерял к нему интерес:

«Когда денег стало мало, а Пузырь 1.0 сдулся, Латиноамериканец уговорил Банкира дать ему порулить» [Ашманов, 2007].

С чего начинается «рулеж» новой властной группировки? Конечно же с поиска «своих людей» – внутри компании или за ее пределами. Так на сцене появился Маг:

«В Портале, так же неожиданно, а на самом деле неизбежно, появился свой Маг – птица особенно высокого полёта. Он загипнотизировал где-то в

кулуарах нашего Латиноамериканца и с эффектом появился в компании уже в должности вице-президента по маркетингу» [Ашманов, 2007].

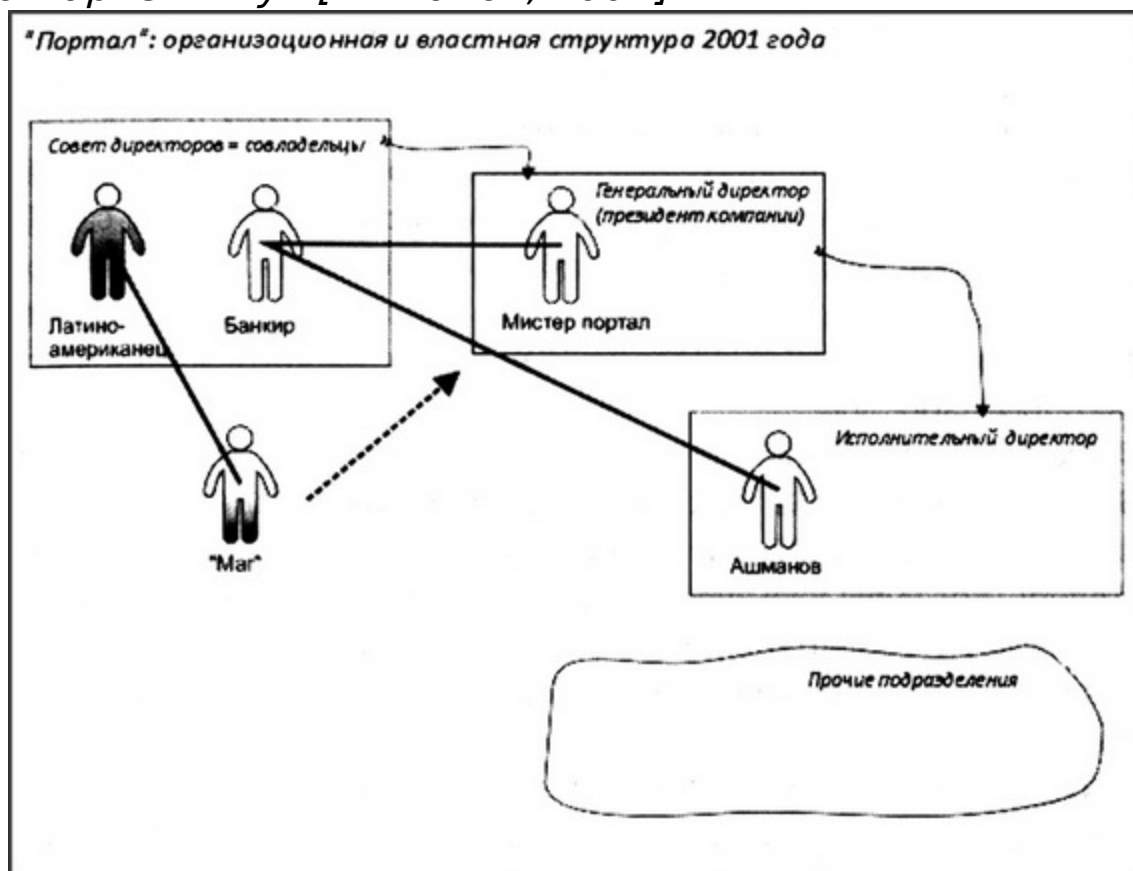

Рисунок 3. Организационная и властная структура «Портала» в 2001 году

Практик. Обратите внимание на слова «неожиданно, а на самом деле неизбежно». Почему сменивший Банкира Латиноамериканец искал себе помощника на стороне, а не взял в свою команду Ашманова? Потому, что Ашманов уже был человеком Банкира, а стороннего человека можно было сделать полностью своим! Второй момент: а чем Маг смог «загипнотизировать» Латиноамериканца? Об этом мы еще напишем отдельно, а сейчас скажем коротко: Маг узнал, что Латиноамериканец не слишком-то разбирается в Интернете, и сам выразил готовность

«закрыть» этот участок работы. Разумеется, при этом он «напел» Латиноамериканцу с три короба о своей высокой квалификации и о своих не менее гениальных планах. Выслушав все это, Латиноамериканец *поверил*, что Маг может закрыть «узкое место», в котором сам Латиноамериканец разбирается плохо. И уже неважно, так ли оно было на самом деле: Маг оказался в команде. Власть строится на *личных* отношениях доверия, а вовсе не на «объективных показателях работы»!

Теоретик. Рисунок 3 с предыдущей страницы отражает именно этот момент – Маг уже «загипнотизировал» Латиноамериканца, но еще не вписан в организационную структуру Портала. А теперь, когда вы уже знаете первые буквы азбуки Власти, попробуйте ответить на вопрос. Чем эти изменения во властных группировках закончились для Мистера Портала и лично для господина Ашманова?

Читатель. Неужели оба вылетели из компании?!

Теоретик. Совершенно верно, причем буквально за несколько месяцев. Новому хозяину не нужны были люди, прочно входившие в группировку предыдущего. Мистера Портала Латиноамериканец просто уволил, а Ашманову резко сократил полномочия, фактически вынудив подать заявление об уходе. На последней встрече он был предельно откровенен:

«"Ну что же, уговаривать [остаться] не буду, ты явно нелоялен мне, мне – владельцу, а я такого терпеть не намерен", – сказал Латиноамериканец, и мы расстались с ним навсегда» [Ашманов, 2007].

Подведем итоги этой простой, а потому и весьма наглядной истории. Если смотреть на любую организацию (правительство, администрацию, министерство, крупную компанию) глазами Управления, мы будем видеть только организационную структуру и формализованные процессы принятия решений. Все по-настоящему существенные события (новые назначения,

реорганизации, смена корпоративной политики) будут для нас полной неожиданностью. И только когда мы добавим к взгляду управленца взгляд **человека Власти**, различающего за формальными названиями подразделений контролирующие их **властные группировки**, мы начнем понимать, что же в компании *на самом деле* происходит.

Практик. Хочу заметить, что описанная история – это даже не собственно борьба за Власть, это просто схватка за *чуть большие* деньги! Проигравший тут теряет всего ничего! А вот в реальной борьбе за Власть потерять можно все будущие жизненные перспективы, семью и даже жизнь... Там ставки намного больше!

Читатель. А почему в книгах по менеджменту об этом не пишут?

Теоретик. На самом деле, пишут, только не во всех и не о том. Основная задача книг по менеджменту – подготовка специалистов в Управлении, которые обеспечивали бы выполнение указаний начальства. Это весьма непростая работа^[11], отнимающая у сотрудников все свободное время, и им совершенно незачем знать еще и про корпоративные интриги. Поэтому книги про власть и влияние в организациях на Западе пишут не теоретики менеджмента, а социологи, например Джеффри Пфеффер^[12]. Вот как он описывает предпосылки возникновения в организациях властных группировок:

«...проблема коренится в том, что для выполнения вашей работы зачастую необходимо сотрудничество коллег, которые вам непосредственно не подчиняются. Другими словами, мы зависим от людей, в отношении которых ни командование, ни вознаграждение, ни наказание невозможно (выделено нами. – Авт.). Например, линейному руководителю производственного отдела нужна помощь сотрудников отдела кадров,

чтобы нанять специалиста... Не абсолютна даже власть президента компании, поскольку существует группа людей вне организации, которые контролируют его способность решать задачи... Иерархические полномочия любого руководителя и управленца ограничены, а у большинства из нас они ограничены намного сильнее, чем это необходимо нам для эффективного выполнения нашей же работы» [Пфеффер, 2007, с. 44-45].

Практик. Что интересно, все это вовсе не является секретом – просто большая часть людей *не обращают внимания* на смысл тех слов, которые говорятся открыто и честно. В частности, можно напомнить замечательную фразу, которую знают практически все: «Политика – это искусство возможного». Казалось, бы о каких ограничениях можно говорить, когда речь идет о главе государства? А вот о тех самых!

Теоретик. Все мы прекрасно понимаем, что никаким регламентом невозможно предусмотреть **все** возникающие ситуации. Чтобы с ними справиться, требуются усилия сотрудников разных подразделений, в том числе и тех, которые совершенно **не обязаны** в первую очередь заниматься именно этой проблемой. Каким же образом менеджер может добиться сотрудничества от **неподчиненных**? Управление здесь бессильно; во всех таких случаях приходится использовать *неформальные* связи. «Умение ладить с людьми», справедливо считающееся важной положительной характеристикой менеджера, как раз и означает умение выстраивать вокруг себя сеть неформальных отношений, мотивирующих людей на действия, *не предусмотренные инструкциями*.

Практик. Можно еще добавить, что в рамках системы управления даже самый талантливый управленец способен контролировать не более 10-12 человек, а в норме – так только шестерых-семерых. И

если в системе управления больше людей, то начинают выстраиваться этажи управления, контролировать движение приказов по которым – отдельная проблема. При этом, как показывает опыт, если этажей больше трех, то *исполнители нижних этажей вообще не имеют никакого представления о том, что имело в виду руководство.*

Теоретик. Вот почему неформальные отношения в организациях подчас ценятся даже выше формальных. «Втереться в доверие» к директору, как правило, полезнее, чем получить назначение в его заместители; столь же часто работники делают для «хорошего человека» то, чего от них не может добиться непосредственный начальник. Хорошие учебники по менеджменту учат нас, что «заводить друзей и оказывать влияние на окружающих» весьма полезно для дела, и даже называют такое влияние *властью*:

«Люди, занимающие выгодное место в сети коммуникаций организации, одновременно занимают и центральные позиции в фирме с точки зрения власти и влияния. Те, кто контролирует социальные связи внутри организации, также становятся счастливыми обладателями влияния и власти в компании. У могущественных людей есть могущественные друзья, это верно как с точки зрения помощи и советов, которые они могут предложить своим друзьям, так и с точки зрения примеров, которые им друзья же и подают... Итак, мы можем сделать вывод, что власть – это производная функция от позиции, занимаемой человеком в системе коммуникаций и социальных отношений, сложившихся в организации, причем в контексте не только формальных полномочий, но и власти и влияния тех, с кем этот человек непосредственно общается» [Пфеффер, 2007, с. 149].

Однако все эти учебники не говорят самого главного, того, что превращает личное влияние и

власть (с маленькой буквы) в настоящую Власть. Они молчаливо предполагают, что свою власть и влияние менеджер будет использовать в интересах своей компании или же для личного карьерного роста. Но если Ваша личная власть и влияние зависят от конкретных *могущественных людей*, то есть ли смысл тратить свое время ради какой-то абстрактной *организации*? Не лучше ли прямо спросить у этих могущественных людей, что нужно делать, и **работать на них?**

Читатель. А нужны ли вообще все эти сложности? Почему бы не устроиться в организацию, где все по-честному? Где нет никаких «группировок», а есть только начальство, которое будет ценить тебя за умение работать?

Теоретик. Вообще говоря, большинство так и делает. Устраиваются в организации и просто работают, как те безымянные сотрудники «Портала», о которых мы так ничего и не узнали. Вопрос в том, кто из этих просто работающих сделает карьеру и попадет в настоящую Власть. Ответ на него – практически **никто**, и по целым двум причинам.

Во-первых, организация, в которой нет властной группировки, **неконкурентоспособна**. Мы уже говорили, что формальных управленческих правил бывает недостаточно для успешной работы компании; работа строго по правилам не случайно называется «итальянская забастовка». Организация, работающая «по-честному», не сможет противостоять конкуренту, пусть даже меньшему по размеру, но руководимому сплоченной властной группировкой.

Редкие исключения рассмотрены ниже, в разделе «Несистемные элементы».

Приведем весьма показательный пример, который наверняка станет для вас неожиданным:

«Единство действий может объяснить нам, почему в Конгрессе США власть различных штатов не пропорциональна количеству их представителей... "Каждую неделю вот уже на протяжении половины столетия все представители штата Техас собираются за закрытой дверью для того, чтобы решить все текущие вопросы и выработать единую точку зрения. Такое единство стало одной из причин того, почему представители Техаса всегда обладают значительной властью в Конгрессе" (John M. Barry, The Ambition and the Power, 1989). И наоборот, делегация штата Калифорния всегда была разрозненной, разногласия существуют не только между республиканцами и демократами, но и внутри каждой политической группировки. Неспособность делегации этого штата прийти к общему мнению... приводит к тому, что ее представители обладают значительно меньшим влиянием, чем могли бы иметь, если бы действовали более слаженно...» [Пфеффер, 2007, с. 198-199].

Организации, работающие «по-честному», безусловно существуют; но отсутствие в них властной группировки – **не сила, а слабость**. Такие организации редко занимают ведущее положение в отрасли^[13], и даже профессиональный опыт, приобретаемый их сотрудниками, не слишком котируется на соответствующем рынке. Но это еще полбеды; настоящая беда начинается, когда организация вдруг прекращает существование или хорошо знающий вас начальник уходит работать в другое место.

Практик. Опять же из опыта. Когда этажей управления больше трех, обычно создается специальный язык для описания управляющих сигналов. Как, например, в армии, где даже генерал может скомандовать «направо» или «кругом». А вот если он скажет взводу: «Направление на 15 градусов

правее вершины 218. 3», то можно с уверенностью сказать, что взвод будет долго думать, и куда потом повернет – большой вопрос. Так вот, как быть, если у нового начальника – другой язык управления? Кому-то придется плохо, и можете сами догадаться кому.

Теоретик. Вторая причина, по которой просто работа не гарантирует карьеры, заключается в том, что **работников много.**

Ваш начальник ушел на новое место в другую компанию; «потащит» ли он вас за собой? Только в том случае, если вы действительно незаменимы; но, говоря честно, незаменимых среди нас еще меньше, чем входящих во Власть. Будет ли новый начальник «продвигать» вас, как прежний? Нет, он вас совсем не знает, а пока узнает, запросто может снова поменяться. Просто работники есть в любой организации, и в большинстве случаев *начальникам все равно, с кем работать.*

Читатель. А что, во Власти разве не так? Там начальникам не все равно, с кем работать?

Теоретик. В том-то и дело, что нет! Вспомните, что такое **властная** группировка. Это группа людей, связанная личными отношениями подчинения, объединившаяся с целью захвата тех или иных ресурсов. Поэтому и Власть в целом – система **личных** отношений, основанная на глубоком знании людьми друг друга (уровня «пошел бы в разведку»). Свой человек безусловно выполнит указание своего покровителя, чужой – каждый раз будет думать, предусмотрено ли это должностной инструкцией и нет ли у него дел поважнее. Чудовищная разница!

Вспомните, за счет чего Ашманов сделал карьеру в «Портале» и почему она внезапно закончилась. Разве Латиноамериканец требовал от него профессионального мастерства? От человека на должности директора ему нужна была *лояльность*, и он

точно знал, что никакой лояльности от Ашманова не дождется. Директор, входящий во Власть, костыми ляжет, но продвинет на нужную должность *своего* человека. А вот «просто работающему» директору *все равно*, кто будет его заместителем; «своих» людей для него не существует, и вы ему, по большому счету, **не нужны**.

Единственный надежный способ сделать карьеру заключается в том, чтобы стать своим для вышестоящего **человека Власти**, то есть такого начальника, который целенаправленно подбирает себе своих людей и «рвется к власти» *вместе с ними*. Вот почему вхождение во власть нужно начинать с поиска «банды», властной группировки, реально контролирующей вашу организацию. Просто устроиться на работу и втираться в доверие к первому попавшемуся начальнику – тупиковый путь; далеко не всякий сотрудник компании (см. «Прочие подразделения» на наших рисунках – там десятки, если не сотни человек) включен во властную группировку, а некоторые (как Ашманов на последнем этапе) хотя и включены, но в группировку проигравших.

Проблема здесь заключается не в том, как стать «своим», а в том, **для кого** стать своим. На этом этапе вы выбираете не какого-нибудь там начальника; вы выбираете себе **сюзерена**, человека, который на свой страх и риск открывает вам дорогу во Власть. В оплату за это он вправе потребовать многое, и, будьте уверены, потребует. Теперь, когда вы представляете себе разницу между устройством на работу и вхождением во властную группировку, мы можем наконец рассказать про *внутреннее* устройство Власти.

Практик. Очень важное обстоятельство: любая властная группировка, независимо от того, в каком обществе (пусть самом-рассамом постиндустриальном) она существует, строится по одной из древнейших форм Власти – по **феодальной**. Иными словами, у каждого

члена группировки есть в ее рамках всего один «начальник» (которого мы, по феодальной традиции, называем «сюзерен»), и влияние этого сюзерена ограничивается его первым уровнем вассалов («вассал моего вассала – не мой вассал»). Есть некоторые исключения, но они носят не системный, а эксклюзивный характер^[14].

Повторю еще раз: **сюзерен у человека Власти может быть только один!** Причем даже если по каким-то причинам ты перестал быть вассалом данного человека в рамках властной группировки, то в рамках «корпоративной», командной этики ты все равно остался ему «должен», и этот долг сохраняется за тобой, даже если ты стал его начальником в рамках управленческой вертикали. Отказ от этого долга приносит в рамках группировки одни сплошные неприятности^[15].

Любая попытка играть «на два фронта» становится общеизвестной, и репутация соответствующего человека низводится до уровня нищего на паперти или проститутки. Чаще всего такие люди просто выкидываются из команды, это наказывается даже сильнее, чем нарушение описанного в предыдущем абзаце долга. Теоретически, переход от одного сюзерена к другому возможен.

Например, если обязанности твоего сюзерена в рамках группировки изменились, а ты у него отвечал как раз за те функции, которые «отпали», то у тебя есть право уйти к новому. Но! Сначала нужно обратиться к «старому» (то есть действующему) сюзерену и поставить вопрос. В ответ он должен спросить, имеешь ли ты какие-то виды на кого-то другого. Если ответ «да», то сюзерен тебе отвечает, да или нет, и в рамках своего разговора с твоим потенциальным новым сюзереном определяет правила перехода. Эти правила

остаются для тебя неизвестными. Если же ты сам никаких видов не имеешь, то соответствующую работу делает сам сюзерен. Теоретически можно договориться с новым сувереном до разговора со старым, но с оговоркой – «если разрешит старый, и желательно, чтобы не по моей инициативе, а по его»^[16].

Тут мы, конечно, сильно забежали вперед, но базовые принципы отношения вассала и сюзерена нужно понимать целиком, во всей их взаимосвязи, иначе даже первого шага к Власти сделать не получится. Отметим еще, поскольку это трудно понять начинающему, что сюзерен очень часто не имеет никакого отношения к непосредственному начальнику в рамках служебных отношений.

Читатель. Постойте, я не понял. Как это – «сюзерен не имеет никакого отношения к непосредственному начальнику»?! Это что же, я буду работать в одной конторе, а сюзерен – сидеть в другой? Как же я его найду, чтобы наняться в вассалы?!

Теоретик. Напротив, вы начинаете понимать! Разве на Власти может висеть вывеска – «Наниматься в правители здесь, с 9 до 17?» Конечно же нет; как мы увидим дальше, кто чей вассал и кто кому сюзерен, зачастую не знают даже сами участники властных группировок (они знают только своего сюзерена и собственных вассалов). Так что найти, к кому наняться в вассалы, нелегкое дело, даже когда сюзерен работает в той же компании, что и вы. Но на самом деле такие случаи являются скорее исключением, чем правилом. Дело в том, что **настоящая Власть не замыкается в рамках одной организации;** сила властной группировки в том, что ее участники могут влиять на ситуацию с самых разных позиций.

Приведу хрестоматийный (для тех, кто помнит СССР) пример такой групповой работы в бесхитростном

изложении Александра Байгушева:^[17]

*«А от какого-нибудь русского неповоротливого медведя... ждут действий, подсаживают его в самое солидное кресло для русских действий, а он ни рыба ни мясо, не мычит, не телится, всё только мечтает, что само за него русское дело сделается. И всё в кулуарах на судьбу жалуется: „Ох, как трудно с «иудеями», какие они пронирыливые, какие несговорчивые. **Чуть их прижмёшь, сразу к своим побежали, сразу телеги на самый верх пишат. Уже не работаешь, а только отбиваешься!**» (выделено нами. – Авт.) [Байгушев, 2007, с. 20].*

«Сразу к своим побежали» – это как раз и есть работа слаженной властной группировки, работающей по принципу «все за одного». В результате хотя «русский медведь» и занимал руководящее кресло в учреждении, фактически распоряжались в нем совсем другие люди, сместить которых с их мест более слабая «русская партия» была не в состоянии. А вот подставить и поменять номинального руководителя его «подчиненные» могут легко:

«И тут в конце 1980 года произошел еще более страшный и нелепый прокол в русском лагере – Брежневу очень понравился очередной номер „Комсомольской правды"... и Сам решил лично позвонить – поблагодарить редактора. Второй Ильич очень любил делать такие звонки... Но, на беду, именно в этот момент Ганичева не оказалось в служебном кабинете, а подлецы-замы (которым Ганичев доверился как русским людям) сообщили, что, мол, совершенно не знают, где их шеф, что он чуть ли вообще не ходит на работу... сам генсек звонит главному редактору, а тот неизвестно где» [Байгушев, 2007, с. 158-159].

В чью группировку входили «подлецы-замы», можете догадаться сами. Так что польза «своих людей»

в организациях, возглавляемых «чужими» сюзеренами, достаточно очевидна. Вот почему реальные властные группировки выглядят куда сложнее, чем на схемах «Портала».

Читатель. Как, оказывается, все сложно...

Теоретик. Это Власть, уважаемый читатель, а не таблица умножения. Правила Власти не записаны ни в одной инструкции и не изучаются в школе. Почему – об этом мы уже написали в предисловии. Сюзеренам нужны не всякие вассалы, а только те, которые *действительно* будут соблюдать правила. Те, кто впитал эти правила «с молоком матери» или постиг на собственном горьком опыте, кто выполняет их автоматически, не заглядывая в учебник. Доверять же тем, кто просто прочитал о них в книжке, было бы непростительным оптимизмом.

Брать в вассалы человека, которого плохо знаешь и который сам еще не понимает законов Власти, – серьезный риск. Поэтому устройство Власти несколько сложнее, чем просто «феодалная лестница». У правильного сюзерена всегда существует «буферная зона», в которой проходят проверку будущие вассалы.

Практик. При выборе первого ^[18] сюзерена необходимо учитывать, что любая властная группировка имеет достаточно широкий, превосходящий ее во много раз по размеру «шлейф». Этот шлейф состоит из людей, которые так или иначе связаны или с деятельностью группировки, или с какими-то конкретными ее членами, но которые сами в нее не входят, а лишь ищут возможности войти. При этом эти лица тщательно маскируют свою вторичную роль и рассказывают многочисленные «легенды о динозаврах». Проблема при этом состоит в том, что, не обладая «инсайдерской» информацией, почти невозможно реально проверить их рассказы, здесь

нужен некий уникальный опыт «игры» на следующем уровне.

Дополнительной проблемой при этом является то, что «низший» уровень любой властной группировки также изображает из себя «крутых», при этом имея больший объем информации, чем люди из «шлейфа», но и, в связи с этим, более тщательно ее скрывает. Связано такое преувеличение своих возможностей и манипуляции с тем, что возможность делать карьеру (и в рамках формальных должностей, и внутри группировки) или вхождение в нее связана с умением соответствующего человека показать свои возможности по привлечению ресурсов для группировки в целом. Если ресурс признается полезным, то непосредственный начальник (по согласованию с вышестоящим руководством) поощряет того, кто его «принес». Еще пара важных обстоятельств: чем больше у тебя «вассалов», которые приносят полезные для группировки ресурсы, тем выше твои собственные шансы на карьеру. И второе: обсуждение твоего вклада в дело властной группировки происходит обычно тайно от тебя, и в этом смысле есть шанс, что твою заслугу присвоит «сюзерен». Правда, такая политика «сюзерена» в долгосрочном плане приносит ему минусы, поскольку его особенности становятся известны и его «вассалы» начинают перебегать к другим сюзеренам.

Теоретик. Разделение властной группировки на «внутренний» и «внешний» круги, на «ядро» и «шлейф» можно назвать одним из законов Власти, настолько повсеместно оно встречается в истории. Вот как был устроена самая изученная^[19] из существовавших на Земле властных группировок, «группа Круглого стола», основанная Сесилем Родсом, руководимая Альфредом

Милнером и сыгравшая едва ли не решающую роль во всей мировой истории первой половины XX века^[20]:

«План организации предусматривал внутренний круг, называемый „Общество Избранных“ и внешний круг, называемый „Ассоциацией Помощников“. Внутри Общества Избранных реальной властью обладали лидер и Совет Трех. Лидером был Родс, а в Совет Трех входили Стед, Бретт и Альфред Милнер» [Quigley, 1981, p. 3].

Этот план может показаться детской игрой «в штаб» только тем, кто плохо знает историю Британской империи конца XIX – начала XX века. На деле по этому плану была создана могущественная организация («Круглый стол»), которая проработала около 50 лет, сыграла важную роль в обеих мировых войнах и фактически реорганизовала старую Британскую империю в современное Содружество наций.

Разумеется, не все властные группировки внутри себя произносят столь пафосные слова, но это не мешает им строго придерживаться разделения на «внутренний» и «внешний» круги. Например, в СССР это было разделением на «штатную» и «выборную» номенклатуры.

«А пока приведем опять пример. В штатную номенклатуру включаются все ответственные (то есть не технические) работники парторганов, руководящие работники государственных органов, а также лица, занимающие ключевые административные посты в колхозах, кооперативах, научных организациях, творческих союзах и т. п.

В выборную номенклатуру входят члены и кандидаты ЦК и Центральной ревизионной комиссии, депутаты Верховных и местных Советов, секретари парторганизаций, члены разных комитетов: защиты мира, советских женщин, антиссионистского и т. п. Настоящих выборов в СССР до самого недавнего

времени вообще не было: редкостные случаи неподчинения „рекомендациям“ парторганов, имевшие место в Академии наук или в отдельных колхозах, только подтверждали эту истину. Поэтому выборная номенклатура характеризуется прежде всего тем, что она – временная (выделено нами. – Авт.). Эта ее разочаровывающая особенность используется для проверки на работе секретарей парторганизаций с целью отобрать из них подходящих людей в штатную номенклатуру. Эта особенность позволяла также „выбирать“ некоторое количество рабочих и колхозников в Верховные Советы и даже в ЦК партии: избранный туда для показа демократичности советского строя рабочий или колхозник не становился от этого членом господствующего класса и, несмотря на свой громкий ранг, подобострастно слушался указаний любого сотрудника аппарата ЦК» [Восленский^[21], 2005, с. 149-150].

Как видите, существование «шлейфа» весьма выгодно для группировки – оно позволяет и проверять потенциальных вассалов на верность и получать добываемые ими ресурсы, не расплачиваясь за это допуском кандидатов к реальной власти. Без такого «шлейфа» властная группировка оказалась бы не в состоянии сохранить в тайне жизненно важную конфиденциальную информацию – первый же обиженный кандидат разгласил бы ее конкурентам.

Читатель. А что мешает разгласить ту же информацию уже принятому вассалу?

Практик. Дело в том, что во власти, как и в разведке, «бывших разведчиков не бывает». Есть действующие игроки, и есть игроки, выведенные в запас. Есть «выведенные» в почти вечный запас – вспомним бывших помощников Ельцина, отошедших от Власти 15 лет назад; их бывший сюзерен уже умер, но

они, по большей части, до сих пор помалкивают о тогдашних делишках.

Все, кто участвовал в реальной «игре», находятся под крайне жестким контролем. Как мне сказал однажды один весьма высокопоставленный человек, очень хорошо знакомый со спецификой процесса, про некоторого человека в некоторых обстоятельствах: *«...теперь ему придется жить “под колпаком” всю оставшуюся жизнь. Он слишком много знает о том, что реально происходило в мире».*

Теоретик. Отличие вассала от обычного человека заключается в «гарантии занятости», которую сюзерен обеспечивает ему в ответ на вассальную верность. Конечно, любая властная группировка обладает достаточными возможностями, чтобы испортить жизнь отдельному человеку в отместку за «предательство»; но главным в поддержании верности является все же не кнут, а пряник. Обычные люди увольняются, вассалы же – выводятся в запас, и при благоприятных обстоятельствах могут рассчитывать на возвращение в игру. Вот как выглядело «выведение в запас» в советской номенклатуре:

«Даже такой тяжкий при реальном социализме политический грех, как принадлежность к группировке, проигравшей в борьбе за руководящие посты, не ликвидирует у побежденных ореола номенклатуры. Председатель Комитета молодежных организаций СССР Павел Решетов, принадлежавший к группе Шелепина, при создании в ЦК КПСС Отдела информации занял высокий пост заместителя заведующего этим отделом. Важность поста навлекла на Решетова удар в операции по разгону шелепинцев: после ликвидации отдела могущественный замзав получил смехотворную должность главного редактора тогда никем не читаемого журнальчика „Век XX и мир”. Но, хотя Решетов имел там всего трех подчиненных, он, как

главный редактор, продолжал оставаться в номенклатуре Секретариата ЦК КПСС. Позже он снова возвысился, став заместителем председателя Гостелерадио» [Восленский, 2005, с. 137].

А теперь приведем наверняка известный читателям пример «возвращения из запаса» в американской жизни^[22]. 12 декабря 2000 года Верховный суд США пятью голосами против четырех утвердил результаты президентских выборов в штате Флорида и тем самым отдал победу республиканцу Джорджу Бушу-младшему. Кандидат от демократов – действующий вице-президент клинтоновской администрации Альберт Гор – признал свое поражение и сошел с политической сцены. Бывшие президенты США, а уж тем более бывшие вице-президенты в США обычно ведут частную жизнь – выступают с лекциями, пишут книги, заседают в советах директоров каких-нибудь малоизвестных компаний. Именно этим и занимался Альберт Гор, упоминания о котором исчезли с новостных лент, а россияне вспоминали о нем разве что по «комиссии Гора – Черномырдина», которая чем-то там занималась.

Все изменилось, когда в верхах американской элиты был согласован проект «глобальное потепление». 24 мая 2006 года на экраны США выходит документальный фильм «Неудобная правда», фактически представляющий собой выступление Альберта Гора с популярной лекцией о глобальном потеплении. Доступным языком профессионального политика Гор объясняет американцам, что «глобальное потепление» есть научный факт, установленный консенсусом всех климатологов, причиной этого потепления является выделение углекислого газа от сжигаемых человечеством углеводородов, и если это потепление не остановить, мы все умрем.

Фильм сразу же поддерживает пресса, к ноябрю 2006 года он собирает в прокате более 20 миллионов долларов (*документальный* полторачасовой фильм!), в феврале 2007-го получает два «Оскара» («документальный фильм» и «песня к фильму»), а в октябре 2007 года Альберту Гор и участвовавшему в создании фильма экспертам вручают Нобелевскую премию мира. Меньше чем за полгода забытый отставник Альберт Гор становится мировой суперзвездой, «лицом» борьбы с глобальным потеплением за зеленое будущее человечества.

В том же, 2007, году Гор входит в число партнеров крупнейшего калифорнийского венчурного фонда КРСВ^[23], а уже через два года, в 2009-м, о нем начинают писать как о «первом зеленом миллиардере» – инвестиции фонда в альтернативную энергетику, *получившую мощную государственную поддержку*, обещают многомиллиардные прибыли^[24]. Не правда ли, впечатляющая история успеха для человека, еще недавно бывшего простым отставным вице-президентом США?

Разумеется, далеко не всякий «отставник» может рассчитывать на столь масштабное «выведение из запаса»; но общий принцип – «бывших вассалов не бывает» – поддерживает в каждом надежду, что рано или поздно о нем вспомнят. Именно эта надежда (в сочетании с постоянным присмотром) и обеспечивает пожизненную лояльность властной группировке.

Читатель. Можно еще вопрос? А почему не каждый вице-президент США становится «зеленым миллиардером»? Что ж они, совсем дураки и не сохраняют лояльности?

Теоретик. Дело в том, что далеко не все проекты реальной Власти столь публичны, как «глобальное потепление». Вполне возможно, что многие отставники

уровня вице-президентов США до сих пор активно участвуют в каких-то закулисных переговорах, не занимая официальных должностей, и потому кажутся нам частными лицами^[25]. Так что давайте вернемся от единичных примеров к описанию Власти как *системы*.

Практик. У каждого человека, который вошел в какую-нибудь властную группировку (а это достаточно привилегированная часть населения и не очень широкая, о чем мы еще скажем далее), есть **три** различных рейтинга. Рейтинг первый – **профессиональный**^[26]. Рейтинг второй – **внутрикомандный**. Они исторически коррелируют (если у тебя высокий внутрикомандный рейтинг, то рано или поздно тебе найдут приличное место, если низкий – то рано или поздно на твое место найдут более «достойного» представителя команды), но локально могут различаться. Для их более или менее явного согласования используется третий рейтинг – **потенциальный**. Например, в очень грубом приближении, как это было при советской власти: есть два заместителя начальника отдела, у обоих хорошая биография, но у одного есть «рука» в ЦК. Значит, он более перспективен с точки зрения карьеры. Отметим, что «рука» здесь – это обычно не родственник, а как раз «сюзерен» с командной точки зрения. При этом если у одного – родственник в ЦК, а у другого – очень хороший послужной список и высокий профессиональный рейтинг, то кто перспективнее – большой вопрос.

Специфика упомянутых выше «отставников» в том, что у них **очень высокий** потенциальный рейтинг. Этот рейтинг может и не сработать, но если сработает, то человек взлетает вверх ракетой. И серьезной проблемой таких лиц является определить, что дороже – локальный успех с потерей этого рейтинга или наоборот. Отметим, что проблемой для таких лиц

являются отношения с представителями группировки, находящимися на нижних ступенях (тем более шлейфом). Поскольку у тех нет ни понимания, ни информации о потенциальном рейтинге – что создает проблемы в общении.

Иногда это приводит к смешным случаям. Я лично знаю несколько историй, когда находящийся на нижних позициях представитель некой властной группировки, разговаривая с человеком, которого не очень хорошо знал, но держал за «безопасного» (ну, например, ученого), нечаянно, толком не понимая, что же он говорит, раскрывал важную информацию тому, кто в реальности был глубоким «отставником». И уж как тот такой информацией воспользовался – это большой вопрос. Один раз так не удалось уволить одного высокопоставленного чиновника: его старый товарищ (давно находившийся «в отставке»), разговаривая с молодым участником одной из властных группировок, узнал о готовящемся кадровом решении. Молодой вассал не имел достаточного опыта и проболтался – разумеется, не о самом решении, о нем он не знал, да и по своему статусу знать не мог, – о *симптоме*^[27] готовящегося решения, демонстрируя безобидному, с его точки зрения, «эксперту» свою важность и осведомленность. Эксперт тут же предупредил своего друга, ну а тот воспользовался «правом на один звонок», которым оказался *звонок Путину*. Если бы он не получил информацию вовремя, его бы уже уволили, и эффективность такого звонка была бы крайне низкой («после драки кулаками не машут»).

Теоретик. «Потенциальный рейтинг» отставных вице-президентов США – которые за годы работы в Белом доме познакомились буквально со всеми влиятельными игроками американского истеблишмента – настолько велик, что им нельзя предлагать что-то

меньшее, чем руководство «глобальным потеплением». Во-первых, они и сами на это меньшее не согласятся (на весьма обеспеченную жизнь хватает, рейтинг есть, а снова окунаться в политические интриги на низком уровне – и риск, и потеря рейтинга). Во-вторых, направлять таких людей на низкоуровневые должности опасно – они могут проболтаться о своих связях или, того хуже, рефлекторно начать использовать свой потенциал в личных, а не в общекомандных целях. В общем, всем лучше, когда «отставники» мирно читают лекции и катаются на лошадях у себя на ферме.

Но до положения отставника вам, уважаемый читатель, еще далеко. Пока что вы всего лишь узнали, чем отличаются те, кто имеет Власть, от тех, кто ее не имеет, и какими законами Власти они руководствуются в своих действиях. Но сами вы пока еще – не человек Власти.

Практик. И вот здесь начинается самый трудный этап – поиск первого «сюзерена». Самое главное тут не нарваться на человека с низким «потенциальным» рейтингом (несмотря на то что он может иметь достаточно высокий текущий командный или профессиональный рейтинг) или тем более (о ужас!) на человека из «шлейфа». Отношения вассал – сюзерен, в некотором смысле, сравнимы по прочности с супружескими и уж точно прочнее любовных. При этом в группировке могут быть и личные отношения, и ее члены могут наносить друг другу личные обиды, но это не должно отражаться на «командных» отношениях, уж коли они возникли. Отметим, что за пределами «игровой зоны» соблюдение корпоративных правил не является обязательным, хотя их долгое соблюдение, конечно, оставляет на людях свой отпечаток.

Теоретик. Важность выбора сюзерена с высоким **потенциальным** рейтингом вытекает из уже известных нам законов Власти. Отношения вассала и сюзерена –

практически пожизненные, переход к другому сюзерену возможен лишь с согласия предыдущего, и то лишь в рамках одной «феодальной вертикали». Поэтому если ваш сюзерен окажется неудачником (он сам или его вышестоящие сюзерены проиграют в борьбе за Власть), то вместе с ним зайдет в тупик и ваша карьера. Прорваться к вершинам Власти можно, лишь попав во властную группировку к *высокорейтинговому* сюзерену, который и сам будет рваться к тем же вершинам.

Читатель. Ну хорошо, а как мне узнать, какой человек обладает высоким потенциальным рейтингом, а какой нет?

Теоретик. Узнать это, глядя на Власть со стороны, невозможно. Нужно усвоить на уровне рефлексов законы Власти, научиться получать нужную информацию даже от людей, не собирающихся ей делиться, устраивать аппаратные «разведки боем» – в общем, нужно **начать играть самому**. О том, как все это сделать, в нашем следующем разделе.

2. Игра в системе

Теоретик. Ну что, готовы начать карьеру во Власти? А точно ли готовы? Давайте проверим! Ответьте для себя на простой вопрос: **зачем вам власть?** Запишите свой ответ на бумажке и только после этого читайте дальше!

Ответили? Отлично, а теперь сравним ваш ответ с ответами *настоящих* людей Власти. Начнем с далекой от нас Америки:

«Одна из историй о гендиректоре „IBM“ Луисе Герстнере^[28], акуле бизнеса, пользующемся скорее дурной, чем хорошей репутацией, гласит, что прекрасным воскресным днем он сказал своей жене: **„Не могу дождаться того времени, когда я наконец**

попаду в офис“ (выделено нами. – Авт.). Большинство парней в такой ситуации не могут дождаться, когда же будет готово сочное барбекю, пока они полулежат рядом в шезлонге, с запотевшей ото льда рюмкой „Абсолюта“ на пузе. Но не Лу Герстнер. Он не может дождаться, когда же закончится выходной» [Бинг, 2005].

Казалось бы, Власть нужна для того, чтобы хорошо зарабатывать и поменьше работать. А вот мультимиллионер Лу Герстнер только и думает, чтобы поскорее попасть в офис. Что он там потерял?!

Пересечем океан и заглянем в СССР:

«Его радость, его единственная страсть – в том, чтобы сидеть у стола с правительственной „вертушкой“, визировать проекты решений, которые через пару дней станут законами; неторопливо решать чужие судьбы; любезным тоном произносить по телефону: „Вы, конечно, подумайте, но мне казалось бы, что лучше поступить так“ – и потом, откинувшись в своем жестком (чтобы не было геморроя) кресле, знать, что он отдал приказ и этот приказ будет выполнен. Или приехать на заседание своих подопечных – маститых ученых или видных общественных деятелей с громкими именами, – сесть скромно в сторонке, и спокойно, с глубоко скрытым удовольствием наблюдать, как побегут к нему из президиума маститые и видные просить указаний.

Ради этого главного наслаждения своей жизни он готов расстаться со всем остальным: и с финской мебелью, и даже с армянским коньяком. После своего падения Хрущев говорил, что вот всем пресыщаешься: едой, женщинами, даже водкой, **только власть – такая штука, что чем ее больше имеешь, тем больше ее хочется** (выделено нами. – Авт.). Побывавший сам на вершинах номенклатуры Джилас назвал власть „наслаждением из наслаждений“.

Во время интервью в своем кремлевском кабинете Брежнев не удержался и показал корреспондентам „Штерна“ телефон с красными кнопками прямой связи с первыми секретарями ЦК партий социалистических стран. Нажмешь кнопку, справишься о здоровье, передашь привет семье – и дашь „совет“. А потом откинешься на спинку жестковатого кожаного кресла и с сытым удовольствием подумаешь о том, как сейчас в чужой столице начинают торопливо приводить „совет“ в исполнение» [Восленский, 2005, с. 116-117].

Вот в чем секрет людей Власти: им нравится сама Власть. Нравится принимать решения и отдавать приказы, нравится ощущение, что «здесь все от меня зависит», нравится настолько, что выходные превращаются в бессмысленную потерю времени. Власть не нужна «для чего-то», она ценна сама по себе, и ее никогда не бывает много.

В современной России, после «лихих девяностых», когда огромные состояния свалились как снег на голову первому поколению олигархов, возникло совершенно неправильное представление о Власти^[29]. Многим кажется, что Власть – это купить себе должность, наворовать, «чтобы на всю жизнь хватило», и уехать на Лазурный Берег. Прочитав предыдущую главу, вы уже понимаете, как далек от реальности этот обывательский миф. Во Власти бывших не бывает – сколько бы ни украл вассал и как бы хорошо он это ни спрятал, он будет лишь больше должен своему сюзеру, и так или иначе этот долг придется отдавать. Позволить себе отойти от дел может только человек «шлейфа», не владеющий сколько-нибудь ценными сведениями о властной группировке; на остальных распространяется железное правило – «вход рубль, выход два». Власть, как и многие другие профессии, требующие длительного обучения (математика,

медицина, профессиональный спорт, балет...) – «билет в один конец», и разменивать ее на деньги смерти подобно^[30].

Теперь проверьте свой ответ. Если Власть нужна вам, чтобы разбогатеть, чтобы кататься на красивой машине по живописному побережью и чтобы никогда больше не работать, настоящая Власть не для вас. Власть любит тех, кто сам ее любит, кто только и мечтает, чтобы 12, нет, 16 часов в сутки общаться с людьми, признавать, что происходит, принимать решения, отдавать приказы и хотеть по большому счету только одного: еще большей Власти. Чтобы крутиться в этом колесе с утра до ночи, не уставая и не пресыщаясь, нужно любить Власть, как завзятый геймер любит свою компьютерную игрушку. **«Мне нужна Власть, чтобы добиться еще большей Власти»** – вот каким должен быть ваш ответ.

Разумеется, мы не заставляем вас прямо сейчас поменять свои личные убеждения и переключиться на Власть с пива, женщин, компьютерных игрушек или экстремального туризма. Мы пишем учебное пособие для тех, кому Власть действительно интересна. Кто готов попробовать, ну а там – «аппетит приходит во время еды» – глядишь, и понравится. Несомненно одно: если не пробовать, то уж точно не получится.

Читатель. Хватит меня агитировать за советскую власть! Которую страницу уже читаю, раз до сих пор не бросил, значит, интересно. Рассказывайте уже, как пробовать, я вот например работаю в Монтажспецстрое электромонтером; и где здесь Власть?

Теоретик. Как говорил один мой коллега, когда я еще работал инженером в конструкторском бюро, «у них там в Италии „Спрут-2“, а у нас тут в КБ – „Спрут-10“!». Властные отношения есть в любой организации, где работает больше одного человека, а в

организации, где работает больше сотни, наверняка присутствует и настоящий человек Власти^[31].

Практик. Причем тут нужно быть особенно внимательным! В больших организациях, помимо настоящей Власти, часто существуют «ограниченные» властные группировки, которые борются только за локальные интересы и не имеют выхода на общегосударственную «вертикаль Власти». Попасть в такую «команду» – значит существенно замедлить свою карьеру, а то и вовсе сделать ее невозможной.

Читатель. А как мне отличить настоящего человека Власти от «ограниченного»?

Теоретик. Определить человека Власти по штатному расписанию и телефонному справочнику невозможно; для этого нужно «покрутиться» внутри аппаратной жизни предприятия, и составить хотя бы общее представление о системе распределения информации и принятия решений.

Читатель. А это еще зачем? «Кто владеет информацией, владеет миром», что ли? Ну, вон в Интернете информации хоть залейся, и кому она помогла?

Теоретик. Я написал «о системе *распределения*», а не «об информации». Вспоминаем пфеефферовское определение из предыдущего раздела: «*Власть – это позиция, занимаемая человеком в системе коммуникаций...*» Что такое «позиция в системе коммуникаций»? Это то, с кем данный человек общается (ходит по руководящим кабинетам или мотается по вызовам, сутками не появляясь в офисе), какой информацией они с ним делятся (советаются или отдают приказы) и самое главное – насколько прислушиваются к его мнению (готовилось решение А, человек зашел к директору, и решение поменялось на

Б). Вот как описывает сильную позицию в системе коммуникаций Владислав Балин^[32]:

«В чем суть интриги, ее механизм? Интриган, пользуясь недостатком и информации в корпоративной среде и медленной ее передачей, работает разносчиком информации, внося в нее искажения с целью манипуляции мнением некоторых людей, принимающих решения, разумеется, в своих личных целях. Интриги цветут в среде недосказанности, секретности и тайн.

Когда человек прибегает к интриге? Когда ему хочется сделать то, чего он сделать не может – не имеет полномочий. Как ему этого добиться?

Он должен сманипулировать мнением того, кто имеет полномочия сделать так, как ему хочется. Вы об этом узнаете как о свершившемся факте – начальство извещает вас о решении, как снег на голову, и вы не понимаете, как такое могло произойти, недавно все было хорошо, но вас уже не слушают – решение принято» [Балин, 2009, часть 1].

«Интрига» в понимании Балина очень похожа на «власть» в понимании Пфеффера^[33]: и то и другое позволяет человеку принимать решения за пределами своих полномочий. Однако такой интриган еще не является человеком Власти: тот опирается на *реальные* ресурсы, которыми обладает его сюзерен, а интриган же просто *манипулирует*, то есть обманывает своих жертв.

На практике «чистые» люди Власти и «чистые» интриганы встречаются так же редко, как химически чистое золото. Люди Власти (а уж тем более «шлейфа») всегда преувеличенно говорят о своих возможностях, а интриганы благодаря хорошо налаженным связям часто и в самом деле кое-что могут. В любом случае, **внешним проявлением** Власти, которое можно заметить со стороны, является ведущая позиция в

системе коммуникаций. Влиятельный человек может скрыть от остальных свое истинное место в иерархии Власти (командный рейтинг), но не может скрыть своего **влияния** на принимаемые в его сфере ответственности решения^[34].

Установить, хотя бы приблизительно, кто является человеком Власти в вашей организации, вполне возможно. Единственная, но серьезная проблема заключается в том, что быстро это сделать не получится. Откуда вы можете узнать, кто с кем контактирует и о чем говорит? Вы не можете лично присутствовать при всех разговорах в конторе, не говоря уже о «решении вопросов» за ее пределами! Владислав Балин, в целом не одобряющий «интриганства», дает на этот счет примечательную рекомендацию:

«Насчет „агентурной сети“. Вам надо иметь доверенное лицо, одно или несколько, причем люди не должны знать, что оно с вами аффилировано. „Агент“ должен быть чист, в интриге не участвовать и общаться с людьми из разных подразделений. Вы можете просить их навести для вас справки по интересным вопросам» [Балин, 2009, часть 3].

Получить информацию о системе коммуникаций в компании можно *только от других людей*^[35]. Поэтому для надежного выявления людей Власти (без чего невозможна настоящая карьера) нужно самому в каком-то смысле стать человеком Власти. Нужно создать собственную сеть информаторов и честно с ними расплачиваться – не деньгами, конечно, а вниманием, информацией и рассказами о блестящих карьерных перспективах^[36].

Вот как подошел к решению этой задачи будущий президент США, а на момент описываемых событий (1931 год) простой секретарь конгрессмена^[37] Линдон

Джонсон. Появившись в Вашингтоне, он обнаружил среди прочих разнообразных правительственных организаций так называемый Малый конгресс – созданную в 1919 году площадку для обучения секретарей конгрессменов навыкам публичной политики, копировавшую процедуры дебатов с Палаты Представителей большого Конгресса.

«Линдон Джонсон увидел новую возможность в Малом Конгрессе. Пресса страстно стремилась получать самую свежую информацию о том, как решались ключевые вопросы дня. А это был пик Великой депрессии, правительство рассматривало и принимало множество важных законодательных актов. Политики конечно же жаждали публичности и освещения в прессе. Секретари Конгресса, хотя и не были столь же честолобивыми и предприимчивыми, как Джонсон, чаще всего не менее, чем он, желали успеха и престижа.

Сначала Джонсон добился избрания на должность спикера Малого конгресса. Это была организация, в которой мало кто был заинтересован, к тому же Джонсон созвал на собрание избирателей своих сторонников, и легко победил. Став спикером, он сумел превратить и Малый конгресс, и собственную должность в намного более важные ресурсы. Он изменил график заседаний конгресса с ежемесячного на еженедельный, а к старому формату их проведения, заключавшемуся в обсуждении вопросов, добавил выступления „выдающихся деятелей“. Приглашая известных людей, Джонсон не только предлагал членам Малого конгресса доступ к известным политикам, но, что более важно, сам имел предлог общаться с ними. Он организовывал формальные обсуждения программных вопросов, подбирал выступающих с обеих сторон, вел дебаты в соответствии с правилами палаты представителей Конгресса, проводил предварительное

голосование после окончания обсуждений и приглашал представителей прессы для освещения дебатов. Пресса очень скоро поняла, что эти дебаты давали представление о вопросах, обсуждаемых Конгрессом. А поскольку на заседаниях присутствовали журналисты, то было совсем просто завлечь конгрессмена и заинтересовать в участии в организации все большее и большее число людей» [Пфеффер, 2007, с. 117-118].

А теперь, уважаемый читатель, ведро холодной воды на голову. Даже при столь масштабной работе по созданию собственной сети влияния Линдон Джонсон стал президентом США *только через 32 года*, в 1963-м. Малый конгресс был всего лишь начальным этапом вхождения в настоящую Власть (помните «выборную» и «штатную» номенклатуру в СССР? Вот и в США точно так же, если ты конгрессмен, это еще не значит, что ты Власть), способом поиска правильного сюзерена. Власть – игра вдолгую, быстрый успех здесь столь же опасен, как и сыр в мышеловке.

Читатель. Так вот почему некоторые мои знакомые занимаются «общественной деятельностью»! Знакомятся с людьми, создают круг информаторов и выясняют, у кого Власть. А я-то, дурак, думал, что им делать нечего... Ну что ж, теперь понял, скоро выясню, кто у нас «человек Власти». А дальше что? Вы меня уже предупредили, что не надо связываться с «низкорейтинговыми» сюзеренами, но на вопрос – а как узнать, какой у человека рейтинг? – так пока и не ответили. Второй раз спрашиваю: а как узнать-то?

Теоретик. Вот теперь, когда мы уже кое-что понимаем во Власти, этот вопрос имеет смысл. Потенциальный рейтинг сюзерена определяется тем, насколько он перспективен в качестве вассала для сюзеренов следующих уровней. Перспективность эта зависит в том числе и от его собственных вассалов,

поэтому некоторые самоуверенные молодые люди вот так произносят вассальную присягу:

«Он пошел к Фроиму Грачу^[38], который тогда уже смотрел на мир одним только глазом и был тем, что он есть. Он сказал Фроиму:

– Возьми меня. Я хочу прибиться к твоему берегу. Тот берег, к которому я прибьюсь, будет в выигрыше» [Бабель, 1923].

Но наличие столь самоуверенных вассалов не слишком помогает сюзерену в его карьере^[39]. Что действительно важно для рейтинга, так это связи потенциального сюзерена на возможно более высоких уровнях Власти. Вот как выбирал себе сюзерена один малоизвестный (в середине XIX века) молодой человек:

«Когда Отто фон Бисмарк в 1847 году стал депутатом прусского парламента, ему было 32 года, и он совсем не имел друзей или союзников. Оглядываясь вокруг, он решил, что его союзниками не будут ни парламентские либералы или консерваторы, ни какой-либо конкретный министр, ни, конечно, простолюдины. Он выбрал короля Фридриха Вильгельма IV. Это был странный выбор, чтобы не сказать больше, ведь король тогда находился отнюдь не на вершине власти. Слабый, нерешительный человек, он то и дело уступал в парламенте либералам. Он был бесхребетным, и многое в нем очень не нравилось Бисмарку, как в личностном, так и в политическом плане. И все же Бисмарк находился при Фридрихе денно и нощно. Когда другие депутаты атаковали короля из-за его многочисленных неумных решений, только Бисмарк был на его стороне.

В конце концов все окупилось: в 1851 году Бисмарк был назначен министром королевского кабинета. Он начал действовать. То и дело он направлял руку короля, побуждая его постепенно укреплять армию, противостоять либералам, поступать в точности так,

как того хотел Бисмарк. Он помогал Фридриху преодолеть неуверенность, ощутить себя мужчиной, учил его быть твердым и править с достоинством. Постепенно он восстанавливал власть короля, пока монархия не стала, как прежде, основной правящей силой в Пруссии» [Грин, 2003, с. 130].

Текущие профессиональные и командные рейтинги прусского короля (в правившей тогда Пруссией властной группировке) были невелики, но Бисмарк ориентировался на его *потенциальный* рейтинг. Депутаты парламента и министры меняются, король остается; в долгосрочном плане он – наиболее важная фигура. Выбирать следует того сюзерена, который останется в игре при любом раскладе и которому еще долго будут нужны преданные вассалы.

Другой молодой человек, уже в конце XX века, действовал еще более основательно. Подобравшись к подножию Власти, он завел знакомства сразу с несколькими потенциальными сюзеренами:

«Интеллектуальным наставником Обамы в Гарварде стал блестящий либерал – конституционалист Лоуренс Трайб... Трайб страстно желал занять место в Верховном суде и надеялся, что следующий президент-демократ выдвинет его кандидатуру, но после слушаний по кандидатуре Борка злопамятные „слоны“ поклялись, что никогда не простят Трайба... Майноу... была наставником Обамы в Гарварде. Между ними завязались дружеские отношения, которые сыграли огромную роль как в профессиональной, так и личной жизни Обамы. Майноу выросла в Чикаго. Ее отец, Ньютон Майноу, был председателем федеральной комиссии по связи при Кеннеди...

Абнер Миква, бывший конгрессмен из Чикаго, теперь заседавший в апелляционном суде федерального округа Колумбия, предложил Обаме пойти к нему в помощники, но молодой человек ответил

отказом. Миква был поражен. Его суд – второй по важности в стране, и оттуда верная дорога к должности помощника члена Верховного суда. Обама что, метит прямо в Верховный суд?..» [Ремник, 2011, с. 207, 220-221, 224, 249].

Кого в конце концов Обама выбрал в качестве сюзерена, мы не знаем^[40], но, судя по его дальнейшей карьере, это был безукоризненно точный выбор. Абнер Миква не ошибся: Обама действительно метил куда выше, чем должность помощника члена Верховного суда.

Берите пример с великих: не торопитесь. Учитесь Власти за пределами Власти, выстраивая личную агентуру; знакомьтесь с высокопоставленными людьми и производите на них благоприятное впечатление; подобно Обаме, планируйте изучение системы, частью которой вы собираетесь стать. И тогда рано или поздно вы встретите подходящего сюзерена – не с самого верха, чтобы ему еще нужны были собственные вассалы, но достаточно перспективного, чтобы вскарабкаться на этот верх или посадить вас^[41].

Теперь Власть от вас на расстоянии протянутой руки. Осталось лишь заинтересовать будущего сюзерена.

Читатель. А как его заинтересовать?

Практик. Одним из самых тонких моментов в аппаратной жизни, который приводит к созданию головокружных и почти гениальных комбинаций, является желание конкретных лиц сделать так, чтобы некий персонаж обратил на них внимание. Для подготовки таких комбинаций необходимо как можно больше узнать о потенциальном сюзерене, обращая при этом внимание на его **слабые** места. Помните пример с Магом и Латиноамериканцем? Маг пообещал (только пообещал!) «закрыть» слабое место Латиноамериканца

– плохое знание бизнеса в Интернете – и сразу же попал в его команду.

Сюзерен – человек, и как все люди, обязательно имеет какие-то слабости. Кому-то лень возиться с юридическими формулировками, кому-то – составлять публичные речи, а кто-то просто любит шашлыки под водочку в живописных местах, но не имеет времени их разыскивать. Человек, который *пообещает* (не на словах, конечно, а продемонстрировав свои способности на деле) решить подобную проблему, сразу же приобретет в глазах сюзерена определенный статус. Ну а если он еще и на самом деле «закроет» проблему, позволив сюзерену чувствовать себя в этом отношении «как за каменной стеной», то такой вассал станет «непотопляемым»!

Запомните, что Власть, в отличие от Управления, строится на личных отношениях, которые, в свою очередь, возникают из элементарного «с этим человеком мне лучше, чем без него». Но чтобы сюзерену с Вами действительно стало лучше, нужно компенсировать его слабости, которые сначала следует разузнать.

Теоретик. Все мы слышали булгаковскую фразу «Никогда ничего не просите у сильных: сами придут и сами все дадут», но мало кто понимает ее истинный смысл. А смысл в ней очень простой: хочешь чего-то получить от сильного – **сделай так, чтобы он сам захотел тебе что-то дать.** Булгаков – любимый писатель Сталина – прекрасно разбирался в законах Власти^[42]. Ничуть не хуже разбирался во власти гениальный ученый и политик Галилео Галилей. Оказавшись к 1609 году в затруднительном финансовом положении (огромные долги после выдачи замуж сестер), он успешно использовал свое открытие

спутников Юпитера, назвав их «медицийскими звездами»:

«Вместо того чтобы разделить открытие между своими покровителями – подарить одному телескоп, которым пользовался, посвятить другому книгу и т. д., – как делал прежде, он решил сфокусировать усилия на Медичи. Медичи были избраны им по одной причине: вскоре после того как в 1540 году Козимо I основал династию Медичи, он выбрал Юпитера, самого могущественного из богов, символом дома Медичи – символом власти, которая простиралась выше политики и денег, власти, восходящей к Древнему Риму и его божествам.

Галилей представил открытие им спутников Юпитера как событие космического масштаба, воспевающее величие Медичи. Вскоре после открытия он объявил, что "яркие звезды (спутники Юпитера) объявились в небесах" перед его телескопом в момент коронации Козимо II. Он заявил, что количество лун – четыре – совпадает с числом членов дома Медичи (у Косимо II было три брата) и что луны вращаются вокруг Юпитера, как четыре сына обращаются вокруг Козимо I, основателя династии. Это было больше, чем простое совпадение, это указывало, что само небо отражает восхождение династии Медичи. После того как он посвятил открытие Медичи, Галилей подготовил эмблему, изображающую Юпитера, сидящего на облаке в окружении четырех звезд, и представил ее Козимо II как символ его связи со звездами.

В 1610 году Козимо II официально назначил Галилея придворным философом и математиком, на полном жалованье. Для ученого это было жизненно важной удачей. Время, когда он, подобно нищему, выпрашивал подачки, было позади» [Грин, 2003, с. 33-34].

Добиться выдающегося результата, после чего преподнести его потенциальному сюзеру –

испытанный способ «первого знакомства», за которым с высокой вероятностью последует приглашение в команду. Вот современный американский вариант того, что в далеком прошлом сделал Галилей. Стивен Кови^[43] пишет про менеджера среднего звена, вынужденного (а может быть, и сознательно решившего) работать на отличавшегося редкостным самодурством президента компании:

«Но один из сотрудников был проактивным^[44]. Он руководствовался не эмоциями, а принципами и целями. И он проявил инициативу: ждал, сочувствовал, вникал в ситуацию. Он не остался слеп к недостаткам президента, но вместо того, чтобы критиковать, стал искать, чем бы их компенсировать^[45]. Когда президент вел себя неправильно... этот человек служил буфером между ним и остальными сотрудниками, стараясь свести отрицательные последствия к минимуму... С ним тоже обращались как с мальчиком на побегушках, но он был выше этого и старался делать больше, чем от него требовалось. Вникал в невысказанные заботы президента и, предоставляя информацию, сопровождал ее толковым анализом и своими рекомендациями^[46].

Однажды я сидел в кабинете президента, к которому был приглашен в качестве консультанта, и он вдруг сказал:

– Стивен, это просто удивительно, чего добился этот человек! Он не просто снабдил меня информацией, которую я просил, но раздобыл дополнительные сведения, оказавшиеся бесценными... Ему цены нет!» [Кови, 1996, с. 105-106].

С этого момента бывший сотрудник сделался правой рукой президента, и его дальнейшая карьера оказалась обеспеченной^[47].

Практик. Помните, что я говорил про слабые места сюзеренов? В этом примере «проактивный» сотрудник

потратил массу времени и терпения, *нащупывая* слабое место своего будущего сюзерена. И однажды это сработало: выполняя очередное задание шефа, сотрудник попал «в яблочко». Слабым местом «самодура» оказалось неумение самостоятельно раздобывать ценную информацию. «Закрыв» его, сотрудник сразу же оказался *на особом* счету!

Теоретик. Как видите, умение вассала *преподнести ресурс* ценится во все времена и на всех континентах. Принесите будущему сюзерену такой ресурс, продемонстрируйте ему понимание законов Власти и личную лояльность – и Вы почти наверняка получите приглашение в вассалы.

Читатель. Про ресурсы понятно, но вот лояльность. Я правильно понимаю, что это то же самое, что вассальная верность? Что-то такое, благодаря чему сюзерен начинает тебе *доверять*?

Теоретик. Да, с той лишь разницей, что вассальная верность требуется только от вассалов, а лояльным может быть и человек «шлейфа».

Читатель. Что я могу быть лояльным, не вопрос. Но как мне убедить в своей лояльности будущего сюзерена? Как к нему «втереться в доверие»?!

Теоретик. Раз уж вы задаете такой вопрос, ответ на него не слишком вам понравится. Втираться в доверие вам придется тяжелым^[48] трудом, основанным на понимании человеческой психологии и законов Власти. К несчастью, чем умнее человек, тем скучнее ему с большинством окружающих, тем сложнее проявлять к ним искреннее внимание (не говоря уже о том, чтобы предугадывать малейшие желания), а значит, и тем труднее стать для кого-то из них «своим». Вот почему часто говорят об «отрицательном отборе» во Власть; но этот отбор производит не сама Власть, а наша

человеческая природа. Приведу наиболее яркий пример, как становились «своими» в лихие девяностые:

«Как-то Борис [Березовский] сказал:

- Знаешь, мы, кажется, нашли человека, которого будем делать президентом. Ты и не слышал о нем небось. Путин. Знаешь, мне "наши" - Абрамович, Юмашев, Волошин - поручили с ним подружиться. Я попробовал - и не могу, мне с ним скучно. Не могу себя заставить. Вот Рома в этом смысле абсолютно незаменим. Ему скажешь: "Рома, нужно, чтобы этот человек был наш!" И вот он прилипнет к тебе, возьмет тебя за руку, будет твою руку нежно гладить и преданно смотреть тебе в глаза как собака и выполнять любое твоё желание. И так две недели.

И через две недели ты поймешь, что ты - его, весь его» [Боброва, 2013].

Конечно, это не руководство к действию (тут как в рекламных роликах, «работали профессионалы, не пробуйте повторить это самостоятельно»), а всего лишь иллюстрация к основному принципу человеческого общения. Чтобы стать для человека «своим», нужно уделять ему внимание, понимать его интересы и научиться угадывать его желания. Но чтобы при этом стать еще и вассалом, этого мало; тут требуется, чтобы и сам сюзерен вас правильно понял. Вот какое требование предъявляется к вассалам в американских корпорациях:

«...финансовое подразделение компании General Motors завоевало и упрочило власть благодаря системе, названной Джоном Де Лорином „продвижением неявного избранника“:

„Под этим подразумевается продвижение лица, не считающегося достойным кандидатом на должность. Это не только позволяет поставить «своего человека» на должность, но и завоевать его пожизненную благодарность, поскольку своей карьерой в корпорации

он будет отныне обязан вам. «Неявный избранник» – преданный последователь системы, за которым, однако, не стоит абсолютно никаких достижений, чтобы считать его достойным кандидатом на пост..."

Де Лорин характеризовал значение преданности и того, как руководители содействовали продвижению по службе „неявным избранникам" как способ формирования преданного личного состава, обязанных союзников на ключевых постах в корпорации...» [Пфеффер, 2007, с. 143]

Преданно смотреть в глаза и исполнять малейшие желания, конечно, весьма полезно, но **недостаточная** профессиональная квалификация – еще более надежный способ убедить потенциального босса в своей будущей верности. Не правда ли, шокирующая (для людей, гордящихся своей квалификацией) новость? Но таков уж закон власти: здесь нужны прежде всего **верные**. Поэтому умный человек во Власти должен быть достаточно умен, чтобы не демонстрировать свой ум. И правило это действует до самого верха, вот что пишет Восленский про Генеральных секретарей КПСС:

«Кого эта верхушка стремится выбрать в Генеральные секретари: самого сильного и способного? Наоборот, того из членов Политбюро, что кажется ей самым недалеким и безобидным. Таким казался Сталин в начале 20-х годов на фоне членов ленинского Политбюро; таким казался Хрущев после смерти Сталина (Маленков, наоборот, считался очень сильным); таким казался Брежнев после смещения Хрущева, когда сильным считался Шелепин. Феодалы князья всегда старались посадить на королевский трон возможно более слабого монарха, „князья" класса номенклатуры избирают по этому же принципу Генерального секретаря ЦК. Вот почему тот из членов Политбюро, кто очень хочет стать Генеральным секретарем, должен не

поражать воображение своими талантами и динамизмом, а выглядеть ограниченным и бескрылым, скромным, погруженным в техническую работу бюрократом, как это сделал Сталин; Иванушкой-дурачком, какого любил разыгрывать из себя Хрущев; стандартным провинциальным партработником, каким казался Брежнев; исполнительным юнцом, готовым слушаться старших, каким считался Горбачев» [Восленский, 2005, с. 388-389].

«Только не надо делать отсюда ошибочного вывода, будто в Политбюро попадают и удерживаются там люди неспособные. Наоборот, от этих людей требуется дополнительная способность – умение скрывать свой подлинный политический формат, вместе с тем не переигрывая и не производя впечатления беспомощности и недостаточной квалифицированности» [Восленский, 2005, с. 397].

Практик. Тем, кому скучны «умные» книжки вроде «Номенклатуры», я настоятельно рекомендую прочитать у Мориса Дрюона историю избрания папы Иоанна XXII^[49]. Сразу все поймете про умение притворяться Иванушкой-дурачком!

Теоретик. Сегодняшняя и будущая верность – вот что прежде всего интересует людей Власти. Свой человек – это тот, на кого можно положиться^[50], кто не будет задавать лишних вопросов в ответ на деликатную просьбу, кто никому не выдаст то, что должны знать только двое, и кто уже не раз подтвердил свою преданность на практике. Конкретные способы, убеждающие в верности, зависят от личности будущего босса и от рода его деятельности; но после нескольких лет практики их способен освоить любой человек, которому это интересно. Стать своим если не для первого, то для второго или третьего человека Власти вполне реально, и если вы будете следовать указанным

выше принципам, то сами удивитесь, как быстро вас заметит настоящий человек Власти.

Читатель. Давно хотел спросить: а как я узнаю, что принят? В нормальных организациях есть отдел кадров, трудовой договор, официальная должность. А как во Власти? Как там оформляется «прием на работу»?

Теоретик. Так же, как и все остальное: без единого клочка бумаги. В каждой властной группировке существуют свои ритуалы, позволяющие вассалу и сюзерену понять, что с этого момента они связаны особыми отношениями, и каждый из них это знает. Как мне рассказывали старшие товарищи, в советской номенклатуре таким ритуалом был переход с официального партийного языка («повысить уровень», «больше внимания уделять организационной работе») на обыкновенный русский мат. Если в твоём присутствии партийный босс использует матерные выражения – значит, ты свой.

Практик. Существует и такой вариант: когда человек, известный многим членам властной группировки (это может быть и не «верхний» руководитель, а, так сказать, «координатор»), публично появляется с неофитом в некотором условленном месте. Это может быть и «Стена плача» в Иерусалиме, и знаменитая картина в известном музее, и так далее. Формально, для непосвященных, это действие ничего не означает, но для «своих» оно принципиально важно.

Теоретик. А вот как описывал «официальный» прием во властную группировку Владимир Резун, более известный под псевдонимом Виктор Суворов:

«– Да, товарищ полковник, я давно хочу спросить вас... В вашем подчинении сотни молодых, толковых, перспективных офицеров с великолепной подготовкой, утонченными манерами... А я крестьянин, я не читал многих книг, о которых вы говорите, мне трудно в вашем кругу. Мне не интересны писатели и художники,

которыми восхищаетесь вы... Почему вы выбрали меня?..

- Я тебе, Виктор, правду скажу, потому что ты ее понимаешь сам, потому что тебя трудно обмануть, потому что ты ее знать должен. Наш мир жесток. Выжить в нем можно, только карабкаясь вверх. Если остановишься, то скатишься вниз и тебя затопчут те, кто по твоим костям вверх идет. Наш мир – это кровавая бескомпромиссная борьба систем; одновременно с этим – это борьба личностей. В этой борьбе каждый нуждается в помощи и поддержке. Мне нужны помощники, готовые на любое дело, готовые на смертельный риск ради победы. Но мои помощники не должны предать меня в самый тяжелый момент. Для этого существует только один путь: набирать помощников с самого низа. Ты всем обязан мне, и если выгонят меня, то выгонят и тебя. Если я потеряю все – ты тоже потеряешь все. Я тебя поднял, я тебя нашел в толпе не за твои таланты, а из-за того, что ты – человек толпы. Ты никому не нужен. Что-то случится со мной, и ты снова очутишься в толпе, потеряв власть и привилегии. Этот способ выбора помощников и телохранителей стар как мир. Так делали все правители. Предашь меня – потеряешь все. Меня точно так же в пыли подобрали. Мой покровитель идет вверх и тянет меня за собой, рассчитывая на мою поддержку в любой ситуации. Если погибнет он, кому я нужен?..

Но помни, что этого разговора никогда не было. Ты просто перепил коньяка и все это сам придумал» [Суворов, 2002, глава IV].

Несмотря на художественные преувеличения, в этом диалоге отражены все ключевые моменты посвящения во Власть. Краткое объяснение устройства Власти; указание вассалу его места (он всем обязан сюзерену и без него пропадет); требование пожизненной верности; требование сохранения тайны. Если кандидат в вассалы

понимает, о чем идет речь, он отвечает согласием, как умеет^[51], и если сюзерен это согласие принимает, посвящение состоялось. С этого момента вы – в группировке, и отныне вы обязаны играть по командным правилам.

Читатель. А правила мне тоже объяснит сюзерен?

Теоретик. Если бы все было так просто, нам не понадобилось бы писать целую книгу. Все сюзерены разные, кто-то привык объяснять словами, кто-то – личным примером, а кто-то вообще считает, что нужно иметь дело только с теми, кто все понимает сам. К тому же правила Власти достаточно многочисленны, и мало кому интересно выписывать их все на бумаге. Так что не стоит рассчитывать только на сюзерена; что-то он, конечно, объяснит, а вот спрашивать будет куда больше, справедливо полагая, что если уж ты взялся за Власть, то должен сам понимать что к чему. Поэтому правила Власти вам объясним мы.

Первые два правила вы уже знаете: Власть – это командная игра, и единственный представитель этой команды, имеющий право вам приказывать, это ваш сюзерен. Теперь пришло время запомнить третье правило: **не говорить о Власти**^[52]. Вы уже несколько раз слышали о важности сохранения тайны во властных отношениях, да и в процессе поиска сюзерена убедились, что никто не вывешивает на своем кабинете табличку «Младший сюзерен группировки такой-то». Но почему сохранение тайны настолько важно, что возведено в ранг правила Власти? Почему в сицилийской мафии эта секретность была доведена почти до абсурда:

«Членство в „почетной организации“ (как именуют мафиози свой синдикат) влечет за собой формирование новых привязанностей, куда более значимых, нежели кровные узы. Честь требует от мафиозо ставить

интересы Коза Ностры выше родственных интересов. Энцо Бруска... работал на мафию, участвовал в убийствах, но так и не стал "человеком чести". Как и подобает, он не задавал вопроса: „Почему?" О деяниях своих родичей – членов Коза Ностры он узнавал из слухов и газетных статей, а потому долгое время и не подозревал, что его отец – босс местного *mandamento* (района). Иными словами, **хотя Энцо Бруска участвовал в операциях и входил в ту же семью, что и "люди чести", он не был посвящен в деятельность Семьи с большой буквы»** [Дикки, 2007, глава «Люди чести»].

«Среди многочисленных правил организации, в члены которой Риина посвятил в тот день Джованни Бруску^[53], имелось и знаменитое “положение о представлении”. „Людам чести” возбраняется представляться как мафиози даже своим коллегам. Согласно правилу необходим третий, который, представляя друг другу двоих мафиози, скажет: „Это наш друг” или „Вы двое из той же компании, что и я”. Именно последнюю фразу произнес Риина в день посвящения Бруски, когда его отец вернулся в комнату и сын был „представлен” Бруске-старшему как "человек чести"» [Дикки, 2007, глава «Ритуал посвящения»].

Чтобы ответить на этот вопрос, вспомним еще раз определение власти (с маленькой буквы). Власть – влияние на принимаемые решения за счет выгодного положения в сети распространения информации. С каким человеком скорее поделится информацией – с тем, кто считается независимым, или с тем, кто явно работает на сюзерена? Чья рекомендация будет весомей – того, кто занимает (как будто бы) нейтральную позицию, или того, кто входит во властную группировку, заинтересованную в результате?

Однозначно установленная принадлежность человека к какой-то группировке лишает его львиной доли возможностей влиять на принимаемые решения. Все, что остается в распоряжении «разоблаченного» менеджера, – это его должностные полномочия, но и в их рамках он постоянно подозревается в работе на сторону. От такого вассала не то что пользы – вреда бы не было (подпадет под уголовное дело или, того хуже, под «разработку» конкурирующей группировки). Поэтому секретность властных отношений не просто полезна; она является **необходимым** условием нормальной работы Власти.

Примечательно, что Владислав Балин в своей «Защите от темных искусств» для противодействия корпоративным интригам рекомендует придерживаться того же самого правила:

«1) Если кому-то не обязательно что-то знать, то он это знать не должен. Просто руководствуйся этим правилом всегда, вместо того чтобы просчитывать возможные последствия...»

7) Никогда не раскрывай своих источников информации. Если у тебя есть знакомые в других отделах, кто поставляет важную информацию, не ссылайся на них. Нельзя убивать свои каналы информации и раскрывать агентурную сеть. Враг не должен знать, откуда ты добываешь информацию, чтобы не иметь возможности запустить дезу, а твои информаторы должны чувствовать себя защищенными. Только тогда они станут тебе доверять и станут твоими союзниками.

8) Четко выделяй внутренний круг и внешний круг. Внутренний круг доверенных лиц должен иметь 100%-ный взаимный интерес win-win^[54], должен иметь доступ к важной информации и должен быть полностью

информирован о враждебном окружении, чтобы не слить информацию [случайно. – Авт.].

9) Список лиц внутреннего круга должен быть секретен» [Балин, 2009, часть 4].

Правила игры во Власть одинаковы для всех – и для тех, кому Власть нравится, и для тех, кто предпочел бы без нее обойтись (ограничившись Управлением). Противостоять властной группировке может только другая властная группировка; один человек, будь он хоть самым Джобсом^[55], не имеет в этой борьбе никаких шансов.

Читатель. Скажите, а эти правила действительно везде одинаковы? В Политбюро ЦК, например, играли по ним же? Или в гипотетическом Мировом Правительстве – там тоже есть тайные группировки, грызущиеся между собой?

Теоретик. Ну, все прекрасно знают, что в гипотетическом Мировом Правительстве как раз и есть столь же гипотетические группировки Ротшильдов и Рокфеллеров, грызущиеся между собой. В советском же Политбюро шла совершенно реальная аппаратная борьба, история которой заслуживает отдельной книги. Правила Власти действительно одинаковы на всех ее уровнях, и, кстати, чем выше этот уровень, тем строже они соблюдаются. Так что будьте уверены: правила, о которых мы рассказываем, что называется, «на всю жизнь». Ничего другого во Власти не придумано, да и придумано быть не может. Просто потому, что верхняя часть Власти в точности повторяет нижнюю!

Практик. Любая властная группировка устроена по феодальному образцу и, следовательно, имеет структуру дерева. Поэтому на каждом уровне она повторяется абсолютно одинаково. Вершина дерева (ветви) – это главный сюзерен. Ему подчиняются прямые вассалы, которые подобраны им лично или

получены им от вышестоящих членов своей группировки в прошлом, когда он еще не был на самом верху. Каждый из этих вассалов, в свою очередь, имеет у себя в подчинении вассалов следующего уровня, и так далее до самого низа.

Как же должен вести себя член властной группировки по отношению к другим членам своей команды, а также к прочим участникам игры?

Случай первый. **Взаимодействие с другими вассалами твоего сюзерена.** Оно строится на двух основных элементах: конструктивное взаимодействие в рамках задач, поставленных сюзереном, и остро-конкурентное – во всех остальных случаях. Главная задача любого вассала – качественно выполнять задачи сюзерена и демонстрировать ему, что остальные его вассалы слабее, некачественнее и хуже. Других вассалов можно и **нужно** подставлять, но не доводить такую практику «до крайности», границы которой устанавливает сюзерен. Такая «дружеская» подначка **не считается некорректной**, тут главный термин – «ничего личного». В общем, отношения вассалов напоминают отношения в спорте, членов одной сборной команды: когда они сборная – они вместе, а когда выступают во внутреннем чемпионате – нужно всех остальных «побороть». Соответственно, цель такой борьбы – перераспределить в свою пользу те ресурсы, которые дает в распоряжение вассалов сюзерен.

Однако здесь есть один нетривиальный момент: когда ты пересекаешься с человеком, про которого ты не знаешь, что он тоже вассал твоего сюзерена. В этом случае могут быть разные ошибки (вплоть до «комедии положений»), но ответственность за них несет сам сюзерен.

Теоретик. Обратите внимание, что отношения внутри властной группировки практически те же самые, что и снаружи. Вассалы конкурируют за ресурсы точно

так же, как конкурируют за них сами властные группировки.

Читатель. Простите, что перебиваю, но мне кажется, что это важно. Вы с Практиком постоянно говорите про какие-то «ресурсы», но так толком и не объяснили, что это такое. Я так понимаю, что это что-то вроде «денежных потоков» и должностей, которые их контролируют, но вы писали, что нельзя все сводить к деньгам. Не пора ли доходчиво объяснить, что же такое **ресурсы?**

Теоретик. Хороший и своевременный вопрос! Отвечать на него сразу, без вводной информации о том, как устроена Власть, было бы пустой тратой времени. Сейчас вы уже понимаете, что Власть – это не деньги и не должности, а часть «социальной сети» (властная группировка), которая собственно и **определяет, кому достанутся деньги и должности.** Поэтому и «ресурсы» в этой игре не совсем те, к которым мы привыкли в обычной жизни.

Знаете ли вы, что Юлий Цезарь до того, как стать императором, был безнадежным должником, которого в 62 году до н. э. кредиторы *не выпускали из Рима* в Испанию (правителем которой он как раз был назначен)? Но за Юлия поручился Кресе, тогдашний его сюзерен, и проблемы с кредиторами были улажены. Так что деньги, при всей их важности, вовсе не главный ресурс во властных играх.

Ресурсом в борьбе за власть является то, **что ведет к увеличению власти**^[56], то есть усиливает позиции группировки в системе коммуникаций. Помните «малый конгресс» Линдона Джонсона, который был назван его *важным ресурсом*? Так оно и было, ведь благодаря этому конгрессу Джонсон имел возможность общаться с высокопоставленными людьми, к которым иначе бы его и на порог не пустили. Властные ресурсы – это

социальные связи (то есть мотивированные к сотрудничеству люди), а также информация, проекты и организации, способствующие их формированию.

Отличной иллюстрацией на тему «властных ресурсов» является фильм Оливера Стоуна «Уолл-стрит» (1987). Молодой брокер Фокс узнает инсайдерскую *информацию* и делится ею с биржевым воротилой Гекко. Информация позволяет Гекко заработать деньги, но, как человек Власти, он этим не ограничивается. Гекко делает Фокса своим вассалом и поручает и дальше добывать информацию в *организации*, где Фокс работает. Благодаря Фоксу Гекко удается реализовать куда более выгодный проект, нежели первоначальная спекуляция^[57].

Важность социальных связей стоит проиллюстрировать еще одним историческим примером:

«Барон Джеймс Ротшильд разбогател в Париже к концу 1820-х годов. Вскоре после этого он столкнулся с крайне сложной проблемой: как еврею из Германии – полному аутсайдеру для французского общества – завоевать уважение французских высших сословий, отличительной чертой которых была крайняя ксенофобия? Ротшильд хорошо понимал, что такое власть. Он знал, что его состояние может дать ему положение, однако, несмотря ни на что, он по-прежнему останется чужаком. Поэтому, внимательно изучая светское общество своего времени, он задавал себе вопрос: чем можно завоевать их расположение? Благотворительность? Ничто не могло интересовать французов меньше. Политическое влияние? Он уже им обладал, и это только вызывало у людей подозрение. Единственное слабое место, на котором можно сыграть, решил он, это скука. В период Реставрации французские имущие классы страдали от скуки.

Поэтому Ротшильд начал тратить невероятные суммы на развлечения для них. Он нанимал лучших архитекторов и художников для оформления садов и бальных зал, пригласил Мари-Антуана Карема, известнейшего парижского шеф-повара, чтобы готовить для гостей на изысканнейших приемах, когда-либо виденных Парижем. Ни один француз не смог бы устоять, пусть даже приемы устраивал германский еврей. Еженедельные вечера у Ротшильда постепенно становились многолюднее, привлекали все больше внимания. Прошло несколько лет, Ротшильд добился того, чего хотел, единственного, что могло обеспечить власть чужаку: он был принят в обществе» [Грин, 2003, с. 455-456].

Казалось бы, какое дело всесильному Ротшильду (одному из пяти братьев, контролировавших все банковское дело Европы) до парижского «общества»? Однако Ротшильд понимал, насколько такой ресурс, как «светская жизнь» (позволяющий быстро завязывать нужные знакомства), ценнее денег, и без колебаний потратил громадные средства на его приобретение.

Так вот, ценность вассала определяется тем, сколько таких – властных! – ресурсов он приносит своему сюзерену. Сколько раздобывает инсайдерской информации, сколько находит «выходов» на нужных людей, в насколько важной организации работает или в каком перспективном проекте участвует. Вассала, приносящего ресурсы, сюзерену выгодно *продвигать* – делиться с ним информацией и связями, устраивать на более перспективные должности. А теперь внимание: кому должен приносить ресурсы вассал?

Правильно: **только своему сюзерену**. Делиться добычей с другими вассалами не только глупо (обойдут на повороте и первыми доложат наверх), но и опасно: вдруг они захотят распорядиться ею самостоятельно? Это уже пахнет предательством!

Вот почему в отношении других вассалов действуют те же самые правила Власти: сюзерен может быть только один, а всем остальным сообщается только та информация, которая им абсолютно необходима для выполнения командных задач. Разница только в одном: в отличие от других властных группировок, с другими вассалами вы работаете на одного, и притом известного вам сюзерена. Поэтому вам *проще* конкурировать с другими вассалами; игра во Власть внутри группировки легче и безопаснее, чем снаружи.

Читатель. А я-то думал, что в группировке все свои...

Теоретик. «Своими» могут быть люди, участвующие в игре с положительной суммой и придерживающиеся стратегии win-win^[58].

Своим во властной группировке для вас может быть только один человек – ваш сюзерен; все остальные – это *конкуренты*. Этот момент заслуживает отдельного разъяснения. Вспомните, зачем вы пришли во властную группировку? За Властью, не правда ли? Как вы можете получить больше Власти, чем уже имеете? Только поднявшись на ступеньку во властной иерархии.

Сделать это можно двумя способами: рискованным (сменив сюзерена) и надежным (подождать, когда сюзерен пойдет на повышение, и занять его место). Рискованный способ мы пока не рассматриваем (это уже следующий уровень игры, заведомо безнадёжный для игрока вашего уровня). Остается надежный: всеми силами помогать сюзерену в его карьере и показывать себя лучшим преемником.

То же самое будут делать и все остальные вассалы. Но когда ваша совместная работа увенчается успехом, и у сюзерена образуется вакантное место – поставить на это место он сможет **только одного**. Между вассалами не может быть отношения win-win, в карьерной игре не

бывает совместного выигрыша. Помогать другим вассалам – значит топить самого себя.

Читатель. А если другие вассалы не такие карьеристы?

Теоретик. Вы что, издеваетесь? Человек пришел во Власть, нашел сюзерена, выдержал испытание «шлейфом», прошел обряд посвящения – и не карьерист?! Да не карьеристов во Власти отсеивают на расстоянии пушечного выстрела! Вспомните, что писал Восленский про советскую номенклатуру:

«Всем хорошо известно, что карьеризм – главная психологическая черта всех номенклатурщиков. Оказавшись, таким образом, признаком номенклатуры, карьеризм твердо стал негласным критерием подбора номенклатурных кадров» [Восленский, 2005, с. 127].

Почему карьеризм столь обязателен для вассала? По той же причине, по которой в вассалы обычно подбирают «неявных избранников», людей, не блещущих особыми талантами. Вассал должен быть **всем** обязан сюзерену, испытывать к нему глубокую благодарность (за назначение на какую-нибудь должность) и возлагать на него все свои надежды (в части еще более высокого назначения). А если вассал не карьерист, то о какой благодарности и о каких надеждах может идти речь? Такому человеку сюзерен ничего дать не может^[59], а следовательно, его «верность» не более чем пустой звук. Возникнет у такого «вассала» какое-нибудь новое увлечение – и поминай как звали. Так что если уж человек попал во Власть, можете не сомневаться – перед вами волк, готовый загрызть любого ради карьеры.

Но повторю, что внутри группировки вы находитесь еще в тепличных условиях. По крайней мере, вы знаете своих конкурентов. Выбор, кого назначать преемником (и продвигать на новые позиции), у вашего сюзерена

ограничен кругом его вассалов. Других столь же доверенных людей у него нет. Поэтому вам не требуется быть самым лучшим, *достаточно оказаться лучше других вассалов*^[60] или просто подставить кого-то из них непосредственно перед кадровыми изменениями. Разумеется, другие вассалы относятся к вам точно так же и не упустят случая нашептать на ухо сюзерену о ваших недостатках. Так что отношения внутри команды хотя и тепличные, но профессиональные. В точности как сказано Практиком, «ничего личного».

А теперь вылезем из песочницы и узнаем, как должен вести себя вассал за пределами своего узкого круга.

Практик. Случай второй. **Взаимодействие с сюзереном твоего сюзерена** (или еще более высоким начальником вверх по политической ветке твоего сюзерена). Крайне опасная для вассала ситуация. В идеале необходимо докладывать сюзерену о том, что ты приглашен на такую встречу и, по ее итогам, о чем там говорилось. Необходимо любой ценой пресечь опасения сюзерена, что его собственный сюзерен решил поставить тебя на его место. В противном случае можно остаться без ресурса: сюзерен немедленно у тебя его отберет и вообще начнет тебя всячески «гнобить». Я сам лично пару раз оказывался в такой ситуации – она крайне неприятна и чревата многочисленными осложнениями и проблемами.

Отмечу, что такую ситуацию не нужно путать с другой, когда твой сюзерен – руководитель твоего формального начальника (в рамках управленческой вертикали). У меня была такая ситуация и она создавала определенные проблемы, но не самые сильные, поскольку твоя судьба все-таки зависит от сюзерена. В моем случае сюзерен (заместитель

министра) «передал» меня, как вассала (то есть у меня произошла смена сюзерена), своему коллеге (другому заместителю), с которым он входил в одну группировку, и тот тут же «поднял» меня на должность, равнозначную должности моего бывшего формального начальника (то есть назначил начальником департамента). Мнения бывшего начальника при этом не спрашивали, его даже не поставили в известность, но поскольку это происходило в *управленческой*, а не в командной иерархии, никаких претензий ни у кого не возникло.

Если все-таки сюзерен твоего сюзерена начинает питать к тебе некие «особые» чувства (то есть хочет тебя или перевести в свои вассалы, то есть поднять на уровень нынешнего твоего сюзерена, или же вообще поставить тебя на его место), то нужно очень аккуратно строить свои отношения и с одним, и с другим. Совершенно не исключено, что сюзерен сюзерена **тебя просто «разводит»**, исходя из некоторых своих соображений. В идеале^[61] следует не вестись на провокации и тупо объяснять «большому» сюзерену, что, пока тебе прямо и явно не предложен «вассальный» договор, ты себя будешь вести как вассал старого сюзерена, полностью выполняя все обязательства перед ним. Но все равно, при всей деликатности и дипломатичности, выход бывшего вассала на уровень своего сюзерена (то есть переход его в непосредственное вассальное подчинение более высокого сюзерена) рассматривается старым сюзереном крайне болезненно.

Теоретик. Контакты «через голову» своего сюзерена особенно опасны еще и потому, что создают у вассала **ложную** надежду на ускорение своей карьеры. В истории существует несколько примеров (на миллионы противоположных), когда начавший с самых

низов вассал в короткий срок поднимается на самый верх, в буквальном смысле шагая по головам своих сюзеренов. Такие примеры (в силу их редкости) получают широкую известность^[62] и часто берутся за образец для подражания. С понятным результатом – дороги Власти усыпаны костями оступившихся.

Во Власти работает тот же принцип, что и в остальных профессиях: талантливые люди соблюдают правила, гениальные их нарушают. Так вот, правилом является не прыгать через голову сюзерена. Если Вы гений Власти, можете смело нарушать это правило (и все остальные); но тогда и наша книга вам ни к чему. А если вы просто талантливы, то пожалуйста, соблюдайте правила.

Практик. Тут еще можно добавить, что кроме базовых правил существуют и менее важные, подчас существующие только в рамках достаточно узких групп. И среди них тоже есть такие, которые нарушать не стоит. А есть такие, которые нарушать *нужно*, поскольку они для того и придуманы, чтобы проверять молодых неофитов, умеют ли он думать, чувствуют ли тонкости командных отношений. Но вернемся к основным правилам.

Случай третий. **Взаимодействие с представителями других группировок.** У тебя объективно не может быть информации, какие отношения есть у твоего сюзерена (или даже его сюзеренов) с этими командами, по этой причине нужно строго следовать инструкциям сюзерена. Если инструкции не сделаны, то поведение такое же, как в первом случае, то есть острая конкуренция. При этом небольшая подстава и подтрунивание криминалом не считается, а любую помощь и вообще благожелательное отношение следует считать подарком судьбы и очень им дорожить.

Теоретик. Привыкнув к конкурентным отношениям внутри своей группировки (и проникшись ощущением, что другие относятся к тебе точно так же), уже значительно легче взаимодействовать со всеми остальными. Работать с игроками других группировок, а уж тем более с несистемными персонажами в каком-то смысле спокойнее, ведь они не являются вашими непосредственными конкурентами. Подставы и проблемы, которые они вам создают, по крайней мере не направлены на вас лично, а помощь идет «от чистого сердца» и вполне может перерасти во взаимовыгодные отношения.

Но вместе с тем нельзя забывать, что не имея ничего против вас лично, сторонние игроки *всей командой* играют против вашего сюзерена (и всей вашей команды). Поэтому дружба дружбой, а табачок врозь: действия, выгодные для вас лично, но наносящие ущерб вашей команде, никакая не «помощь», а прямая агрессия, и должны строго пресекаться. Так что общие правила – никакой информации сверх необходимой и никаких ресурсов, кроме специально выделенных сюзереном, – остаются в силе.

Практик. Случай четвертый. **Взаимодействие с явно более высокопоставленными персонами,** которые в то же время не входят в твою «вертикаль сюзеренов». Тут вариант может быть только один – не высовываться и по возможности смотреть и учиться. Любая попытка хоть что-то сделать может стоить очень дорого, и ее даже в мыслях нельзя допускать, поскольку у тебя *не может быть никакой информации*, на базе которой можно делать предположения, какое поведение правильно, а какое нет.

Теоретик. Обратите внимание на выделенные курсивом слова. Мы еще не раз увидим, что информация о том, кто есть кто и как с кем себя нужно вести, является едва ли не главной «валютой» властных

отношений. Если вы не знаете, с кем имеете дело, руководствуйтесь базовыми правилами; если же вы догадываетесь, что имеете дело с более высокопоставленным лицом, не делайте вообще ничего (!).

В шахматах есть такой термин – цугцванг, означающий позицию, в которой *любой* ход ведет к проигрышу; так вот, в ней вы и находитесь, сталкиваясь с вышестоящими. Но в отличие от шахмат, во Власти вы *можете* не делать никакого хода. Пользуйтесь этой возможностью.

Практик. Случай пятый. **Взаимодействие с начальником, не являющимся членом твоей группировки.** Это очень частая ситуация, непосредственно вытекающая из существования двух иерархий: должностной и командной. Если в организации они совпадают (ваш начальник и есть ваш сюзерен), то пятого случая не возникает. А что если нет? Если твой сюзерен, у которого ты был заместителем, послал тебя в соседнее министерство, на должность с повышением (например, ты был замначальника департамента в Минфине, а стал начальником департамента в Минэкономике)?

Такая ситуация является достаточно частой. Например, глава одной из властных группировок (занимающий, условно, должность замглавы Администрации президента, назовем его «Х») получает в рамках «верхней» политической разборки под свой контроль Министерство экономики. Ну, скажем, вызывает его президент на «закрытое» совещание, на котором все приходят к выводу, что министерство «не тянет». Можно, конечно, назначить нового министра, но люди соответствующих знаний в «верхнее» руководство не входят и как выбрать соответствующего человека, чтобы не получился новый «медведь на воеводстве», не очень понятно. И все приходят к некоему консенсусу –

вон, Х, «разберись там», через несколько месяцев поставим вопрос о «кадровом усилении» министерства.

Х ничего не понимает ни в экономике, ни в сложной иерархии потенциальных министров. Один хорош как специалист, но слабый администратор. Другой неплохой специалист, отличный организатор, но совершенно недоговороспособен. Третий потрясающе договороспособен, гениальный самопиарщик, но только в экономике не понимает ничего. И в этом во всем нужно разобраться, причем разобраться должен именно «свой» человек, потому что он не только должен понять внутреннюю иерархию, но и понять, как она сочетается с «командными» интересами. И вызывает Х одного из своих вассалов, который, по его мнению, лучше всех разбирается в экономике и который как раз начальник департамента в Минфине, и начинает с ним примерно такую дискуссию:

- Ну, кто там у них who, у управленцев-экономистов?
- А хрен их знает. Я же не экономист, я – финансист.
- Ну, например, «А» знаешь?
- Ну, знаю. Мой одноклассник, который с ним работал, говорит, что он болтун, экономики не знает.
- А «Б»?
- О, этот, может, и разбирается. Но мой однокурсник, который «под ним» работает, говорит, что он «кидала».
- Ну ладно, а если я тебя пошлю в Минэкономики, разберешься?
- А на какую должность?
- Ну, вакансий замминистров там сейчас нет, так что пока начальником департамента.
- Не, не жажду. У меня тут все хорошо, все «схвачено», а там министр – наш политический противник, его замы – тоже, и идиоты к тому же. Зачем зря нервы тратить. А вот у меня есть зам, вполне грамотный «мальчик», давайте его пошлем

начальником департамента в Минэк. Пусть помучается – как плата за служебный рост.

– А он адекватен? В смысле, поймет, что и как нужно оценивать?

– Да, вполне.

И вот этот «мальчик» вызывается к своему формальному начальнику (и одновременно сюзерену), и тот ему говорит: «Есть мнение, что ты скоро пойдешь в Минэк. Задачи перед тобой такие-то и такие-то, если будут обижать, жалуйся мне. Вперед». И идет он в Минэк, а там после первой же реорганизации становится замминистром (политическое-то решение принято!), то есть по формальному должностному рейтингу выше, чем его сюзерен.

Так вот, тут главное правило, что **командный рейтинг важнее профессионального**. Почти всегда. И если ты хорошо исполняешь «командные» обязательства, то даже достаточно плохая профессиональная работа в такой ситуации (то есть когда твой непосредственный начальник не является членом одной с тобой группировки) может сойти с рук, поскольку все попытки тебя уволить блокируются на политическом уровне. Более того, часто этот механизм некомпетентные чиновники используют для сохранения своего места. Они просто создают у своего сюзерена ощущение того, что они работают под постоянным политическим давлением и тот, используя политические связи и апеллируя к собственным связям в рамках «политической вертикали», начинает защищать своего вассала вопреки реальной ситуации.

Отношения с непосредственным начальником, который не является твоим сюзереном и не входит непосредственно в твою вертикаль, таким образом, определяются двумя факторами. Первое: ты исполняешь свои обязанности как можешь или как хочешь (иногда полезно делать профессиональную

карьеру, иногда это все равно), но при этом всю более или менее стоящую информацию «сливаешь» своей группировке (непосредственно сюзерену, или кому он скажет).

Второе: своему профессиональному начальнику ты ничем не обязан и должен «сдать» его по первому требованию своего сюзерена. Но, опять-таки, ничего личного, не ты ему при этом делаешь пакость, а твоя группировка – его группировке.

Теоретик. Разумеется, эти пять вариантов не исчерпывают всех возможных ситуаций, встречающихся во властных играх. Но, во-первых, они все же самые частые, а во-вторых, на их примерах вы можете научиться общим правилам, позволяющим построить свое поведение и в других, более сложных случаях. Эти основные правила – «никакой информации, никаких ресурсов, кроме необходимых» – нужно не то что заучить наизусть, а вбить в себя на уровне рефлексов. Во Власти, как и у крупного вора, нет мелочей: любое слово или действие – ход в игре, который уже нельзя взять назад.

Практик. Самое сложное при общении с другими людьми, которые явно куда-то рвутся, – это понять, входят ли они в какие-то властные группировки или представляют собой бесполезный шлейф, а если входят, то в какие и на каком уровне. Именно по этой причине чиновники и политики все время ищут общих знакомых, разбираются в хитросплетениях кадровых движений своих знакомых и еще пытаются разобраться, кто и куда их двигал. При этом эта информация должна еще и сдаваться в свою группировку, чтобы там тоже строили грамотные графики – кто, куда и откуда? Причем не страшно даже, если информация получена ложная: само направление, куда твой собеседник тебя хотел вывести, может много сказать более опытному

члену твоей группировки о ведущейся на сегодня «игре».

По этой же причине обязательное условие любой встречи с нетривиальным человеком – узнать про него все, что только можно. Я несколько раз оказывался в смешной ситуации, о которой мы уже рассказывали: в рамках моего консалтингового бизнеса меня выводили на каких-то там персонажей, которые меня совершенно не знали. И они в процессе демонстрации своей «крутости» не только сообщали мне реальную информацию о своих сюзеренах, но и рассказывали массу крайне опасных для них сведений. Просто потому, что не понимали, что я был много выше по иерархии, чем даже их сюзерены и мне опасно вообще что-либо говорить.

Теоретик. Поэтому основным правилом разговоров во Власти было и остается: «Не знаешь, что нужно сказать, молчи!» А теперь обещанный пример того, что происходит даже с самыми великими людьми, когда они **нарушают правила Власти.**

3. Ошибка вассала

Apple, 1985 год: Джобс против Скалли

Как хорошо известно всем фанатам Apple, 24 мая 1985 года решением Джона Скалли Стив Джобс был окончательно отстранен от должности руководителя подразделения *Macintosh*, а через несколько месяцев совсем ушел из Apple, учредив собственную компанию NeXT. На момент своей отставки Джобс был не только основателем Apple, создателем культового персонального компьютера *Macintosh*, главной пиар-фигурой компании, но еще и крупнейшим акционером и председателем совета директоров.

Возможно ли, чтобы человек, занимающий столь высокое положение, вдруг оказался полностью отстраненным от дел и вынужден был реализовывать свои идеи на стороне? Невозможно! – ответили бы мы, оказавшись в апреле 1985-го; нам простительно, мы же не знаем всех закулисных интриг в Apple. Но что интересно, точно так же думал и сам Стив Джобс:

*«Четверг, 23 мая. На плановом совещании в четверг Джобс поведал своим ближайшим помощникам о плане свержения Скалли и представил собственную схему реорганизации компании. Поделился он своим замыслом и с Джемом Эллиотом, менеджером по персоналу, который прямо сказал, что ничего не выйдет. Эллиот уже пытался перетянуть некоторых членов совета директоров на сторону Джобса, но понял, что и они, и ведущие специалисты Apple в большинстве своем за Скалли. **Но Стива было не остановить...**» [Айзексон, 2011].*

Даже имея «инсайдерскую» информацию от Эллиота, Джобс все равно полагал, что его харизма и статус в компании позволят получить нужное решение совета директоров. Когда же истинное положение дел стало невозможно игнорировать, Джобс отреагировал на это как самый обычный человек, не человек Власти:

«Вернувшись в свой кабинет, он собрал своих многолетних сторонников из команды Macintosh. Заливаясь слезами, он сказал, что ему придется покинуть Apple...» [Айзексон, 2011].

Попробуем понять, как невозможное оказалось возможным. И начнем, как обычно, с главного вопроса: какой была структура власти в Apple в 80-е годы? Кто был сюзереном, кто вассалами, а кто «несистемным элементом»?

Начнем с того, что Стив Джобс никогда не был первым лицом в Apple (хотя и считал, что должен им быть). Первоначально во главе компании стояли три

человека – Джобс, Возняк и Марккула; Возняк создал Apple II, Марккула привлек инвестиции и организовал бизнес. Марккула же нашел компании директора – своего коллегу по Fairchild Майка Скотта – и убедил Джобса ему подчиниться. Роль Джобса заключалась в превращении продукта в «конфетку» и запуске продаж.

«Благодаря Apple II компания попала из гаража Джобса в авангард новой индустрии. Продажи взлетели до небес – с 2500 компьютеров в 1977 году до 210 тысяч в 1981-м. Но Джобсу этого было мало. Успех – продукт скоропортящийся; к тому же Стив понимал, что все и всегда будут считать Apple II целиком и полностью заслугой Возняка...» [Айзексон, 2011].

Собственные разработки Джобса (Apple III, Lisa) оказались не столь удачными, как Apple II (и как много позднее – iPod), а особенности его характера (стремление все контролировать в сочетании с редкостным хамством в отношении подчиненных) привели к тому, что фактический владелец компании Марккула в 1980 году отодвинул Джобса от реальной власти в компании:

«Наконец Скотт и Марккула решили навести порядок в Apple; агрессивное поведение Джобса их очень беспокоило. В сентябре 1980 года они задумали тайную реорганизацию. Коуча сделали главой отдела по разработке Lisa, и его решения не оспаривались. Так Джобс потерял контроль над компьютером, который назвал в честь дочери. Еще его сместили с поста вице-президента по научным исследованиям и разработкам. Он оказался председателем совета директоров без исполнительных полномочий, то есть оставался официальным лицом Apple, но без права руководства. Джобса это уязвило. „Я расстроился. Марккула меня бросил, – признавался он. – Они со Скотти решили, что я не способен руководить разработкой Lisa. Я много

думал об этом; такое пренебрежение меня обижало"» [Айзексон, 2011].

С этого момента Джобс должен был бороться за власть, которая раньше просто упала ему в руки. Но были ли у Джобса ресурсы, позволяющие ему стать самостоятельным игроком? Да, были. Во-первых, его несомненный дизайнерский талант – в части создания «безумно классных компьютеров» ему не было равных. Во-вторых, Джобс был мастером презентаций и идеально подходил на роль «лица фирмы», молодого гения, удивляющего мир своими изобретениями. В-третьих, Джобс помимо феноменального хамства обладал не менее фантастическими способностями очаровывать и увлекать людей, если ему это было нужно. Вот как происходила знаменитая вербовка Скалли в 1983 году:

*«Сперва обсудили зарплату. „Я сказал, что хочу оклад в миллион долларов, миллион в качестве премии при поступлении в Apple и еще миллион при увольнении, если не сработаемся“, – вспоминает Скалли. Джобс ответил, что все можно решить. „Даже если мне придется заплатить из собственного кармана, – заявил он. – Мы с этим разберемся, **потому что я еще не встречал человека лучше вас.** Я считаю, вы идеально подходите Apple, а наша компания достойна самого лучшего“. Еще Стив добавил, что никогда прежде не работал под началом того, кого бы по-настоящему уважал, и знает, что Скалли может многому его научить. Говоря все это, Джобс не сводил с него своего знаменитого немигающего взгляда^[63]. Скалли поразило, какие густые у Джобса волосы.*

Для проформы Скалли попытался было возразить: он предположил, что они со Стивом могут остаться друзьями и он будет периодически что-то ему советовать. Впоследствии Скалли вспоминал этот

решающий момент: „Стив опустил голову и уставился себе под ноги. Повисло неловкое тяжелое молчание; наконец он произнес фразу, которая долго не давала мне покоя: “Вы хотите до конца своих дней продавать подслащенную водичку или все-таки решитесь попробовать изменить мир?” Скалли почувствовал себя так, словно его ударили под дых. После такого оставалось только согласиться. „Стив умел всегда добиваться своего, он читал людей, как открытую книгу, и точно знал, что нужно сказать каждому”^[64], – вспоминал Скалли. – Впервые за четыре месяца я почувствовал, что не могу отказаться“» [Айзексон, 2011].

Но пока что шел 1980-й год, и Джобс находился очень далеко от возможности самостоятельно нанимать себе руководителя. Прежде всего, ему нужно было вернуть потерянное доверие сюзерена – Майка Марккулы. Сделать это можно было только одним способом: создать и продать новый великолепный продукт; харизма Джобса на Марккулу уже не действовала.

Так в сентябре 1980 Джобс появился в проекте Macintosh, первоначально придуманном (вплоть до названия) Джефом Раскиным. Умело используя свой хоть и не дающий формальных полномочий, но весьма высокий статус в компании (а также свою харизму, безотказно действовавшую на нижестоящих), Джобс уже к февралю 1981 полностью перехватил руководство разработкой. Обиженный Раскин написал СЕО компании Майку Скотту гневное письмо с просьбой приструнить Джобса. Однако на этот раз все козыри были у Джобса: проект набирал обороты, часть разработчиков была воодушевлена планами «сделать компьютер мечты», и самое главное – Раскин был человеком Джобса (тот пригласил его в Apple еще в

1976 году в качестве составителя документации). В результате Скотт принял сторону Джобса и назначил его руководителем проекта Macintosh. Так Джобс сделал свой первый шаг к власти.

Следующий шаг за Джобса сделал сам Скотт. По неизвестным причинам (поговаривали даже о психическом заболевании) 25 февраля 1981 года он устроил в Apple «черную среду»: уволил половину разработчиков Apple II, основного продукта компании. Мотивировал свое решение он следующим образом (по воспоминаниям одного из сотрудников):

«Мы слышали про увольнение и пришли встретиться с ним в подвал. Мы зашли внутрь, и там был Скотти рядом с ящиком пива. Мы взяли пиво, сели, и Скотти начал говорить.

Я точно помню, что он сказал открытым текстом: „Я уже говорил вам, что когда мне перестанет нравиться быть директором Apple, я уйду.

Но теперь я думаю иначе – я буду увольнять людей, пока мне снова не понравится быть директором“. Сказал это с банкой пива в руке» [Hertzfeld, 2004].

С этого момента Марккула уже не мог доверять Скотту. Он вынужден был сам стать CEO компании, переведя Скотта в заместители. На обсуждение этого решения в числе других ведущих сотрудников был приглашен и Джобс; доверие Марккулы к нему постепенно восстанавливалось.

Несколько ранее, 12 декабря 1980-го, Apple преобразовалась в открытую акционерную компанию, производя первичное размещение акций (IPO). По итогам торгового дня стоимость компании достигла 1,778 миллиарда долларов. Триста (!) человек – имевшие достаточные опционы на акции Apple – стали миллионерами. Теперь управление компанией осуществлялось советом директоров, избираемым общим собранием акционеров. В состав этих

акционеров входили как сотрудники и инвесторы Apple (такие как сам Джобс, 11%, и Марккула, первый инвестор Apple, 9%), так и новые приобретатели акций – инвестиционные банки и фонды (в настоящее время это Vanguard, State Street, FMR и так далее – те же самые финансовые структуры, которые контролируют большинство акционерных компаний в США).

Фактически, акционирование означало, что Марккула продал компанию – причем не кому попало, а своим хорошо знакомым совладельцам. Мы говорим о Рокфеллерах, которые инвестировали в Apple сразу же после Марккулы, одновременно с Артуром Роком, о чем тот вспоминал в 2000 году:

«...я подумал, что в этом есть что-то реальное, и если Майк [Марккула! действительно серьезен насчет этой компании, мне стоит в нее вложиться. Рокфеллеры в это время тоже внесли инвестиции. Я вложил королевскую сумму – 60 000\$. Я вошел в совет директоров, и вдруг – о чудо! – оно заработало» [Gupta, 2000].

Кто на деле считал себя хозяином Apple после акционирования, можно догадаться из следующей цитаты (Питер Крисп – член совета директоров Apple от инвестбизнеса Рокфеллера):

«Крисп описывал коктейль-пати у Рокфеллера для менеджмента и банкиров в честь успешного IPO Apple. Он рассказывал, что Рокфеллер сказал на следующий день, что ему очень понравилась вечеринка с Джобсом и другими топ-менеджерами Apple, но добавил: "В следующем году попроси их не клеить свои логотипы на зеркала в туалете"^[65]» [Weber, 2010].

Успешно продав компанию, Марккула полностью достиг своих целей венчурного инвестора, и был бы рад передать управление новым владельцам. Однако вместо этого ему пришлось самостоятельно рулить

компанией – поскольку под рукой не оказалось ни одного человека, которому можно было бы довериться. Мы можем только догадываться, какие переговоры вел Марккула с Криспом и Роком (другим влиятельным членом совета директоров), а может быть, и с их хозяевами но их результатом стал напряженный поиск нового CEO «на открытом рынке» (никто из совладельцев не смог представить приемлемую для всех кандидатуру). Вот что пишет о своем назначении директор Apple с 1983 года Джон Скалли:

«Я не был первым кандидатом, поскольку Стив хотел быть CEO. Он был первым кандидатом, но совет директоров не был готов назначать его, поскольку ему было всего 25-26 лет. Они перебрали и отвергли всех доступных хай-тек-кандидатов на должность CEO... и в конечном счете Дэвид Рокфеллер, который был акционером Apple, сказал, что нужно попробовать другие отрасли и нанять для этого лучшего хедхантера в Штатах не из хай-тека: Джерри Роша. Он пошел и нанял меня. Я пришел, ничего не зная о компьютерах. Идея состояла в том, что Стив и я будем работать как партнеры. Он будет техническим, а я – маркетинговым директором.

Причина, по которой я говорю, что было ошибкой нанимать меня CEO, заключается в том, что Стив всегда хотел быть CEO» [Sculley, 2010].

Как видите, «короткая скамейка запасных» бывает даже у таких квалифицированных сюзеренов, как Рокфеллер. В качестве доверенного лица владельцев в компанию был приглашен человек, совершенно не разбиравшийся в технической части, а Джобс, оказавшийся к этому моменту единственным из оставшихся у Марккулы вассалов, вышел на вторую позицию в компании.

С учетом этого расклада, становятся понятными те усилия, которые Джобс приложил для привлечения в

Apple именно Скалли (в книге Айзексона соответствующая глава так и называется – «Ухаживание»), Несистемный человек, не разбирающийся к тому же в продукции компании, – это же готовый «тюфяк», за спиной которого можно рулить всей компанией, а в критический момент – подставить и занять его место. Разумеется, такого человека нужно было очаровать и убедить, что он невероятно талантлив и абсолютно необходим самому Джобсу:

«Джобс понимал, что может вертеть Скалли как хочет, укрепляя его веру в то, что они похожи. И чем увереннее он им манипулировал, тем больше презирал. Отдельные члены команды Мас, в том числе Джоанна Хоффман, быстро смекнули что к чему и поняли, что неизбежный разрыв будет бурным. "Стив заставил поверить Скалли в то, что он особенный, – говорит она. – Так с ним еще никто не обращался. Разумеется, он потерял голову. Стив спроецировал на него целый набор качеств, которыми тот на самом деле не обладал. Джобс очаровал Скалли, вскружил ему голову..."» [Айзексон, 2011].

Вот так, отчасти собственными усилиями, отчасти благодаря стечению обстоятельств (а только такое сочетание и приносит успех во властных играх), Джобс оказался в одном шаге от цели: вторым человеком в компании, который в любой момент может стать первым. Но как мы уже знаем, на деле «любой момент» низверг Джобса на самое дно, откуда ему пришлось выкарабкиваться целых 12 лет.

В чем он ошибся? В самом главном: он неверно оценил структуру власти в компании. Хотя в совете директоров заседали все те же хорошо знакомые ему Марккула и Рок, работали они теперь уже не на самих себя, а на нового сюзерена. На того самого Рокфеллера, распорядившегося подобрать для Apple подходящего CEO – и подобрать вовсе не для того, чтобы увольнять

по первой прихоти Джобса. Представителем Рокфеллера в совете директоров был Питер Крисп, чье имя ни разу не упоминается в объемистой книге Айзексона; но, исходя из нашего понимания власти, судьбу Джобса решил именно он.

Манипулируя Скалли и поддерживая отношения с Марккулой, Джобс полагал, что усиливает свои позиции перед сюзереном. Между тем настоящий сюзерен желал видеть первым вассалом Скалли – и не имел особых оснований менять его на Джобса. Очаровывать нужно было не Скалли, а человека, в туалете которого Джобс некогда расклеивал рекламные стикеры. Но понять это самостоятельно в свои 30 лет Джобс не мог, а толкового учебного пособия по Власти у него под рукой не было. Развитие событий не заставило себя ждать.

«На первую годовщину работы Скалли, в мае 1984 года, Джобс пригласил его на торжественный ужин в изысканном ресторане Le Mouton Noir на холмах на юго-западе Купертино. К удивлению Скалли, Джобс собрал там совет директоров, высший менеджмент Apple и даже некоторых инвесторов с Восточного побережья. Скалли вспоминал, что, когда все поздравляли его во время коктейля, „сияющий Стив стоял где-то на заднем плане, кивая, с улыбкой Чеширского кота“. Джобс открыл ужин льстивым тостом. „Два моих самых счастливых дня – когда доставили Macintosh и когда Джон Скалли согласился прийти в Apple, – сказал он. – Это был лучший год моей жизни, потому что я многому научился от Джона“. И затем в подарок Скалли он показал подборку памятных эпизодов года.

В ответной речи Скалли тоже выразил свою радость по поводу удачного сотрудничества, а под конец произнес фразу, которая запомнилась многим людям за столом, хотя и по разным причинам. „В Apple один лидер, – сказал он, – это Стив и я“. Он обвел взглядом

собранных и встретился глазами с улыбающимся Джобсом. "Мы словно понимали друг друга без слов", – вспоминал Скалли. Но он также заметил скептические усмешки на лицах Артура Рока и кое-кого еще. Они опасались, что Джобс захватывает власть. Они наняли Скалли, чтобы контролировать Джобса, а теперь становилось ясно, что Джобс перехватывает контроль. „Скалли так жаждал добиться одобрения Стива, что не смел ему перечить", – вспоминал позднее Рок» [Айзексон, 2011].

Несмотря на вошедшую в мировую историю презентацию Macintosh 24 января 1984 года, продажи его вскоре затормозились (в 1985-м они оказались даже ниже, чем в 1984-м, рост начался только с 1986 года). Несколько ведущих сотрудников Apple (например, Стив Возняк и разработчик софта для Macintosh Херцфельд) позволили себе критику Джобса, и тот сразу же с ними расстался. Сам Джобс продолжал свою линию по одновременному обхаживанию Скалли и его закулисной критике (по-видимому, планируя свалить на Скалли все неудачи), и вскоре в его отношении прозвучал первый звонок:

«Разногласия в компании все сильнее беспокоили совет директоров, и в начале 1985 года Артур Рок и другие недовольные члены совета прочитали обоим виновникам суровую нотацию. Скалли они рекомендовали проявлять больше твердости в управлении компанией, вместо того чтобы набиваться в приятели к Джобсу. А Джобсу напомнили, что его задача – привести в порядок подразделение Macintosh, а вовсе не учить другие отделы, как им работать. После этого Джобс удалился в кабинет и напечатал на своем Macintosh: „Я не буду критиковать остальную организацию, я не буду критиковать остальную организацию..."» [Айзексон, 2011].

Человек, искушенный в делах Власти уже догадался бы, что ранг Скалли среди хозяев Apple выше, и сосредоточился бы на повышении или хотя бы сохранении собственного ранга. Вместо этого Джобс продолжил раздражительное бездействие, срывая злобу на ком попало. Демотивирующее воздействие Джобса на сотрудников стало очевидным всему менеджменту компании (Джобс мог воодушевлять людей на подвиги, когда сам был воодушевлен, но весной 1985-го года воодушевляться было нечем – ведь Джобс считал, что создал идеальный компьютер, а что он не продается, виноваты все остальные). В результате Скалли пришлось (наверняка не без подсказок от хозяев) прямо предложить Джобсу отойти от руководства Macintosh и сосредоточиться на перспективных разработках. Джобс ответил отказом – он все еще полагал, что в открытой конфронтации со Скалли окажется более ценным вассалом.

«На заседании совета 11 апреля Скалли официально потребовал от Джобса покинуть пост руководителя Macintosh и переключиться на развитие новых продуктов. Потом выступил самый резкий и независимый член совета Артур Рок. Ему оба они уже надоели: Скалли, у которого за целый год не хватило смелости взять управление в свои руки, и Джобс, который ведет себя „как наглый мальчишка“. Совет должен наконец разобраться – надо выслушать каждого по отдельности» [Айзексон, 2011].

Хотя Рок прибег к формулировке «оба уже надоели», не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять: он приказывал Скалли взять наконец власть в свои руки, а Джобсу более чем прозрачно намекал, что его ранг близок к нулю. «Выслушивание каждого по отдельности» закончилось тем, что совет дал Скалли карт-бланш на любые действия в отношении Джобса. Фактически, это означало вывод Джобса за пределы

системы власти – из вассала он превращался в резервиста, ссылаемого на незначительные должности до лучших времен.

С этого момента судьба Джобса была решена, и хозяева Apple занимались исключительно проверкой Скалли на прочность.

Джобс то в личных задушевных разговорах убеждал Скалли подать в отставку, то набрасывался с критикой на совещаниях, то умолял дать еще один шанс, а в конце концов составил даже настоящий заговор – собрался, воспользовавшись командировкой Скалли в Китай, поставить на совете директоров вопрос о его отставке.

В этот решающий момент Скалли наконец-то повел себя правильно (мы не знаем, кто был его сюзереном, но знаем наверняка, что в тот день он наконец-то перевел дух). Во-первых, Скалли прознал про заговор (а значит, имел собственных вассалов, способных узнать про намерения Джобса). Во-вторых, он сразу же отменил поездку и вместо этого явился на собрание руководства Apple (а значит, проявил достаточную волю к власти). В-третьих, он первым обвинил Джобса в заговоре и прямо заявил, что больше не доверяет Джобсу. Фактически, Скалли сделал то, что собирался сделать сам Джобс: поставил вопрос ребром, «я или он», только не перед советом директоров (там карт-бланш был уже получен), а перед сослуживцами Джобса. Для человека, еще недавно полностью находившегося под влиянием Джобса, это был громадный шаг вперед – вверх по лестнице власти.

Почему Джобс до последнего дня надеялся на успех своего «заговора»? Вот каким был в 1985 году совет директоров Apple^[66].

1. Майк Марккула (Armas Clifford «Mike» Markkula Jr.) – «бизнес-ангел» Apple, организационно создавший эту

компанию, «второй отец» Джобса, CEO Apple в 1981-1983 годах, «непререкаемый авторитет для Джобса», по оценке Айзексона.

2. Питер Крисп (Peter O. Crisp) – создатель венчурной компании Venrock, консультант семейного бизнеса Рокфеллеров, фактического владельца Apple.

3. Филип Шлейн (Philip S. Schlein) – представитель винного бизнеса Долины Напа, самый верный сторонник Джобса в совете директоров.

4. Артур Рок (Arthur Rock) – «фондовый отец» Кремниевой долины, венчурный капиталист, пришедший в Apple еще до акционирования, один из первых членов совета директоров Apple; как и Марккула, он работал с Джобсом бок о бок долгие годы и был человеком, которому Джобс доверял.

5. Генри Синглтон (Henry E. Singleton) – создатель холдинга Teledyne, работавший главным образом его CEO, и не имевший особых интересов в Apple.

6. Джон Скалли (John Sculley) – CEO Apple, принятый на работу в 1983-м, голос которого не учитывался бы при выборе между Джобсом и Скалли.

Чтобы победить, Джобсу достаточно было трех голосов. Он рассчитывал на традиционно своего Шлейна – и на своих старых знакомых, Марккулу и Рока. Но в 1985 году Apple принадлежал уже другим людям, и Марккула, и Рок принимали решения уже в их интересах, поэтому надеждам Джобса не суждено было сбыться. Понадобилось еще 12 лет пребывания в запасе и повышения квалификации, чтобы Джобс снова был приглашен в Apple в качестве вассала. Но это уже другая история.

Подведем итог. Джобс не уловил момента, когда его сюзерен Марккула сам стал вассалом Рокфеллера, в результате чего статус Джобса в компании оказался значительно ниже, чем у привлеченного со стороны Скалли. Попытки манипулировать Скалли, а не его

сюзеренами кончились тем, чем всегда и кончаются такие попытки: хозяева все решили за Скалли, а он, как верный вассал, выполнил их решения.

Джобс неверно нацелил свои политические таланты и упустил возможность сменить сюзерена (на что Марккула, скорее всего, согласился бы). А вот Скалли в ходе конфликта подтвердил верность хозяевам и до 1993 года служил им верой и правдой, обеспечив десятикратный рост продаж и рыночной стоимости Apple.

Кто в этой истории хороший парень, а кто – плохой? Глядя из-за кулис, мы понимаем, что оба парня в равной степени были несвободны, и все решения в их истории принимал сюзерен. Но людская молва конечно же ославилась Скалли и восславилась Джобса, оставив Рокфеллера в глубокой тени. Именно там, где он и хотел бы остаться.

4. Надобны нам верные

Теоретик. Вернемся с американской земли на родную почву. Вы уже знаете, кто такие люди Власти, как искать среди них *правильного* сюзерена, чем привлекать его внимание и как вести себя, будучи простым вассалом. С этого уровня игры вы еще можете выйти без особых потерь – ведь вы еще не вкусили настоящей Власти, власти над *собственными* вассалами. Но если вы отлично выполняете распоряжения сюзерена, успешно конкурируете со своими коллегами по группировке и неустанно ищете новые *ресурсы*, неизбежно наступает день, когда перед вами открывается дверь в настоящую Власть.

Рано или поздно у вас появится возможность поспособствовать назначению нужного человека на хорошую должность или просто ответить «да» на

однажды заданный вопрос сюзерена: «А у тебя есть подходящий человек?» И как только вы решите *продвинуть* на открывшуюся вакансию *своего* человека – того, кто будет Вам по-настоящему благодарен, – то в этот момент вы окажетесь на следующем уровне игры. Вы **сами станете сюзереном**.

Практик. Для понимания специфики деятельности сюзерена нужно вспомнить, что он прежде всего **тоже чей-то вассал**. И как вассал обязан, во-первых, исполнять те функции, которые на него возложены его собственным сюзереном. Во-вторых, он в рамках своего «этажа» феодальной лестницы должен бороться с другими вассалами своего сюзерена за те ресурсы, которые находятся в его распоряжении. В-третьих, он должен защищать интересы всей своей властной группировки от посягательств других группировок. В-четвертых, наш сюзерен должен еще и исполнять свои должностные обязанности, особенно в тех случаях, когда не находятся в рамках профессиональной иерархии в подчинении своего сюзерена.

Теоретик. А кроме всего этого, сюзерен должен еще и властвовать (нельзя сказать «управлять» или «руководить», это вызовет неверные ассоциации) над своими вассалами. Но это как раз и есть основная работа сюзерена, о которой мы будем рассказывать дальше. А сейчас мы хотим, чтобы вы хорошенько поняли, что значит «быть человеком Власти». Беспрекословно выполнять указания своего сюзерена; постоянно конкурировать с другими вассалами своего уровня, препятствовать проискам конкурирующих властных группировок; и при всем при этом еще успевать что-то сделать на своем официальном рабочем месте. Тут и 16 часов в сутки может не хватить!

Практик. Исполнение всех этих задач требует от любого человека серьезного напряжения сил. Особенно сочетание первой и второй: стоит чуть-чуть

замешкаться – и твою задачу решит другой вассал твоего сюзерена, на которого работает его собственная команда вассалов. Как только это произойдет, твой командный рейтинг, а вместе с ним и предоставляемые сюзереном ресурсы серьезно уменьшатся. Поэтому наличие квалифицированных и преданных вассалов, способных взять на себя часть этих проблем, является для сюзерена жизненно важным ресурсом. Я хорошо это понял в одной ситуации весной 1996 года.

Ко мне, начальнику департамента одного из министерств, приходит письмо из другого министерства, проект постановления правительства о некоторой финансовой программе. Тщательное ее изучение показывает, что программа, общим объемом примерно 20 миллиардов долларов, придумана не для решения конкретных проблем, а для откровенного воровства, примерно 30-40 % от общего объема денег. При этом пользы для экономики она не принесет, так как составлена неграмотно. Я звоню начальнику соответствующего департамента этого министерства и предлагаю постановление переделать, при этом польза для экономики появится и украсть можно будет не больше 5% (тоже, между прочим, немало). Начальник нагло мне говорит, что «все согласовано наверху» и ничего он менять не собирается. Я пишу резко отрицательное заключение, которое подписывает мой непосредственный начальник (заместитель министра) и одновременно сюзерен, и оно уходит из министерства.

Через несколько дней звонит мне начальник и официальным голосом приглашает к себе в кабинет. Я вхожу и вижу постороннего человека за столом, которого мне пока не представляют. Начальник спрашивает, почему мы написали отрицательное заключение на предложение по финансовой программе. Я, уже все понимая, отвечаю: «Вы же помните, там чистое жульничество!» – «Да, – говорит начальник, – я

помню. Но вот замминистра того министерства, которое разработало эту программу и он говорит, что мы неправильно поняли». Я отвечаю, что все поняли правильно, тот замминистра пытается сказать мне несколько слов, но крайне неубедительно, поскольку хотя мое письмо он и читал, но аргументов «по существу» у него нет. И он обращается к моему начальнику: «Да бог с ним, с департаментом, вы же сами можете подписать положительное заключение». Начальник возражает, что это никак невозможно, поскольку с моей визой – это коллегиальное решение министерства. А если он лично – то будет нести личную ответственность, в том числе и уголовную. Собственно, он затем меня и позвал, чтобы не оказаться в двусмысленном положении, когда ему один на один будут делать сомнительное предложение. Визитер уходит.

А через несколько дней мне секретари нашего министра (назовем его для простоты Я.) рассказывают, как к нему пришел министр того самого министерства, которое разработало программу (его, в свою очередь, назовем Ш.), жаловаться на нас с моим начальником. У них состоялась замечательная дискуссия. Для начала Ш. начал жаловаться, что подчиненные Я. губят «замечательную» программу. Ну, говорит Я., видимо, не такая уж замечательная! Тут Ш. произносит речь о полезности разработанной его министерством финансовой программы (Я. мой текст, подписанный его замом, естественно, не читал, делать ему больше нечего), при этом открыто говорит о том, что она одобрена премьером, и предлагает Я. подписать положительное заключение (согласовать программу) непосредственно.

Я., естественно, отказывается, как и его заместитель до того, – это будет не коллегиальное решение, а личное, у него могут быть неприятности.

Тогда Ш. предложил ему вызвать меня и приказать подписать положительное заключение. И тут Я. произнес замечательный монолог. «У меня 16 заместителей, – сказал он, из них три первых. И 39 департаментов. Некоторых заместителей я вижу только раз в неделю, на оперативке, некоторых начальников департаментов не вижу неделями. Но начальник департамента, написавший отрицательное заключение, у меня на совещаниях по два-три раза в день. Его департамент выполняет четверть всех правительственных поручений министерству. Если я ему прикажу, а он откажется, что я ему скажу? Уволю? А кто работать будет?»

А теперь давайте рассмотрим эту ситуацию более подробно, уже *понимая* систему отношений во властных группировках.

Я на тот момент был вассалом своего непосредственного руководителя, заместителя Я. Но он в политические игры не играл, вассалов специально не набирал и готов был меня отдать другому суверену (что он и сделал через полгода, как уже было рассказано выше). При этом сам он вассалом Я. никогда не был, его сюзереном был некий вице-премьер. Я. пришел в министерство вассалом непосредственно Ельцина, но поддерживать эту связь считал делом сложным и хлопотным и постепенно перешел в вассальную зависимость от того самого вице-премьера, что и его заместитель. То есть, с точки зрения властных группировок, находился с ним на одном уровне, более того, у них был общий сюзерен, для которого Я. был более авторитетен, и в силу опыта, и в силу формального статуса.

А вот Ш. входил в совершенно другую властную группировку, остро (на тот момент) враждебную группировке того самого вице-премьера, который и определял отношение к нему и Я., и его заместителя.

Входил ли в их группировку премьер-министр (находясь в ней выше Ш.), или же просто заключил с ней временный союз – вопрос, на который мы ответа уже не узнаем. Но это не мешает нам построить четкую и внятную картину, которая позволяет понять, что же на самом деле там произошло.

Бумага, которая пришла от министерства, которое возглавлял Ш., позволяла не просто резко увеличить ресурс, который находится в распоряжении его клана (я не знаю, кто там был «старшим» сюзереном), но и влезть «на территорию» вице-премьера, который был сюзереном и Я., и его зама. Поэтому априори с точки зрения борьбы властных группировок на эту бумагу должен был быть дан *абсолютно* отрицательный ответ. Но тема этой программы была крайне важной для экономики России, поэтому я и предложил *адаптировать* программу – с целью придать ей осмысленность.

Реакция группировки Ш. была резко отрицательна, то есть стало понятно, что об интересах страны разработчики этой программы совершенно не заботятся. И тогда я перевел свои отношения с ними *из содержательных в чисто властные*, то есть речь пошла о борьбе группировок. Заместитель Ш. пришел к моему начальнику по очень простой причине – он отвечал за вопрос в своем министерстве (и, как увидим ниже, имел и личный интерес), а кто такой мой начальник, он вообще не знал (в моем министерстве в то время были представители разных кланов). И – понял, что вопрос может быть решен только на уровне его собственного руководства.

Мой начальник тоже это понял, поэтому занял пассивную позицию – есть порядок, и он будет его исполнять. Зато Ш., когда пришел к Я., имел серьезный козырь – мнение премьера. Но – выраженное неофициально, на что Я., может быть, явно (этого я

точно не знаю), а может быть, неявно, ответил, что сама по себе тема этой программы находится под кураторством вице-премьера, который, конечно, с точки зрения управления подчиняется премьеру, но с точки зрения властных группировок ему равен и так просто своего не отдаст.

И вот тут оставался всего один шанс – двум министрам неформально договориться и решить вопрос, что называется, полюбовно. И Ш. предложил Я. варианты решения такого вопроса, с учетом того, что заместителя Я. нужно было из вопроса удалить, поскольку он мог доложить вице-премьеру непосредственно, чем закрыл бы вопрос навсегда. При этом Ш., скорее всего, знал, что Я. своего зама не очень любит, по всей видимости, они неоднократно сталкивались у своего сюзерена. И тогда Я. жестко встал на позиции защиты своей властной группировки, четко объяснив, что своего зама он проигнорировать может, а вот меня (как своего будущего вассала) ни за что.

Теоретик. Как и в любом реальном примере, здесь можно – и нужно! – увидеть работу нескольких правил Власти. Прежде всего, различие профессиональной и командной иерархий – подчиненный необязательно вассал руководителя. Далее, относительная свобода вассалов в профессиональной деятельности: если по какой-то операции нет команды сюзерена на политическое решение, она выполняется строго профессионально (можно даже подумать о реальных интересах страны!), и никаких вопросов не возникает. И наконец, важность *обращения на себя внимания вышестоящих*: человек, который «на совещаниях по два-три раза в день», может рассчитывать на неожиданную поддержку сверху.

Практик. Еще несколько моментов. Первое, мой непосредственный начальник. Я был нужен ему для

того, чтобы выполнять должностные функции^[67]. Никаких «политических» указаний со стороны своего сюзерена по обсуждаемому вопросу он не получал и, следовательно, до какого-то времени ограничивался чисто профессиональной оценкой этой программы. Итак, он поручает мне ответить на письмо, имея в виду, что я его не подведу. После того как стало понятно, что ведомство Ш. в лице замминистра начало возмущаться, мой начальник исходит из следующих позиций. Во-первых, Ш., как и его заместитель – это «чужая» властная группировка, и защищать ее просто так не стоит. Во-вторых, делать это просто «по доброте» тоже не стоит, поскольку программа сильно спорная и может принести массу неприятностей. Далее, он прикрывает меня, не договариваясь за моей спиной, а приглашает на встречу. Я, в свою очередь, избавляю его от необходимости описывать представителю другого министерства, почему он вредитель, и говорю это сам. Кроме того, его выручаю своим присутствием от неприятного разговора, связанного с предложением взятки.

Второе, Я. Я ему интересен, его собственный заместитель – относительно (через несколько месяцев он все равно уйдет). Именно по этой причине Я. переводит разговор с Ш. на меня, а не на моего начальника. Я. меня прикрывает, более того, он прямо говорит, что трогать меня не даст. Если бы он решил иначе, то вызвал бы меня (без Ш.) и попросил бы найти аргументы, почему письмо нужно подписать (так несколько раз в аналогичных ситуациях делал мой другой руководитель; пару раз я согласился, несколько раз объяснил ему, почему так делать нельзя, и тогда соглашался он).

При этом Я. сделал упор на то, почему он не может меня заставить, причем в форме, которая Ш. понятна:

человек, который «закрывает» такой объем работы не просто ценен, он практически наверняка *член команды* и трогать его нельзя. Тема закрыта. Отметим, что Ш. даже не просил вызвать моего начальника: он понимает, что тот, не будучи вассалом Я., не обязан выполнять те его приказы, которые явно выходят за пределы служебных обязанностей.

А теперь самое интересное. Почти через 20 лет я встретился с Ш. и напомнил ему эту историю, после чего выяснилось, что реальная картина была *еще сложнее*. Он мне сказал, что сама программа была не его проектом, а проектом его заместителя, но его собственный сюзерен попросил ему помочь в ее «пробивании» через правительство. Иными словами, заместитель Ш. не был его вассалом, и программа, которую он двигал, вообще шла мимо него! Соответственно, Ш. сделал то, что считал минимально необходимым для того, чтобы отчитаться перед собственным сюзереном, ну и, заодно, разобраться, кто какую роль играет в соседнем министерстве.

Теоретик. Как видите, ценность даже не вассала, а *потенциального* вассала для Я. оказалась достаточно высока, чтобы «прикрыть» его от прямой атаки конкурирующей группировки. Так что вассалы для сюзерена – вовсе не роскошь, а самый настоящий ресурс. Ресурс, который он сам создает и контролирует. «Короля играет свита»; не будет преувеличением сказать, что сюзерен «стоит» ровно столько, сколько стоят его вассалы.

Практик. Итак, главное правило для сюзеренов. Любой член властной группировки должен набирать своих вассалов, чтобы они ему помогали решать его задачи.

Теоретик. Мне кажется, это правило нужно повторить и еще раз повторить. На протяжении двух разделов мы рассказывали о Власти как о жестко

конкурентной среде, где «человек человеку – человек Власти». У читателя могло сложиться впечатление, что внутри Власти нет места взаимовыгодным отношениям, а царят сплошной обман и интриги...

Читатель. Неправда ваша! Я внимательно читал текст, и помню, что отношение между вассалом и сюзереном почти семейные, а кроме того, они, как это у вас написано, win-win – «если что, отвечать будем вместе».

Но потом вы про отношения между вассалом и сюзереном ничего не писали!

Теоретик. Да, это так. Но мы уже исправляемся. Вы только что узнали одну из самых неочевидных тайн Власти: сюзеренам нужны вассалы. Нужны, быть может, даже сильнее, чем кандидатам в вассалы – посвящение во Власть. Только со своими вассалами сюзерен находится во взаимовыгодных отношениях, только с ними может слегка расслабиться и только им доверить реализацию своих политических планов. Снаружи и выше сражаются за Власть сторонние группировки, ниже грызутся за Власть сами вассалы, и только два человека – сюзерен и вассал – могут доверять друг другу среди этой вечной войны. Согласитесь, в этом есть что-то величественное.

Так что во Власти, помимо лжи и интриг, вполне есть место высоким отношениям и настоящей дружбе (с той лишь разницей, что в этой дружбе всегда точно известно, кто сюзерен, а кто – вассал). Пьянящее чувство «мы вместе» здесь ощущается особенно остро, ведь основано оно на реальном опыте совместных «боевых действий».

А теперь снизим пафос и вернемся к сухим фактам. Умение подбирать вассалов отличало всех великих государственных деятелей («наполеоновские маршалы», «птенцы гнезда Петрова»); наиболее же

выдающиеся ставили это дело на твердую организационную основу:

«Западные биографы Сталина не раз делали превратившееся постепенно в общее место противопоставление: Троцкий, Бухарин, Зиновьев и другие с их позерством и любованием собственным красноречием – и неуклюжий плебей Сталин, молчаливо и упорно работающий в партийном секретариате.

Ситуация, может быть, и выглядела так. Но главное было не в этой внешней коллизии. **Главным было существо той работы, которую делал Сталин. Недалекие острословы называли его тогда „товарищ Картотеков“.** Он и вправду вместе со своими сотрудниками постоянно возился с карточками, заведенными на руководящих работников. „Кадры решают всё“, – сформулирует он впоследствии свою установку. Эти кадры он старательно изучал, просеивал через сито своих интересов и расчетов, размещал их на различных уровнях номенклатуры, как композитор ноты на нотной линейке, чтобы возникала нужная ему симфония. Рассказывают, что картотеку на наиболее интересовавших его по тем или иным соображениям людей Сталин с первой половины 20-х годов вел сам, не допуская к ней даже своего секретаря» [Восленский, 2005, с. 85].

Позднее сталинские традиции прочно освоили и другие советские руководители. Байгушев в своей «Партийной разведке» красочно описывает катастрофу, разразившуюся в брежневском окружении после внезапной смерти Суслова:

«...25 января 1982 года неожиданно "умер от инсульта" серый кардинал при Брежневе Суслов. До этого он был совершенно бодрый. И даже к "инсульту"... надо же, приготовился. Словно зная, что его трахнет, заранее прибрался у себя в сейфах. И напоследок загадочно сделал всем ручкой – унес с собой в могилу

всю теневую структуру партийной контрразведки Брежнева, оформленную под контрпропаганду, слившуюся с ней и маскировавшуюся ею, как бы растворенную в ней. Многие видные и не самые видные политики после смерти Суслова оказались „на свободе“ Как при крепостном праве: барин умер, оставил завещание – все его крепостные получают вольную. Черненко кинулся занимать кабинет Суслова, мгновенно переехал, но сейфы и шкафы в сусловском кабинете оказались пусты. Помощник Черненко Виктор Васильевич Прибытков пишет: „В ЦК КПСС существовало непреложное правило – после смерти любого секретаря ЦК его архив в обязательном порядке изымался, анализировался и помещался после сортировки в сверхсекретный сектор. Такие архивы оставались практически у всех – у кого больше, у кого меньше. Архив Микояна составил не меньше трех здоровенных грузовиков, потому Микоян и был не потопляем. Исключение составил лишь один человек – главный идеолог партии Михаил Андреевич Суслов, после которого не было обнаружено никаких архивов“. Даже „особой важности особая папка “ (сверхсекретная документация) исчезла. Всё досье Суслова исчезло, растворилось, как золото партии, в адском небытие. До сих пор нигде не всплыло. Значит, впрямь утрачено навсегда.

Это был второй мощный удар судьбы (Андропова?) по Брежневу. Конечно, Брежнев и Черненко кого-то помнили, кого-то срочно вызвали. Но восстановить саму тайную структуру так и не сумели» [Байгушев, 2007, с. 177-178].

Властные группировки такого масштаба, как у Сталина, Суслова и Микояна, действительно требуют архива – удержать в памяти карьерные истории сотен своих вассалов мало кто способен. Предположение о том, что по такому архиву можно *быстро* восстановить

работу лишившегося сюзерена группировки, мы оставим на совести Байгушева: вассальная присяга приносится сюзерену, а не его архиву. Утрата архива была катастрофой по другой причине: после нее стало совершенно невозможно установить, кто из выстроившихся в приемной в очереди действительно являлся вассалом Суслова, а кто пришел втираться в доверие из конкурирующей властной группировки.

В американском менеджменте (по крайней мере, середины прошлого века, когда Миллс писал свою «Правящую элиту») умение вести дела, нанимая подходящих людей (ну мы-то понимаем, что «нанимать» можно не только за деньги), вообще считалось своего рода «пропуском» в управленческую элиту. Вот что Миллс пишет о топ-менеджерах американских корпораций, обладающих *особыми* способностями:

«"Административные способности" этих людей как раз и состоят отчасти в том, что они сознают собственную неспособность и знают, где найти человека с соответствующими способностями и где взять деньги на его оплату» [Миллс, 1959, глава 6].

Тем же принципом руководствовалась и советская номенклатура^[68]:

«Практика показывает: работа начинается там, где кончается номенклатура. Конечно, из этого правила бывают исключения, мне приходилось их видеть, но в целом дело обстоит именно так: там, где номенклатура, происходит начальствование, работает же не номенклатурный аппарат» [Восленский, 2005, с. 507].

Отличительная черта хорошего сюзерена – это умение найти человека, который решит проблему, вместо того чтобы решать ее самостоятельно. Дело не только в том, что «умение найти человека» работает для любых задач, а умение решать их самостоятельно – только для тех, в которых сюзерен сам разбирается.

Основная причина, почему правило «найти человека» постоянно должно быть в центре внимания сюзерена, – это колоссальный объем работы во Власти, который ему приходится выполнять. В одиночку все это сделать невозможно, а следовательно, *не нужно даже и пытаться*. Нужно обзавестись вассалами и переложить работу на них.

Практик. Привлекая новых вассалов, нужно соблюдать определенные правила. Они могут показаться очевидными, но от этого не становятся менее важными. Прежде всего, нужно смотреть на личные качества потенциальных вассалов. Первое: готовность выполнять вассальную присягу. В частности, соблюдать верность сюзерену и всей его властной группировке. Предательство – это один из самых серьезных проступков, который может совершить человек Власти. По этой причине сюзерен должен все время проверять своих вассалов. Давать им каверзные задачки, «подставлять» под потенциальные возможности предательства и так далее. Особенно тщательно их нужно проверять перед «выводом в свет», то есть когда сюзерен начинает представлять своих вассалов перед собственным сюзереном для решения общих командных задач.

Теоретик. В древние времена, когда Власть и Управление еще не были разделены и служение сюзерену являлось единственным источником средств к существованию, вассальная верность считалась высшей добродетелью^[69]. В наши дни, когда большинство людей зарабатывает на жизнь работой по найму, вассальная верность воспринимается как анахронизм. Зарплата в обмен на выполнение должностных обязанностей – таков кодекс чести современного человека. Мало кто из современных людей воспитывается с детских лет в той же атмосфере

нетерпимости к предательству, что и люди Средневековья. Может показаться, что обеспечивать преданность вассалов сегодня значительно сложнее, чем в добрые старые времена.

Однако нужно понимать, что рассказы о славном прошлом – не более чем легенды. Вассальная верность вряд ли ценилась бы так высоко и славилась в песнях, будь она распространена повсеместно. Во второй части нашей книги мы увидим впечатляющие примеры предательств, совершенных в эти «благословенные» Средние века. Сюзерены прошлого жили в постоянном страхе заговора среди собственных вассалов и для проверки их верности прибегали подчас к весьма жестоким методам:

«У Хосрова II, коварного и могущественного шаха Ирана в VII веке, было множество способов узнавать всю подноготную подданных, не вызывая при этом подозрений. Если, к примеру, он замечал, что двое его придворных дружны, он отзывал одного из них в сторону и сообщал, что ему известно, будто второй друг – изменник и скоро будет казнен. Шах говорил придворному, что доверяет ему больше, чем кому-либо, и что тот должен хранить эту тайну. Затем он внимательно наблюдал за обоими. Если обнаруживалось, что поведение второго человека никак не изменилось, он делал вывод, что первый придворный сохранил секрет. Тогда он повышал его в чинах, а позднее делал признание:

"Я хотел убить твоего друга, потому что мне кое-что о нем сообщили, но, проверив донос, я убедился, что он был ложным". Если же, напротив, второй придворный начинал избегать шаха, держаться скованно, Хосрову становилось ясно, что его секрет выдали. Тогда второго придворного изгоняли, сообщив ему, что все было лишь проверкой, которую он не прошел, и что, хотя он и не совершил ничего дурного, ему больше не доверяют.

Первого же придворного, выдавшего секрет, Хосров высылал из страны» [Грин, 2003, с. 157].

К XX веку нравы немного смягчились, но проверки вассалов по-прежнему были обязательны для серьезных игроков. Впечатляющий пример (вымышленный, но, скорее всего, «на основе реальных событий») приводит на этот счет Виктор Суворов. Сюзерен (некий подполковник Кравцов) дает своему вассалу (Суворову) секретное задание: написать на стене Кишиневского пединститута националистический лозунг на молдавском языке (которого Суворов не знает). Цель – свалить председателя КГБ, якобы врага кравцовской группировки. Суворов выполняет задание, после чего происходит следующий разговор:

«– ...то, что ты написал на стене, не принесет никому никакого вреда. Текст был совершенно нейтральным.

– Зачем же я его писал на стене?

– Затем, чтобы я был в тебе уверен.

– Я был под наблюдением все время?

– Почти все время. Твой маршрут я примерно знал, а конечный пункт тем более. Бросить десяток диверсантов на контроль – и почти каждый твой шаг зафиксирован. Конечно, и контролеры не знают того, что они делают... Когда человек в напряжении, ему в голову могут прийти самые глупые идеи. Его контролировать надо. Вот я тебя и контролировал.

– Зачем вы мне рассказали о том, что я был под вашим контролем?

–Чтоб тебе и впредь в голову дурные идеи не пришли. Я буду поручать тебе иногда подобные мелочи, но ты никогда не будешь уверен в том, идешь ты на смертельный риск или просто я тебя проверяю» [Суворов, 2002].

Так что принцип «доверяй, но проверяй» обязателен для сюзеренов всех времен. В наш коммерческий век

шире всего распространены банальные провокации, вроде предложения взятки или выведывания вроде бы не секретной, но доверительной информации в случайном разговоре^[70]. Такие проверки позволяют быстро отсеять нелояльных кандидатов, но требуют наличия хотя бы одного вассала, обладающего навыками подобной шпионской деятельности (в корпорациях ею занимаются службы безопасности с собственной агентурой). Тем не менее попытки «экономить» на проверках ведут пусть и не к быстрому, но неизбежному краху: врожденная вассальная верность среди людей – большая редкость.

Практик. Еще один серьезный момент аппаратной этики: если стало известно, что твой вассал начал устанавливать «особые» отношения с каким-то другим сюзереном, то реакция может быть только одна: жесткое требование публично определиться и полностью прервать отношения либо с одним, либо с другим. За нарушение этого принципа наказывают не только излишне «бойких» вассалов, но и недостаточно принципиальных сюзеренов^[71].

Теоретик. Ладно еще, если вассал «бегает» к вышестоящему или горизонтальному сюзерену своей группировки; но если он начал работать на сюзерена из команды конкурентов – это чрезвычайная ситуация, требующая немедленного реагирования. Несоблюдение этого правила погубило одного из лучших игроков во Власть за всю историю человечества – Наполеона Бонапарта.

К началу 1809 года империя Наполеона находилась на вершине своего могущества^[72], и любому человеку на месте императора могло показаться, что для него нет ничего невозможного. Тем не менее, получив в январе 1809 года перехваченное разведкой письмо из Парижа к неаполитанскому королю маршалу Мюрату,

Наполеон сразу же покинул воевавшую в Испании армию и поспешил в Париж. В письме сообщалось, что 20 декабря 1808 года, министр полиции Фуше посетил отставного министра иностранных дел Талейрана (что само по себе было подозрительно, так как оба политика считались врагами). У них состоялась беседа, кого возводить на престол в случае внезапной смерти Наполеона, и это место предлагалось занять Мюрату [Нечаев, 2013, с. 184].

Подобные разговоры между высокопоставленными вассалами (Талейран хоть и ушел в отставку с поста министра, но оставался в «команде» Наполеона, в частности, участвовал в сентябре 1808-го в эрфуртских переговорах с российским императором Александром I) сами по себе весьма неприятный сигнал для сюзерена^[73], и неудивительно, что Наполеон отреагировал на полученный сигнал, закатив истерику:

«Император в буквальном смысле слова с кулаками набросился на Талейрана. „Вы вор, мерзавец, бесчестный человек! – бешено кричал он. – Вы не верите в бога, вы всю вашу жизнь нарушали все ваши обязанности, вы всех обманывали, всех предавали, для вас нет ничего святого, вы бы продали вашего родного отца! Я вас осыпал благодеяниями, а между тем вы на все против меня способны! Вот уже десять месяцев, только потому, что вы ложно предполагаете, будто мои дела в Испании идут плохо, вы имеете бесстыдство говорить всякому, кто хочет слушать, что вы всегда порицали мое предприятие относительно этого королевства, тогда как это именно вы подали мне первую мысль о нем и упорно меня подталкивали! А этот человек, этот несчастный?»^[74] Кто меня уведомил о его местопребывании? Кто подстрекал меня сурово расправиться с ним? Каковы же ваши проекты? Чего вы хотите? На что вы надеетесь? Посмейте мне это

сказать! Вы заслужили, чтобы я вас разбил, как стекло, и у меня есть власть сделать это, но я слишком вас презираю, чтобы взять на себя этот труд! Почему я вас еще не повесил на решетке Карусельской площади? Но есть, есть еще для этого достаточно времени! Вы – грязь в шелковых чулках!"» [Тарле, 1959].

Однако истерика в делах Власти – плохой помощник. Вместо того чтобы публично ругаться с Талейраном, Наполеону следовало бы задать себе несколько простых вопросов. Почему вдруг его ближайший соратник начал рассказывать «всякому, кто хочет слушать», что не поддерживает политику своего сюзерена^[75]? Чего он добивается этими разговорами? Почему Фуше, давний враг Талейрана, первым пересекает порог его дома, и уже через несколько часов выходит оттуда с согласием Талейрана участвовать практически в заговоре? Откуда у Талейрана такое доверие к недавнему противнику? Нет ли у Фуше какого-нибудь козыря в рукаве, какого-нибудь компромата? Ведь на него работает целая армия осведомителей! Наконец главный вопрос, являющийся ответом на все предыдущие: а не переметнулся ли наш Талейран на сторону, не нашел ли себе еще одного сюзерена?

Задай себе Наполеон эти вопросы и приложи некоторые усилия по поиску ответов, он вполне мог выяснить, что Талейран уже несколько месяцев (со времен той самой эрфуртской встречи) работает^[76] на российского императора и даже имеет в русской разведке оперативный псевдоним Анна Ивановна. Закончившаяся фактически ничем истерика Наполеона позволила Талейрану сохранить свое положение в обществе, а значит, и возможность добывать информацию, вплоть до расположения войск. Сумей Наполеон проявить принципиальность и физически

устранить Талейрана (как некогда намного более невинного и куда менее опасного герцога Энгиенского), он вполне мог бы умереть [\[77\]](#) императором.

Читатель. Вас послушать, так вы лучше Наполеона разбираетесь во Власти. А мне кажется, что у него были какие-то основания не отправлять Талейрана на эшафот.

Теоретик. Разумеется, были. Талейран служил Наполеону около десяти лет, и показал себя прекрасным работником (начиная от внешнего вида, производившего впечатление даже на королей, и заканчивая информированностью в европейских делах). Наверное, Наполеону было жалко совсем лишаться такого человека. Но командный рейтинг не просто так выше профессионального. Правила Власти, как и инструкции по технике безопасности, написаны кровью. Вот почему верность вассала всегда должна стоять на первом месте, а его деловые качества – на втором.

Практик. Второе требование к вассалу: **этот человек должен приносить пользу для работы.** Есть исключения – например, очень влиятельный человек попросил пристроить «своего» человека (например, родственника). Тогда от такого вассала прямой пользы может не быть, но есть косвенная (можно использовать его связи или напрямую обратиться к влиятельному человеку). Польза может быть различная: есть вассалы-креативщики, есть старательные исполнители, есть узкие специалисты и так далее.

Сюзерен должен все время поддерживать своих вассалов в состоянии «соревнования» друг с другом. И для того, чтобы держать их «в тонусе», и для того, чтобы они следили друг за другом, чтобы минимизировать вероятность предательства.

Теоретик. Как видите, поговорка «один танк – это нет танков» вполне справедлива и в отношении вассалов. Успешно работать их команда начинает тогда, когда вассалов становится несколько и каждому из них можно поручить наиболее соответствующий его талантам участок работы. Но как только такая команда становится полезной для сюзерена, она превращается в его ресурс и начинает требовать соответствующего отношения.

Практик. Сюзерен должен **защищать своих вассалов (всех) и максимально продвигать** тех из них, которые доказывают свою пользу для сюзерена и всей властной группировки. Если сюзерен начинает игнорировать вассала и перестает его прикрывать, то это дает вассалу право искать нового сюзерена.

Теоретик. Хорошей иллюстрацией «от противного» может служить история Бориса Березовского, полностью игнорировавшего это правило Власти:

«До какого-то момента Борису [Березовскому. – Авт.] не нужно было разбираться в людях. Ведь он был абсолютно аморальным человеком. Пока Борис был с властью и при деньгах, и хорошие люди, и подлецы работали на него достаточно эффективно. Причем подозреваю, что Борис больше ценил подлецов – потому что они лучше работали.

Им не мешали моральные соображения, которые мешали порядочным людям.

Однажды мы куда-то вместе летели. Я спросил Бориса: "Почему вас так часто предают люди, которых вы считали своими друзьями?" Я имел в виду Волошина и Путина. "Деньги, – ответил Борис и уточнил: – Очень большие деньги!" Но я подумал, что деньги, конечно, не главное. Главным было то, что смысл слова "предательство" Борис понял только тогда, когда его самого начали предавать. Тут-то он и сказал мне, что вообще не разбирается в людях. Когда же ему всерьез

потребовалось начинать разбираться в людях, было уже поздно. Для этого нужны были органы, которые у Бориса давно атрофировались» [Боброва, 2013].

Результат такой «работы» с вассалами общеизвестен: потеря всех контактов в реальной Власти, эмиграция, одиночество и смерть. А ведь стартовые позиции у Березовского были столь сильны, что он всерьез считал себя тайным правителем России (подобно семейству Рокфеллеров в США)!

Практик. Тут нужно, конечно, уточнить, что это он сам про себя так думал. На деле реальной команды у него *не было*. И подобная же судьба ждет любого, кто попытается играть во Власть в одиночку или с одним-двумя верными друзьями.

Читатель. С отрицательным примером все понятно, а как насчет положительного? Как на практике выглядит «защищать» и «продвигать»?

Практик. Пожалуйста. Противник Березовского – Чубайс – в таких ситуациях вел себя прямо противоположным способом. Он активно, чтобы не сказать агрессивно, защищал своих людей, даже если они откровенно проштрафились и начинали его «подставлять». Мне известен только один случай, когда Чубайс «сдал» своего вассала – в августе 1997 года он сам попросил Ельцина уволить Коха с поста вице-премьера^[78]. В результате, хотя Чубайс и проиграл в 1998-м, он до сих пор входит в высшую «номенклатуру» российской Власти.

Теоретик. «Защищать» и «продвигать» вассалов означает прежде всего удерживать их на существующих должностях и рекомендовать на новые. С практическими примерами в этой области есть одна сложность, вытекающая из самой сущности Власти. Дело в том, что кадровые решения – как, впрочем, и все прочие – принимаются на основе устных, да к тому же

еще и конфиденциальных, договоренностей. Предшествующие им аппаратные игры также остаются скрытыми от широкой публики^[79].

Поэтому я приведу теоретические примеры. Понятнее всего ситуация с «защитой» вассала, находящегося в непосредственном подчинении. Все, что для этого требуется, – держать вассала «на хорошем счету» *независимо* от фактических профессиональных результатов (за эту работу спрос с него по отдельному, командному счету). Приписывать вассалу чужие успехи и перекладывать с него вину за неудачи – ну, все как обычно в корпоративной жизни. Делать это можно совершенно спокойно, – ведь вы тоже чей-то вассал и точно так же «прикрыты» сверху. В случае, когда вассал оформлен в другой организации, вам придется защищать его через своего сюзерена.

Более сложным является вопрос о «продвижении» вассалов. Поначалу^[80] во Власть приходят именно за этим – за карьерным ростом и достижением правильных должностей. Нелишним будет напомнить, какие должности являются *правильными* (с точки зрения американского исследователя Власти):

«Хорошим местом или должностью в организации считается позиция, которая позволяет вам: 1) контролировать бюджет, оборудование и прочие материальные ресурсы, 2) иметь доступ к информации о деятельности вашей организации, знать, что в ней происходит и кто к этому причастен, 3) обладать официальными полномочиями» (Пфеффер, 2007, с. 99).

Но понятно, что содействовать занятию вассалом такого «хлебного» места можно лишь с целью получить дополнительные возможности в собственной карьере, то есть решить какие-то задачи своего сюзерена. Вот как в середине прошлого века США был «сделан» министр финансов:

«Например, Хэмфри^[81] был членом консультативного комитета министерства торговли. Там он познакомился с Паулем Гофманом^[82]. Позднее, когда Гофман возглавил Администрацию европейского экономического сотрудничества, он протащил Хэмфри в руководство консультативного комитета по вопросам германской промышленности. Здесь он был замечен генералом Клеем. Генерал Клей, конечно, знаком с генералом Эйзенхауэром. И когда генерал Эйзенхауэр стал президентом, генерал Клей рекомендовал Хэмфри своему близкому другу, президенту Эйзенхауэру...» [и тот назначил Хэмфри министром. – Авт.] [Миллс, 1959, глава IV].

Поскольку после завершения своего министерского срока Хамфри вышел в почетную отставку на пост председателя Национальной сталелитейной корпорации, а Гофман продолжал играть в высшей лиге американской Власти, можно предположить, что Хамфри был вассалом Гофмана, удачно продвинутым им в министры^[83]. Генерал Клей заметил перспективного кандидата не просто так, а в результате некоторой комбинации, так и оставшейся за кулисами этой истории.

Как видите, продвижение вассала в большинстве случаев требует командной игры и должно согласовываться с вышестоящим сюзереном. Но и выгоды, получаемые от такого продвижения, далеко превосходят любые результаты вассала на предыдущей должности. Продвигать вассалов нужно не потому, что «так принято», а потому, что без такого продвижения сюзерен будет обойден более активными соратниками по группировке.

Практик. Теперь о тех же принципах чуть подробнее. Есть несколько вариантов поведения сюзерена по отношению к своим вассалам.

Вариант первый. Вассал является и непосредственным подчиненным сюзерена в рамках административной вертикали, в частности в этом случае его профессиональный рейтинг на единицу ниже рейтинга сюзерена. В этом случае сюзерен должен максимально учить вассала своей работе, имея в виду, что может так оказаться, что его самого повысят и тогда вассала можно будет поставить на свое нынешнее место. Если у сюзерена есть и другие заместители, которые вассалами не являются, то *все нетривиальные и сложные работы должны доставаться именно вассалу:* и для обучения, и для контроля. При этом «выход» на верхних руководителей должен быть доступен только своему вассалу (вассалам), остальные подчиненные должны знать свое место и сидеть тихо. Если у сюзерена несколько вассалов-заместителей или если у него нет близких шансов уйти со своего поста, то он должен попытаться *рассадить своих подчиненных-вассалов в разные другие места*, чтобы они росли и делали карьеру. При этом если у него есть подчиненные, вассалы других сюзеренов, то их поднимать совершенно ни к чему, для этого у них есть свои сюзерены.

Теоретик. Первую рекомендацию можно найти во многих книгах «Как делать карьеру»: чтобы вас повысили, вы не должны быть незаменимым. Вот только в случае обычных людей (не имеющих вышестоящего сюзерена и его поддержки) готовить себе преемника значит еще и рисковать увольнением. А человек Власти может (и должен) делать это совершенно спокойно!

Практик. *Вариант второй.* Вассал находится в **более далеко** подчинении сюзерена. Этот случай похож на предыдущий, за одним исключением. Сюзерен должен тащить такого вассала и использовать его для контроля над его непосредственным начальником, *даже если тот тоже является вассалом этого сюзерена.*

Вообще, организация конфликта и соревнования между собственным заместителем и его подчиненными – это очень важное умение любого сюзерена.

Теоретик. Если и заместитель, и его подчиненный – ваши вассалы, здесь все понятно: вассалы должны конкурировать за командный рейтинг отдельно от профессионального. Сложнее *второй вариант*, когда ваш заместитель не является вашим вассалом. На высших уровнях Власти, где обычных людей уже практически не остается, такое бывает сплошь и рядом. На этом уровне игроки тщательно следят друг за другом, и в кадровых вопросах действует неписаное правило: тот, кто пролоббировал освобождение некоей должности, лишается права кого-то на нее рекомендовать.

Получив должность, вы получаете вместе с ней и заместителя, почти наверняка принадлежащего к чужой группировке. Чтобы поменять его на своего вассала, требуется классическая аппаратная интрига^[84], которая не всегда возможна; но работать-то надо! Поэтому замена сотрудников на своих вассалов начинается с нижестоящих должностей, за которыми контроль послабее, да и освобождаются они проще – достаточно дожидаться какой-нибудь неприятности и свалить ее на подходящего «козла отпущения». После этого в штат принимается свой вассал, направляется в подчинение неугодного зама, и у того начинается веселая жизнь (а у вассала – серьезный экзамен на умение «подсидеть» вышестоящее лицо).

Практик. *Вариант третий.* Вассал не находится в непосредственном подчинении сюзерена, но по профессиональному рейтингу все-таки ниже его. В этом случае сюзерен должен по возможности продолжать проталкивать вассала, а также использовать связи с ним для собственного роста, поскольку вассал должен

продолжать информировать своего сюзерена о том, что, как и где на его месте работы. Это позволяет сюзерену увеличить свои возможности по решению проблем, которые перед ним ставит собственный сюзерен.

Вариант четвертый. Вассал обогнал сюзерена по профессиональному рейтингу. Единственное отличие от предыдущего случая в том, что сюзерен в этой ситуации *должен* давать своему вассалу часть информации о состоянии дел «наверху», то есть обмен становится обоюдным (что в остальных случаях является редкостью). Но рамках командного рейтинга вассал все равно работает через сюзерена.

Теоретик. Тут самое место напомнить общее правило: командный рейтинг важнее профессионального. Почему так, вам должно быть уже понятно: на любой самой высокой должности *в одиночку* долго не продержаться. Конкуренты, работающие на высокопоставленных сюзеренов, обязательно «сожрут» лишившегося команды зазнайку. А единственный способ играть в команде – это оставаться вассалом своего сюзерена, пусть он даже и не столь успешен профессионально. Альтернатива – предательство, но оно бывает успешным лишь в редких случаях^[85].

Практик. *Вариант пятый.* К сюзерену обращается его сюзерен или даже более высокий политический руководитель (но из той же властной группировки) с просьбой отдать ему конкретного вассала (вспомним мою историю, рассказанную чуть выше). Такая ситуация допускает отказ, но в случае согласия вассальный договор с этим вассалом расторгается. Иными словами, хорошие личные отношения обычно сохраняются, но никаких взаимных обязательств больше не существует. За одним-единственным исключением: достаточно долго первый сюзерен несет ответственность (которая

со временем снижается) перед всей своей властной группировкой (то есть вертикалью сюзеренов) в случае, если его бывший вассал совершает по отношению к ней предательство. Мне известны случаи, когда сюзерен не рекомендовал своему собственному сюзерену брать его вассала в непосредственное подчинение, поскольку тот был «политически ненадежен».

Теоретик. И совершенно правильно не рекомендовал. Все-таки отношения вассал – сюзерен очень личные, и верность вассала одному сюзерену не равна верности другому. Кто-то из вассалов полностью принимает правила «командной игры», а кто-то ограничивается личной верностью. Мы надеемся, что вы, уважаемый читатель, сумеете руководствоваться правилом «ничего личного» и демонстрировать верность не только своему сюзерену, но и всей его группировке.

Практик. Подведем итоги. Хотя арифметическое количество вассалов не всегда однозначно характеризует сюзерена, практика показывает, что чем больше вассалов, тем выше возможности сюзерена в рамках отношений с собственным сюзереном.

Теоретик. Так что поиск, вербовка, проверка и обучение вассалов – главнейшая обязанность сюзерена. Отсутствие интереса к этой работе означает во Власти *профессиональную непригодность*. Проверено на личном опыте!

Практик. Сюзерен может использовать вассалов для собственных интересов, например, для борьбы с другими вассалами собственного сюзерена. При этом их совершенно не обязательно ставить в известность о том, с кем же на самом деле они сражаются. Собственно говоря, в идеале любой вассал должен иметь политическую картину мира, созданную исключительно его сюзереном.

На практике, как понятно, такое обычно не получается и задача сюзерена во многом состоит в том, чтобы выстроить вассалу такую картину мира, которая и заставит его выполнять задачи, поставленные сюзереном, и при этом не будет противоречить его собственной картине мира. В свою очередь, вассал может выстраивать собственную картину мира, и если то задание, которое ему дал сюзерен, явно «выходит» за пределы вассального договора, может высказать свое недовольство. Грубо говоря, командир полка может приказать командиру батальона взять высоту (с высокой вероятностью при этом погибнуть), но *приказать* ему построить себе дачу он не может: тут речь может идти только о взаимной договоренности.

Теоретик. Формирование у вассалов «картины мира», при всей кажущейся фантастичности этого занятия, является стандартной практикой больших и хорошо организованных властных группировок. Дальше всех в этом направлении продвинулся пресловутый орден иезуитов, начинавший обработку своих вассалов с детского возраста. Сходным образом формируется «картина мира» у английской элиты – в школах и колледжах закрытого типа, где будущие вассалы осваивают основы подчинения и конкуренции. Известная фраза «мальчик из хорошей семьи» означает именно гарантии наличия у «мальчика» *правильной картины мира*, разделяемой дружественными семьями.

Разумеется, «локальную» часть картины мира каждый сюзерен рисует своим вассалам по-своему^[86], но в своих общих положениях внутренняя идеология *любой* властной группировки основывается на циничном признании своего превосходства над остальными людьми. Вот что писал от имени советской номенклатуры Восленский:

«Да, мы установили свою диктатуру. Мы не верим в демократию: она ведет лишь к слабости и разболтанности, а мы хотим, чтобы страна была сильной и по-военному подтянутой. Да, мы истребили миллионы людей, мы и сегодня действуем методами полицейского террора и наблюдения, но это необходимо для того, чтобы поддерживать в стране порядок. Да, мы пресекаем любую оппозицию, потому что она может увлечь за собой народ, и снова восторжествует стихия разболтанности. Да, народ нас не выбирал – но он нас боится и терпит. Мы же не считаем, что в историческом масштабе мы заслужили его ненависть. Пусть под нашей властью жить не так приятно, как в западных демократиях, зато мы сделали страну могучей в военном отношении, и эти же хваленые демократии перед нами трясутся... Наши привилегии – справедливая награда за жесткое, но правильное руководство обществом. Мы не верим в слюнтяйские рассуждения о всеобщем равенстве – его не было и не будет» [Восленский, 2005, с. 514].

А вот что пишет о Власти ее лучший американский исследователь Джефффри Пфеффер:

*«Несомненно, мир был бы намного лучше и гуманнее, если бы люди всегда были надежными, скромными, честными и постоянно заботились о благополучии окружающих, вместо того чтобы преследовать собственные цели. **Но такого мира не существует...***

Если организация не думает о вас и вы можете потерять работу «результате политической борьбы или фортуны, с какой стати вы должны заботиться о компании?»

*Если **иерархия – факт из жизни компании и она явно устраивает людей**, то иерархические отношения будут присутствовать повсеместно. Если существует иерархия, хотя бы какая-то часть людей захочет*

воспользоваться преимуществами позиций с более высоким, а не низким статусом в иерархии. Соответственно, стремление к высокому статусу и власти будет в компаниях обычным делом, и ее будет невозможно уничтожить, ибо она основана на иерархическом социальном порядке, который нравится людям» [Пфеффер, 2014, с. 11, 221. 226].

Практик. Дело в том, что логика принятия политических решений радикально отличается от логики научной и, если так можно сказать, «общечеловеческой». Власть – просто *другая* сфера деятельности. Подумайте, как с точки зрения абстрактного гуманизма можно воспринимать действия хирурга: как только возникает риск гибели пациента, он должен, в соответствии с этой логикой, заламывать руки и уходить в запой. А он – режет. И на десять спасенных – пара покойников. И куда тут денешься? Та же картина у офицера – когда он назначает своих товарищей на верную смерть, прикрывать отход основных сил. Не работает при принятии политических решений общечеловеческая логика; поэтому и люди тут требуются *другие*.

Теоретик. Требуются **люди Власти**, и это реальность существующего мира. Сюзерены могут себе позволить напускать любого тумана в рассказы о конкретных ситуациях, но в общих представлениях об устройстве Власти должны быть честны сами с собой и со своими вассалами. Людям нравятся иерархии, история человечества представляет собой непрерывную и жесткую борьбу за Власть, и надеяться на справедливость и гуманность в этой борьбе значит заранее обрекать себя на поражение.

Но в то же время нужно понимать, что людям не просто нравится, а *психологически необходимо* верить в доброту и справедливость этого мира. Поэтому *открыто* провозглашать циничную правду о Власти ни в коем

случае нельзя, ведь в подчиненных у вас находятся не только вассалы, но и обычные люди, столь же далекие от Власти, как и наш Читатель на первых страницах этой книги. Как же нужно вести себя с этими простыми людьми, не вписанными в систему?

5. Несистемные элементы

Теоретик. Теперь, когда вы уже многое знаете о Власти и готовы видеть ее за каждым кустом, самое время остановиться и перевести дух. Оглянитесь вокруг и подумайте: сколько вокруг вас обычных людей, и сколько – людей Власти?

Читатель. Трудно сказать. Когда я начинал читать книгу, я их вообще друг от друга не отличал. Да и как их распознать? Ведь не говорить о Власти – главное правило Власти!

Теоретик. Тогда зайдем с другой стороны. Попробуйте прикинуть, а сколько *властных группировок* или похожих на них команд вы встречали в своей профессиональной карьере? Сколько среди ваших коллег и знакомых было людей со связями, которых *продвигали* на должности некие покровители?

Читатель. Ну... Если подумать, то с парочкой группировок я точно сталкивался... Хотя нет, в одном случае продвигали просто родственника, это не считается. Но одна группировка точно была!

Теоретик. Сделаем следующий шаг: а сколько разных *людей* вы встретили за это же время? Тысячи, не правда ли? Вот теперь у вас есть два числа, и, поделив одно на другое, вы можете получить весьма близкую к истине оценку количества властных группировок: одна на тысячу человек.

Читатель. Это что же получается? Властных группировок так мало?! На всю Москву – каких-то

десять тысяч?!

Теоретик. Видите ли, это десять тысяч *властных группирован*, а не десять тысяч оппозиционеров на митинге^[87]. Власть – сложное и дорогостоящее занятие, которое может позволить себе далеко не всякий; вы ведь помните, что уже сюзеренам первого уровня (у которых в подчинении нет сюзеренов, а только вассалы) некогда заниматься своей официальной работой? Доходы им должна обеспечивать какая-то организация (частная или государственная), которую контролирует властная группировка; а чтобы обеспечить достойные для сюзерена доходы, организация эта должна быть достаточно крупной.

Итак, теперь у нас есть приблизительная оценка количества властных группировок. Чтобы узнать численность окружающих нас людей Власти, достаточно умножить это количество на среднюю численность группировки...

Читатель. А кстати, какая у нее средняя численность? Типичная группировка – это сюзерен и один вассал, как в «Портале», или пирамида с кучей уровней, как у каких-нибудь Ротшильдов?

Теоретик. Прежде всего, заметим, что мы *не знаем* численности группировок в «Портале»! Мы знаем только две пары «сюзерен – вассал», а сколько всего было вассалов, например, у Банкира или сколько было вассалов у самого Ашманова, так и осталось неизвестным. Точно так же невозможно узнать настоящую численность и любой другой группировки: нам станут известны лишь некоторые ее представители, «засветившиеся» в каких-то операциях, а все остальные так и останутся в тени. Поэтому мы обратимся к экспертной оценке нашего уважаемого Практика.

Практик. Давайте прикинем. У сюзерена в среднем может быть до десяти вассалов. Это нормальное количество – грубо говоря, три «бывалых» вассала, три вполне работоспособных и три-четыре новичка. Тогда нормальная властная группировка, с выходом на федеральное правительство (а это минимум три уровня сюзеренов – например, министр → президент компании → «смотрящий» или сотрудник Администрации Президента → губернатор → директор предприятия) должна была бы состоять из 1000 человек. Но в реальности не все вассальные цепочки тянутся до последнего уровня (у «новичков» может и вообще не быть вассалов, а такие новички есть на каждом этаже пирамиды). Так что у самого верхнего сюзерена есть «длинные» вассальные цепочки, а есть короткие, и в результате настоящая властная группировка состоит примерно из 150 человек.

Но это *настоящая* группировка, с выходом на самый верх; а есть еще *ограниченные* группировки, например на крупном предприятии, замыкающиеся на директора или владельца (как в «Портале»). Их размеры значительно меньше, вплоть до нескольких человек и одного уровня, но зато самих таких группировок значительно больше. Как правило, на одну «ветвь» группировки более высокого уровня всегда находится конкурирующая за тот же ресурс неполная группировка. Условно: в любой более или менее новой управленческой «конторе» почти всегда есть ветвь «большой» группировки (например, восходящая к крупному инвестору), а есть «ограниченная» группа, замыкающаяся на «младших» партнеров, например генерального директора или главного специалиста. Иногда они жестко конкурируют (есть довольно много историй про то, как у инвестора «увели» контору), хотя если он возьмется за ситуацию всерьез – шансов у его противников будет мало. А есть еще и другие, «малые»

группировки, например бывшие ветви какой-то старой группировки, которая лишилась «верхнего» суверена. Они куда более «настоящие», чем «ограниченная» группировка на предприятии, но не имеют выхода на верхние уровни власти. Такие группировки могут существовать довольно долго, но подняться вверх могут только в том случае, если их подхватит какой-нибудь соратник бывшего сюзерена. Или же сюзерен такой группировки сделает карьеру, шансов на которую, без поддержки «сверху», достаточно мало.

Теоретик. Вот теперь мы можем примерно посчитать среднюю численность группировки, с учетом их разноуровневости. На одну настоящую группировку (3 уровня, 150 человек) придется 5 неполных группировок второго уровня (30 человек) и 25 совсем уже маленьких, одноуровневых группировок (5 человек). Всего получится 31 группировка и $150 + 150 + 125 = 425$ человек, или примерно по 14 человек в группировке. Учитывая, что среди них есть совсем уж начинающие вассалы, называть которых людьми Власти преждевременно, мы получим простое соотношение: в среднем 10 людей Власти на 1 властную группировку (в ограниченных меньше, в настоящих – больше). Поскольку мы уже вывели соотношение 1:1000 для численности властных группировок, получим, что для людей Власти оно составит 1:100.

А теперь мы повторим этот результат отдельной строкой. Один процент населения вокруг вас – люди Власти; остальные девяносто девять процентов – обычные люди.

Практик. Это верно в среднем, но в реальности очень сильно зависит от окружения. Для провинции один процент – даже завышенная оценка, а вот в столице людей Власти побольше. Если же взять правительство или Администрацию Президента – то там почти сто процентов служащих являются людьми

Власти. Другим там делать просто нечего. И еще – из оставшихся 99% примерно 2 – 3% что-то слышали про какие-то властные группировки; эти два-три процента и составляют тот самый *шлейф*.

Теоретик. Подведем итог. Поскольку вы еще не в правительстве, абсолютное большинство людей вокруг вас – обычные люди. Поэтому человек Власти должен хорошо себе представлять, что с ними делать. Прежде всего, нужно различать две принципиально разные ситуации: когда человек, «не тянувший» работу во Власти, каким-то образом все же попал в вашу группировку и когда он остается за ее пределами (в «шлейфе» или просто в штате организации).

Второй случай обычно не вызывает особых проблем. Если ни у вас, ни у вашего сюзерена нет намерений сделать человека своим вассалом, отношение к нему становится сугубо формальным: вот оклад, вот должностная инструкция, вот менеджер, который контролирует результаты работы. Лучше, если менеджер при этом такой же наемный работник, держащийся за свое место. Технологии Управления, которые мы упоминали в самом начале главы, как раз для этого и созданы; афоризм Муссолини «Друзьям все, остальным – закон» является лучшим руководством для работы с обычными людьми.

Другое дело, если такой обычный (по своему характеру) человек каким-то образом *попал во властную группировку*, и лишь потом выяснилось, что взаимодействие с ним создает определенные проблемы. Вот таких людей мы называем *несистемными элементами*, и на работе с ними следует остановиться отдельно.

Практик. Описанная в предыдущих разделах конструкция Власти носит удивительно красивый и регулярный характер. Выстраивается дерево (для удобства его проще рисовать растущим вниз), которое

непрерывно «растет», на каждом «этаже» сохраняя собственную структуру. Но на практике, конечно, регулярность серьезно нарушается за счет наличия не совсем системных, то есть не помещающихся в регулярную структуру «дерева», элементов. Их достаточно много, поскольку исключения сложно типизировать, но, в общем, сводятся к следующим основным типам.

Вариант первый. Член группировки, занимающий довольно высокий пост и **отказывающийся быть «сюзереном»**. Это часто связано с личными качествами и, как правило, сочетается с яркими узкопрофессиональными талантами. А иногда ему просто не доверяют – если среди его предыдущих «вассалов» слишком много оказалось «врагов» или «шпионов». Вообще говоря, такая ситуация не очень интересна группировке, но бывают исключения. Например, когда такой человек занимает очень важный профессиональный пост. Такое его свойство ставит под угрозу контроль его группировки над соответствующей сферой в случае его ухода, и приходится мириться с его недостатками. Тогда группировка должна «продвинуть» в ту часть административной системы, которой руководит такой человек, другого своего представителя. Этот человек может не занимать высокий пост (например, быть секретарем или помощником, хотя может стать и заместителем), его главная задача – находить новых членов своей команды. Такой человек может вообще не готовиться по профессиональной части, у него очень узкие обязанности: совместно со своим руководителем подыскивать новых членов команды и «вести» их с чисто политической позиции (не вмешиваясь в профессиональную часть, которая идет через начальника). Такое разделение обязанностей сюзерена, который одновременно является профессиональным

начальником в обычной жизни, неестественно и быстро заканчивается, но в виде исключений бывает.

Существует еще один вариант этой схемы. Когда профессиональный пост, который занимает член группировки, настолько велик, что его профессиональные обязанности занимают все его время и не оставляют возможности для более или менее квалифицированной «вербовки» новых сотрудников. Тогда он выбирает из своих «вассалов» (именно из них, а не из простых подчиненных; нескольких человек, которые являются фильтром первичного отбора персонажей. То есть эти люди выступают как сюзерены по отношению к новым членам команды, но изначально позиционируют себя как «вербовщиков», в задачу которых входит вывод нового человека на своего начальника. Если тот его устраивает, то отношения сюзерен – вассал развиваются в нормальном режиме; если же нет, то «временный» сюзерен становится постоянным.

В любом случае, такая ситуация требует наличия в группировке специфических людей, у которых профессиональные обязанности связаны с работой *внутри* властной группировки (во времена СССР была такая профессия – кадровый партаппаратчик). Такие люди никогда не занимают высокие профессиональные посты (они ничего не умеют), но внутри группировки имеют достаточно высокий командный рейтинг. Так вот, такие люди не могут сами становиться нормальными сюзеренами, поскольку их работа по большей части сосредоточена «внутри» команды, а вассалов нужно искать вне её. Даже в том случае, если они выполняют функции вербовщика, все равно не могут быть полноценными сюзеренами, потому что вербуют новых вассалов они под конкретных сюзеренов. Рано или поздно, конечно, они каких-то вассалов набирают, но это «ветвь» политической команды явно второго сорта,

в случае ухода такого сюзерена ветвь самостоятельно не выживает, ее разбирают другие команды, причем на самом низком уровне. Вообще, «внутрикомандные управленцы» в нормальной ситуации являются персонажами «второго сорта», только в условиях ослабления политических игр (типа нашего «застоя») они вылезают на первые роли.

Теоретик. Наверное, нужно пояснить, почему «аппаратчики» выдвигаются на первые роли именно в условиях застоя. До сих пор мы рассматривали Власть исключительно как игру между людьми Власти за должности и ресурсы, как бы падающие с неба. Но на практике ресурсы возникают от работы какой-либо внешней по отношению к Власти системы – корпорации, государства, международной организации. И этой внешней системой тоже требуется управлять, для чего и выстраивается *профессиональная* иерархия. Если во главе такой системы окажется человек с низкой профессиональной квалификацией, система начнет «загнивать», и поток генерируемых ею ресурсов уменьшится (или того хуже – систему просто сожрут внешние враги). Разумеется, правящей группировке это не понравится, и будут сделаны соответствующие выводы.

Но если правящая группировка перестает обращать внимание на уменьшение потока ресурсов (например, в силу возраста – старики меньше склонны что-то менять, чем молодежь), возникает *застой*, и наступает время аппаратчиков. Они лучше других умеют работать с кадрами и продвигать своих людей. В результате профессионально компетентные люди Власти буквально выметаются из правящей группировки, и ее возможности по *управлению* государством/компанией/организацией падают ниже плинтуса. Результат этого, как правило, плачевный – лишившись приносящей ресурсы организации, группировка погибает.

Практик. *Вариант второй. «Парашютисты».* Это представители «высшего» руководства (дети, родственники и так далее), которые оказались на постах, которые явно не соответствуют их квалификации, ни профессиональной, ни административно-политической. Чем-то такие персонажи напоминают представителей первой группы, только у тех вообще нет вассалов, а здесь они есть, но качество их очень низкое. Связано это с тем, что опытные профессионалы очень не любят таких «неопытных» сюзеренов, которые постоянно «подставляются» и в рамках профессиональных, и в рамках политических игр. Но поскольку они прикрыты высокими связями, то их обычно не наказывают, а выбирают одного из вассалов (в случае политических игр) в качестве «козла отпущения». Иногда таким «парашютистам» дают «дядьку» – опытного, но уже «сходящего» профессионала, который должен такого молодого постепенно тренировать и направлять, но его эффективность часто невелика. Нужно отметить, что такие персонажи обычно проявляют высокую активность в части поиска себе вассалов (поскольку им нравится быть в окружении лиц, ими восхищающихся), а поскольку серьезные люди к ним обычно не идут (хотя бывают исключения), то в результате эти вассалы еще хуже качеством. Потом их этот «парашютист» раскидывает по разным ведомствам и структурам, и там ситуация повторяется на более низком уровне. Обычно таких «парашютистов» (вместе с их вассалами) безжалостно вычищают из группировки, как только уходит их покровитель.

Теоретик. Тут нужно понимать, что «покровитель» – это всегда старший по иерархии представитель той же самой властной группировки. Никакие внешние игроки, будь они хоть премьер-министрами, таких полномочий не имеют. А вот причин для того, чтобы

стать покровителем «парашютиста», может быть много: и личные отношения, и родственные, и интерес к какому-то внешнему человеку (которому делается «презент»), и договоренности об обмене с другими властными группировками, и еще более сложные комбинации, о которых нижестоящим знать не положено.

Практик. *Вариант третий.* **«Тайный советник вождя».** Это обычно человек, который входит в личный аппарат высокопоставленного члена группировки, занимающего к тому же высокий профессиональный пост (как уже неоднократно отмечалось, профессиональный и политический рейтинг коррелируют, но не всегда совпадают). У него может не быть своей вассальной структуры (или она очень маленькая), но в силу близости к одному из «первых» лиц он может быть очень влиятелен даже за пределами своих личных вассалов. Грубо говоря, он частично получает часть сюзеренных полномочий своего руководителя по отношению и к его вассалам, и к его профессиональным замам (даже из других властных группировок). Иногда такие люди получают самостоятельное назначение (например, таким был Крючков, который свою карьеру начинал помощником Андропова), но чаще они переходят по наследству к другому руководителю своей «верхней» группировки. В первом случае они напоминают «парашютистов» (неожиданным взлетом, особенно если они были помощниками вне официального аппарата), но все довольно быстро убеждаются, что они высокие профессионалы и им палец в рот не клади. К таким людям все тянутся, поскольку у них явные связи «наверху» и они быстро набирают недостающую вассальную структуру.

Теоретик. Такие «тайные советники» – это «парашютисты наоборот», хорошие профессионалы, к

которым тянутся другие профессионалы. Но их слабая черта – малая мотивированность к собственно властным играм (как у всех профессионалов). Так что без самого вождя «тайный советник» вряд ли станет сильным игроком (как консьюеры без дона в мафии).

Практик. *Вариант четвертый. «Выскачки».* Это люди, чей профессиональный или политический рейтинг много выше их формальной должности. Появляются такие люди в результате одной из нескольких процедур. Например, в случае резких изменений (как у нас в 90-е годы, когда происходит «вычищение» очень большой «старой» команды, в нашем случае – социалистической номенклатуры), когда главное – это обеспечить занятие освобождающихся мест «своими» людьми, в том числе и достаточно новыми членами команд. Еще один вариант: острый политический конфликт (например, схватка Гусинский – Коржаков в 95-м или Березовский – Чубайс в 97–98-м годах), когда нужны люди, которые бы быстро решали конкретные профессиональные задачи, а тонкие внутрикомандные игры отходят на второй план. Бывают случаи, когда человек, которого все (в том числе и его покровители) рассматривают как «парашютиста», оказывается вполне адекватным, что позволяет ему получить знания, намного превышающие его формальные полномочия. Чаще всего такие люди получают эксклюзивные полномочия от своих руководителей, но они обычно не подкрепляются соответствующими официальными должностями, и потому, что это не всегда бывает возможно, и потому, что это создаст излишние проблемы для самих назначенцев – вместо решения текущих проблем им придется разбираться с новыми должностными обязанностями.

Основная проблема с такими людьми – что с ними делать по завершении основной работы, ради которой

их продвигали. Поскольку их знания и умения существенно превышают их формальные полномочия, они создают массу проблем для всех. Есть несколько вариантов решения такой проблемы. Например, их на очень длительный срок (пять-десять, а то и больше) лет оставляют на некоторой должности, жестко ограничивая их возможности. Их способности и политические возможности, полученные ранее, позволяют им устроиться достаточно удобно, и если они не проявляют излишней активности, их часто не трогают. Но из политической командной жизни выкидывают.

Другой вариант работы с такими «персонажами»: их полностью выкидывают и из группировки, и с должности. Возврат таких людей крайне затруднен, поскольку на низкие должности они не пойдут, а все места «наверху», как понятно, заняты. Кроме того, если такие люди по каким-то причинам имеют связи с текущими «первыми» лицами во властных группировках, то все остальные члены этих группировок сделают все, чтобы они с «первыми» не встретились, поскольку это грозит их возвратом на чье-либо «теплое» место.

Есть еще один вариант: такого человека «готовят» на очень высокий пост, но ему самому об этом не говорят. Тогда те полномочия, которые он получает неофициально, – это проверка, и в том случае если он ее выдерживает, то получает официальное повышение. Если нет, то нет. В этом случае этот человек и становится «выскочкой», поскольку назначение он так и не получил, а опыт сильно более «высокой» игры никуда не делся (даже если он не оправдал ожиданий).

Теоретик. Поскольку варианты «заморозить» или «выкинуть» встречаются намного чаще, чем «кандидат на высокий пост» (не у всякой группировки всегда есть под рукой свободный высокий пост), положение

«выскочки» представляет проблему не для команды, а для него самого. Каждый решает ее в меру собственных представлений о Власти, но в целом нужно понимать, что бывают ситуации, из которых не существует хорошего выхода.

Практик. *Вариант пятый.* **«Агрессоры».** Это достаточно специфический класс персонажей, которые активно воюют против своих сюзеренов, если те не отвечают их запросам. Вообще говоря, в силу уже понятной вам специфики Власти вассал очень редко может обыграть сюзерена, но это все же возможно, например в случае:

- если вассал является «выскочкой», который имеет и связи, и опыт, сравнимый с опытом своего сюзерена;

- если сюзерен является «пассивным» и допускает неконтролируемый им самим «выход» своего вассала на более высоких сюзеренов группировки. Те, теоретически, не должны поощрять такую активность «низких» членов команды^[88], но если те, в свою очередь, в состоянии сами адекватно влезать в сложные политические игры на таких высоких этажах команды и, например, могут предложить какой-то реальный ресурс напрямую, минуя своего сюзерена, то могут и получить «добро» на свои действия;

- если сам вассал является «гиперактивным» и имеет какой-то неожиданный ресурс. Например, это очень красивая молодая женщина (или мужчина в некоторых группах), или человек, имеющий неожиданные связи по родственной линии (например, его тетушка является известным врачом и лечит детей высокопоставленных чиновников).

Вот *такие* агрессоры крайне опасны, и с ними нужно держать «ухо востро», поскольку они могут знать и понимать много больше, чем можно понять по их формальной биографии. А излишняя агрессивность

некоторых представителей такой группы проявляется не только в отношении сюзеренов, но и по отношению ко всем остальным членам команды.

Теоретик. Наличие небольшого числа «агрессоров» в команде даже полезно, поскольку помогает поддерживать настороженность у сюзеренов. А появление «суперагрессора», успешно прошедшего по головам и занявшего положение верховного сюзерена, может оказаться еще более полезным, поскольку под таким руководством властная группировка станет более эффективной. И те немногие, кто к тому времени останутся в команде, могут даже получить с этого выгоду. Здесь, как и везде в жизни, можно либо рискнуть и быстро выиграть, но, скорее всего, проиграть, а можно идти к цели постепенно и достичь ее с большей вероятностью. Путь агрессора – это путь высокого риска.

Практик. *Вариант шестой. «Маньяки».* Это люди, которые, получив высокую формальную должность, отождествляют себя с ней и начинают воспринимать свои обязанности как некий «долг», претворяя в жизнь свои собственные фантазии. Иногда это получается успешно (кардинал Ришелье, который фактически руководил страной, впрочем, при полном одобрении Людовика XIII), иногда приводит к крайне острым конфликтам (Томас Беккет, архиепископ Кентерберийский при Генрихе II Английском, митрополит Филипп при Иване Грозном, патриарх Никон при Алексее Михайловиче и так далее). Это, разумеется, самые масштабные примеры, но такое бывает и на более низком уровне. Иметь дело с такими персонажами страшно трудно, поскольку они категорически отказываются обсуждать моменты, связанные с их «призванием». В некотором смысле это напоминает шизофрению или паранойю, хотя в других отношениях это могут быть вполне нормальные люди.

Теоретик. Фактически, у таких людей происходит отождествление Власти с Управлением, и они начинают фанатично заниматься не делами группировки, а делами подконтрольного учреждения. Для собственной команды «маньяка» такая ситуация – катастрофа, а вот для конкурирующих группировок – широкое поле для всевозможных интриг. Фанатики прямолинейны и потому хорошо управляемы.

Практик. *Вариант седьмой.* **«Агрессоры-руководители».** Это вариант, противоположный пятому. Сюзерены, которые в силу каких-то психологических причин начинают «истреблять» некоторых из своих вассалов. В подавляющем большинстве случаев такая политика имеет психологические причины (зависть к излишне успешному вассалу, страх, что он слишком быстро делает профессиональную карьеру, и т. д. и т. п.). Исключение: если вассал сам оказался агрессором. В любом случае, такая ситуация не идет на пользу сюзерену, поскольку демонстрирует его ошибки, либо прошлые (выбор не того вассала), либо текущие.

Приведу пример такого руководителя. Уже после приведенного выше случая, когда моим сюзереном стал Я., ко мне стал активно присматриваться первый заместитель Я., назовем его У. Человек крайне амбициозный, абсолютно беспринципный и готовый продать кого угодно. В некоторый момент он сделал мне крайне сомнительное предложение – оформить проект нормативного акта, прямо противоречащий указу и поручению президента, причем направленный на пользу конкретному олигарху, про которого все знали, что он платит У. Если бы я это сделал – стал бы заместителем министра и, возможно, получил бы и довольно большую взятку, но с точки зрения безопасности оказался бы в крайне тяжелом положении. Я попросил официальные (письменные)

указания, после чего разговор закончился, и У. начал прилагать титанические усилия, чтобы выдавить меня из министерства. Именно в результате его активности я окончательно порвал с «либеральной» командой, а У. потом неоднократно «сдавал» и своих вассалов, и своего сюзерена и, в общем, стал фигурой почти легендарной в этом смысле. А из власти он ушел примерно одновременно со мной (и вместе со своим собственным сюзереном, которого он очень основательно подставлял).

Теоретик. Для властной группировки такие сюзерены представляют проблему, но мы уже убедились, что в реальной жизни всегда так – получая какой-то ресурс, вместе с ним получаешь и проблемы. Решение здесь то же, что и в других случаях: превратить недостаток в достоинство, например использовать такого сюзерена для поиска потенциальных предателей.

Практик. *Вариант восьмой.* **«Внекомандные»** члены группировки. Такие люди возникают в том случае, если их высокопоставленный сюзерен, обеспечивавший ресурсы всей группировке, неожиданно «выпадает» из команды (по возрасту, здоровью или в результате смерти). Теоретически его должен заменить один из его непосредственных вассалов, но если такая замена не была подготовлена – произвести ее невозможно. В результате вся группировка может оказаться вне игры.

Теоретик. Этот вариант мы уже рассматривали выше на примере советского Политбюро. Группа вассалов, оставшаяся без сюзерена, практически не имеет шансов сохраниться как единая команда. В результате на «рынке вассалов» появляются своего рода ронины, готовые присягнуть новому сюзерену. В принципе в интересах всей группировки (к которой принадлежал выбывший сюзерен) как-то пристроить

этих людей, чтобы они не унесли на сторону командные секреты; но найти им нового сюзерена, способного гарантировать верность, не так-то просто, поэтому чаще всего ронины выводятся в запас. Как видите, хотя Власть и предусматривает пожизненную гарантию занятости, это гарантия до конца жизни *сюзерена*, а не вассала.

Практик. Мы перечислили основные правила Власти, которые необходимо знать для вхождения во властную группировку и успешного роста от рядового вассала до преуспевающего сюзерена. Однако на этом карьере настоящего человека Власти не заканчивается, а только *начинается*. В высших сферах Власти, куда приведут вас (при правильном использовании) уже полученные знания, все эти правила продолжают действовать; но к ним добавляются новые, о которых мы расскажем в следующей главе.

Глава 2. Арена со львами

Правила Власти для сюзеренов

*Неторопливо истина простая
В реке времен нащупывает брод:
Родство по крови образует стаю,
Родство по слову – создает народ.*

Александр Городницкий

Теоретик. Итак, сбылось то, о чем когда-то вы не смели даже мечтать. Вы – сюзерен сюзеренов, и вассал Большого Человека с самого верха. Годы борьбы за Власть привели вас к впечатляющему успеху – лишь 0,01% населения может похвастаться столь высоким положением. В среднем городе-миллионнике вы вошли бы в число 100 человек, владеющих этим городом.

Читатель. Постойте, постойте! А не слишком ли быстрая карьера получается? Всего-навсего сюзерен сюзеренов, то есть сюзерен второго уровня – и уже хозяин целого города?

Теоретик. Давайте посчитаем. Вы ведь помните оценку из предыдущей главы? Один процент – такова доля людей Власти в общем населении средней страны. Ну а дальше вступает в силу властная арифметика. 1% населения – это вообще все люди Власти, включая рядовых вассалов. Сюзеренов первого уровня (командующих лишь вассалами) среди них будет в десять раз меньше^[89] – вот и получилось 0,1% населения. Сюзеренов второго уровня (командующих сюзеренами) – еще в десять раз меньше, 0,01%. Это всего 15 тысяч человек на всю Россию, и можете не сомневаться, каждый из них входит в состав национальной элиты. Сюзерены третьего уровня,

командующие вассалами из национальной элиты, составляют уже *правлящую* элиту (одна-две тысячи человек на всю Россию^[90]). Сюзерены следующих уровней, начиная с четвертого, – уже *государственные деятели*, ведущие непосредственную борьбу за Власть в масштабах всей страны. Их считанные десятки даже в больших странах^[91], и, как правило, обыденные представления о Власти связаны именно с этими людьми (или публичными фигурами их группировок).

Став сюзереном сюзеренов (сюзереном второго уровня), вы войдете в состав *национальной*, но не *правлящей* элиты. К моменту, когда вы на самом деле достигнете этого статуса, наша книга давно уже покроется пылью в вашей кладовке – вам станет не до нее, да и пользы от нее будет все меньше и меньше. Но пока вы еще располагаете свободным временем и интересом, мы попытаемся донести до вас вторую^[92] часть нашей теории – правила игры для состоявшегося человека Власти.

Казалось бы, человеку, попавшему в столь избранное общество (15 тысяч на всю страну), получившему в ходе карьеры огромный политический опыт и столь же необъятные связи, можно расслабиться и перестать проводить в офисе 16 часов в сутки. Но на самом деле, только с этого момента у вас и возникают настоящие проблемы. Контролируемые вашей группировкой организации теперь порождают достаточно *лакомое* количество ресурсов, и на них постоянно будет покушаться кто-то из конкурентов. Ваш сюзерен, Большой Человек, входит в *правлящую* элиту и вынужден (хочет он того или нет) участвовать в борьбе за *государственную* власть^[93].

Практик. Говоря о Власти, я часто вспоминаю книгу «На арене со львами» американского писателя Тома Уикера. Сама книга рассказывает о том, что некий

журналист едет на похороны вышедшего в тираж и спившегося американского политика и вспоминает, как вместе с ним проводил президентскую кампанию. А вот ее название отражает очень простую истину: иногда перед нами открываются двери, и дальше только от нас зависит, сделать шаг вперед или нет. Но в любом случае, независимо от выбора, двери вскоре закрываются. И если шаг не сделан, то об этом можно жалеть всю жизнь. А если сделан – то ты оказываешься на арене со львами.

Теоретик. Арена со львами – вот что ждет человека Власти, достигшего первого серьезного успеха. Спокойная жизнь, когда вы имели дело с обычными людьми, беспомощными в сравнении с вашей властной группировкой, навсегда остается в прошлом; отныне вашими конкурентами становятся безжалостные («ничего личного») и могущественные властные группировки. Все, что вы делали во Власти до сих пор, были игры в песочнице; теперь же вас окружают профессионалы.

«Номенклатурщики знают неписаное правило: только тот может удержать свой пост в номенклатуре, кто старается вырасти; тот, кто старается только удержать пост, потеряет его, так как будет вытеснен лезущим снизу. Для того же, чтобы действительно вырасти, надо приложить исключительные усилия.

Неудивительно, что в этой постоянной скачке с препятствиями номенклатурщики готовы использовать любые средства, только бы они обеспечивали успех. Ни в какой другой среде не видел я столько интриг, как в номенклатурной, и столько ханжества с целью представить интриганство "партийной принципиальностью". Даже порядочные, симпатичные члены класса номенклатуры прибегают к этим интригам – иначе они лишатся своей принадлежности к

номенклатуре, а это для каждого номенклатурщика – главная радость в жизни» [Восленский, 2005, с. 512].

На новом уровне Власти борьба за еще большую Власть становится насущной **необходимостью**. Если сегодня вы не провели на хорошую должность своего вассала – завтра ее занял конкурент; если сегодня вы не устранили наглого претендента на свое место – завтра вам, а вместе с вами и всей вашей команде дали пинка под зад.

Рассмотрим случавшийся уже миллионы раз, но тем не менее повторяющийся снова и снова пример из корпоративной жизни. Генеральный директор Боб нанял талантливоего менеджера Криса, и тот стал быстро продвигаться по служебной лестнице, пользуясь покровительством этого самого Боба, но не давая ему вассальной присяги^[94]. На предпоследнем этапе карьеры Крис вошел в совет директоров компании, и вот как Пфеффер описывает дальнейшее:

«Я уже предвидел следующий шаг, поэтому позвонил Бобу и сказал: "Крис метит на твое место". Боб ответил, что его интересует только благо компании, он не станет унижаться до политических интриг и считает, что совет директоров видит честность и уровень компетенции и примет правильное решение.

Можно догадаться, чем кончилась эта история – Боба уволили, Крис занял пост генерального директора. Интересно, как проходила телеконференция, на которой совет директоров обсуждал это решение. Хотя многие соглашались, что Крис ведет себя неподобающим образом и это вредит компании, мало кто поддерживал Боба^[95]. Если сам он не был готов к борьбе, никто не собирался сражаться вместо него. Люди, принимающие участие в собственной казни, не дождутся особого сочувствия или поддержки» [Пфеффер, 2014, с. 238].

Вряд ли можно подобрать более доходчивый пример разницы между Властью («метит на твое место») и Управлением («интересует только благо компании»)...

Практик. А давайте я все-таки попробую! Есть одна хорошая книжка про Власть^[96] (хотя она и написана человеком, во Власти ничего не понимавшим, но зато написана про настоящего гения Власти), и я хочу кое-что из нее процитировать:

«В первые дни моей работы я десятки раз в день хожу к Сталину докладывать ему полученные для Политбюро бумаги. Я очень быстро замечаю, что ни содержание, ни судьба этих бумаг совершенно его не интересуют. Когда я его спрашиваю, что надо делать по этому вопросу, он отвечает: "А что, по-вашему, надо делать?" Я отвечаю – по-моему, то-то: внести на обсуждение Политбюро, или передать в какую-то комиссию ЦК, или считать вопрос недостаточно проработанным и согласованным и предложить ведомству его согласовать сначала с другими заинтересованными ведомствами и т.д. Сталин сейчас же соглашается: "Хорошо, так и сделайте"... В секретариате Сталина мне разъясняют, что Сталин никаких бумаг не читает и никакими делами не интересуется» [Бажанов, 1992, гл.4].

Хотите узнать, чем занимался Сталин вместо чтения и согласования бюрократических бумаг? Найдите книжку и прочитайте, там кое-что про это написано. Сталин, в отличие от управленца Бажанова, был выдающимся человеком Власти и работал не с бумагами, а с людьми. Поэтому он совершенно спокойно относился к тому, что Бажанов вместо него принимает решения государственной важности: не эти решения определяли, кто получит Власть, а кто ее потеряет! Вот так и ваш управленец Боб занимался Управлением, вместо того чтобы хоть немного подумать о Власти.

Теоретик. Увлечшись Управлением, Боб забыл про Власть, забыл, что он на арене со львами, и закономерно потерпел поражение. Мы надеемся, что наша книга поможет вам навсегда запомнить: Власть – это вечный бой, где нет места рассуждениям о «благе компании». Чтобы уцелеть среди других сюзеренов и пробиться на следующие уровни Власти, вам потребуются новые знания и умения, о которых мы постараемся рассказать на следующих страницах. И начать этот рассказ мы хотим с главного врага человека Власти, погубившего больше правителей, чем все конкуренты и заговорщики, вместе взятые: с вас самих.

1. Главный враг человека Власти

25 декабря 1989 года в городе Тырговиште, что в 70 километрах от Бухареста, был расстрелян президент Румынии Николае Чаушеску, правивший страной с 1965 года. Кто же расстрелял этого выдающегося человека, успешно удерживавшего власть предыдущие 24 года? Не кто иной, как его старый друг Виктор Стэнкулеску, в ночь с 16 на 17 декабря подавивший антиправительственные выступления в городе Тимишоаре. Неделью спустя Стэнкулеску оказался министром обороны нового революционного правительства и лично организовал расстрел своего сюзерена^[97].

Как же получилось, что опытный Чаушеску (24 года на высшем уровне власти, а до этого еще почти 30 лет в коммунистическом движении, от рядового активиста до члена Политбюро) не разглядел заговора буквально у себя под носом? Почему он не предпринял стандартных в подобных ситуациях действий – не выдал протестующим «козла отпущения», не объявил новый курс, не зачистил половину окружения? Что

помешало этому выдающемуся^[98] политику защитить свою власть, а вместе с ней и свою жизнь?

Чтобы ответить на этот вопрос, познакомимся с некоторыми обстоятельствами последних лет правления Чаушеску. В 70-е годы Румыния, обладавшая некоторыми запасами нефти^[99], получила немалые выгоды от разразившегося энергетического кризиса; в страну хлынул поток нефтедолларов и западных кредитов^[100]. Однако к началу 80-х выяснилось, что полученные кредиты потрачены, а отдавать их нечем – добываемой нефти недостаточно, а других конкурентоспособных на мировых рынках товаров страна не производит. Перед Чаушеску встал выбор; либо идти на политические уступки^[101], либо «затягивать пояса». Первый вариант для политика, уже 15 лет не признававшего над собой ничьей власти^[102], был неприемлем, и Чаушеску взял курс на возврат западных кредитов. В стране была введена карточная система, все, что можно, отправлялось на экспорт, и в течение шести лет (!), с 1983 по 1989 год, небольшая Румыния полностью погасила более чем 10-миллиардный внешний долг.

За этот выдающийся внешний успех Чаушеску заплатил потерей популярности внутри страны. Разочарованные пустыми полками магазинов, скудным пайком по карточкам и жесткой экономией электричества^[103], румыны начали называть свою страну «Чаусвенцим». Сама по себе потеря популярности не очень опасна для политика (всегда можно поднять ее обратно, было бы желание), но с середины 80-х к ней добавилось изменение международной обстановки: в СССР пришел к власти Горбачев и фактически начал демонтаж мировой социалистической системы. В замене неудобного Чаушеску на более послушного политика оказались

заинтересованы и Вашингтон, и Москва; вот это было уже серьезной угрозой, и Чаушеску должен был на нее адекватно отреагировать. Но вот тут-то и проявил себя настоящий враг.

Вассалы Чаушеску (как, впрочем, и всех остальных монархов) непрестанно соревновались друг с другом в наилучшей лести своему сюзерену и постепенно сформировали в стране самый натуральный культ личности^[104]. Конечно, фальшивость их восхвалений была очевидна любому стороннему наблюдателю, но капля камень точит, и к середине 80-х постаревший Чаушеску *искренне* уверовал, что действительно является всенародно любимым отцом нации. Подозрительность, в былые годы распространявшаяся на ближайших соратников^[105], теперь переключилась на страх перед покушением^[106] – ничего другого «герою из героев» бояться уже не приходилось. С этими убеждениями Чаушеску вступил в последний месяц своей жизни, и все его последующие решения, оказавшиеся самоубийственными, с его точки зрения, были единственно возможными.

20 ноября 1989 года открывается очередной съезд компартии Румынии, от которого ждут каких-то решений по улучшению жизни – долги ведь выплачены, пора и продуктам появиться на полках. Чаушеску отчитывается о небывалых успехах социализма и клянется идти и дальше тем же путем. 6 декабря Чаушеску встречается в Москве с Горбачевым и отвечает категорическим отказом на предложение провести реформы по образцу советских (никто не может указывать Гению Карпат, что ему делать). 17 декабря Чаушеску собирает Политбюро для обсуждения только что подавленных волнений в Тимишоаре, министр обороны Василе Миля заявляет ему открытым текстом: «Нет такого в уставах, чтобы народная армия

стреляла в народ». Но Чаушеску спокойно улетает с официальным визитом в Иран, ведь он считает, что бунт в Тимишоаре подняли иностранные шпионы и хулиганы, а стрелять в них уставы разрешают. Вернувшись, Чаушеску распоряжается собрать в Бухаресте грандиозный митинг в свою поддержку, будучи уверен, что народ только и ждет этого случая, чтобы продемонстрировать верность любимому вождю. Когда 21 декабря на митинге раздаются лозунги «Долой тирана!» и «Долой коммунизм!», Чаушеску впадает в прострацию: «Я дал им все, я дал им все, а они...» С этого момента он больше не боец, и дни его сочтены.

Как видите, Чаушеску действовал в полном соответствии со своими представлениями о ситуации и ни разу не отклонился от твердой и последовательной линии. Проблема заключалась в том, что эти представления *совершенно не соответствовали действительности*. Пребывание в иллюзорном мире, созданном для сюзерена придворными льстецами, погубило румынского президента, сделав его главным врагом самому себе.

Читатель. Понятно, что правителю целой страны трудно сохранить здравый рассудок. После 15 лет непрерывных восхвалений во что угодно поверишь. Но мы же говорим о сюзерене второго уровня, у которого в подчинении не больше сотни человек. Неужели и у него может развиваться мания величия?

Теоретик. Давайте спустимся чуть ниже по лестнице Власти. 25 октября 2003 года в Новосибирске был арестован один из богатейших людей мира, владелец нефтяной компании ЮКОС Михаил Ходорковский. Вопреки расхожему мнению, что «богачам закон не писан», он был осужден на реальный срок и вышел на свободу лишь в 2013 году. К моменту его ареста большинству независимых наблюдателей было совершенно ясно, что против ЮКОСа ведется

кампания на уничтожение, в которой задействованы (как и в случае с Чаушеску) заведомо превосходящие силы.

Первые признаки надвигающейся бури появились еще 19 февраля 2003 года, когда на встрече бизнесменов с Президентом России Ходорковский заявил о коррупции на высших уровнях власти и в ответ получил замечание: «А сами-то вы честно платите налоги?» Даже если бы президент задал такой вопрос из праздного любопытства, найти налоговые нарушения у упомянутых компаний стало бы делом чести для его подчиненных; однако дальнейшие события показали, что претензии к Ходорковскому носили куда более масштабный характер^[107]. 15 апреля 2003 года депутат Госдумы Юдин направил в Генпрокуратуру запрос о нарушениях ЮКОСом приватизационного законодательства и уклонениях от уплаты налогов его дочерними предприятиями. 19 июня по обвинению в организации убийств был задержан руководитель службы экономической безопасности ЮКОСа Алексей Пичугин, а 2 июля 2003 года, в рамках возбужденного по запросу Юдина уголовного дела, председатель совета директоров объединения «Менатеп»^[108] Платон Лебедев. Два разных уголовных дела, реальные задержания высокопоставленных сотрудников (в стране, где до сих пор в ходу поговорка «у нас просто так не сажают») – что еще требовалось для осознания серьезности положения?

В аналогичных случаях в Древнем Риме сенаторы вскрывали себе вены и завещали все свое состояние действующему императору^[109]. Победить в открытом столкновении сюзерена более высокого уровня невозможно^[110], и если уж оно началось, нижестоящему сюзерену приходится выбирать между капитуляцией^[111] и бегством. Что же сделал самый

богатый российский миллиардер? Ни того ни другого. В августе 2003 года Ходорковский посетил США (где американские друзья прямо говорили ему: «Не вздумай возвращаться»), а в сентябре вернулся домой и отправился с лекциями о демократии по городам России. 25 октября лекции закончились тем, чем и должны были закончиться по всем законам Власти.

Вопрос «Почему Ходорковский не уехал?»^[112] долгое время был одной из главных загадок российской истории (в 2013 году ему на смену пришла другая загадка – «Почему Путин выпустил Ходорковского?»). Официальный ответ на этот вопрос^[113] звучит так: «Не мог бросить друга, Платона Лебедева, предполагал, что живу в демократической стране, и привык бороться до конца». Насколько полезно бороться с уголовными (и довольно тяжкими) обвинениями с помощью *лекций о демократии*, предлагаем вам оценить самостоятельно; а сами тем временем расскажем о другой версии рокового решения Ходорковского, куда лучше стыкующейся с теорией Власти. Она подробно изложена в книге известной пиарщицы Елены Токаревой «Кто подставил Ходорковского» (2006) и сводится к трем ключевым моментам.

Во-первых, Ходорковский действительно планировал захватить политическую власть (создал протопартию «Открытая Россия», заключил союз с премьер-министром Михаилом Касьяновым и руководителем Администрации Президента Александром Волошиным, готовил захват большинства в Думе). *«Юкосовские люди были настолько уверены, что вышли на финишную прямую захвата власти в стране, что уже планировали жизнь на десяток лет вперед»*, – вспоминает Токарева о тех временах.

Во-вторых, технология проникновения во Власть у ЮКОСа была чисто коммерческой: *«В 2001 году*

*Ходорковский закрыл аналитическое управление, которым командовал отставной гвэшный генерал Алексей Кондауров со словами: Чего ты мне свои бумажки подсовываешь? Всех, кого надо, мы уже купили» (там же). Между тем разница между купленными людьми и настоящими вассалами группировки громадна и хорошо известна еще со времен сицилийской мафии: продажные полицейские могут помочь раз, и другой, и третий, но в случае опасности мгновенно перебегут на другую сторону. Представления о «выходе на финишную прямую» у Ходорковского (как и у другого столь же неудачливого олигарха, Березовского) основывались не на численности своих вассалов, а на количестве *купленных* людей (к числу которых, при желании, можно было отнести кого угодно^[114]).*

В-третьих, Ходорковский всерьез рассчитывал на помощь мирового финансового капитализма^[115], которому предлагал разнообразные лакомые проекты (продажу части ЮКОС-Сибнефть, 30-летний договор о поставке нефти в Китай, ядерное разоружение России). Вот что говорил еще один опальный олигарх, Сергей Пугачев, в своем интервью телеканалу «Дождь» (25.06.2015):

«Я сказал просто ему: "Миш, у тебя же есть деньги, все в порядке, может, тебе лучше на время уехать отсюда? Не горячиться? Как минимум оттуда ты можешь помочь своим людям, ты можешь разрешить эту ситуацию". Но он выбрал то, что он выбрал. Я не скажу, что это был жест самопожертвования, он был абсолютно убежден, что с ним ничего не случится... он... сказал, что у него была встреча с американским президентом, и вообще нет шансов, что что-то произойдет».

Как видите, с точки зрения самого Ходорковского, ситуация 2003 года выглядела не как столкновение с вышестоящим сюзереном, а как завершающий этап *борьбы за власть с равными противниками*, причем на стороне Ходорковского в ней выступали и высшие чиновники российского правительства, и Ротшильды, и даже сам американский президент. Все карты на наших руках, вперед, к победе – так, и только так должен действовать человек Власти в ситуации *своего* превосходства. И все бы у Ходорковского получилось, *если бы не проклятая реальность*.

Читатель. Ну да, очень похоже на Чаушеску. Но про того целые книги издавали, а про Ходорковского только статьи, какой он крутой и талантливый. Хотя знакомство с Ротшильдом, встреча с американским президентом... было от чего крыше поехать.

Теоретик. Можете не сомневаться, было. Порой и одного подхалима достаточно, чтобы убедить человека в собственной гениальности, а в штате империи Ходорковского их числилось несколько сотен. Иллюзорный мир, в котором Ходорковский уже договорился с мировым правительством и планомерно шествовал к власти над Россией, был выстроен столь же любовно и качественно, как и иллюзорный мир Геня Карпат, хотя Ходорковский не был ни выдающимся политическим деятелем, ни даже сколько-нибудь значимым бизнесменом. В результате Ходорковский намного переоценил уровень собственной властной группировки и вступил в безнадежную борьбу, закономерно закончившуюся поражением.

Практик. Тут нужно понимать, что Ходорковский вообще не был политиком. Он рассматривал себя как управленца, который был поставлен владельцами, пусть и вопреки желанию «старых» сотрудников компании. То есть, если брать примеры, приведенные выше, считал себя аналогом Скалли, притом что Путин

играл роль Джобса. И соответственно, проблема его была не только в том, что у него сыграла поддержанная «клакой» мания величия, но и то, что эта мания была построена на совершенно неадекватной модели мира. Это типовая ошибка для тех, кто сделал слишком быструю карьеру – они преувеличивают силу своих сюзеренов (которые у многих российских олигархов были за пределами страны) и склонны недооценивать своих соперников, карьера которых развивалась более медленно (как у Путина, например).

Теоретик. Горькая правда о Власти заключается в том, что точно такую же ошибку может допустить любой сюзерен, независимо от своего уровня. Сама природа Власти требует от своих людей большей склонности к риску^[116], некоторой «безбашенности» (опирающейся, конечно, на точный расчет). Когда раз за разом рискованные решения приводят к победам, любой человек начинает чувствовать себя баловнем судьбы: «Другим нельзя, а мне можно»^[117]. Подобная трансформация людей во Власти не абстрактные теории, а научный факт, подтвержденный лабораторным экспериментом^[118].

Обладание властью позволяет избавиться от множества мелких проблем, вызывающих стресс у обычного человека (страх перед увольнением, управление автомобилем, ненужные встречи). Благодаря этому «фоновый» уровень стресса у человека Власти заметно ниже, и он располагает большими ресурсами для конфронтационного поведения (обмана или агрессии). Постоянная практика «тренирует» человека Власти – то, что у обычного человека вызывает стресс^[119], для него обычная рутинная работа. И это замечательно, но подобное притупление чувства опасности распространяется *на все риски* – в том числе и те, которыми нельзя пренебрегать!

Практик. А я еще раз повторяю свою мысль. Поскольку сюзерены склонны в разговорах со своими вассалами преувеличивать свои возможности, вассалы часто преувеличивают потенциал сюзеренов. А поскольку реальной информации о той ситуации, в которой сюзерены действуют, им взять неоткуда, вассалы часто совершают ошибки, особенно при попытке сыграть собственную игру. Так, однажды я разговаривал с одним олигархом, который готовился к встрече с тогда еще недавно назначенным Путиным, и потому решил со мной посоветоваться. Я его честно послушал и сказал, что его позиция Путину будет неинтересна. Олигарх очень удивился, на что я его спросил, что он скажет, если у него будет 20-минутный ланч с Уорреном Баффетом. «Ну, – грустно сказал олигарх, – я ему неинтересен! У него миллиардов много больше, чем у меня!» – «Ну вот, – подытожил я, – а теперь подумай, сколько атомных ракет у Путина, а сколько у тебя». До этого разговора олигарх совершенно не представлял себе пропасти, разделявшей его и путинский уровни Власти.

Теоретик. Предрасположенность людей Власти к недооценке рисков и переоценке собственной значимости является их профессиональной чертой характера, без которой они и не смогли бы стать сюзеренами. Внешние проявления этой особенности выглядят настолько своеобразно, что заслужили в западной психиатрической литературе специальное название: гибрис-синдром. Придумал этот термин не кто иной, как *профессиональный английский политик*, министр иностранных дел Великобритании в 1977-1979 годах, а также нейропсихолог по образованию, лорд Дэвид Оуэн^[120]. В ранних нулевых Оуэн заинтересовался профессиональными болезнями глав государств и правительств (его первая статья 2002 года

называлась «Отравленные, слабоумные, депрессивные: больные люди во главе государств»). Однако быстро выяснилось, что психические расстройства у людей Власти совсем не такие, как у обычных людей, так что формулировки «слабоумие» и «депрессивность» вводят читателей в заблуждение.

Нужное слово Оуэн нашел у известного английского историка Яна Кершоу: первый том его биографии Гитлера назывался «Гитлер 1889-1936: Гибрис^[121]». Гибрис – патологическая зависимость от демонстрации своей власти и превосходства – вот что объединяло всех «больных» правителей! Статью 2006 года Оуэн называет уже «Гибрис и немезис у глав правительств», за ней следуют книга «Гибрис-синдром: Буш, Блэр и отравление властью» (2007) и статья «Гибрис-синдром: приобретаемое личностное расстройство» (2009). Психиатрическое описание этого синдрома следует хорошенько запомнить всем будущим (и уж тем более действующим) людям Власти:

«Гибрис-синдром представляет собой модель поведения человека, который:

- 1) воспринимает мир как сцену для самопрославления посредством использования власти,*
- 2) предпочитает действия, ведущие к улучшению своего имиджа,*
- 3) уделяет непропорциональное внимание к производимому на людей впечатлению,*
- 4) демонстрирует мессианскую увлеченность и экзальтацию в публичных выступлениях,*
- 5) отождествляет себя с нацией (организацией),**
- 6) использует королевское "мы" в разговорах,**
- 7) демонстрирует гипертрофированную самоуверенность,*
- 8) проявляет презрение ко всем окружающим,*

9) готов отвечать только перед высшим судом (Истории или Бога),

10) уверен, что этот высший суд его оправдает,

11) теряет контакт с реальностью,

12) склонен к нетерпеливым, рискованным и импульсивным действиям,

13) позволяет своему чувству „правильности“ преодолевать любые возражений практической целесообразности, цены и расходов,

14) демонстрирует непонимание и пренебрежение к механизмам выработки рациональных решений...

В диагностике гибрис-синдрома мы предполагаем, что три или более из 14 этих симптомов должны присутствовать, в том числе хотя бы один – из числа **5 специфических** именно для гибрис-синдрома [выделены жирным шрифтом]» [Owen, 2011].

Оуэн изучил биографии 18 президентов США и 26 премьер-министров Великобритании с 1908 по 2008 год и обнаружил гибрис-синдром только у одного (!) президента США (Джорджа Буша-младшего) и у четырех английских премьер-министров (Ллойд-Джорджа, Чемберлена, Тэтчер и Блэра). Еще у шести президентов и трех премьер-министров были замечены отдельные симптомы гибриса. Столь скромные результаты были связаны с тем, что диагноз ставился главным образом на основе *публичного* поведения изучаемых политиков; один из критиков справедливо заметил по этому поводу: «Черчилль не страдал гибрис-синдромом?! Оуэн что, не читал ни одной его биографии?»^[122]

Обратите внимание, что гибрис-синдром даже в его психиатрическом описании в точности соответствует привычному всем образу **харизматического вождя**. Человек с гибрис-синдромом каждым своим словом, жестом и действием демонстрирует свое

превосходство, свою принадлежность к высшей касте людей, неподвластных обычным законам, презирующих низменные материальные соображения. Такой человек всегда абсолютно уверен в том, что делает, и за счет этого способен увлекать за собой других людей. В критических ситуациях (когда лучше действовать неправильно, чем никак) он никогда не будет колебаться, и первым примет решение. Гибрис-синдром – это набор качеств настоящего лидера, и если у Вас он по каким-то причинам не сформируется сам по себе, Вам следует научиться его имитировать – людям это нравится.

Однако за все на свете приходится платить, и Власть – не исключение. Как только гибрис-синдром перестанет быть для вас средством укрепления собственной власти, и превратится в цель вашего существования, как только вы станете получать удовольствие не от результатов своих действий (рост числа вассалов, новые подконтрольные организации), а от самих действий (помыкать подчиненными, нести чушь на публику), гибрис-синдром станет вашим самым опасным врагом. С этого момента ваша жизнь окажется в руках вашей иллюзорной картины мира, где вы равны богам и действуете единственно правильным образом. Подобная самонадеянность неизбежно приведет к столкновению с более сильной группировкой, которое вы обязательно проиграете. Вслед за гибрисом к вам в гости пожалует и немезис.

Читатель. Кого боги хотят покарать, того лишают разума. Помню-помню. Но, может быть, это и не так плохо – всласть покуражиться, а потом отойти в сторонку и посмотреть, как за Власть дерутся другие?

Теоретик. Вы забыли, что дверь, через которую вы вошли на арену, захлопнулась за вашей спиной. Мы уже писали о том, что обладание настоящей Властью (которая как раз и начинается с уровня «сюзерен

сюзеренов») является высшим наслаждением из всех доступных человеку (только с ее помощью можно пусть на какое-то время, но ощутить себя богом). Лишившись этого удовольствия, бывший человек Власти испытывает мучения, сравнимые по интенсивности разве что с героиновой ломкой.

Что значит для человека Власти лишиться своего положения, можно понять из истории Ника Бинкли, рассказанной Пфеффером. Сделав успешную карьеру и достигнув положения члена совета директоров Bank of America, Бинкли все-таки не вписался в высшую команду этого банка и вынужден был воспользоваться «золотым парашютом». Последствия этого ухода оказались для Бинкли шокирующими:

«...будучи руководителем высшего звена в крупной корпорации, человек окружен „игроками“, то есть людьми равновеликого статуса. Когда человек выходит из игры, он теряет эти связи, ибо большинству людей его общество интересно только до тех пор, пока он обладает властью и связями. Это ощущение, что ты больше не игрок или не член элитного клуба, воспринимается как потеря...

Ник Бинкли описал „властное похмелье“^[123], которое имело как физиологические, так и психологические составляющие – он был буквально болен и испытывал проблемы со сном. Ему казалось, что **отмена самого сильнодействующего наркотика не могла бы привести к ломке более сильной, чем он испытывал...**» [Пфеффер, 2014, с. 200-201].

Людам, никогда не пробовавшим Власть на вкус, невозможно понять глубокой депрессии (доходящей до разных вариантов самоубийства), охватывающей высокопоставленных людей Власти после падения. Казалось бы, что такого – сбережения остались, профессиональная квалификация тоже, живи дальше и

радуясь. Однако в такой жизни нет самого главного: нет ощущения себя человеком Власти, нет чувства, что все в мире идет так, как тебе хочется. Так что *на самом деле* отойти в сторонку и снова стать обычным человеком – невозможно; однажды испробовав Власть, вы вряд ли сможете стать счастливым обывателем.

Единственный способ и дальше оставаться счастливым заключается в том, чтобы успешно сражаться на арене со львами. Для этого вам придется одновременно и потакать своему гибрису (иначе как получить удовольствие от Власти?), и держать его под контролем (иначе ему на смену быстро придет немезис). Последнее не так-то просто сделать (когда все вокруг требуют от вас быть величественным и безрассудным); но, к счастью, в вашем окружении имеются люди, способные привести вас в чувство. Мы говорим о вашем сюзерене, непосредственно заинтересованном в вашем здравом рассудке, и о ваших конкурентах, организующих вам проблемы, а не восхваления. Лучшее средство для поддержания контакта с реальностью – чаще взаимодействовать с теми, кто сильнее вас (здесь как в шахматах, чтобы чему-то научиться, нужно играть с сильными соперниками и *проигрывать*). Вечный бой на арене со львами – не только постоянная угроза, но и единственный шанс на спасение.

Читатель. Звучит логично, но как-то абстрактно. Шахматы, или гладиаторские бои, или даже военные действия – там понятно, кто противник и как с ним сражаться. А как сражаются между собой властные группировки?

Теоретик. Вы наверняка слышали расхожую цитату из Клаузевица: «Война это продолжение политики другими средствами». В оригинале она звучит еще значительнее: «С прибавлением иных средств»; для Клаузевица война (в которой он хорошо разбирался) была высшей формой политики (в которой он

разбирался значительно хуже). Но на наш взгляд, дело обстоит прямо противоположным образом: война – это *упрощение* политики, сведение ее к ограниченному набору средств, благодаря чему она и становится относительно понятной.

Настоящая политика (которая и представляет собой борьбу за власть между властными группировками) намного сложнее и военных действий, и даже публичной политики (которую принято анализировать в рамках политологии). Нет ничего удивительного в том, что вы пока не можете охватить ее одним взглядом. Короткий ответ на заданный вами вопрос существует – «Властные группировки перехватывают друг у друга контроль над ресурсами», – но сейчас он покажется вам столь же абстрактным и неясным, как слово «гибрис» несколькими страницами ранее. Ведь все на свете можно (при определенной наглости) назвать «ресурсами» и любую причастность к каким-то делам – «контролем».

Поэтому мы не будем забегать вперед, а продолжим планомерное знакомство с устройством высших уровней Власти. Вы уже знаете своего главного врага (гибрис), и в общих чертах представляете себе, как с ним бороться; теперь самое время познакомиться с вашими соседями по арене. Как уживаются между собой верховные сюзерены и всегда ли безопасно входить в их круг с привычками, приобретенными на низших уровнях Власти?

2. Монархия или олигархия?

Одинаковые методы, разные результаты

Теоретик. 8 ноября 1960 года демократ Джон Кеннеди победил^[124] республиканского кандидата Ричарда Никсона и стал самым молодым президентом

за всю историю США. На формально главные должности своего кабинета Кеннеди назначил политических тяжеловесов^[125], однако все ключевые решения принимал самостоятельно, сформировав для этого команду своих персональных помощников^[126]. В нее входили выдающийся спичрайтер Теодор Соренсен^[127], придумавший прославившую Кеннеди фразу: *«Не спрашивай, что твоя страна сделала для тебя, спрашивай, что ты можешь сделать для своей страны»*; не менее выдающийся историк Артур Шлезингер^[128], автор получившей Пулицеровскую премию книги о становлении американской демократии «Эпоха Джексона»^[129]; профессор Гарварда по госуправлению Макджордж Банди и другие не менее именитые ученые.

Кеннеди хотел создать «команду мечты» – и добился своей цели. Впервые в истории США интеллектуалы заняли столь высокие посты в государственном управлении и получили возможность непосредственно влиять на принятие решений о судьбах Америки. Казалось, сбылась вековая мечта о «республике ученых», обществе, управляемом «мудрецами» (как прозвала советников Кеннеди американская пресса); успех столь блестящей команды представлялся гарантированным, и Соренсен уже обсуждал с Кеннеди будущую книгу, которую предполагалось написать о лучшем американском президенте по окончании его *второго* срока^[130]. «Камелот» предоставил многим интеллектуалам лифт на высшие этажи Власти; кто же из них и *каким способом* сумел закрепиться на самом верху и войти в состав американской правящей элиты?

Читатель. Что-то я никого не припоминаю. Помоему, никто и не должен был закрепиться – интеллектуалы слишком много о себе думают, чтобы преуспеть во Власти.

Теоретик. И тем не менее такой человек нашелся. Им оказался политолог и дипломат Генри Киссинджер^[131], работавший в администрации Кеннеди «на полставки». К моменту, когда Кеннеди начал собирать свою команду мечты, Киссинджер уже заслужил репутацию эксперта своей книгой «Ядерное оружие и внешняя политика»^[132] (1957) и как раз закончил вторую («Необходимость выбора», 1961), посвященную той же теме. Однако между славой ученого и самой скромной позицией во Власти лежит пропасть; преодолевать ее Киссинджер начал в 1958 году, познакомившись с Кеннеди через его спичрайтера Соренсена. Оценив потенциал Кеннеди, Киссинджер в 1960 году вступил в Демократическую партию^[133] и попросил своего друга Шлезингера замолвить за себя словечко перед будущим президентом. В результате в феврале 1961 года Кеннеди лично принял Киссинджера в Белом доме и пригласил поработать консультантом у своего советника по национальной безопасности, Макджорджа Банди^[134].

Формально Банди, занимавший должность декана в Гарварде, был выше по статусу, чем простой преподаватель^[135] Киссинджер, и подобная подчиненность выглядела логичной. Однако Киссинджер метил куда выше, чем в вассалы перспективного правительственного консультанта; поэтому он принял нелегкое, но в данной ситуации вполне обоснованное решение^[136] – действовать через голову своего начальника (не принося ему вассальной присяги). Вскоре для этого возникла отличная возможность; 7 апреля 1961 года лидер СССР Никита Хрущев объявил, что восточная часть Берлина^[137] будет передана ГДР, и тем самым активизировал «берлинский кризис». Кеннеди нужно было как-то реагировать (воевать? сдаваться?), и он потребовал от своих

консультантов обоснованных рекомендаций. Киссинджер ухватился за представившуюся возможность и в короткие сроки написал 32-страничный «Меморандум для президента», где изложил свое понимание ситуации: идти на уступки СССР нельзя, поскольку это приведет лишь к требованиям следующих уступок^[138].

Меморандум лег на стол Кеннеди, но с сопроводительной запиской Банди, гласившей: «Этот план не оставляет Вам никакого выбора»^[139], – что на языке Власти означало «Киссинджер уже все решил за Вас». Разумеется, Кеннеди это не понравилось, план Киссинджера не был принят, его отношения с Банди ухудшились^[140], и в октябре 1961 года ему пришлось выйти в отставку. Киссинджер приобрел бесценный опыт и связи, но на тот момент казалось, что как раз он, а не Банди или Шлезингер, навсегда покидает большую политику.

Читатель. А на самом деле оказалось наоборот? Я правильно понимаю, что после убийства Кеннеди^[141] вся его команда лишилась работы, а вот клеймо «вассал Кеннеди» сохранила? А Киссинджер успел вовремя покинуть тонущий корабль?

Теоретик. Судя по своей дальнейшей карьере, Киссинджер был способен сообразить, насколько опасно приносить Кеннеди вассальную присягу. Прекрасным примером «клейма», о котором Вы говорили, служит дальнейшая биография Артура Шлезингера, долгие годы не оставлявшего надежду снова вернуться в коридоры власти. В 1964 году он покинул правительство (которое теперь возглавлял Линдон Джонсон, при Кеннеди практически не принимавший участия в делах); в 1966 году получил свою вторую Пулицеровскую премию за книгу «Тысяча дней: Джон Кеннеди в Белом доме»; в 1968 году

участвовал в президентской кампании Роберта Кеннеди^[142], а в 1980-м – в кампании еще одного из братьев Кеннеди, Эдварда. Однако участие в большой политике *за пределами* «клана Кеннеди» оказалось для Шлезингера невозможным.

А вот Киссинджер, сохранивший свободу рук, планомерно продолжал поиски подходов к верховной власти. Вернувшись к преподаванию в Гарварде, он продолжил публикацию статей, посвященных политике в эпоху ядерного оружия. Киссинджеру удалось нащупать решение основной проблемы «ядерного сдерживания»: ядерная война слишком сильное средство, чтобы пускать его в ход по небольшим вопросам, но как быть, если противник (СССР) требует решить эти вопросы в свою пользу? Каждый раз устраивать Карибский кризис? Плохой совет (однажды Киссинджер его уже давал, и хорошо помнил, чем дело кончилось). Киссинджер придумал кое-что получше: *ограниченную ядерную войну, войну тактическим* ядерным оружием, применение которого не выходит за рамки отдельной территории и не приводит к всеобщей ядерной войне. Вот это уже можно было предлагать президентам: подумаешь, какие-то ядерные взрывы в Европе, Америку-то они не затронут!

Тем временем США потихоньку втягивались во вьетнамскую войну и с марта 1965 года перешли к полномасштабным операциям против Северного Вьетнама. Послом США в Южном Вьетнаме был в это время Генри Лодж, с которым Киссинджер познакомился в 1964 году на конференции Республиканской партии^[143]; столкнувшись с нарастающими проблемами, Лодж пригласил Киссинджера в качестве консультанта. На этот раз Киссинджер не упустил свой шанс и стал наращивать свое влияние в сфере вьетнамской проблемы

(проверенными способами – статьями в ведущих журналах и бесчисленными личными переговорами). В июле 1967 года на очередной Пагуошской^[144] конференции в Париже Киссинджер познакомился с героем французского Сопротивления Раймоном Обраком^[145] и выяснил, что тот в годы войны был хорошо знаком с руководителем Северного Вьетнама Хо Ши Мином. У Киссинджера мгновенно возник план *закулисной* дипломатии, который он успешно претворил в жизнь, наладив переговорный канал с Хо Ши Мином через французских посредников. Вьетнамская война была в те годы главной головной болью любого американского правительства (прекратить – позор, вести дальше – разорение), и приобретенный Киссинджером ресурс был поистине бесценен.

Но как превратить этот ресурс в реальную власть, то есть официальную должность и серьезное влияние на президента? Киссинджер с блеском решил эту задачу, задействовав свое знакомство с Дином Раском, все еще остававшимся госсекретарем в правительстве Джонсона. Узнав о возможности прямых переговоров, Джонсон ухватился за шанс прекратить войну и направил Хо Ши Мину пакет мирных предложений. Все переговоры шли через Киссинджера, летавшего то в Париж, то в Вашингтон, подобно челноку в ткацком станке^[146]; президент Джонсон регулярно встречался с Киссинджером^[147], обсуждая вьетнамские проблемы. Однако положение неформального советника президента, да еще по одному только вопросу, было совершенно неустойчиво^[148]; нужно было развивать успех.

Трезво оценив ценность имеющихся у него ресурсов (война во Вьетнаме продолжалась, ядерное противостояние с СССР тоже, экспертов по этим вопросам в мире практически не было), Киссинджер

принял решение *выбрать себе подходящего президента*. В президентскую гонку 1968 года вступили несколько сильных кандидатов (Линдон Джонсон, в победе которого при прочих условиях не приходилось сомневаться, неожиданно отказался от дальнейшей борьбы) – Роберт Кеннеди, Хуберт Хамфри^[149], Ричард Никсон и внезапно решивший стать президентом Нельсон Рокфеллер^[150]. Что сделал в этих условиях Киссинджер? Он предложил свои услуги кандидатам, которых счел наиболее перспективными для себя лично:

«В разгар президентских выборов 1968 года Генри Киссинджер связался по телефону с командой Ричарда Никсона... Киссинджер предлагал лагерю Никсона ценную конфиденциальную информацию по мирным переговорам во Вьетнаме... Люди Никсона с радостью приняли предложение. Одновременно, однако, Киссинджер искал сближения и с кандидатом от демократов Хьюбертом Хамфри, предлагая ему свою помощь. Команда Хамфри хотела получать от него конфиденциальные сведения о Никсоне, и Киссинджер предоставлял их. "Видите ли, – говорил он людям Хамфри, – я всегда не мог терпеть Никсона"^[151]... В действительности он стремился к тому, что и получил в результате: гарантии высокого поста от обоих кандидатов"» [Грин, 2006, с. 212].

На выборах 5 ноября 1968 года победил Никсон (с которым до этого момента Киссинджер встречался всего один раз), и уже 25 ноября назначил Киссинджера своим советником по национальной безопасности. Сторонники Рокфеллера (считавшие Киссинджера своим человеком) встретили это назначение взрывом негодования («предатель! проститутка!»), однако сам Нельсон Рокфеллер первым поздравил Киссинджера с

назначением и даже подарил ему чек на 50 тыс. долларов, «на образование детей»^[152].

Формально пост советника по национальной безопасности не относился к числу самых важных в государстве (это не вице-президент, не госсекретарь и не министр финансов), однако он позволял иметь доступ к президенту в любое время, и способствовал установлению партнерских отношений. Пользуясь двумя нехитрыми, но действенными приемами^[153], Киссинджер очень быстро стал для Никсона незаменимым^[154]; биограф Киссинджера Айзексон сравнивал его с другими выдающимися «альтер эго» президентов США – полковником Хаузом (при Вильсоне) и советником Гопкинсом (при Рузвельте). В результате после победы Никсона на выборах 1972 года его администрация поменялась практически полностью – за исключением Киссинджера, который, сохранив пост советника по национальной безопасности, стал еще и государственным секретарем.

Политика отказа от вассальной присяги и выстраивания взаимовыгодных отношений («не доверяю, но нуждаюсь»^[155]) помогла Киссинджеру и в 1974 году, когда в результате уотергейтского скандала Никсон досрочно покинул пост президента...

Читатель. Да, кстати! Если Киссинджер был таким ловким политиком и одновременно самым близким советником Никсона, как же так вышло, что он не сумел спасти своего президента?

Теоретик. Можно подумать, что до этого Киссинджер только тем и занимался, что спасал президентов. Вспомните хотя бы судьбу Кеннеди! Киссинджер всегда придерживался реалистических взглядов на политику и никогда не мешал руководству совершать роковые ошибки. В случае Уотергейта Никсон, считавший себя «крутым парнем», никогда бы

не согласился на частичное признание вины и выдачу толпе своих сторонников^[156]. Поэтому Киссинджер не стал возражать против плана «круговой обороны», едва не стоившего Никсону официального импичмента^[157]. К моменту, когда новый президент Джеральд Форд объявил об окончании «национального кошмара», в который превратился уотергейтский скандал, Киссинджер оказался единственным сотрудником никсоновской администрации, никак не замешанным в неблагоприятных делишках своего шефа (ведь он постоянно находился в разъездах по дипломатическим делам, защищая интересы Америки по всему миру). В результате Киссинджер сохранил не только пост госсекретаря в администрации Джеральда Форда, но и репутацию человека, *который может быть полезен*, для всей американской элиты.

Практик. Тут есть еще одна тонкость. Никсон, последний великий президент США, радикально изменил многие правила функционирования государственной машины США. Он заключил мир с Вьетнамом, он переманил на свою сторону Китай, в общем, из наемного менеджера стал превращаться в нечто большее. До него такое делал только Франклин Рузвельт, но это было во время жесточайшего кризиса и войны. В общем, сегодня можно уже смело сказать, что Никсон спас США в противостоянии с СССР, но в результате набрал такой вес, что стал для американской элиты еще опаснее СССР! В результате сложился элитный консенсус о необходимости его убрать – и не Киссинджеру было с ним спорить.

Теоретик. На протяжении восьми лет, с 1968 по 1976 год, Киссинджер фактически единолично руководил американской внешней политикой. Приняв мировую политику с холодной войной, войной во Вьетнаме и постоянной угрозой ядерного апокалипсиса,

Киссинджер ушел в отставку в условиях разрядки, мира во Вьетнаме и советско-американского договора о контроле над ядерными вооружениями. Неплохой результат для интеллектуала, начинавшего свою карьеру простым преподавателем Гарварда!

Читатель. А что было дальше, после 1976 года? Кажется, Киссинджер совсем недавно приезжал в Москву, а ведь прошло уже почти 40 лет!

Теоретик. Визит Киссинджера в Россию в октябре 2013 года сопровождался комментариями прессы – «мы на пороге больших перемен, просто так Киссинджер никуда не ездит»^[158]. К этому моменту Генри Киссинджеру исполнилось 90 лет, и он 37 лет не занимал никаких официальных должностей в американских правительствах; тем не менее этого старичка пенсионера принял сам Президент России. Нетрудно догадаться, что Киссинджер и до наших дней сохранил обширные связи, позволяющие ему беспрепятственно проводить закулисные переговоры по самым острым вопросам международной политики. Как говорил сам Киссинджер в 1977 году: «Я – *фигура мирового значения*»; за восемь лет пребывания на второй по значимости должности первой по значимости страны мира он сформировал настолько разветвленную и масштабную *личную группировку*, что уже не нуждался в официальных званиях^[159]. Так что когда Киссинджера называют в прессе «вестником Апокалипсиса», это не пустые слот: если столь пожилой и занятый человек сам приезжает на переговоры, то уж наверное не просто так!

Читатель. Да, интересная история; вот как, оказывается, делается мировая политика!

Теоретик. Нет, нет, про то, как делается мировая политика, у нас не было ни слова (да и откуда, мы же пишем про Власть, а не про дипломатию). Мы

рассказали вам историю о карьере человека Власти, поднявшегося с самых низов (кто такой приглашенный профессор, пусть даже и Гарварда?) до уровня могущества, который мы даже представить себе не в состоянии (Киссинджер навязывал *свою* волю Никсону, Форду и Брежневу). А теперь попробуйте догадаться – зачем мы ее рассказали?

Читатель. Поскольку раздел называется «Монархия или олигархия», понятно, что вы рассказали про карьеру в условиях олигархии. Когда на самом верху несколько сюзеренов, можно бегать от одного к другому, не связывая себя обязательствами, а наращивая *собственные* ресурсы. Потому-то вы постоянно и подчеркивали, что Киссинджер никому не приносил вассальной присяги. Но тогда получается, что первое правило Власти не столь уж и обязательно? Можно достичь самых высот, вообще никому не присягая?!

Теоретик. Более того, в некоторых условиях это *единственный* способ добраться до этих самых высот. Речь идет о государствах, в которых высшая Власть организована *олигархически*, то есть принадлежит достаточно многочисленной группе сюзеренов одного (самого высокого) уровня, вступающих в постоянно меняющиеся коалиции. В этом случае достичь верховной Власти значит стать *одним из таких сюзеренов*, стать тем, с кем *договариваются*. Если вы уже присягнули кому-то из «вышей лиги», никто не станет рассматривать вас как самостоятельного игрока; единственный способ пробиться на самый верх – с самого начала выстраивать с людьми Власти партнерские, а не клиентские отношения.

Читатель. Так что ж вы мне голову морочили? Получается, что вассальная присяга не больно-то и нужна?

Теоретик. Если вы профессор Гарварда, обладаете талантами Киссинджера и живете в США середины прошлого века, то да, вы сможете обойтись без вассальной присяги. Но в большинстве случаев про нее можно сказать словами Жванецкого: *«Присягу можно и не приносить. Если вас не интересует результат»*. Посмотрим, как сложилась карьера другого гениального ученого, обладавшего столь же выдающимся талантом располагать к себе сильных мира сего.

Абу Зейд Абдурахман **Ибн Хальдун** аль-Хадрами^[160] происходил из древнего рода, хорошо известного в XIV веке по всей территории Северной Африки (современные Марокко, Алжир и Тунис, плюс все еще удерживаемая арабами Андалусия в Испании). Прадед Ибн Хальдуна был хаджибом^[161] у правителя города Бужи^[162], дед короткое время занимал ту же должность в Тунисе, и только отец отошел от политических дел, обнаружив склонность к литературе и философии. Благодаря ему Ибн Хальдун получил прекрасное образование (и познакомился с доброй половиной юристов и богословов Магриба^[163]), но, будучи самым младшим в семье, с детства мечтал о политической карьере. В 1349 году эпидемия Черной смерти, опустошившая Европу, пришла в Тунис; 18-летний Ибн Хальдун лишился родителей, а также всех своих учителей (кто не умер, тот эмигрировал – в обезлюдевшем Тунисе им больше нечего было делать). Положение семьи, главой которой теперь стал старший брат Ибн Хальдуна Мухаммед, значительно ухудшилось, и Ибн Хальдуну пришлось идти работать – на должность писца^[164] при дворе тогдашнего правителя Туниса^[165] Ибн Тафракина.

Разумеется, никаких карьерных перспектив эта должность не сулила, и Ибн Хальдун начал планировать

переезд в Фес, столицу Меринидов, самый богатый город Северной Африки. Не прошло и двух лет, как для этого представился благоприятный случай. В 1352 году султан Константины (из династии Хафсидов) Абу Зияд вторгся на территорию Ибн Тафракина. По долгу службы Ибн Хальдун сопровождал армию своего правителя, но при первых же признаках намечающегося поражения благоразумно спасся бегством^[166] и нашел убежище в городке Бискра^[167], располагавшемся на самой границе пустыни. Тем временем в Фесе произошла смена власти: наследный принц Абу Инан, остававшийся в столице за главного, пока Абу-ль-Хасан захватывал все новые территории на востоке, объявил себя султаном и начал войну против собственного отца. В 1351 году Абу Инану удалось разбить армию Абу-ль-Хасана (бывший султан бежал в горы, где заболел и вскоре умер); вслед за этим Абу Инан вернулся к традиционному занятию меринидов – завоеванию окрестных земель. В 1352 году он захватил Тлемсен и оказался всего в 650 километрах от Ибн Хальдуна^[168], так что тот смог реализовать свой план – появиться при дворе меринидского султана.

Визит Ибн Хальдуна в Тлемсен (несомненно, хорошо подготовленный его знакомыми учителями, у которых Ибн Хальдун был на хорошем счету еще с тунисских времен) прошел вполне успешно: молодой ученый^[169] столь приглянулся султану, что тот немедленно назначил его в свиту своего хаджиба, Ибн Аби Амра, посланного в только что захваченный Бужи наводить там порядок. Друзья Ибн Хальдуна продолжали расхваливать его султану, и в 1354 году Абу Инан вызвал его в Фес, предоставив место в королевской академии и должность придворного писца. Прекрасный результат для ученого, но совершенно недостаточный для человека Власти: Ибн Хальдун метил выше (по

меньшей мере в министры) и счел свое положение бесперспективным для дальнейшей карьеры.

Нужно было искать другие варианты, и один из них, казалось, плыл прямо в руки. В тюрьме Феса содержался бывший правитель Бужи, эмир Мухаммад, захваченный Абу Инаном в ходе своей восточной кампании. Ибн Хальдун, ссылаясь на давние связи своей семьи с правителям хафсидской династии, предложил эмиру свою помощь: организовать побег и захват власти в Бужи в обмен на должность хаджиба. Эмир Мухаммад охотно согласился, однако Ибн Хальдун явно переоценил свои силы: заговор был раскрыт, и в 1357 году Ибн Хальдун оказался в тюрьме по совершенно справедливому обвинению в государственной измене.

Читатель. Не слишком-то впечатляющие результаты.

Теоретик. Если вы помните, Киссинджер тоже не с первого раза стал хаджибом... в смысле госсекретарем. Цыплят считают по осени, в делах Власти выгоднее рисковать и терпеть одно поражение за другим, чем ничего не делать. Окажись Абу Инан крепче здоровьем, карьера Ибн Хальдуна на этом бы и закончилась; но уже в 1357 году султан тяжело болел (на что, собственно, и рассчитывал Ибн Хальдун). К 1358 году его затянувшаяся болезнь так надоела придворным, что султана придушил в постели его же собственный министр (везир) Аль-Фодуди. Однако помимо Аль-Фодуди на власть претендовали и другие министры^[170]; началась небольшая междоусобная война, в которой освобожденный из тюрьмы Ибн Хальдун принял самое деятельное участие. За трон боролись две группировки: везира Аль-Хассана, сразу же посадившего на трон своего ставленника, и сына Абу-ль-Хасана Абу Салима, высланного Абу Инаном в Андалусию и заручившегося

там поддержкой христианского^[171] короля Кастилии Педро Жестокого.

Везир Аль-Хассан освободил Ибн Хальдуна из тюрьмы и сделал своим приближенным, очевидно рассчитывая на ответную верность; однако Ибн Хальдун предпочитал верности трезвый расчет соотношения сил. Справедливо расценив, что шансы Абу Салима предпочтительнее, он немедленно связался с его ближайшим другом Ибн Марзуком и предложил свои услуги по вербовке сторонников для Абу Салима. Заручившись поддержкой нескольких влиятельных людей, Ибн Хальдун покинул Фес и присоединился к Абу Салиму; на этот раз заговор удался, в 1359 году Абу Салим захватил трон и сделал Ибн Хальдуна своим министром. Нашему герою шел всего 27 год, и он был лишь в шаге от заветной цели – должности хаджиба самого могущественного государства Северной Африки.

Однако между Ибн Хальдуном и его мечтой стояло серьезное препятствие – тот самый Ибн Марзук, друг и соратник Абу Салима еще со времен андалусской ссылки. Он по праву занял пост первого министра и постепенно изолировал Ибн Хальдуна от милостей султана. Для успешной борьбы с ним Ибн Хальдуну требовалась высочайшая квалификация в дворцовых интригах, которой он не имел (да и никак не мог получить, ведь он постоянно перебегал от одного сюзерена к другому). В результате Ибн Марзук (основательно злоупотреблявший своей безграничной властью) был свергнут (уже в 1361 году) вместе со своим султаном, и не Ибн Хальдуном, а другим, куда более опытным царедворцем – везиром Омаром. Тот воспользовался услугами христианских наемников, захватил дворец, казнил Абу Салима и провозгласил новым султаном своего ставленника. Ибн Хальдун и в этот раз оказался на стороне победителей^[172], однако

это не принесло ему особых дивидендов: везир Омар сам стал хаджибом при подставном султানে, так что Ибн Хальдуну по-прежнему некуда было расти^[173]. Что же сделал наш герой, столкнувшись с очевидным тупиком своей карьеры? Попробуйте догадаться – в том, что мы Вам уже рассказали, достаточно подсказок!

Читатель. Да подсказка у Вас просто аршинными буквами написана. Что Киссинджер, что Ибн Хальдун только и умели, что искать себе более подходящего сюзерена!

Теоретик. Верно! Не прошло и года, как Ибн Хальдун стал просить у Омара разрешения на эмиграцию. Сначала он собирался вернуться в Тунис, но получил отказ: в 1359 году власть в Тлемсене вернул себе наследник Абдальвадидов Абу Хамму, и Омар опасался, что Ибн Хальдун примкнет к этому опасному противнику. Тогда Ибн Хальдун вспомнил о своем друге, философе и историке Ибн аль-Хатибе^[174], с которым познакомился в годы правления Абу Салима. Ибн аль-Хатиб был соратником Мухаммада V, эмира Гранады, который недавно вернул себе трон; быть может, он поможет обосноваться на новом месте? Против заморской Гранады везир Омар не возражал, и в 1362 году Ибн Хатиб прибыл ко двору Мухаммада V.

Читатель. Интересно, а на что он рассчитывал? Ведь у Мухаммада V наверняка уже был свой хаджиб, а во внутренних интригах Ибн Хальдун был совершенно беспомощен!

Теоретик. Возможно, Ибн Хальдун надеялся, что рано или поздно очередной конкурент просто помрет, как это случилось с Абу Инаном. Успех приходит к тому, кто пробует, а не к тому, кто жалуется. Так что в 1362 году Ибн Хальдун прибыл в Гранаду, был торжественно встречен во дворце и назначен личным советником Мухаммада V. В следующем году Ибн Хальдун

отправился полномочным послом к Педро Жестокому для заключения договора о дружбе и сотрудничестве и успешно завершил эту миссию, получив в награду небольшое имение. Однако дальше произошло то же самое, что и во всех предыдущих случаях: Ибн Хальдун понял, что его карьера достигла вершины, разочаровался в дальнейших перспективах, столкнулся с ответным охлаждением чувств Мухаммада V – и начал мечтать о следующем переезде.

На его беду [\[175\]](#), в это же самое время старый знакомый Ибн Хальдуна, эмир Мухаммад, давно уже выпущенный из фесской тюрьмы (там и без него проблем хватало), собрал своих сторонников и захватил власть в Бужии. Помня о данном семь лет назад обещании, эмир направил Ибн Хальдуну письмо с приглашением прибыть в Бужию и занять должность хаджиба. Серьезность намерений эмира подтвердил в другом письме брат Ибн Хальдуна, Яхья, сообщив, что уже получил должность министра. Разумеется, Ибн Хальдун тут же сорвался с места и в начале 1364 года прибыл в Бужию, чтобы воплотить в жизнь мечту всей своей жизни: стать хаджибом.

Если бы мы писали авантюрный роман, тут его и следовало бы закончить: герой достигает пика карьеры, подобно д'Артаньяну, получившему наконец маршальский жезл, и погибает счастливым. Однако реальная жизнь куда интереснее авантюрных романов, и для Ибн Хальдуна она еще только начиналась [\[176\]](#). Не прошло и года, как эмир соседней Константины, Абу-ль-Аббас, напал на Бужию, разбил войска эмира Мухаммада и убил его самого. По своему обыкновению Ибн Хальдун тут же преподнес победителю ключи от города и заверил Абу-ль-Аббаса в готовности служить ему верой и правдой – на должности наместника Бужии.

Однако Абу-ль-Аббас был наслышан о предыдущих похождениях Ибн Хальдуна и не горел желанием приближать к себе столь непостоянного вассала. Не уловив в голосе нового султана должного восхищения, Ибн Хальдун немедленно – уж в этом-то он не знал себе равных! – бежал из Бужи, оставив на произвол судьбы все свое имущество и даже не предупредив собственного брата (который тут же был арестован).

Укрывшись в Биксре^[177], Ибн Хальдун получил возможность хорошенько обдумывать свою карьеру, увенчавшуюся как блестящим успехом, так и столь же горьким поражением. Можно предположить, что годичное пребывание в должности хаджиба оставило у него не самые приятные воспоминания: в мечтах оно выглядело куда притягательнее.

А между тем жизнь в Северной Африке шла своим чередом. В 1366 году султан Тлемсена Абу Хамму (тот самый, из-за которого везир Омар не хотел отпускать Ибн Хальдуна в Тунис) решил захватить Бужи и для этой цели привлечь на свою сторону кочевые племена, с которыми нашел общий язык Ибн Хальдун. Не откладывая дела в долгий ящик, Абу Хамму прислал Ибн Хальдуну приглашение стать своим хаджибом^[178], собрать войско и присоединиться к военной кампании. Можно только гадать, какие мысли крутились в голове Ибн Хальдуна, когда он обдумывал полученное письмо, но впервые за всю свою карьеру он ответил на столь заманчивое предложение пусть и осторожным, но отказом. Скорее всего, к этому времени Ибн Хальдун уже понял, что *удержать* за собой даже самую высокую должность он все равно не сумеет^[179]. Теперь его политические амбиции сводились к другой, более скромной задаче: выжить среди постоянно враждовавших друг с другом и требовавших службы правителей.

Для ее решения Ибн Хальдуну потребовалось еще восемь долгих лет. Он отказался от должности хаджиба (предложив Абу Хамму кандидатуру своего брата, которого как раз выпустил их тюрьмы Абу-ль-Аббас), но согласился вести агитацию среди племен. Как и опасался Ибн Хальдун, военная кампания Абу Хамму оказалась неудачной, его войска (несмотря на помощь кочевников) были разбиты, и султан вернулся в Тлемсен, умерив свой воинственный пыл. Ибн Хальдун получил несколько лет передышки, после чего его ждало новое испытание. В 1367 году правивший в Фесе везир Омар был убит своим очередным ставленником, султаном Абд аль-Азизом. Едва укрепив свою власть, молодой султан тут же принялся расширять свои владения; к 1370 году он восстановил свою власть над всем Марокко, и сразу же вторгся на территорию Абу Хамму.

По несчастливой случайности, Ибн Хальдун в этот момент находился в гостях у Абу Хамму в Тлемсене; войска Абд аль-Азиза перекрыли дорогу на Бискру, и со дня на день готовились занять столицу. Не сговариваясь, Абу Хамму и Ибн Хальдун решили бежать – первый в городок Заб в пустыне, второй – в порт Ханин, – чтобы сесть на корабль и уплыть в безопасную Андалусию. Какой была репутация Ибн Хальдуна к этому моменту, можно понять из действий Абд аль-Азиза: тот немедленно направил большой отряд в Ханин, с целью перехватить Ибн Хальдуна как более опасного из двух противников. Ибн Хальдун был схвачен и доставлен в лагерь Абд аль-Азиза, и ему пришлось в очередной раз проявить свои дипломатические способности. Страстная речь Ибн Хальдуна о разногласиях с везиром Омаром, о счастье служить настоящему меринидскому султану (Абд аль-Азизу), о готовности помочь в захвате Бужи и о том, что кочевые племена только и мечтают, что перейти на

правильную сторону, возымела действие: Абд аль-Азиз принял Ибн Хальдуна на службу и поручил ему привычное дело – агитацию среди племен.

Читатель. Ну сколько же можно? Даже мне уже надоело, представляю, как все это достало самого Ибн Хальдуна!

Теоретик. Как видите, частая смена сюзеренов имеет свои отрицательные стороны. К несчастью для Ибн Хальдуна, Абд аль-Азиз не смог полностью разгромить Абу Хамму. Боевые действия продолжались с переменным успехом до 1372 года, когда Абд аль-Азиз неожиданно умер от лихорадки. Переживший своего соперника Абу Хамму триумфально вернулся в Тлемсен, а Ибн Хальдуну пришлось в очередной раз спасаться бегством. На этот раз ему пришлось совсем туго – на караван напали разбойники, и в Фес Ибн Хальдун прибыл практически нищим. Его услуги последних лет еще ценили при дворе, и Ибн Хальдун получил скромную должность, однако не прошло и двух лет (вот ведь интересная была жизнь у людей), как власть в Фесе опять поменялась. На этот раз активность проявил султан Гранады Мухаммад V, направивший в 1374 году в Фес целую армию и посадивший на трон своего ставленника^[180]. Ибн Хальдун оказался во власти своего бывшего сюзерена, прекрасно помнившего предательство десятилетней давности. В попытке выпросить у Мухаммада V какую-нибудь должность Ибн Хальдун даже совершил путешествие в Гранаду, но безуспешно: ему было предписано покинуть владения султана.

Вернувшись на африканскую землю, Ибн Хальдун пришел к закономерному итогу своей 18-летней карьеры. Андалусия и Марокко находились под властью Мухаммада V, которого Ибн Хальдун предал в 1364 году, в Алжире правил Абу Хамму, которого Ибн

Хальдун предал в 1370, в Тунисе власть по-прежнему принадлежала Абу-ль-Аббасу, раскусившему Ибн Хальдуна еще в 1364-м. При всей своей виртуозности в смене сюзеренов Ибн Хальдун остался у разбитого корыта: новых сюзеренов больше не было, а старые не желали иметь с ним никакого дела.

Читатель. Да уж, поучительная история. Как же Ибн Хальдун выкрутился? Ведь он прожил еще больше 30 лет?

Теоретик. Выкрутился Ибн Хальдун не менее поучительно: он задействовал *новые* ресурсы. Поскольку его талант убеждения и громкое имя перестали работать, Ибн Хальдун обратился к родственным связям. Вы помните, как он рекомендовал Абу Хамму своего брата? Этот брат, Яхья, сохранил верность своему сюзерену, а потому и должность министра, и теперь смог заступиться за Ибн Хальдуна.хлопотами брата Ибн Хальдун получил прощение Абу Хамму и поселился в глухом городишке, где наконец и занялся литературными трудами. Ну, а когда четыре года спустя из-под его пера вышла наконец «Мукаддима»^[181], для Ибн Хальдуна началась совсем другая жизнь – не государственного деятеля, а повсеместно признанного мудреца, историка и философа.

Практик. С точки зрения Ибн Хальдуна, это, может быть, и было поражением. А может быть – и нет. Дело в том, что непрерывная борьба за власть *тоже* довольно скучна, и если жажда власти заполняет человека власти не полностью, то он пытается найти какие-то новые ниши. А вот *процесс* борьбы за власть отнимает все время человека, без остатка. И если в этот момент что-то происходит (у меня, например, этим «чем-то» стал фактический отказ моего тогдашнего сюзерена от нового, крайне высокого назначения, что было

воспринято его собственным сюзереном, Ельциным, как предательство, со всеми вытекающими последствиями), то такие люди подчас, *пережив* период «ломки», о которой мы уже писали, начинают вести новую жизнь, подчас намного более интересную! Наиболее ярко это проявилось в истории про Диоклетиана, который на предложение вернуться во власть, императором Рима, ответил посланникам, что ему куда интереснее выращивать капусту. Так что не исключено, что, проиграв в политической борьбе, Ибн Хальдун стал куда более счастливым человеком.

Теоретик. Закончим на этом затянувшуюся историю величайшего предателя^[182], вовремя сменившего специальность, и вернемся на нашу арену со львами. Чему учат нас две столь похожие по форме (18 лет, много могущественных сюзеренов, отсутствие присяги) и столь непохожие по результатам (один из властелинов мира – жалкий изгнанник) карьеры?

Читатель. Смотря чему нужно научиться. Пока что я вижу, что не хватавший звезд с неба, но сохранявший верность сюзеренам Яхья в конечном счете сделал лучшую карьеру, чем его гениальный братец. Получается, что во Власти нет никаких жестких правил – иногда присяга вредит карьере, а иногда без нее не обойтись.

Теоретик. Если во Власти не было бы никаких правил, зачем бы мы стали развивать ее теорию и писать толстую книгу? Приведенные примеры учат нас совсем другому: что правила работают (Ибн Хальдун потерпел поражение), но не всегда и везде, а только в тех ситуациях, для которых придуманы. Мы начинали нашу книгу с описания *монархического* устройства Власти (феодальной пирамиды, «вассал моего вассала – не мой вассал»), в котором вассальная верность – альфа и омега любой карьеры. На низовом уровне, с которым

вы могли непосредственно сталкиваться и до прочтения нашей книги, Власть именно так и устроена – там слишком мало ресурсов, чтобы кормить олигархию. Но как только мы добрались до высшей лиги, скрывать от вас существование другого способа организации Власти стало уже невозможно.

Чем отличались друг от друга карьеры Киссинджера и Ибн Хальдуна? Они оба были талантливыми учеными, гениальными дипломатами и исключительными эгоистами, ни в грош не ставившими своих сюзеренов. Но один добился выдающегося успеха, другой же упал на самое дно и выжил лишь благодаря заступничеству брата. Отличие заключается не в образе действий наших героев, а в том, *в каких условиях* им приходилось действовать. Американские политики, среди которых Киссинджер делал свою карьеру, сильно отличались по своим нравам и поведению от мусульманских правителей Северной Африки. Чтобы успешно играть в высшей лиге Власти, нужно хорошо разбираться в устройствах различных типов Власти и безошибочно определять, с каким из них вам приходится иметь дело.

Читатель. А сколько их всего, этих типов? Судя по заголовку, только два, но вы так говорите, как будто их много больше!

Практик. На самом деле типов власти **три**. Первый – **экономический**. Он самый сложный, гибкий, разнообразный; отношения между людьми в нем носят краткосрочный характер – нанялся, поработал, уволился. Экономическая власть не требует от подчиненного каких-то особых качеств; должностная инструкция плюс контроль позволяют добиться результатов практически от любого. Но как мы уже убедились в предыдущей главе, экономические отношения слабее феодальных: никакие должностные инструкции не могут помешать человеку Власти.

Вот почему над любой экономикой всегда главенствует политика. Выше экономического стоит второй тип власти – **феодалный**, основанный на отношениях личной преданности. Он значительно проще, примитивнее и благодаря этому надежнее. Экономическая и феодальная власть соотносятся примерно как бизнес и государство: государство устанавливает правила, бизнес постоянно выходит за их рамки^[183]. Но это и нормально, а вот когда в условиях кризиса государство начинает само управлять экономикой^[184], оно резко снижает ее эффективность из-за упрощения всех процессов. Управляемая система не может быть сложнее управляющей, экономика это как птица в руке, слишком сильно сжал – задушил.

Читатель. Но как тогда вообще функционируют современные экономики? Если только начнешь ими управлять – и сразу задушил?!

Практик. А вот это одна из важнейших тайн власти! На самом деле, правительства *вообще не управляют экономикой*, она развивается достаточно самостоятельно. Даже в СССР, с его плановой экономикой, были нужны грамотные управленцы, которые преодолевали проблемы ограниченных возможностей «командной» (то есть, как мы теперь понимаем, феодальной по построению) экономики. Про экономику капиталистическую мы даже не говорим – тут правительство может только немножко варьировать внешние правила, в рамках которых функционирует экономика. Но как только начинается кризис и элита требует исправить ситуацию, правительство усиливает свою активность, что в результате часто ситуацию портит.

Кстати, либеральный принцип о том, что правительства не должны вмешиваться в реальную экономику, именно отсюда и вырос – из базового

принципа, что управляемая система не может быть сложнее управляющей. А потому если правительство начнет управлять всерьез, то экономика страшно упростится.

Теоретик. На мой взгляд, «вообще не управляют» – слишком сильное утверждение. Просто слово «управление» имеет достаточно много значений, его можно понимать и как нажатие на кнопку, и как изменение налоговой системы с целью получить необходимый результат. И вот во втором случае...

Практик. О, это очень интересное место! Тут я, пожалуй, отступлю от основной линии наших рассуждений и повторю важнейшее положение нашей теории. Любой, кто работал в иерархической системе, знает, что приказ вниз по иерархической лестнице *дальше чем на три этажа не идет*. Точнее, тот, кто расположен на три «этажа» ниже отдавшего приказ, вообще не понимает его смысл и значение. И потому, что приказ искажается в процессе передачи, и потому, что те смыслы, которые в него изначально вкладывались, исполнителю «внизу» просто недоступны. Он ничего не знает о том, чем думают наверху, да и знать не хочет, у него своих дел по горло.

Преодолеть эту проблему можно, лишь резко сократив количество приказов и жестко выдрессировав исполнителей на них.

Грубо говоря, когда набор команд исчерпывается набором «на право», «налево», «крутом», то есть шанс, что их все поймут одинаково. Военные, которые работали с новобранцами, знают, что даже это совершенно не очевидно, например, кругом можно поворачиваться и через правое, и через левое плечо. А если поворот осуществляется в движении, то все еще веселее, в частности поворот «налево» при опорной левой ногой может привести к довольно болезненному падению.

Ну а что, если повернуть нужно, к примеру, направо, на 30 градусов? Как это объяснить? Можно указать ориентир – но только при условии, что вы точно знаете, где находится тот, кто должен осуществить маневр. А если он ошибся с местом? Да что далеко ходить, вспомните проблемы, которые возникают, когда человеку нужно по телефону объяснить, как пройти в то место, где он никогда раньше не был! А теперь представьте себе, что таких людей у вас тысячи и вы отдаете им команду с помощью *изменения налоговой системы*. Сколько из них придут в нужное вам место, а сколько – совсем в другие?^[185]

К этому можно еще добавить, что приказ – это уже результат довольно длительного процесса, который состоит, как минимум, из двух этапов: оценки реальной обстановки и определения желательных изменений. Содержание приказа – уже способ этих изменений добиться. И на каждом этапе можно делать очень серьезные ошибки, причем иногда эти ошибки есть следствие некомпетентности, а иногда делаются специально, чтобы подставить конкурента (вспомните наши рассуждения о конкуренции вассалов и сюзеренов).

Можно, конечно, сказать, что все это уже не проблемы Власти, а проблемы Управления, но ресурсы – то властные группировки берут не с неба, а в управляемых организациях. И поэтому говорить о том, что *правительства управляют экономикой*, – это достаточно сильное упрощение реальной ситуации!

Читатель. Какой-то парадокс получается – чем сильнее этой экономикой управляешь, тем хуже она работает. Как же тогда вообще бороться с кризисами?

Теоретик. Вообще говоря, для этого нужно создать систему Управления, которая была бы *сложнее*, чем экономика. Но поскольку обычно правительствам не до

этого, им Власть нужно делить, экономические кризисы всегда преодолеваются с помощью «ручного управления». Оно окончательно вбивает экономику в землю^[186], но зато разрушает некоторые старые правила игры, приведшие к кризису, и тем самым позволяет из него выбраться. Ну а там как повезет – иногда экономика быстро восстанавливается, а иногда не восстанавливается вообще.

Читатель. Да уж, высокое искусство Управления. Ну хорошо, а третий тип власти? Он, видимо, главенствует над политикой? И надеюсь, несколько лучше, чем правительства – над экономикой?

Практик. Третий тип власти существует только в тех странах, где имеются наследственные элиты, и он еще древнее, чем феодальная государственность. Этот третий тип власти – **родоплеменной**, самый примитивный и самый надежный^[187]. Принадлежащий к элите человек с детских лет воспитывается в духе противостояния «мы – они», и сохраняет верность традициям^[188] даже вопреки вассальной присяге. Благодаря этому элиты (если они есть) всегда контролируют политическую власть. Но вместе с тем родоплеменная власть чрезвычайно неповоротлива, и если вместо контроля над государством элиты сами попытаются им управлять^[189], то результат может оказаться катастрофическим^[190]. Приведенные выше рассуждения об Управлении полностью справедливы и здесь!

Читатель. Я правильно понимаю, что олигархия – это и есть родоплеменной тип власти?

Теоретик. Правильно. Подумайте сами – что может удержать верховных сюзеренов от междоусобной борьбы за место самого главного сюзерена? Только верность определенной традиции, воспитанная у

каждого из них из поколения в поколение, только впитанный с молоком матери *запрет* на убийство *своих*.

Читатель. А откуда пошла эта традиция? Как первое поколение сюзеренов догадалось, что нужно перестать стрелять друг в друга?

Теоретик. Разными способами, о которых мы подробно расскажем во второй части нашей книги, но главным образом – долгим, очень долгим естественным отбором. Настолько долгим, что в большинстве современных стран наследственная элита просто-напросто *не сформировалась*^[191] и верховная Власть до сих пор устроена по феодальному типу. Точно так же дела обстоят и на низовых уровнях Власти – там слишком мало ресурсов, чтобы поддерживать существование целого племени правителей. Вот почему до сих пор мы говорили только о феодальной Власти...

Читатель. А почему теперь вспомнили про родоплеменную? Ведь она так редко встречается, что ее, считай, и вообще нет?

Теоретик. Дело в том, что мы пишем не просто пособие, а пособие по Власти в эпоху мирового кризиса. Мы хотим помочь хотя бы некоторым из наших читателей выйти на высший уровень Власти и достойно на нем выступить. Этого нельзя сделать в одиночку; более того, этого нельзя сделать и с помощью *одной* властной группировки, даже если в ней будет состоять население целой страны. Играть и побеждать в высшей лиге можно только по правилам родоплеменной власти^[192], расширяя свое влияние за счет временных союзов с другими игроками. Хотим мы этого или нет, но мировая власть в XXI веке является родоплеменной, и строящему долгосрочные планы игроку необходимо знать ее специфические правила.

Читатель. Вот это новость! Ну ладно Англия, в которой палата лордов заседает с тысяча мохнатого

года, но мировая власть? Разве в США есть наследственная аристократия?

Теоретик. Теперь вы понимаете, почему мы начали наш разговор с истории Генри Киссинджера? Конечно же никакой *аристократии* в США нет; но устройство тамошней политической жизни несомненно является *олигархическим*. Стабильность тамошних правил игры (сменяемость власти, сохранение проигравшим возможности отыгаться, широко распространенная работа с людьми, не приносящими вассальной присяги) может поддерживаться только за счет сложившейся *наследственной элиты*, представители которой и являются носителями соответствующих традиций. Американская наследственная элита формировалась через несколько веков после английской и создала намного более сложные^[193] правовые механизмы^[194] защиты своих привилегий. Существование такой элиты не является тайной для большинства американцев; приведем характерную цитату из классического учебника (!) Дая и Зиглера:

«Элиты поддерживают консенсус относительно фундаментальных норм социума. Они согласны между собой относительно основных правил игры и важности сохранения существующей социальной системы. Эта стабильность и даже само выживание социума зависят исключительно от поддержания такого согласия... В Соединенных Штатах основой элитного консенсуса являются святость частной собственности, ограниченные права государства и личная свобода граждан» [Dye, Ziegler, 2009, p. 2-3]^[195].

На чем держится государственное устройство США? Вовсе не на священной американской Конституции и не на воле вооруженного народа; стабильность американского государства поддерживается сохраняющимся консенсусом элиты о целесообразности

сохранения существующей системы. Как только этот консенсус будет нарушен^[196], никакие силы не смогут удержать американское государство от революционных перемен.

Читатель. А можно узнать, кто входит в эту американскую элиту? А еще лучше – в мировую?

Теоретик. Можно! Сделайте карьеру вроде киссинджеровской, и вы всех узнаете! А вот более короткого пути в высшую мировую лигу не существует; игроки этого уровня *не нуждаются* в публичном признании. Конечно, некоторые домыслы на их счет имеют право на существование (во второй части мы даже о них расскажем), но заявить с полной уверенностью, что Джон Смит принадлежит к правящей элите, может только тот, кто *сам* к ней принадлежит.

Практик. Ну, это теоретически. А на практике кое-что можно сообразить! Вот смотрите, в 2003 году президент США

Джордж Буш-младший решил вторгнуться в Ирак. Для него принципиально важным было получить санкцию ООН, поскольку иначе он становился агрессором (которым в результате и стал). Но на его пути встал Генеральный секретарь ООН Кофи Аннан^[197], негр из Ганы по происхождению (хотя и ооновский бюрократ по биографии). И вот в какой-то момент информированные источники стали мне говорить, что Буш нашел к Аннани (который был защищен дипломатическим иммунитетом и поэтому историю типа Стросс-Кана с ним было проводить затруднительно) подход.

Силовые структуры США завели дело на сына Кофи Аннана^[198], который работал в структурах ООН и занимался программой «Нефть в обмен продовольствие». Откаты и взятки там были оформлены практически прямым текстом, так что проблем с

арестами соответствующих исполнителей не было бы никаких, о чем мне и поведал один из таких информированных людей.

– Ну и, – сделал он вывод в нашей беседе, – ради того, чтобы спасти сына, Кофи Аннан пойдет на все.

– Не уверен я в этом, – ответил я.

– Почему?

– Потому что у сына Кофи Аннана, кроме папы, есть еще мама. Ну, точнее, мачеха.

– Ну и что?

– А то, что я не уверен, что у Буша хватит ресурсов арестовать родственника этой мачехи!

– Да кто же она такая, эта вторая жена Кофи Аннана?

– Кто у нас «информированное лицо»? Ты или я?

– Ну ладно, не валяй дурака, скажи ее фамилию ...

Кстати, Теоретик, а ты знаешь фамилию жены Кофи Аннана?

Теоретик. Нет, но сейчас посмотрю в Интернете. Вот, пожалуйста, Нани Аннан, в девичестве Нани Лагергрэн. И чем знаменита эта фамилия?

Практик. Знаменита не эта фамилия, а фамилия ее дяди. Его, по крайней мере в нашей стране, знают все. Это был знаменитый Рауль Валленберг.

Теоретик. Упс! А ведь точно, Нани Лагергрэн – дочь Нины Лагергрэн, сестры того самого Валленберга!

Практик. Вот именно! И я объяснил «знающему человеку», что то, что мог позволить себе Сталин в 1945 году^[199] (арест Рауля Валленберга), то Буш в 2003 себе позволить не сможет. Валленберги (как семья) являются не просто самой богатой семьей Швеции (а заодно и евреями по происхождению), но и точно принадлежат к мировой элите (как Ротшильды и Рокфеллеры). Поэтому полномочий президента США недостаточно для ареста члена семьи Валленберга! И

что же в результате? Ничего у Буша не вышло, дело Коджи Аннана заглохло, а Бушу (и его партнеру Тони Блэру) пришлось нападать на Ирак без санкции ООН, стать агрессорами и понести от этого все издержки. Сделать с Кофи Аннаном они так ничего и не смогли!

Теоретик. Как видите, в некоторых случаях принадлежность человека к мировой элите можно определить и со стороны – например, по его неподсудности даже великим державам. И такими случаями нужно пользоваться, чтобы не оказаться в положении Буша, который «не на такого напал»; другое дело, что всерьез беспокоиться об этом вам пока еще рано.

Практик. Вспоминая наш пример, приведенный чуть выше, и тоже случившийся в 2003 году, хочется задать риторический вопрос. Понимал ли Ходорковский, чем он отличается от Кофи Аннана? Думал ли он вообще об этом?

Читатель. Да кто ж с такими деньгами еще и думать будет?!

Теоретик. Вот для того, чтобы вы думали, даже и с такими деньгами, мы и пишем нашу книгу. Поэтому вернемся к основной теме. Вы все еще на арене со львами и все еще плохо понимаете их повадки. В общих чертах вы знаете, что нужно делать – конечно же продолжать усиливать собственную группировку, захватывая контроль над новыми ресурсами^[200]. Постоянная экспансия – закон Власти высшего уровня; остановившись, вы станете жертвой сначала своего гибриса, а потом своих конкурентов. Но куда направить эту экспансию? На высшем уровне Власти свободных ресурсов не существует^[201], любой шаг за пределы уже достигнутого означает конфликт (потому-то у нас и арена со львами).

В этот момент у многих сюзеренов появляется предательская идея – остановить внешнюю экспансию и уделить больше внимания уже захваченным ресурсам (например, самому заняться управлением прихватизированным предприятием). Надеемся, что вы уже понимаете, почему такой вариант равносителен самоубийству. Во-первых, для эффективного управления более сложной системой (уровень экономики – бизнеса) «ручного управления» властной группировкой окажется недостаточно; попытка «порулить», скорее всего, закончится крахом. Во-вторых, замкнувшись в рамках полностью подконтрольных организаций, сюзерен лишится достоверной информации об окружающем мире (которую могут дать только те, кто сильнее) и станет жертвой своего гыбрыса. Чтобы выжить, человек Власти должен бороться за еще большую власть – как акула, которая способна дышать, только пока движется.

Так что хотите вы этого или нет, а вам придется позариться на чужие ресурсы. Но как именно позариться? Ворваться в офис конкурента, приставить пистолет ко лбу и заставить переписать фирму на себя? Такое может сработать лишь в очень экзотических условиях (бездействие или отсутствие правоохранительной системы, отсутствие у конкурента могущественного покровителя и т. д); в остальных случаях подобные действия заканчиваются тюрьмой или перестрелкой с неизвестным заранее результатом. Захват чужих ресурсов идет на пользу группировке только тогда, когда он является легитимным, с точки зрения остальных игроков на арене. Когда все сделано правильно – по правилам, установленным до вас и не вами.

Вот теперь мы можем до предела заострить разницу между феодальным и родоплеменным типами Власти (между монархией и олигархией). Легитимность захвата

ресурсов при монархии определяется исключительно решением монарха: «быть посему», – и в одну минуту вчерашний фаворит лишается головы, а его ресурсы достаются более ловкому конкуренту. А вот в олигархии единый центр принятия решений отсутствует: любое перераспределение ресурсов проходит сложный и длительный процесс согласования со всеми заинтересованными группировками и легитимность перераспределения ресурсов устанавливается консенсусом элиты.

А теперь представьте себе человека Власти, привыкшего решать вопросы с монархом. Сможет ли он продолжать экспансию своей группировки в олигархическом окружении? Разумеется, нет – он начнет ошибаться на каждом шагу^[202]. И наоборот, человек, привыкший согласовывать свои действия с несколькими разными игроками, – долго ли он протянет в условиях монархии, когда решения принимаются одним сюзереном?

Экспансия властной группировки в разном окружении требует **разных** и притом **несовместимых** между собой стратегий. То, что хорошо для одного типа (концентрация всех усилий на верховном сюзерене), не работает в другом (там требуется формирование широкой коалиции), и наоборот (формирование коалиции при живом сюзерене – предательство). Поэтому для человека Власти жизненно важно уметь разбираться, в каком окружении он ведет игру, и переключаться между двумя принципиально разными способами захвата новых ресурсов.

Читатель. А как отличить, какая в стране власть – монархия или олигархия?

Теоретик. Если одним словом, то *непросто*. Проблема заключается в том, что тип власти создается не конституцией (мало ли что на бумажке написано) и

не волей отдельного человека (пришел освободитель и ввел своим указом демократию), а закреплён в представлениях самих людей Власти о том, кому и на каких условиях они готовы подчиняться. По всем законам и по публичным клятвам все вокруг вас могут быть «демократами», требовать решать все вопросы «голосованием», но как только на такое голосование будет вынесен действительно серьёзный вопрос, вы вдруг обнаружите, что все эти «демократы» побежали к уважаемому человеку за инструкциями, как голосовать^[203]. Как мы уже писали выше, сам факт передачи по наследству должностей или богатства тоже не означает олигархического характера власти: наследство легко проматывается, если не подкреплено привычкой других олигархов поддерживать *своих*. Наконец, и в самой монархической среде возникают ситуации, когда верховный правитель исчезает (умирает или свергнут) и его место оказывается вакантно; в этот момент кажется, что монархия кончилась и все вопросы решаются через формирование олигархических коалиций. Но проходит несколько лет, и выясняется, что все «олигархи» предпочли сгрудиться у трона, ловя подачки из рук набравшего силу нового монарха.

Так что определять, в каком именно властном окружении находитесь лично вы, вам придётся самостоятельно. Мы можем лишь рассказать об общих принципах борьбы за ресурсы в каждом из двух разных типов Власти. И начнём конечно же с более простого и намного более распространённого – с монархического.

3. Государство - это он!

Борьба за власть в условиях монархии

Теоретик. *«Должен быть главный, и все должны его слушаться»* – так формулировали свое политическое кредо московские бандиты 90-х. Именно это убеждение, разделяемое людьми Власти (а вовсе не личная гениальность вождя), создает на высшем уровне власти *монархическое* правление. Феодалная пирамида, о которой мы писали в первой главе, доходит до самого верха: все конфликты между сюзеренами верхнего уровня разрешает один и тот же человек, являясь тем самым верховным сюзереном. Основное преимущество этой системы заключается в *экономии насилия*: кого казнить, а кого миловать, решается в дворцовых интригах, а не на полях сражений. В результате, хотя головы сюзеренов регулярно скатываются с плеч, их вассалы остаются в живых, а потому продолжают горячо поддерживать монархические порядки.

Устойчивость монархического правления, которую мы наблюдаем во всей человеческой истории, объясняется тем, что его предпочитают **сами вассалы**^[204]. Подчиняться одному сюзерену намного проще, чем искать компромисс с несколькими разными игроками (поэтому даже при олигархической власти на низовых уровнях сохраняются феодалные «пирамидки»). Так что в подавляющем большинстве случаев на высших уровнях Власти вы столкнетесь с продолжением уже привычной вам властной вертикали, упирающейся в фигуру верховного сюзерена. Какой должна быть стратегия и тактика властной группировки в этих условиях?

Читатель. Я давно хотел вот что спросить. Что такое борьба за власть для одного человека, более или менее понятно. Работа на сюзерена, повышение профессионального и командного рейтингов за счет добычи новых ресурсов, ну и заброс удочек на счет потенциального рейтинга. Но что такое борьба за

власть в исполнении целой команды? Есть у нее какие-то рейтинги или же там в зачет идет что-то другое?

Теоретик. На самом деле тут не один вопрос, а сразу несколько. Начнем с первого: за что борется властная группировка? Ну то есть, конечно, понятно, что за еще большую Власть, но как ее измерить? Как «растет» во Власти отдельный человек, мы уже знаем: с малых рейтингов до высоких, с низших должностей на высшие, с простого вассала до сюзерена сюзеренов. А как растет властная группировка?

Рост властной группировки – это постепенное, снизу вверх, заполнение своими сторонниками публичных позиций в системе организаций (частных и государственных), контролирующей ресурсы страны или группы стран. Чем больше важных позиций в этих организациях заняты своими людьми, тем больше ресурсов^[205] оказывается в распоряжении группировки и тем сильнее ее позиции по отношению к другим группировкам. Таким образом, как и отдельному вассалу, властной группировке можно приписать три рейтинга – командный (ценность для верховного сюзерена), профессиональный (контролируемые должности в разных организациях) и потенциальный («знатность» в прямом смысле этого слова – авторитет группировки среди других представителей элиты).

Казалось бы, каждая группировка должна стремиться достичь верховной Власти; однако это естественное желание наталкивается на серьезное препятствие. Дело в том, что в большинстве случаев вершина пирамиды уже занята властной группировкой правящего монарха. Впрямую продвигать своего человека на это же место – государственная измена; делать то же самое втайне значит интриговать против самой могущественной из властных группировок. Решиться на такое можно лишь в исключительных

случаях^[206], но даже в этом случае цена победы над господствующей группировкой оказывается очень высокой (вспомните революцию 1917 года и лихие девяностые), а уж поражение и вовсе означает уничтожение мятежников.

Чтобы понять, какую реальную цель должна ставить перед собой любая «рвущаяся к власти» команда, рассмотрим чуть детальнее устройство монархической Власти высшего уровня. Вот как описывает этот уровень Власти в СССР^[207] Михаил Восленский:

«Следует различать две стадии в отношениях между Генеральным секретарем и возглавляемыми им Политбюро и Секретариатом. Первая стадия – это когда Генсек имеет дело с составом этих органов, подобранным не им, а его предшественником; вторая стадия – когда в них сидят его собственные выдвиженцы...

После смерти или смещения прежнего Генсека преемник – наиболее удачливый из его вассалов – оказывается во главе группы вассалов своего предшественника. Это то, о чем мы говорили, назвав такое положение первой стадией во взаимоотношениях Генерального секретаря и возглавляемых им Политбюро и Секретариата ЦК. На этой стадии Генеральному секретарю приходится возглавлять подобранную прежним Генсеком группу. Собственную же свою группу он еще должен втащить на высшую ступень и перейти таким образом во вторую стадию своих взаимоотношений с верхушкой номенклатуры.

Правда, допустив его на пост Генерального секретаря, эта верхушка формально признала его своим сюзереном. Но фактически члены Политбюро относятся к нему с большей или меньшей неприязнью и завистью, как к обогнавшему их выскочке. Они рассматривают его по существу как равного себе, в лучшем случае – как

первого среди равных. Вот почему каждое новое генеральное секретарство начинается и будет начинаться с подчеркивания принципа коллективности руководства.

Сам Генеральный секретарь стремится к другому: к установлению своей единоличной власти. Для достижения такой цели у него очень сильная позиция, но трудность состоит в том, что цель известна. Применить же силу и выгнать неподатливых членов Политбюро и Секретариата он – во всяком случае сначала – не может, поскольку они – высокопоставленные члены класса номенклатуры, у каждого из них широкий круг вассалов... Обычный метод – возвысить как можно больше своих вассалов и расставить их, пользуясь своей властью, на подходах к верхушке номенклатуры. Это сложная шахматная игра с продвижением пешки в ферзя. Вот почему так мучительно долго происходит назначение на высшие номенклатурные посты: дело не в том, что сомневаются в политических качествах кандидатов (не говоря уж о никого не интересующих деловых качествах), а в том, что разыгрывается столь трудный политико-шахматный этюд» [Восленский, 2005, с. 380-382].

Мы привели столь объемистую цитату в силу ее исключительной выразительности. В немногих абзацах описан универсальный жизненный цикл [\[208\]](#) монархической Власти: 1) единоличное правление, 2) смерть или смещение правителя, в результате чего наследник, ставший «неполным» сюзереном, вынужден имитировать «коллегиальное» управление, 3) постепенное укрепление его единоличной власти и снова единоличное правление. Этот цикл основывается на правиле смены вассалов – чужих на своих, что происходит при каждой смене верховного правителя [\[209\]](#). Вы наверняка слышали, что «революция

пожирает своих детей», теперь же Вы можете понять, почему это происходит. Старый верховный сюзерен умирает, физически или политически; его вассалы, до этого момента конкурировавшие между собой, вынуждены «выбрать» нового сюзерена^[210]. У нового сюзерена возникает две разные «вассальные группы»: свои старые вассалы и новые, доставшиеся от прежнего сюзерена. Кому он может доверять больше? Конечно же старым вассалам, которых подбирал и «тащил» лично (а новые ему ничем не обязаны). Следовательно, чем все закончится для остальных вассалов прежнего сюзерена? Правильно: постепенным отстранением от Власти.

Разумеется, каждый из вассалов, приступая к выборам «первого среди равных», прекрасно это понимает. Но не выбирать вообще никого значит потерять власть сразу, поэтому стандартным решением является выдвижение в сюзерены самого «безобидного» из имеющихся кандидатов, вроде Сталина в 1924-м или Горбачева в 1985-м. Конечно, очень скоро «безобидный» покажет свой норов и вычистит из Власти своих «соратников» (а на самом деле – своих конкурентов). Но по крайней мере какое-то время старые вассалы сохраняют положение во Власти и успеют подготовить «запасные аэродромы». Как видите, потеря сюзерена – *действительно* серьезная проблема для его вассалов.

И вот теперь, зная, как устроена высшая Власть, мы можем наконец сформулировать стратегическую цель властной группировки в условиях *монархического* правления. Этой целью является вовсе не захват верховной власти и уж тем более не революция, а встраивание в господствующую группировку. Провести своего сюзерена в вассалы первого лица, оттеснить остальных сюзеренов, переключить на себя контроль

над основными ресурсами – вот за что бьется каждая из конкурирующих группировок^[211].

А теперь представим себе, что среди них существует команда, умеющая применять на практике теорию Власти^[212]. Такая команда (в лице своего главного сюзерена) учитывает вероятность смены верховного правителя и осознает проблемы, которые могут при этом возникнуть. Если на момент «перевыборов»^[213] сюзерен команды окажется слишком силен, его никогда не выберут новым правителем. Если же он будет достаточно слаб, чтобы выглядеть безобидно, то и всей его группировке придется существовать «на голодном пайке» в ожидании призрачного шанса когда-нибудь прорваться к верховной власти. Оба варианта не идеальны и не могут быть рекомендованы в качестве надежной стратегии.

Существует третий, более сложный, но и более надежный вариант, способный исключить риски «перевыборов». Для его реализации группировке нужно провести в окружение действующего правителя нескольких своих представителей, причем ни один из них не должен быть главным сюзереном^[214] (иначе под «смену элиты» попадет вместе с ним вся группировка). Оставаясь вне официальной властной иерархии, сюзерен, а вместе с ним и вся группировка окажутся защищенными от «жизненного цикла» Власти. Глядя на устройство Власти в развитых странах, можно заподозрить, что этот чисто теоретический способ реально взят на вооружение правящими группировками Запада. Назначение вассалов на высшие должности государства (и бизнеса) полностью объясняет ту легкость, с которой в некоторых странах меняются президенты и премьер-министры (а также начальники полиции и директора спецслужб). В этом случае правящие элиты могут себе позволить и регулярные

«честные» выборы, и громкие скандалы с публичными разоблачениями. А если в такую игру играет несколько группировок, определить, чьим вассалом является тот или иной публичный политик, практически невозможно.

Практик. Именно по этой причине я всегда скептически относился к высказываниям в СМИ про тех или иных политиков, что, мол, «это марионетка». Высокопоставленный вассал властной группировки – не марионетка, он обладает некоторой (объективной) самостоятельностью, ограниченной не только указаниями лидеров своей властной группировки, но и договоренностями между несколькими группировками. Поэтому такие ограничения нужно анализировать на основании косвенных данных, и это куда интереснее, чем клеить ярлыки!

Теоретик. Как видите, монархическое устройство Власти вовсе не противоречит олигархии, демократии и прочим сложностям наиболее развитых государств, а, напротив, *подталкивает* правящие элиты к усложнению общественного устройства. Окончательно же вырваться из «колеса фортуны», перемалывающего властные группировки, правящие элиты могут только одним способом: создав *олигархическое* правление, поставив привилегии властных группировок выше прав верховного правителя государства^[215]. Но об этом мы поговорим позже, а сейчас вернемся к обычной феодальной пирамиде. Итак, цель нашей властной группировки (а значит, и ее сюзерена) – встроиться в господствующую группировку, то есть стать вассалом верховного сюзерена (далее мы будем называть такого сюзерена-вассала придворным), причем желательно – первым вассалом. Достигается эта цель в два этапа: на первом сюзерен привлекает к себе внимание и делом доказывает свою полезность монарху; на втором, став

придворным, оттирает других придворных и становится фаворитом.

Хотя истории известны случаи, когда будущим фаворитам удавалось с первого раза привлечь внимание монарха^[216], даже у чемпионов в борьбе за Власть на это уходили многие годы. Упомянувшийся в предыдущей главе Бисмарк с 1847 по 1850 год выступал в прусском парламенте с монархическими речами, пока не смог наконец обратить на себя внимание короля выступлением по поводу Ольмюцкого соглашения^[217]. Великий Ришелье в течение пяти лет, с 1610 по 1614 год, писал безответные письма и обивал пороги знатных домов, пока не получил возможность привлечь к себе внимание Марии Медичи выступлением на заседании Генеральных штатов. Леонид Ильич Брежнев, хотя и стал Генеральным секретарем ЦК КПСС в 1964 году, всю полноту власти получил лишь в 1976-м, после того как ликвидировал в Политбюро группировку председателя Президиума Верховного Совета СССР Николая Викторовича Подгорного.

В условиях феодальной пирамиды, когда от решения верховного сюзерена зависит не просто рейтинг, а жизнь или смерть любой властной группировки, никакие ресурсы, затраченные на вхождение в ближний круг монарха, не будут потрачены зря^[218]. Поэтому **постоянная активность** (восхваления, подарки, торжественные приемы, заманчивые проекты, воинственные речи – никогда нельзя заранее предсказать, что именно понравится монарху на этот раз) в **адрес первого лица** является главным занятием *политически активного* сюзерена. Мы не случайно говорим про *активность* – далеко не все (что сильно облегчает дело) сюзерены одинаково настойчивы в достижениях своей цели; некоторых уже успел одолеть гибрис-синдром, другие же не обладают

необходимой энергией, чтобы интриговать 16 часов в сутки.

Когда эта деятельность завершается успехом (если пять лет по 16 часов в сутки бить в одну точку, успех, как правило, приходит), перед сюзереном возникает следующая, еще более сложная задача. Монарх обратил на вас свое внимание, сделал своим придворным, но с вами ли он будет советоваться по большинству вопросов? Чтобы перетянуть на себя внимание первого лица, требуется участие в делах, которые более всего интересны ему самому^[219]; поскольку все монархи, как и люди, разные, то далеко не факт, что его интересы совпадут с вашими.

Вот почему Ришелье, начавший свою карьеру при регентстве Марии Медичи, достиг положения всесильного первого министра лишь при Людовике XIII, разделявшем интерес Ришелье к укреплению государственной власти и расширению подконтрольных территорий. Та же история приключилась и с Бисмарком: хотя он и стал в 1851 году одним из министров прусского короля Фридриха-Вильгельма IV, но настоящую власть приобрел только в 1862 году из рук следующего короля, Вильгельма I, увлекшегося объединением Германии. А имена бесчисленных придворных, так и не дождавшихся подходящего им монарха, известны ныне только профессиональным историкам.

Читатель. Это что-то новенькое: пригласиться одному монарху, а первым министром стать у другого. Разве новый монарх не приводит с собой собственную команду?

Теоретик. Конечно приводит, но вот тут-то и проявляется разница между *выборными* и *наследственными* монархиями. В отличие от генсеков КПСС, наследственный монарх не является одним их

придворных, а ведет до своего воцарения достаточно автономную жизнь наследника престола. Поэтому вассалы предыдущего монарха воспринимаются им не как конкуренты (от которых нужно избавляться любой ценой), а как потенциальные (а то и уже присягнувшие) *собственные* вассалы. В 1709 году, когда на Государственном совете Франции обсуждался вопрос о капитуляции в Войне за испанское наследство^[220], официальный наследник короля-солнца Людовика XIV, Людовик Великий Дофин^[221], именно так и отнесся к вассалам своего отца:

«Наследник престола заявил министрам, что в один прекрасный день он будет их господином, и если они посоветуют королю заключить мир, то впоследствии ответят за свои действия... В итоге "партия мира" при французском дворе, добивавшаяся безоговорочной капитуляции Франции, потерпела поражение» [Борисов, 1991].

Поэтому попасть в придворные при одном короле автоматически означает остаться там и при следующем. Вильгельм I относился к Бисмарку с немалой личной неприязнью (характер у Бисмарка был не сахар, не случайно его прозвали в молодости «бешеным»), но оценил его службу прусской монархии и включил Бисмарка в круг своих придворных; вот тут-то и выяснилось, что Бисмарк – именно тот человек, который и был нужен!

Читатель. Получается, что помимо собственно монарха имеет смысл поглядывать и на его наследника?

Теоретик. Особенно тогда, когда ваша личная несовместимость с правящим монархом становится очевидной. В этом случае у вас есть только два варианта дальнейшей карьеры, одним из которых является заблаговременная подготовка к смене

монарха. Разумеется, не путем устройства заговоров (в большинстве случаев они заканчиваются разоблачением), а через налаживание контактов с будущим монархом или его группировкой. Тот же Ришелье, участвуя в конфликте (уровня вялотекущей гражданской войны) Марии Медичи с Людовиком XIII, работал на обе стороны, играя роль миротворца, и в конечном счете переметнулся к победителю. Другой выдающийся человек Власти, Талейран, сумел переметнуться к победителям за несколько лет до фактического краха Наполеона; это был непревзойденный мастер интриги, высказывание которого – «вовремя предать значит предвидеть» – мы и хотим предложить вам в качестве третьего правила борьбы за власть при монархии. Правильная тактика придворного в условиях слабости действующего монарха блестяще описывается в историческом анекдоте про того же Талейрана:

«Во время французской Июльской революции 1830 года после трех дней мятежа Талейран, бывший в то время уже в годах, сидел около окна, прислушиваясь к колокольному звону, который оповещал о том, что мятежи в Париже подавлены. Повернувшись к своему собеседнику, он сказал: "А, колокола! Мы побеждаем". – "Кто это «мы», мой князь?" – спросил тот. Жестом прервав его, Талейран отвечал: "Ни слова! Я завтра скажу вам, кто мы"» [Грин, 2003, с. 219].

Нет никакого смысла оставаться на стороне действующего монарха, если победитель в любом случае будет набирать себе вассалов среди тех же самых придворных. Лучше заранее установить контакты со всеми потенциальными победителями, особенно с теми, кто ближе вам по своим стратегическим интересам.

Читатель. А второй вариант? Вы ведь говорили о двух вариантах карьеры?

Теоретик. Первый вариант хорош только в том случае, когда перспективы смены монарха реальны^[222], что бывает нечасто...

Практик. Тут так и хочется вспомнить гениальную формулу российской власти, придуманную в XIX веке: в России неограниченная монархия, ограниченная цареубийством.

Теоретик. Ну, даже в России цареубийства удавались не чаще одного раза в 100 лет. Поэтому полезно иметь под рукой более надежный вариант; он заключается в том, чтобы самому отойти в сторону и прибегнуть к ресурсам *своей группировки*. Если среди ваших вассалов найдется человек, близкий по интересам к правящему монарху, выгоднее продвинуть в фавориты именно его^[223], обеспечив тем самым продвижение своих интересов. Именно этим способом в Англии начала XVIII века группировка Роберта Харли^[224] взяла верх над казавшейся непобедимой группировкой герцога Мальборо^[225].

Жена герцога Мальборо, Сара, с 1675 года была близкой подругой принцессы Анны; когда в 1702 году Анна унаследовала английский престол, она назначила Мальборо главнокомандующим английскими войсками (в Войне за испанское наследство), а его друга барона Годольфина^[226] – лорд-казначеем (фактически первым министром) Англии. Роберт Харли, занимавший в ту пору должность спикера палаты общин, возглавил оппозиционную Мальборо властную группировку (в которую входили и либералы, и консерваторы). Поначалу Харли пытался действовать политическими методами и даже вошел в правительство в качестве *северного*^[227] госсекретаря (в 1704 году). Однако события 1706 года, когда Мальборо через королеву Анну продавил назначение своего зятя, лорда Сандерленда, *южным* госсекретарем,

продемонстрировали, что поддержка королевы значит больше, чем любые парламентские дебаты.

Тогда Харли прибег к помощи своей родственницы, Абигаиль Мешем^[228], которая с 1704 года входила в число фрейлин королевы. В отличие от Сары, постоянно досаждавшей Анне политическими разговорами, Абигаиль *в точности соответствовала по характеру* самой королеве – любила поесть, выпить и повеселиться^[229]; так что смена фаворитки прошла как по маслу. В 1707 году королева Анна лично присутствовала на тайной (!) свадьбе Абигаиль с неким Самуилом Мешемом, и с этого момента стало понятно, что Сара Мальборо больше не в почете. Хотя в 1708 году Мальборо с Годольфином добились временного успеха, заставив^[230] Анну уволить Харли с поста госсекретаря, это им дорого обошлось: королева окончательно разорвала отношения с Сарой и при первом же удобном случае, представившемся в 1710 году^[231], заменила Годольфина на Харли в должности лорд-казначея. Герцог Мальборо продержался еще год, но уже в 1711-м был отправлен в отставку с поста главнокомандующего, а в 1712-м обвинен в растрате государственных средств и вынужден был покинуть Англию.

Читатель. Кто о чем ни говорил бы, все равно сведет на баб...

Практик. Помните, главное – это понять, что интересует монарха или его наследника. Список тут довольно ограничен, и бабы встречаются в нем достаточно часто; собственно, только алкоголь тут может с ними соревноваться. Так что никуда не денешься!

Теоретик. А я отвечу другой поговоркой: вам шашечки или ехать? Человек Власти должен уметь работать с любыми первыми лицами и

приспосабливаться к их индивидуальным особенностям. Любит монарх государственные дела – отлично, предлагаем ему строительство великой страны. Не любит – выделяем ему умеющего пить и веселиться вассала, а сами все равно занимаемся государственными делами^[232]. Нет такого вассала в группировке? Вербуем, обрабатываем, готовим – только не прекращаем усилий и не стоим на месте!

Читатель. Вас послушать, так все очень просто. Почему же не каждый придворный становится первым министром?

Теоретик. Да потому, что для этого нужно работать. 16 часов в сутки, семь дней в неделю. Много вы видели людей, которые так впахивают? Пожалуй, их даже меньше, чем первых министров! Повторю в который раз: в делах Власти нет ничего невозможного, регулярные, правильные и длительные усилия в ней точно так же приводят к успеху, как и в любой другой сфере человеческой деятельности. Нужно лишь понимать, на что должны быть направлены эти усилия. Если высшая Власть в стране принадлежит монарху, значит, вам нужно завоевывать его расположение.

Читатель. А что дальше? Если я уже стал первым министром – все, на этом карьера закончена?

Теоретик. Во-первых, это не такой уж плохой конец карьеры, не правда ли? А во-вторых, и на этом уровне у человека Власти есть разнообразные перспективы. Проблема лишь в том, что если рост до уровня первого министра является *стандартной* карьерой в феодальной пирамиде, то дальнейшие сценарии борьбы за власть *строго индивидуальны*. Не существует единой рекомендации, что делать, когда работа первым министром начинает вам надоедать, – слишком многое зависит от конкретной исторической ситуации и ваших личных талантов. В большинстве случаев наилучшим

выбором является верная служба монарху до самой смерти (его или своей); однако, если условия наследования власти в государстве допускают возможность самому занять место монарха, такой вариант также стоит иметь в виду. Познакомимся в качестве примера с карьерой человека, которого можно считать абсолютным чемпионом игры во Власть всех времен и народов.

Жарким августовским вечером 854 года^[233] в Золотые ворота Константинополя вошел рослый молодой человек, позднее получивший известность под именами Василий Македонянин^[234], Василий Армянин и просто император Василий I^[235]. Однако пока что он был всего лишь бродягой, не имевшим за душой ничего, кроме незаурядной физической силы и прекрасного знания человеческой натуры^[236]. В громадном Константинополе для регулярно прибывающих путников имелось в достатке постоянных дворов и притонов; однако Василий расположился на ночлег буквально в нескольких шагах от городских ворот, у входа в монастырь Святого Диомида^[237]. Выделявшегося среди прочих бродяг ростом и поведением^[238] Василия заметил настоятель монастыря и подошел поинтересоваться, что ищет молодой человек в Константинополе. «Поступить в услужение к видному человеку», – ответил Василий, и это был именно тот ответ, которого ожидал настоятель: один из его знакомых, начальник городских стен Феофилик, как раз подбирал себе в окружение людей высокого роста.

Так Василий оказался среди слуг Феофилика и принялся изучать местную политическую ситуацию. Сам Феофилик, хотя и наряжал слуг в шелковые плащи, не был сколько-нибудь важной фигурой в византийской системе Власти, однако он приходился дальним родственником опальному вельможе по имени Варда.

На 854 год императором Византии считался несовершеннолетний (15 лет) Михаил III, но все решения принимали его мать, регентша Феодора, и ее первый министр, Феоктист. Варда приходился Феодоре братом, но в 844 году был обвинен Феоктистом в дезертирстве (как раз шла очередная война) и выслан из Константинополя. К 854 году Варде удалось заслужить прощение и вернуться в столицу, но не к власти; он был весьма заинтересован в укреплении собственной группировки и установлении контактов с императором Михаилом, который, как нетрудно догадаться, желал править самостоятельно, а не в качестве вешалки для императорских одежд. Интересы Михаила не выходили за рамки обычных царских развлечений^[239], и у самого Варды не было шансов стать близким другом императора. Для этой цели ему требовался подходящий вассал.

Не прошло и года, как этот вассал нашелся. На одном из пиров, устроенных сыном Варды, где гости развлекались борцовскими поединками между своими людьми^[240], неожиданно для всех победу одержал борец из свиты болгарского посланника. Оценив комплекцию победителя, присутствовавший на пире Феофилик предложил позвать Василия, чтобы защитить честь византийцев. Василий без особого труда бросил болгарина об пол, чем и привлек внимание Варды.

Найдя подходящего человека, Варда действовал прямолинейно и эффективно. Сначала он рассказал Михаилу о блестящей победе над болгарским борцом и вызвал тем самым интерес к Василию. Дождавшись следующего благоприятного случая^[241], он лично представил Василия императору еще и как большого мастера в обращении с лошадьми. Как и следовало ожидать, Михаил захотел иметь при себе столь

выдающегося (с точки зрения 15-летнего юноши) человека и взял Василия в свою свиту.

Получив доступ к императору, Варда немедленно сделал следующий шаг: настроил Михаила против фактического правителя империи Феоктиста и предложил свою помощь в его устранении. Михаил дал согласие; в ноябре 855 года Варда со своими людьми захватил Феоктиста (не ожидавшего нападения) и убил его на глазах (и с молчаливого согласия) Михаила. Пораженная столь решительными действиями^[242], Феодора не стала сопротивляться. В 856 году Михаил был провозглашен полноправным императором, Варда стал первым министром, а наш герой, Василий, получил должность начальника императорских конюшен.

Хотя в свиту Михаила Василий попал как вассал Варды (и, по всей видимости, активно участвовал в заговоре по свержению Феоктиста), свои представления о Власти он как будто бы почерпнул из нашей книги. Только первое лицо, только император – таким должен был быть и был девиз его дальнейшей деятельности. Василий участвовал во всех увеселениях императора (потихоньку превращавшегося в Михаила Пьяницу), потакал всем его прихотям и даже женился на любовнице Михаила, чтобы обеспечить ей беспрепятственный доступ к императору. Чтобы занять при дворе столь же прочное положение, как и у Варды^[243], Василию понадобилось шесть лет; в 862 году он получил должность домоправителя императорского дворца и начал незамедлительно настраивать Михаила против своего главного конкурента.

Поначалу император только посмеивался, слыша традиционные в таких случаях нашептывания: «Он хочет тебя убить и захватить всю власть», однако капля камень точит, и к 865 году Михаил уже полностью уверился в необходимости избавиться от своего

соправителя^[244]. Об этом стало известно даже самому Варде, и окажись на его месте более искусный игрок, Михаилу с Василием пришлось бы туго. Однако Варда по каким-то причинам не решился выступить против императора и просто потребовал от Михаила гарантий собственной безопасности. Михаил с Василием без колебаний предоставили такие гарантии: в присутствии патриарха Фотия они поклялись кровью Христовой, что Варде нечего опасаться. Варде действительно нечего было опасаться во дворце, охрана которого подчинялась его сыну; поэтому Василий предложил Михаилу организовать небольшую войну и тем самым выманить Варду в менее безопасное место. Сказано – сделано, весной 866 года армия двинулась в поход, и 21 апреля оставшийся без надежной охраны Варда был убит на глазах Михаила (поход, разумеется, тут же был отменен).

Вскоре после этого Михаил назначил Василия кесарем (взамен убитого Варды), и на Троицын день в соборе Святой Софии появились уже два одинаковых трона. Казалось бы, Василий достиг высшей возможной власти – не просто первого министра, а статуса соимператора; однако делить это место со спившимся и выжившим из ума Михаилом было попросту опасно. Уже через год Василий заметил, что у Михаила появился новый фаворит (некий Василикиан), и быстро сообразил, куда дует ветер. В отличие от византийца Варды, македонянин Василий не испытывал особого пиетета к императорской семье и, оценив расклад сил, без колебаний пошел на крайние меры. 24 сентября 867 года Василий вместе со своими людьми вошел в спальню императора и зарезал мертвецки пьяного Михаила, как последнюю свинью. Репутация Михаила Пьяницы была к этому моменту настолько низкой, что эта смерть вызвала сожаление лишь у его матери,

бывшей регентши Феодоры, которую Василий тут же выпустил из монастыря^[245].

Всего 13 лет потребовалось никому не известному бродяге, чтобы встать во главе одной из крупнейших мировых империй. Но обратите внимание, что десять из этих 13 лет Василий потратил на выстраивание отношений с действующим монархом (которого сам же потом и прикончил). Десять лет – даже у абсолютного чемпиона по Власти! Вот сколько стоит благосклонность монарха и вот сколько за нее приходится платить.

Читатель. Если первый министр и сам может стать монархом, то почему вы не говорите об этом прямо? Какие тут могут быть «индивидуальные особенности»? Надо просто брать власть, и дело с концом!

Теоретик. Вспомните, что мы говорили вам несколькими страницами ранее. Монархия – это не дворец и не трон, а представления людей о том, как должна быть устроена Власть. Если такие представления допускают назначение в монархи любого человека (соправителя, преемника и так далее), тогда у первого министра действительно имеется шанс. Но абсолютное большинство монархий устроены более основательно: наследовать монарху может ограниченный круг людей, не включающий в себя первого министра. Конечно, если вы – наследник престола, устранение монарха может пойти вам на пользу; но мы пишем нашу книгу для широкого круга читателей; каждый из них имеет шанс выбиться в первые министры, а вот наследников престола среди них значительно меньше.

Читатель. Но ведь представления людей можно и поменять! Как насчет революций? Разве в истории мало примеров, когда предводитель восставших свергал предшествующего монарха и сам занимал его место?

Теоретик. Вообще говоря, мало, иначе мы не помнили бы едва ли не каждую европейскую революцию. На каждую успешную революцию приходится не менее десяти столь же успешных передач власти по наследству. Обычно мы предпочитаем писать о правилах, работающих в 90% случаев, а не в 10%, однако стараниями марксистской пропаганды в России создан определенный культ Революции с большой буквы, и было бы неправильно оставить его без комментариев. Поэтому скажем несколько слов о революциях.

Английская революция 1640 года началась с созыва Карлом I так называемого Долгого парламента. Парламент под предводительством некоего Джона Пима^[246] потребовал от короля поделиться властью (приняв законы о регулярных собраниях парламента и Билль о милиции, лишивший короля статуса командующего войсками); король воспротивился, и в 1642 году началась гражданская война. Один из капитанов армии парламента сделал в ее ходе военную карьеру, стал главнокомандующим и в 1653 году объявил себя лорд-протектором, то есть следующим монархом. Сегодня мы знаем его как Оливера Кромвеля; но кто в 1640 году мог знать, что следующим монархом станет именно этот капитан кавалерии?

Великая французская революция 1789 года началась с созыва Людовиком XVI Генеральных штатов (не собиравшихся с 1614 года), которые после некоторых дискуссий провозгласили себя Национальным собранием, претендуя тем самым на всю полноту власти. Когда король попробовал разогнать собрание силой, часть дворянских депутатов, под предводительством графа Мирабо^[247] и маркиза Лафайета^[248], организовали вооруженное сопротивление. В начавшейся гражданской войне один

из артиллерийских офицеров сделал военную карьеру, возглавил целую итальянскую армию и в 1799 году совершил военный переворот. В 1804 году он присвоил себе титул императора, и сегодня мы знаем его как Наполеона I; однако кто мог в 1789 году предсказать, что Францией будет править простой лейтенант, а не Мирабо или Лафайет?!

Февральская революция в России началась с созыва Николаем II очередной сессии распущенной на каникулы Государственной думы. 14 февраля 1917 года Дума возобновила работу, и с ее трибуны сразу же зазвучали требования смены режима. Они упали на хорошо подготовленную почву: еще в 1916 году видный российский политик Гучков^[249] составил план отстранения Николая II от власти^[250], к которому к февралю 1917 года присоединились большинство оппозиционных фракций Госдумы, включая ее председателя Родзянко^[251]. Поддерживали смену режима и заговорщики из «великокняжеской фронды», в декабре 1916 года организовавшие убийство Распутина, фактически первого министра Николая II. 22 февраля 1917 года Николай II выехал из Петрограда в Ставку^[252], на следующий же день, 23 февраля, в Петрограде произошли массовые стихийные^[253] демонстрации и забастовки под лозунгами «Долой самодержавие»; 27 февраля начался мятеж войск Петроградского гарнизона. 2 марта, в полном соответствии с планом заговорщиков, Николай II отрекся от престола в царском поезде, остановленном между Ставкой и Царским Селом.

Практик. Даже в отношении Великой Октябрьской социалистической революции существует мнение, что устроили ее вовсе не большевики, а Генеральный штаб еще царской армии. В некотором смысле, если сравнивать февраль 1917-го с июлем 1998-го, это был

аналог переворота Рохлина, завершившийся успехом. Большевики были всего лишь инструментом этого переворота, а реальную власть получили только в результате Гражданской войны.

Теоретик. Однако заговорщики переоценили свои возможности по контролю над своим «инструментом». Борьба за власть продолжилась в виде полноценной гражданской войны; в ее ходе на первую роль выдвинулся вернувшийся из-за границы лидер маргинальной политической партии, которого сегодня мы знаем как великого Ленина. Кто из думских политиков, великих князей и офицеров Генерального штаба, начинавших революцию, мог подумать, кому они в конечном счете вручат российский престол?

Читатель. Кажется, я понимаю, куда вы клоните...

Теоретик. Давайте не будем забегать вперед, а рассмотрим еще один, последний пример. Исламская революция 1979 года в Иране началась 23 октября 1977 года, когда в иракском городе Наджаф умер от инфаркта Мустафа Хомейни, сын жившего с 1964 года в изгнании иранского религиозного лидера аятоллы [\[254\]](#) Рухоллы Хомейни [\[255\]](#). В Иране, которым правил светский режим шаха Резы Пехлеви [\[256\]](#), эта смерть была приписана проискам шахских спецслужб и вызвала небольшую демонстрацию происламски настроенных студентов. В ответ шахское правительство опубликовало в главной газете страны статью, обвиняющую Рухоллу Хомейни в работе на англичан и коммунистов. Вопреки ожиданиям [\[257\]](#), статья вызвала у религиозно настроенной молодежи взрыв возмущения; 8 и 9 января 1978 года в священном городе Кум состоялись демонстрации протеста, в ходе разгона которых погибло несколько человек. Через 40 дней демонстрации, уже в память о мучениках, повторились в Куме и в Тебризе, причем демонстранты прибегли к

ограниченному насилию (битью стекол и поджогам в «оскорбляющих ислам» помещениях, таких как редакции газет, банки и полицейские участки). В дальнейшем протесты с разной интенсивностью продолжались через каждые 40 дней, исправно поставляя начавшемуся движению все новых мучеников; вскоре выступления стали собирать уже сотысячные толпы, и 4 сентября 1978 года на демонстрации по случаю окончания рамадана впервые прозвучало «Аллах акбар – Хомейни рахбар»^[258].

Необходимо заметить, что даже миллионные демонстрации в столице не представляют угрозы для хорошо организованной правящей группировки^[259]. Однако сплоченность группировки Резы Пехлеви к этому времени была серьезно подорвана: у шаха был диагностирован рак, и всем было ясно, что долго он не протянет^[260]. Вопрос о преемнике по понятным причинам (гибрис-синдром и конкуренция у трона) невозможно было даже поставить, но каждый из придворных всерьез задумывался: а что дальше? Шансы Хомейни на приход к власти в этот момент уже были выше, чем у любого из альтернативных кандидатов, и третье правило придворного (вовремя предать – значит предвидеть) заработало в полную силу. Шах стал делать одну уступку за другой, и 29 декабря 1978 года согласился покинуть Иран, оставив страну на свеженазначенного премьер-министра Бахтияра. Тот (согласно первому правилу придворного) сразу же стал искать контактов с Хомейни (перебравшемуся к этому времени в Париж), и на этом «революция» фактически была закончена. Формальности, вроде триумфального прибытия Хомейни в Тегеран и учреждения Исламской республики, заняли еще несколько месяцев, и в ноябре 1979 года Хомейни стал официальным верховным лидером Ирана.

Как видите, аятолла Хомейни (в отличие от предыдущих «революционеров») сумел не только начать революцию, но и успешно ее закончить, заняв место единоличного правителя. Так почему же мы учим вас трем правилам придворного (привлечь внимание монарха, завладеть всем вниманием монарха, вовремя предать), а не правилам делания революций? Только ответив на этот вопрос, вы и в самом деле поймете, куда мы клоним!

Читатель. Потому, что революции типа иранской – редкость, а куда чаще встречаются революции типа английской, французской и российской?

Теоретик. Это верно; типичная революция представляет собой вовсе не военную кампанию, направляемую к победе твердой рукой полководца, а ужасающую неразбериху, результат которой невозможно предсказать заранее. Такие революции действительно пожирают своих детей, и ладно бы детей – столь же эффективно они убивают своих инициаторов.

Эта на первый взгляд странная закономерность прямо следует из все тех же законов Власти. Ослабление или свержение привычного монарха разрушает основной способ конкуренции между группировками – слово верховного сюзерена. Как только такой сюзерен исчезает, единственным способом выяснить, кто кому должен подчиняться, оказывается прямое насилие. Но как раз к нему группировки и оказываются не готовы: долгие годы их основным оружием были придворные интриги, направленные на завоевание благосклонности монарха. В результате в начавшейся кровавой каше власть достается не самой крупной и даже не самой сплоченной, а самой агрессивной из группировок, той, которая первая начинает «революционный террор» и

лучше других умеет контролировать взбунтовавшуюся толпу.

Однако причина, по которой мы не учим вас делать революции при монархической Власти, заключается в другом. Посмотрите еще раз на главных участников событий в Иране – шаха Везу Пехлеви (59 лет) и аятоллу Рухоллу Хомейни (76 лет). Хомейни был **на 17 лет старше** своего противника! Когда молодой шах в 1953 году прятался за спинами англо-американских наемников, свергавших национальное правительство Моссадыка, Хомейни уже был аятоллой; когда в 1963 году шах проводил либеральные реформы (названные Белой революцией), Хомейни стал их главным противником и был заключен в тюрьму вместе с сыном, а позднее выслан из страны. Ни единой секунды Хомейни не был придворным иранского шаха, а всегда оставался независимым сюзереном, командовавшим своей собственной (религиозной) властной группировкой и постоянно претендовавшим на верховную Власть. В отличие от придворных, погрязших в дворцовых интригах, Хомейни фактически вел необъявленную войну с шахским режимом. Так стоит ли удивляться, что в условиях революции именно Хомейни оказался тем будущим монархом, к которому обратили свои надежды все отвернувшиеся от шаха властные группировки?^[261]

Правила, по которым Хомейни взял власть, не являются правилами для вассалов верховного сюзерена. Это правила для независимого сюзерена, претендующего на верховную власть на своей территории, и не желающего делить ее ни с кем другим. В условиях монархии подобная позиция, как правило (желающих всегда намного больше, чем мест на верхушке пирамиды), ведет к тюрьме, изгнанию и смерти и лишь в редких случаях приводит к успеху.

Однако каждый такой случай (в отличие от поражений) прославляется в веках, создавая «бескомпромиссным революционерам» репутацию будущих победителей. Не поддавайтесь этой пропаганде: путь революционера один из самых опасных и ненадежных, и именно поэтому его так настойчиво рекламируют СМИ, принадлежащие действующей Власти.

Читатель. А что же тогда делать, если все-таки началась революция?

Теоретик. Пользоваться третьим правилом придворного – вовремя предавать. И только в том случае, если ваша властная группировка (в силу исторических особенностей) способна перейти при необходимости к прямому насилию, можно осторожно подумать о вооруженном захвате Власти. Но вести его следует по совершенно другим правилам, относящимся уже не к монархической, а к олигархической Власти.

4. Воевать или договариваться? Борьба за власть в условиях олигархии

Теоретик. Подобно тому, как при монархии легитимность положения властной группировки устанавливается *решением одного человека*, при олигархии для этой легитимности требуется *согласие нескольких человек* (и стоящих за ними властных группировок). Когда такого согласия нет (как чаще всего и бывает сразу после очередной революции), фраза «*Белые пришли – грабят, красные пришли – грабят*» как нельзя лучше описывает всю **ненадежность** положения любой властной группировки. При монархии вашу судьбу может решить блажь одного человека, но вы, по крайней мере, знаете какого; после его свержения таких желающих оказывается много ^[262], и все привычные средства

выживания во Власти (лесть, обещания, присяга) отправляются на помойку. Отныне (и неизвестно на какой срок) миром правит прямое насилие.

Какие же правила могут помочь вам не просто выжить среди этого кошмара, но и укрепить положение своей группировки? Прежде всего заметим, что ситуация с несколькими центрами Власти (которая возникает в ходе любой революции, а иногда сохраняется и после нее в виде наследственной олигархии) существенно сложнее, чем уже привычная нам монархия. Революции не возникают на пустом месте; чаще всего, конечно, их причиной является **слабость** правящего монарха и необходимость замены его на другого, более популярного; однако иногда бывает и так, что причиной революции становится **смена убеждений** основных представителей правящей элиты. Еще вчера им казалось, что «должен быть главный, и все должны его слушаться», а теперь вдруг [\[263\]](#) представители элиты, словно сговорившись, требуют подчинить армию Парламенту и поставить над королем какую-то Конституцию! Отныне их лозунгом становится «нет налогов без представительства», что в переводе на язык Власти означает «согласен подчиняться правилам, но не личностям». Разница в убеждениях переходит в поступки и приводит к разным сценариям развития событий: в одном случае результатом революции станет появление нового монарха, а в другом властные группировки сумеют договориться, и в стране установится олигархическое правление [\[264\]](#).

Вторым моментом, определяющим выбор стратегии, является силовой ресурс вашей группировки. Контролируете ли вы армейские, полицейские или специальные подразделения? Есть ли в составе вашей группировки преступные сообщества или иные группы

вооруженных людей? Если всего этого нет, ваше участие в революции сводится к правилу Талейрана: «Я завтра скажу вам, кто такие мы», причем вне зависимости от того, настроены остальные группировки монархически или олигархически. Когда же ваша группировка располагает некоторым силовым ресурсом, революция (и даже просто революционная ситуация) открывает вам неплохие перспективы для захвата верховной Власти. Но как раз в этом случае обязательно учитывать убеждения элиты, поскольку основой вашей будущей монархической власти являются не штыки и тюрьмы, а **желание** других сюзеренов подчиняться самому сильному. Если такого желания нет, применение силы приведет к прямо противоположному результату. Рассмотрим **показательный пример** из недавнего, но уже прочно забытого прошлого.

К 1958 году внутривнутриполитическое положение Франции точнее всего характеризовалось словами «революционная ситуация». Продолжавшаяся с 1954 года война в Алжире затягивалась до бесконечности; гражданское правительство и население были недовольны военными расходами, генералы – тем, что им не выделяют достаточно средств для победы. Экономическое положение также оставляло желать лучшего (дело дошло до карточек на бензин). Политическая власть формально принадлежала парламенту и правительству, однако из-за большого числа политических партий^[265] сформировать сколько-нибудь устойчивое правительство не получалось^[266].

Революционность ситуации в полной мере осознали две^[267] властные группировки. Одна из них, «бонапартисты», во главе с бывшим главнокомандующим Алжира Шеррьером^[268], с 1957 года составляла планы военного переворота и учреждения военного правительства (Директории).

Другая («голлисты»), во главе с национальным героем Франции Шарлем Де Голлем^[269], подошла к делу основательнее, развернув публичную и закулисную пропаганду своего шефа. Один из соратников де Голля, Дебре, с января 1958-го начал выпускать журнал «Курьер гнева», требовавший создания правительства национального спасения с понятно кем во главе; еще двое, Дельбек и Нейвирт, проникли в штат Министерства обороны и создали в Алжире специальное представительство, через которое начали обработку армейских офицеров, прежде всего действующего главнокомандующего алжирскими войсками Рауля Салана.

Поначалу генералы не понимали, «при чем здесь де Голль», но это выяснилось уже в апреле 1958 года. В парламенте Франции начался очередной правительственный кризис, и алжирские «бонапартисты» направили своему лидеру телеграмму: «Грузите товар». Это означало «Прилетайте в Алжир, и начинаем переворот», однако Шеррьер трезво оценил свою популярность (то есть ее отсутствие) среди французской элиты и остался в Париже. А вот де Голль, на уединенную виллу которого прибыли с визитом Дельбек и Нейвирт, переспросил несколько раз: «Армия точно за меня? Вы договорились с Саланом?»^[270] – и согласился встать во главе мятежа. Сказано – сделано, в мае 1958 года в Алжире начинаются беспорядки, 13 мая создается Комитет общественного спасения, и Рауль Салан телеграфирует в Париж: «Считаю необходимым обратиться к национальному арбитру, чтобы сформировать правительство общественного спасения». 15 мая де Голль публикует собственное коммюнике: «Я соглашаюсь принять на себя полномочия главы Республики». В последовавших за этим двухнедельных переговорах де Голль сумел убедить

представителей основных политических сил, что с ним они сохраняют жизнь и влияние, а без него – рискуют быть расстрелянными военной Директорией. 1 июня 1958 года де Голль при поддержке восьми из девяти политических партий стал новым премьер-министром Франции.

Читатель. Какой-то странный переворот. Военная сила была у Салана, а власть захватил де Голль!

Теоретик. Если вы еще помните, мы приводим пример того, как применение силы приводит к нежелательным результатам. Пока что Салан не применял силу, а лишь угрожал ее применением, поддерживая переговорную позицию де Голля. А теперь посмотрим, что было дальше.

Несмотря на то что де Голль пришел к власти при поддержке военных, для которых война в Алжире была главной кормушкой и источником Власти, он сразу же начал проводить собственную политику, и к осени 1960 года взял курс на предоставление Алжиру независимости. Разумеется, военным это не понравилось^[271], и в апреле 1961 года четыре генерала, включая уже знакомого нам Салана^[272], повторили сценарий 1958 года. В ночь с 21 на 22 апреля Первый парашютный полк Иностранного легиона захватил город Алжир. На следующий день часть вооруженных сил перешла на сторону мятежников, остальные заняли выжидательную позицию. Однако дальше все пошло из рук вон плохо: руководители парижской группы заговорщиков едва ли не в полном составе попались в руки полиции^[273], попытка взорвать де Голля в «Комеди Франсэз» сорвалась, а большинство политических партий и общественных организаций выступило против путча, вплоть до создания отрядов самообороны и общенациональной забастовки. Стало понятно, что даже переход на сторону путчистов всей алжирской

армии не даст им решающего преимущества, и уже 26 апреля глава мятежников, генерал Шалль, сдался французским властям.

Ну как, вам по-прежнему кажется, что в 1958 году сила была в руках у Салана, а не у де Голля?

Практик. Следует учесть также роль сюзеренов самого высшего уровня, которыми в тот момент были руководители США и СССР. Это сейчас Западная Европа полностью «лежит» под США, а тогда все было по-другому, и есть серьезные основания считать, что де Голль обратился за поддержкой к СССР, а выход Франции из военной организации НАТО^[274] был платой за эту поддержку. Впрочем, все это я говорю с одной-единственной целью: чтобы вы поняли, что мы из всей очень сложной картины мира выбираем некую упрощенную линию, которая наиболее ярко демонстрирует правила Власти. Но никогда не нужно забывать, что это линия – не единственная!

Читатель. Мне кажется, что у Шалля в 1961 году просто не было популярного кандидата в диктаторы. Даже если бы он успешно устранил де Голля, французы все равно вряд ли бы все, как один, подчинились генералам, да и СССР не стал бы оказывать поддержку кому попало.

Теоретик. Вот именно! Вопреки ожиданиям генералов французские властные группировки объединились не вокруг мятежников, а против них.

Власть во Франции еще с XIX века была устроена олигархически, и враждующие между собой группировки были едины в главном принципе: первым лицом государства может быть только представитель правящей элиты, в отношении которого можно быть уверенным: он будет соблюдать правила. Де Голль был для элиты своим, и его поддерживали; а Шалль был обыкновенным служакой, работавшим за оклад и

повышение по службе, и никто не желал видеть его в президентском дворце. Поэтому мы и учим вас тщательно изучать существующую систему Власти: ее устройство может быть разным, и в зависимости от него одни и те же действия могут привести вместо успеха к позорному провалу.

Читатель. А если бы армию контролировал бы кто-то из олигархов? Тогда бы ему подчинились?

Теоретик. Отличный вопрос! Давайте немножко подумаем. Вот есть у нас несколько олигархов, номер один контролирует армию, а остальные номера, скажем, торговлю, промышленность, транспорт и все такое. Как по-вашему, будут все остальные доверять номеру один?

Читатель. Да какая разница, будут или нет? Если он захочет, он их в любой момент может объявить предателями и расстрелять!

Теоретик. Вот именно. При олигархическом устройстве власти силовые ресурсы – армия, полиция, спецслужбы – могут находиться только под общим контролем олигархов.

Практик. Есть еще промежуточный вариант, как в современном Китае: разные силовые структуры находятся под контролем разных кланов. То есть у каждого олигарха, как у средневекового феодала, есть своя частная армия.

Теоретик. Такой вариант не случайно назван промежуточным: наличие собственной армии показывает низкий уровень взаимного доверия между высшими сюзеренами. Либо доверие вырастет, и тогда армии станут не нужны, либо какие-то два клана вступят в жесткий конфликт и пустят свои армии в ход ^[275].

Так что при настоящей олигархии «силовики» всегда оказываются «людьми второго сорта». Вот как

поступали с популярными полководцами в классическом государстве олигархов, Венецианской республике:

«Граф Карманьола был одним из самых храбрых и удачливых предводителей наемных военных отрядов. В 1442 году он, уже немолодой человек воевал на стороне Венеции в затяжной войне с Флоренцией. Внезапно граф был отозван в Венецию. Любимец народа, он был принят пышно, со всевозможными почестями. Вечером ему предстояло отужинать с самим дожем, во дворце дожей. Однако по дороге туда он заметил, что стражник ведет его в другом направлении. Проходя по знаменитому мосту Вздохов, он внезапно понял, куда они направляются, – это была дорога в тюрьму. Он был осужден по сфабрикованному обвинению, а на другой день на площади Святого Марка перед замершей от ужаса толпой, не понимавшей, почему его судьба так круто изменилась, его обезглавили» [Грин, 2003, с. 129].

Практик. А вот командующий венецианским флотом вообще не имел права появляться в Венеции – если он только пересекал границу Адриатического моря (то есть оказывался ближе к Венеции, чем остров Корфу), то подлежал немедленной казни!

Теоретик. Так что если Власть в вашем государстве устроена олигархически – забудьте про революции и военные перевороты!

Читатель. А если нет? Вы же сами говорили, что монархий на Земле куда больше, чем олигархий!

Теоретик. Если окружающие вас властные группировки настроены монархически и у вас имеется определенный силовой ресурс, тогда, конечно, вы должны уметь им правильно распорядиться. К счастью, это довольно просто^[276] – учебник по вооруженной борьбе за власть появился полвека назад, в 1968 году^[277], и с тех пор регулярно переиздается на всех

основных языках мира. Мы специально не включили «Государственный переворот» во вторую часть нашей книги – классический текст Люттвака необходимо читать целиком, и не один раз. Мы лишь зафиксировали Ваше внимание на сформулированных им принципах использования силы.

Первое правило Люттвака относится к определению ситуаций, в которых вообще имеет смысл использовать силу^[278], и фактически дополняют то, что мы вам только что рассказали. Государственный переворот возможен лишь в условиях, когда Власть 1) **сосредоточена в руках узкого круга людей** (и группировок), и 2) **лишена внешней поддержки**, будь то иностранные государства^[279] или находящиеся за пределами столицы вооруженные части (например, воинственные племена в Африке). Концентрация Власти в руках немногих как раз и означает монархическое правление (группировка монарха получает все, за ее пределами Власти не остается); если центров Власти много и они относительно независимы (как это было во Франции в приведенных выше примерах), попытка силового захвата власти приведет к их объединению против вас. Не столь очевидным, но весьма существенным является и отсутствие внешней поддержки: если действующий монарх сам является чьим-то вассалом, то занять его место можно только с позволения вышестоящего сюзерена; с ним и нужно налаживать контакты, а не устраивать перестрелку.

Второе правило Люттвака относится к подготовке боевых действий и заключается в использовании **вооруженных сил действующего монарха**. Правящая группировка, опираясь на все ресурсы государства, обладает заведомо более мощным аппаратом насилия, чем любой из претендентов на власть. Поэтому попытки опереться на собственные

«отряды самообороны» или «повстанцев», как правило, заканчиваются неудачей^[280]; а вот «переход армии на сторону восставших» (хорошо подготовленный предшествующей агентурной работой) обеспечивает успех революции. Мы снова видим, что это правило является прямым следствием из общих принципов теории Власти: властная группировка растет, продвигая своих людей в другие организации (например, армию) и тем самым захватывая соответствующие ресурсы. Разумеется, такая деятельность требует секретности^[281], но мы с вами давно уже знаем, что секретность есть самоочевидная составляющая любых действий во Власти.

Третье правило Люттвака относится собственно к осуществлению революции (или переворота) и заключается в **нейтрализации** как можно большего числа конкурирующих группировок. Под «нейтрализацией» Люттвак понимает обеспечение нейтральной позиции группировок в возникшем конфликте претендента на престол и предшествующего монарха; для ее обеспечения претендент должен создать впечатление более безопасного и договороспособного правителя. Достигается это двумя основными способами: 1) революционной риторикой за все хорошее и против всего плохого, то есть против предшествующего монарха (которым, как правило, и так все недовольны), 2) организацией «стихийных» массовых беспорядков, с которыми действующая власть не способна справиться, и потому надеяться приходится лишь на революционеров^[282]. Основная цель революции заключается не в том, чтобы устранить прежнего монарха, а в том, чтобы стать новым; для этого нужно не проливать реки крови, а всего лишь принять присягу от большинства сюзеренов высшего уровня. Главное, чтобы у них появилось **желание**

такую присягу принести, – вот на это и должна работать революция.

Читатель. Интересная у вас революция получается – «война фигня, главное – маневры».

Теоретик. Шутки шутками, а принцип «главное – маневры» с прошлого века является основой военного искусства, под названием «стратегия не прямых действий». То, что хорошо работает на войне, разумно использовать и в ходе революций; афоризм Сунь Цзы «лучшая победа та, что одержана без боя» следует всегда держать в голове, планируя какие-либо конфликты.

Три перечисленных правила Люттвака^[283] и составляют основное содержание теории Власти в части государственных переворотов. Мы хотим особо подчеркнуть, что, как и всякое насилие, революции и войны резко упрощают ситуацию, сокращая количество доступных действий противоборствующих сторон, и за счет этого быстро приводят к тому или иному результату. Ошибку, допущенную в ходе придворных или олигархических интриг, всегда можно исправить; революционер же, как и минер, ошибается только один раз. Поэтому прибегать к государственному перевороту нужно не тогда, когда вы абсолютно уверены в успехе (уверенность вам всегда обеспечит гибрис-синдром), а тогда, когда успех действительно возможен. Условия возможности силового захвата Власти мы свели в специальную таблицу:

Таблица 1. Оптимальные варианты действий в условиях революций

Ваши силовые ресурсы	Преобладающие убеждения среди других сюзеренов	
	Монархические: «должен быть главный и все должны его слушаться»	Олигархические: «подчиняюсь правилам, но не личностям»
Незначительные	Перебегать к победителю	Договариваться
Значительные	Захватывать власть	Все равно договариваться!

Кроме них, в его учебнике приводится много практических советов, вроде технологии вербовки армейских офицеров или захвата «почты, телеграфа, телефона», но они носят совсем уж прикладной характер, излишний на этапе чтения нашей книги.

Вот теперь мы можем объяснить, почему мы все это вам рассказали. Маловероятно, что вам когда-нибудь придется захватывать власть вооруженным путем; но выбор между «воевать» и «договариваться» возникает каждый раз, когда над вашей и конкурирующей группировками нет общего сюзерена. Вот в этой ситуации бывает очень полезно посмотреть в таблицу 1 и выбрать правильную линию поведения.

Читатель. Довольно безрадостная табличка для юных революционеров. Получается, что если верховная власть на планете организована олигархически, то никакой мировой революции нам не светит?

Теоретик. Совершенно верно. Вспомните последние мировые войны (включая холодную): каким бы сильным ни было отдельное государство, заявившее претензию на мировое господство, оно каждый раз проигрывало коалиции остальных государств, временно объединившихся против общего врага. Вот почему мы так много времени потратили на объяснение разницы между монархической и олигархической Властью...

Читатель. И ни слова пока не сказали, как бороться за власть в условиях олигархии!

Теоретик. Вы снова правы. Быть может, вы попыбуете угадать, почему мы этого до сих пор не сделали?

Читатель. Видимо, это самая сложная тема и к ней нужно как следует подготовиться?

Теоретик. Это действительно так, и вот в чем заключается сложность. Исход борьбы за Власть в условиях монархии всегда ясен: имена монархов и их первых министров звучат на каждом перекрестке. А вот чем закончилась борьба за Власть при олигархии, и закончилась ли вообще, узнать не так-то просто. Приведем простейший пример: вы наверняка слышали, что миром правят евреи во главе с Ротшильдами. Но сможете ли вы вспомнить какое-нибудь решение, открыто навязанное человечеству лично каким-нибудь Ротшильдом? Как, например, решение об атомной бомбардировке Японии, принятое лично президентом США Труменом, или решение о капитуляции в холодной войне, принятое лично лидером СССР Горбачевым?

Читатель. Честно говоря, не знаю. Может быть, создание Федеральной резервной системы США?

Теоретик. Вы хотите сказать, что на Законе о создании Федерального резерва стоит подпись Ротшильда?

Читатель. Нет, конечно, но ведь сам закон готовили его партнеры-банкиры...

Теоретик. А если еще точнее, то политики, лоббировавшие интересы его партнеров-банкиров. Поскольку некоторые участники создания ФРС появятся буквально на следующих страницах нашей книги, вспомним, как это все происходило. В октябре 1907 года в США разразился банковский кризис^[284], и министр финансов Кортелью вынужден был обратиться

за помощью к лидеру крупнейшей финансовой группировки Джону Пирпонту Моргану^[285]. Договорившись о выделении из бюджета министерства беспроцентных депозитов на сумму в 42 миллиона долларов, Морган организовал в своем офисе штаб по борьбе с кризисом, превратившись фактически в центральный банк США^[286]. Даже конкуренты Моргана, такие как Рокфеллер^[287] и Гарриман^[288], признали эффективность действий его группировки, и присоединились к работе по купированию кризиса. В результате кризис был успешно преодолен, лидерство Моргана в американском истеблишменте стало общепризнанным, а полезность центрального банка сделалась очевидной для каждого банкира. Вопрос заключался в том, какая из группировок первой напишет соответствующий законопроект.

Первым за дело взялся республиканец Нельсон Олдрич^[289], уже в 1908 году создавший сенатскую комиссию по расследованию причин кризиса. В результате ее деятельности был подготовлен проект создания федерального банка, способного сделать то же самое, что и Морган, только без Моргана. Именно этот проект и обсуждался на знаменитой встрече представителей^[290] крупнейших банкиров в ноябре 1910 года на острове Джекилл. Однако в 1912 году президентские выборы выиграл демократ Вильсон, и инициативу у Олдрича перехватил уже видный демократ Картер Гласс^[291]. В отличие от Олдрича, связь которого с Рокфеллерами была видна невооруженным глазом, групповая принадлежность Гласса была не столь очевидна; лишь впоследствии выяснилось, что его ближайшим помощником стал Рассел Леффингуэлл, один из партнеров Моргана. Под руководством Гласса законопроект был доведен до конца, и 23 декабря 1913

года принят Конгрессом в качестве закона о Федеральной резервной системе.

Как видите, приписать создание ФРС лично Ротшильду можно лишь с очень большой натяжкой – слишком уж очевидно, что создание Федерального резерва отвечало интересам всей американской правящей элиты. Тем не менее потребовалось несколько лет на согласование *конкретных формулировок* закона, определивших дальнейший расклад сил в финансовом секторе. Поскольку конечную редакцию законопроекта формировал Гласс, а не Олдрич, основную выгоду от создания ФРС получил Морган^[292], которого часто называют представителем Ротшильда в США. Но проследить цепочку принятия решений от подписавшего закон Вильсона до якобы приказавшего его принять Ротшильда (даже если бы такой приказ реально существовал) практически невозможно.

«Загадка, завернутая в тайну внутри головоломки» – эти слова Черчилля, сказанные про СССР, в полной мере относятся к политическим процессам в условиях олигархии. Как мы уже убедились на примере ФРС, даже *результаты* подковерных схваток за ресурсы не всегда очевидны^[293]; что же касается *самих боевых действий*, то они и вовсе остаются тайной за семью печатями, в том числе и для их непосредственных участников.

Читатель. Вот даже как?! Но тогда откуда вы сами узнали, как там ведутся боевые действия и какие у них правила?

Теоретик. Вот для этого на самом деле и нужны **теоретики**. В отличие от практика, все свое время посвящающего сиюминутным властным раскладам, теоретики обладает достаточным свободным временем, чтобы изучить многочисленные схватки прошлого, в

особенности те, где победитель хорошо известен. На основе анализа подобных уже завершившихся событий и формулируются общие правила, которые работают в большинстве случаев. Рассмотрим один из самых показательных примеров борьбы за ресурсы, случившийся в XX веке – еще схватку Рокфеллеров и Морганов, в которой Рокфеллеры отыгрались за понесенное в 1908-1913 годах поражение.

К началу 1930-х годов группировка Морганов^[294] по-прежнему занимала главенствующее положение в американской экономике; в 1933 она включала в себя 89 корпораций, производивших **около 30% ВВП США**^[295]. Контроль Морганов над дочерними корпорациями обеспечивался за счет совмещения банковской и инвестиционной деятельности: на привлеченные в банки средства приобретались крупные пакеты акций, позволявшие проводить в советы директоров нужных людей. При этом широко практиковалась система взаимозависимых директоратов, когда одни и те же люди (по большей части – партнеры «Морган и К^о») входили в советы нескольких корпораций^[296]. Группировка Рокфеллера, несмотря на внушительное личное состояние^[297] своего основателя, Джона Рокфеллера-старшего, контролировала значительно меньший сектор экономики (75% от производства нефтепродуктов и примерно 10% финансов); и ее дальнейшему росту уже ощутимо препятствовала вездесущая «Морган и К^о». Как же Рокфеллерам удалось потеснить экономически более могущественного противника?

Рокфеллеры задействовали ресурс государственной власти. Еще с 1929 года в американской экономике начался серьезный кризис, позднее названный Великой депрессией; ответственность за резкое ухудшение жизни большинство американцев возлагало на «жирных

котов», богатейших банкиров, не сумевших (в отличие от 1907 года) спасти экономику от депрессии. Сложилась благоприятная обстановка для изменения правил игры в крупном бизнесе, и один из самых преданных вассалов Рокфеллера, Уинтроп Олдрич^[298], начал действовать.

Очевидной причиной кризиса 1929 года (как и прочих финансовых кризисов) было увлечение банков игрой на фондовом рынке, в результате которого резкое падение цен на акции приводило к исчезновению денег вкладчиков. Поэтому еще с 1930 года уже знакомый нам Картер Гласс продвигал проект закона, запрещающего публичным банкам размещать деньги в финансовых активах. При республиканской администрации Гувера этот закон так и не прошел дальше конгресса; однако в 1932 году выборы выиграл демократ Франклин Рузвельт, взявший курс на усиление государственного регулирования. Рузвельт сразу же предложил Глассу (работавшему в администрации Вильсона, ставшей основным «кадровым резервом» демократов) должность министра финансов, однако из-за настойчивых попыток Гласса продвинуть к себе в заместители двух людей Моргана, Леффингуэлла и Гилберта, назначение так и не состоялось. Тем не менее законопроект Гласса теперь имел все шансы на поддержку президента, и игрок такого уровня, как Уинтроп Олдрич, увидел в этом свой шанс.

Первоначально проект Гласса предполагал регулирование только публичных (акционерных) коммерческих банков, к числу которых как раз и относился совсем недавно перехваченный Олдричем у Морганов Chase National Bank. Уинтроп Олдрич разгадал план Гласса – пожертвовав для вида крупнейшими банками, в которых положение Морганов и так было довольно шатким, сохранив финансовую империю,

переместив контроль в частные банки, – и сразу же понял, как превратить моргановский законопроект в его полную противоположность. 8 марта 1933 года Олдрич публично объявил о разделении коммерческой и инвестиционной деятельности в Chase National Bank, о своей полной поддержке законопроекта Гласса и о необходимости дополнить его более жесткими пунктами. Олдрич предлагал распространить госрегулирование и на частные банки, предписать всем банкам без исключения разделить коммерческую и инвестиционную деятельность и, самое главное, запретить «взаимозависимые директораты», то есть участие инвестиционных банков в управлении компаниями, акциями которых они владеют.

Последний пункт означал смертный приговор «Морган и К^о», поскольку вся их империя была построена на банковском контроле над дочерними корпорациями^[299]; разумеется, Гласс не пожелал менять законопроект. Поэтому сразу же после своего сенсационного заявления Олдрич начал формировать коалицию, способную продавить принятие **нужной** версии закона. Он воспользовался связями своего друга, Гордона Очинклосса, который был женат на дочери знаменитого полковника Хауза^[300]. Олдрич встретился с Хаузом, заинтересовал его своим проектом и с его помощью добился встречи не только с министром экономики Роупером, но и с самим Рузвельтом. Роупер сразу поддержал позицию Олдрича, но для убеждения Рузвельта требовались дополнительные усилия. Олдрич обратился к члену совета директоров своего банка, Винсенту Астору^[301], который не только приходился Рузвельту двоюродным братом, но и много лет был его ближайшим другом. Другим союзником Олдрича выступил банкир Аверелл Гарриман^[302] (сын Эдварда Гарримана, уже упоминавшегося конкурента Моргана в

начале века), также друживший с Рузвельтом и позднее вошедший в его администрацию. С их помощью Олдричу удалось убедить Рузвельта (и без того критически относившегося к Морганам); Гласс был поставлен перед выбором – либо закон Гласса в версии Олдрича, либо закон другого сенатора, и сдался. 16 июня 1933 года «Банковский закон» прошел все инстанции и был подписан президентом Рузвельтом; четвертьвековому доминированию Морганов в экономике США пришел конец.

Читатель. Не такая уж и сложная интрига. Если у тебя в совете директоров лучший друг президента...

Теоретик. Не такая уж и сложная она лишь в нашем предельно упрощенном изложении. Конечно, Астор был другом Рузвельта, но в совет директоров он попал еще в те времена, когда банк контролировали Морганы, и Олдричу стоило немалых усилий (о которых мы просто ничего не знаем) перетащить Астора на свою сторону. Очинклосс мог помочь Олдричу *встретиться* с полковником Хаузом, но *убедить* полковника предпринять какие-то действия Олдрич должен был уже самостоятельно.

Теперь, когда у нас перед глазами есть конкретный эпизод борьбы за ресурсы в условиях олигархии, мы можем сформулировать основные правила, по которым ее ведут *успешные* игроки. Во-первых, вы заметили, за что боролись две могущественные группировки? Не за назначение своего лидера первым министром и не за тюремное заключение или конфискацию имущества противника; борьба велась за отдельные положения закона, менявшего установленные для всех правила игры. В отличие от привычного нам феодализма, законы при олигархии действительно соблюдаются, поскольку отражают элитный консенсус и определяют легитимность существования властных группировок. Можно сказать, что, «вступая в ряды олигархов»,

сюзерены властных группировок отказываются от нарушения общепринятых правил в обмен на гарантии сохранения жизни, собственности и социального статуса. Морганы потерпели в 1933 году сокрушительное поражение, но каждый из более чем сотни партнеров «Морган и К⁰» сохранил все возможности для дальнейшей игры; а чем бы для них закончилась проигранная гражданская война?

Во-вторых, обратите внимание, кто непосредственно проводил решающее сражение между Морганами и Рокфеллерами. Вовсе не Рокфеллер-младший^[303], и не Морган-младший; формированием элитного консенсуса по проблемному вопросу занимались **наиболее подходящие лица** – банкир Олдрич и специалист по финансовой политике Гласс. Сколачивание коалиции в условиях олигархического правления – сложнейшее искусство, ведь каждому новому союзнику нужно не только описать его выгоду от предлагаемого изменения правил игры, но и добиться, чтобы он в эту выгоду действительно поверил. Поэтому при олигархической власти профессиональный рейтинг становится важнее командного, и на роль «генерала» каждого отдельного сражения выдвигается наиболее квалифицированный специалист. Сейчас вы наверняка вспомнили Киссинджера, и правильно сделали: именно эта особенность олигархической власти (основанной на постоянном формировании временных коалиций) и позволила ему сделать головокружительную карьеру за счет своего таланта переговорщика.

В-третьих, история борьбы за «Банковский закон» наглядно показывает **родоплеменной** характер олигархической власти. Олдрич приходился хоть и дальним, но родственником Рокфеллеру; добраться до Рузвельта ему помогли знакомства с родственником Рузвельта, Астором, и с родственником значимого для

Рузвельта человека, Хауза. Главным союзником Олдрича стал Аверелл Гарриман, наследник одного из самых непримиримых конкурентов «Морган и К^о» Эдварда Гарримана. Происхождение из древней семьи настолько высоко ценилось в американском обществе, что даже сам Дж. П. Морган-старший приписывал себе родословную, восходящую к знаменитому пирату XVII века Генри Моргану.

Причину такого внимания к происхождению можно понять, сравнив нашу историю с наблюдением Макса Вебера. В «Протестантской этике» он замечает, что многие приехавшие в Европу американцы при первом же знакомстве настойчиво подчеркивали свою принадлежность к церковной общине своего родного города, которая, казалось бы, меньше всего должна была интересовать европейцев. Вебер объяснял это тем, что из таких общин изгонялись запятнавшие себя люди и принадлежность к ним являлась «визитной карточкой» достойного доверия человека. Точно такой же механизм и обеспечивает родоплеменной характер олигархической власти: при прочих равных условиях мы больше доверяем людям, которых знаем, то есть тем, с кем постоянно общаемся и чей жизненный путь нам хорошо знаком. Родственники, ближние и дальние, с которыми в высшем свете принято регулярно встречаться, – первые кандидаты на эту роль. Заявившись к Рузвельту «с улицы» (даже будучи президентом одного из крупнейших банков), Олдрич не имел бы никаких шансов быть правильно понятым («еще один банкир-проситель»). Заручившись поддержкой родственников и ближайших друзей Рузвельта, Олдрич вошел в круг «своих» американского президента и обеспечил себе заинтересованное отношение.

Читатель. Это что же получается? В американском «демократическом» обществе все вопросы решаются

через родственников?!

Теоретик. Все вопросы Власти – безусловно. Даже в привычной нам феодальной пирамиде вы должны доверять своим вассалам и не возьмете в них первых встречных. Для будущих олигархов входной билет стоит еще дороже: от них требуется уже не преданность одному человеку^[304], а преданность всей правящей элите, гарантирующая соблюдение общепринятых правил. Обеспечить такую преданность может либо принадлежность к элите с детских лет (благодаря чему ценности и правила поведения намертво закрепляются в характере), либо безукоризненная личная репутация кандидата в глазах **МНОГИХ** олигархов. Поскольку заслужить доверие даже одного олигарха весьма непросто, большую часть олигархии всегда составляет наследственная элита.

Читатель. То есть мне, чтобы попасть в мировую элиту, нужно с ней породниться?

Теоретик. Это самый надежный, хотя и не самый быстрый путь в элиту. Рассмотрим карьеру уже упоминавшегося нами политика, поднявшегося от сына племенного вождя до Генерального секретаря ООН. Кофи Аннан родился в 1938 году в управляемой англичанами Гане, получил в 1958–1962 годах экономическое и управленческое образование в Швейцарии и в США. В 1962 году, в возрасте 24 лет, он устроился на работу (разумеется, по протекции своих преподавателей) во Всемирную организацию здравоохранения (там же, в США) и начал обычную карьеру чиновника в среде международной бюрократии. Через 18 лет он дослужился до поста директора ооновской комиссии по делам беженцев в Швейцарии, и только здесь ему наконец улыбнулась удача. Там же, в швейцарском офисе ООН, работала юристом Нани Лагергрэн; Кофи Аннан с ней

познакомился, приглянулся^[305], и в 1984 они поженились. С этого момента карьера Аннана резко пошла в гору, с 1987 года он занимал должность помощника Генерального секретаря, а в 1996 году стал первым чернокожим Генеральным секретарем ООН. Не слишком быстрая, но, если принять во внимание начальные условия, несомненно блестящая карьера!

Впрочем, существует и другой, более быстрый способ. Завести, как Киссинджер, устойчивые связи с несколькими президентами США, Генеральными секретарями КПСС, и далее по списку. Подумайте сами, успех на каком из двух путей более вероятен?

Читатель. Согласен, удачная женитьба выглядит предпочтительнее. Но даже на нее нужно работать много лет...

Теоретик. Не правда ли, теперь первая часть, про вхождение во Власть, кажется вам легкой прогулкой? Вот потому-то олигархия и сильнее, при прочих равных условиях, феодальной пирамиды: отбор вассалов в ней куда длительнее, строже, а значит, и надежней. Обратной стороной этой надежности является ее закрытость: попасть в олигархию довольно сложно. Однако вспомните, сколько лет требовалось лучшим игрокам во Власть, чтобы получить статус первого министра; вхождение в круг олигархов требует сопоставимых, но не сверхчеловеческих усилий.

Основная проблема при этом заключается в том, что «втираться в доверие» приходится уже не к отдельному человеку, а ко всей правящей элите. Единственный способ это сделать – вести дела, пусть даже совершенно незначительные, с теми, кто в элиту уже входит; причем в отличие от монархии, где все внимание нужно концентрировать на единственном человеке, здесь, наоборот, важно взаимодействовать с как можно большим числом олигархов. Пусть каждый из

них знает, что есть такой инициативный и вроде бы порядочный человек. А вы, в свою очередь, будете знать, через кого из родственников и близких друзей лучше подобраться к интересующим вас людям.

Иллюстрацию к сформулированному только что первому правилу (назовем его правилом инфильтрации в элиту) мы уже приводили в первой главе. Помните Ротшильда, устраивавшего помпезные балы в Париже? При его деньгах это был самый быстрый способ стать «своим» для значительного числа парижских аристократов. Посетив несколько раз прием у «выскочки», большинство людей подумает что-то вроде «это не простой человек, раз лично я заглядываю к нему в гости», и он станет пусть еще не своим, но уже принятым в обществе человеком. Здесь работает та же система, что и в любой властной группировке: для попадания в ее «шлейф» не требуется присяга сюзерену, достаточно просто вести с группировкой совместные дела.

Лишь с момента, когда вы попадаете в крут людей, с которыми *говорят олигархи*^[306], перед вами открывается возможность *по-настоящему* сыграть в высшей лиге. Для этого нужно примкнуть к одной из постоянно формирующихся временных коалиций и качественно выполнить свою часть работы по ее усилению.

Читатель. О какой «работе» вы говорите? Чем конкретно занимаются игроки при формировании олигархических коалиций?

Теоретик. Если коротко, то *придумывают новые правила*. Эти правила могут быть сформулированы в виде законов (и это ваш шанс, если вы – квалифицированный юрист), в виде меняющих общественное мнение концепций (случай Киссинджера, начинавшего как теоретик внешней политики) и даже в

виде политических и правовых учений, формирующих умы следующих поколений элиты (высший пилотаж борьбы за Власть, доступный лишь очень древним и хорошо понимающим, что они делают, семьям). Англосаксонское *прецедентное* право как нельзя лучше соответствует олигархической системе правления: буквально каждая конфликтная ситуация создает возможность слегка подправить обязательные для всех законы и тем самым изменить баланс сил. В России мы чаще всего сталкиваемся с попыткой создания новых правил путем *заказных кампаний* в средствах массовой информации, имеющих целью снизить доверие элиты к своей жертве^[307].

Практик. Вообще, людей, которые понимают и чувствуют, как можно менять или варьировать правила, мало. И, как правило, они это используют для достижения личных целей, например чтобы заработать денег. Для примера можно привести историю с системой «Платон» – да, ее организаторы хорошо воспользовались своим правом менять правила (которое они получили своим статусом во власти). Но итоговый результат, с учетом проблем с возвратом кредитов и так далее, может оказаться и далеко не таким позитивным, поскольку репутационные издержки (то есть позиция группировки во власти) оказались очень велики. А все дело в том, что думать нужно не о деньгах, а о Власти!

Теоретик. В общем, в хорошей схватке за пересмотр правил работа найдется для всех. Наше второе правило связано не с этими профессиональными занятиями, а с общей *стратегией* формирования коалиций. В любой олигархии существуют сильные и слабые группировки; попробуйте ответить на вопрос: с какими из них выгоднее объединяться?

Читатель. Поскольку в олигархии все совсем наоборот, чем при феодализме, подозреваю, что объединяться выгоднее со слабыми. Но почему?!

Теоретик. Дело в том, что взаимодействие [\[308\]](#) властных группировок при олигархии напоминает средневековую европейскую политику, когда десятки небольших государств непрерывно интриговали друг против друга, легко переходя от войн к союзам и обратно. Именно в этих условиях был сформулирован знаменитый «закон союзов» Макиавелли:

«...уместно заметить, что лучше избегать союза с теми, кто **сильнее тебя**, если к этому не понуждает необходимость... в случае победы сильного союзника ты у него в руках, государи же должны остерегаться попадать в зависимость к другим государям» [Макиавелли, 2003, с. 111-112].

Выживание слабого государства в окружении более сильных возможно лишь в условиях конкуренции этих сильных между собой [\[309\]](#). Точно так же самостоятельное развитие слабой властной группировки возможно лишь при условии, что более сильные группировки не обращают на нее внимания, решая более важные проблемы. Объединившись с сильным союзником, группировка мгновенно обращает на себя внимание столь же сильных противников, и попадает в уязвимое положение. Поэтому **второе правило** олигархии звучит так: **объединяться со слабыми против сильного**. Сильный общий противник (такой, как «Морган и К°», бывшая на пике могущества сильнее и Рокфеллеров, и даже американского правительства) создает мощный стимул для объединения более слабых [\[310\]](#); коалиция же с ним самим может быть в любой момент разорвана, поскольку сильный не слишком нуждается в помощи слабого.

Второе правило олигархии прямо противоречит аналогичному правилу для феодальной власти, и является той «лакмусовой бумажкой», которая отличает настоящих олигархов от обычных людей:

«Андрей Васильев^[311] рассказывал, как спустя много лет спросил у Бадри Патаркацишвили^[312]:

- Вы ведь действительно тогда победили, смели коммунистическую заразу. Зачем вы потом рассобачились? Причем начались действительно войны. А ведь олигархический капитализм – этап, через который прошли и другие страны. Это несколько центров интересов, потом возникает демократия как поляна примирения... А когда вы рассобачились, вас по одиночке всех удавили.

- А знаешь почему? – ответил Бадри Патаркацишвили. – Потому что мы были никакие не олигархи. **Это вы нас называли олигархи, а мы на самом деле были кооператоры.** Просто очень богатые, но ларечники...» [Млечин, 2012, с. 249].

Так что перед тем, как следовать второму правилу олигархии, еще и еще раз убедитесь, что вы действительно имеете дело с **олигархическим** правлением (согласно таблице 1). Среди «кооператоров» попытка объединяться со слабыми против сильных закончится катастрофой: Вас предадут **все**.

Читатель. А как узнать, кооператоры вокруг или олигархи? На словах-то все за мир, дружбу и демократию...

Теоретик. Во-первых, далеко не все «за демократию» даже на словах. Помните формулировку «должен быть главный, и все должны его слушаться»? Ее московские бандиты высказывали открыто, ничуть не стесняясь; столь же прямо выражался и Сталин, интересуясь у Черчилля: «А сколько дивизий у папы

Римского?»^[313] Во-вторых, убеждения человека проявляются не только в ответах на стандартные вопросы («поддерживаешь мир во всем мире?»); его аргументы, приводимые в дискуссиях (особенно примеры из жизни, «был у нас такой, дали по башке, сразу все понял»), также являются следствием определенной картины мира. То, в чем человек по-настоящему убежден, что он впитал с молоком матери, во что он действительно верит, невозможно скрыть при обсуждении серьезных вопросов^[314].

Вот показательный пример работы **убеждений** в американской элите, придерживающейся принципов «святости частной собственности, ограниченных прав государства и личной свободы граждан». В октябре 1961 года в США был подготовлен план ядерной войны с Советским Союзом^[315], предусматривающий нанесение ударов по военным объектам СССР и гибель миллиона советских граждан (и 500 тысяч американцев) в ходе последующих боевых действий. Автор этого плана, советник Кеннеди Карл Кайзен, представил его президентскому совету и получил в ответ следующую реакцию:

«Специальный советник президента Тед Соренсен выкрикнул: "Ты сумасшедший! Мы не должны позволять парням вроде тебя находиться здесь". Маркус Раскин, как и Кайзен, член Совета по национальной безопасности, перестал разговаривать с Кайзеном, выслушав его доклад. "Чем мы лучше тех, кто приспособил для своих целей газовые печи, или тех, кто строил дороги для поездов смерти в нацистской Германии?" – с гневом спросил он Кайзена» [Кемп, 2013, с. 460].

Схожими ценностными позициями обладал и другой представитель правящей элиты, на этот раз – советской. В том же 1961 году была испытана советская

Царь-бомба (мощностью около 60 мегатонн), и ее разработчик, физик Андрей Сахаров, быстро придумал ей практическое применение. Он предложил сделать большую торпеду, которая доставит бомбу от океанской подлодки к побережью США и там взорвется, вызвав катастрофическое цунами. Свою идею он тут же рассказал контр-адмиралу, герою Советского союза Петру Фомину (отвечавшему за ядерное вооружение флота), и вот как тот отреагировал:

«Он был шокирован "людоедским" характером проекта и заметил в разговоре со мной, что военные моряки привыкли бороться с вооруженным противником в открытом бою и что для него отвратительна сама мысль о таком массовом убийстве» [Сахаров, 1996].

Поэтому любые кандидаты в элиту проходят тщательное тестирование на соответствие личных убеждений и базовых ценностей сложившемуся элитному консенсусу. В отличие от монархии, где схожее тестирование проводит *один* человек (благодаря чему можно войти к нему в доверие, играя на личных особенностях и интересах), здесь экзаменаторами выступает *множество* людей. Чем с большим числом олигархов вы знакомитесь, тем тщательнее вас проверяют на благонадежность; пройти этот многоступенчатый фильтр без искренней веры в правильность мировоззрения правящей элиты практически невозможно.

Но точно так же, как они проверяют вас, вы можете проверять их! Как только вы добрались до реальной задачи по формированию временной коалиции, как только с вами стали *разговаривать* – ценности и убеждения окружающих вас людей проступают сквозь обычные «разговоры в пользу бедных». И если среди этих убеждений преобладает «подчиняюсь правилам, а не личностям», вы можете быть уверены: вас окружают настоящие олигархи.

Читатель. Олигархи вокруг хороши, когда ты сам олигарх. А если я не согласен с их «элитным консенсусом»?!

Теоретик. Вот мы и добрались до третьего правила олигархии. Поскольку личные убеждения являются основой олигархической власти, человек с «неправильной» картиной мира как правило *не допускается* к участию в реальной политике. Если вы не разделяете элитный консенсус, вам придется решать свои вопросы, действуя через посредников^[316], являющихся действующими олигархами. Проникнуть в ряды правящей элиты, не перестроив свои привычки и образ мысли под существующие в ней традиции, можно лишь в исключительном случае.

Читатель. В каком?

Теоретик. В условиях острого кризиса, угрожающего существованию всей правящей элиты. В таких ситуациях входные фильтры слабеют, традиции, приведшие к столь плачевному результату, отодвигаются в сторону, и на короткий период доступ в элиту предоставляется всем необходимым для ее спасения сюзеренам. Вот в таких условиях вы *можете* попасть в элиту, даже не разделяя предыдущий элитный консенсус^[317].

Читатель. Так-так, с этого места поподробнее!

Теоретик. Совсем напротив, уважаемый Читатель, на этом месте мы остановимся. Цель, которую мы ставили в начале книги, достигнута. Вам стала интересна карьера во Власти, и вы увидели перед собой захватывающие перспективы. С этого момента мы желаем вам все меньше и меньше *читать* про Власть, а все больше и больше применять полученные знания *на практике*. А чтобы вам было легче это сделать, давайте еще раз повторим основные положения теории Власти.

5. Современная Власть

История XX века с точки зрения теории Власти

Теоретик. Как вы уже успели убедиться, Власть в сущности устроена довольно просто, а ее теория сводится к небольшому числу вполне понятных положений^[318]. Почему же люди так долго^[319] не могли понять, что же такое Власть на самом деле? Только ли потому, что подобные знания невыгодно выносить за пределы узкого круга правящей элиты, а самой этой элите некогда *изучать* Власть, нужно ее *применять*?

Не только; существует и другая причина, делающая получение достоверных знаний о Власти такой трудной задачей. Дело в том, что Власть на разных уровнях устроена хотя и просто, но *по-разному*. Вы только что прочитали целую главу о разнице между монархиями и олигархиями; но столь же сильно отличаются друг от друга и другие формы совместной человеческой деятельности. Человеку, делающему профессиональную карьеру в мире Управления, трудно представить себе, что совсем рядом с ним существует отдельный мир Власти, и, если он вылетит с работы вследствие «интриг» сослуживцев, он даже не поймет, проявлением *чего* были эти «интриги». Столь же непонятными правила Власти будут для человека из деревенской общины или первобытного племени: зачем все эти сложности, когда я и так *всех знаю*?!

Практик. Здесь нужно добавить еще одно очень важное обстоятельство. Любой сюзерен выстраивает находящуюся под ним иерархию вассалов по своим собственным лекалам. И созданные им *локальные правила* могут, в конкретной узкой группе, стать даже более важными, чем общие правила власти. Разумеется, в случае смены сюзерена (по естественным или каким

иным причинам) эти локальные правила быстро размываются, но для тех, кто делал карьеру в их рамках, они очень долго остаются принципиально важными. И если участнику властных игр не свойственно такое качество, как системный анализ, то он может и не увидеть отличия базовых правил от локальных.

Классический пример – эпоха СССР «позднего застоя», в результате воздействия которых было воспитано целое поколение «пожилых главспецов», которые не просто задержались на нижних ступеньках карьерной лестницы, но и восприняли некоторые страшно консервативные правила этого периода (транслируемые «аксакалами» этого периода, выросшими еще во времена Сталина) как обязательные и единственно возможные. В результате, когда некоторые из них уже в достаточно солидном возрасте, то есть сильно за 50 лет, стали делать быструю карьеру (в связи с физическим выбыванием большого количества представителей «верхнего» эшелона), они оказались не готовы к серьезным изменениям в окружающем мире.

Иногда такие специфические, не обязательные, но полезные в локальных структурах правила (например, тесно связанных с секретностью) могут носить крайне устойчивый характер. Можно привести один пример, который встречается крайне часто и который уже пожилые аппаратчики с удовольствием транслируют молодым, только вступающим в верхние ряды управленческого сообщества: «Если ты не спишь со своей секретаршей, то с ней спит кто-то другой, что создает серьезную опасность утечки информации!» И таких правил старые «служаки» могут выдать десятки – и знание и понимание подобных правил может серьезно облегчить аппаратную и политическую жизнь любого, кто связал свою жизнь с Властью.

Другое дело, что интерпретация этих правил – это уже дело сугубо индивидуальное, и тут есть масса возможностей для интерпретации и творчества. В этом смысле фразы о «виртуозах аппаратной борьбы» являются абсолютно нормальными – и красота комбинаций тут может быть не хуже, чем на футбольном поле или в коллективных упражнениях художественной гимнастики.

Теоретик. Поскольку социальное окружение не поменяешь как перчатки, а жизнь коротка, человек (даже самый умный) обычно успевает разобраться лишь в каком-то *одном* виде Власти. В силу описанной выше специфики «рецепты успеха» от разных авторов сплошь и рядом противоречат друг другу^[320], а попытки следовать им без понимания, в какой среде они уместны, приводят к сплошным разочарованиям^[321]. Вообще, отделять частное от общего совсем непросто, у философов про это библиотеки написаны, а в таком тонком деле, как Власть, это сложно втройне.

Вот почему теория Власти до недавнего времени оставалась Золушкой среди общественных наук: *правила Власти просты, но трудно понять, с какой именно Властью вы имеете дело и как их различать между собой.* Поэтому перед тем, как повторять сами правила, нужно убедиться, что мы умеем отличать теплое от мягкого, а мух – от котлет. Нужно еще раз вспомнить, какие бывают на свете типы Власти, как они формировались исторически и как существуют в настоящее время рядом друг с другом, иногда на расстоянии вытянутой руки.

Во второй части нашей книги мы подробно расскажем об основных этапах развития Власти^[322], а пока что ограничимся краткой (и потому достаточно идеализированной) моделью. В этой модели первой, основной и до сих пор каждый раз воспроизводящейся в

любом малом сообществе (семье, армейском подразделении, тюремном бараке) формой Власти является родоплеменная. Ее главной особенностью является личный характер всех отношений в сообществе. Здесь каждый знает каждого – не в смысле биографии и черт характера, а смысле положения в обществе. У любого члена племени есть понятный всем (а если возникают сомнения, всегда известно, у кого его уточнить: у старейшин) статус^[323] в сообществе: старший он или младший, нужно ли ему подчиняться, можно ли им командовать или допустимо только советовать. Каждый в роду-племени (как и в семье) знает свое место, и для выяснения, кто кого должен слушаться, обычно не требуется насилия^[324] (достаточно повышения голоса). Ну а на крайний случай существует суд людей с высшим статусом – старейшины или, в случае конфликта представителей разных родов, совета старейшин.

Однако у родоплеменного устройства Власти существуют два фундаментальных ограничения, связанных с особенностями человеческого сознания. Человеческая память «на людей» ограничена, средний человек может хорошо знать одну-две сотни, но не тысячи и уж тем более не миллионы других людей. Столь же ограничена и человеческая способность к обучению: чтобы хорошо узнать человека, требуются долгие годы. Люди, выросшие в одном племени (в рамках своих *локальных* правил), знают друг друга с рождения и сразу понимают, как к кому относиться. Но появившийся в племени чужак сразу же вызывает конфликты: правил он не знает, обозначить свой статус не может, и каждый раз этот статус приходится «вычислять» (словесными перепалками, состязаниями или прямым насилием)^[325].

Поэтому рост численности человечества привел не к «единому человечьему общежитью», а к появлению огромного числа малых племен, непрерывно воевавших друг с другом. Увеличение численности организованных сообществ требовало своего рода революции – появления новых форм Власти, которые позволили бы относиться к *чужим* людям как-то иначе, чем сразу же каменным топором по голове. Основой для такой революции стали межплеменные контакты, а две их основные формы – война (появление межплеменных союзов и статуса союзнического племени, в отличие от вражеского) и торговля (статус племени-партнера) привели к появлению двух новых, уже хорошо известных нам форм Власти: феодальной (монархической) и республиканской (олигархической).

Системообразующим свойством феодальной формы Власти является иерархия подчинения: над племенем в лице его вождя или старейшины появляется более высокий сюзерен (сначала временный вождь военного союза племен, быстро превращающийся в регулярно правящего монарха). По мере расширения территории военных действий над этим сюзереном появляется сюзерен следующего уровня, и через некоторое время мы обнаруживаем перед собой типичную феодальную монархию. В ней статус чужака в племени уже не равен нулю, а определяется его местом в общей иерархии подчинения (за убийство королевского чиновника придется отвечать перед королевским судом, а за убийство обычного крестьянина – всего лишь перед судом местного феодала). Благодаря этому становится возможно относительно мирное существование большого числа «племен» (теперь уже скорее «вожеств», или феодов) на одной территории, что и является основным признаком государства^[326].

Из иерархического устройства Власти при феодализме вытекает его главная (и обычно не до конца понимаемая) особенность: «Вассал моего вассала не мой вассал». Верховный сюзерен располагает лишь относительно небольшими собственными землями (где он действительно полный хозяин над всеми крестьянами) и присягой своих вассалов; у него *недостаточно* ресурсов, чтобы вершить королевский суд на всей территории своего государства. Поэтому «до бога высоко, до царя далеко», и непосредственная власть на местах всегда остается в руках местных феодалов.

Практик. Тут есть одна важная тонкость, которую мы в нашей книге не разбираем, поскольку речь идет об общих правилах Власти. Дело в том, что в западной модели власти иерархий не одна, а несколько^[327]. Поэтому требования «королевского суда», часто встречающиеся в средневековой истории, связаны не только с попытками защититься от местного феодала, но и найти управу на «иерархию денег», которой обычно нет никакого дела до закона и традиционных ценностей.

Теоретик. Отсюда постоянные надежды крестьян на «царя-батюшку» (ведь в конфликте со своим феодалом им больше не к кому обращаться), и столь же постоянный крах этих надежд. Попытки короля, опирающегося *только* на феодалов, ввести единоличное правление обречены на неудачу: феодалы в ответ выберут себе *другого* короля.

Читатель. Разве королей выбирают? Я думал, что уж королевская-то власть всегда передается по наследству!

Теоретик. Далеко не всегда. Монархии бывают не только наследственными, но и выборными^[328]. Даже в классических западных королевствах существовал

институт пэров, которые как раз и образовывали коллеги по выбору нового короля. Да, многие века они выбирали только наследных принцев, но имели право этого и не делать. А уж когда наследственные династии прерываются^[329], вопрос, кто будет следующим королем, решается *только* вчерашними вассалами. Как мы уже писали ранее, определять тип Власти в той или иной стране следует не по формальному признаку престолонаследия, а по политической культуре ее элиты. Если элита предпочитает монархическое правление, она может выбирать себе монарха хоть всенародным голосованием – характер правления от этого не изменится.

Второй формой Власти, также возникшей в глубокой древности^[330], является **республика**. Разные племена может объединить не только война, но и торговля (например, обмен рыбы на хлеб в удобной для этого бухте); в благоприятных условиях из такой торговли возникают *города*, управляемые *невоенным* союзом племен (которые теперь уже правильнее называть корпорациями). Пока разные племена жили каждое на своей территории, межплеменные контакты были редкостью, и конфликты можно было улаживать советом старейшин. Но когда люди разных племен селятся в одном месте и ежедневно сталкиваются друг с другом, к старейшинам уже не набегашься. Людям пришлось выработать новые «правила общежития», без которых невозможно было нормально жить бок о бок. Сегодня мы знаем эти правила как **традиционные ценности**, такие как библейские, наиболее широко распространившиеся в западном мире^[331]. С появлением таких ценностей (и людей, их придерживающихся) стало возможно формирование новой, более сложной социальной структуры.

Поскольку регулярная торговля немыслима без учета и контроля, а те, в свою очередь, без регламентации совершаемых операций, у жителей торговых городов входит в привычку подчиняться *установленным правилам*. От случая к случаю собираемый совет старейшин превращается здесь в регулярно заседающий городской совет, формирующий постоянно действующие исполнительные органы и издающий *законы*; в свою очередь, эти законы устанавливают статус как полноправных жителей города (независимо от их корпоративной принадлежности), так и приехавших в него чужаков. Насилие внутри города контролируется городской стражей, принадлежащей городу в целом, то есть республике, «общему делу» построивших его корпораций. Происходит разделение Власти и Государства, государство становится всего лишь еще одной организацией, «государственной машиной», у руля которой находятся старейшины корпораций, составляющие городскую олигархию. Однако необходимо помнить, что в основе всей этой мощной структуры лежит прежде всего готовность горожан подчиняться правилам и тем, кто их устанавливает, следующая из разделяемых ими традиционных ценностей.

Разумеется, столь сложное (по сравнению с феодальным) устройство общества требует больших затрат, и возникает лишь в чрезвычайно редких условиях^[332]. Однако у него имеется одна существенная особенность: в республиках ее граждане подчиняются не своему сюзерену, а напрямую сообществу в целом (в лице его законов и представителей власти). В результате они чувствуют себя несколько более защищенным и с большей охотой ведут хозяйственную деятельность. В краткосрочном периоде эти «два-три

процента» никак не проявляются, но на протяжении столетий оказывается, что именно в таких республиканских городах и концентрируется основная экономическая активность целых континентов. Более того, монархия, на территории которой^[333] начинается экономический рост, сталкивается с невозможностью управлять государством в «ручном» режиме, и в ней появляются республиканские механизмы. В то же время в условиях экономических кризисов и войн, когда хозяйственная жизнь резко упрощается, часто наблюдается обратный переход – общество возвращается к монархической форме правления, отдавая власть в руки «кризисного управляющего», то есть диктатора.

Наличие на территории государства развитых городов дает королевской власти *дополнительный ресурс*, который она может использовать против феодальной вольницы^[334]. Заключив союз с городами (то есть обложив их налогами в обмен на военную защиту), монарх получает независимый от своих вассалов источник дохода, а значит, и возможность значительно увеличить свою королевскую власть. В результате Франция Людовика XIV становится европейской сверхдержавой, а в исторической науке появляется термин «абсолютизм». Однако не везде союз с городами заключался монархами с позиции силы: в Англии не поладивший с финансистами король Яков II был свергнут нанятыми в Голландии войсками^[335], и Англия стала конституционной монархией (то есть фактически республикой). Прибавьте сюда тот факт, что и европейская аристократия, и мировая финансовая элита предпочитали заключать браки между собой, образовав достаточно замкнутое *родоплеменное сообщество* – и вы получите реальную картину распределения Власти в современном мире. В ней

одновременно существуют родоплеменная, феодальная и республиканская формы, и *ни одна из них так до сих пор и не взяла верх над остальными.*

Читатель. А почему так? Ведь обычно бывает, что одна из форм оказывается эффективнее других и побеждает в историческом соревновании?

Теоретик. Дело в том, что любая Власть не существует сама по себе, а складывается из живых людей. Невозможно установить олигархическую власть там, где никто никому не доверяет; столь же бесполезны попытки восстановить монархию среди уже привыкших к личной безопасности олигархов. Однако сами элиты тоже меняются, в них приходят новые люди, да и дети всегда отличаются от родителей; поэтому реальная история представляет собой периодические колебания между олигархической и монархической формами Власти, а не линейный прогресс от одной формы к другой. Вспомним в качестве наиболее близкого примера историю многострадального XX века.

Предыдущий, XIX век наглядно показал, что с развитием военных технологий армия стала дорогим удовольствием, и без создания финансовой системы, способной предоставить в случае необходимости военные займы, вести продолжительные войны стало невозможно. В результате в крупнейших государствах мира (Великобритания, США, Германия) были созданы национальные банковские системы, быстро объединившиеся во всемирную банковскую сеть, управляемую мировой финансовой олигархией. К началу XX века эта финансовая элита^[336] заметно потеснила традиционные национальные элиты: «банкиры» (прежде всего, управляющий Банка Англии Монтегю Норман и американская группировка Морган и К^о) через сеть своих дочерних предприятий контролировали практически всю мировую

экономику^[337]. Пиком их политического успеха стало создание Федеральной резервной системы США в 1913 году, а вершиной экономического могущества – международная торговля 1920-х годов, полностью контролировавшаяся узким кругом банкиров.

Однако управление столь сложной системой (мировой экономикой) с помощью достаточно примитивных инструментов^[338] и в интересах узкой группы олигархов привело к закономерному итогу: разразился очередной глобальный экономический кризис, Великая депрессия. Столь же закономерно кризис привел к *политической* революции – национальные элиты, опасаясь катастрофы, сопоставимой с октябрём 1917 года, взбунтовались против «банкиров», и началась повсеместная передача власти «кризисным управляющим». Идеология «свободного рынка» сменилась идеологией «регулирования», в экономике восторжествовал госкапитализм, а к власти в большинстве стран пришли *монархические* режимы (Муссолини в Италии, Сталин в СССР, Рузвельт в США, Гитлер в Германии). В Европе практически не осталось государств с реально республиканскими формами правления. Контроль над государственной машиной получили *новые* группировки, во многом опиравшиеся на старые, «дофинансовые» элиты^[339], не приносившие вассальную клятву прежним хозяевам-банкирам.

Но и несколько разных госкапитализмов не пошли на пользу мировой экономике. Банкиры сумели не допустить реванша старых элит, стравив между собой неопытных монархов, и организовав Вторую мировую войну. После шести лет массовой бойни в живых из пяти^[340] вступивших в войну сверхдержав остались только две – СССР и США, и вокруг них сложились две новые системы международного разделения труда –

советская и американская. Формы Власти в этих системах различались принципиально: в СССР упор был сделан на плановые методы управления и «коллективную монархию» в лице Политбюро ЦК, а вот в США снова подняла голову финансовая олигархия.

Опираясь на Федеральную резервную систему, принятые на исходе войны, в 1944 году, Бреттон-Вудские правила международных расчетов и на программы послевоенного восстановления (частью которых был знаменитый план Маршалла), финансовая элита США кратчайшие сроки захватила контроль над западной частью мировой экономики, создав *империю доллара*. Эмитируемый ФРС доллар заменил в международных расчетах золото, но, в отличие от золота, его запасы в руках правящей группировки казались бесконечными, ведь они сами его и печатали [\[341\]](#).

Однако до полного мирового господства «банкирам» было еще далеко. С одной стороны, им мешал СССР, не только проводивший ползучую экспансию через «страны социалистической ориентации», но и служивший ярким примером альтернативного устройства Власти. С другой стороны, все настойчивей требовали свой «кусочек пирога» сформировавшиеся национальные элиты бывших колоний, прежде всего – Индии и Китая. Вплоть до конца 1970-х борьба между двумя системами шла на равных, и многие западные политики всерьез считали, что у СССР есть все шансы на победу [\[342\]](#).

Однако западная финансовая элита считала иначе, и повела активную борьбу с СССР. Сначала она укрепила свои тылы, поделившись доходами с собственным населением и создав (в странах «золотого миллиарда») государство «всеобщего благосостояния», основой которого выступал многочисленный средний

класс. Основной уступкой элиты при этом стало даже не увеличение социальных расходов, а предоставление трудящимся (работающим по найму, то есть заведомо не входящим во властные группировки людям) определенных политических прав. Трудящиеся получили защиту закона^[343] и возможность политического самовыражения (демонстраций, митингов, и прочих публичных акций), создающего иллюзию участия в реальной Власти. На первом этапе (1950-1960-е годы) рост среднего класса финансировался за счет повышения налогов на богатых; когда же это привело к сокращению инвестиций (нет смысла зарабатывать больше, если все равно отберут) и экономической стагнации 1970-х, в бой было брошено безотказное оружие финансовой олигархии – денежная эмиссия, обеспеченная контролем над ФРС.

Теперь уже средний класс подпитывался постоянным расширением ипотечного и потребительского кредитования (1980-2000). Тем же способом покупалась лояльность третьего мира: сотни миллиардов долларов были выделены в рамках разнообразных программ «помощи» развивающимся странам, проводившихся под лозунгами «развития рынка и демократии». Обороты этих новых финансовых рынков быстро превысили обороты реальной международной торговли, и в составе мировой элиты появилось новое поколение финансистов, сделавших себе состояния в буквальном смысле «из воздуха». В 1992 году «новые финансисты» провели впечатляющую демонстрацию силы: принадлежащий Джорджу Соросу^[344] фонд «Квантум» атаковал на валютных рынках фунт стерлингов, вынудив Банк Англии снизить обменный курс на 10%^[345].

Так вынужденные изменения мирового экономического порядка повлекли за собой

драматические изменения в составе мировой правящей элиты. Вообще говоря, сила любой элиты заключается в умении пройти между Харибдой вырождения и Сциллой потери традиций при смене поколений. Для этого формируются специальные институты, проверяющие потенциальных кандидатов (чем на более дальних подступах, тем лучше). Перед тем как новый для элиты человек получит статус «своего» («принятого в приличных домах») и разрешение на создание собственного *родового* клана, он должен быть всесторонне проверен специальной «кадровой комиссией». Роль таких комиссий в западном обществе играют *закрытые клубы* (членство в которых, вопреки представлениям обывателей, вовсе не означает принадлежность к сильным мира сего – оно означает лишь *допуск до экзамена*). В советском обществе подобный институт собирался создать Сталин (называя его сначала «орденом меченосцев», а потом планируя преобразовать в него Партию), однако ему элементарно не хватило времени (институты это – привычки людей, а не писанные законы, и они не возникают за пару десятилетий). Так вот, пример Сороса, эмигранта из Венгрии, приехавшего в США без гроша в кармане (и уж точно до середины 80-х не проходившего закрытых «собеседований»), показывает, что двери в мировую элиту на минутку приоткрылись.

Практик. Мы подошли к принципиальному моменту для понимания нынешнего элитного кризиса уже даже не западного, а всего мира. Дело в том, что пополнение элиты всегда шло очень медленно, даже когда с конца XVIII века в старую аристократическую элиту ворвались финансисты-нувориши. Когда вассал доходит до некоторого уровня, выше которого уже проход в реальную элиту, он должен пройти основательную проверку. Именно по этой причине в любой элите правят старики – это родоплеменной институт,

позволяющий опытным людям, не торопясь, оценивать молодежь и поддерживать традиции. Здесь можно вспомнить уже упоминающуюся нами идею Сталина о создании такой системы контроля и в СССР («орден меченосцев»)[346].

А вот с начала 80-х, когда началась массированная эмиссия с целью резкого расширения частного спроса и увеличения численности «среднего» класса, пополнение элиты резко ускорилось. Экономически это было понятно, поскольку если до Второй мировой войны финансисты получали не более 5% совокупного дохода, а через пять лет после принятия Бреттон-Вудских соглашений, в 1949 году, 10%, то к середине 2000-х эта цифра увеличилась до 70%. Но главное было в другом – если до этого момента расширение элиты шло только через специальные институты, созданные «старой» элитой, то с начала 80-х финансистам разрешили «кооптировать» в элиту своих представителей без проверки и контроля. И, как следствие, правила и порядки в «западной» элите были сильно расшатаны – вплоть до реального **управленческого** кризиса.

Теоретик. Но в пылу борьбы с СССР ей было не до внутренних проблем. Стабилизировав социальную ситуацию и несколько оправившись от кризиса 70-х, западная элита перешла ко второму этапу холодной войны: открытой конфронтации с СССР. В ход пошли экономические санкции (прежде всего, прекращение кредитования), манипулирование ценами на нефть (основной экспортный продукт СССР) и наращивание гонки вооружений («стратегическая оборонная инициатива» Рейгана). Не сумев справиться с нарастающими трудностями, советская элита (и лично Горбачев) предпочла капитулировать, и в 1991 году Советский Союз прекратил свое существование. Москву тут же заполнили западные экономические советники,

принявшиеся увлеченно делить шкуру поверженного медведя; победа мировой финансовой элиты казалась настолько полной, что самой цитируемой публикацией десятилетия стала статья Фрэнсиса Фукуямы «Конец истории» (1989 год, позднее им была написана книга с тем же названием).

Но на деле история никогда не кончается. Действия, предпринятые для решения каких-либо проблем, всегда создают *другие* проблемы; именно с ними западная элита и столкнулась уже в совсем близкое к нам время. Успешно противопоставив Китай СССР и превратив его во «всемирную фабрику», финансисты фактически вырастили новую китайскую элиту^[347], прекрасно ориентирующуюся как в хитростях Власти внутри собственной страны, так и в нюансах международной политики. Используя в противовес СССР в Афганистане организованных радикальных исламистов, финансисты создали предпосылки для «исламской революции» во многих странах мира и появления на сцене сразу нескольких шиитских и суннитских элит. Еще одна проблема возникла в собственном тылу западной элиты, и ею оказался столь любовно созданный *средний класс*.

Дело в том, что деньги на финансирование этого класса *кончились*. Кредитный пузырь, надуваемый в США с 1980-х годов, оглушительно лопнул в 2008-м, ввергнув экономику страны в глубокую депрессию^[348]. Последовавшее за этим стремительное наращивание государственного долга позволило спасти крупные банки и корпорации, но ничем не помогло простым американцам; в результате к 2015 году численность среднего класса в США впервые за всю историю упала ниже 50%. Миллионы человек, еще вчера считавшие себя зажиточными и верившие в «общество всеобщего благосостояния», оказались на обочине жизни.

Практик. А эти «новые бедные»^[349] совсем не такие, как «старые бедные» начала прошлого века! Когда с целью продемонстрировать преимущество капитализма перед социализмом западные элиты начали строить «общество потребления», им пришлось изменить модель социальной стабильности: вместо традиционных ценностей («бог создал богатых и бедных, и так тому и быть») широко внедрить либеральные («все равны перед Законом»). Фокус тут в том, что средний класс – это единственная группа населения, которая заинтересована в государстве и в законе. Потому что у бедных нет собственности и денег, им закон не нужен, они его использовать не могут. У богатых, напротив, денег много и свою собственность они могут защищать самостоятельно. А вот у среднего класса собственность есть, но самостоятельно защищать он ее не может, потому что денег не настолько много. Поэтому он нуждается в государстве. Так возникла идея, что надо в качестве источника социальной стабильности взять Закон. И, соответственно, заставить всех соблюдать некие правила.

Разумеется, при этом приходится разрушать старую систему, отсюда – сексуальная революция, феминизм, гей-парады, однополые браки, ювенальная юстиция и прочие методы разрушения семьи. Когда средний класс стал массовым, все это пришлось делать, иначе новая модель социальной стабильности не прижилась бы. Но теперь денег на поддержание среднего класса больше нет. Это значит что? Что он будет беднеть и будет все больше «новых бедных» – людей, которые знают все про закон, про права человека и так далее, но при этом у них нет, как у нормальных бедных, ощущения, что защищать свои права бессмысленно – денег же нет. Их же выучили в рамках либеральных идей, и они знают,

что суд должен защищать Закон, а вовсе не служить богатым. И вот это понимание придется ломать, а ломать очень страшно, потому что это и есть разрушение стабильности – потому что «новые бедные» это десятки процентов населения!

Теоретик. Но все это было бы еще терпимо, если бы не самая главная проблема, возникшая в самом сердце финансовой элиты. В результате резкого и уже почти не контролируемого расширения в эйфории «конца истории» ее состав качественно изменился. «Новые финансисты», которые и по своей численности, и по объему контролируемых финансовых ресурсов превзошли старую элиту, начали переносить привычные им формы управления на все человечество.

Практик. Тут дело и в том, что никакая традиция не одобряет власти денег (авраамические религии так просто жестко критикуют власть «золотого тельца»), и в том, что финансистам хотелось бы управлять собственными рычагами, которые старые элиты не контролируют.

Теоретик. Эти методы управления хорошо известны и публично декларируются «новыми финансистами». Еще в 1990 году Жак Аттали^[350] изложил их программу в своей книге «Линии горизонта»: тотальный контроль над всеми жителями, «планетарная политическая власть», «демократия» и «закон денег». С середины 80-х эта же программа воплощалась в жизнь международными финансовыми организациями^[351] в виде Вашингтонского консенсуса: либерализация внешней и внутренней торговли, сокращение роли государства в регулировании экономики и увеличение его роли в социальных программах (образование, здравоохранение, пособия по безработице). Нетрудно заметить, что это та же самая политика, которая проводилась в странах «золотого миллиарда»:

государства обеспечивают приемлемый уровень жизни населения, купленные тем самым избиратели голосуют «за» на «демократических выборах», а олигархи «снимают пенки» с финансовых оборотов.

Либеральные ценности («соблюдай Закон и делай что хочешь») в настоящее время глубоко проникли в мировую правящую элиту. К «новым финансистам» относятся и публичные политики, заработавшие популярность пропагандой либеральных взглядов («новые левые», куда входят представители и американской Демократической, и практически всех европейских партий), так и финансисты, сколотившие состояния на ипотечном, потребительском и международном кредитовании. Всем, что у них есть, они обязаны либеральной идеологии (прежде всего, конечно, «делай что хочешь», но и «соблюдай Закон» тоже, особенно в формулировке «не пойман – не вор»). Эти новые представители элиты (возглавившие уже властные группировки высших уровней) будут до последнего отстаивать породившую их экономическую модель. Например, наращивать государственные долги, увеличивать пособия, поднимать налоги – сначала с малого и среднего бизнеса, а потом могут дойти и до крупнейших корпораций, принадлежащих старой элите. В политической сфере они будут последовательно выступать за «власть закона», понимая под ней тотальный внешний контроль за действиями и мыслями каждого человека, при одновременном разрушении всех его внутренних ограничений. Старой элите, привыкшей иметь дело с людьми, имеющими хоть какие-то ценности, будет непросто справиться с этой молодой порослью.

Практик. Тем более что возвращать консервативные ценности тоже непонятно как. Обращаться к церкви в этой ситуации нельзя, потому что современное либеральное государство на

протяжении последних десятилетий очень активно с церковью воевало, да и как иначе, с церковной-то неприязнью к ссудному проценту. А в результате что происходит? Социальная стабильность в рамках среднего класса начинает разрушаться, альтернативной нет. А люди, «новые бедные», у которых есть ощущение, что у них должны быть квартира, машина и так далее, понимают, что они *нищие навсегда*, и становятся очень мощным инструментом дестабилизации. Хотя в Западной Европе эти люди никогда на улицы не пойдут, но пассивно поддерживать тех, кто отстаивает справедливость, они готовы уже сейчас. А какие есть механизмы восстановления справедливости? Они бывают трех видов: 1) националистические – и мы видим возрождение национализма в Европе; 2) религиозные – вот вам исламские революции и ИГИЛ^[352]; 3) социалистические – и вот в США чуть не становится человеком года Сандерс, выступающий за социалистическую революцию (!). Социализм теперь не самый худший вариант, с СССР можно было договариваться, а как договариваться с ИГИЛ?

Теоретик. Результатом «конца истории» стала ситуация, когда проблем у правящей мировой группировки стало еще больше, чем раньше. Изнутри ее раздирают фундаментальные противоречия между консервативными олигархическими ценностями («есть мы, и есть все остальные») и выпущенным из бутылки джинном либерализма («Закон один для всех»). Снаружи ей бросают вызов намного более сплоченные элиты третьего мира – такие как китайская и исламская. И в довершение всех бед, мировой экономический кризис вовсе не закончился в 2010 году, пирамида долгов (теперь уже государственных)

продолжает расти и грозит обрушиться в любую минуту.

Такой представляется нам сегодняшняя позиция на «глобальной шахматной доске». Согласитесь, она мало похожа на окончательную победу единой мировой олигархии; куда больше все это напоминает ситуацию перед Великой депрессией, когда неспособность «банкиров» к управлению мировой экономикой стала очевидна всему свету. Как мы и обещали в начале нашей книги, все выглядит так, как будто мы на пороге очередной смены мировой элиты; и мы приглашаем вас, уважаемый читатель, принять в ней посильное участие.

Читатель. Я тогда подумал, что вы шутите...

Теоретик. Как видите, нам не до шуток. Все предельно серьезно, просто мало кто из людей представляет себе масштаб проблем, с которыми столкнулась нынешняя мировая элита. Скажем больше: мало кто и в самой элите осознает, с кризисом какого масштаба им приходится иметь дело.

Читатель. Гибрис-синдром?

Теоретик. Он самый. Когда вы вслед за своими отцом и дедом уже полвека правите миром, невозможно поверить, что эта власть может неожиданно кончиться. Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда! Поэтому мы и обращаемся с нашей книгой не к настоящей, а к будущей элите. К читателям, не получившим Власть по наследству, но готовых сделать в ней правильную карьеру и со временем сыграть свою партию на мировой шахматной доске.

Теперь, когда мы описали (в самых общих чертах) историю Власти, можно сказать несколько слов о ее современном устройстве. На самом высшем уровне любая устойчивая^[353] Власть является родоплеменной. Цена ошибки на этом уровне очень высока, и потому во властные группировки принимаются только

гарантированно свои люди. Чаще всего ими становятся кровные родственники участников властных группировок, их знакомые с детских лет и из своего «круга»^[354] или взятые со стороны мужа и зятя. Другим способом пополнения элиты является кооптация наиболее выдающихся вассалов^[355]; при этом от вассала требуется *искренняя* приверженность ценностям правящей элиты. Потенциальным кандидатам предоставляется возможность получить отличное образование и проявить себя в любом деле; но лишь те из них, которые *сами* выберут правильные ценности, получают приглашение в «племя». По оценкам Миллса, соотношение «родных» и «привлеченных» в американском правящем классе составляет примерно 2:1^[356]. Благодаря регулярному пополнению *правящие* элиты избегают вырождения, а чрезвычайно жесткий отбор новичков (несколько человек на тысячу) обеспечивает стабильность элитного консенсуса.

Читатель. Не так уж и обеспечивает, раз в нынешнюю элиту проникли «новые финансисты»!

Теоретик. Они проникли в элиту в исключительных обстоятельствах, ведь в холодной войне вопрос стоял о самом существовании мировой финансовой элиты^[357]. В таких условиях фильтры ослабевают: к рычагам Власти приходится допускать людей с низким потенциальным, но высоким профессиональным рейтингом. Либералы рейгановского призыва победили СССР и спасли мировую элиту, так что они вполне заслуженно занимают свое место во Власти. Но их идеология (Закон вместо Традиции, Деньги вместо Семьи) подрывает основы основ высшего уровня Власти: его родоплеменное устройство. В ее рамках основанное на многолетних отношениях *доверие* подменяется внешним *тотальным контролем*, создающим иллюзию

надежности любых отношений. На наш взгляд, реорганизация мировой элиты на подобной основе может ослабить ее вплоть до полной потери верховной власти. Поэтому с либералами неизбежно придется что-то делать – но рассуждения на эту тему выходят за рамки нашей книги. Поэтому продолжим описание нынешнего устройства Власти.

Следующий ее уровень (вассалы правящей элиты) организован по феодальному принципу. Именно здесь от вас требуются только присяга и верность, потенциальный рейтинг (который зависит от вашего происхождения) не играет особой роли, а ваши жизненные ценности могут быть любыми, лишь бы их терпел непосредственный сюзерен. При этом сильно идеологизированный вассал даже вреден – в конце концов, он должен быть верен сюзерену, а не идеологии! Здесь правят бал прагматика и цинизм. Феодальная лестница власти спускается до самого низа, до муниципальных служб и региональных корпораций; везде, где есть хоть какой-то превышающий местные потребности поток ресурсов, неизбежно появится и контролирующий его человек Власти.

Еще ниже (наемные специалисты [\[358\]](#) людей Власти) находятся все остальное человечество, 99% простых людей, большая часть которых даже не знает о существовании всей стоящей над ними пирамиды. Этот уровень организован строго бюрократичен, здесь требуется только выполнение указаний, а верность вообще не является ценностью – все наемные работники легко и полностью заменяемы. Бюрократическая система достаточно устойчива к случайным ошибкам, но столь же легко «взламывается» целенаправленной деятельностью властных группировок. Поэтому любая вновь созданная

организация^[359] сразу же привлекает внимание властной пирамиды: здесь можно пожить!

Общий принцип любого уровня Власти заключается в том, чтобы за счет использования *меньших* ресурсов контролировать организации и получать с них *большие* ресурсы (другая запись основной формулы Власти: **ресурс → власть → ресурс'**). Высшие властные группировки контролируют нижестоящие властные группировки, те, в свою очередь, крупные организации, такие как корпорации, банки, фонды^[360] и целые государства. Сегодня, в XXI веке, высшая Власть на планете непосредственно не контролирует даже *государства* – этим занимаются подчиненные ей (точнее, ее вассалам) специализированные организации (такие как демократическая или республиканская партии в США).

Как видите, при всей простоте ее основных принципов общая конструкция Власти достаточно сложна, чтобы запутать даже искушенного человека. На низшем уровне ему приходится одновременно работать в бюрократической структуре и искать выходы на подходящего сюзерена. На среднем уровне – хорошо разбираться в нравах окружающих его людей Власти, чтобы отличить монархическое ее устройство от олигархического. На высшем уровне к этому требованию добавляется самое сложное – умение войти в узкий круг наследственной элиты, замкнутой в своем родоплеменном окружении.

На каждом новом уровне появляются новые правила, незнание которых делает дальнейшую карьеру невозможной; неудивительно, что лишь немногим удастся пройти этот путь от начала до конца. Особенно это касается тех, кто уверовал в модные нынче либеральные принципы; с ними весело подниматься по феодальной лестнице, но на ее

вершине «либерала» ждет жестокое разочарование: с ним никто не захочет разговаривать всерьез. Там, наверху, от человека требуется куда большая надежность, чем «не пойман – не вор»; здесь котируются верность традициям и твердые семейные ценности, а не либеральные «свободы». Разумеется, обратное тоже верно, и тот, кто станет демонстрировать эти ценности на нижних уровнях Власти, рискует закончить свою карьеру, даже толком ее и не начав.

Вот почему так важно хорошо ориентироваться в окружающих вас формах Власти. Мы надеемся, что уже прочитанные главы помогут вам это сделать и, *к месту* применив надлежащие правила, пройти по карьерной лестнице до самого неба.

Практик. Как вы уже поняли, при этом вам придется общаться с множеством людей, в том числе и людей Власти. При этом у вас наверняка возникнет вопрос: а понимают ли сами представители Власти те законы Власти, которые мы только что описали? Вопрос этот далеко не праздный, поскольку для хорошего контакта с человеком нужно уметь разговаривать с ним **на его языке**. Разумеется, люди Власти прекрасно знают большинство из перечисленных нами законов, но правильно ли будет разговаривать с ними на языке *нашей книги*?

Неправильно! Как мы уже писали, каждый руководитель создает *для* своих подчиненных (а каждый сюзерен для своих вассалов) собственный язык описания реальности, на котором только и может говорить о Власти. Причем язык этот формируется не на основе обобщения личного опыта (чтобы обобщать, нужно быть теоретиком, а не практиком), а на основе какой-нибудь из предшествующих теорий Власти, особо запомнившейся именно этому человеку. Вспомните Березовского, который был уверен, что в США правят

«несколько семей»; первоисточник этого убеждения – «60 семей» Ландберга, книга начала (!) прошлого века. Или спросите любого обычного человека, у кого власть, – он тут же начнет рассуждать о «богатых» и «бедных», воспроизводя классовую теорию позапрошлого (!) века. Чтобы разговаривать *на их языках* с разными людьми *Власти*, полезно заранее изучить эти языки.

Наконец, есть еще одна очень важная вещь: по мере взросления человека он получает массу информации, в том числе и ту, которая полностью искажает восприятие окружающего мира. И чтобы успешно делать карьеру, необходимо осознать, какая информация, полученная с раннего детства до более или менее сознательного возраста, действительно помогает делу, а какая, наоборот, мешает! Вот почему вторая часть нашей книги, посвященная *истории представлений о Власти*, намного больше первой: правда одна, а способов ее скрыть – много.

ЧАСТЬ II

МАСКИ ВЛАСТИ

Теоретик. Власть – настолько привычное всем дело, что никто о ней не думает, как не думает о том, что дышит кислородом или что говорит на родном языке. Искусство Власти осваивается ее участниками на практике, путем долгих (и часто болезненных) тренировок, а на ее вершину попадают скорее благодаря случаю^[361], чем за счет выдающегося мастерства. Вот почему самая могущественная социальная сила на планете – Власть – до сих пор остается вне поля зрения ученых. Материальные ресурсы, используемые Властью, исследуют экономисты, человеческие – медики, психологи и социологи, ход событий – историки.

Самой же Власти как бы и не существует. Для психологов она – «ранговость», «агрессивность», «харизма», свойства характера отдельных личностей. Для социологов Власть – разновидность человеческого поведения, проявляющаяся во взаимодействии между людьми^[362]. Для экономистов и историков Власть сводится к ее внешним формам – могущественным организациям, вроде церквей или государств. Вы не можете зайти на Амазон и купить там книгу про Власть вообще; вам предложат что-нибудь вроде «Власть в организациях» или «48 законов Власти». Вот почему мы решили рассказать историю изучения Власти разными дисциплинами, как если бы это была одна целостная наука, со своими загадками, проблемами, открытиями и изобретениями.

Практик. Изучая историю науки о Власти, следует помнить об одной весьма запутывающей особенности ее

предмета. Как вы уже знаете из первой части, Власть – это совокупность властных группировок, существующих за счет навязывания своей воли менее организованным группам людей. Властные группировки связаны личными отношениями преданности и весьма мотивированы сохранять в тайне свою численность и структуру. Поэтому любая попытка изучить Власть неизбежно приводит к тому, что вместо самой Власти исследователь обращает внимание на ее публичные структуры. В результате история науки о Власти оказывается историей разных наук – в зависимости от тех структур, которые попали в поле зрения исследователей. В чистом виде властную группировку описал, пожалуй, только Квигли; прочие авторы принимали за Власть ее наиболее бросающиеся в глаза внешние проявления, такие как Государство, Элита или Институты. Вот их мы и называем масками Власти; маски – это те социальные структуры, которые сами по себе Властью не являются, но в конкретном социуме служат ее главным инструментом.

Историю науки о Власти мы разделяем на три этапа – классику, когда Власть представляла перед философами в облике Государства, модерн, когда ученые увидели внутри государств правящую Элиту, и постмодерн, когда разнообразные проявления Власти получили весьма туманное, но зато все объясняющее название Институты. Наша собственная теория завершает этап постмодерна, и, закончив читать вторую часть книги, вы сможете вновь вернуться к первой, сравнив нашу теорию с открытиями и изобретениями предшественников.

Посмотрим же теперь подробно, как шаг за шагом человечество разбиралось с Властью – с этой загадкой, завернутой в тайну внутри головоломки.

Глава 3. Государство От мандата Неба до государственной машины

*Лучше один плохой
главнокомандующий, чем два хороших.*

Наполеон Бонапарт

Теоретик. Первое, что приходит в голову при вопросе «Кто здесь власть?» это конечно же государство. «Особые отряды вооруженных людей», контролирующие территорию и население, и подчиняющиеся хорошо известным правителям, будь то конкретный человек (государь) или совещательный орган (вроде совета пятисот в Афинах). Долгие тысячелетия человеческой истории государства и в самом деле обладали всей полнотой власти^[363] на своих территориях, и именно политическая власть была в те годы главным призом для враждующих группировок.

Так что нет ничего удивительного в том, что любая попытка подумать о сущности Власти все эти тысячи лет приводила к рассуждениям о Государстве. Государство существовало весома и зримо, Власть же, контролирующая и эксплуатирующая это государство, по своему обыкновению скрывалась в тени. Разглядев в древних текстах то, что было скрыто от их авторов – места, где сквозь Государство проступает Власть, – мы сможем и в наши дни узнать о Власти кое-что новое.

1. Мандат Неба и Путь обмана **Теория Власти в Древнем Китае**

Теоретик. «Хитрый, как сто китайцев» – вы наверняка слышали эту популярную в конце XX века поговорку. Но почему именно сто китайцев, а не, к примеру, сто татар или сто евреев? Дело в том, что географическое положение Китая – огромной приморской страны с благоприятным климатом, отгороженной от остального мира пустынями и горами, – способствовало формированию на его территории удивительно стабильного общества. В то время как в остальных частях света возникали и гибли целые цивилизации, создавались и разрушались мировые империи, Китай оставался все тем же Китаем – императорским, чиновничьим, аграрным, с вечными традициями беспрекословного подчинения нижестоящих вышестоящим и столь же вечной необходимостью интриговать ^[364], чтобы продвинуться хоть на одну ступеньку повыше.

Приведем показательный пример стабильности китайского общества. Знаменитая китайская императрица XIX века Цыси начинала свою карьеру простой наложницей, но выбилась в первые лица государства, родив императору официально признанного наследника. А вот что происходило в том же Китае за две с половиной тысячи лет до этого:

«Имея нескольких жен и от них – старших, уже взрослых сыновей, включая первенца Шэнь Шена, Сяньгун в 672 г. до н.э. привез из успешного похода на жунов еще двух пленных женщин, красавицу Ли Цзи и ее сестру; каждая из них подарила ему по сыну. Ли Цзи быстро стала любимой наложницей и сумела заставить правителя, хотя и не сразу, объявить наследником ее сына Си Цы. Для этого она прибегла к сложной многоходовой интриге...» [Васильев, 2000, с. 55].

Интрига включала в себя все типовые приемы борьбы с конкурирующими вассалами общего сюзерена:

1) отсылку старших сыновей от двора в пограничные провинции, 2) убеждение правителя, что старшие сыновья готовят против него заговор, 3) организацию и разоблачение покушения (яд), якобы подстроенного действующим наследником, с согласия остальных сыновей. В результате к моменту смерти Сянь-гуна все старшие претенденты на трон были либо убиты, либо вынуждены бежать, и Ли Цзи уже готовилась править от имени малолетнего наследника^[365].

Как видите, пара тысячелетий – не срок для китайского искусства интриги!

Тысячелетия жизни по одним и тем же правилам не могли не сформировать соответствующие привычки, и если провести чемпионат мира по политической интриге, его победителем, скорее всего, окажется китаец. Так нужно ли удивляться, что именно *сто китайцев* являются мерилом хитрости и что первые дошедшие до нас открытия и изобретения в теории Власти были сделаны в Древнем Китае^[366]?

Читатель. А Вы не перепутали теорию с практикой? «Изобретения» – это ведь что-то практическое, как лампочка Эдисона. Придумать новый способ интриги (например, притвориться умирающим и предложить вассалам выбрать преемника) – большое достижение для практика Власти. Но какие изобретения могут сделать *теоретики*?!

Теоретик. На этот вопрос в свое время хорошо ответил Уильям Оккам, обратившись к королю Германии Людвигу IV^[367] с известным предложением: «Защищай меня мечом, а я буду защищать тебя пером!» 1330 год, мрачное Средневековье – казалось бы, зачем королю защита какого-то писаки? А дело в том, что с 1322 года Людвиг находился в открытом противостоянии с Римской курией – папа Иоанн XXII требовал от него отречения в пользу конкурента, Фридриха III, а в 1324

году даже отлучил Людвига от церкви^[368]. В этих условиях положение Людвига зависело не только от успехов на полях сражений, но и от поддержки тогдашних властителей умов – священников и монахов. Именно на этом фронте и сражался Уильям Оккам, сочиняя один за другим многочисленные трактаты и памфлеты с критикой папской власти. В результате одно из изобретений Оккама (пресловутая «бритва») до сих пор применяется в политических дебатах^[369].

С похожей проблемой задолго до Людвига IV столкнулись завоевавшие Китай (царство Шан) захватчики из Чжоу. Победа в войне еще не означала победу в умах – требовалось убедить шанскую знать, что чжоусцы пришли всерьез и надолго. В результате усилий неизвестных нам теоретиков было сделано изобретение, и по сей день успешно работающее на любую власть:

*«Одолевшие Шан в 1027 г до н.э. чжоусцы, стремясь легитимизировать свою власть в условиях собственной политической слабости и вынужденного заимствования едва ли не всех цивилизационных достижений и соответствующих традиций у шанцев, отождествили шанских обожествленных предков с Небом, придав ему характер этически нейтральной и религиозно абстрактной божественной силы, и выдвинули идею о **мандате Неба**. Согласно этой доктрине Небо решает, кому, когда и за что вручить власть над Поднебесной» [Васильев, 2000, с. 45-36].*

Мандат Неба стал отличным ответом сразу на два вечных вопроса о Власти – почему в стране правит именно действующий монарх и как следует оценивать его правление? Правитель правит потому, что угоден Небу (а свергают его потому, что Небо передумало); и раз уж само Небо выбрало этого правителя, то существующая Власть всегда наилучшая из возможных.

Конечно же столь выдающееся изобретение (сравнимое по полезности и очевидности разве что с изобретением колеса) было многократно повторено в другие времена и в других странах. Все мы слышали о «священном праве королей», «помазанниках божьих», все мы привыкли к обожествлению первых лиц государства. В наши дни это универсальное объяснение выражается в более циничной форме («Если ты такой умный, почему ты не богатый», «Кто сильнее, тот и прав»), не сильно меняющей основной смысл. Кто более других достоин Власти? Конечно же тот, кто ей реально обладает! Почему же тогда его свергли? Потому что он перестал быть достойным (согрешил перед Небом) – а вовсе не потому, что появилась более сильная группировка.

Практик. Не следует преуменьшать значение этого фактора! У рядового обывателя нет никаких оснований предпочесть одного политика другому – он вообще не знает, чем те занимаются, и знать этого не может. Так что «мандат Неба» – это такая «линейка», которая позволяет сравнивать политиков между собой. И если она удачная – то эффект ее использования может быть очень велик.

Теоретик. Еще бы не велик, Китай уже третье тысячелетие живет с этой «линейкой»!^[370] Но вот о реальном устройстве Власти «мандат Неба» сообщает даже меньше, чем ничего. Он дезориентирует *правителя*, создавая иллюзию незаменимости, и смещает фокус внимания *историка* с состава и сил противоборствующих группировок на всяческие знамения и знаки. Зато «мандат Неба» отлично обосновывает покорность любой существующей власти («Всякая власть – от Бога») и стремление держаться подальше от властных разборок («Небо решает, не я»), для чего, собственно, и был придуман. Как мы увидим в

дальнейшем, даже среди выдающихся философов мало кто избежал искушения представить современную ему Власть в качестве абсолютного идеала^[371]. Ведь в противном случае правитель всегда мог предъявить свой «мандат Неба» в лице конвоиров.

Читатель. Ну, если все изобретения в теории Власти такие, то невелика цена таким изобретениям. Как самого себя похвалить, уже захвативши Власть, любой может придумать, что Вы, кстати, сами же и признали. Но Вы упомянули еще и некие *открытия*. Чем они отличаются от изобретений и что же такого открыли во Власти древние китайцы?

Теоретик. Поясню разницу на практическом примере, из близкой к нам области – военного дела. Собрав большое количество людей и вооружив их холодным оружием, невозможно не совершить *открытия*: солдат, находящийся в строю, защищен лучше, чем оставшийся в одиночестве. Таково объективное, ни от кого не зависящее устройство нашего мира; в каком бы времени и в какой бы стране ни находился военачальник, первое, чему он учит солдат, – держать строй. Но какой именно строй? И вот тут наступает очередь *изобретений*: кто-то строится в фаланги, другой – в каре, третий предпочитает «клин» или «свинью».

Зная некое свойство окружающего нас мира, можно создать на его основе множество разных изобретений; но сначала это свойство нужно *открыть*. Некоторые такие свойства (битва в строю) достаточно очевидны; но многие другие запряваны в нагромождении отдельных фактов, и обнаружить их весьма непросто. Так что вы правы, скептически относясь к изобретениям: открытия намного важнее. Зная устройство Власти, можно легко изобретать все новые способы этим устройством пользоваться. А вот знание

самых изобретений, без понимания, как и почему они работают, ограничено: даже самый эффективный «прием» србатывает не всегда, а только в определенных ситуациях.

Открытие, совершенное древними китайцами в науке о Власти, больше похоже на сражения в строю, нежели на какой-нибудь бозон Хиггса. Оно достаточно очевидно, и многократно переоткрывалось другими исследователями; но вместе с тем оно столь же фундаментально, как и закон всемирного тяготения. Формулировка этого открытия в «Искусстве войны» лаконична, как и большинство древнекитайских мудростей: **«Война - это путь обмана** (вернее, хитрости)». Все мы сотни раз встречали эту фразу и относимся к ней примерно как к «Волга впадает в каспийское море»; поэтому потратим немного времени, чтобы раскрыть ее пропускаемый мимо ушей смысл.

Почему на войне так важен именно обман? Почему не муштра, новые вооружения, логистика – все то, что позволяет сделать свою армию более сильной? Потому что в условиях Древнего Китая (аграрная страна с сухопутными линиями снабжения) сражающиеся стороны находились в этом отношении в равных условиях: оружие, выучка войск, используемый транспорт были одинаковыми. Начиная с какого-то уровня, дальнейшее улучшение собственной армии оказывалось невозможным. Итог сражения двух примерно равных армий известен – «пиррова победа», военная катастрофа для обеих сторон. Единственный способ одержать настоящую победу заключался в том, чтобы напасть на *ослабленного* противника – не ожидающего удара, разделившего свои войска или вовлеченного в войну на два фронта. Но противник ведь не дурак и не будет себя ослаблять? Или все-таки будет?

Практика войн в Древнем Китае наглядно показала, что *все-таки будет*. Выдающиеся полководцы побеждали гораздо чаще, чем бездарные, и вовсе не по причине многочисленности своих армий. Слабым местом бездарных полководцев оказывались их собственные решения, принятые под влиянием ошибочных представлений о ситуации. Раз за разом они теряли врага из виду, разделяли свои силы или втягивались в войну на два фронта. Не потому, что не знали об опасности таких действий, а потому, что считали их ситуационно оправданными. Потому, что действовали исходя из имеющейся у них *ошибочной* информации.

Дезинформация вражеского полководца всегда намного дешевле (хотя и требует немалых усилий), нежели удвоение собственной армии. И когда по результатам сотен сражений китайским полководцам стало понятно, что *обман работает*, он сделался основным средством ведения войны. Шпионы, двойные шпионы, распускание слухов, обманные маневры – вот чем большую часть времени должен был заниматься настоящий китайский стратег. Вся эта деятельность имела смысл только потому, что в ее основе лежало объективное свойство Власти: решения во властной группировке принимает один человек, и принимает их на основе имеющейся у него информации, которая может быть неверна и может быть *целенаправленно сделана неверной*.

Решения сюзеренов могут быть ошибочны, и есть способы *сделать* их ошибочными, – вот какую особенность Власти впервые открыли и подробно описали древние китайцы. Выраженное в двух словах, это открытие осталось бы совершенно незамеченным (ну да, обман часто полезен, кто же этого не знает); заслуга китайских авторов состоит в том, что они проиллюстрировали свое открытие громадным числом сделанных на его основе изобретений.

Вот и пришла пора сказать похвальное слово изобретениям. Начнем с исторического анекдота, обнаруженного Харро фон Зенгером в предисловии к одной арабской книге:

«Мухаммед Али, или Али-Бей аль-Кабир (1728-1773), мамлюкский правитель Египта [с 1757 (с 1770 султан)], в свое время заказал перевод сочинения Макиавелли „Государь” (Il Principe) на арабский язык. Когда первые две главы были переведены, Мухаммед Али начал читать перевод. Прочтя главу, он воскликнул: „Я знаю гораздо больше хитростей, чем этот европейский эмир!” [372] И немедленно повелел прекратить перевод Макиавелли» [Зенгер, 2004, т. 2, Введение].

Книга Макиавелли содержит много открытий, но мало изобретений (конкретных примеров интриг и «хитростей», применяемых в борьбе за власть). Для практически мыслящего человека принципы Макиавелли (вроде «опираться на страх, а не на любовь») звучат столь же абстрактно, как и «война – путь обмана». Ну да, полезно обманывать, полезно внушать страх; но *как* это делать? Не рассказываете на конкретных примерах – так, наверное, и сами не знаете?

В отличие от Макиавелли, китайская литература о Власти посвящена как раз конкретным примерам, благо сама жизнь порождала их в изобилии. В эпоху «Весны и осени» (с 770 по 476 г. до н. э.) в Китае враждовали между собой примерно 140 государств. К последовавшей за ней эпохе «Сражающихся Царств» (с 475 по 221 г. до н. э.) из них уцелело только семь, но это лишь увеличило число и кровопролитность последующих войн. Века непрерывных сражений за полное господство над Китаем [373] содержали тысячи примеров военных хитростей и политических интриг, и сотни из них были перенесены на бумагу [374].

Весь этот громадный материал до конца XX века был мало известен на Западе, да и в самом Китае существовал в виде множества разрозненных текстов. К счастью для нас, в 1972 году Харро фон Зенгер, работая аспирантом права на Тайване, услышал фразу: «Тридцать шестая стратагема самая лучшая – спастись бегством» – и пожелал разузнать, каковы же остальные 35. Сразу ответить на этот вопрос знакомые ему китайцы не смогли, интерес Зенгера перерос в исследовательскую работу, которая спустя 15 лет воплотилась в 1000-страничную книгу (Зенгер, 2004]. «Стратагемы» Зенгера – настоящая энциклопедия приемов интриги, и если вы, уважаемый читатель, предпочитаете общим рассуждениям конкретные примеры – лучшей книги вам не найти.

Что же изобрели древние китайцы, тысячелетиями сражаясь друг с другом за власть? Пройдемся по оглавлению зенгеровской энциклопедии, чтобы составить общее представление о характере этих изобретений. Вот первая группа стратагем, смысл которых (как мы надеемся) понятен из одних названий. «Осадить Вэй, чтобы спасти Чжао» (2)^[375], «В покое ждать утомленного врага» (4), «Грабить во время пожара» (5), «Сманить тигра с горы на равнину» (15), «Чтобы поймать разбойников, надо поймать главаря» (18), «Вытаскивать хворост из-под котла» (19), «Подменить колонны, не передвигая дома» (25). За всеми этими цветистыми названиями^[376] скрывается, по сути, один и тот же прием – воспользоваться слабым местом противника. Если мы знаем такое место (вот он, пожар, уже горит) – нужно бить, если не знаем – создавать (подменять колонны). Но так ли просто узнать про слабости противника (не говоря уже о выкрадывании колонн из его дома)? Можно с уверенностью сказать, что нет: подобно стадным

животным^[377], человек Власти скорее умрет, чем покажет свои уязвимые места. Попытка выманить опытного противника «с горы» обычно натывается на встречное и зачастую более убедительное приглашение на эту самую гору. Удар в слабое место действительно решает исход сражения; но в реальных ситуациях таких мест у противника, как правило, *не видно*.

Что делать в этом случае, подсказывает второй набор стратагем. Такие слабости нужно создавать. Как? Конечно же путем обмана! «Поднять шум на востоке – напасть на западе» (6), «Для вида чинить деревянные мостки, втайне вступить в Чэньцан» (8), «Скрывать за улыбкой кинжал» (10), «Сливовое дерево засыхает вместо персикового» (11), «Бросить кирпич, получить яшму» (17), «Ловить рыбу в мутной воде» (20), «Цикада сбрасывает золотой кокон» (21), «Потребовать прохода, чтобы напасть на Го» (24), «Притворяться глупцом, не теряя головы» (27), «Украсить засохшее дерево искусственными цветами» (29), «Открыть городские ворота»^[378] (32), «Нанести себе увечье» (34). Обман ценен не сам по себе, а лишь как средство спровоцировать противника на ослабление позиции – переброску войск, утрату бдительности, неподготовленную атаку. Если противник поддается на провокацию, возникающее при этом слабое место становится известно, и остальное, как говорят шахматисты, «дело техники». Если не поддается – ничто не мешает устроить другую, более хитрую провокацию.

Однако не будем забывать, что и противник владеет тем же искусством и может ответить на провокацию еще более изощренной провокацией (например, поддавшись на нее только для вида). Получить в борьбе с ним решающее преимущество можно за счет привлечения дополнительных участников, и этому

искусству посвящена третья группа стратагем. «Убить чужим ножом» (3), «Наблюдать за огнем с противоположного берега» (9), «Дружить с дальними врагами против ближних» (23), «Сеять раздор» (33). Втравить в борьбу со своим противником другую властную группировку – вот это уже настоящая интрига, «властные шахматы», когда еще вчера самостоятельные игроки сами становятся фигурами на доске. Действуя чужими руками, сюзерен реализует китайский идеал политического «недеяния» – «сидя на горе, смотреть на драку тигров в долине» (нужно лишь заметить, что такое «сидение на горе» требует неустанных хлопот по дезинформированию и провоцированию «тигров»).

Приведем классический пример интриги по стратагеме 33, отличающейся некоторой оригинальностью [\[379\]](#).

«...в романе-эпопее „Троецарствие“ министр церемоний Ван Юнь задумывает стратагему, чтобы избавиться от жестокого и распутного военачальника Дун Чжо, стремившегося захватить престол. Ван Юнь договаривается с красавицей певицей и танцовщицей Дяочань о том, что она должна понравиться и Дун Чжо, и его приемному сыну, храброму, но недалекому воину Люй Бу. Ван Юнь обещает отдать Дяочань молодому храбрецу, но отправляет ее к Дун Чжо. Естественно, что Люй Бу взбешен и обвиняет Ван Юня в коварстве, однако тот с невинным видом отвечает, что Дун Чжо лишь поинтересовался подарком и взглянул на красавицу, после чего, уверив, что сам передаст ее Люй Бу, увез артистку к себе. Став наложницей Дун Чжо, Дяочань постоянно стремится столкнуть своего хозяина с его приемным сыном. В конце концов ей это удалось, и Ван Юнь, устроив западню, заманил Дун Чжо во дворец, где тот и был убит Люй Бу» [Мясников, 2004].

Как видите, начав с достаточно очевидных приемов («грабить при пожаре» – чего уж проще), китайские правители постепенно развили искусство интриги до уровня многоходовых комбинаций. Отдельные стратагемы описывают еще более сложные и специализированные приемы, часто встречающиеся в современной политической жизни. Стратагема «Бить по траве, чтобы испугнуть змею» (13) – изобретение безадресного террора, беспокоящего скрытых врагов и вынуждающего их проявить себя. «Хочешь что-нибудь поймать – сначала отпусти» (16) – изобретение «завоевания сердец» через демонстрацию уважения к побежденному противнику. Как показывает книга Зенгера, иллюстрирующая стратагемы в том числе и современными примерами политической интриги, практически все известные ныне приемы интриги были не просто изобретены, но многократно проверены на практике и записаны в книги в Древнем Китае.

Казалось бы, при такой доступности знаний о сущности Власти и о приемах борьбы в Древнем Китае не должно было существовать наивных и неумелых политиков. Однако в любом примере успешного применения стратагем есть одна выигравшая сторона и одна, а то и несколько проигравших. Книжные знания, не подкрепленные практическими навыками и личными убеждениями, мало чем помогают в реальной жизни. Так, типовым сценарием древнекитайского заговора было назначение правителем в наследники любимого сына вместо старшего, в связи с чем сторонники старшего сына (вокруг которого обычно и формировалась конкурирующая властная группировка) свергали действующего монарха. И как учитывали это обстоятельство сами правители?

«Стоит еще раз обратить внимание, сколь легко и беззаботно чжоуские ваны (Ю-ван, Чжуан-ван, Хуэй-ван) поощряли любимых младших сыновей, регулярно тем

самым наступая на одни и те же грабли. Казалось бы, уроки истории, уже всем известные, должны были учить. Но нет, не учили» [Васильев, 2000, с. 64].

Все дело в том, что помимо развитой науки о Власти в Древнем Китае существовала намного более развитая официальная идеология (да-да, тот самый «мандат Неба», который наш уважаемый Читатель подверг уничтожающей критике), диктовавшая совершенно противоположные принципы поведения (верность долгу, верность правителю, следование правильному пути и т. д.). Правители вполне обоснованно рассчитывали на верность своих вассалов. Васильев (с. 75-76) приводит показательный пример из книги Цзо-Чжуань: когда правитель Цзинь Ли-гун решил устранить ^[380] своего наиболее могущественного вассала, Ци Чжи, и объявил себя оскорбленным каким-то происшествием на охоте, все вассалы Ци Чжи потребовали от своего сюзерена немедленно атаковать Ли-гуна (т. е. использовать уже случившееся событие как часть стратагемы). Однако Ци Чжи заявил, что предан правителю и не сойдет с пути добродетели, после чего был убит, а его группировка – уничтожена. В этом случае, как и во многих других, мандат Неба оказался сильнее стратагем.

Итак, китайский вклад в теорию Власти включает в себя два выдающихся достижения: **изобретение официальной идеологии** («мандата Неба»), поддерживающей власть сюзерена ^[381], и **открытие искусства интриги** («путь обмана»), выразившейся в разработке многочисленных «стратагем». Свое первое законченное воплощение «стратагемы» обрели в книге Лю Сяна ^[382] «Планы сражающихся царств». В этом тексте, представляющем собой скорее учебник, нежели исторический источник о соответствующей эпохе, в центр внимания было поставлено не умение сражаться,

а умение составлять планы (те самые стратагемы), многоходовые интриги, призванные обманом ослабить противника или поставить его в неудобное положение. Тем самым на вопрос об источнике Власти (не прямым текстом, а через множество примеров) был дан однозначный ответ: **Власть принадлежит тому, кто лучше других умеет интриговать** ^[383].

Практик. Ну и закончу этот раздел советом практическим: есть прирожденные интриганы, которые интригуют, как дышат. Но даже им нужно еще до начала интриги разобраться – а не есть ли именно такая интрига для данного конкретного сообщества вещь совершенно запрещенная? Одно дело предлагать «понюхать порошок» в богемной среде, совсем другое – в бюрократическом учреждении, дочь руководителя которого умерла от наркомании. Я уже говорил о том, что «общее» и «частное» – это разные понятия и их нужно тщательно разделять!

2. Подрезывание и ostracism

Аристотель, Политика (360 г. до н. э.)

Теоретик. Вы наверняка слышали словосочетание «темные века» и даже помните, что так назывался период европейской истории с падения Римской империи до раннего Возрождения. Но мало кто в России (в силу особенностей получаемого образования) знает, что «темными» эти века назвал Франческо Петрарка в 1330 году, и сравнивал он их конечно же не нашей эпохой Интернета, а с древнегреческой и римской Античностью. Европа первого тысячелетия новой эры (мало чем отличавшаяся от тогдашних Китая или Мезоамерики) в сравнении с собственным прошлым выглядела культурной и политической пустыней.

Слишком уж высока была планка, заданная древними греками и римлянами.

Практик. Хочу заметить, что античное общество во времена Петрарки еще *вполне себе существовало* в виде Византии, хотя и было сильно потрепано крестоносцами. А уж за сто с небольшим лет до написанных слов, то есть до взятия Константинополя в 1204 году, оно существовало без всяких ограничений. Собственно, само появление Возрождения – это результат влияния византийской культуры, резко выросшего после массового оттока людей из Византии, страдающей под ударами осман и крестоносцев. Другое дело, что понимание этого момента противоречит базовой концепции современной западной идеологии (то есть одному из главных составляющих власти современной мировой элиты), поскольку последняя выводит свою преемственность непосредственно от древних греков, минуя православную Византию.

Теоретик. Разницу между цивилизацией Древней Греции и обычным для тех времен социальным «фоном» можно понять, положив рядом написанные в примерно одно и то же время «Лунь Юй» Конфуция и «Политику» Аристотеля.

«Лунь Юй»	«Политика»
Учитель сказал: – Если руководить народом посредством законов и поддерживать порядок при помощи наказаний, народ будет стремиться уклоняться [от наказаний] и не будет испытывать стыда. Если же руководить на-	Исследователю видов государственного строя и присущих им свойств надлежит прежде всего подвергнуть рассмотрению вопрос о государстве вообще и разобрать, что такое собственно государство. В настоящее время на этот счет

<p>родом посредством добродетели и поддерживать порядок при помощи ритуала, народ будет знать стыд, и он исправится.</p> <p>[Переломов, 2001, II-3]</p>	<p>существует разногласие: одни утверждают, что-то или иное действие совершило государство, другие говорят: нет, не государство, а олигархия или тиран... [Аристотель, Политика, 1274b-30]</p>
---	--

Китайские источники читаются сегодня как детские сказки, в то время как текст Аристотеля после косметической правки хоть сейчас можно публиковать на любом сайте в качестве «актуальной аналитики» («Кто виноват в российских бедах, Америка или Обама»). Откуда же такая разница в уровне мышления?

Благоприятный климат Средиземноморья и дешевизна перевозок (изрезанные берега, позволявшие морским судам подходить прямо к городскому рынку) обеспечивали античным городам возможность содержать значительное (до 30% от общей численности населения) количество свободных от повседневного труда граждан. В военное время эти граждане сражались с соседними полисами, а в мирное – занимались кто чем придется, начиная от политики (требовавшей умения складно излагать свои мысли) и заканчивая философией. В результате за несколько веков было создано такое количество текстов, что знание древнегреческого до сих пор (через две тысячи лет!!!) служит критерием качественного гуманитарного образования.

Аристотель, живший (384-322 гг. до н.э.) в эпоху наивысшего расцвета античного общества (между победой над Персией и Пелопоннесской войной), располагал богатейшим материалом для размышлений о Власти – как теоретическим, так и практическим. Во времена Аристотеля на берегах Эгейского моря существовали сотни ^[384] независимых городов-

государств (полисов), каждый со своей формой правления и политической историей. Побывав и придворным философом у монарха Александра Македонского, и метеком^[385] в демократических Афинах^[386], Аристотель на личном опыте узнал преимущества и недостатки различных форм правления.

При столь благоприятных^[387] внешних условиях трудно было бы размышлять о Власти и не открыть хотя бы некоторые из ее основных законов. В итоге «Политика» содержит не только соображения самого Аристотеля об «идеальном государстве», но и полезные даже для современного исследователя рассуждения о принципах организации Власти. Нужно лишь суметь их прочитать!

Конечно же сам Аристотель писал свою «Политику» с позиции основной идеологемы древнегреческой культуры – что жизнь устроена скорее хорошо, чем плохо. Поэтому раз уж такая штука, как государство, существует, то существует она потому, что с ним людям лучше, чем без него. Цель существования государства – благо, хорошая жизнь для объединившихся в него граждан. Следовательно, государства, устроенные для этой цели, являются правильными, а для каких-то других – нет:

«Итак, ясно, что только те государственные устройства, которые имеют в виду общую пользу, являются, согласно со строгой справедливостью, правильными; имеющие же в виду только благо правящих – все ошибочны и представляют собой отклонения от правильных: они основаны на началах господства, а государство есть общение свободных людей» [Аристотель, 1279a].

Читатель. Разговоры в пользу бедных, вот что это такое. Аристотель что, не понимал, что власть всегда

захватывают исключительно ради собственной выгоды? Зачем мы теряем время на чтение этого сказочника?

Теоретик. Затем, что «этот сказочник» две тысячи лет назад открыл законы Власти, о которых вы, уважаемый читатель, узнали

буквально только что, а современная наука переоткрыла лишь в последние десятилетия. Начинаем учиться читать между строк. Кого имеет в виду Аристотель, когда говорит о «свободных людях»? Уж конечно же не рабов (их в Античности даже за просто людей не считали, так, «одушевленное орудие»). Но что интереснее, из числа «граждан» исключались и все занятые каким-либо трудом:

«...граждане не должны вести жизнь, какую ведут ремесленники или торговцы (такая жизнь неблагородна и идет вразрез с добродетелью): граждане проектируемого нами государства не могут быть и землепашцами, так как они будут нуждаться в досуге и для развития добродетели, и для политической деятельности» [Аристотель, 1329a].

Так что под «гражданами» Аристотель понимает исключительно вооруженных людей, располагающих свободным временем для ведения войн и решением вопросов Власти. В нашем понимании это не кто иные, как рядовые и офицеры правящей элиты. Вот об их – и только об их! – благе и пишет Аристотель, причем по самой веской из возможных причин:

«...немыслимо, чтобы люди, имеющие возможность проявлять силу и оказывать сопротивление, постоянно мирились со своим подчиненным положением... во власти людей, владеющих оружием, сохранить или отменить государственный строй» [Аристотель, 1329a].

Стоит переименовать Аристотелево «государство» в привычную нам «властную группировку», как «разговоры в пользу бедных» превращаются в писанные кровью законы Власти. Сюзерен, не заботящийся о

«благ» своих вассалов, недолго будет оставаться сюзереном. Располагающие свободным временем граждане быстро устроят ему *государственный переворот*.

*«То, что мы предполагали исследовать, почти все уже рассмотрено. Мы должны далее разобрать, вследствие каких причин происходят **государственные перевороты**...»* – так начинает Аристотель знаменитую Пятую книгу «Политики». Если вас свергли в результате переворота, невелико утешение, что ваш государственный строй был самым правильным. Хорошая власть – это прежде всего стабильная власть, и Аристотель совершенно естественно переходит от рассуждений о «благ» вообще» к рассуждениям о том, что считают «благ» вооруженные люди и как они на недостаток этого «блага» реагируют.

В общем случае позиция вассалов проста и понятна – *«раз они не получают своей доли в государственном управлении, поднимают мятеж»* [Аристотель, 1301b]. Но какую долю участия вассалы посчитают достаточной? Кому-то достаточно раз в год поднять руку на общем собрании, а кто-то может посчитать недостаточной любую власть, если она не его собственная. Аристотель выдвигает важное предположение, что государственный строй зависит от *представлений* его граждан о справедливости^[388]: «демократы» считают справедливым полное равенство в правах, «олигархи» – распределение прав пропорционально нажитому имуществу (соответственно, «аристократы» – пропорционально древности рода), а монархи и тираны полагают, что политические права должны быть только у них одних. Если среди «демократов» заведется потенциальный тиран, он конечно же не удовлетворится ежегодными голосованиями, а будет добиваться единоличной власти. Так Аристотель

объясняет разнообразие античных политических режимов^[389], разительно отличавшее Древнюю Грецию от Древнего Китая^[390].

Читатель. Кстати, а как это разнообразие режимов объясняет теория Власти? Ведь во властных группировках господствует «феодалная пирамида», с единственным сюзереном во главе. Откуда же берутся в государствах все эти олигархии и тем более демократии?!

Теоретик. По-хорошему надо бы вас отправить перечитывать вторую главу нашей книги. Но раз уж мы здесь, повторю основные положения «властной динамики». Феодалная вертикаль устойчива, только пока жив и дееспособен ее сюзерен. Как только он исчезает – на вершине вертикали оказываются несколько бывших вассалов, иерархические отношения между которыми еще не до конца выстроены...

Практик. Это еще не самый плохой вариант, бывает и хуже. Например, более старший сюзерен может направить на место выбывшего своего человека, и никто не обещает, что его понимание ситуации, профессионализм и умение работать с людьми будут не хуже, чем у предыдущего. Напомним, отношения вассала и сюзерена почти братские, а тут тебе в качестве сюзерена ставится человек, про которого ты вообще можешь ничего не знать... Или другой вариант – вы привыкли, что у ушедшего сюзерена есть три главных вассала (включая вас) и вы, в общем, договорились о взаимодействии. И вдруг появляется откуда-то еще один, а то и два. Их вассальный статус по отношению к ушедшему проверяем – но как с ними быстро договориться?

Теоретик. Кто станет новым верховным сюзереном (а кто лишится и того, что имеет) – вопрос непростой и не решается за пять минут. А пока он не решен,

монархия перестает быть «государственным строем» властной группировки – за неимением монарха. Возникает «олигархия» – вынужденный союз нескольких вассалов без общего сюзерена (или с сильно неадекватным сюзереном, например малолетним наследником престола). Если таких вассалов *много* и каждый претендует на высокий статус, чтобы не доводить до перестрелки, приходится решать вопросы голосованием. Вот вам и демократия!

Читатель. Получается, что демократия и олигархия – это переходные формы правления, а в итоге всегда торжествует монархия?

Теоретик. В первом приближении да. Но не будем забывать, что неумелыми действиями, а уж тем более с «помощью» конкурентов можно развалить и самую прочную монархию. Кроме того, монархи столь же смертны, как и прочие люди, а иногда и внезапно смертны.

Практик. Так и вспоминается гениальная цитата из Станислава Лема про диктатора, который умер, «по рассеянности перестав дышать».

Теоретик. Так что монархия – столь же переходная форма правления, как и олигархия с демократией. Более того, как мы увидим дальше, в долгосрочной перспективе (на протяжении многих поколений) более устойчивой формой Власти оказывается как раз олигархия. Но чтобы удержать и преумножить Власть, в любом случае нужно много работать, а не полагаться на устойчивость той или иной формы правления!

Вернемся к Аристотелю. Какие же он видит причины государственных переворотов и как рекомендует с ними бороться? Поскольку перевороты совершают люди, а люди в государствах разного типа имеют разные притязания, причины и рецепты зависят от государственного устройства. Рекомендации, полезные для демократии, могут оказаться смертельными для

тирании (ведь превращение тирании в демократию – не что иное, как государственный переворот). Поскольку (по нашему глубокому убеждению) основной формой Власти является иерархия во главе с одним сюзереном, естественно начать с форм единоличного правления – монархии и тирании. И тут перед нами сразу возникает вопрос, ответ на который является еще одним выдающимся изобретением в теории Власти. Чем отличается монархия от тирании? Почему монарх (а особенно просвещенный монарх), как правило положительный персонаж в любой истории, а тиран, как правило, отрицательный?

Изобретение древних греков (не лично Аристотеля, ведь разделение на монархию и тиранию существовало задолго до него) заключается в том, что любой государственный строй может быть объявлен и хорошим, и плохим по совершенно произвольному признаку: *«Тирания – монархическая власть, имеющая в виду выгоды одного правителя; олигархия блюдет выгоды состоятельных граждан; демократия – выгоды неимущих; общей же пользы ни одна из них в виду не имеет»* [Аристотель, 1279b]. Поскольку «общая польза» – весьма расплывчатое понятие, любой философ мог с легкостью обосновать и «тиранию» соседнего правителя, и «монархию» собственного. В отличие от китайского «мандата Неба», у древних греков не всякая государственная власть оказывалась священной, а только та, которую философу было выгодно таковой признавать.

Насколько реально «монархия» в Древней Греции мало отличалась от «тирании», можно прочесть буквально в соседних строчках той же «Политики» [1311b]. *«Против Периандра, тирана в Амбракии, был составлен заговор из-за того, что он во время пирушки со своим любовником спросил его, забеременел ли он уже от него...»* – это еще тирания, а вот это уже

монархия: *«Филипп Македонский был убит Павсанием за то, что не защитил его от надругательства со стороны Аттала и его окружения»*. Как видите, с «общим благом» в обоих случаях нехорошо получилось; так что мы спокойно можем считать монархию и тиранию одним и тем же способом организации Власти.

Практик. Ну, все-таки между монархией и тиранией есть некоторая разница. Ее хорошо сформулировал наставник Александра II Василий Жуковский: *«Государь, нужно быть самодержцем, а не тираном. И тот, и другой издают законы, но самодержец их сам потом соблюдает, а тиран нарушает!»*

Теоретик. Каковы же советы Аристотеля монархам и тиранам? Как мы помним, причиной государственных переворотов является недовольство граждан^[391], доходящее до открытого мятежа. Предотвратить такое развитие событий можно двумя способами: сделать так, чтобы граждане были довольны, или же сделать так, чтобы, будучи недовольными, они все же не решались на открытый мятеж. Перед нами классическая дилемма Макиавелли – как лучше править, опираясь на любовь или на страх? Макиавелли вошел в историю, честно ответив: страх лучше; Аристотель же политкорректно предложил сочетать оба способа. С одной стороны, тиран должен всемерно ограничивать возможности граждан:

«Один из них – традиционный, и им руководствуется в своем правлении большинство тиранов. Говорят, что в значительной своей части способ этот был установлен Периандром Коринфским^[392]; многое такое можно усмотреть и в способе правления у персов. Способствует возможному сохранению тирании и то, что уже ранее было нами указано; один способ состоит, например, в том, чтобы "подрезывать" всех **чем-либо выдающихся** людей, убирать прочь с дороги всех

отличающихся свободным образом мыслей, не позволять сисситий, товариществ, воспитания и ничего другого, подобного этому, вообще остерегаться всего того, откуда возникает уверенность в себе и взаимное доверие, не позволять заводить школы или какие-нибудь другие собрания с образовательной целью и вообще устраивать все так, чтобы все оставались по преимуществу незнакомыми друг с другом, так как знакомство создает больше доверия.

3. Далее, нужно, чтобы все люди, пребывающие в городе, постоянно были на виду и проводили свое время перед дверьми своих домов: тогда им очень трудно будет скрывать то, чем они занимаются; да и, находясь постоянно на положении рабов, они привыкнут быть смирными. И другие меры такого же рода, употребляемые у персов и варваров, подходят для тирании (ведь все они преследуют одну и ту же цель). Еще нужно стараться устроить дело так, чтобы **не оставалось тайной ничто из того, о чем говорит или чем занимается каждый из подданных**, держать соглядатаев вроде, например, бывших в Сиракузах "приводительниц" или тех "подслушивателей", которых всякий раз подсылал Гиерон туда, где происходило какое-нибудь дружеское собрание или встреча; опасаясь таких людей, подданные отвыкают свободно обмениваться мыслями, а если они и станут говорить свободно, то скрыть свои речи им труднее.

4. Следует возбуждать среди сограждан взаимную вражду и сталкивать друзей с друзьями, простой народ со знатными, богатых с людьми из их же среды. В виды тирана входит также разорять своих подданных, чтобы, с одной стороны, иметь возможность содержать свою охрану и чтобы, с другой стороны, подданные, занятые ежедневными заботами, не имели досуга составлять против него заговоры. Примеры этого – египетские пирамиды, посвящения Кипселидов, построение

Олимпиона Писистратидами, а на Самосе – сооружения Поликрата. Все подобного рода предприятия рассчитаны на одно и то же: **отсутствие у подданных свободного времени** и бедность их. [Политика, 1313b].

8. Все то, что мы до сих пор рассмотрели, можно, коротко говоря, свести к трем пунктам. Именно тиран стремится к трем целям: во-первых, **вселить малодушие** в своих подданных, так как человек малодушный не станет составлять против него заговоры; во-вторых, **поселить взаимное недоверие** – тирания может пасть только тогда, когда некоторые граждане будут доверять друг другу, поэтому тираны – враги порядочных людей, как опасных для их власти, и не только потому, что они не выносят деспотической власти, но и потому, что они пользуются доверием как в своей среде, так и среди других и не станут заниматься доносами ни на своих, ни на чужих; в-третьих, **лишить людей политической энергии**: никто не решится на невозможное, значит, и на низвержение тирании, раз у него нет на то силы.

9. На указанные три цели направлены все помыслы тиранов. Их можно было бы свести к следующим предпосылкам: чтобы люди не доверяли друг другу; чтобы не могли действовать; чтобы прониклись малодушием.

Вот один способ, посредством которого достигается сохранение тираний"». [Политика, 1314a]

Мы привели эту длинную цитату потому, что она в концентрированном виде содержит едва ли не все открытия теории Власти, сделанные в следующие тысячелетия. Кому-то из российских либералов может показаться, что всеобщее доносительство и «стройки пятилетки» были изобретением тоталитарных режимов XX века; а между тем эти способы поддержания стабильности Власти были известны уже во времена Аристотеля. Они прекрасно работают и до сих пор

(сколько диктаторов благополучно умерли в своих постелях!), но при одном условии; если ресурсы поступают во властную группировку сами собой^[393], независимо от успешности ее действий.

Если за ресурсы приходится драться, малодушные и постоянно занятые граждане – плохая подмога; необходимо как-то стимулировать активных и полезных вассалов. Поэтому второй совет Аристотеля тиранам – заботиться о своих гражданах и вознаграждать успешных. Но и это нужно делать *правильно*:

*«16. Людей, отличающихся в чем-либо, тиран должен окружить таким почетом, чтобы им и в голову не приходило, будто они могут получить больший почет от свободных граждан. И уделять **эти почести должен сам тиран, а наложение кары поручать другим должностным** лицам и суду. Общим средством для сохранения всякого рода единодержавной власти служит следующее: никого в отдельности взятого не возвеличивать, а если уж приходится делать это, то возвышать нескольких лиц, потому что они будут следить друг за другом; если же все-таки придется возвеличить кого-нибудь одного, то уж, во всяком случае, не человека с отважным характером (ведь такой человек, скорее всего, способен на самые отчаянные предприятия). Если монарх решит лишить значения того или иного человека, то делать это нужно постепенно и не сразу отнимать у него всю власть» [Политика, 1315a].*

Из этой цитаты можно понять, что Аристотель знал о Власти много больше, чем счел нужным написать. Распределение благ внутри властной группировки должно зависеть исключительно от воли сюзерена (чтобы никто из вассалов не мог создать самостоятельный «центр силы»), изменения в статусе вассалов следует проводить постепенно (чтобы не

провоцировать вассала на измену) – все эти очевидные для нас принципы были известны и много веков назад. Вот только написать о них в открытую в те годы было невозможно^[394], поскольку, помимо всего прочего, Власть держится на уверенности подданных в ее справедливости. Поэтому свои знания о подлинном механизме Власти Аристотель изложил на пяти страницах, а остальные 250 посвятил рассуждениям о благе и справедливости.

Итак, «Курс молодого диктатора», если бы он был когда-то написан, начинался бы с отрывков из Пятой книги «Политики». А что у Аристотеля могут почерпнуть лишившиеся сюзерена вассалы, которым нужно как-то делить между собой оставшуюся без хозяина властную группировку?

Как мы уже писали, с потерей сюзерена его вассалы попадают в ситуацию «пауков в банке». Ранее в группировке их связывали конкурентные, а не личные отношения, и друг друга эти вассалы воспринимают как равных. Поэтому если новым сюзереном станет один из них, всем остальным придется рано или поздно покинуть властную группировку: доверять сюзерен будет своим собственным вассалам, а не бывшим конкурентам. Поскольку пребывание в группировке выгоднее, чем «одиночное плавание», перед лицом этой перспективы вассалы часто принимают решение не выдвигать нового сюзерена, а вести дела совместно, принимая решения на совещаниях^[395]. Вспомните, что говорил Практик про нового сюзерена: чем получать на свою голову человека слабого и недалекого, лучше договориться с вышестоящим сюзереном о «коллективном вассалитете». Если ресурсы, находящиеся в распоряжении вассалов, и их политические навыки примерно равны, властная группировка может просуществовать в таком режиме

достаточное время, чтобы почувствовать его выгоды и обеспокоиться его дальнейшим сохранением.

Подобно тому, как правила для тирана Аристотель формулирует всего на пяти страницах, заполняя остальные общими рассуждениями, правила для олигархов сконцентрированы и вовсе в одном предложении. Поскольку основной причиной распада олигархии является повышение статуса (силы, влияния) одних олигархов и вызванное этим недовольство других, Аристотель прямо рекомендует избегать такого положения дел, прибегая к испытанному античному средству – *остракизму*:

«Лучше же всего... наладить дело так, чтобы никто слишком не выдавался своим могуществом, будет ли оно основываться на обилии друзей или на материальном достатке; в противном случае лучше удалять таких людей за пределы государства» [Политика, 1308b].

В чем отличие этого совета от уже известного нам правила для тиранов – «подрезывать» выдающихся людей? В том, что следовать ему в случае олигархии намного сложнее. С точки зрения сюзерена, любой набравший силу вассал – прямой конкурент, и ему тут же нужно «перекрыть кран», а то и вовсе вывести за пределы группировки. А вот с точки зрения вчерашнего вассала, объединившегося с другими такими же в олигархию, более могущественный партнер по группировке – потенциальный сюзерен, которому тоже пригодятся вассалы. Может быть, выгоднее поддержать такого человека, а не подвергать его остракизму? Вассал может понимать, что новый сюзерен в конечном счете предпочтет собственных вассалов, и быстро избавится от ненадежных союзников; но если у такого вассала нет навыков работы в режиме олигархии, он все равно предпочтет привычные иерархические отношения.

Безусловный рефлекс любого человека власти – выбирать самого сильного и стараться попасть к нему в вассалы. Но стабильная олигархия требует полностью противоположного рефлекса: объединяться со слабыми против сильного! Вот почему олигархии недолговечны, и вот почему длительно существующая олигархия называется *аристократией*. Рефлекс остракизма сложно выработать самостоятельно, его можно лишь получить по наследству, от уже убедившихся в выгоде [\[396\]](#) совместного правления родителей. Но и в этом случае он будет полезен лишь в окружении *таких же аристократов*, готовых объединяться против сильного; между обычными людьми подобное «благородство» гарантирует поражение.

Помимо остракизма (прямого изгнания возвысившегося из властной группировки) Аристотель описывает и более мягкий (но не менее действенный) принцип, проверенный веками античной истории. Он заключается в противодействии возможностями отдельных лиц урвать себе большую долю общественных доходов. Для этого в Античности широко практиковались всевозможные квоты на занятия государственных должностей (например, не более одного человека от одной семьи), регулярная сменяемость должностных лиц и даже назначения на должности по жребию. В наши дни этот принцип детально разработан в теории Управления, начиная с «рациональной бюрократии» Вебера и заканчивая любым современным учебником по менеджменту, поэтому мы здесь ограничимся лишь его упоминанием. Далеко не все подчиненные человека Власти являются его вассалами, и по отношению к остальным методы Управления будут работать лучше, чем методы Власти.

Практик. Но при этом обязательно нужно помнить, что против *людей Власти* методы управления не

работают никогда. Вообще никогда!

Теоретик. Подведем итоги. Понимание Власти, изложенное Аристотелем в «Политике», существенно отличается от понимания классических китайских книг: если у китайцев в центре внимания находился «мандат Неба» и «стратагемы» (уловки и хитрости в борьбе за власть), то Аристотеля заботит правильность государственной политики, позволяющая в зародыше пресекать всякую борьбу за власть (и делающая «стратагемы» бессмысленными). Перечисляя многочисленные распри и перевороты, Аристотель нисколько не интересуется тактическими приемами и хитростями – в его представлении, коль дело дошло до открытого мятежа, государственная политика уже никуда не годилась.

Богатый фактический материал, предоставленный Аристотелю самой историей, позволил ему описать многие законы Власти. В то же время целостной концепции Власти Аристотель не создал, да и не ставил себе такой задачи; его больше интересовало рассмотрение идеи блага на примере государственного устройства, и на Власть он смотрел как на средство обеспечения «справедливости», а не как на высшую ценность (каковой она представляется настоящим людям власти). В результате, хотя Аристотель местами практически предвосхитил Макиавелли, его «Политика» не воспринималась как книга Сатаны, а, напротив, легла в основу идеологии «справедливого монарха» («доброго царя»).

3. Асабийя и мулк

Ибн Хальдун, Мукаддима (1377)

Теоретик. Быть может, уважаемый читатель, вы уже обратили внимание на то, что открытия и

изобретения в теории Власти не придумываются теоретиками, а сначала возникают в повседневной практике Власти и лишь потом, иногда спустя тысячи лет, формулируются мыслителями в виде законов и правил. Враждующие царства Китая позволили осознать тонкости политической интриги, а полисы Древней Греции – методы поддержания стабильной государственной власти. Можно предположить, что очередное достижение в теории Власти также потребует *особой* территории, с отличающимся как от китайского, так и от древнегреческого образом жизни.

Появления такой территории пришлось ждать почти две тысячи лет. Полисная цивилизация Эллады оказалась недолговечной, и монархия снова стала господствующей на Земле формой правления. Римская республика превратилась^[397] в Римскую империю, поставившую под свое владычество все Средиземноморье. Римская империя распалась на Западную и Восточную; Западная рухнула под натиском варварских королевств, Восточная превратилась в Византийскую, но так и осталась империей. Одно тысячелетие сменялось другим, а единоличное правление оставалось единственной формой Власти, выживавшей в реальном мире. В этих условиях древнегреческая классификация государств казалась безнадежно устаревшей, и место рассуждений о «справедливости» занял куда более древний и более надежный «мандат Неба» в виде **священного права королей**^[398]. Власть казалась, да и почти повсюду^[399] и оказывалась личным свойством конкретного лица, и все размышления о ней полностью укладывались в китайскую традицию заговоров и интриг.

Подходящие условия, способствующие открытию новых законов Власти, сложились только к началу XIV века, и не в Европе, а на территории Северной Африки

(левая ее часть на карте, от Марокко до Туниса). Автор этих открытий, Абу Зейд ар-Рахман ибн Мухаммад аль-Хадрами, известный как Ибн Хальдун (1332-1406), был современником исторических событий, которые мы сегодня воспринимаем как древние мифы. Авиньонское пленение пап, эпидемия Черной смерти, Столетняя война, Куликовская битва и завоевания Тамерлана – все это происходило при жизни Ибн Хальдуна, но к изучению Власти его подтолкнула совсем другая история.

Родную для Ибн Хальдуна Северную Африку в те годы можно было с полным правом назвать полем боя между цивилизацией и варварством. Узкая полоска плодородной земли вдоль Средиземного моря способствовала возникновению торговых (и пиратских, как же без этого) городов-государств. Но уже в сотне километров в глубь континента начиналась громадная пустыня, кормившая миллионы^[400] кочевников-скотоводов. Численное и военное превосходство берберских (а позднее и арабских) племен над городами было несомненным, и, чтобы выжить, городам приходилось нанимать одни племена против других:

«Все племена делились на две большие группы – племена махзен, или так называемые "казенные", и племена райя, или "подчиненные, податные". Племена махзен разводили верблюдов, имели право носить оружие и, самое главное, крайне тесно были связаны с государственным аппаратом.

В их задачу входило собирать налог с "податных" племен и с некоторых районов; они составляли главную военную силу государства...» [Игнатенко, 1980, с. 11].

Читатель. Непонятно. Если племена составляли главную военную силу, то почему они подчинялись городам-государствам, а не наоборот?

Теоретик. Зная теорию Власти, вы легко сможете ответить на этот вопрос. Во-первых, потому что племен много, а государство (когда оно существует) одно. Попытка какого-то племени захватить центральную власть могла быть подавлена с помощью других племен (как чаще всего и случалось). Во-вторых, «власть даром не раздается, поскольку приобретена аналогичным путем». Что из себя представляли государства Северной Африки в XIII– XIV веках? Наследственные династии, созданные вождями племен, которым все же удалось захватить столичные города!

В 1069 году предводитель племени санхаджа (воинов которой прозвали альморавидами – «праведниками пустыни» – за обычай закрывать часть лица для защиты от сглаза) Юсуф ибн Ташфин захватывает Фес (столицу тогдашнего Марокко) и основывает династию Альморавидов. К концу века государство Альморавидов простирается от Сарагосы в Испании до Алжира на западе Северной Африки.

В 1120 году в столицу Альморавидов Марракеш прибывает харизматический проповедник Ибн Тумарт и начинает пропаганду учения о махди, призванном очистить мир от скверны (под «махди» он конечно же подразумевает себя любимого). Проповедь продолжается в окрестных горах и пустынях, племена одно за другим подпадают под обаяние самопровозглашенного махди и присягают ему на верность. В горах Атласа создается государство альмохадов («исповедующих единство божие»). Начинается война с базирующимися на равнине Альморавидами^[401], которая в 1146 году завершается взятием Марракеша. На смену альморавидам приходят альмохады, вскоре (к 1160 году) подчиняющие себе огромную империю – от Испании до Туниса.

Однако уже в 1224 году в династии начинаются проблемы (один правитель задушен в собственных покоях, другой – утоплен в бассейне, за власть сражаются несколько одинаково сильных группировок), и конкурирующие с санхаджа племена поднимают голову. Племя бану марин начиная с 1216 года вторгается в Марокко из Сахары, в 1244 году вождь племени Абу Яхья раздает своим вассалам еще не завоеванные (!) земли Марокко, чем обеспечивает их сплоченность. В борьбе с бану марин Альмохадам приходится обращаться за помощью к племени абд аль-вад, но даже это не помогает, и в 1248 году Абу Яхья захватывает Фес (древнюю столицу Марокко). Так на карте Северной Африки появляется очередное государство. Не отстает от своих соседей-врагов и племя абд аль-вад – под предводительством Ягморасан Ибн Зайяна оно создает собственное государство со столицей в городе Тлемсен.

Рисунок 4. Продолжительность правления арабских династий [Игнатенко, 1980, с. 104-105]. Медиана –

*120 лет, половина династий теряла
власть до 121 года своего правления*

Мы снова видим, как географические факторы – сочетание судоходного Средиземного моря и примыкающей к нему огромной пустыни – способствовали возникновению особого жизненного уклада. В полисах Древней Греции неоткуда было взяться племенным вождям (все «племена» на территории Греции давно стали рабами); в Древнем Китае, напротив, так и не появились городов-государств (не было судоходного внутреннего моря). В Северной Африке хватало и тех, и других – и у истории появился новый сценарий, «варвар на троне», рождение и гибель династий, основанных племенными вождями^[402].

Ибн Хальдуну «посчастливилось»^[403] провести большую часть своей жизни в самой гуще подобных событий. На его глазах захватывались города и гибли правители, плелись интриги и привлекались в союзники племена. Даже поверхностный очерк истории, который вы только что прочитали, заставляет задуматься: почему, захватив города и огромные территории, династии оказываются не в состоянии их сохранить на сколько-нибудь длительное время? Почему малообразованные и довольно примитивные племена раз за разом выдвигают вождей, способных выигрывать войны и основывать династии, а сами династии ослабляются и деградируют, иногда вплоть до ежемесячных дворцовых переворотов, так что средняя продолжительность жизни этих династий ненамного превышает срок жизни одного человека (рисунок 4 с предыдущей страницы)?

Потерпев поражение в многолетних политических интригах, Ибн Хальдун получил дополнительный стимул задуматься над этим вопросом. Удалившись в провинциальный городок, он посвящает несколько лет

своей жизни научным изысканиям, параллельно работая над историей Северной Африки и над ее теоретическим осмыслением. В 1377 теоретическая работа завершена^[404]: за несколько месяцев Ибн Хальдун пишет свою знаменитую Мукаддиму («Введение в историю», «Пролегомены» – в разных вариантах перевода). Ответы на мучившие его вопросы найдены, душевный покой обретен, и на смену неудачливому политику приходит повсеместно признанный мудрец.

Читатель. Ну хватит тянуть, говорите уже ответ! Что он такого открыл? Явно ведь не хитрый способ захватить власть – иначе мы бы знали его как султана или эмира. Так что же?

Теоретик. Попробуйте догадаться. Что можно открыть, ответив на вопрос: почему одни захватывают власть, а другие ее теряют?

Читатель. Источник власти, что ли? То, что у одних есть, а у других было, да сплыло?

Теоретик. Вот видите, как все просто, если немного подумать. Все верно: Ибн Хальдун действительно открыл **источник Власти** – то, что отличает победителей от побежденных, восторжествовавших правителей от свергнутых.

Читатель. Что, в самом деле? Самый настоящий источник Власти – тот, что и сейчас работает во властных разборках? И он его открыл в XIV веке?

Теоретик. А что Вас так удивляет? Ведь мы уже знаем, что Власть во все времена одинакова и меняются лишь ее маски.

Читатель. Да просто я про Ибн Хальдуна только из вашей книги и узнал. А если бы он открыл что-то стоящее, об этом, наверное, на каждом углу кричали бы. Вот с Макиавелли, например, никаких сомнений, он точно что-то такое открыл. А Ибн Хальдун... Что-то не верится!

Теоретик. А зря не верится. Мы ведь уже предупреждали о главной особенности теории Власти: что-то действительно стоящее в ней приберегается для внутреннего пользования, а широкой публике выдаются лишь идеологические мифы («мандат Неба») или общеизвестные банальности (вроде китайских «стратагем»). К тому же сама Власть успешно скрывается за разными масками (государствами, классами, корпорациями), и знания о ней обычно затеряны среди других, не менее интересных сведений. Так что чем менее известен теоретик Власти, тем более ценные знания можно у него обнаружить. Открытия Макиавелли мы рассмотрим буквально через несколько страниц, и у вас будет возможность сравнить их с результатами Ибн Хальдуна, к изложению которых мы наконец-то и переходим.

С первых же страниц «Мукаддимы» понимающему человеку становится ясно, что речь в ней пойдет не совсем про историю. История, говорит Ибн Хальдун, это всего лишь совокупность сообщений о событиях, причем очень часто эти сообщения оказываются стопроцентной ложью. Как отличить ложь от правды и получить достоверную картину происходящего? Вопрос, достойный настоящего человека Власти; обычный ответ на него – фильтровать сообщения, используя лишь доверенные источники. Но мы уже знаем (из китайских стратагем), что «доверенные» источники часто оказываются самыми ненадежными; знает это и Ибн Хальдун, и потому предлагает совершенно другой способ проверки сообщений:

«Исследовать их надлежит, опираясь на знание о природе обустроенности^[405]. Это – наилучший и наивернейший способ исследования сообщений и отделения в них правды от неправды. Он предшествует установлению справедливости передатчиков... если же

оно [сообщение] невероятно, то нет никакой пользы от установления справедливости или несправедливости...» [Смирнов, 2008, с. 5].

Располагая достоверным «знанием о природе обустроенности», можно избегать смертельно опасных ошибок; но что это за знание и откуда его взять? Да из моей же книги, отвечает Ибн Хальдун:

«Необходимо взглянуть на людское общежитие, каковое представляет собой обустроенность, и отделить в нем состояния, которые оно испытывает благодаря самому себе и которые обусловлены его природой, от тех, что привходящи и не идут в счет, а также от тех, что вообще не могут иметь места...

Представляется, что это – самостоятельная наука... Эта наука, как представляется, создается вновь. Клянусь жизнью, ни у кого не встречал я ничего похожего...» [Смирнов, 2008, с. 6].

Общие правила обустроенности, позволяющие отличать правду от лжи в сообщениях, а вовсе не история как совокупность самих этих сообщений, – вот что интересует Ибн Хальдуна, и вот чем он решился поделиться с читателями. Ну а поскольку «обустроенность» в тогдашней Северной Африке представляла собой постоянную борьбу за власть с установлением и разрушением правящих династий, то перед нами действительно новая наука, и это – **наука о Власти**. Главной целью Ибн Хальдуна в этой науке является *проверка достоверности сообщений*, а не захват власти и не ее восхваление, его интересует, как Власть устроена сама по себе^[406], пусть даже такое знание и покажется кому-то неприятным:

«Многие из государственных мужей... обладающие трезвостью в политике, могут обратить внимание на признаки разрушения, которые постигают их государство, и посчитать, что этого можно избежать.

Они принимаются исправлять государство, улучшать его составные части и оздоравливать его, стремясь уберечь от этого разрушения. Они считают, что несчастье постигает их государство из-за небрежения или глупости тех государственных мужей, которые были до них. Но это не так. **Это разрушение природно**» [Игнатенко, 1980, с. 62].

С таким беспощадно-объективным подходом и впрямь можно докопаться до истины. Итак, что же такое имеется у примитивных племен, воюющих под знаменами очередного вождя или пророка, и отсутствует у столетних династий, владеющих городами, кораблями и мощным чиновничьим аппаратом?^[407] Какая сила создает новые государства, а потом утекает прочь, обрекая их на неминуемую гибель?

Рассмотрев вместе с Ибн Хальдуном различия в *обустроенности* племен и государств, мы узнаем ответ на этот вопрос. Ибн Хальдун (задолго до Маркса) справедливо замечает, что жизненный уклад различных народов определяется тем, как они добывают себе пропитание:

«Знай, что состояния народов различаются так, как различаются их способы добывания средств к жизни... земледельцы и животноводы действуют по зову необходимости. Для них неизбежно открытое пространство^[408], поскольку оно предоставляет им земельные угодья, выгоны и пастбища для скота. Вот почему связанность с открытым пространством в их случае необходима... [а добывание средств к жизни] ограничивается поддержанием существования и куском хлеба, не более того, поскольку большего они достичь не в состоянии... если положение людей, добывающих средства к жизни, улучшится, они начнут сотрудничать в добывании превышающего необходимое... разбивать

города и населенные пункты для огороженной оседлой жизни... Это – обитатели огороженных пространств^[409]... Одни из них добывают средства к жизни ремеслами и искусствами, другие – торговлей. Их доходы... обильней и дают больший достаток... и они имеют сверх необходимого...» [Смирнов, 2008, с. 19-20).

Слово «необходимый» не случайно так часто встречается в приведенном тексте. Ибн Хальдун полагал, что действия людей, вызванные необходимостью (то есть единственно возможные), намного более предсказуемы, и именно их нужно исследовать в первую очередь. Поэтому жизнь на открытых пространствах, полностью контролируемая необходимостью (не будешь разводить верблюдов – умрешь с голоду), представлялась ему основой человеческой жизни, на которой периодически расцветают и тут же опадают «цветы цивилизации»^[410].

Обнаружив разницу между «бидава» и «хидара» – открытое и огороженное пространство, отсутствие и наличие «роскоши» (потребления сверх необходимого), – Ибн Хальдун задается следующим вопросом: а как эти различия отражаются на «человеческих качествах» населения? Здесь снова обнаруживается существенная разница:

«Нравы людей таковы, что меж ними царит несправедливость и вражда: кому приглянулось имущество брата, тот уж тянет к нему руки, если только не сдержит его какой-нибудь усмиритель...

В городах взаимную вражду людей сдерживают правители и государство: они связывают руки всем нижестоящим, так что одни не могут затронуть других или напасть на них. Внешних врагов сдерживают укрепленные стены...

Что касается жителей открытых пространств, то у них [порядок] поддерживают шейхи и старейшины благодаря всеобщему почтению и уважению к ним. От внешнего нападения их очаги охраняют защитники из числа воинов и юношей... Однако они станут охранять и обороняться, только если представляют собой спаянность^[411]...» [Смирнов, 2008, с. 21-22].

Где нет укрепленных стен и «вертикали власти», там можно выжить только держась друг за дружку, коллективно, «всем миром» сопротивляясь внешним врагам. *«Жить на открытых пространствах могут лишь племена – носители спаянности»*, – так называется 7-я глава II части «Мукаддимы». А вот в городских стенах спаянность перестает быть необходимой!

Асабийя – «спаянность», «чувство локтя», «сплоченность» – вот что отличает примитивные племена от цивилизованных, защищенных стражей и стенами, а потому «свободных от необходимости» жителей городов. Конечно, какое-то время и у какой-то части горожан асабийя вполне возможна; но с *необходимостью* она будет возникать и воспроизводиться только у племен, живущих на открытых пространствах. Собственно, на этом чтение самой «Мукаддимы» можно прекратить (хотя мы не будем) и вывести все ее дальнейшее содержание самостоятельно.

Читатель. Я правильно понял, что эта «асабийя» и есть настоящий источник Власти?

Теоретик. Да, правильно.

Читатель. Поэтому итальянская мафия поднялась в Америке, а евреи так и вовсе по всему миру?

Теоретик. Грубо говоря, да.

Читатель. Странное дело, верблюдов в пустыне пасут бедуины, а поднялись сицилийцы с евреями. Противоречие получается!

Теоретик. Давайте еще вспомним первых христиан, за несколько веков распространивших свою веру на всю Римскую империю, или последователей Мухаммеда, создавших халифат. Со сплоченностью у них тоже все было в порядке, хотя они и не «пасли верблюдов»! Если Ибн Хальдун знал только один способ производства сплоченности (жизнь кочевого племени), это вовсе не означает, что других способов не существует. Понимание, что источником власти является сплоченность – это открытие, а то, как ее создавать, – изобретение. Но мы уже договорились, что открытие важнее изобретения; если вы знаете общий принцип, придумать его конкретную реализацию – дело техники.

Читатель. Все равно не могу поверить. Я с детских лет читал, что Власть – грязное дело, что там нужно постоянно предавать и обманывать и все такое прочее. И вдруг оказывается, что в ней самое главное – сплоченность, чувство локтя, мир-дружба-солидарность! Почему об этом никто не пишет?

Теоретик. Действительно, странное дело – почему никто не пишет правду о Власти?

Читатель. Хм. Хотите сказать, что чем раскрученнее автор – тем больше он врет? Ну посмотрим, что вы расскажете про Макиавелли. И постойте – а почему тогда сам Ибн Хальдун написал эту правду? Как ему такое в голову пришло и кто позволил?

Теоретик. Если вы читали первую часть нашей книги, то могли бы догадаться, кто позволил. Племена, чью асабийю так расхваливал Ибн Хальдун, и позволили – потому что именно они и являлись в те годы главной военной силой в Северной Африке. А что касается «как ему такое в голову пришло?» – ну вот есть такая особенность у некоторых людей, что хлебом их не корми, дай только докопаться до правды. Таким был Квигли, которому знание о закулисной политике Великобритании жгло язык 30 лет, до самой смерти,

только после которой он и решился все это опубликовать. Власть, конечно, самая большая сила в человеческом обществе, но есть люди, которым и она не указ.

Практик. Тут есть еще одна тонкость. Те, кого Власть по какой-то причине не пустила играть в нее до конца, и склонные к аналитическим размышлениям эту свою потребность к игре компенсируют размышлениями о сути тех или иных вещей. В некотором смысле это взаимозаменяемые потребности: победить в интриге и решить сложную задачу. Ну а дальше, такие люди все свое понимание Власти используют для того, чтобы им не мешали рассказать о своих открытиях миру. «Чистый» ученый, идущий против «мейнстрима», скорее всего, погибнет, вместе со своими мыслями, человек Власти в такой ситуации может и выиграть.

Теоретик. Вернемся к вашему предыдущему вопросу. Допустим, асабийя-сплоченность и в самом деле ключевой фактор в борьбе за Власть. Почему же тогда ему уделяется так мало внимания (один Ибн Хальдун за несколько тысячелетий) и так много авторов пишут про интриги, подлость, жестокость и все такое прочее? Только ли потому, что правду о Власти нельзя говорить? Очевидно, что нет, ведь интриги и насилие *тоже работают*. Устранение конкурентов – столь же важная составляющая борьбы за Власть, как и поддержание вассальной верности. Почему же

Ибн Хальдун (и мы вместе с ним) полагал, что источником Власти является именно асабийя, а не (к примеру) искусство интриги?

Ведь он прекрасно понимал, как устроен реальный мир: какой бы идиллической [\[412\]](#) ни была асабийя исходного племени, образование племенного союза, а уж тем более создание собственной династии требует уже других отношений.

«Главенство же принадлежит у них не всем, а какому-то определенному кругу. А поскольку главенство бывает благодаря преобладанию, из этого необходимо следует, что спаянность этого круга сильнее, нежели прочих групп: благодаря этому он получает преобладание и осуществляет главенство...» [Смирнов, 2008, с. 24].

«...люди, устраивая общежитие, нуждаются в усмирителе и правителе, который удерживал бы их друг от друга. Вот почему в силу той же спаянности он должен преобладать над ними... Такое преобладание и есть владение^[413] (мулк).

Это – нечто дополнительное в отношении главенства. Главенство – это господство, его носителю люди покорны без принуждения с его стороны. Владение же – это преобладание и правление благодаря принуждению» [Смирнов, 2008, с. 26-27].

Асабийя возможна лишь среди небольшой, долго жившей совместно группы людей; распространить свое главенство на большее население можно лишь в форме владения, подменив подчинение из уважения подчинением из страха. Поэтому, хотя асабийя и лежит в основе всякой династии, заметить ее в условиях «огороженного пространства» практически невозможно:

«Это [асабийя] далеко от понимания людей. Они игнорируют это, ибо забыли эпоху, когда устанавливалось государство в самом его начале. Длительное время их жизни в условиях цивилизации при ней сменялись их поколения одно за другим, и не ведают они, каково было творение бога в начале существования государства. Они видят государственных мужей, только когда укрепилось их дело, и им было все передано, и стала ненужной для них асабийя...» [Игнатенко, 1980, с. 138].

«Укрепившись, государство может обойтись без асабийи», – гласит заголовок 2-й главы III части «Мукаддимы». Коль скоро мы уже живем в государстве, шансы разглядеть в нем остатки асабийи ничтожны; вокруг только мулк, только «владение», принуждение и насилие. И если полагать такое государство вечным, то действительно нужно изучать обман и интриги, забросив «асабийю» куда подальше. Но в том-то все и дело, что Ибн Хальдун считал государство преходящим, несовершенным и **обреченным на гибель** способом существования! Смерть государства таится в самой его природе, подменяющей естественную общность людей (асабийю) внешним принуждением (мулком) и приводящей к единоличной власти:

«Возникает стремление к самообожествлению, что в природе людей, плюс требуемое политикой единовластие, чтобы все не развалилось из-за расхождений между многими властвующими... И он единовластно распоряжается властью, отталкивая других от соучастия в ней. Это может произойти с первым из владык государства, а может только со вторым или третьим в зависимости от степени сопротивления группировки и ее силы, но в государствах это неизбежно» [Игнатенко, 1980, с. 140].

Становление единоличной власти правителя неизбежно приводит к конфликту с его собственной (даже самой близкой) группировкой, помнящей времена «главенства», а не «владения»:

«Если же наступил второй фазис и кто-то один стал самоуправно распоряжаться и себе одному присваивать величие... то они [бывшие соратники] становятся его настоящими врагами и он начинает нуждаться в близости кого-то другого, чужаков, на которых он опирается в борьбе против бывших соратников... Он наделяет чужаков властью над теми [\[414\]](#)...

Держава - не тем, кто ее создавал, а слава - не тем, кто ее добывал» [Игнатенко, 1980, с. 142].

Последняя фраза исчерпывающе характеризует отношение Ибн Хальдуна к современным ему (да и вообще всем) государствам: хотя поведение правителей и соответствует *их природе*, оно все равно вызывает сожаление. Тем более что результатом такого поведения являются порча и гибель государства:

«Знай, что подготовка государства и его создание осуществляется асабийей. Неизбежно должна существовать крупная группировка, объединяющая и ведущая за собой другие группировки... После возникновения владения разрушительные роскошь и насилие окружают людей... Ревность государя превращается в страх за то, чем он владеет, и он начинает убивать их и уничтожать, лишать их благополучия и роскоши, к которой они привыкли. И они гибнут и уменьшаются числом, и разрушается асабийя государя... Он заменяет ее приспешниками - благодетельствованными чужаками, и из них образуется новая асабийя. Но это не та тесная связь, подобная узде... Это чувствуют люди других группировок и начинают выступать против него и его приспешников...» [Игнатенко, 1980, с. 145].

Ибн Хальдун хорошо представлял себе «жизненный цикл» современного ему государства. Он прямо писал, что у государств, как и у человека, существует естественная **продолжительность жизни** - три поколения, или 120 лет^[415]. Первое поколение несет в себе асабийю жизни на открытых пространствах, второе привыкает жить за городскими стенами в условиях мулка, третье окончательно погрязает в роскоши, «привыкает пресмыкаться и повиноваться» и становится неспособно к сопротивлению внешним захватчикам.

Этим трем поколениям соответствуют пять фаз жизни государства (фазы не совпадают с поколениями, поскольку некоторые из них возникают при жизни одних и тех же людей): 1) победы над врагами и основания государства, 2) формирование единоличного правления и перехода от асабийи к мулку, 3) благоденствие и демонстрация могущества, в том числе строительством зданий и городов, 4) застоя, когда главной задачей становится поддержание стабильности, «чтобы все шло как всегда», 5) расточительства, растрат и безумств, когда очередной правитель не интересуется ничем, кроме собственных удовольствий. На этой стадии начинаются дворцовые перевороты, мятежи, вторжения врагов – и ослабленному и выродившемуся государству приходит конец.

Согласно Ибн Хальдуну, воспрепятствовать такому развитию событий невозможно: он не знает другого способа создания асабийи, кроме «жизни на открытых пространствах». Создав государство, люди тем самым отказываются от естественного источника Власти в пользу его суррогата (насилия) и вступают на дорогу, с которой нет возврата. Вот почему Ибн Хальдун нисколько не интересовался приемами интриг и искусством обмана; в его представлении, все эти приемы борьбы за власть лишь ускоряли неизбежную деградацию общества и еще быстрее вели к гибели государства. Источником Власти для Ибн Хальдуна оставалась естественная сплоченность, встретить которую можно было лишь у примитивных племен.

Нам, европейским жителям начала XXI века, пессимизм Ибн Хальдуна может показаться устаревшим. На нашей короткой памяти (с 70-х годов прошлого века) еще не было случая, чтобы европейское государство рухнуло вследствие деградации Власти и

было захвачено новыми носителями асабийи^[416]. Да и во времена Ибн Хальдуна далеко не везде на Земле имелись примитивные племена, готовые в любое время вторгнуться в пределы цивилизации. Но если сформулировать его теорию в чуть более общем виде – как вечный цикл смены «состарившихся» властных группировок новыми, молодыми и малочисленными, обладающими большей сплоченностью, – то нельзя не ощутить холодок в спине. Как знать, может быть, кто-то из читателей этой книги и есть та будущая элита, что придет на смену погрязшим в роскоши современным правителям^[417]?

Практик. А если мы вспомним проблемы мусульманского населения современной Западной Европы? Уже достаточно много экспертов всерьез рассматривают вопрос о том, не разрушат ли они своей верой и сплоченностью мультикультуралистское общество Евросоюза? Кстати, именно национальная асабийя позволила албанцам отобрать у Сербии ее сердце – Косово. Так что Ибн Хальдун актуален не только для XIV века!

Теоретик. Подведем итоги. Главное открытие Ибн Хальдуна – асабийя, сплоченность в качестве источника всяческой власти. Именно сплоченность, верность общей цели позволяет самой организованной группировке подчинить себе все остальные; но в таком увеличившемся сообществе асабийя уже не работает, и подменяется мулком (принуждением). Сплоченность из-под палки оказывается плохой заменой исходной асабийе, и Власть начинает необратимо разрушаться. Отсюда следует второе открытие Ибн Хальдуна: **цикличность** любой Власти, неизбежность наступления периода разложения и смут, за которым столь же неизбежно Власть переходит в руки новой, более сплоченной группировки.

4. Судьба и доблесть Макиавелли, «Государь» (1513), «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия» (1517)

Читатель. Судьба? Дobleсть? Что за странный заголовок? Все же знают, что макиавеллизм – это «скрывать за улыбкой кинжал», как удачно сформулировали китайцы, мораль напоказ и абсолютная аморальность на деле.

Теоретик. Скажу больше, «макиавеллизм» можно даже измерить. В 1970 году американские психологи Кристи и Гейс опубликовали тест, МАСН-IV, выявляющий у испытуемого желание и умение манипулировать другими людьми. Так что общепринятое (причем еще с XVII века, когда в английском языке появляется это слово) понимание «макиавеллизма» действительно ничего общего не имеет с «судьбой» и «доблестью». Макиавеллизм – всего лишь жестокость, замаскированная хитростью, одна из 36 стратагем, возведенная в абсолют.

Макиавеллианец в современном понимании – это психопат-манипулятор, который обманет и убьет вас без малейших угрызений совести. Неудивительно, что свою книгу о Макиавелли Стретерн начинает так: *«От одного упоминания имени Макиавелли кровь стынет в жилах»*. Еще 1539 году английский католический кардинал Реджиналд Поул писал в письме королю Испании Карлу V: *«Этот человек – враг рода человеческого и палец Сатаны. Яд, им изливаемый, распространяется повсеместно, даже и при дворах государей»*. В 1559 году «Государь» был внесен в знаменитый Индекс запрещенных книг католической церкви. С тех пор отношение к Макиавелли и его произведению не сильно изменилось; когда в 1972 году

Киссинджера спросили в интервью, не повлиял ли на его политическую философию Макиавелли, прожженный политик горячо открестился от этого обвинения – нет, нет, никогда, ни за что на свете! [Скиннер, Введение]. И тем не менее какой будет ваша первая ассоциация на слова «книжка про власть»?

Конечно же «Государь». Книга, которая учит худшим порокам и написана исчадием ада, является сегодня *общепризнанным учебником Власти*. Остановимся и немного подумаем – как такое возможно? Казалось бы, дело в том, что Власть и на самом деле требует лживости и жестокости, вот правда о ней и стала такой популярной. Но как мы уже хорошо знаем, Власть не любит раскрывать свои тайны; как же она допустила не просто утечку «правды», но и ее всемирную популярность?! Одно из двух: либо в случае с Макиавелли Власти не удалось утаить «правду», либо эта «правда» на деле **немногого стоит**. Проверка первого предположения весьма трудоемка (нужно реконструировать всю историю публикаций о Макиавелли), а вот второе мы можем проверить прямо сейчас. Что такое «макиавеллизм»? «Скрывать за улыбкой кинжал»? *Одна* из 36 китайских стратагем?

Читатель. Вон вы как все повернули! Я сразу вспомнил того египетского султана, который заказал перевод Макиавелли. Он его даже дочитывать не стал, а у нас, европейцев, Макиавелли – исчадие ада и великий учитель. Получается, что его популярность – от нашей европейской необразованности? От того, что мы не хитрые, как сто китайцев?

Теоретик. На первый взгляд так и есть, мы ведь уже писали, что проиграем китайцам чемпионат по хитрости. Но вот завыка – это европейские завоеватели приплыли в Китай, а не наоборот. Европейская модель власти оказалась [\[418\]](#) эффективнее,

чем хитрость «ста китайцев»; европейские властные группировки разбирались во Власти несколько лучше, чем китайские. То, что на Востоке казалось самым главным во Власти (обман и интриги), за Западе к какому-то веку стало (среди людей Власти, конечно) общеизвестной банальностью. Банальностью, которую можно бросить конкурентам, как кость собакам, чтобы отвлечь их от чего-то более важного.

Читатель. Вы хотите сказать, что Макиавелли был сознательно распиарен?!

Теоретик. Нет. Такие утверждения нужно доказывать, а это выходит за рамки нашей достаточно поверхностной книги. Мы хотим сказать, что общеизвестный «макиавеллизм» **не является** сколько-нибудь оригинальным (у китайцев того же самого в десятки раз больше) и полезным (сила европейской Власти была в чем-то другом) знанием. Его широкое распространение – миллионные тиражи «Государя» – никак не затрагивало интересы настоящей Власти. А вот была ли у Власти какая-то причина содействовать такому распространению – этого с уверенностью сказать нельзя...

Читатель. Ну хорошо, вы меня практически убедили. Значит, Макиавелли – распиаренная пустышка, морковка перед носом осла. Но все-таки откуда в заголовке судьба и доблесть?!

Теоретик. С вашего позволения, я закончу. Итак, нельзя сказать с уверенностью, был ли у Власти мотив раскручивать «стратагемного» Макиавелли. Но заподозрить такой мотив мы, как исследователи Власти, просто обязаны. С какой целью из работ какого-то ученого выхватываются и широко рекламируются отдельные положения? Как правило, с целью приглушить или вовсе замолчать остальные его результаты. Поэтому, столкнувшись с феноменом бешеной популярности автора, пишущего на первый

взгляд какие-то банальности, имеет смысл присмотреться к его работам внимательнее. Нет ли там какого-нибудь «второго слоя», доступного лишь посвященным?

Начнем наши поиски с простого вопроса: какое из двух сочинений Макиавелли более полно отражает его теорию власти? В самом начале «Государя» Макиавелли пишет: «Я не стану касаться республик, ибо подробно говорю о них в другом месте» [Макиавелли, 2002, с. 59]. Этим «другим местом» принято считать «Рассуждения», действительно частично посвященные республиканскому Риму. Но вы уже знаете (из заголовка), что «Государь» был написан в 1513 году^[419], а «Рассуждения» только в 1517-м. Ссылаться в 1513 году на работу 1517-го Макиавелли мог только в одном случае: если в 1513-м она уже существовала хотя бы в набросках. Тенненбаум [2012] указывает, что «Государь» писался наскоро (Макиавелли еще питал надежды вернуться на службу^[420]) и представлял собой выжимки (относительно единоличного правления) из общей рукописи, которая и стала в конечном счете «Рассуждениями». Вот и первая находка: в полном виде теория Макиавелли изложена вовсе не в «Государе», а в «Рассуждениях о первой декаде Тита Ливия».

Двинемся дальше. Какую теоретическую (а быть может, даже *практическую*) проблему решает Макиавелли в своем главном труде? Зачем он вчитывается в историю древнего, еще республиканского Рима^[421], сравнивая события давно минувших дней с современной ему историей Италии? Ответ на этот вопрос хорошо известен: Макиавелли, не мысливший себя вне политической деятельности^[422], больше всего на свете хотел гордиться родной Италией. К восстановлению ее *величия* призывал он потенциальных читателей своего «Государя» (глава 26

так и называется – «Призыв овладеть Италией и освободить ее из рук варваров»); о *величии* Рима писал он едва ли не на каждой странице «Рассуждений». Казалось бы, имея перед глазами блистательный пример Римской республики, правители Италии должны были в точности знать, что им нужно сделать для восстановления былого *величия*. Но нет, огорчается Макиавелли:

«Мы, однако, не сыщем государя или республику, которые следовали бы примеру древних во внутренних учреждениях, поддержании власти, управлении царством...» [Макиавелли, 2002, с. 139].

Почему же успешный опыт Римской республики оказывается не востребовавшимся? Макиавелли полагает, что причина этому – фаталистическое отношение к жизни:

«Я знаю, сколь часто утверждалось раньше и утверждается ныне, что всем в мире правят судьба и Бог, люди же с их разумением ничего не определяют и даже ничему не могут противостоять; отсюда делается вывод, что незачем утруждать себя заботами, а лучше примириться со своим жребием» [Макиавелли, 2002, с. 129].

Для современников Макиавелли (напомним, что жили они 500 лет тому назад, и с тех пор многое изменилось) понятия «судьба» (фатум) значило нечто иное, чем для нас с вами. Приведем характерную цитату из книги Скиннера^[423] [2009]:

«Один из участников [литературного кружка, куда входил Макиавелли], Антонио Бручиоли, позже будет вспоминать в своих "Диалогах", что участники постоянно обсуждали влияние фатума на жизнь республик – как республики возносились к собственному расцвету, как сохраняли свободу, как

постепенно наступал упадок и неизбежный конец» [Скиннер, 2009, гл. 3].

Вы можете представить себе современных интеллектуалов, *постоянно* обсуждающих «влияние судьбы» на что бы то ни было?! А вот во времена Макиавелли это было в порядке вещей. Судьба, фатум понимались тогда не как случайность («судьба – не судьба»), а как синоним предустановленного (например, Богом) порядка вещей, который человеку не дано изменить. Сегодня место «судьбы» в рассуждениях интеллектуалов заняли «законы природы», и вот про них мы уже можем спорить до бесконечности.

Итак, большинство в эпоху Макиавелли полагает, что, быть Италии великой или нет, зависит исключительно от *судьбы*, а не от усилий отдельных людей. Задача Макиавелли – опровергнуть это господствующее заблуждение, показать, что величие Рима не случайно, а прямо следует из его государственного устройства и того, что мы сегодня назвали бы «культурой». Иными словами – найти настоящей и долговременный (Римская республика просуществовала около 500 лет) источник Власти.

Читатель. Раз вы об этом пишете, можно догадаться, что Макиавелли такой источник нашел. Причем это не «путь обмана», который был известен еще китайцам, и не банальная жестокость. Кроме того, хотя Макиавелли читали миллионы, про этот источник ни один из них не обмолвился. Признаюсь, вы меня заинтриговали!

Теоретик. Чтобы заинтриговать вас еще сильнее, добавлю, что этот источник не может быть свойством одного человека, будь он хоть самый государственный Государь. Чтобы просуществовать 500 лет, Власть должна опираться на что-то, распределенное среди *многих* людей^[424]. Вот те начальные условия, с

которыми Макиавелли приступает к созданию своей теории.

Первым шагом теоретика на пути к источнику Власти всегда было сравнение успешных властителей с неудачниками. Делает этот шаг и Макиавелли: в 6-й и 7-й главах «Государя» он сравнивает государства, «приобретаемые собственным оружием или доблестью», с государствами, «приобретаемыми чужим оружием или милостью судьбы». Если приобретение и сохранение Власти никак не зависит от усилий отдельных людей, разницы между стабильностью таких государств не будет (а если и будет, то в пользу вторых – у них «милость судьбы» наличествует с самого начала); но на деле ситуация иная:

«Может показаться, что если частного человека приводит к власти либо доблесть, либо милость судьбы, то они в равной степени помогут ему преодолеть многие трудности впоследствии. Однако в действительности тот, кто меньше полагался на милость судьбы, тот дольше удерживался у власти...» [Макиавелли, 2002, с. 72].

Пока что это открытие не выходит за рамки общеизвестных банальностей («На Аллаха надейся, а верблюда привязывай», «Удача улыбается смелым»); но Макиавелли на нем не останавливается. Отметив, что «в новых государствах удержать власть бывает легче или труднее в зависимости от того, сколь велика доблесть нового государя» [там же], он делает важные замечания относительно связи судьбы и доблести:

«... пусть те из наших государей, кто, властвуя много лет, лишился своих государств, пеняют не на судьбу, а на собственную нерадивость.

В спокойное время они не предусмотрели возможных бед – по общему всем людям недостатку в затишье не думать о буре...» [там же, с. 128]

Доблесть государя заключается в том, чтобы не уподобляться «всем людям», а делать необходимое для сохранения своего государства, даже если это встречает (или может встретить) сопротивление:

«Кто... следует путем доблести, тому трудно завоевать власть, но легко ее удержать; трудность же состоит прежде всего в том, что им приходится вводить новые установления и порядки, без чего нельзя основать государство и обеспечить себе безопасность... Кто бы ни выступал с подобным начинанием, его ожидает враждебность тех, кому выгодны старые порядки, и холодность тех, кому выгодны новые» [там же, с. 73].

С этого момента читатель начинает понимать, что доблесть^[425] это «не лобби кушать»^[426], а постоянная готовность совершать действия, задевающие чьи-то интересы^[427]. Тратить деньги на оборону значит заставлять своих подданных затягивать пояса, и хотя это абсолютно необходимо, но подданным наверняка не понравится. Создание великого государства – это путь постоянных конфликтов как с внешними, так и с внутренними противниками, и следование по нему требует особого душевного состояния.

Читатель. Это даже не пассионарность, а агрессивность какая-то получается. Как у Лоренца в «Агрессии»...

Теоретик. Или как у Дольника в «Этологических экскурсиях»: кто агрессивнее, тот и выше по иерархии. Как мы не устаем повторять, когда разные умные люди исследуют один и тот же предмет, они часто приходят к одинаковым выводам. Но раз уж мы говорим о Макиавелли, будем пользоваться его термином – *virtu*, или «доблесть», отличное определение которому дал Скиннер:

«Таким образом, *virtu* представлена как **готовность поступать любым – добрым или дурным – образом**, как того требуют обстоятельства, чтобы достичь гражданской славы и величия» [Скиннер, 2009, гл. 3]

Вот здесь-то и появляется столь широко разрекламированный «макиавеллизм». Доблесть человека Власти заключается не в том, чтобы «делать добро» и нравиться людям; его задача – всемерно укреплять свое государство:

«...государь, если он хочет сохранить власть, должен приобрести умение **отступать от добра** и пользоваться этим умением смотря по надобности» [Макиавелли, 2002, с. 101].

«Отступать от добра» в наше время звучит довольно мягко, но современники Макиавелли понимали этот эвфемизм вполне однозначно. Описывая убийства Ромулом своего брата и своего соправителя, Макиавелли прямо-таки восхищается этим *образцом доблести*:

«Благоразумный основатель республики, помышляющий не о себе, а об общественном благе, не о наследственной власти, но об отечестве, должен добиться безраздельного господства; и никогда мудрый человек не подвергнет его осуждению за те чрезвычайные меры, к которым он прибегнет при заложении основ республики или монархии» [там же, с. 164].

Во времена Макиавелли подобное «отступление от добра» означало не просто преступление, а еще и смертный грех, за который придется держать ответ на Страшном суде. Оправдывая и прямо предписывая правителю подобную *доблесть*, Макиавелли фактически ставит интересы государства выше заповедей самого Бога. Неудивительно, что Церковь причислила его книги к числу еретических, а самого Макиавелли прозвали «врагом рода человеческого». Да и сегодня теория,

оправдывающая политические убийства, заставит поморщиться даже нашего уважаемого Читателя.

А между тем главным в макиавеллиевской доблести является не оправдание всяческих преступлений, а та самоотверженность, с которой обладающий доблестью человек приносит свои личные интересы – ни много ни мало, спасение души! – в жертву интересам государства. Во всех существовавших до Макиавелли книгах-наставлениях правителям неизменно рекомендовалось благородное и высокоморальное поведение; Макиавелли же обнаружил, а обнаружив, не побоялся сказать, что между моралью обычного человека и доблестью человека Власти лежит пропасть. В руках государя находится не только его жизнь и жизнь его семьи, от него зависит будущее целого государства, а потому он не имеет права руководствоваться обычной моралью, когда ситуация требует проявления *доблести*.

Почему же доблесть так сильно отличается от морали? Потому, что доблесть диктует действия в интересах государства (властной группировки и ее владений), а мораль – в интересах одного человека. Приведем классический пример, многократно встречавшийся в истории. Должен ли государь, под давлением группы заговорщиков или даже римского папы (помните Людвига IV?), отречься от престола? С точки зрения частного человека, так и нужно сделать, сохраняя жизнь себе и своим близким, а также предотвращая возможную гражданскую войну. Но с точки зрения стабильности государства такое решение просто ужасно, поскольку означает конец правящей династии и наступление смутных времен, с неизбежными многочисленными жертвами^[428]. Когда на одной чаше весов лежит гарантированная смута, а на другой – хоть мизерный, но шанс ее избежать,

доблестный человек должен рисковать жизнью ради этого шанса. А вот обычному человеку, который «не нанимался» решать вопросы Власти, в такой ситуации конечно же следует отречься – именно так обычно и поступают слабые правители, получившие Власть по наследству и не знающие ей цену.

Макиавелли с предельной доходчивостью объясняет читателям эту разницу:

«Чезаре Борджа многим казался жестоким, но жестокостью этой он навел порядок в Романье, объединил ее, умиротворил и привел к повиновению. И, если вдуматься, проявил тем самым больше милосердия, чем флорентийский народ, который, боясь обвинений в жестокости, позволил разрушить Пистойю^[429]. Поэтому государь, если он желает удержать в повиновении подданных, не должен считаться с обвинениями в жестокости. Учинив несколько расправ, он проявит больше милосердия, чем те, кто по избытку его потворствуют беспорядку. Ибо от беспорядка, который порождает грабежи и убийства, страдает все население, тогда как от кар, налагаемых государем, страдают лишь отдельные лица» [там же, с. 104].

Милосердие обычного человека – пощадить провинившегося, ведь о такой пощаде узнает лишь ограниченное число людей, и никто не будет рассчитывать на следующую пощаду. Высшее милосердие человека Власти (говоря языком Макиавелли) – покарать даже невинного^[430], чтобы вселить страх в сердца остальных. Путь человека Власти – это всегда выбор наименьшего зла с целью предотвратить большее; но это всегда выбор зла, поскольку Власть всегда подразумевает ущемление интересов отдельных людей ради могущества властной группировки. Сознательно творить зло, но не для

собственного удовольствия, а лишь для предотвращения еще большего зла^[431] – вот что такое доблесть!

Практик. Помните, что я говорил про хирургов и офицеров? Они-то такие проблемы решали каждый день, и задолго до Макиавелли. Знать, что такое *настоящая* жестокость, может только тот, кто сам сталкивался с жестокостью *необходимой*. Умение отличать одну от другой и есть доблесть!

Читатель. Я правильно понял, что эта самая доблесть и есть источник Власти?

Теоретик. И да, и нет. Дobleсть действительно является источником Власти; но не «эта самая», о которой мы до сих пор говорили, а другая, к которой мы сейчас перейдем. Надеюсь, вы помните, что задачей Макиавелли было найти источник долговременной Власти, превосходящей продолжительность жизни любого правителя? Доблести отдельного государя для этого недостаточно, и ограничься Макиавелли открытием своего «макиавеллизма», мы знали бы его сегодня как теоретика морали, но не теоретика Власти. Однако Макиавелли пошел дальше и совершил другое открытие, надолго опередившее время^[432]:

*«Такие же пороки и доблести, о которых я рассказываю применительно к отдельному человеку, **бывают** и у республик, примером чего могут служить римляне и венецианцы» [там же, с. 438].*

Читатель. Дobleсть – у целых республик?! Погодите-ка, а это не то же самое, что ибн-хальдуновская асабийя? Та тоже приобреталась полной опасностей жизнью и способствовала основанию династий...

Теоретик. Разница между Макиавелли и Ибн Хальдуном заключается в слове «республика». Ибн Хальдун не знал примеров стабильных и процветающих

республик (в своих странствиях он так и не добрался до Венеции); Макиавелли жил в такой республике^[433]. Ибн Хальдун мог полагать свой закон смены асабии мулком абсолютным; Макиавелли строил свою теорию на 500-летней истории великого Рима. Поэтому ибн-хальдуновская асабия утрачивается уже в первом поколении династии; а вот макиавеллиевская доблесть может сохраняться на протяжении веков. Так что доблесть Макиавелли – это следующий шаг в понимании Власти, это открытие нового, неведомого Ибн Хальдуну явления:

*«Если рассмотреть, каково было начало Рима и какое устройство он получил от первых законодателей, то не покажется удивительной **великая доблесть, хранимая его гражданами на протяжении... веков** и позволившая этой республике завладеть огромными территориями» [там же, с. 140].*

В отличие от асабии, которую создавшие государство племена обречены потерять, доблесть (по крайней мере, в Риме) может сохраняться на протяжении веков, если устройство государства будет тому способствовать. Макиавелли вступает в заочный спор с Ибн Хальдуном: для достижения величия мало открыть источник власти; нужно еще обнаружить те способы, которые обеспечат его сохранение на протяжении веков. Что толку от асабии, если она все равно будет потеряна внутри городских стен? Сохранить ее и преумножить в виде доблести – вот о чем должен заботиться мудрый правитель!

Настоящее открытие Макиавелли, спрятанное от большинства глаз за его «Государем», заключается именно в этом: доблесть не даруется судьбой, а представляет собой особый навык, который может быть сформирован как у отдельного человека, так и у большого числа граждан. Те государства, устройство

которых поддерживает формирование доблести, будут могущественны и стабильны; ну а остальные, как итальянские города-государства времен Макиавелли, обречены терять земли и терпеть многочисленные перевороты.

Какие же способы предлагает Макиавелли для формирования доблести у граждан? Напомним, что основное отличие доблести от морали заключается в том, что доблестные решения принимаются исходя из интересов государства («общего блага», как часто пишет Макиавелли), моральные же – из интересов отдельного лица. В силу этого ключевым моментом в формировании доблести становится сама *возможность* отдельного гражданина действовать в интересах государства, принимая участие в государственных делах. Обеспечить такую возможность может лишь республика (*res publica* – «общее дело»):

*«Но еще большее удивление вызывает величие Рима, которого он добился, освободившись от царей. Причины этого нетрудно понять: не частные интересы возвеличивают государство, а общее благо. **Заботятся же об общем благе одни только республики...** Если же принимаемые меры затрагивают кого-либо из частных лиц, большинство остается на стороне общего интереса и заставляет предпочесть его вопреки мнению немногих обиженных. Обратное происходит, когда во главе города стоит государь; чаще всего то, что он делает для себя, ущемляет граждан, а то, что делается для них, невыгодно ему: И тогда гражданская вольность сменяется тиранией, наименьшее зло для такого города – это остановка в его развитии... А в том случае, когда волею судеб объявится некий доблестный тиран, который благодаря своему воинственному духу и воинской доблести расширит свои владения, республике от этого не будет никакого проку, потому что он делает это для себя и не может вознаградить*

никого из достойных и мужественных граждан, порабощенных им, так как в противном случае будет вынужден их подозревать...» [там же, с. 270-271].

Какой сюрприз для читателей, знающих Макиавелли по сокращенной версии его книги (одному только «Государю»)! Оказывается, «враг рода человеческого» ни в грош не ставит единоличную власть и считает ее прямой причиной утраты доблести^[434]! Оказывается, только республика, в противовес повсеместной тогда во всем мире царской власти, способна обеспечить долгосрочное величие государства!^[435] Республиканское правление формирует доблестных граждан, и именно этот ресурс обеспечивает долгосрочность Власти в рамках отдельного государства:

*«...таков был римский народ, который, пока республики не коснулось разложение, никогда не был ни смиренным рабом, ни чванливым господином, а, напротив, с достоинством нес свое звание, подчиняясь собственным постановлениям и должностным лицам; **а когда надо было восстать против кого-либо из сильных мира, за ним задержки не было**» [там же, с. 254].*

Первое правило единоличного правителя – «подрезывать» всех конкурентов – прямо противоречит воспитанию доблести в своих согражданах; единолично править куда спокойнее «недоблестным», замкнутым в частных интересах народом. Но в долгосрочном плане такое правление (каким бы оно ни было стабильным, пока жив государь) приводит к утрате доблести и наследниками самого государя, а затем – к гибели правящей династии. Долгосрочное величие государства требует *постоянного воспроизводства* доблести, которое возможно *только* в республиках.

Читатель. Вот это новость! Половину книги учили, что любая власть организована иерархически,

что во главе властной группировки всегда стоит единственный сюзерен – и вдруг оказывается, что на самом деле все наоборот?!

Теоретик. Раз уж вы задали этот вопрос, отвлекусь на минутку от Макиавелли и рассмотрим его идею с точки зрения нашей теории Власти. В каких случаях макиавеллиевская «доблесть» может быть полезна для властной группировки? Доблестные вассалы имеют собственное мнение относительно целей группировки и в любой момент готовы восстать против сюзерена. Причем восстать успешно, ведь доблесть означает и умение притворяться, и умение быть беспощадным. Даже если сюзерен сойдет с ума (начитавшись Макиавелли) и будет подбирать себе в вассалы таких людей, он недолго будет оставаться сюзереном. В краткосрочном плане властная группировка, состоящая из доблестных вассалов, оказывается чрезвычайно неустойчивой. Вот почему мы половину книги пишем об иерархической сущности Власти и будем продолжать писать о ней в оставшейся половине.

Но как же тогда существуют могущественные государства с республиканским способом управления? Пусть Римская республика скатилась в конечном счете к солдатским императорам, но ведь до этого она достигла величайшего могущества, и как раз при республиканском строе? Получается, что доблестные вассалы не только вредны, но и полезны? Да, так оно и есть. В тех редких случаях, когда объединение доблестных вассалов выживает на протяжении нескольких поколений^[436], оно вырабатывает особые правила, препятствующие как узурпации власти одним из них, так и развалу республики на несколько независимых монархий. И вот тогда – в долгосрочном

плане! – начинают проявляться преимущества коллективного управления.

Открытие Макиавелли относится к тысячелетним государствам, а не к локальным властным группировкам. Представьте себе сотни тысяч *доблестных*, нацеленных исключительно на величие своей страны и не стесненных никаким моральными нормами граждан, умеющих к тому же согласовывать свои действия и поступаться личными интересами ради общего дела. Подобная Власть отличается от привычной нам Власти одного сюзерена как атомная бомба от бочки с порохом; кто сможет противостоять такой мощи?! Никто; однажды возникнув, столь совершенная социальная машина неизбежно завоюет весь мир. Но поскольку мир до сих пор остается разделенным между тысячами более мелких государств и группировок, можно сделать противоположный Макиавелли вывод: создать такую машину *практически невозможно*. С нашей стороны было бы грубой ошибкой учить вас тому, что, скорее всего, *не сработает* (хотя и обещает в случае успеха все блага земные), вместо того, что *работает* в 99% случаев. Вот почему хотя на самом деле все и наоборот, вы должны учиться иерархической Власти.

Читатель. Аргументированно. Но постойте, вы намекали, что учение Макиавелли о доблести было тщательно замаскировано сильными мира сего – через пиар «макиавеллизма». Получается, что они все-таки ценят «республиканские» технологии Власти?

Теоретик. Разумеется ценят, ведь эти технологии работают. То, что не сработает в руках одиночки из периферийной страны – то есть в ваших руках, – вполне может сработать в руках потомственных аристократов из стран со специально обученным населением. В оставшейся части книги вы сами увидите, как «республиканские» технологии Власти развивались

практиками и переоткрывались теоретиками. Они действительно полезны и действительно работают, но пользоваться ими могут лишь могущественные властные группировки, а не отдельные люди. Так что хотя вы лично и не сможете ими воспользоваться, знать о них все равно нужно.

Вернемся к Макиавелли. Как мы уже писали, доблестный гражданин руководствуется теми же самыми принципами, что и доблестный государь:

*«Совет легата^[437] был принят, и он заслуживает внимания и подражания со стороны всякого гражданина, ибо **когда на весы положено спасение родины, его не перевесят никакие соображения справедливости или несправедливости, милосердия или жестокости, похвального или позорного. Наоборот, предпочтение во всем надо отдать тому образу действий, который спасет ее жизнь и сохранит свободу**» [там же, с. 459].*

Поэтому поддержание определенных порядков (каких именно, чуть далее), способствующих величию государства, может быть делегировано таким доблестным гражданам:

«Однако благоразумие и доблесть преобразователя должны простираться так далеко, чтобы не сделать его власть наследственной; ведь люди более склонны ко злу, чем к добру, и его преемник может употребить эту власть уже не во благо, а в целях собственного честолюбия. Кроме того, если государственное устройство хорошо устанавливать одному, то охрана такого устройства в течение длительного времени станет для одного лица непосильным бременем; нужно верить ее попечению множества людей, заинтересовав их в этом. Когда людей много, им трудно договориться о наилучшем образе правления вследствие расхождения во мнениях, но, убедившись в

достоинствах уже существующего порядка, им будет так же невозможно прийти к согласию о его отмене» [там же, с. 164].

Какие же порядки полезны для величия государства? Те, что мотивируют граждан действовать в общественных, а не в личных интересах. Во-первых, это **религия**^[438].

«Ведь в отсутствие страха Божьего царство непременно должно погибнуть, или недостаток благочестия в нем должен быть возмещен страхом перед царем. Но так как жизнь государей непродолжительна, то с угасанием их доблести нередко прекращается и существование царства. Поэтому государство, которое опирается только на доблесть одного человека, недолговечно. Ведь ее действие прекращается со смертью правителя, и трудно ожидать ее возобновления в преемниках...» [там же, с. 171].

Когда религиозные чувства сильны, убедить граждан действовать в интересах государства довольно просто:

«...после поражения, которое римляне потерпели от Ганнибала при Каннах, множество граждан собралось на сходку; опасаясь за судьбы отечества они порешили покинуть Италию и удалиться на Сицилию; узнав об этом, Сципион явился к римлянам и с обнаженным мечом в руке заставил их поклясться, что они не покинут родины» [там же, с. 170].

Разумеется, для достижения такого эффекта религиозные чувства граждан нужно постоянно поддерживать (вовлечением каждого в религиозную практику, как это было, например, у альмохадов). Глава 12 первой книги «Рассуждений» так и называется – «Сколь важно заботиться о благочестии и как подрыв его Римской церковью в Италии погубил страну». Макиавелли прямо противопоставляет религию римлян,

служившую интересам государства, и религию Ватикана, служившей интересам одной только католической церкви, и потому *вредной* для остальных государств.

Вторым (и столь же не новым) способом «производства доблести» Макиавелли считает **законы и обычаи**, позволяющие гражданам участвовать в делах государства:

«...Римскую республику возвращали к ее истокам такие обычаи, как избрание народных трибунов, цензоров, и все законы, направленные на обуздание властолюбия и заносчивости людей. Но все эти порядки должны быть приведены в движение доблестью одного из граждан, который бесстрашно вступился за них вопреки противодействию их нарушителей...»^[439] [там же, с. 358-259].

Подобные действия должны одобряться обычаями и законами государства (и сохраняться в коллективной памяти как образец достойного поведения), только тогда в каждом следующем поколении будут рождаться не только «привыкшие пресмыкаться и повиноваться», но и доблестные граждане. Тем не менее Макиавелли признает, что никакие законы и обычаи не гарантируют вечного воспроизводства доблести – рано или поздно рождается поколение, в котором не находится достойных граждан, и с этого момента республика начинает превращаться в тиранию. Как же обеспечить действительно долгосрочное воспроизводство доблести?

Если религия (идеологическое воспитание) и обычаи (восходящие еще к античным традициям остракизма) представляются нам достаточно очевидными способами «производства доблести», то третья идея Макиавелли может показаться неожиданной даже нам, людям XXI века^[440]. Третья технология – это **свобода**, постоянная

конкуренция между разными группировками, причем заканчивающаяся не победой одной из сторон (и уничтожением другой), а компромиссом в виде изменения законов, после которого конкуренция продолжается:

*«Те, кто осуждает беспорядки между нобилями и плебсом, по-моему, порицают самую причину римской вольности... они не видят, что в любой республике существуют два противоборствующих стана, народ и знать, и что все законы, охраняющие свободу, рождаются из этого противостояния... Нет также никаких оснований хулить устройство республики, явившей столько образцов доблести, ведь **добрые примеры проистекают из хорошего воспитания, правильное воспитание - из хороших законов, а последние - из тех самых беспорядков...**»* [там же, с. 150].

Свобода обеспечивает гражданам возможность *постоянно* тренироваться в доблести, ведь в такой борьбе запрещено убивать до смерти^[441]. Компромисс между конкурентами вместо устранения проигравших обеспечивает сравнительно низкую цену на «входной билет» во Власть. Такова главная рекомендация Макиавелли для создания долгосрочной и претендующей на *величие* Власти. Нужно ли далее объяснять, почему вы, уважаемый читатель, знаете Макиавелли по «Государю», а не по «Размышлениям»? Почему Макиавелли – враг рода человеческого, а не величайший в истории гуманист, научно обосновавший полезность свободы, конкуренции и компромиссов?

Читатель. Потому, что открытия Макиавелли не для всех?

Теоретик. Совершенно верно. «Макиавеллизм», про который мы все знаем с детских лет, полезен для воспитания вассалов – аморальность и умение

интриговать являются необходимыми качествами любого человека Власти. А вот макиавеллиевская доблесть, да еще коллективная, воплощенная в республиканских технологиях Власти, уже совершенно лишнее знание для подчиненных. Того и гляди, возомнят, что лучше сюзерена знают, что делать, да еще и право имеют на это собственное мнение. Справиться с такими доблестными вассалами сможет далеко не всякий, а потому из соображений элементарной безопасности брать их в группировку не следует. Чем меньше людей будут знать настоящего Макиавелли, тем проще жить среднему сюзерену.

Открытие Макиавелли полезно лишь тем сюзеренам, которые уже обладают достаточной властью, чтобы не заботиться о ее сохранении на протяжении нескольких поколений, и могут себе позволить включить машину «производства доблести» среди своих вассалов. Именно они^[442] реализовали к XX веку управленческий идеал Макиавелли:

*«Если бы какой-то республике выпала такая удача, что кто-либо из граждан, как мы говорили выше, своим примером помогал бы обновлению законов... **такая республика существовала бы вечно**» [там же, с. 420].*

Вот оно, подлинное открытие Макиавелли: вечная Власть, Доблесть, побеждающая Судьбу. Цена существования такой Власти – постоянная борьба группировок, в которой ни одна из них не имеет права на окончательную победу. Три технологии этой Власти – религия, закон и свобода. Но какой сюзерен в здравом уме решится воплотить все это в жизнь?!

5. Бегемот и Левиафан
Гоббс, «Левиафан» (1651),
Локк, «Два трактата о правлении» (1690)

Теоретик. В случае Макиавелли может показаться, что мы забыли свой же собственный принцип – «чтобы сделать очередное открытие о Власти, нужны новая историческая ситуация». Исключительная популярность Макиавелли заставила нас задаться вопросом о ее причине, отложив в сторону рассмотрение исторического контекста. Отчасти нас оправдывает то обстоятельство, что для Макиавелли этот контекст совершенно очевиден. С чем мог отождествлять Власть чиновник Флорентийской республики? Живший неподалеку от республики Венеция? Долгие годы изучавший историю Рима республиканских времен?

Но столь очевидная историческая обусловленность результатов Макиавелли ставит перед нами следующую проблему. Является ли его открытие преходящим, относящимся только к определенным ситуациям в истории человечества (или достаточно долгоживущей властной группировки), или же оно столь же универсально, как и лично-иерархическая природа Власти? Иными словами, предпочтительнее ли для *современных* государств ^[443] республиканский способ правления или же он остался в далеком прошлом, как «полития» Аристотеля и «асабийя» Ибн Хальдуна?

Читатель. А можно вопросом на вопрос? По-вашему, какой способ правления в современной Великобритании?

Теоретик. Отличный вопрос, подробный ответ на который вылился бы в еще одну книгу о Власти ^[444]. К счастью, благодаря Макиавелли мы знаем простой способ определить тип государственного устройства. Достаточно единственного вопроса: а где в данном государстве находится оппозиция действующей власти? Партизанит в лесах, сидит по тюрьмам или заседает в парламенте? Чем выше в государстве статус оппозиционных властных группировок, тем более

«республиканским», в макиавеллиевском смысле, оно является. Так что ответ на ваш вопрос очевиден: британская монархия реализовала в своей стране весьма республиканский способ правления. Правящие и оппозиционные партии сменяют друг друга у власти уже более 300 лет^[445], и ни одна из них не была запрещена как экстремистская, а уж тем более не ликвидирована как класс.

Практик. Только не надо думать, что британская монархия совсем уж беззуба. Вспомните принцессу Диану!

Читатель. А многие считают, что английская королева все решает единолично...

Теоретик. Даже если английские монархи лично определяют курс акций на бирже, факт остается фактом: за последние 300 лет они ни разу не приняли решение ограничить свободу политической конкуренции между своим гражданами. Машина по производству доблести работает до сих пор^[446], и на примере Великобритании мы можем сделать вывод, что открытие Макиавелли оказалось весьма полезным. Большинство из крупнейших государств современности – республики, и можно с достаточной уверенностью сказать: сама жизнь сделала выбор в пользу технологии Макиавелли.

Практик. Еще чуть-чуть о *доблести*. Еще в первой половине XIX века русская контрразведка обнаружила, что если из французских или немецких гувернанток/гувернеров в русских домах работают на соответствующие разведки каждый второй-третий, то из английских *все поголовно*. Граждане Британии были искренне убеждены, что помогать своей стране – это их священный долг, которым нельзя пренебрегать даже работая на иностранцев. Достойный пример, особенно

если его сравнить с нынешней ситуацией в российской элите.

Читатель. Круто. Но с другой стороны, получается, что Макиавелли 500 лет назад открыл республику – и с тех пор никто не придумал ничего лучше?!

Теоретик. Никто ничего *новее* не открыл, если говорить точно. Помните, чем отличаются открытия и изобретения? Открыть можно только то, что есть, то, что уже появилось в окружающей ученого реальности. Римская республика возникла в почти мифические времена, а Макиавелли открыл республиканские технологии только в XVI веке, две тысячи лет спустя. Даже если где-то на Земле и сформировался новый способ государственного устройства, открыт он будет не раньше, чем очередной гений соизволит обратить на него свое внимание. Так что получается именно так, как вы сказали: со времен Макиавелли ничего *принципиально* нового в области государственного строительства открыто не было.

Казалось бы, на этом мы должны закончить с государством и перейти к следующей маске Власти. Но, поступив так, мы оставили бы за спиной чрезвычайно острый и неприятный вопрос. Как получилось, что республиканские технологии, ограничивающие власть наиболее сильных группировок и потому им явно невыгодные, все же получили широкое распространение? Какая сила заставила сюзеренов отказаться от претензий на абсолютную власть и начать раз за разом совершать главную ошибку Государя – оставлять поверженного противника в живых? Неужели на Земле есть что-то посильнее Власти?

Читатель. А как насчет законов природы?

Теоретик. Или законов самой Власти? Вы совершенно правы: на свете хватает сил, намного более могущественных, чем даже самый великий правитель. И

когда властная группировка сталкивается с этими силами, выясняется, что интересы группировки в целом (например, выжить) оказываются вовсе не теми же самыми, что и интересы ее сюзерена (сохранить власть). Одно такое столкновение с реальностью никого ничему не научит; но если на протяжении жизни одного поколения законы Власти бьют по лбу второй, а то и третий раз, у выживших сюзеренов появляется стимул несколько изменить свое поведение.

Разумеется, вероятность такой концентрации исторических событий на коротком промежутке крайне мала^[447]. Однако рано или поздно маловероятные события тоже случаются; и как раз такое «схождение звезд» выпало Англии во второй половине XVII века.

«В 1640 г. в Англии существовало монархическое правление. Правивший тогда король Карл... царствовал в силу наследственного права, насчитывавшего свыше шестисот лет... Это был человек, не испытывавший недостатка в достоинствах души или тела и не пытавшийся сделать больше, чем того требовало исполнение обязанностей по отношению к Богу, хорошо управляя своими подданными» [Гоббс, 1991, с. 591].

По этим словам Гоббса, которыми начинается «Бегемот, или Долгий парламент», невозможно догадаться, что буквально сразу же за этой благостной картиной последует 20-летняя эпоха войн и революций, в которой погибнет 200 тысяч англичан^[448]. А между тем с точки зрения теории Власти «хорошее управление своими подданными» Карлом I к этому моменту не выдерживало никакой критики. Политическая ситуация в тогдашней Англии характеризовалась двумя факторами: существенными религиозными разногласиями (как внутри независимой от Рима, но католической по обрядам англиканской церкви, так и между ней и протестантской церковью Шотландии) и

ограниченными финансовыми возможностями короны (со времен Хартии вольностей увеличение налогов требовало согласия парламента). Теория Власти в подобных случаях рекомендует поочередное ослабление противников – организацию «ручного» парламента (например, по французскому образцу^[449]), или постепенную церковную реформу в пользу более перспективной конфессии^[450], но никак не то и другое одновременно.

Карл I действовал противоположным способом: надолго распустил парламент, прямыми административными мерами поменял руководство Церкви, да еще ввел новый налог^[451] («корабельный сбор»), затронувший интересы наиболее богатых приморских городов. В 1637 году он пошел еще дальше, послав в Шотландию молитвенник нового образца (признание которого означало бы подчинение тамошних священников английской церкви). Шотландцы подняли восстание, его подавление требовало многочисленной армии, а ее создание – денег, которых у Карла попросту не было. В результате к 1640 году Карл оказался перед скверным выбором: потерять Шотландию или созвать парламент. Теория Власти рекомендует в подобных случаях сначала навести порядок в собственной группировке (в Англии), а уж потом воевать с соседями; но, как вы уже поняли, Карл не был выдающимся человеком Власти. В апреле 1640 созывается Короткий парламент, ответивший на предложение дать денег петицией о мире с Шотландией. Его роспуск никак не улучшает ситуацию, и в ноябре Карл фактически подписывает себе смертный приговор, созывая парламент повторно. Этот *Долгий* парламент, просуществовавший в одном и том же составе с 1640 по 1660 (!) год, и был назван Гоббсом Бегемотом, по имени

самого страшного демона средневековой мифологии^[452].

Следующие 50 лет английской истории похожи на ту каплю воды, по которой мыслящий человек может предположить существование океана. На протяжении жизни одного человека^[453] маятник политического устройства Англии трижды качнулся от деспотизма единоличной власти к «разгулу демократии» республиканского правления.

Долгий парламент, с первых же заседаний взявший курс на ограничение королевского правления, к 1642 году превратился в самостоятельный центр власти и создал собственную армию^[454]. Началась гражданская война, требовавшая денег уже от обеих сторон; парламент тут же принялся вводить новые налоги, чего никогда не позволил бы королю. Благодаря хорошему финансированию и религиозному фанатизму^[455] армия парламента стала самостоятельной силой – как в военном, так и в политическом отношении. Победив в 1646 году войска совсем уже обедневшего Карла I, армия повернула штыки против собственного правительства (что могло стать неожиданностью лишь для профана в теории Власти) и в 1647 году взяла под контроль парламент. Власть фактически перешла в руки главнокомандующего, то есть Оливера Кромвеля, однако сбор налогов все еще приходится проводить именем парламента, и в 1649 году Англия объявляется республикой. После нескольких «чисток» парламента, когда из него последовательно изгоняются неугодные новой власти лица (и в результате которых оставшийся парламент прозван «охвостью»), он наконец полностью распускается в 1653 году^[456]. Кромвель становится официальным диктатором (лордом-протектором), и политический маятник возвращается к исходной точке. В Англии снова, как и в 1640 году, правит один человек,

с той лишь разницей, что теперь его группировка состоит не из феодалов-вассалов, а из наемной армии, существующей на собранные налоги.

Второй цикл начинается практически сразу, со смертью [\[457\]](#) Кромвеля в 1658 году. Среди его вассалов начинается неизбежная борьба за власть, компромиссная фигура сына Кромвеля никак не устраивает армейских генералов (какой из него, к черту, лорд-проектор?), и они не находят ничего лучшего, чем собрать обратно распущенный ранее Долгий парламент (несколько напоминает действия Карла I, не правда ли?). В мае 1659 года парламент собирается, но в октябре он уже снова разогнан одним из генералов, что дает повод другому генералу, Джорджу Монку [\[458\]](#), двинуть войска на Лондон с целью опять-таки собрать парламент. Но авторитет потасканного до состояния бомжа Долгого парламента уже никуда не годится, и нет никаких надежд, что выборы нового сколько-нибудь улучшат ситуацию (все уже привыкли, что парламенты собираются и разгоняются военными по собственной прихоти). Роялисты, располагающие признанным лидером – будущим королем Карлом II, – наконец-то оказываются в более выгодном положении, нежели республиканцы, представленные лишь грызущимися между собой генералами. Трезво оценив свои возможности, Монк решает, «если не можешь предотвратить – нужно возглавить», и фактически приглашает Карла II на английский престол. В мае 1660 года тот триумфально (можно себе представить, как достала английское население вся эта так называемая республика) возвращается в Лондон. Двадцати лет как не бывало; перед новым королем Англии стоят те же самые проблемы, что и перед его отцом: церковный раскол и нехватка денег [\[459\]](#).

Однако между двумя королями имелась существенная разница: *«Карл I мнил себя королем милостью божьей, а Карл II понимал, что он сидит на престоле лишь с позволения лендлордов и купцов, заседающих в парламенте...»* [Мортон, 1950, с. 230]. Благодаря столь трезвому взгляду на вещи Карл II оказался довольно успешным властителем. Задоблив парламент многочисленными подачками (например, возвратом конфискованных в ходе революции земель), он добился в ответ поддержки религиозной реформы – унификации молитвенников (разумеется, в сторону англиканства, а не пресвитерианства) и обязательности принятия англиканских догматов для всех выборных лиц. Тем самым пуритане как политическая группировка оказались вытесненными из общественной жизни, и церковный раскол, стоивший короны Карлу I, был преодолен всего за несколько лет.

С деньгами все оказалось значительно сложнее. Каким бы роялистским ни был парламент по настроениям, заседали в нем люди, прекрасно понимавшие, откуда берутся налоги (из их же собственных карманов). Безрезультатно потратив десять лет на попытки договориться с парламентом, Карл II решил пойти по французскому пути: обеспечить себе независимые источники дохода. В 1670 году он заключил тайный договор с Людовиком XIV, получив в обмен на военный союз и обещание принять католичество ежегодную субсидию, достаточную для независимости от парламента. Однако для ведения серьезной войны этой субсидии не хватило; парламент же не только не поддержал финансово войну 1672 года (Франции и Англии против Голландии), что привело к дефолту по долгам короны, но и раскрыл обещание Карла принять католичество. Карлу пришлось принести торжественную клятву всегда оставаться

протестантом^[460]. В довершение ко всем этим бедам парламентарии от купечества и банкиров организовались в единую оппозицию, позднее превратившуюся в партию вигов. Возглавил ее Энтони Эшли Купер, граф Шефтсбери, член Долгого парламента с 1640 года, соратник генерала Монка, лорд-канцлер^[461] Карла II – как мы сказали бы сегодня, *профессиональный* революционер. Решение Карла обратиться за деньгами к французскому королю, а не к банкирам Сити привело к закономерным последствиям; парламент, который раньше просто не давал денег, вознамерился снова, как и в 1640 году, противопоставить себя королю.

Теория Власти в подобных случаях (борьба с обладающим большими ресурсами, но менее организованным противником) рекомендует раскалывать враждебную группировку, репрессировав одних ее сюзеренов и переманивая на свою сторону других. Карл II пошел по другому пути – он решил создать собственную «партию власти», и поручил ее организацию Томасу Осборну, впоследствии известному как лорд Денби, маркиз Кармартен и герцог Лидс. Так в английском парламенте появилась партия тори; однако политические таланты Денби значительно уступали Шефтсбери, и с 1673 по 1681 год виги планомерно увеличивали свое влияние^[462]. План с «партией власти» не сработал^[463], и в 1681 году Карл II исправил свою ошибку: распустил оппозиционный парламент и приступил к ликвидации враждебной группировки. Он организовал подставной заговор, после чего казнил самых радикальных вигов, а их главаря Шефтсбери вынудил эмигрировать в Голландию; он поменял состав большинства судов, гарантировав принятие нужных решений; после этого он аннулировал хартии вольностей большинства городов, включая лондонский

Сити, обеспечив тем самым контроль над их администрациями (а значит, и результатами выборов в парламент). Правильные действия принесли закономерный результат: «...в последние четыре года своей жизни Карл достиг более абсолютной власти, чем кто-либо из этой династии до него» [Мортон, 1950, с. 236]; в знак полной победы над парламентом в 1684 году из Тауэра был освобожден преданный вассал Карла лорд Денби. Так к 1684 году ситуация опять вернулась к исходной точке: Англией правил один человек, с той лишь разницей, что теперь он фактически являлся вассалом французского короля.

И вот тут судьба наглядно показала англичанам основной недостаток монархического правления. В феврале 1685 года у 55-летнего Карла случился инсульт^[464] (апоплексический удар), и после четырех дней агонии он скоропостижно скончался. Королем был объявлен его брат Джеймс (давно уже числившийся официальным наследником), известный в русскоязычной истории под именем Якова II, и в правящей королевской группировке началась активная смена вассалов. Яков II, католик по вероисповеданию, сразу же взял быка за рога и затеял религиозную реформу, намереваясь расставить на ключевые должности в государстве своих самых верных сторонников – *католиков*.

Вновь избранному парламенту (прозванному Лоялистским, поскольку попали в него только верные королю тори) Яков II предложил отменить религиозную присягу^[465] при занятии государственных должностей. Однако заседавшие в парламенте тори при всей своей «лояльности» не обрадовались перспективе отдать свои должности католикам и провалили законопроект (большинством в один голос). Яков II незамедлительно распустил *Лоялистский* парламент и продолжил

восстановление католицизма уже собственными указами. Теперь и виги, и тори оказались в одной лодке – за пределами королевской властной группировки. Уже в 1688 году общие интересы оформились в общие действия – группа заговорщиков во главе с уже знакомым нам лордом Денби и лондонским епископом Комптоном (оба *тори*), но с участием еще *пятерых вигов* (включая лорда, а позднее герцога Девоншира Уильяма Кавендиша, о котором чуть позже), направила письмо голландскому штатгальтеру Вильгельму Оранскому с предложением вторгнуться в Англию и сместить действующего короля. Не прошло и полгода, как Вильгельм Оранский откликнулся на приглашение, и «абсолютная монархия» Якова II рассыпалась как карточный домик^[466]. В декабре Яков II бежит во Францию, войска Вильгельма Оранского вступают в Лондон, и в январе 1689 года в Вестминстерском дворце собирается парламентский Конвент^[467] (Convention Parliament), которому предстоит решить, как Англии жить дальше.

Остановим наш затянувшийся пересказ английской истории, и посмотрим на сложившуюся ситуацию глазами собравшихся в палате лордов. Один раз – случайность, два раза – совпадение, но три раза – это уже привычка; эти слова из старого анекдота как нельзя лучше описывают события последних 50 лет. Раз за разом попытки установить хоть какое-то устойчивое правление – без разницы, единоличное или парламентское, – наталкиваются на действие неумолимых законов Власти. Монархии рушатся со смертью монархов, парламентское правление приводит к власти новых лидеров, рано или поздно превращающихся в монархов; все это непременно сопровождается войнами, мятежами и что самое неприятное – постоянным переделом должностей,

привилегий и собственности. К 1689 году даже самые твердолобые из аристократов понимают, что этот безжалостный маятник, этот пожирающий одну политическую группировку за другой Бегемот способен качаться вечно – если, конечно, не попытаться его как-то остановить.

Но как это сделать? Какая сила способна противостоять самой Судьбе, раз за разом ввергающей Англию в пучину революций? Собравшимся на Конвент лордам нужны были не общие рассуждения о «мулке» или о «доблести», а конкретные, проверенные практикой рецепты, которые можно пустить в дело прямо сейчас. Пожалуй, впервые за все существование человеческой цивилизации^[468] противоборствующие властные группировки отложили в сторону проверенные инструменты Власти (улыбки и кинжалы) и предъявили спрос на технологии государственного Управления. Силой, заставившей властные группировки отказаться от вечной *войны* за Власть (и перейти к вечной *борьбе* за Власть более мирными средствами), оказался банальный инстинкт самосохранения^[469].

Читатель. А точно ли это произошло впервые? Ведь были же республики и до Славной революции?

Теоретик. Перечитайте предыдущий абзац еще раз. Что именно возникло впервые в годы Славной революции? Вовсе не республики и не законы, по которым они существуют, – их прекрасно описал еще Макиавелли. Впервые возник запрос властных группировок на подробно описанные технологии, на произведенные интеллектуалами изобретения! Ученые и мыслители предшествующих веков трудились ради собственного любопытства; даже великому Макиавелли не удалось заинтересовать властителей своими *идеями*. А вот начиная с Англии XVII века работа ученых по анализу политических процессов и синтезу технологий

государственного управления оказалась востребованной на самом высоком уровне. Ибн Хальдун и Макиавелли были пусть неудачливыми, но игроками во Власть; в XVII веке им на смену пришли профессиональные интеллектуалы, работавшие на людей Власти, но не принимавшие непосредственного участия в борьбе группировок.

Томас Гоббс (1588-1679), автор знаменитого до сих пор «Левиафана», родился в ничем не примечательной семье (история не сохранила даже имени его матери), однако заботами богатого и бездетного дядюшки получил прекрасное образование (Оксфорд). Успехи в учебе (а скорее в науке заводил друзей и привлекать внимание влиятельных людей) позволили ему заручиться поддержкой своего преподавателя, который порекомендовал (1608) молодого Гоббса в качестве домашнего учителя для Уильяма Кавендиша (1590-1628), 2-го графа Девоншир^[470]. В течение следующих **50 лет Гоббс работал на семью Кавендишей**^[471], совершенствуясь в различных науках. Обучение молодых английских аристократов в то время обязательно включало в себя grand tour – путешествие по основным городам Европы; так что Гоббс провел там достаточно времени, чтобы завести знакомства со всеми сколько-нибудь известными учеными своего века (все они входили в «кружок» аббата Мерсенна, с которым Гоббс познакомился в 1637 году). Когда в 1640-м в Англии началась революция, Гоббс одним из первых^[472] среди роялистов бежал в Париж и до 1651 года жил там^[473], работая над философскими трудами и периодически вступая в диспуты с интеллектуальной элитой Европы. В 1647-1648 годах одним из его учеников (имена других в истории не сохранились) оказался будущий король Англии Карл II, которому Гоббс преподавал математику^[474]. Но главным в жизни

Гоббса, как и всякого интеллектуала, оставалась теоретическая работа.

В середине XVII века еще не существовало современного разделения на математику, физику, социологию, философию; все ученые считались философами (любителями мудрости) и занимались натуральной философией^[475] (приложением мудрости к имеющемуся экземпляру Природы). В соответствии с этой традицией Гоббс полагал себя философом и по примеру других философов намеревался дать ответы на все вопросы в одной большой книге (он ее даже дописал – «Основы философии» вышли в свет в 1658 году, когда Гоббсу исполнилось 70 лет). Однако некоторые из вопросов оказывались актуальнее прочих, и Гоббс отвлекался от своего главного труда, чтобы высказаться по этим частным темам. Так он получил европейскую известность, вступив вместе со своим другом Гассенди в полемику с Декартом по поводу его «Метафизических размышлений». В 1642 году он опубликовал часть своих будущих «Основ», относящуюся к человеческому обществу, – книгу «О гражданине» (на латыни, как тогда было принято), в которой развил становящуюся модной идею договора как основы общественного порядка. В 1649 году^[476] Гоббс полностью переписывает эту книгу, превращая ее в свое самое известное произведение – «Левиафан», на этот раз написанное на английском языке^[477]. В 1651-м в Лондоне печатается первый тираж^[478], и в том же году Гоббс возвращается в Англию – пожинать заслуженную славу (уверенность Гоббса в успехе основывалась на популярности «О гражданине» в Европе: помимо двух официальных изданий, книгу несколько раз перепечатывали пиратским способом). В 1652 году Гоббс – знаменитость, все дома Лондона открыты перед ним, и даже сам Кромвель, по слухам,

зовет его в советники. Однако 63-летнему ученому важнее закончить главный труд своей жизни (на это у заботившегося о своем здоровье Гоббса оставалось еще 27 лет), и он исчезает с политической сцены; дальше за него говорят только книги.

Теперь взглянем на биографию другого выдающегося мыслителя, Джона Локка (1632-1703). Родившись в семье провинциального служащего, он получил хорошее образование благодаря патронажу Александра Попхема (офицера, под командованием которого отец Локка принимал участие в гражданской войне). С 1647 по 1652 год он учился в Вестминстерском колледже, с 1652 по 1658 год в Оксфорде, закончив его бакалавром искусств и оставшись там же преподавателем. Помимо своей основной специальности (древнегреческого языка), Локк интересовался модной философией (Декарт, Гассенди, Гоббс) и медициной (в силу слабости собственного здоровья). Оксфорд был неплохим местом для заведения полезных знакомств; в 1665 году Локка приглашает в секретари Уолтер Вейн, отправляющийся в Германию искать союзников против Дании, и несколько месяцев Локк проводит на дипломатической работе^[479]. А в 1666 году Локка знакомят^[480] с лордом Эшли, приехавшим в Оксфорд подлечиться, – с *тем самым* Энтони Эшли Купером, будущим графом Шефтсбери.

До этого знакомства Локк пребывал в раздумьях относительно дальнейшей карьеры, но личные качества Эшли (в полной мере проявившиеся позднее, когда тот стал лидером всей партии вигов) полностью его очаровали, и следующие 16 лет (с небольшими перерывами) он верой и правдой служил своему лорду (поначалу личным врачом, потом домашним учителем, советником, секретарем и даже госслужащим). К этому

времени Локк унаследовал небольшое отцовское состояние и в материальном плане не так зависел от Эшли, как Гоббс от Кавендишей; но положение придворного одного из ведущих политиков Англии стоило намного дороже денег. Вместе с Эшли Локк переехал в Лондон, стал регулярно общаться с известными учеными^[481] и в 1668-м был избран в Лондонское королевское общество. В доме лорда Эшли регулярно собирались его друзья и единомышленники, обсуждая самые разные философские и политические вопросы; Локк не только участвовал в этих обсуждениях, но и записывал наиболее ценные идеи (за что ему, собственно, и платили). Философские дискуссии начала 70-х оформились позднее в «Опыт о человеческом разумении», а политические дебаты внутри возникшей в середине 70-х партии вигов легли в основу «Двух трактатов о правлении»^[482].

К моменту, когда Эшли, уже став графом Шефтсбери, потерпел наконец поражение в своей борьбе с Карлом II, Локк обзавелся достаточными контактами в среде вигов, чтобы продолжать карьеру и без своего покровителя. Когда в конце 1682 года Шефтсбери бежал в Голландию (где и умер два месяца спустя), Локк остался в Англии, и о его занятиях на протяжении полугода не сохранилось никаких сведений^[483]; в сентябре 1683 года он появляется в Роттердаме, где тут же заводит контакты с другими эмигрантами. Политическая борьба вигов продолжается (1685 год – неудачный мятеж герцога Монмута, 1686 год – обращение лорда Мордонта к Вильгельму Оранскому с предложением вторгнуться в Англию, 1688 год – повторная просьба о том же самом в письме «семи бессмертных» и начало Славной революции), за Локком, как и за другими эмигрантами, следят королевские агенты, ему приходится скрываться (даже в

Голландии), так что неудивительно, что мы знаем сегодня лишь о литературной и медицинской, но не о политической деятельности Локка в этот период. Тем не менее, когда Вильгельм Оранский побеждает Якова II, в феврале 1689 года Локк оказывается^[484] на одном корабле с королевой Марией, плывущей в Англию к своему мужу. По прибытии в Англию Локк сразу же встречается с Джоном Сомерсом, лидером партии вигов после Шефтсбери, нуждающемся в квалифицированном советнике^[485], а в мае 1689-го получает (по протекции лорда Мордонта) должность в акцизном ведомстве^[486]. У Локка наконец-то появляется возможность издать свои основные труды, в 1689-м публикуются «Письмо о толерантности» и «Два трактата о правлении», а в 1690-м – «Опыт о человеческом разумении». Последние годы жизни Локк, уже серьезно страдающий астмой, проводит за письменным столом, он издает еще две книги и ведет обширную переписку^[487].

Что бросается в глаза при сравнении даже столь кратких биографий Гоббса и Локка? Конечно же громадная роль сюзеренов, Кавендишей и Эшли, в их жизни; но куда интереснее другое обстоятельство. В момент поступления на службу к своим хозяевам ни Локк, ни тем более Гоббс не были великими философами; их теоретические взгляды формировались в непосредственном контакте, а то в прямом соавторстве^[488] со своими сюзеренами; их главные политические произведения были опубликованы уже *после* крупнейших революций, а высказанные в них идеи долгие годы до этого обсуждались в частном порядке с представителями властных группировок. В отличие от Ибн Хальдуна и Макиавелли, разработавших собственные теоретические концепции (которые так и не были поняты современниками), Гоббс и Локк

фактически суммировали мнения, господствующие в их круге общения^[489].

Читая сегодня «Левиафана» и «Два трактата», мы должны понимать, что написаны они не столько Гоббсом и Локком, сколько могущественными *властными группировками*, одна из которых (локковская) в конечном счете *победила* в 50-летней гражданской войне. Предъявив спрос на новые технологии управления, английская аристократия искала их не в уже опубликованных книгах, а в разговорах со специально обученными и подготовленными интеллектуалами.

Читатель. После такого предисловия руки так и тянутся к «Левиафану». Неужели там и в самом деле есть что-то полезное?!

Теоретик. Разумеется, иначе мы не тратили бы ваше и наше время на все эти подробности. Не всякие салонные разговоры аристократов публикуются в виде книг, столетиями определяющих административное устройство целых государств^[490], а только те, которые ради этого и затевались. Ознакомимся наконец с тем посланием, с которым часть английской аристократии обратилась в XVII веке ко всем властным группировкам.

1649 год. Законный король Англии Карл I только что обезглавлен по обвинению в государственной измене. Англия объявлена республикой, но реальным правителем является главнокомандующий Оливер Кромвель. «Священное право королей» на абсолютную власть, веками объяснявшее законопослушным гражданам, кому им следует подчиняться, больше не работает: законный наследник престола пользуется даже меньшей популярностью, чем подконтрольный армии парламент^[491]. Сотни тысяч людей убиты в гражданской войне, но ни одна из конкурирующих группировок не уничтожена полностью, и действующая

власть держится только на штыках. Для возврата к нормальной жизни позарез нужен новый источник легитимности власти, который будет принят большинством властных группировок и позволит прекратить затянувшуюся войну.

Вопрос об источнике легитимности может показаться теоретическим и не имеющим отношения к реальной борьбе за власть; однако на деле эта «легитимность» является таким же оружием, как кинжал и улыбка.

Практик. Помните «мандат Неба» и его действие на китайскую правящую элиту? В других странах «мандат Неба» называется по-другому, но без подобного *символического* выражения легитимности Власть не удержать!

Теоретик. Когда на Власть претендуют больше чем две конкурирующие группировки, исход борьбы определяется тем, кто с кем и против кого заключит союз (пока Карл II опирался на англиканскую церковь, его власти ничто не угрожало; как только Яков II сделал англикан своими врагами, число его противников превысило критическую массу). Поскольку все группировки понимают, что лучше оказаться на стороне победителей, ключевым фактором, определяющим конфигурацию союзов, оказывается *предсказуемость реакции* отдельных группировок. Если группировка А знает, что группировка Б согласится на фигуру Х в качестве компромисса, а группировка В не согласится ни на какую, кроме собственной, расклад союзов становится очевиден. Так вот, легитимность и есть эта предсказуемость, предварительное знание о том, какое правление устроит большинство группировок. Если в обществе считается легитимным королевское правление, в качестве компромиссной фигуры нужен король; но если одна группировка считает легитимным парламент, другая – военачальника, третья – короля, то

компромисс невозможен, и война всех против всех будет продолжаться вечно.

Изобретение, которое Гоббс довел до всеобщего сведения в 1651 году, состояло из двух положений. Первое после десяти лет гражданской войны не вызывало никаких вопросов:

«...пока люди живут без общей власти, держащей всех их в страхе, они находятся в том состоянии, которое называется войной, и именно в состоянии войны всех против всех» [Гоббс, с. 95].

О том, насколько такая война скверное дело, Гоббсу не требовалось много писать; большинство англичан к тому времени были согласны на любую власть, лишь бы она обеспечила хоть какой-то порядок. На любую – но на какую именно? Еще недавно считалось, что получивший власть по наследству, а заодно и от самого Бога король – очевидная для всех группировок компромиссная фигура, и поддерживать его выгодно в политической борьбе. Но нынче земля Англии усеяна трупами роялистов, а значит, объединяться нужно вокруг кого-то другого. Но вокруг кого? Как заранее узнать, кого в конечном счете поддержит большинство (напомню, что под «большинством» мы имеем в виду «большинство властных группировок», а не «большинство избирателей»)?

Второе положение Гоббса дает на этот счет точный ответ:

*«...для установления общей власти необходимо, чтобы **люди назначили одного человека или собрание людей, которые явились бы их представителями;** чтобы каждый человек считал себя доверителем в отношении всего, что носитель общего лица будет делать сам или заставит делать других в целях сохранения общего мира и безопасности, и признал себя ответственным за это; чтобы каждый подчинил свою волю и суждение воле и суждению*

носителя общего лица. Это больше чем согласие или единодушие. Это реальное единство, воплощенное в одном лице **посредством соглашения, заключенного каждым человеком с каждым другим** таким образом, как если бы каждый человек сказал другому: я уполномочиваю этого человека или это собрание лиц и передаю ему мое право управлять собой при том условии, что ты таким же образом передашь ему свое право и санкционируешь все его действия. Если это совершилось, то множество людей, объединенное таким образом в одном лице, называется государством, по-латыни – *civitas*. **Таково рождение того великого Левиафана** или, вернее (выражаясь более почтительно), того смертного Бога, которому мы под владычеством бессмертного Бога обязаны своим миром и своей защитой» [Гоббс, 1991, с. 132-1331].

Чтобы узнать, кого поддержит большинство, нужно всего лишь отложить в сторону кинжалы и открыто об этом договориться – предложение, кажущееся банальностью нормальному человеку, но человека Власти (которая есть «путь обмана») поражающее своей новизной. Открыто договориться с противниками? Да еще *соблюдать* потом достигнутые договоренности?! Какого черта, другие же не будут так делать?

Неважно, что они будут делать, отвечает на это Гоббс. Если в момент заключения общественного договора группировки уже передали Левиафану «право управлять собой»^[492], то тем самым они не только выделили Левиафану необходимые для такого управления ресурсы, но и придали Левиафану статус *легитимного* правителя. Все последующие попытки отдельных группировок вытащить фигу из кармана и отказаться от выполнения своих обязательств столкнутся уже не с возражениями отдельных группировок, а с властью Левиафана – согласованной с

большинством группировок фигурой, которую этому большинству *выгодно* поддержать в любом конфликте^[493].

Создание Левиафана позволяет прекратить войну властных группировок и перевести ее в относительно мирное русло (придворных интриг или парламентских дебатов, в зависимости от принятого государственного устройства). На смену «священному праву королей», предписывающему поддерживать любого самодура на троне (который может довести дело до гражданской войны), предлагается *договорное* право Левиафана, специально сконструированной государственной машины, главная задача которой – предотвращение открытого столкновения группировок.

Разумеется, Гоббс не был первооткрывателем идеи о договорном источнике верховной власти^[494]; но образ Левиафана (помещенный на обложку книги), «смертного бога», созданного самими людьми для своего же блага^[495], оказался отличным инструментом для пропаганды идеи общественного договора. Что делать, когда непонятно, вокруг кого объединяться? Собраться, договориться и сделать себе Левиафана!

Практик. Даже в относительно молодой российской элите после дефолта 1998 года, когда стало ясно, что дальнейшая грызня олигархов оставит всех у разбитого корыта, было принято решение призвать *независимого* арбитра!^[496] **Теоретик.** Изобретение Гоббса (конечно, не одного Гоббса, мы же помним, что он лишь высказал от своего имени идеи, сложившиеся у влиятельнейших людей своего времени) сразу же было взято на вооружение. В 1653 году английский парламент выбрал Левиафаном Кромвеля, а в 1660-м – Карла II. Но в 1685 году власть Карла II унаследовал никем не выбранный Яков II и сразу же в полной мере проявил все недостатки наследственной монархии, начав

продвигать своих единоверцев-католиков. Перед английской аристократией возникла новая проблема; что делать, если Левиафан вместо поддержания мира между группировками сам становится властной группировкой? Гоббс, не рассматривавший вопрос долгосрочной эволюции власти, для ее решения был бесполезен; требовалось новое изобретение, способное поставить Левиафана на место^[497].

При знакомстве с текстом локковских «Двух трактатов» вызывает удивление тема первого из них. Локк снова критикует «священное право королей», прицельно разбирая трактат Роберта Филмера (1588-1653), умершего еще во времена Кромвеля! Казалось бы, кого может интересовать такое старье в 1690 году? Но дело в том, что книга Филмера «Патриарх» была опубликована только в 1680-м, как раз к последнему раунду борьбы Карла II с парламентом, завершившейся полным разгромом последнего. Старая идея «священного права» вернулась в качестве придворной идеологии абсолютистского правления, и ее нужно было основательно раскритиковать, прежде чем переходить к изложению позитивной программы. В результате Локк на протяжении многих страниц разбирает концепцию Филмера «всякая власть от Бога, вручившего Землю Адаму и его потомкам», приходя к резонному заключению, что если даже исходно Земля и принадлежала Адаму, то разобраться через несколько тысяч лет, кто теперь более законный его потомок, без гражданской войны затруднительно. Следовательно, вопрос о том, кто должен осуществлять *легитимное правление*^[498], снова оказывается открытым.

Казалось бы, самое время обратиться за помощью к Левиафану. Но тут мы сталкиваемся с новым удивительным открытием: слово «левиафан» в тексте «Двух трактатов» встречается лишь дважды, и оба раза

– вовсе не как произведение Гоббса! Локк избегает любых упоминаний о своем предшественнике, и это не случайность. Гоббс, популяризовавший (конечно же не «в массах», а среди участников властных группировок) идею договорного, рукотворного устройства государства, одновременно полагал, что устойчивой формой такого государства может быть только единоличное правление^[499]. Вступать в открытую полемику с Гоббсом, именем Левиафана которого обосновывалось любое государственное строительство, значило нарушить целостность всей «виговской» идеологии, и потому Локк развивал изобретение Гоббса, не упоминая его самого.

Итак, кому же доверить управление государством, чтобы исключить использование такого управления в личных целях? Сама постановка вопроса уже содержит ответ: разумеется, **не личности**, и даже **не группировке**. Левиафан, государственная машина, обеспечивающая мирное разрешение конфликтов, и должен представлять из себя **машину**^[500], работающую по строгим, одинаковым для всех правилам.

Только в этом случае ни одна из властных группировок не сможет использовать ее для уничтожения всех остальных; только такая машина обеспечит реальный «гражданский мир» и гарантирует право группировок на жизнь.

Читатель. Машина, говорите? Работающая как заведенная ради чужих, а не своих интересов? Не слишком привлекательное занятие для главы государства!

Теоретик. Вильгельм III, уже захвативший к тому времени английский престол и обнаруживший некоторые его особенности, был с Вами полностью согласен:

«Он сказал мне однажды, – вспоминал епископ Бёнет об одном из своих разговоров с принцем Оранжским, – что он понимает пользу республики, так же как и королевского правления, и невозможно определить, какое лучшее; однако он уверен: худшее из всех правлений – такое, при котором король – без денег и без власти» [Томсинов, 2010, с. 197].

Руководитель государственной машины, полностью зависящий от установленных не им законов, не обладает никакой властью. «... *политической властью я считаю право создавать законы...*» – пишет Локк уже в первой главе второго из «Двух трактатов». Изобретение, сделанное английской аристократией по итогам правления Карла II, заключалось в лишении государства (а вместе с ним и короля!) всякой реальной власти и превращения его в безличную машину для соблюдения законов. Тридцати лет (с момента казни Карла I до начала обсуждения «Двух трактатов» в кругу Шефтсбери) оказалось вполне достаточно, чтобы английские аристократы на собственном опыте убедились в недостаточности гоббсовского изобретения. Какое-то время король помнит, кто посадил его на трон, но затем неумолимые законы Власти берут верх, королевская группировка усиливается, становится господствующей – и начинает уничтожать все остальные. Для властных группировок единственным способом выжить в долгосрочном плане оказывается полное подчинение государства Закону, превращение в государственную машину, не имеющую возможностей стать самостоятельным субъектом Власти. С появлением такой машины борьба между группировками переносится с полей сражения в стены парламента, где обсуждаются и принимаются Законы. Обычные же конфликты между группировками

решаются государственной машиной^[501] в формальном порядке:

[вступая в общество, человек] «...уполномочивает общество или, что все равно, его законодательную власть создавать для него законы, каких будет требовать общественное благо; он должен способствовать исполнению этих законов (как своим собственным установлениям). И это **переносит людей из естественного состояния в государство, поскольку на земле появляется судья**, имеющий власть разрешать все споры и возмещать любой ущерб, который может быть нанесен любому члену государства; этим судьей является законодательная власть или назначенное ею должностное лицо» [Локк, 1988, с. 312].

Определив государство как состояние, в котором между любыми людьми существует независимый суд, Локк моментально приходит к выводу, что абсолютная монархия государством не является:

«Отсюда очевидно, что абсолютная монархия, которую некоторые считают единственной формой правления в мире, на самом деле несовместима с гражданским обществом и, следовательно, не может вообще быть формой гражданского правления... В тех случаях, когда существуют какие-либо лица, не имеющие такого органа, к которому они могли бы обратиться для разрешения каких-либо разногласий между ними, **эти лица все еще находятся в естественном состоянии**. И в таком состоянии находится каждый абсолютный государь в отношении тех, кто ему подвластен» [Локк, 1988, с. 312-313].

Договор между властными группировками, соблюдение которого контролирует еще одна властная группировка, не стоит и бумажки, на которой он нацарапан. Договор только тогда становится Законом,

когда контроль за его исполнением осуществляется самими группировкам (периодически), либо передан подчиненному органу, полномочия которого строго ограничены тем же договором:

*«Во-вторых, законодательная, или высшая, власть обязана отправлять правосудие... посредством **провозглашенных постоянных законов** и известных уполномоченных на то судей» [Локк, 1988, с. 341].*

*«...В хорошо устроенных государствах... законодательная власть передается в руки различных людей, которые, собравшись должным образом, обладают сами или совместно с другими властью создавать законы; когда они это исполнили, то, разделившись вновь, **они сами подпадают под действие тех законов**, которые были ими созданы...*

Но так как законы, которые создаются один раз и в короткий срок, обладают постоянной и устойчивой силой и нуждаются в непрерывном исполнении или наблюдении за этим исполнением, то необходимо, чтобы все время существовала власть, которая следила бы за исполнением тех законов...» [Локк, 1988, с. 347].

Законы, исполнение и соблюдение которых осуществляют **подчиняющиеся** тем же законам люди, становятся рычагами и шестеренками, из которых собирается государственная машина. Именно эту машину, вместо отдельной личности (например, короля) или группировки (например, церкви), английские виги предложили конкурирующим властным группировкам в качестве компромиссной фигуры во главе английского государства. Поначалу (1679-1681) предложение было в грубой форме отвергнуто (английские тори сделали ставку на королевскую группировку, поддержав абсолютизм Карла II). Однако уже через несколько лет тори убедились в неумолимости законов Власти: новый король взял курс на полную смену правящей элиты. В

этих условиях^[502] предложение вигов оказалось предпочтительным, и в 1689 году был принят Билль о правах^[503], поставивший Закон (а значит, и принявший его парламент) выше английского короля.

Читатель. Вы хотите сказать, что английский король управляет, но не правит?

Теоретик. Если понимать под «английским королем» место в системе английского государства, то именно так: король лишен законодательной инициативы, не имеет возможности расширять предоставленные ему права и принимать решения о выборе наследника. По закону, король – всего лишь глава исполнительной власти, которая, как мы уже знаем, и властью-то и не является.

Но если говорить о конкретном короле или королеве, ответить на этот вопрос намного сложнее. С момента, когда публичное правление в государстве передано государственной машине, борьба властных группировок уходит с площадей в тишину кабинетов, и становится труднее понять, кто же *на самом деле* обладает реальной (то есть законодательной) властью. Почему бы английскому королю или королеве не возглавить одну из таких группировок и не победить другие группировки в закулисной борьбе? Пока мы не можем точно ответить на вопрос: кто на самом деле правит Великобританией? – мы не имеем права говорить, что английский король управляет, но не правит.

Как видите, изобретение государственной машины не только помогло властным группировкам избежать кровопролитных войн, но и окончательно разделило Власть и Государство. Глава государства, подчиняющийся законам, да еще не имеющий возможности их изменять, является всего лишь вассалом какого-то другого сюзерена. Государство,

долгое время являвшееся высшей властью на своей территории, превращается в маску, скрывающую настоящих властителей. Государственная машина продолжает ехать вперед, но изучение ее шестеренок больше не позволяет ответить на вопрос: кто же сидит за рулем?

Пришло время отложить в сторону исследования государств и перейти к следующей маске Власти: правящей элите.

Глава 4. Элита

От правящего класса до мирового правительства

Тайна власти состоит в том, чтобы знать: другие еще трусливее, чем вы.

Людвиг Берне

Теоретик. Так кто же реально правит с помощью государства, представляющего собой лишь «машину в руках господствующего класса»^[504]? Как обычно и бывает, точная формулировка вопроса сразу же подсказывает ответ. Конечно же правит господствующий класс (включающий в себя *несколько* властных группировок), «собирающий» государственную машину для обеспечения своих корыстных интересов^[505].

Казалось бы, с появлением в Европе конституционных монархий теоретики должны были перейти от изучения государств (которые становятся теперь всего лишь «машинами») к изучению тех, кто ими управляет. Но мы снова сталкиваемся с удивительным фактом: между изобретением государственной машины (1690) и новым открытием в теории Власти (1884) проходит почти 200 лет! Почему?! Что мешало мыслителям и теоретикам^[506] разглядеть очевидное?!

Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к проверенному средству – истории. Мы уже видели на нескольких ярких примерах, что даже самые простые особенности Власти открываются перед учеными лишь в редкие исторические моменты, когда стечение обстоятельств выносит их на поверхность повседневной жизни. Разглядеть в потоке событий новый закон

Власти можно лишь тогда, когда *именно этот* закон начинает определять ход истории. Описать новое изобретение в технологиях Власти тем более возможно лишь после того, как оно будет *сделано и использовано* представителями одной или нескольких группировок.

Что же видели перед собой ученые и мыслители на протяжении двух веков (XVIII и XIX) европейской истории? Парламентские дебаты, войны, революции, научный и технический прогресс – все что угодно, кроме подковерной борьбы внутри правящего класса. С изобретением государственной машины властные группировки перестали нуждаться во внешних проявлениях власти (коронации, армии, сборщики налогов), а их схватки переместились с площадей в плотно закрытые кабинеты. Откуда мыслитель XVIII-XIX веков мог что-то узнать о стоящей за государственной машиной реальной Власти? Только от ее представителей, сюзеренов и высших вассалов соответствующих группировок; но зачем им было делиться такими сведениями? Изобретенная в XVII веке государственная машина работала все лучше и лучше, совершенствуясь по мере взросления, потребности в новых изобретениях не возникало, а раскрывать информацию просто так, от широты души, совсем не в традициях Власти.

Поэтому правильнее задаться другим вопросом. Как получилось, что если и не скрываемая, то по крайней мере не слишком афишируемая тайна господствующего класса начала обсуждаться на страницах научных книг? Почему именно в конце XIX века, одновременно и не сговариваясь^[507], сразу два выдающихся мыслителя вдруг разглядели у себя под носом *правящий класс*? Наконец, почему оба эти мыслителя оказались *итальянцами*?

1. Правящий класс

**Гаэтано Моска, «Теория правлений и парламентское правление» (1884),
«Элементы политической науки» (1896)**

Читатель. Я достаточно давно вас читаю, чтобы угадать ответ. В тогдашней Италии сложилась какая-то необычная политическая ситуация, верно?

Теоретик. Верно. Но раз уж вы начали угадывать, попробуйте сделать следующий шаг. А что это была за ситуация?

Читатель. Ну, я не историк. Кажется, там была революция, и Гарибальди объединил Италию. Но это было в середине века, а потом вроде бы ничего не происходило. Так что я теряюсь в догадках, как вы на этот раз выкрутитесь. Если бы в тогдашней Италии что-то случилось, я бы об этом знал!

Теоретик. Вы вроде бы не первый час читаете нашу книгу, а все еще рассуждаете как обычный человек. Сделайте над собой усилие, переключитесь в режим человека Власти. Что вы можете знать о том, чего сами никогда не изучали и о чем вам рассказали другие люди, преследующие свои собственные, а не ваши интересы?

Читатель. То, что им выгодно, чтобы я знал. Но, черт возьми, это что, вообще ко всем моим знаниям относится? В том числе и про Италию XIX века, про которую я толком ничего не знаю?!

Практик. А между тем, Вы почти наверняка кое-что знаете, только забыли! *«Ты вырвешь у дракона зубы и растопчешь львов, – сказал господь»* – помните эту фразу? Это эпиграф к книге об объединении Италии, которую написал аббат Фариа, один из главных персонажей «Графа Монте-Кристо»! Так что все советские школьники про важность объединения

Италии знали. А уж кто читал «Овода» Войнич (который, правда, читается не так легко, это вам не Дюма), тот и вовсе играл в итальянских революционеров и командовал собственным расстрелом! А вот почему школьники эту тему дальше не развивали – это уже отдельный вопрос.

Теоретик. Конечно же выгодность Власти относится не только к Вашим знаниям об Италии, но и вообще ко всем знаниям. Если Власти^[508] выгодно, чтобы ее подданные знали определенный эпизод в истории, вы (вместе со всеми) будете его знать^[509]. Если же прямой выгоды для Власти от ваших знаний о чем-нибудь нет (не говоря уже о прямых убытках), то вы, скорее всего, этих знаний и не получите. И если вы ничего не слышали про Италию второй половины XIX века, то это говорит лишь о том, что там не происходило ничего *выгодного Власти*. Так что давайте восполним пробел в наших знаниях и посмотрим, какие исторические обстоятельства сорвали маску государства с лица итальянского правящего класса.

Несмотря на то, что страстный призыв Макиавелли «объедините Италию!» прозвучал еще в начале XVI века, и 300 лет спустя территориальная наследница Римской империи оставалась столь же раздробленной и зависимой от соседних государств.

По итогам Венского конгресса 1815 года, поделившего остатки империи Наполеона между странами-победителями, Италия была разделена на восемь государств. Ломбардия и Венеция вошли в состав Австрийской империи в качестве **Ломбардско-Венецианской области**. Герцог **Тосканы** Фердинанд III (Габсбург, родной брат императора Австрии Франца II) заключил с Австрией военный союз, подчинив свою армию австрийской. Небольшие княжества **Парма, Лукка и Модена**, формально независимые, оказались с

двух сторон окружены австрийскими войсками и попали под полный контроль австрийской империи. Относительно независимыми могли считаться оставшиеся три государства: управляемая Римско-католической церковью **Папская область**, **Сардинское королевство** (включавшее в себя Ниццу, Савойю, Пьемонт и собственно остров Сардинию), где королем был Виктор-Эммануил I из савойской династии, и **Королевство обеих Сицилий**, где правил Фердинанд I из династии Бурбонов.

«...от северного до южного края полуострова одна и та же политика, разнообразная в своих внешних формах, но, в сущности, одна и та же по направлению, была предложена державами, навязана Австрией и принята итальянскими государями. Эта политика стремилась превратить Италию в "географический термин", а каждое из итальянских государств – в дореволюционную монархию...» [Лависс, 1938, т. 3, с. 495].

Восемь государств, две крупнейшие европейские династии (Габсбурги и Бурбоны), Римско-католическая церковь (влияние которой в XIX веке было намного сильнее нынешнего) – казалось совершенно невероятным, что из этой разделенной между сильнейшими хищниками территории может возникнуть единая Италия. Но в делах Власти нет ничего невозможного, а есть лишь кропотливая работа по созданию и укреплению властных группировок.

Именно такая работа и началась практически сразу же после Венского конгресса. На юге Италии еще с наполеоновских времен действовало тайное [\[510\]](#) общество карбонариев (организованное по схеме масонства); в новых условиях оно сменило цель с освобождения от французской оккупации на установление конституционной монархии, и привлекло

в свои ряды новых (и весьма обеспеченных) участников, недовольных абсолютистскими режимами. Карбонарии многократно пытались захватить власть вооруженным путем – в Неаполе в 1820-м, в Пьемонте в 1821-м, в Парме, Модене и Папской области в 1831-м, – но неизменно терпели поражение, поскольку на помощь действующим монархам приходили австрийские войска. Способность карбонариев в любой подходящий момент устроить очередную революцию была очевидной, и они стали главной оппозиционной силой Италии:

«В Пьемонте Карл-Альберт в 1831 году наследовал Карлу-Феликсу... Он сам определил свое положение, сказав герцогу Омальскому: "Я стою между кинжалом карбонария и иезуитской чашкой шоколада"^[511]»
[Лависс, 1938, том 3, с. 516].

Тем не менее невозможность удержания власти, захваченной с помощью заговоров и восстаний, стала к началу 1830-х годов очевидной даже для самих карбонариев. Для победы нужна была сила, способная противостоять не отдельным монархам, а всей Австрийской империи; такая сила должна была опираться не на узкий круг заговорщиков, а на широкое движение под понятными каждому итальянцу лозунгами. Первым осознал этот факт молодой (26 лет) карбонарий Джузеппе **Мадзини**^[512], эмигрировавший во Францию после очередного неудачного мятежа. В 1831 году он (вместе с другими такими же эмигрантами) создал «Молодую Италию» – организацию нового типа, главным лозунгом которой стало объединение Италии. Поскольку никакой династии общеитальянских королей в природе не существовало, естественным продолжением этой идеи было требование *республики* – государственного строя, способного объединить страну и безо всяких королей. Третьим новшеством Мадзини стала *открытая*

пропаганда своих идей – массовая печать (разумеется, за пределами Италии) и распространение (уже в самой Италии) листовок, брошюр и журналов^[513]:

«...Мадзини... научил несколько поколений молодежи лепетать слово "республика"» [Кин, 1978, с. 56].

Благодаря новизне программы и личной активности Мадзини «Молодая Италия» привлекла в свои ряды значительное число бывших карбонариев^[514]. Организация пустила корни по всей Европе; в апреле 1833 года капитан зашедшего в Таганрог торгового судна «Клоринда» познакомился там с итальянским эмигрантом Джованни Канео и вступил в «Молодую Италию», находясь на российской земле. Звали капитана Джузеппе **Гарибальди**^[515], а уровень организационных способностей «Молодой Италии» можно оценить из дальнейших событий.

В ноябре 1833-го Гарибальди встретился в Женеве с самим Мадзини, а уже в феврале 1834-го принял участие в очередной попытке организовать революцию в Сардинии. Часть мадзинистов перешли границу между Францией и Савойей, намереваясь поднять население на восстание, другая, включавшая Гарибальди, проникла в Геную, чтобы поддержать местных заговорщиков. В Савойе дело закончилось перестрелкой с полицией (которую вызвало не пожелавшее восставать население) и отступлением обратно во Францию. В Генуе большая часть мадзинистов была арестована накануне планировавшегося восстания, Гарибальди сумел ускользнуть, но заочно был приговорен к смерти. В последующие годы аресты продолжились по всей Италии, и к 1836 году организация была полностью разгромлена.

Неспособность Мадзини^[516] организовать практическую борьбу за власть стала очевидной даже его ближайшим сторонникам. Нужно было искать другие возможности, но потребовалось больше десяти лет, чтобы лежащая на поверхности идея обрела своих авторов. В 1843 году бывший «младоитальянец», а к тому моменту уже известный философ Винченцо Джоберти издал книгу «О нравственном и политическом первенстве итальянцев», в которой (помимо обоснования собственно «первенства») выдвинул идею объединения Италии под властью римского папы^[517]. С этого момента «единая Италия» перестала означать то же самое, что и «республика», и к решению итальянской политической головоломки подключилась *аристократия*.

В 1845 году художник, писатель и политик Массимо Тапарелли, маркиз **д'Азелио**^[518] отправился в путешествие по охваченной волнениями Романье (часть Папской области). Ознакомившись на конкретном примере с практикой мадзинистских восстаний, д'Азелио выработал альтернативную программу захвата власти^[519], которую и доложил королю Сардинии при личной встрече. В следующем году программа была опубликована в виде памфлета «О последних волнениях в Романье», сделавшего автора знаменитым. Еще бы – на страницах памфлета подвергалась уничтожающей критике мадзинистская тактика заговоров и восстаний (и без того разочаровавшая уже всех разумных людей Италии), а вместо нее предлагался путь формирования общественного мнения, побуждающего просвещенного монарха проводить желаемые реформы.

Хотя имя просвещенного монарха в памфлете и не указывалось, *нужные* читатели прекрасно поняли, о ком идет речь, поскольку к 1846 году король Сардинии Карл-Альберт уже заслужил репутацию

последовательного реформатора. Формирование у конкретного монарха мнения, что именно ему по силам стать королем всей Италии, выглядело куда более простой задачей, чем организация *успешного* общепитальянского восстания. Идею д'Азелио подхватили пьемонтские либералы, создавшие в декабре 1847 года газету «Рисорджименто»^[520]. Публичным лидером нового движения стал граф Камилло Кавур^[521], бывший «...таким страстным англоманом, что недоброжелатели иронически звали его “милорд Камилло”» [Кин, 1978, с. 10].

Трудно сказать, сколько времени потребовалось бы для убеждения короля Карла-Альберта посредством газетных статей; однако исторические факты говорят нам, что к моменту появления первого номера «Рисорджименто» Карл-Альберт давно уже разделял убеждения реформаторов. В 1846 году он начал таможенную войну с Австрией, в 1847-м смягчил цензуру (в точности к появлению на свет новой газеты) и создал гражданскую гвардию (на смену австрийским войскам, обеспечивавшим до этого королевскую безопасность). В 1848 году, когда после февральской революции во Франции половина Европы восстала против действующих монархов, Карл-Альберт решительно нарушил негласный договор с Австрией, предусматривавший сохранение абсолютистского правления, и 4 марта даровал своим подданным Конституцию^[522]. В то время когда в других итальянских государствах бушевали восстания и провозглашались республики, во владениях Карла-Альберта всего лишь сменялись премьер-министры^[523].

Парламентская технология, импортированная реформаторами из Англии, блестяще сработала после поражения Сардинии^[524] в войне с Австрией (сражение при Новаре 23 марта 1849 года). Карл-Альберт

отказался подписывать унижительный мирный договор и отрекся от престола в пользу своего сына, Виктора-Эммануила. Подписанный тем мирный договор был отвергнут парламентом; в ответ Виктор-Эммануил распустил парламент и назначил новые выборы. Недовольные миром с Австрией республиканцы устроили восстание в Генуе, которое было подавлено вполне традиционным способом (с обстрелом из пушек жилых кварталов и отдачей города на разграбление солдатам). Избиратели поняли намек, новый состав парламента утвердил перемирие с Австрией, а премьер-министром стал уже знакомый нам д'Азелио. Таким образом, поражение Сардинии помогло ^[525] либеральной властной группировке разделаться с республиканской оппозицией (она же «партия войны» с Австрией) и закрепиться у власти в качестве парламентского большинства.

Дальнейшие действия победившей властной группировки служат образцовым примером борьбы против более сильного противника. Никаких шансов в лобовом столкновении с Австрией (как на полях сражений, так и в устройстве переворотов в соседних государствах) у Сардинии, разумеется, не было; но зато у нее был хороший потенциальный союзник – Франция, где к власти пришел молодой и амбициозный Наполеон III. Десятилетние усилия ^[526] по укреплению армии и союзных отношений с Францией (которые предпринимал сначала д'Азелио, а затем сменивший его в 1852 году Кавур) привели к новой конфигурации сил, и в войне 1859 года Франция и Сардиния впервые за многие годы нанесли Австрии поражение. Территориально Австрия потеряла немного – всего лишь Ломбардию, переданную Франции по мирному договору, и переуступленную Сардинии в обмен на Ниццу и

Савойю; но ее военное влияние в Центральной и Южной Италии было полностью уничтожено.

В этих условиях либеральная группировка провела очередную блестящую комбинацию. Разыграв возмущение «позорным миром» (который сам и планировал в Пломбьере за год до этого), Кавур подал в отставку с поста премьер-министра и в качестве частного лица занялся Флоренцией, Моденой и Болоньей. В короткий срок там были организованы плебисциты по присоединению к Сардинскому королевству^[527], прошедшие с понятным результатом. В январе 1860 года Кавур вернулся к премьерским обязанностям; а в мае того же года Гарибальди, который с 1856 года состоял на тайной службе у Кавура, собрал в Генуе знаменитую «тысячу» и вторгся на Сицилию, пребывавшую в революционном брожении с момента смерти Фердинанда II (в 1859-м). На этот раз «экспорт революции» был хорошо подготовлен; оставшись без австрийской защиты, молодой король обеих Сицилий Франциск II ничего не смог противопоставить восставшим, 6 сентября Гарибальди занял Неаполь, объявил себя диктатором и провозгласил следующей целью Рим. Когда в середине сентября в Неаполь прибыл «вечный революционер» Мадзини, любому стороннему наблюдателю^[528] могло показаться, что начавшаяся с войны королей революция вот-вот закончится учреждением итальянской республики.

Однако против республиканцев играла лучшая (судя по результатам) властная группировка Европы. Кавур предпринял необходимые дипломатические усилия и добился от Наполеона III разрешения на проход войск по Папской области (в то время контролируемой уже Францией). После этого он предложил восставшим провести плебисцит по присоединению к Сардинии,

дождался поражения Гарибальди от перегруппировавшихся войск Франциска II и помог ему войсками в решающей битве при Капуе. Гарибальди все понял^[529], удалил от двора Мадзини и не стал препятствовать проведению плебисцита; 21 октября Королевство обеих Сицилий официально присоединилось к Сардинии. После необходимых дипломатических усилий (превращение Виктора-Эммануила из сардинского в итальянского короля требовалось согласовать с союзниками) **7 марта 1861** года собравшийся в Турине первый итальянский парламент провозгласил Виктора-Эммануила **королем Италии**. Казавшееся невозможным в 1815 году стало реальностью всего через 46 лет, в 1861-м.

До этого момента объединение Италии выглядит довольно похожим на случившееся чуть позже объединение Германии: во главе каждого из них стояли пары «король – первый министр», Виктор-Эммануил и Кавур в Италии, Вильгельм и Бисмарк в Германии. Однако уже летом 1861 года произошло событие, сделавшее итальянскую ситуацию совершенно уникальной: Камилло Кавур подхватил лихорадку^[530] и 6 июня скорпостижно скончался. Властная группировка пьемонтских либералов (их партия в целом получила название «правой», La Destra, а наиболее активная группировка была прозвана «консортерией», то есть кликой или шайкой) потеряла своего публичного лидера; но на ее политической эффективности это никак не сказалось! На должности премьер-министра поочередно побывали едва ли не все публичные фигуры группировки (такие как Рикасоли^[531], Ратацци^[532], Ланца^[533] и Мингетти^[534]), отправляясь в отставку каждый раз, когда того требовала ситуация^[535]; а между тем Италия целенаправленно добивалась присоединения оставшихся территорий – Папской

области и Венеции. Успешность этой политики (в 1866 году после Австро-прусской войны была присоединена Венеция, в 1870 после Франко-прусской войны итальянские войска вошли в Рим, который французы уже не могли защищать) подтвердила пророческие слова Кавура:

*«Во втором письме от 28 декабря 1860 года... Кавур фактически изложил свое политическое кредо. Он писал: „С парламентом можно добиться многого из того, что совершенно не под силу абсолютистской власти. Тринадцатилетний опыт убедил меня в том, что честный и энергичный министр, которому нечего опасаться разоблачений с трибуны и который не позволит запугать себя натиску партий, должен выигрывать парламентские битвы. Я чувствовал себя слабым лишь тогда, когда парламент не заседал... Если бы удалось убедить итальянцев в том, что им нужен диктатор, они выбрали бы Гарибальди, но не меня. И они были бы правы. **Парламентский путь более долгий, но он более надежный...** Если при таких условиях мы не добьемся своего, мы будем величайшими простофилями“»* [Кин, 1978, с. 26].

В следующем десятилетии умение «консортерии» использовать *парламентский путь* было доведено до совершенства. После 1870-го «правая» партия взяла курс на балансировку бюджета^[536], увеличивая налоги и сокращая расходы; разумеется, такая политика не нравилась избирателям, так что число «правых» депутатов в парламенте постепенно сокращалось. Наконец, в 1876 году случилась «парламентская революция»^[537], правые потеряли даже простое большинство, и премьер-министром впервые стал лидер оппозиции (в противовес правящей «правой» называвшейся, естественно, «левой», La Sinistra) Агостино Депретис^[538]. Вскоре после этого, в январе

1878-го, умер Виктор-Эммануил, король – объединитель Италии; ему наследовал Умберто I. Казалось бы, со сменой ключевых фигур официальной власти итальянская внутренняя и внешняя политика сделает крутой поворот, но на деле в первые шесть лет своего правления «левые» ограничились проведением налоговой и избирательной реформ.

В 1882 году Депретис, которому надоели постоянные проблемы с получением поддержки от левых депутатов (за шесть лет его трижды смещал с премьерского поста соратник по партии Бенедетто Кайроли), провозгласил на заседании парламента тактику *трансформизма*, основной смысл которой сводился к созданию коалиционных правительств, где «левые» и «правые» министры работали бы рука об руку. С этого момента грань между «правыми» и «левыми» окончательно стерлась, а работа премьер-министров свелась к сколачиванию временных союзов по продвижению отдельных законопроектов:

«В приближение важного голосования Монтечитторио [парламентский дворец в Риме] превращается в настоящий пандемониум. Правительственные агенты носятся по комнатам и коридорам, пытаясь заручиться поддержкой; субсидии, награды, каналы, мосты, дороги – все обещания идут в ход...» – писал в 1886 году Франческо Криспи, видный деятель “левой”, сам ставший премьером уже через год» [цит. по: Davis, 2000, p. 165].

В условиях столь массовой продажности депутатов реальная власть в парламенте принадлежала тем, кто располагал средствами для их покупки (должностями и просто деньгами): «консортерии» больше не требовалось побеждать на выборах, достаточно было в случае необходимости докупать нужное количество голосов. Устройство итальянской власти было очевидно любому критическому наблюдателю; вот как его

характеризовал великий русский анархист Бакунин в своей книге «Государственность и анархия» (1873 год):

«...В высших слоях итальянской буржуазии, так же как и в других странах, с единством государственным создано и теперь развивается и расширяется все более и более социальное единство класса привилегированных эксплуататоров народного труда.

*Этот класс обозначается теперь в Италии общим именем **консортерии**. Консортерия обнимает весь официальный мир, бюрократический и военный, полицейский и судебный, весь мир больших собственников, промышленников, купцов и банкиров, всю официальную и официозную адвокатуру и литературу, а также **весь парламент**, правая сторона которого пользуется ныне всеми выгодами правления, а левая стремится захватить то же самое управление в свои руки » [Бакунин, 2010, с. 494].*

Как видите, тот факт, что Италией с момента появления ее на картах как независимого государства и до середины 1880-х^[539] правили не отдельные люди (будь то премьер-министр или даже король), а участники постоянно действующей группировки (получившей даже собственное имя, «консортерия»), не был тайной за семью печатями. Уникальность итальянской власти образца 1880-х заключалась в той *скорости*, с которой возникла как сама Италия (два десятилетия от феодальной раздробленности до крупного государства), так и ее правящая группировка. Сформировавшись в 1840-х годах как коалиция аристократов и чиновников разных государств, эта группировка вынужденно была организована как олигархия. Быстрый рост владений группировки (от одной Сардинии до целой Италии, от дешевого государства в виде королевского двора до дорогостоящей конституционной монархии,

распределявшей миллиардные бюджеты) делал бессмысленной внутреннюю борьбу за ресурсы, их нужно было совместно захватывать снаружи. В результате сформировавшаяся власть не была скрыта ни древностью традиций (как в случае английской монархии), ни плохо раскрашенной маской государства^[540] (слишком уж явно парламент плясал под дудку консортерии). Ее коллективная («классовая») сущность и узкоэлитарный характер были очевидны любому заинтересованному наблюдателю. Так стоит ли удивляться, что такие наблюдатели появились?

Читатель. Кстати, а почему вы считаете первооткрывателями правящего класса Моску и Парето? Разве Маркс с Энгельсом, да вот еще и Бакунин не писали о том же самом, и гораздо раньше?

Теоретик. В том-то и дело, что не о том же самом. Марксистская традиция рассматривает Власть с экономической точки зрения: у кого контроль над средствами производства, у того и власть. В представлении Маркса и Бакунина, в Италии правила «буржуазия» – правила в том смысле, что принимаемые на государственном уровне решения отвечали ее «классовым» интересам^[541]. Но если вас интересует сама Власть (кто в нее входит, какими средствами обеспечивает подчинение и так далее), а не ее экономическая политика, то ответ «правит буржуазия» оказывается совершенно недостаточным. Разве были «буржуями» король Сардинии Виктор-Эммануил, граф Кавур, барон Рикасоли, землевладелец Ланца, журналист Мингетти, маркиз ди Рудини?^[542] Этих людей объединило в «консортерию» совсем не владение крупными капиталами, а личное знакомство и непосредственное участие в управлении государством. Их многолетняя деятельность по преобразованию

Италии основывалась на цели, имевшей мало общего с «погоней за прибылью»:

«“Италия должна быть создана и будет создана. Мы постараемся преодолеть препятствия по-хорошему, если же это не удастся, преодолеем их с помощью крайних средств...” – писал Кавур в 1860 году» [Кин, 1978, с. 25].

Практик. Тут просто имеет место различие подходов. Поскольку главным ресурсом любой властной группировки являются деньги, а получить их в большом количестве в рамках капиталистического общества можно только в капиталистической же экономике, то элита, безусловно, состоит из капиталистов. Но, как говаривал капитан Врунгель, «каждая селедка рыба, но не каждая рыба селедка», а потому вовсе не каждый капиталист входит в элиту. Более того, в нее могут войти люди, которые по происхождению капиталистами не являются. Кстати, как и при феодализме – если феодал женится на крестьянке, то она становится феодалом, а не наоборот. Мы изучаем Власть, поэтому нас интересуют элиты. Если ваша цель – пролетарская революция, читайте Ленина и Маркса, но не забывайте, что они сами не на пустом месте взялись и поддерживались очень мощными силами тогдашней *элиты*.

Теоретик. Различие между широким классом «буржуазии» и узким *правлящим* классом, на протяжении 30 лет определявшим судьбу страны, сделалось в Италии второй половины XIX века настолько очевидным, что наиболее выдающиеся мыслители наконец-то сумели его обнаружить. Первым из них стал сицилиец Гаэтано Моска, родившийся 1 апреля 1858 года в Палермо, в обеспеченной семье выходцев из Пьемонта.

По-видимому, семья эта была вхожа в тот самый правящий класс, существование которого Моска открыл

для мировой науки. Судите сами: в 1877 году Моска поступает на юридический факультет Палермского университета, в 1879-м начинает писать заметки в «Палермское обозрение», в 1881-м получает степень бакалавра. В 1882-1883 гг. Моска продолжает обучение в Риме^[543] и Палермо, но уже в области истории и географии, и одновременно работает над книгой «Теория правлений и парламентское правление», которую заканчивает 17 апреля 1883 года, в возрасте 25 лет (и спустя всего пять лет после начала хоть сколько-нибудь самостоятельной научной деятельности). В этой 356-страничной книге уже содержатся все основные идеи, которые Моска будет развивать в следующие 56 лет^[544] (существование правящего, или *политического*, класса, неизбежность власти меньшинства над большинством, критика парламентаризма, из-за которого в правящий класс попадают недостойные люди).

Столь быстрая разработка совершенно новой и весьма критической по отношению к общепринятому парламентаризму политической теории представляется невозможной без соответствующего интеллектуального окружения, в котором Моска мог сформироваться как оригинальный мыслитель. Биография Моски проливает свет на особенности этого окружения: известно [Martinelli, 2009], что в палермский университет он поступал вместе со своим *другом*, **Витторио Орландо**^[545], будущим премьер-министром Италии. Сам Моска в 1887-м получил должность секретаря в сицилийском парламенте, а в 1888 году переехал в Рим уже в качестве личного секретаря **маркиза ди Рудини** – того самого ди Рудини, который с 1886 года являлся *лидером* «правых» итальянского парламента (а позднее побывал и премьер-министром). Учитывая, что ди Рудини также был родом из Палермо, избирался в

итальянский парламент именно по этому округу, а после его смерти в 1908 году соответствующее место в парламенте фактически унаследовал Моска, можно предположить, что Моска с юношеских лет был вхож в высшие круги итальянского политического класса^[546].

Что же счел нужным сообщить миру молодой, но несомненно талантливый итальянский ученый? Прежде всего, сам факт существования политического класса:

«Среди неизменных явлений и тенденций, проявляющихся во всех политических организациях, одно становится очевидно даже при самом поверхностном взгляде. Во всех обществах (начиная со слаборазвитых или с трудом достигших основ цивилизации вплоть до наиболее развитых и могущественных) существуют два класса людей – класс правящих и класс управляемых...

*В реальной жизни мы все признаем существование этого правящего класса, или политического класса, как уже предпочли ранее определить его. Мы все знаем, что в нашей собственной стране, как бы то ни было, управление общественными делами находится в руках **меньшинства влиятельных людей**, с управлением которых, осознанно или нет, считается большинство. Мы знаем, что то же самое происходит и в соседних странах, и в действительности нам следовало бы попытаться воспринимать окружающий мир организованным иначе – мир, в котором все люди были бы напрямую подчинены отдельной личности без отношения превосходства или субординации, или мир, в котором все люди в равной степени участвовали бы в политической жизни» [Моска, 1994(1). с. 187].*

В этой отточенной к 1939 году формулировке и заключается революционное открытие, которое Моска попытался донести до своих современников. Власть в любом обществе принадлежит не отдельным «монархам» и не «всему народу»; наиболее значимые

решения готовятся и принимаются хотя и небольшой по численности, но **группой** людей, составляющих правящее меньшинство. Вот почему предыдущие теории общественного устройства, основанные на аристотелевской классификации форм власти (монархия – олигархия – республика), мало применимы на практике:

«...режим в монархической Италии ближе режиму в республиканской Франции, нежели к режиму в Англии, тоже монархии; существуют также серьезные различия между политическими организациями Соединенных Штатов и Франции, хотя обе страны являются республиками» [Моска, 1994(1). с. 188].

Практически полезной будет лишь та социальная теория, которая вместо «политических организаций», создаваемых правящими классами, начнет наконец изучать сами правящие классы;

«...ключ ко многим великим тайнам истории, точное знание первопричин, детерминирующих расцвет или упадок великих человеческих цивилизаций, нужно искать прежде всего, изучая правящие классы... Только при таком условии... история сможет каким-то образом стать учительницей жизни и сможет преподать уроки тем, кто управляет судьбами наций» [Моска, цит. по: Рахшмир, 2001, с. 25].

Читатель. Отлично, я весь в предвкушении! Надеюсь, Моска хоть что-нибудь рассказал о правящем классе, к которому сам принадлежал? Целых три знакомых премьер-министра – было у кого разузнать подробности!

Теоретик. У меня создается впечатление, что Вы нарочно иронизируете. Прочитав уже не одну сотню страниц нашей книги, нельзя быть *настолько* наивным. Три знакомых премьер-министра – это прежде всего признак умения *держат язык за зубами*, необходимого из умений человека Власти. Моска

написал тысячи страниц о самых разных правящих классах, начиная с древних евреев и заканчивая «российской буржуазией»^[547], но ни словом не обмолвился о конкретных людях, составлявших, к примеру, правящий класс Италии:

*«[Моска] просто повторяет, что правящий класс составляет меньшинство, но он не идет и **не хочет идти** дальше неопределенной отсылки на это “меньшинство”, например такой: “...эти немногие дюжины людей, которые стоят у рычагов государственной машины”., или такой “...группа, которая, в зависимости от обстоятельств, может включать две или три дюжины или даже сотню людей”» [Bobbio, 1962, p. 8].*

Практик. Что характерно, не один он такой. Более того, практически все так называемые «воспоминания» о крупных политиках на самом деле являются пересказом легенд и сплетен. *Реальные* участники важных политических событий рассказывают о чем угодно, только не о них.

Теоретик. Моска описывает правящее меньшинство как *теоретический* объект, основные особенности которого одинаковы во все времена и у всех народов (что позволяет избегать излишней конкретики). В качестве источника власти, позволяющего меньшинству навязывать свою волю большинству, он выделяет организованность^[548]:

*«В действительности суверенная власть организованного меньшинства над неорганизованным большинством неизбежна. Власть всякого меньшинства непреодолима для любого представителя большинства, который противостоит тотальности организованного меньшинства. В то же время **меньшинство организовано именно потому, что оно меньшинство**. Сто человек, действуя согласованно, с*

общим пониманием дела, победят тысячу несогласных друг с другом людей, которые общаются только один на один» [Моска, 1994(1). с. 189].

Но почему меньшинство (сотня людей) может организоваться, а большинство (тысяча, не говоря уже о миллионах) – нет? Моска вплотную подходит к еще одному открытию;

«...можно согласиться с тем, что в борьбе между двумя обществами (caeter's paribus) должно побеждать то, в котором его представители в целом будут обладать более сильным нравственным чувством и, следовательно, будут более едиными, проявят большее взаимное доверие, окажутся более способными на самопожертвование^[549]. Но это исключение не спасает, а, напротив, ведет к разрушению всей эволюционистской концепции, ибо, если в некотором обществе общий уровень нравственности оказывается выше, то вовсе не оттого, что выживают наиболее приспособленные. Более высокий уровень общественной морали невозможно объяснить ничем, кроме хорошей организации самого общества, которая складывается исторически» [Моска, 1995(2). с. 135].

Для поддержания высокого уровня организации требуется соответствующий «уровень нравственности» (способности подчинять и подчиняться), присутствующий далеко не у каждого индивида. Меньшинство правит не только потому, что меньшему числу людей легче организовать (пока миллион человек договорятся между собой, вечность кончится); оно правит еще и потому, что составляющие его люди умеют организовываться. Однако, сформулировав эту мысль практически в явном виде, Моска останавливается^[550] и поворачивает назад, к более традиционным критериям членства в «правлящем классе» (таким, как военная доблесть, богатство, место

в религиозной или бюрократической иерархии и конечно же знатность происхождения). Тем самым он успешно обосновывает малую численность правящего класса (герои и богачи всегда наперечет), а вместе с ней и центральный пункт своей теории: правит всегда меньшинство, а следовательно, рационально мыслящий человек не должен воспринимать его правление как нечто несправедливое.

В то же время правдивое раскрытие причины, помогающей меньшинству оставаться у власти (лучшая организованность), совсем не в интересах этого меньшинства: того и гляди, подданные сами захотят организовать. Поэтому правящий класс и вырабатывает **идеологию**, ложную, но убедительную легенду, оправдывающую его пребывание у власти:

*«...политический класс никогда не утверждает свою власть только в виде фактического господства, а пытается придать ей моральную, а также юридическую санкцию, представив ее как неизбежное следствие изучений и верований, общепризнанных и общепринятых в руководимом им обществе... Эта юридическая и моральная база, на которую в любом обществе опирается господство политического класса, и является тем, что в одной работе мы называли **политической формулой**» [Моска, 1995(1), с. 138].*

Сам Моска скептически относился к таким формулам, полагая, что они служат исключительно для успокоения масс, но не должны приниматься за чистую монету самими представителями правящего класса:

*«...Это заметил еще Спенсер, который писал, что божественное право короля было великим суеверием ушедших веков и что **божественное право ассамблей, избираемых посредством народных выборов, великое суеверие нашего века**» [Моска, 1995(1). с. 139].*

Итак, во все времена и у всех народов правит меньшинство, умеющее выступать единым фронтом и объясняющее свое господство с помощью популярной в массах идеологии^[551]. Но это явно не одно и то же меньшинство^[552], в каждой стране и в каждой эпохе мы встречаем свой собственный правящий класс. На протяжении большей части человеческой истории таким классом была аристократия (знать, феодалы):

«...под феодальным государством мы понимаем такой тип политической организации, при котором все управленческие, а также экономические, судебно-административные и военные функции в обществе исполняются одновременно одними и теми же индивидами...» [Моска, 1995(1), с. 142-143].

Однако Моска развивает свою теорию не ради «открытия», что при феодализме правят феодалы. Изучение правящего класса приобретает смысл тогда, и только тогда, когда этот класс отделяется от государственного устройства^[553], когда на смену феодальной приходит бюрократическая организация общества:

«Главная характерная особенность данного типа социальной организации состоит в том, что повсюду, где бы она ни имелась, центральные власти с помощью налогов изымали значительную часть социального продукта, которая в первую очередь служила поддержанию военной организации, а потом шла на удовлетворение запросов более или менее многочисленных гражданских служб. Поэтому общество оказывается тем более бюрократическим, чем больше в нем существует функционеров – чиновников, занятых исполнением публичных, то есть государственных, функций и живущих благодаря жалованью от центрального правительства или от местных властей» [Моска, 1995(1), с. 143].

В бюрократическом обществе ответ на вопрос «кто правит?» далеко не столь очевиден, как в феодальном; именно здесь и обнаруживаются неожиданные различия между двумя республиками (США и Францией) и сходства между монархией и республикой (Италией и Францией). Формальное государственное устройство перестает быть надежным критерием для оценки государственной политики, и исследователю приходится идти дальше, разыскивая в каждом государстве его правящий класс.

Но коль скоро этот правящий класс сам пожелал спрятаться за «государственной машиной», как может увидеть его исследователь, не допущенный в узкий круг посвященных (в свой собственный класс исследователь может быть допущен, но исследовать-то нужно правящие классы соседних государств)?! Да точно так же, как и сами эти посвященные, отвечает нам Моска: правящий класс не десантируется на Землю в полном составе, а формируется постепенно, привлекая в свои ряды все новых и новых сторонников^[554]. На этапе своего формирования каждый новый правящий класс обязательно будет открыто заявлять о себе, и притом делать это достаточно откровенно:

*«Однако это не означает, что любые политические формулы есть не что иное, как вульгарные шарлатанства, нарочно задуманные для того, чтобы незаслуженно пользоваться повиновением масс, и очень ошибется тот, кто станет рассматривать их именно так. Правда состоит в том, что они отвечают **действительной потребности человека**, связанной с его социальной природой: управлять и чувствовать себя управляемым не только под действием материальной и интеллектуальной силы, но также благодаря действию морального принципа» [Моска, 1995(1), с. 138-139].*

Политические формулы создаются не только для обольщения широких масс, но и для консолидации (будущего) правящего класса вокруг его основателей. В 7-й главе «Правящего класса» (с симптоматичным названием «Церкви, партии и секты») Моска приводит многочисленные примеры властных группировок, возникших вокруг религиозных или политических учений (начиная, разумеется, с ислама и заканчивая «вечным революционером» Мадзини). Все они в своем развитии прошли три этапа («три периода, через которые проходит жизнь всякого великого реформатора») – разработка учения (оно же – политическая формула), проповедь учения и (в случае успеха проповеди) формирование «руководящего ядра» будущей властной группировки. После этого начинается собственно политическая борьба – группировка должна обрести «вторым слоем» правящего класса:

«...[без которого] не была бы возможна никакая организация, потому что одного лишь первого слоя явно недостаточно для того, чтобы мобилизовывать массы и управлять ими» [Моска, цит. по: Рахшмир, 2001, с. 28].

В отношении этого «второго слоя» допустимы (и более того, единственно возможны) самые грубые приемы идеологического манипулирования:

«Отсюда следует, что верующие всегда должны быть "народом", "лучшими людьми" или "прогрессивными личностями", выступающими как авангард подлинного прогресса. Так, христианин должен с удовлетворением думать о том, что все нехристиане будут прокляты... Социалист-радикал должен быть убежден, что все, не разделяющие его взгляды, либо эгоистичные, испорченные деньгами буржуа, либо невежественные холопы-простофили» [Моска, 1994(2), с. 105].

«Все партии, все культы взяли за правило утверждать, что, сражаясь в рядах партии, человек

велик, а все прочие – дураки или мошенники» [Моска, 1994(2), с. 115].

Когда этот «второй слой» сформирован, можно переходить к прямому насилию:

«Быстрое распространение самого христианства, приписываемое им чуду, не идет в сравнение с еще более быстрым распространением ислама. Христианство распространялось на территории Римской империи в течение трех столетий. Ислам в течение только 80 лет – от Самарканда до Пиренеев. Правда, христианство действовало лишь проповедью и убеждением. Другие проявляли явную склонность к ятагану» /Моска, 1994(2), с. 113].

А что же потом, когда сопротивление противников подавлено, и властная группировка становится **правлящим** классом? Да то же самое, что мы уже не раз читали у Ибн Хальдуна и Макиавелли:

«Правящий класс, который может позволять себе от имени суверена делать все, что ему вздумается, претерпевает самую настоящую моральную деградацию. Такая деградация свойственна тем людям, действия которых не сдерживают никакие узы и никакой контроль, налагаемые обычно мнениями и совестью других людей. Ответственность подчиненных в конце концов пропадает из-за безответственности и всевластия одного человека или небольшой группы, вставшей во главе всех функционеров, того или тех, чье имя – царь, султан или Комитет общественного спасения, и на всю политическую машину постепенно распространяются те же пороки, какие абсолютизм породил у высших лиц» [Моска, 1995(2), с. 140].

История формирования правящего класса и его **политической формулы** позволяет понять, что же он в действительности собой представляет и как будет вести себя в меняющихся политических обстоятельствах. Моска особо отмечает важность

«второго слоя» правящего класса, не допущенного до личных контактов с руководящим ядром, и потому вынужденного принимать решения исходя из воспринятой им идеологии:

«В конечном счете именно от уровня морали, интеллигентности и активности этого второго слоя зависит состояние всего политического организма... интеллектуальные и моральные недостатки этого второго слоя оказываются намного более опасной и трудноизлечимой угрозой для политического организма, чем та, которая возникает в тех случаях, когда те же самые недостатки проявляются у нескольких десятков людей, держащих в руках рычаги от механизмов государственной машины» [Моска, цит. по: Рахшмир, 2001, с. 28].

В результате сам «первый слой» оказывается заложником своей политической формулы в том виде, в котором она оказывается воспринята «вторым слоем». Резкие повороты руля «государственной машины», противоречащие привычкам «второго слоя», будут в лучшем случае саботироваться, а в худшем – приведут к революции внутри самого правящего класса. Именно эта инерционность правящих классов делает полезным знание их происхождения и политических формул.

Как видите, Моска не просто открыл существование правящих классов, но и обнаружил их существенную особенность, невидимую (в силу неразвитости самого предмета наблюдения) для его предшественников. Для Макиавелли проблемы противодействия «второго слоя» резкой смене курса, диктуемой политической необходимостью, еще не существовало, его «доблесть» гарантировала единство правящего класса в любых условиях. Правящий класс Моски^[555], опирающийся на идеологизированный «второй слой», оказался менее свободен в своих действиях, а следовательно, менее

долговечен. Удержание вечной власти в одних и тех же руках представлялось Моске несбыточной мечтой; будущее человечества он видел в тех же мрачных тонах, что и его прошлое:

*«Вечно готовые на поиски того, что они считают благом, люди всегда находят предлог убивать и преследовать друг друга. Некогда они убивали и преследовали из-за трактовки догмы или отрывка из Библии. Затем убивали и преследовали во имя Царства свободы, равенства и братства. Сейчас они убивают и преследуют, дружески мучают друг друга во славу других вероучений. Завтра, возможно, они **станут убивать и мучить друг друга с целью уничтожить последние следы жестокости и несправедливости на земле!**»* [Моска, 1994(2), с. 116].

Читатель. Хотел было спросить, применял ли Моска свою теорию на практике, но после такого заключения даже и не знаю... Зачем создавать теорию, которая не оставляет никакой надежды?

Теоретик. Моска ответил бы вам, что задачей ученого является видеть мир таким, каков он есть, а не таким, каким его хочет видеть жаждущая подчиняться толпа. Если беспристрастный исторический анализ показывает, что во все времена и у всех народов правящие классы формируются одним и тем же способом, а потому неспособны к дальнейшим изменениям, то следует честно признать этот неприятный факт и действовать дальше с учетом его существования.

Одной из практических рекомендаций, вытекающих из этого вывода, станет отношение к такому правящему классу как к *еще одному инструменту* (подобному государственной машине), который нужно менять, когда он приходит в негодность. Другим способом контроля над «широким» правящим классом может быть воспитание его «второго

слоя» в духе беспрекословного повиновения *любым* решениям «первого слоя» (догмат о непогрешимости партии)^[556]. Но такого рода рекомендации могут быть адресованы только узкому кругу лиц, свободных от идеологических предрассудков **собственного** правящего класса, только его «первому слою»; а потому было бы странно искать подобные рассуждения в книгах для широкой публики. Сам Гаэтано Моска несколько десятилетий^[557] находился в итальянской политической элите (с 1909 года парламентарий, в 1914-1916-м помощник министра, с 1919 года сенатор) и имел все возможности для частного разъяснения своих идей «двум-трем дюжинам людей у руля государственной машины».

Судя по дальнейшим событиям (переворот Муссолини, Вторая мировая война, упразднение монархии в 1946 году), эти советы не слишком помогли наследникам «консортерии». Но прогнозы, которые мы встречаем в публичных текстах Моски, позволяют предположить, что виноваты в этом скорее слушатели. Вот, например, оценка ситуации 1923 года (2-е издание «Элементов»):

«Мы замечаем, как по мере увеличения доли общественного богатства, забираемой и распределяемой государством, у глав политического класса становится все больше средств влияния на подданных, как они при этом все легче уходят от любого контроля. Разве не видим мы, как одной из важнейших причин упадка парламентаризма стало увеличение числа подрядов на государственные работы и прочих милостей экономического характера, оказываемых управленцами избранным индивидам и объединениям людей...» [Моска, 1995(3), с. 133].

Уже в следующем году фашистская партия Муссолини получит абсолютное большинство в

парламенте, а еще через несколько лет установит в Италии однопартийное правление, консолидировав все распределяемое государством богатство в одних руках. Не правда ли, Моска неплохо понимал, куда дует ветер (хотя и был бессилен ему помешать)?

В 1939 году в завершающей главе «Правящего класса» Моска размышляет о будущем парламентского правления (к тому времени замененному в большинстве стран однопартийными диктаторскими режимами) и приходит к парадоксальному выводу: хотя на текущий момент кажется, что парламентаризм окончательно уступил место диктатурам или «бюрократиям»^[558], история учит, что после краха казавшихся сильными и вечными диктатур им на смену частенько приходит именно представительское правление. Уже через несколько лет Вторая мировая война разрушила большую часть милитаристских диктатур, и прогноз Моски стал реальностью (в Италии вслед за диктатурой упразднили даже конституционную монархию).

Итак, Гаэтано Моска сделал громадный вклад в теорию Власти, разработав оригинальную теорию «правлящего класса», включающую в себя его существование в «машинном», *бюрократическом* государстве. Для захвата контроля над государственной машиной властная группировка создает себе «партию» и в случае успешного расширения превращается в правящий класс, обладающий единой «политической формулой» и «вторым слоем» идеологизированных сторонников. Этот же «второй слой» ограничивает захватившую власть группировку в дальнейших действиях, но не препятствует, а скорее помогает ей нравственно деградировать. Прямым моральным следствием из такого понимания «элиты» является известная формула – «всякая власть развращает, абсолютная же власть

развращает абсолютно». Согласно теории Моски, кто бы вами ни правил, скорее всего, это будут худшие представители рода человеческого^[559].

Разумеется, подобная теория не могла стать популярной среди представителей правящего класса. До 1939 года книги Моски не переводились на английский, и его работы оставались совершенно неизвестными за пределами Италии. В англоязычном мире место «правлящего класса» занял другой, куда более позитивный термин – «элита»; произошло это после того, как другой итальянец, **Вильфредо Парето**^[560], создал в начале XX века **теорию элит**. Впервые он сформулировал ее в книге «Социалистические системы» (1902), а позднее включил некоторые ее положения в английское издание «Курса политической экономии» (1906), благодаря которому термин «элиты» и занял прочное положение в общественных науках.

Автоматически произнося вслед за словом «правлящие» слово «элиты», мы следуем традиции, ведущей свое начало от книг Парето. А между тем «теория элит» Парето существенно отличается от теории Моски, и ставить знак равенства между «элитами» и «правлящим классом» (не говоря уже о властных группировках) было бы серьезной ошибкой. Разницу между ними можно почувствовать уже с первого же определения «элиты», сформулированного Парето:

«Но если мы распределим людей в зависимости от степени их политического и социального влияния, то в отношении наиболее значительной части общества окажется, что многие на такой фигуре займут те же места, что и на той, которая представляет распределение по богатству. Классы, именуемые высшими, как правило, оказываются также и наиболее

богатыми. Эти классы образуют элиту, или "аристократию"...» [Парето, 2007].

Парето пришел к идее «элиты», размышляя над распределением богатства (сегодня известного как «кривая Парето»): немногие богачи владеют большей его частью, громадное количество бедняков – оставшейся меньшей. Но если построить кривую по другим параметрам (влиятельности, известности, интеллекту...), ее форма останется точно такой же! Немногие наверху, многие внизу – это распределение оказывается универсальной характеристикой человеческого общества, законом его существования. Но если так, то в любом обществе существует верхушка, или элита, и именно ее следует изучать социологу!

До «Социалистических систем» Парето называл такую верхушку аристократией; идея переименовать ее в «элиту» возникла у него вместе с пониманием **изменчивости состава** «высших классов». Принадлежность к аристократии передается по наследству; но место в числе самых богатых и влиятельных людей государства вполне может занять и «выскочка» вроде Наполеона или Бисмарка. Если состав «аристократии» регулярно, а в случае революций так и полностью, меняется, то какая же это аристократия? Это элита, а изменчивость становится ее второй главной особенностью.

Далее Парето формулирует знаменитую концепцию «циркуляции элит»:

«...аристократии не могут сохранять силу, не избавляясь от подобных [выродившихся] элементов и не принимая в свои ряды новые элементы. Данный процесс похож на другой, наблюдаемый у животного, сохраняющего жизнеспособность только когда его организм удаляет некоторые элементы, заменяя их новыми и ассимилируя эти новые элементы. Когда такая циркуляция прекращается, животное умирает. То же

самое происходит и с социальной элитой» [Парето, 2007].

Но как может «умереть» верхняя часть кривой распределения богатства?! Понятно, что Парето говорит уже о некотором организованном сообществе, располагающем возможностью выбора – пускать в свои ряды «чужаков» или полностью закрыться от внешнего влияния. Известная фраза Парето – «история есть кладбище аристократий» – свидетельствует, что сам он весьма скептически относился к возможности добровольного обновления элиты. Куда чаще «циркуляция элит» заключается просто в замене одной элиты на другую:

«Пусть А – это элита, находящаяся у власти; В – элита, пытающаяся оттеснить от власти элиту А, чтобы самой занять ее место; С ~ остальная часть населения, включающая неадаптированных людей, тех, кому недостает энергии, характера, ума, одним словом, людей, оставшихся вне элиты. А и В главенствуют и стремятся заручиться поддержкой своих сторонников от С, используемых ими как орудие. Одни С были бы беспомощны, как армия без командиров; они приобретают значимость и вес только тогда, когда их возглавляют А или В, Очень часто и даже почти всегда именно В оказываются во главе их, в то время как А усыпляют себя надеждами на собственную безопасность и презируют С... Если В постепенно занимают места, принадлежащие А, благодаря медленной инфильтрации, если социальная циркуляция не прерывается, то С лишаются лидеров, которые могли бы побудить их к бунту, и наблюдается период процветания. Но обычно А стремятся противодействовать этой инфильтрации... [и тогда] В могут захватить власть, только сразившись с А и обратившись к помощи С» [Парето, 2007].

В этом описании под «элитами» снова понимаются организованные сообщества (фактически – властные группировки), соответствующие «церквям, партиям и сектам» у Моски. Однако как само их название – элита, не шваль какая-нибудь! – так и их описание (те, кому *достает* «энергии, характера, ума») создает у читателя впечатление, что в этих группировках действительно собираются лучшие представители конкретного общества. Смена одной «элиты» на другую происходит не в силу абсолютного разращения правящего класса, как это было у Моски, а исключительно потому, что тот не допускает в свои ряды выдающихся людей из *другой* элиты. Революции Парето описывает в столь же хвалебном по отношению к «элитам» духе:

«Когда элита В приходит к власти и сменяет элиту А, дошедшую до полного упадка, как правило, наступает период высшего процветания. Некоторые историки видят в этом исключительна заслугу "народа" т.е. С, В таком утверждении верно только одно – то, что низшие классы производят новые элиты. Что же касается самих низших классов, то они не способны управлять, и охлократия не приводила никогда ни к чему другому, кроме бедствий» [Парето, 2007].

Двойственность определения «элиты» (так можно называть, в зависимости от желания автора, и верхнюю часть кривой распределения, и конкретную властную группировку; следовательно, властная группировка автоматически ассоциируется с «лучшими») и откровенное славословие в ее адрес (сосредоточение «энергии, характера и ума») сделали свое дело: работы Парето были хорошо встречены публикой, а его идеи широко распространились в научном мире. Особенно высоко ценил Парето Бенито Муссолини, называвший его теорию «самой гениальной концепцией нового времени» и «начертанной рукой мастера философией будущего» [Рахшмир, 2001, с. 51].

Читатель. Чувствуется, что вам, в отличие от широкой публики, теория Парето не слишком-то нравится!

Теоретик. Видите ли, я все-таки теоретик, а не широкая публика. Социологические тексты Парето исключительно многословны и схоластичны, и вытаскивать из них хоть какое-то содержание – тяжелый и довольно бессмысленный труд. На мой взгляд, собственно теории-то Парето и не создал, ограничившись громоздким описанием некоторой абстрактной модели.

Однако теория, в которой правящий класс формируется не с помощью «партийного строительства», подразумевающего обман и насилие, а за счет *высоких личных качеств* конкретных лиц, попадающих в «элиту» путем «циркуляции», всегда может рассчитывать на благосклонность представителей Власти. И хотя развивать дальше подобную теорию довольно сложно^[561], Парето сумел пробить «заговор молчания», до XX века окружавший тему элиты в общественных науках. После работ Парето и Моски *существование* правящего класса уже не подвергалось сомнению; теперь можно было ставить вопросы о том, как он устроен, как живет и развивается и какими способами поддерживает свое исключительное («у руля государственной машины») положение в обществе.

Практик. Как легко заметить, Парето был статистик, то есть он рассматривал «верхнюю часть распределения» (которая существует в любом случае) без описания деталей ее существования. Стадо тоже можно считать по головам – только, как говорил Наполеон, баран во главе стада тигров проиграет стаду баранов под руководством тигра. Теоретически, не исключено, что Парето хотел понравиться власти, но

любой опытный человек Власти в это *не поверит* – просто потому, что понравиться можно разными способами, зачем при этом трогать *столь деликатную* тему? Скорее, тут классический случай «учоного прохфессора», который нарисовал картинку, написал что-то про ее части, а потом понял, что дело-то серьезное и пахнет керосином, а потому нужно как-то выкручиваться. А отказаться от этого открытия он не мог, поскольку, как это часто бывает с учеными, знания жгли ему язык.

Этим Парето радикально отличается от Моски, который понимал и с чем имеет дело, и как оно там внутри устроено. И не боялся этого «чего-то» (Власти) совершенно. Тут тоже можно сравнивать – классических советских интеллигентов, у которых страх перед КГБ был просто до дрожи в печенке, и детей работников этого самого КГБ, которые над ними откровенно насмехались. Я во времена своего студенчества видел дискуссии между такими людьми и поэтому хорошо себе представляю разницу между подходами Моска и Парето.

2. Властвующая элита

Флойд Хантер, «Структура власти в сообществе» (1953).

Райт Миллс, «Властвующая элита» (1956)

Читатель. Ставить-то вопросы, конечно, можно. Но как у Хантера и Миллса получилось на них ответить? Если они сами из правящего класса, то почему передумали держать язык за зубами, а если нет – то откуда узнали, как там все устроено?

Теоретик. Чтобы ответить на этот вопрос, нужно в очередной раз обратиться к истории...

Практик. Нужно вспомнить, как создавались США. Центральная власть там на первом этапе ни в грош не ставилась, но постепенно усиливалась, что требовало как-то к этому процессу отнестись. Кроме того, если в Европе было принято жестко разделять функции между различными государственными институтами, то в США они были умышленно проведены крайне нечетко. И, как следствие, тоже требовали осмысления. Это, конечно, не ответ, но перечисленные обстоятельства существенно стимулировали интерес к теме. Кстати, в Италии второй половины XIX века ситуация была похожая.

Читатель. Что-о?! Вы теперь еще и историю Власти в США рассказывать будете?! Да так мы никогда не закончим!

Теоретик. Лучшая книжка та, которая не кончается, не правда ли? Но если серьезно, то история Власти в США слишком интересная тема, чтобы говорить о ней в примечаниях к открытиям Хантера и Миллса. Особенно с учетом того обстоятельства, что сами эти открытия были сделаны без особого участия Власти.

Читатель. Вот тут поподробнее, пожалуйста. До сих пор без содействия Власти ученые не могли и шагу ступить, а тут вдруг сделались такими самостоятельными. Что случилось?!

Теоретик. Случился XX век. Уже в биографии Парето Вы могли разглядеть его контуры – впервые исследователь Власти обеспечивал себя *за ее пределами*, работая наемным менеджером на железной дороге, а позднее – преподавателем в университете. Наш исторический обзор касался только теорий Власти, и за его рамками осталась вся прочая история человечества – а в ней к XX веку успели произойти Научная и Промышленная революции. Наука, когда-то бывшая забавой представителей высших классов,

превратилась в независимую отрасль экономики; все большее число людей готово было платить за качественное образование, а возникающие тут и там университеты^[562] были готовы его предоставить. Профессия ученого становилась столь же обычной, как инженера или промышленного рабочего, а число отдельных наук^[563] росло вместе с разнообразием общественной и хозяйственной жизни. Рано или поздно эта научная экспансия должна была добраться и до общества, сделав его предметом изучения соответствующей дисциплины.

Читатель. Вы говорите о социологии?

Теоретик. Не о социологии вообще (откройте любой курс истории социологии, и увидите там Конта и Маркса, а то и Сен-Симона с Монтескье), а о *научной* социологии, о том, что можно преподавать в университете за деньги^[564]. И тут мы обнаруживаем первый звоночек, позволяющий понять, почему открытия Хантера и Миллса были сделаны именно в США. Первый в мире университетский курс социологии^[565] был прочитан в 1876 году в американском Йельском университете (его автором стал Уильям Грэхем Самнер^[566], перешедший в социологи из экономистов). Через 30 лет в США появилось уже достаточно социологов^[567] для основания в 1905 году Американской социологической ассоциации^[568].

Благодаря столь раннему старту, американская социология к концу XIX века ничуть не отставала от европейской^[569], а после Первой мировой войны, разорившей континентальную Европу, окончательно утвердилась в качестве лидера^[570]. Именно в США эмпирическая социология, долгое время остававшаяся в тени у более традиционной теоретической^[571], стала полноправной научной дисциплиной. Произошло это

после публикации в **1918** году фундаментального исследования Уильяма Томаса и Флориана Знанецкого **«Польский крестьянин в Европе и Америке»**. Пятитомный труд, почти целиком состоявший из *первичных* социологических данных (писем и дневниковых записей тех самых крестьян), стал результатом восьмилетней работы социологов в Европе и США. После его появления абстрактные теоретизирования на тему «общества» стали для американских социологов не столь интересны, как добыча и систематизация первичных фактов. Социологический факультет Чикагского университета (того самого, созданного только в 1890 году), профессором которого был Уильям Томас, стал центром новой американской социологии («Чикагская школа»). Преподаватели и студенты факультета с энтузиазмом включились в работу по изучению всего на свете, вооружившись методологией case study – изучения отдельных явлений социальной жизни с помощью интервью у их непосредственных участников^[572].

Параллельно с академической наукой в США набирала силу и совершенно прикладная социология. На фоне газетного бума (газеты в те годы заменяли людям сегодняшние телевидение и Интернет) все большую популярность приобретали «соломенные опросы»: в газетах публиковались карточки с вопросами, которые можно было вырезать и прислать в редакцию, высказав свое мнение по какому-нибудь острому вопросу (в наши дни такие опросы переключались на радио). С 1916 года журнал «Литературный дайджест» начал проводить опросы по президентским выборам (рассылая карточки с уже оплаченным ответом)^[573]. К моменту, когда американские социологи пресытились словесной информацией о разнообразных «частных случаях» и

захотели количественных данных, к их услугам уже был готов инструмент общенациональных опросов.

Опросы меньших масштабов пользовались широкой популярностью в американских городах, с их давними традициями самоуправления:

«Масштабы Спрингфилдского обследования, которым руководил Шелби Харрисон, превышали все достигнутое ранее. В 1912 г. Фонд Расселла Сейджа^[574] создал Отдел социальных обследований и общественного наблюдения. За 3 месяца до опроса в Спрингфилде (штат Иллинойс) развернулась шумная газетная кампания по выявлению 'социальных проблем'. В проект включились все жители города, каждый из которых внес в фонд проекта 10 центов. Кроме того, в работе участвовали тысячи добровольцев» [Батыгин, 1995].

Даже крупный бизнес не остался в стороне от этого всеобщего увлечения социологией. Так, в 1927-1932 годах компания «Вестер Электрик» провела масштабное исследование производительности труда на сборочном конвейере^[575]; а в 1937 году фонд Рокфеллера запустил не менее знаменитый Radio Research Project^[576] – общенациональное исследование влияния средств массовой информации (то есть радио, телевидение тогда еще не было массовым) на американское общество. К руководству проектом были привлечены видные социологи Пауль Лазарсфельд^[577] и Теодор Адорно. Выдающихся научных результатов в проекте получить так и не удалось, но политически он оказался чрезвычайно удачным: в 1940 году штаб-квартира проекта разместилась в Колумбийском университете (Нью-Йорк), Лазарсфельд стал его профессором и вскоре реорганизовал частный Radio Research Project в университетское Бюро прикладных социальных исследований^[578]. Так благодаря частному

исследованию в американской социологии появился новый центр влияния, тяготеющий к количественным методам («Колумбийская школа»).

Триумфом количественных методов стал выход в 1949 году фундаментального исследования **«Американский солдат»**. Его автор, Сэмюел Стауффер^[579], хотя и принадлежал географически к Чикагской школе, но уже с 1936 года регулярно обсуждал с Лазарсфельдом методологию количественного анализа и в этой работе сделал решающий шаг от расплывчатых «интервью» к точным количественным анкетам. За годы войны ему и его ассистентам удалось опросить 500 тысяч (!) американских солдат по более чем 200 разным вопросам. Результаты исследования, едва уместившиеся в два увесистых тома, оказались чрезвычайно интересными (сам Хемингуэй зачитывался этой книгой) и во многом неожиданными:

«В 1967 г. на собрании Американской социологической ассоциации Пауль Лазарсфельд делал доклад по методам измерения и остановился на мнимых тривиальностях, в которых часто упрекают социологическую науку. Известно, что солдаты с более высоким уровнем образования проявляли во время войны больше психоневротических симптомов, чем их менее образованные товарищи – психическая нестабильность интеллектуала не требует особых доказательств. Южане лучше переносят жаркий климат южных морей, чем северяне, – это просто трюизм. Рядовые-белые больше стремятся стать унтер-офицерами, чем рядовые негры – отсутствие у негров честолюбия вошло в поговорку... Самюэль Стауффер потратил для получения этих выводов много сил и энергии. Не лучше ли принимать их без доказательств и сразу переходить к более глубокому уровню анализа?»

На самом деле каждое из этих утверждений прямо противоположно тому, что было обнаружено в действительности. Солдаты с низким уровнем образования более невротичны, чем их более образованные товарищи; южане не обнаружили по сравнению с северянами большей адаптации к тропическому климату; негры больше стремились к повышению в должности, чем белые» [Батыгин, 1995].

К началу 1950-х американская социология превратилась из интеллектуальной забавы в мощную, поддержанную как университетами, так и частными фондами исследовательскую дисциплину, способную давать верные ответы на самые сложные вопросы об общественной жизни. Традиции Чикагской школы учили социологов без колебаний браться за изучение любого предмета, будь то гангстеры или эмигранты. Только-только появившаяся Колумбийская школа вооружала их надежными методами получения объективного знания. Рано или поздно эта научная машина должна была обнаружить в американском обществе то, что Гаэтано Моска за полвека до этого разглядел в итальянском. Вопрос заключался не в том, доберется ли американская социология до правящего класса, а в том, как скоро и трудами каких социологов она это сделает.

Биография Флойда Хантера^[580], которому посчастливилось победить в этой невидимой гонке, служит прекрасной иллюстрацией **НОВОЙ ЭПОХИ** в теории Власти. Родившись в семье Кентукки некоего фермера, он уже в четыре года пережил развод родителей и провел детские годы, переезжая от отца к матери и обратно. Совершеннолетие Хантера пришлось как раз на начало Великой депрессии, он несколько лет не мог найти работу, голодал, бродяжничал и даже поучаствовал в знаменитом Марше ветеранов на Вашингтон (1932). Устроившись наконец социальным

работником (благодаря «новому курсу» Рузвельта, создавшему дополнительные рабочие места в госсекторе), Хантер изо всех сил держался за профессию, постоянно повышая свою квалификацию. К середине 1930-х он перебрался в Чикаго, где прослушал два курса лекций в местном университете (как раз в годы расцвета тамошней «Чикагской школы») – по социальным наукам и по администрированию. В 1940-м Хантер получает новое место в Индианаполисе, а в 1943-м становится руководителем юго-западного территориального управления «Объединенных организаций обслуживания»^[581]. На этом посту ему приходится заниматься привлечением средств на благотворительность, а значит, и много контактировать с богатыми людьми, о которых раньше Хантер мог разве что читать в газетах. После окончания войны деятельность «Объединенных организаций» сворачивается, и в 1946 году Хантер устраивается на новую должность – руководителем детского клуба при Общественном совете^[582] в Атланте.

За несколько лет выпрашивания денег у богачей у Хантера сложились вполне определенные политические убеждения, полностью противоречащие интересам его нанимателей. В 1948 году случилось неизбежное: Хантер предоставил помещение клуба для предвыборного выступления Генри Уоллеса^[583] (почти коммуниста по тем временам), и практически сразу же был за то уволен (под предлогом «превышения полномочий»). Однако к этому времени у Хантера имелись некоторые сбережения, что позволило ему переехать в Северную Каролину и завершить образование в тамошнем университете. В 1950 году он организовал и самостоятельно провел социологическое исследование в уже знакомой ему Атланте; в 1951 году написал по его результатам докторскую диссертацию; в

том же году получил степень Ph.D по социологии и антропологии и перешел к преподавательской деятельности. Наконец, в 1953-м диссертация Хантера была опубликована в виде книг и под названием **«Community Power Structure»**^[584], и с этого дня в США появилась новая наука – **социология власти**^[585].

Как видите, Флойд Хантер являл собой полную противоположность привычному нам облику «исследователя Власти» (выросшему в хорошей семье и приближенному, вплоть до личного членства, к правящему классу своей страны). Хантер в полном соответствии с американской традицией «сделал себя сам»^[586], и крайне критически относился к богачам, получившим свои состояния по наследству или в силу принадлежности к высшим слоям общества. Приступая к изучению Власти на примере крупного американского города^[587], Хантер не располагал никакой инсайдерской информацией о ее внутреннем устройстве и искренне удивился полученным результатам (которые нам с Вами, уважаемый читатель, вряд ли могут показаться сколько-нибудь новыми). Столь же поразительными оказались его открытия и для американских ученых, уже привыкших к неожиданностям прикладной социологии, но еще ни разу не сталкивавшихся с применением ее методов в отношении Власти.

Вслед за Моской и Парето Хантер предполагал существование за фасадом «американской демократии» реального правящего класса и видел свою задачу в его достоверном обнаружении:

«На первой же странице своей книги он утверждает, что существующая политическая система в США не соответствует общепринятому пониманию демократии, что между лидерами и массами нарушена коммуникация и важные общественные проблемы

решаются в **интересах меньшинства**. Чтобы изменить ситуацию, необходимо знать, **кто на самом деле обладает властью** и каковы взаимоотношения между этими людьми» [Ледяев, 2012, с. 225].

Как же выявить это меньшинство, умеющее решать вопросы в свою пользу и потому обладающее реальной властью? Хантер в своей жизни не раз сталкивался с похожей задачей – как узнать, к кому лучше обращаться за пожертвованиями? – и превратил свой опыт в методику выявления *городских лидеров*. Исходя из здравой идеи, что «от людей на деревне не спрячешься», Хантер начал свое исследование с составления списка *потенциальных* лидеров – бизнесменов, политиков, госслужащих и гражданских активистов. Перечень бизнесменов был взят из местной Торговой палаты, политиков – из членов городского Совета, госслужащих – из влиятельной в те годы Лиги голосующих женщин^[588], активистов – из анализа публикаций местной прессы [Domhoff, 2005]. В результате получились четыре списка, в которые вошли 175 персон (напомним, что в Атланте тогда проживало 330 тысяч жителей, так что потенциальных лидеров набралось довольно много – по одному человеку на каждые две тысячи).

На следующем этапе Хантер составил вопросник и предложил 14 экспертам (не входившим в число потенциальных лидеров, но хорошо ориентирующимся в городских проблемах) проранжировать персоны в каждом из четырех списков, поставив на первые места наиболее влиятельных людей. Так строго формально были отобраны четыре первые десятки, составившие вместе 40 лидеров. До этого этапа работа Хантера не отличалась оригинальностью – сегодня списки «самых влиятельных персон» не составляет только ленивый. Но Хантер сделал следующий шаг: он подготовил *второй*

вопросник и отправился с ним к каждому из этих 40 человек. Его интересовало, кого *сами лидеры* считают наиболее влиятельными людьми в Атланте^[589], кого бы они добавили к списку топ-40, какие городские проблемы волнуют их больше всего [Domhoff, 2005], с кем из топ-40 лично знакомы, в каких клубах проводят время и все такое прочее.

А теперь сделаем небольшую паузу. Предположим, что в списке Хантера оказались бы случайные люди, зиц-председатели, все вопросы за которых решали бы настоящие хозяева. Кого бы они назвали в качестве самых влиятельных людей?

Читатель. Ну уж не своих сюзеренов, конечно. Придумали бы кого-нибудь, разве человек Власти правду скажет?

Теоретик. Совершенно верно, они назвали бы относительно случайные фамилии, которые вряд ли совпали бы между собой. Но когда Хантеру удалось опросить 27 из 40 «лидеров» и он сопоставил между собой результаты, выяснилось, что в качестве «самых влиятельных людей Атланты» они называли главным образом **друг друга**. Только шесть человек, отсутствовавших в списке топ-40, оказались упомянуты больше чем тремя из 27 участников! Подобный консенсус относительно «лидеров города» можно было объяснить только одним: все эти люди хорошо знали друг друга и неоднократно участвовали в совместном решении городских проблем. Поэтому у них не было сомнений относительно того, с кем в Атланте нужно решать вопросы.

Ответы на другие вопросы анкеты подтвердили это предположение. Когда Хантер выявил среди топ-40 подгруппу лидеров, чаще других указывавших друг друга в качестве «влиятельных людей», оказалось, что все эти люди знакомы между собой [Ледяев, 2012, с.

227], «живут в одном районе, принадлежат к одним и тем же клубам и заседают в одних и тех же советах директоров» [Domhoff, 2005]. Внутри списка достаточно произвольно выбранных потенциальных лидеров обнаружилась **реальная**, и весьма сплоченная, группа городских заправил!

Читатель. Прямо-таки «Консортيريا-2»!

Теоретик. Или «Консортيريا-222», ведь нет никаких оснований думать, что Атланта чем-то уникальна среди американских, а то и вообще всех городов. Отличие атлантской «консорттерии» от итальянской заключалось разве что в том, что итальянская была на виду у всей Европы, а про атлантскую знали только те, кому это было положено знать. Исследование Хантера позволило выявить реальную структуру городской власти: помимо «лидеров», в топ-40 входило некоторое число людей, знакомых с несколькими лидерами^[590], но практически не знакомых между **собой**. Таких влиятельных, но недостаточно влиятельных людей Хантер назвал «профессионалами»:

«...анализируя практику принятия решений по некоторым важным вопросам жизни города, Хантер обнаружил, что главную роль всегда играет относительно замкнутая группа людей (топ-лидеры), тогда как исполнители политической воли элиты („профессионалы“) меняются в зависимости от того, какая именно проблема находится в процессе решения. Опрошенные Хантером репутационные лидеры были практически единодушны в том, что для "запуска" проекта необходимо относительно небольшое количество топ-лидеров. После этого может понадобиться сравнительно много людей для его осуществления – от 10 до 100 человек. То есть функционально необходима небольшая группа для

принятия политического решения, а "осуществителей политики" могут быть сотни...» [Ледяев, 2012, с. 228].

Читатель. Да это просто пересказ Моски с его «двухслойным» правящим классом!

Теоретик. Не пересказ, а эмпирическая проверка его теории, и притом весьма успешная. Как бы мы ни ценили Моску за его открытия, вклад Хантера в теорию Власти значительно весомее: он впервые не просто обнаружил правящий класс, а эмпирически, *научно* обосновал его существование. После Хантера говорить о том, что «правлящая элита» всего лишь выдумка, а правит «весь народ», стало невозможным, так что правящему классу пришлось срочно менять способы своей маскировки. Но не будем забегать вперед, а продолжим знакомиться с результатами Хантера.

Помимо «вертикального» разделения правящего класса, Хантер выявил и его горизонтальную структуру:

«Крупнейшие бизнесмены, как правило, становятся неформальными лидерами "компаний" (групп своих людей, группировок – "crowds"), в которые входят практически все репутационные лидеры...» [Ледяев, 2012, с. 231].

Единый на первый взгляд правящий класс оказывается в ближнем рассмотрении состоящим из *нескольких* группировок, умеющих находить общий язык, но в любом случае имеющих разные интересы. Устройство Власти в Атланте оказывается очень похожим на уже описанную нами «парламентскую» систему, или «конституционную олигархию»: борьба группировок ограничена некими правилами игры, обязательными для всех участников. Это позволяет правящему классу не только выглядеть единым для стороннего наблюдателя, но и совместно действовать в случаях проектов, сулящих выгоду каждому из участников [\[591\]](#) (или в случае общих угроз).

Хантер заостряет внимание на роде занятий правящего класса Атланты: абсолютное большинство «лидеров» оказались **бизнесменами**. Для Хантера это было всего лишь проявлением «американского капитализма», который неплохо было бы подвинуть в сторону «социализма»; мы же видим в этом результате реализацию идеи Моски о том, что понять общество можно лишь поняв его правящий класс. Общество, где правящий класс составляют бизнесмены, будет ощутимо отличаться от общества, во главе которого стоят наследственные аристократы (которые играли важную роль в итальянской консортерии) или, к примеру, «полевые командиры» (как это модно сейчас в «горячих точках» планеты). Основные интересы лидеров Атланты, выявленные Хантером, заключались в банальном **«делать деньги и сохранять собственность»**, они не ставили перед собой каких-то идеологических целей (вроде объединения Италии или строительства нового, справедливого общества). Будучи практическим социологом, Хантер ограничился установлением этого факта, оставив сравнительный анализ правящих классов другим исследователям.

Далее, Хантер обнаружил и описал практические методы, которыми правящий класс осуществляет свою Власть:

«Непосредственным источником влияния являются прежде всего личные связи, которые обычно не афишируются^[592]... и материальные ресурсы, делающие лидеров желательными участниками политических коалиций и дающие им возможности осуществлять скрытое принуждение путем угрозы отказать в предоставлении кредитов... В определенных ситуациях используется сила и принуждение в отношении тех, чье поведение идет вразрез с интересами и (или) ценностями власть имущих. Структура власти,

подчеркивает Хантер, обладает средствами принуждения, которые при необходимости могут быть использованы для достижения результата, и большинство профессионалов-управленцев хорошо осознают их силу...

Хантер приводит несколько достаточно ярких примеров, показывающих, как власть имущие наказывали тех, кто пытался сопротивляться их власти. По отношению к ним применялись и угрозы увольнения, и всевозможные расследования их деятельности, и... соответствующая обработка общественного мнения. Но непосредственное давление использовалось достаточно редко; обычно было достаточно сделать соответствующий намек» [Ледяев, 2012, с. 233-234].

Как видите, «мирное» сосуществование сложившихся группировок не означает их вегетарианского характера: любой претендент не из своего круга рискует столкнуться с организованным противодействием всего правящего класса (а не только непосредственно конкурирующей группировки). Подобное умение выступать единым фронтом заставляет вспомнить макиавеллиевскую доблесть – пусть и не в виде «отдать жизнь за республику», а в более скромном «поделиться прибылью ради общего дела».

Флойд Хантер не обнаружил в Атланте ничего нового для нас, уже не первую сотню страниц изучающих теорию Власти; но для американских социологов он открыл целую новую реальность (власть в городских сообществах), которую теперь можно было исследовать, а исследовав, включать в университетские курсы. Отныне социология власти стала такой же почтенной темой для ученых, как и социология бродяг. На очереди был следующий шаг: изучение Власти уже не в отдельном городе, а во всех Соединенных Штатах Америки.

Читатель. И что, нашелся социолог, сумевший опросить топ-40 американских лидеров?!

Теоретик. Да его и не нужно было искать. На волне успеха своей первой книги Флойд Хантер организовал новое исследование, занявшее четыре года (1954-1958). Первоначальный список из 1093 национальных ассоциаций, опросы руководства самых влиятельных из них с целью выявить лидеров-кандидатов, низшее и телефонные опросы лидеров и экспертов – вся эта огромная работа завершилась вышедшей в 1959 году книгой «Top Leadership. U.S.A.»^[593].

Проблема возникла не с социологом, и не с опросами, а с определением тех, кого же собственно опрашивать. Если в Атланте 175 первоначальных кандидатов были неплохой выборкой из 330-тысячного населения, то для 150-миллионных США таких кандидатов должно было быть уже 80 тысяч, что делало всю затею совершенно неподъемной. Хантеру пришлось значительно сократить число «лидеров», и в результате тенденциозность их подбора стала совершенно очевидной:

*«[Список лиц], первоначально отобранных в качестве высших национальных лидеров, включал в себя 178 бизнесменов, 64 финансиста, 32 издателя и представителя массмедиа, и даже 5 дантистов и 5 аптекарей, но только 6 профсоюзных лидеров, 12 политиков, 15 государственных чиновников и **ни одного** высокопоставленного военного, или члена Верховного суда, или главы научного учреждения, или главаря преступной группировки, или самого Джона Фостера Даллеса^[594]»!* [Schulze, 1959].

Разумеется, при таком первоначальном отборе кандидатов конечный вывод – что власть в США принадлежит узкой группе знакомых между собой бизнесменов – оказывался совершенно предрешенным.

Объективность и достоверность результатов Хантера вызвала серьезные сомнения, а его научной репутации был нанесен непоправимый ущерб. Задача научного описания Власти в целой стране не решается «в лоб», простым опросом нескольких сотен потенциальных лидеров; в отличие от среднего города, люди Власти национального масштаба куда лучше замаскированы и куда лучше умеют держать язык за зубами. Поэтому для успешного решения нашей задачи понадобились и другие методы, и другой социолог.

Им стал Чарльз Райт Миллс^[595], великий бунтарь американской социологии, оказавшийся в итоге едва ли не самым цитируемым ее классиком. В истории науки он так и остался одиночкой, создавшим собственный социологический метод – «критический радикализм», – но не оставивший после себя научной школы^[596]. Тем не менее за свою короткую жизнь Райт Миллс сделал больше, чем любой другой социолог XX века; в своей «стратификационной трилогии»^[597] он подробно проанализировал современное ему американское общество, а в наиболее цитируемой своей книге – «Социологическое воображение» – обосновал собственный взгляд на социологию как науку, не оставив камня на камне от господствующих в те годы структурно-функционального и эмпирического подходов. Локализация и анализ правящего класса такой развитой страны, как США, требовали усилий именно такого ученого – не признающего никаких авторитетов, самостоятельно ставящего перед собой масштабные научные задачи и находящего необычные способы их решения.

«Человеческая» биография Райта Миллса выглядит типичной для ученого XX века: родился в семье из среднего класса (отец – страховой агент, мать – домохозяйка), учился сначала в школе (Даллас), затем в

университетах (сначала в Техасском университете в Остине, потом в Висконсинском университете в Мэдисоне), получил степень Ph.D по социологии, и дальше работал социологом – сначала как профессор Мэрилендского университета (1942), потом – в знаменитом Бюро прикладных социальных исследований при Колумбийском университете (Нью-Йорк), и в самом Колумбийском университете. Никакого выходящего за рамки академической среды жизненного опыта (в отличие от Хантера), никаких видимых поводов быть недовольным. Но за фасадом этого внешнего благополучия скрывался личный бунт Чарльза Райта Миллса против буржуазного общества, с устройством которого он никак не желал смириться^[598].

Академическая карьера Миллса началась в Висконсине с эпизода, типичного для современной науки, но все же неприятно поразившего совсем еще молодого (24 года) ученого. В 1940 году вместе со своим научным руководителем, Говардом Беккером, Миллс написал рецензию на только что вышедшие «Основы социологии» Ландберга. Разумеется, опубликована она была за подписью одного только Беккера («Пределы социологического позитивизма», 1941 г.) [Geary, 2009, p. 27]. К чести Миллса стоит заметить, что он с первого раза понял, как устроено научное сообщество, и больше не допускал подобных ошибок. С Беккером теперь не о чем было говорить^[599], и Миллс сосредоточился на собственной работе – в области *социологии знаний*.

В начале 40-х годов это была модная тема, на английском совсем недавно вышел перевод «Идеологии и утопии» Мангейма^[600], вызвав многочисленные дискуссии о критериях объективности научного знания. Вот здесь-то Миллс впервые проявил себя радикальным критиком: в ноябре 1940 года в «Американском

социологическом журнале» вышла его статья «Методологические следствия социологии знаний». В отличие от большинства социологов, полагавших, что некий *научный метод* способен обеспечить объективность результатов, Миллс прямо указал, что сами эти методы возникают в реальном обществе, и не столько являются, сколько *считаются* надежными^[601]. Миллс даже употребил в своей статье слово «парадигма» (набор стандартов для научных рассуждений), которое позднее социолог науки Кун прославил на весь мир. Радикализм Миллса принес неожиданный результат: статья вызвала интерес Роберта Мертона^[602], который хоть и не согласился с выводом Миллса об отсутствии объективной истины, но высоко оценил его аргументацию и кругозор^[603].

Практик. Социология и теория власти – это, конечно, не математика, и объективных критериев истины там нет. Их уже даже в физике нет (на поиск бозона Хиггса потрачено столько денег, что он точно найдется), хотя еще не так давно такие критерии были (бомба либо взорвется, либо не взорвется). Так вот, в теории Власти есть более или менее объективные критерии, но они отсрочены (как и в случае с бомбой). До 2003-го можно было строить разные социологические предположения о том, кто «круче» с точки зрения близости к мировым элитам, Ходорковский или Кофи Аннан, но после 2003 года ответ на этот вопрос стал *очевиден*.

Теоретик. Тем временем Миллс подружился с прибывшим в Висконсин осенью 1940 года Хансом Герцем – известным немецким социологом, последователем Вебера и учеником Мангейма. Герц недостаточно владел английским, чтобы самостоятельно писать воспринимаемые американскими социологами тексты, и Миллс на

несколько лет стал его редактором, переводчиком и соавтором. Почти сразу же Миллс с Герцем начали писать совместную теоретическую книгу^[604]; одновременно Миллс увлеченно работал над собственной докторской диссертацией^[605], оправдывая полученное им в последующие годы прозвище «24-часового социолога». В конце 1941-го, сразу же после выхода очередного бестселлера модного в те годы Бернхэма («Менеджерское общество»), Миллс и Герц написали на нее хлесткую и полемическую рецензию – «Маркс для менеджеров» (1942).

Уже понимая, как много значит в научном сообществе благосклонность «звезд», Миллс без ложной скромности заказал в издательстве десятки оттисков «Маркса для менеджеров» и разослал их самым известным интеллектуалам Америки^[606] [Geary, 2009, p. 56]. Адресная реклама сработала – на Миллса обратили внимание Дуайт Макдональд, редактор влиятельного левого журнала «Partisan Review», и Дэниел Белл^[607], редактор другого влиятельного журнала, «New Leader». Миллс начинает регулярно публиковать заметки в этих журналах (несмотря на критику Герца, полагавшего, что ученому не следует опускаться до публицистики), и в конце 1942 года ему сопутствует новый успех – статья «Коллективизм и смешанная экономика»^[608], опубликованная в New Leader, пришлась по вкусу не только Роберту Мертону (охарактеризовавшему ее как «блестящее достижение»), но и профессору Колумбийского университета Роберту Линду^[609], сразу же пригласившего Миллса еще в один журнал, «New Republic». С этого момента Миллс прочно вошел в американскую социологическую элиту (знал там всех, и все знали его), и в 1944 году ему достаточно было написать Мертону письмо с просьбой о трудоустройстве

в Колумбийском университете, чтобы уже осенью того же года получить официальное приглашение^[610].

Наш Практик сказал бы, что такая ситуация почти наверняка означает, что Миллс был очень завуалированным членом какой-то крайне влиятельной группировки, которая использовала его как «жука в муравейнике» и в обиду не давала, одновременно предоставляя полную свободу действий. Мы даже можем предположить, что это была за группировка, но всего на свете в одной книге не расскажешь!

В возрасте 28 лет Миллс достиг всего, о чем мог только мечтать американский социолог^[611] – работы в самом престижном гуманитарном университете и прочной научной репутации. Что же дальше? Куда приложить энергию «24-часового социолога»? Для достижения какой цели использовать достигнутую популярность? Приступая к работе в Колумбийском университете, Миллс уже знал точный ответ на этот вопрос. Единственной достойной настоящего интеллектуала целью он считал **достижение политической власти**, о чем тут же и заявил открытым текстом.

В январе 1944 года Миллс направил Дуайту Макдональду, редактору недавно созданного журнала «Politics», письмо о своей новой работе: «Надеюсь, она Вам понравится, как и всем, кому я ее показывал; я знаю, что это мой лучший текст из когда-либо написанных» [Summers, 2008, p.13]. Миллс говорил о статье, первоначально называвшейся «Политика правды», и вышедшей в «Politics» под заголовком «Безвластные люди: Роль интеллектуалов в обществе». Правда, которую Миллс хотел донести до своих коллег, заключалась в том, что в американском обществе 1940-х интеллектуалы лишены какого-либо влияния на государственную политику, и такое их бедственное

положение не случайно, а имеет весомые **социальные** причины. Положение интеллектуалов в американском^[612] обществе – это положение **наемных работников**, зависящих от владеющего «средствами интеллектуального производства» (университеты, журналы, общественные организации) крупного капитала. В этом качестве интеллектуалы **вынуждены** подстраиваться под интересы своих нанимателей:

«...те, кто принимает решения, и те, кто становится основными выгодоприобретателями, прибегают ко всеобщему обману. Все больше интеллектуалов работает внутри властной бюрократии и на тех немногих, кто принимает решения. Даже если интеллектуал не нанят этими структурами открыто, шаг за шагом, разными способами обманывая самого себя, он стремится сделать так, чтобы в печати его мнения соответствовали ограничениям, наложенным такими организациями и их сотрудниками» [Миллс, 2014].

Как же быть интеллектуалу в столь неподвластном обществе? Разумеется, приложить свои знания и умения к его изучению, выявить возможности изменить это общество и добиться политического влияния:

«Независимый художник и интеллектуал стоят среди тех немногих, кто достаточно подготовлен, чтобы сопротивляться стереотипизации и противостоять гибели действительно живого. Свежесть восприятия включает способность постоянно срывать маски со стереотипов взгляда и мысли, разбивать их, даже несмотря на то, что современные средства коммуникации обрушивают их на нас потоками. Эти миры массового искусства и массовой мысли все больше зависят от требований политики. Именно поэтому интеллектуальные усилия и интеллектуальная солидарность должны сосредоточиться на политике» [Миллс, 2014].

«Сосредоточиться на политике» означает преодолеть свойственные интеллектуалам ограничения и обратиться к более широкому инструментарию, к технологиям борьбы за Власть:

«Поскольку его [интеллектуала] модель спора – обмен рациональными аргументами, а не умелое применение силы или пустая риторика, эта модель не дает ему видеть другие, более убедительные в историческом отношении формы спора. Такой итог позиции пишущего, его труд и последствия его работы очень удобны для политика, так как обычно они маскируют этическими размышлениями природу политической борьбы» [Миллс, 2014].

Соединить знание, создаваемое интеллектуалами, и силу, принадлежащую какой-нибудь политической группировке, чтобы добиться лучшей жизни для всех и более весомого положения для себя – таким видел высшую цель своей науки молодой социолог Чарльз Райт Миллс. Буквально в день публикации «Бессильных людей» он приступил к практической реализации своего плана и оставался верен ему до конца жизни...

Читатель. Поскольку я мало что слышал про Миллса, могу предположить, что этот план провалился. А почему? Что помешало Миллсу войти в какую-нибудь правящую группировку? Ведь в узкий круг американских социологов он втерся за считанные годы!

Теоретик. Отличный вопрос, который и должен задавать человек Власти! Действительно, что помешало Миллсу стать своим человеком в американском истеблишменте, как это сделали многие его современники (такие как историк Генри Киссинджер, политолог Збигнев Бжезинский, да и близкий друг самого Миллса, публицист Дэниел Белл)? Только ли его гипертрофированная независимость^[613] и явная неспособность работать в команде? На наш взгляд,

имелась куда более весомая причина. К моменту, когда Миллс осознал необходимость примкнуть к какой-нибудь властной группировке, он **уже** принадлежал ко вполне определенной группе людей – к движению, позднее названному «новыми левыми». Лидеры этого движения в дальнейшем оказались идеологами «революции» 1968 года, а их политическим наследником стала современная Демократическая партия США во главе с Бараком Обамой. Но все это произошло потом, в период с 1960-е по 2000-е годы, а в начале 1940-х «новые левые» еще не имели какой-либо серьезной поддержки. Миллс рано сделал свой выбор во Власти, и хотя стратегически (на 30-летнем периоде) этот выбор был верен, в тактическом плане он перечеркнул надежды Миллса на быструю политическую карьеру.

Не имея возможности (да и особого желания) встроиться в американский истеблишмент, Миллс принялся искать альтернативные «центры власти». Поскольку в те годы (как и сегодня; основным методом левым интеллектуалам служил классовый подход, направление поисков казалось очевидным: найти в американском обществе класс, способный отобрать власть у крупной буржуазии. Первым и самым очевидным кандидатом на эту роль был классический, воспетый еще Марксом пролетариат. Получив доступ к материалам Бюро прикладных социальных исследований, Миллс с головой ушел в работу по изучению «новых людей власти» – лидеров американского рабочего движения^[614].

В течение трех лет (1945-1948) Миллс провел десятки исследований и написал около дюжины статей, посвященных американскому рабочему движению. Поначалу он был весьма воодушевлен открывшимися возможностями – в 1945-1946 годах американские

профсоюзы находились на пике своего могущества, объединяя десятки миллионов рабочих и организовывая забастовки национального масштаба. Однако волна забастовок вызвала ответные меры со стороны государства, и в 1947 году закон Тафта-Хартли существенно ограничил права профсоюзов^[615]. Вопреки ожиданиям радикальных левых (к которым принадлежал и Миллс), профбоссы не устроили всеамериканской стачки, а согласились умерить свои амбиции и встроиться в американский истеблишмент. К 1948 году Миллс окончательно разочаровался в перспективах рабочего движения. Вышедшая в том же году книга **«Новые люди власти. Американские рабочие лидеры»** подвела жирную черту под юношеским увлечением Миллса: он описал профсоюзных боссов как обычных «князьков», чьим единственным ресурсом является численность входящих в профсоюз рабочих, и которые заинтересованы в укреплении собственного положения в обществе, а вовсе не в масштабных политических преобразованиях. На вопрос Миллса: «Кто сильнее, бизнес или профсоюзы?» – абсолютное большинство *профсоюзных лидеров* ответили – конечно же бизнес!

Итак, пролетариат предпочел капитулировать перед буржуазией; надежды на рабочее движение рассыпались в прах. Где же еще искать «локомотив революции»? Быть может, среди американского *среднего класса* – мелких предпринимателей и наемных служащих? Миллс сам принадлежал к этому классу и не имел в его отношении никаких иллюзий; однако научная добросовестность требовала подкрепить личный скепсис эмпирическим материалом. Первый замысел книги о среднем классе появился у Миллса еще в 1944-м, и с самого начала работы в BASR он «держал глаза открытыми» в отношении любых данных, имевших

отношение к этой теме. Работая над новой книгой, Миллс использовал все доступные источники о численности, доходах и занятиях среднего класса (как архивы BASR, так и данные государственной статистики). Основные сведения о взглядах и поведении самих представителей среднего класса : Миллс получил в ходе исследования «Повседневная жизнь в Америке», проведенного в 1946 году; его команда подробно опросила 128 служащих в Нью-Йорке. Сразу же после выхода «Новых людей власти» Миллс занялся обобщением и оформлением^[616] собранного материала, и в 1951 году на свет появилась его новая книга – **«Белый воротничок. Американские средние классы»**.

Популярность автора, актуальность темы (растущий средний класс Америки наконец-то увидел в продаже книгу о самом себе) и литературный талант Миллса сделали свое дело: «Белый воротничок» стал бестселлером^[617]. В научных кругах книга также получила хорошие отзывы (она и сегодня считается лучшим описанием американского среднего класса). Казалось бы, автор должен быть на седьмом небе от счастья; но сам Миллс был глубоко разочарован результатами своего исследования. Средний класс фермеров и мелких предпринимателей, служивший в XIX веке опорой американской демократии, превратился к середине XX века в средний класс наемных служащих – «белых воротничков» – неспособный, да и не желающий бороться за политическое влияние:

«...беловоротничковые средние классы не формируют независимую основу для [политической] власти: экономически они находятся в том же положении, что и лишенные собственности промышленные рабочие; политически их ситуация еще

хуже, поскольку они не столь организованы». [Mills, 1956, p. 262]

Слабая организации «средних классов» является следствием того же изменения в их составе: в отличие от «старых» средних классов, ориентированных на развитие собственного бизнеса, жизненный успех «новых» средних классов связан исключительно с изменением их **положения на рынке труда**. Фермер или лавочник инвестировали в собственное дело; белые воротнички инвестируют в самих себя – получают дополнительное образование, делают карьеру, приобретают товары престижного спроса (такие как дома в хорошем районе или машины, демонстрирующие уровень жизни). Чем лучше белый воротничок «упакован», тем дороже он сможет продать себя на рынке труда, спрос на котором формируется крупными корпорациями (не только промышленными – СМИ и университеты устроены столь же бюрократически).

Практик. Контрольный вопрос к Читателю: почему такая жизненная стратегия *принципиально* ущербна с точки зрения карьеры во Власти?

Читатель. Ну, меня на мякине не проведешь! Конечно же потому, что командный рейтинг выше профессионального, и если все время тратить на профессиональную карьеру, никакой Власти не увидишь!

Теоретик. Смыслом жизни для новых средних классов становится *погоня за личным престижем* (и она же является необходимым условием их выживания на рынке труда). Для успешной карьеры и поисков новой работы нужно соответствовать корпоративным стандартам – что ж, будем соответствовать; в рабочее время белые воротнички превращаются в «жизнерадостных роботов»^[618], компенсируя такое насилие над собой в оставшиеся свободными часы:

«Каждый день люди продают маленький кусочек себя, чтобы вечером или в уик-энд купить взамен немного развлечений» [Mills, 1951, p. 137].

Людам, запертым в этом беличьем колесе карьерной жизнерадостности, престижного потребления и компенсаторных удовольствий, незачем и некогда иметь какие-либо политические взгляды:

«Они не радикалы, не либералы, не консерваторы и не реакционеры; они неучастники^[619], они вне всего этого. Если мы примем греческое определение идиота как замкнувшегося в частной жизни индивида, то мы должны заключить, что сегодня большинство граждан США – идиоты» [Mills, 1951, p. 328].

«Никакой политики!» – таким мог бы быть **политический** лозунг средних классов, образуй они когда-нибудь собственную политическую партию. «Белый воротничок» подвел итог многолетним попыткам Райта Миллса обнаружить вокруг себя хоть какую-то политическую силу, отличающуюся от уже сложившегося правящего класса: такой силы в современной ему Америке не нашлось.

Читатель. Не нашлось потому, что не было, или потому, что Миллс плохо искал?

Теоретик. А сами вы как думаете? Попробуйте посмотреть на поиски Миллса глазами человека Власти.

Читатель. Ну давайте попробую. Миллс ведь хотел разыскать властную группировку, заинтересованную в сотрудничестве с интеллектуалами? Так, наверное, и нужно было искать такую группировку. Просто взять первую главу нашей книги и прямо по ней и искать. Посмотреть, какие в стране есть ресурсы, кто их официально контролирует, кто стоит за теми, кто контролирует... Получается, что Миллс не там искал!

Теоретик. Совершенно верно! История Миллса – образцовый пример того, как неверные теоретические

предпосылки лишают исследователя возможности разглядеть нужный ему объект. Миллс искал «новых людей власти», но пользовался при этом классовой теорией, а не теорией Власти; результат оказался вполне предсказуем – классы нашлись, а Власти у них не оказалось. Вот почему мы постоянно подчеркиваем: правящий класс не то же самое, что «буржуазия» или «пролетариат». Это термины из разных теорий, и их не следует путать между собой.

Читатель. А как же Миллс со столь неверным подходом сумел совершить открытие в теории Власти?

Теоретик. А вот тут-то и начинается самое интересное! Замысел книги о высшем классе Америки созрел у Миллса еще в конце 1940-х, и первоначальным ее названием было «Сильные мира сего»^[620]. С марксистской точки зрения этими «сильными» могли быть только капиталисты – последний оставшийся класс американского общества (после рабочих и «белых воротничков»). Именно с этого класса Миллс и начал свое исследование: он составил список из богатейших людей Америки в трех временных срезах (таких оказалось 90 человек в 1900, 95 в 1925 и 90 – в 1950 году) и тщательно изучил биографию каждого из них. Результаты оказались довольно любопытными^[621], однако одновременно с работой Миллса над книгой в США произошли события, поставившие под сомнение простейшую модель «у кого деньги, у того и власть».

В марте 1947 года президент Трумэн объявил о новой внешнеполитической программе США, направленной на «сдерживание» СССР (фактически это было объявлением холодной войны). В 1949 году был создан военный блок НАТО, в 1950-м США вступили в Корейскую войну, а в 1951-м отправили войска в Европу (что раньше практиковалось только в период мировых войн). Наконец, на выборы 1952 года республиканским

кандидатом пошел генерал Эйзенхауэр^[622], сформировавший после победы следующий кабинет (он оставался тем же и к 1955 году, когда Миллс дописывал свою книгу):

«Три главных с точки зрения высокой политики поста в стране (государственный секретарь, министр финансов и министр обороны) занимают: нью-йоркский представитель^[623] крупнейшей в стране юридической фирмы, которая защищает заграничные коммерческие интересы группы Моргана и группы Рокфеллера; руководитель корпораций^[624] со Среднего Запада (он был директором объединения, включавшего в себя свыше 30 корпораций) и, наконец, бывший президент^[625] одной из трех или четырех крупнейших корпораций в США (она же крупнейший в стране производитель военного снаряжения)....» [Mills, 1956, p. 232].

Подобная милитаризация всей государственной политики, вместе с назначением на ключевые должности менеджеров крупных корпораций, явно отвечала интересам лишь *некоторых* «сверхбогачей» (таких как Рокфеллеры), а также крупных корпораций, формально не имеющих единоличных владельцев (таких как «Дженерал моторс»^[626]). Мощь государственной машины США со всей очевидностью использовалась в интересах **более узкой группы людей**, нежели всех капиталистов Америки, или даже 90 самых богатых из них. Тут уж любой заинтересованный наблюдатель (как и в случае с итальянской «консортерией») должен был воскликнуть: ба, да вот же он, американский *правлящий класс*!

При всей приверженности Миллса «широкому» классовому подходу, столь явное участие *корпораций*^[627] (бюрократическое устройство которых Миллс критиковал еще в «Белом воротничке») в системе

власти американского общества не могло пройти мимо его внимания. Миллс поменял название книги с «Сильные мира сего» на «Властвующую элиту» и значительно расширил круг социальных групп, среди которых следовало искать *представителей* этой элиты. С этого момента до осознания того факта, что властвующая элита является **особой социальной группой**, отличающейся от порождающих ее представителей буржуазии, топ-менеджмента, чиновников и военных, оставался всего один шаг. Сделав его, Миллс полностью преодолел классовый подход в социологии Власти и поставил точку в истории открытия властных группировок, дав им однозначное определение:

*«...для того, чтобы яснее очертить предмет исследования, надо остановиться на одной особенности, ясно выступающей в биографиях и мемуарах людей богатых, власть имущих и именитых: лица, принадлежащие к высшим кругам, в какой бы области они ни подвизались, являются членами **взаимопереплетающихся "партий" и связанных между собой** самым различным образом "клик"»* [Mills, 1956, p. 11].

Читатель. То есть талант исследователя оказался сильнее его идеологических предпосылок?

Теоретик. Талант, подкрепленный личной неприязнью, которую Миллс, несомненно, питал ко всей обнаруженной им «властвующей элите». Миллс лично был заинтересован разыскать если не союзников интеллектуалов во Власти, так хотя бы их главных врагов, и эта мотивация позволила ему пойти дальше традиционных обвинений в адрес «буржуазии». Он решительно отверг «общеклассовую» локализацию Власти и прямо поместил ее в руки сюзеренов правящих группировок:

«Никто не предлагал и не разрешал Наполеону разогнать 18 брюмера парламент, а затем превратить свою консульскую власть в императорскую. Никто не предлагал и не разрешал Адольфу Гитлеру провозгласить себя в день смерти президента Гинденбурга "фюрером и канцлером", упразднить и узурпировать соответствующие должности, соединив президентство с канцлерством. Никто не предлагал и не разрешал Франклину Д. Рузвельту принять ряд решений, которые привели к вступлению Соединенных Штатов во Вторую мировую войну. Не "историческая необходимость", а человек, по имени Трумэн, принял вместе с несколькими другими лицами решение сбросить бомбу на Хиросиму» [Mills, 1956, p. 24].

Столь же пронизательно он разглядел источник Власти этих сюзеренов:

«Под могущественными людьми мы, конечно, подразумеваем тех, кто имеет возможность осуществлять свою волю даже в том случае, когда другие сопротивляются ей. Никто, следовательно, не может быть по-настоящему могущественным, если он не имеет доступа к управлению важнейшими социальными институтами, ибо власть подлинно могущественных людей заключается прежде всего в том, что они распоряжаются этими общественными орудиями власти» [Mills, 1956, p. 9].

«Эти иерархические институты – государство, корпорации, армия – образуют собой орудия власти...» [Mills, 1956, p. 5].

Контроль над обладающими огромными ресурсами организациями – вот что превращает обычного человека в человека Власти; но поскольку на такие позиции всегда найдется множество претендентов, вопрос заключается в том, как осуществляется их отбор и какие люди в конечном счете оказываются на самом

верху. Миллс уже провел такой анализ для крупных частных капиталов:

*«Взобраться на вершину пирамиды богатства нелегко, и многие, пытавшиеся это сделать, свалились, не достигнув цели. Легче и безопаснее **родиться на этой вершине**»* [Mills, 1956, p. 115].

Но как обстоят дела в двух остальных сферах – в крупных корпорациях (должности в которых не передаются по наследству) и в государственном управлении (в котором участвуют демократически избираемые сенаторы и конгрессмены)? Миллс провел новое биографическое исследование руководителей крупнейших корпораций и обнаружил тенденцию, схожую с «наследованием» в мире частного бизнеса:

«Вся карьера типичного крупного администратора складывается ныне из переходов, совершающихся внутри корпоративных иерархий и между ними; удельный вес людей подобной карьеры неуклонно и быстро повышался: с 18% в 1870 г. до 68% в 1950 г.» [Mills, 1956, p.132].

Высшие должности в корпоративной среде все в большей степени доставались «своим» людям – проверенным в ходе многолетней карьеры внутри собственных корпораций. «Своим» для кого? Конечно же, для предыдущего высшего руководства:

*«Читая речи и доклады администраторов о человеке того склада, который им требуется, неизбежно приходишь к простому выводу: этот человек должен **уметь принаравливаться к тем, кто уже пребывает в верхах**»* [Mills, 1956, p. 141].

Миллс посвящает несколько страниц критике «американской мечты» о том, что умный и энергичный выходец из низов способен «пробиться» в высшее руководство за счет личных талантов. «Если ты такой умный, почему ты такой бедный?» – встречают такого кандидата корпоративные боссы, и сразу же делают

вывод: не такой уж ты и умный. Оценка ума по богатству автоматически означает, что преимущества в продвижении по службе получают те, кто с *самого начала не являются бедными* – то есть обладают «начальным социальным капиталом» за счет хорошего образования и вхожих в высокие кабинеты родителей. Особое значение при этом имеет даже не просто хорошее образование («Гарварда недостаточно»), а образование, позволяющее с детских лет завести нужные знакомства:

«Учеба в частной школе – отличительный признак биографии людей высших классов. Если где и можно найти „центр подготовки“ социальных верхов Америки, то именно в этих 15-20 частных привилегированных школах» [Mills, 1956, p. 65].

Только человек, с молодых лет вхожий во внутренние круги уже сложившегося корпоративного руководства, может получить уникальный жизненный опыт *решения вопросов*:

«...во внутреннем круге высших классов большинство объективных проблем крупнейших и важнейших общественных институтов сплавлены с чувствами и беспокойствами небольших, закрытых и дружеских групп. Именно этому учат семья и частная школа подрастающее поколение высших классов: закулисное обсуждение^[628] является одним из способов, которым координируется (на основе дружеских соглашений) публичная деятельность высших классов...» [Mills, 1956, p. 69].

Роль «закулисного обсуждения» не слишком афишируется лидерами корпораций, но Миллс приводит показательный пример, насколько они его ценят в реальной жизни. В 1945 году в «Дженерал моторс» обсуждалось включение генерала Маршалла^[629] в Совет директоров компании, причем сам владелец «Дженерал

моторс», Дюпон^[630], не хотел этого делать – кому нужен старый (65 лет) служака, не располагающий даже серьезным пакетом акций?

«Альфред Слоан^[631], председатель "Дженерал моторс", в общем согласился с этими соображениями, но затем добавил: "Я думаю, что генерал Маршалл может быть в известной мере нам полезен, если, получив новое назначение, выйдет в отставку при условии, что он останется в Вашингтоне; учитывая положение, занимаемое им в обществе и в правительственных кругах, и его связи, можно надеяться, что, когда он познакомится с нашим образом мышления, нашими целями и задачами, его пребывание на этом посту могло бы послужить фактором, смягчающим общее отрицательное отношение к большому бизнесу..."» [Mills, 1956, p. 136].

Наличие у Маршалла личных связей в военных кругах США показалось Слоану вполне достаточным, чтобы без колебаний ввести генерала в совет директоров крупнейшей американской корпорации. «Валютой»^[632], в которой измеряется «социальное богатство» представителя элиты, является количество и надежность его личных связей с другими представителями той же элиты (вспоминаем исследование Хантера). Личное богатство без таких связей уже ничего не стоит; столь же мало стоит высокий пост топ-менеджера, не подкрепленный принадлежностью к группе, решающей вопросы. Для обозначения членов этой корпоративной элиты, управляющих громадными корпорациями, которые им не принадлежат, Миллсу приходится использовать новый термин – корпоративные богачи (corporate rich):

«Неверно, что американской экономикой управляют шестьдесят блистательных, широко разветвленных, похожих на кланы семейств; неверно также, что мы

пережили некую незаметную революцию управляющих, отнявшую у подобных семейств их привилегии и власть. Те действительные перемены, которые неправильно выражаются формулами "шестьдесят семейств" и „революция управляющих“, могут быть точнее выражены формулой, гласящей, что мы пережили реорганизацию системы управления собственностью имущих классов, в результате которой они превратились в более или менее однородный класс богачей из мира корпораций» [Mills, 1956, p. 147].

Корпоративные богачи отличаются от частных (лозунгом которых долгое время были слова Вандербильта «Плевать на всех!» – пока не выяснилось, что плюнули-то как раз на них самих) умением делиться, то есть направлять часть своих доходов на создание и поддержание собственной властной группировки. Тем самым они получают доступ к чужим ресурсам (будь то дочерняя акционерная компания, где им принадлежит лишь небольшой процент акций, или целое государство, где во главе могущественного министерства поставлен один, но свой человек) и приобретают куда большую власть, нежели самый богатый, но не обладающий собственной группировкой миллиардер. Типичный представитель корпоративной элиты – «эффективный менеджер», которому все равно, какой руководящий пост занимать, и который готов по первому же требованию своей группировки отправиться осваивать новые прибыли и бюджеты:

«Ядро властвующей элиты состоит прежде всего из тех людей, которые свободно переходят от командных ролей в верхах одной из господствующих иерархий к подобным же ролям в другой иерархии...» [Mills, 1956, p. 288].

Именно эта особенность элиты – отношение к организациям как к ресурсу, который можно и нужно выдоить досуха, – проявляется в отсутствии

формальных организаций внутри самой элиты. Не существует никаких «тайных советов», никакого «комитета 300», все вопросы решаются исключительно в рамках *закулисных обсуждений*, созываемых по мере необходимости теми, кто знает, кого на них приглашать.

«...властвующая элита по самой своей природе более склонна пользоваться уже существующими организациями (действуя внутри последних и посредничая между ними), чем создавать определенные организации, в которые входили бы ее члены, и только ее члены» [Mills, 1956, p. 293].

Нарисовав столь впечатляющую картину «невидимой власти» корпоративной элиты, Миллс приступает к решению последнего вопроса. Как насчет «этих, в Вашингтоне»? Неужели и высшая власть в Америке – государственная – тоже принадлежит корпорациям? Как тогда быть с американской демократией, выборами, Конгрессом и Сенатом? Ответ дает очередное исследование, на этот раз – биографий государственных служащих федерального уровня. Получить соответствующую должность могут два типа людей – профессиональный политик, принадлежащий к политической партии и сделавший карьеру с уровня штата, или же сторонний назначенец, никогда не занимавшийся публичной политикой. Миллс называет вторых «политическими аутсайдерами» и приводит статистические данные (не столь впечатляющие, как в предыдущем случае, но вполне показательные):

«Доля людей из состава политической элиты, работавших когда-либо в местных органах власти или в правительственном аппарате штатов, сокращалась из поколения в поколение; с 1789 по 1921 г. она уменьшилась с 93 до 69%. В правительстве Эйзенхауэра она упала до 57%. Укажем далее, что из состава политической элиты наших дней только 14% (а из

руководящих политических деятелей начала XX в. только около 25%) когда-либо состояло в законодательных собраниях штатов. Во времена отцов-основателей, в период 1789-1801 гг., такие люди составляли 81% всего состава высших политических деятелей» [Mills, 1956, p. 229].

Как и в случае корпораций, в государственном аппарате начинают преобладать назначаемые сотрудники:

«В нынешней эйзенхауэровской группе [только] 36% людей, принадлежащих к политическим верхам, получили все посты (вплоть до самых высоких), которые они когда-либо занимали, в результате выборов; 50% чаще назначались, чем избирались, а 14% никогда ранее не занимали политических постов» [Mills, 1956, p. 230].

Подобное положение дел означает, что для достижения контроля над государственным аппаратом достаточно провести через выборы одного человека (президента); после этого расстановка своих людей на ключевые посты происходит автоматически. Миллс недвусмысленно намекает, что именно так и действовали «рокфеллеровские республиканцы», выдвинувшие Эйзенхауэра в президенты:

«За два месяца до выдвижения партиями кандидатов в президенты США, которые должны были баллотироваться на выборах 1952 г., Гарольд Тэлботт^[633], нью-йоркский финансист (а позднее министр авиации, уличенный в использовании своего поста в личных интересах), поручил одной фирме, консультирующей по вопросам управления, определить, какие посты должна будет забрать в свои руки республиканская администрация для того, чтобы установить контроль над правительством Соединенных Штатов. Через несколько дней после избрания

Эйзенхауэра ему было вручено 14 томов, содержащих в себе полную характеристику каждого из 250-300 высших постов, позволяющих влиять на политику» [Mills, 1956, p. 238].

Контроль над президентской администрацией позволяет решать большинство текущих вопросов внешней (объявление войны) и внутренней (подготовку бюджета) политики без особой оглядки на Конгресс:

«Приход главарей корпораций к политическому руководству ускорил давно наметившийся процесс низведения политического веса профессиональных политиков, заседающих в конгрессе, до политического веса людей, подвигающихся в средних звеньях власти» [Mills, 1956, p. 275].

Фактически государственный аппарат превращается в еще одну корпорацию, в рамках которой и ведется (корпоративными же методами) борьба за наиболее вкусные «кусочки» Власти:

«Сфера действия правительственно-административной бюрократии становится не только центром политической системы, но также и единственной ареной, на которой разрешаются (или остаются неразрешенными) все политические конфликты. На смену политике, складывавшейся в результате избирательной борьбы, приходит авторитарная политика; маневрирование клик сменяет собой борьбу политических партий» [Mills, 1956, p.267].

Убедившись в корпоративном характере государственной власти, Миллс формулирует окончательный вывод: в США сложилась единая властвующая элита, пронизывающая собой все сферы общественной жизни и стоящая над их организационными иерархиями:

«Наше понимание природы властвующей элиты и ее единства покоится на констатации факта однотипного развития и совпадения интересов экономических,

политических и военных учреждений». [Mills, 1956, p. 292].

«...руководящие деятели каждой из трех областей – военачальники, руководители корпораций, должностные лица государства – сплачиваются воедино, образуя тем самым властвующую элиту Соединенных Штатов» [Mills, 1956, p. 9].

Вот так, начав с классового анализа «буржуазии», Миллс в процессе своего исследования вышел на следующий уровень понимания общественного устройства и открыл реальный правящий класс – властвующую элиту. Ну а открыв ее, он с полным правом перешел с позиции исследователя на позицию радикального критика. Свое отношение к элите Миллс в полной мере выразил в заголовке последней главы своей книги – The Higher Immorality, «высшая аморальность» и «аморальность верхов» одновременно. С точки зрения Миллса, эволюция американского общества от государства мелких частных собственников к государству корпораций, над которыми стоит властвующая элита, была безусловным шагом назад. «Человеческие качества» представителей новой элиты не шли ни в какое сравнение с американскими «отцами-основателями» (принадлежавшими к исчезнувшему к XX веку классу состоятельных землевладельцев):

«"Нет ничего поучительнее, – писал Джэймс Рестон, – сравнения дебатов в палате представителей, происходивших в 30-х годах XIX в. по вопросу о борьбе Греции с Турцией за Независимость, с дебатами в конгрессе в 1947 г. по греко-турецкому вопросу. В первом случае дебаты были преисполнены достоинства и отличались красноречивой убедительностью, рассуждения правильно разворачивались от известного принципа, через иллюстрацию, к выводу; во втором случае дебаты представляли собой унылое зрелище

подтасовки обсуждаемых вопросов, содержали в себе множество не относящихся к делу моментов и обнаруживали плохое знание истории". В 1783 г. Джордж Вашингтон проводил свой досуг за чтением "Писем" Вольтера и "Опыта о человеческом разуме" Локка, Эйзенхауэр же почитывает рассказы о ковбоях и детективные повести» [Mills, 1956, p. 350].

Необходимость руководствоваться во всех своих действиях интересами престижа, поддержания своей репутации в среде властвующей элиты, накладывает на ее представителей жесткое ограничение: морально то, что идет на пользу своей группировке и, уже потом, всей властвующей элите. Умение заводить связи и закулисно решать вопросы – вот единственный навык, требующийся этим людям; все остальное (культура, интеллект, интерес к наукам) мешает делу, и хотя не поставлено под явный запрет, не одобряется в рамках корпоративной этики. Как следствие, средний представитель элиты представляет собой посредственность, вознесенную на вершины власти лишь принадлежностью к той или иной группировке. Вне ее он – никто:

«Если мы возьмем сотню наиболее могущественных американцев, сотню самых богатых, сотню самых знаменитых и лишим их позиций, которые они занимают в главенствующих социальных институтах, отнимем у них людские и денежные ресурсы, которыми они распоряжаются, средства массовой рекламы, которые ныне работают преимущественно на них, то они сразу окажутся безвластными, безвестными и бедными» [Mills, 1956, p. 10].

Читатель. Ни хрена себе! И это все он написал открытым текстом? В 1956 году, в разгар маккартизма и холодной войны?!

Теоретик. Да, именно так. Как мы уже писали выше, стандартными репрессиями в американском

обществе середины XX века были отказ в финансировании, угроза увольнения и уж совсем в вопиющих случаях – судебное преследование. Так что Миллс рисковал максимум своим рабочим местом в Колумбийском университете^[634], и желание разоблачить американскую элиту перевесило разумную осторожность.

Практик. Если наша гипотеза о том, что Миллс был членом какой-то группировки верна, то потеря места была для него крайне маловероятна, а про потерю финансирования и говорить не приходится. Скажем, Валлерстайн в аналогичной ситуации пострадал куда сильнее^[635]. Но главное – другое. Неприязнь Миллса к элите, скорее всего, была связана не с тем, что он не любил капиталистов, а с тем, что карьера во власти *вообще никак не связана с интеллектуальным уровнем человека*. Для Миллса, который своими способностями явно гордился, это могло стать основным раздражающим фактором.

Теоретик. Как и «Белый воротничок», «Властвующая элита» стала бестселлером, рецензии на нее написали практически все известные социологи – но на этот раз все они носили критический характер. Научное сообщество горой встало на защиту властвующей элиты, большей частью с господствующей на тот момент (да и сейчас) позиции *плюрализма*. Да, писали критики, в США существуют люди, занимающие высокие посты и принимающие единоличные решения по серьезным вопросам. Но ведь Миллс не доказал, что они представляют собой *единую* властную группировку! Всем известно, что все эти группировки только и делают, что грызутся между собой, а потому настоящая власть в США никому не принадлежит, каждый вопрос в отдельности решается схваткой противоборствующих сил, в которой последнее слово остается за

американским избирателем. Социологу, который отрицает это очевидное положение дел, по большому счету нечего делать в науке^[636].

Разумеется, в условиях такой обструкции идеи Миллса о властвующей элите не получили никакого научного развития (вышедшая в 1959 году книжка Хантера была скорее шагом назад]), Однако разошедшаяся большим тиражом «Властвующая элита» продолжала будоражить умы, и перед правящим классом США – первым из всех правящих классов! – встала идеологическая проблема. Как нейтрализовать опасное знание, выпущенное Миллсом на свободу? Как сделать так, чтобы его идеи воспринимались как тенденциозное мнение радикального левака, а не как достоверная информация об источниках Власти правящего класса?

3. Элита и избиратели

Роберт Даль, «Кто правит?» (1961)

Теоретик. Теоретика, даже столь знаменитого, как Райт Миллс, легко лишить финансирования и довести до самоубийства чисто административными методами. Но сделать то же самое с высказанными им идеями можно лишь оружием самого теоретика – печатным словом. В некоторых случаях^[637] для этого достаточно исказить идеи последующим многотиражным пересказом; однако в случае Миллса это было невозможно – слишком уж подробно и однозначно описал он американскую властвующую элиту. Теорию Миллса нельзя было замолчать и невозможно было исказить; ее следовало опровергнуть с помощью другой, более подходящей (для элиты) и более наукообразной (для ученого сообщества) теории. К чести американского правящего класса, среди его

вассалов нашелся человек, сумевший достойно ответить Миллсу, и притом потративший на это всего несколько лет.

«Каждый, кто интересуется политической наукой, не может позволить себе игнорировать эту книгу», – написал Льюис Козер^[638] сразу же после прочтения «Кто правит?» Роберта Даля, вышедшей в 1961 году. Авторитетная комиссия по присуждению Премии Вудро Вильсона^[639] за 1962 год была столь же категоричной: *«"Кто правит" обязательно станет классикой»*. Так оно и оказалось: в 1995 году книга Даля была включена в перечень «Ста самых влиятельных послевоенных книг» по версии Times Literary Supplement, в одном ряду с такими знаменитостями, как «1984» Оруэлла, «Структурой научных революций» Куна и «Агрессией» Лоренца. Вот почему так важно досконально проанализировать существенные особенности этой действительно выдающейся книги.

В воспоминаниях многих российских политологов, да и простых читателей, книга Роберта Даля предстает увлекательным детективом. Ученый идет по следу постоянно ускользающего преступника, имя которого – Власть. Власть скрывается в разных домах и под разными именами, а когда Ученый наконец загоняет ее в угол, под устрашающей маской Власти обнаруживается... Но не будем забежать вперед; попробуем угадать, кого мог поймать такой человек, как Роберт Даль, и в таком месте, как США конца 50-х годов прошлого века.

Роберт Даль родился в 1915-м, в 1936-м году окончил университет в Нью-Йорке и переехал в Йель для продолжения обучения, получил ученое звание (Ph.D) в 1940, был призван в армию, а после войны снова вернулся в Йель и стал преподавать на кафедре политологии. В 1953 году Даль (в соавторстве с

Линдбломом) опубликовал свою первую книгу, где формулировал идею «полиархии». В 1956-м вышла вторая книга – «Введение в теорию демократии», в 1957-м году третья, «Понятие Власти». В этом же году Даль возглавил кафедру политологии и приступил к работе над своим главным произведением.

Общественно-политическая ситуация в США была в те годы достаточно безрадостной для сторонников «рынка и демократии». Несмотря на продолжающуюся холодную войну, среди американских интеллектуалов по-прежнему были популярны прокоммунистические настроения (особенно после бесславного завершения карьеры сенатора Маккарти). Видные экономисты вовсю критиковали капитализм и приводили СССР в качестве примера более эффективной экономики^[640], а в социологии власти господствовала «элитистская» теория. Блестящие книги Хантера (1953) и Миллса (1956) рассказывали о том, что Америкой правит узкий слой потомственных богачей, действующих исключительно в собственных интересах. Основной идеологический аргумент в пользу западного общества – демократия – переставал работать: какая разница, за кого голосует избиратель, если власть все равно принадлежит правящей элите?

Неудивительно, что вопрос «кто правит» оказался в центре внимания политических дискуссий. Хотя в американской политологии (в отличие от социологии) преобладали сторонники «демократии», на их счету не было ни единой работы, эмпирически подтверждающей, что власть действительно принадлежит избирателям. Одним из таких политологов-теоретиков был и сам Роберт Даль. В своих работах 50-х годов он развивал концепцию «полиархии»:

«Мы утверждали, что в некоторых обществах демократические идеалы пусть приблизительно и

грубо, но все же реализуются, в том смысле, что нелидеры осуществляют относительно сильный контроль за лидерами. Систему социальных процессов, которые делают это возможным, мы назвали полиархией» [Даль, 1984].

Что же это за «полиархия» такая, которая позволяет реализовать на практике, казалось бы, недостижимые «идеалы демократии»? «Введение в теорию демократии» (1956) разъясняет эту концепцию, противопоставляя ее общепринятой (в то время) идее «мэдисонианской демократии». Джеймс Мэдисон^[641] был одним из авторов знаменитой серии статей «Федералист», публиковавшихся в 1787-1788 годах в поддержку Конституции США, и, по мнению Даля, наиболее выдающимся из этих авторов. В его честь «мэдисонианской» была названа теория демократии, основанная на бесспорном, казалось бы, утверждении: люди – не ангелы.

«Дайте власть большинству, и оно станет угнетать меньшинство. Дайте власть меньшинству, и оно станет угнетать большинство» (эти слова принадлежат соавтору Мэдисона, Гамильтону^[642], но выражают те же самые «мэдисонианские» идеи). Ну а поскольку люди не ангелы и всегда будут стремиться угнетать себе подобных, реальная демократия должна быть компромиссом между равными (избирательными) правами всех и правом меньшинства на защиту от тирании. Власть любого, хоть трижды демократического правительства должна быть законодательно ограничена – например, системой разделения властей и запретом на изменения избирательных прав в пользу победившей фракции. Иначе будет как во французском Конвенте, когда целая партия депутатов (жирондисты) была демократическим решением большинства исключена из его состава, а

затем *физически уничтожена*; так может получиться только «якобинская диктатура», но никак не «якобинская демократия». Демократия – как процедура – сама по себе не может защитить от тирании, а потому должна быть дополнена Законом, стоящим выше любых голосований.

Эти соображения кажутся настолько очевидными, что кажется немыслимым, чтобы человек демократических убеждений мог с ними не согласиться. Тем не менее Даль это сделал! Он выступил с убедительной критикой «мэдисонианской» теории демократии, ударив ее в самое уязвимое место. Хорошо, люди не ангелы и всегда стремятся к угнетению себе подобных. Но почему какой-то Закон (конституция) может препятствовать этому стремлению? *«Договоренности между учредителями создают Конституцию, но не создают общество»*, – справедливо замечает Даль. Конституция – всего лишь написанные на бумаге слова, и совершенно непонятно, почему люди, стремящиеся угнетать друг друга, вдруг перестанут это делать по воле каких-то текстов. Существование реальной демократии (а такая демократия, по мнению Даля, действительно существует) нужно объяснять исходя из взаимоотношений самих людей, а не ссылаться на правильно составленные Конституции.

«Никакие конституционные соглашения не могут обеспечить отсутствие тирании, – пишет Даль, – история многочисленных латиноамериканских государств служит тому достаточным примером» [Dahl, 1956, p. 83].

Так как же возможно существование реальной демократии? Вот тут-то и приходит на помощь **полиархия**. Этим термином обозначается такое состояние общества, при котором ни одна из располагающих властными ресурсами группировок не в

состоянии (по тем или иным причинам) распространить свое влияние на все сферы общественной жизни. Для решения спорных вопросов между такими группировками возможны два способа: 1) гражданская война, которая в условиях равенства сил может обойтись очень дорого, а для проигравшей группировки закончиться полным уничтожением, 2) мирное (через голосование) выяснение того, чью позицию поддержит большинство (а следовательно, и кто скорее всего победит в гражданской войне). Если таких спорных вопросов **несколько**, и по каждому из них мнения в обществе разделены по-разному, каждая из группировок предпочтет не доводить дело до стрельбы, а решать вопросы путем голосования – в одном вопросе проиграем, зато в другом выиграем. Демократия оказывается выгодной правящим элитам и поэтому может существовать в реальном мире!

Таким образом, «демократическое» общество в целом управляется не тиранией какой-то одной группировки, а решением спорных между разными «ветвями власти» вопросов через голосование всех членов данного общества. Даль выделил восемь внешних признаков существования «полиархии» (внешних потому, что расклад сил между разными группировками не записан ни в каких рейтингах и для своего выявления требует специального исследования), сводящихся в своей совокупности к одному: наличию или отсутствию в обществе принятия решений путем всеобщего голосования.

Практик. С точки зрения партийной идеологии это был сильный ход! «У нас демократия, потому что так написано в Конституции» – перестало работать, мало ли что где написано? Отлично, мы теперь скажем, что у нас демократия, потому что у нас на самом деле демократия, ведь **некоторые** решения принимаются всеобщим голосованием!

Теоретик. Вы забегаете вперед, уважаемый Практик, про некоторые решения – это несколько позже! Спросим лучше уважаемого читателя – ну как, теперь вы в состоянии догадаться, кто должен быть пойман под маской Власти, когда по следу идет Роберт Даль, вооруженный дымящейся полиархией?

Читатель. Неужели простые американцы?

Теоретик. Совершенно верно! Американский избиратель – вот кто правит в Америке, и этому обязательно должно найтись фактическое подтверждение. Даль всю свою предшествующую карьеру посвятил обоснованию **существования** демократии, и к анализу эмпирических данных приступал, уже располагая собственной теорией о том, что она такое и как она работает. Могло ли быть так, чтобы отобранные им эмпирические данные опровергли бы его же собственную теорию?!

Конечно же нет. Многочисленные фактические данные, вошедшие в книгу, однозначно подтверждали основную концепцию Даля: реальная власть в конечном счете находится в руках избирателей, и именно они правят средним американским городом. Посмотрим теперь, как был достигнут столь впечатляющий результат.

Практик. *Поневоле вспоминаешь старую программистскую мудрость: «Ошибки в программе исправляются до тех пор, пока она не станет давать результат, устраивающий автора».*

Теоретик. На момент написания «Кто правит» главным теоретическим оппонентом Даля был Флойд Хантер с его блестящим исследованием власти в американском городе Атланте^[643]. Даль решил дать бой противнику на его же поле – провести столь же подробное исследование власти, но в другом городе и с другой методологией. В качестве места исследования

он выбрал Нью-Хейвен, штат Коннектикут. Во-первых, в этом небольшом (160 тысяч жителей) городке на атлантическом побережье начиная со второй половины 50-х годов разворачивалась крупная программа городского строительства, затрагивавшая интересы всех слоев общества, что давало прекрасный материал для изучения структуры Власти. Во-вторых, именно в этом городке и располагался Йельский университет^[644], в котором Даль занимал далеко не последнюю должность. В-третьих, сотрудниками Йеля с 1951 года в Нью-Хейвене уже проводилось комплексное исследование (методом социологических опросов), результатами которого можно было воспользоваться^[645]. Для Даля исследование Нью-Хейвена было «игрой на своем поле», здесь он мог получить ту информацию, которую вряд ли раздобыл бы в любом другом месте.

Вторым, и куда более важным, отличием исследования Даля от работы Хантера стала методология. Для Хантера «власть» была структурой подчинения – А имеет власть над В, В – над С и так далее; отсюда вытекала «репутационная» методология ее изучения. Спросим у С, кто его начальство, потом спросим у В, и так постепенно доберемся до А, над которым уже нет никакого начальства; вот он и будет искомая «правлящая элита». Даль резко раскритиковал эту методологию как субъективную: Хантер изучает не саму власть, а то, что люди (В и С) про нее думают, между тем как задача исследователя – установить объективную истину. Объективно власть (по Далю) существует не как потенциальная возможность («А – уважаемый человек»), а как реальное и задокументированное действие: принятие А некоего решения, которое В приходится выполнять^[646]. Коль скоро А отдал приказ, а В его исполнил – то власть в

данном эпизоде принадлежала именно А. Поэтому Даль в противовес «репутационной» предложил «решенческую» методологию: тот, кто принимает обязательные для выполнения решения, и есть Власть. Поскольку принятие решений часто осуществляется коллективными органами (советами, комитетами и так далее), нужно также учитывать, кто персонально инициировал совещательный процесс, завершившийся утвержденным документом, – то есть обладал властью продавать свою точку зрения через совещательный орган.

Читатель. Погодите-ка, я что-то не пойму! Возьмем, например, референдум – голосуют избиратели, но вопросы-то формулируют политики? То есть они их «инициируют», они их «продавливают», они и есть Власть. Как же тогда у Даля получилось, что власть принадлежит избирателям?!

Теоретик. Получилось потому, что в книге Даля между «решенческой» методологией и выводом о том, кому принадлежит власть, содержатся еще сотни страниц текста, а вам, уважаемый читатель, они преподнесены на одной странице. Книга Даля потому и попала в список ста самых влиятельных, что действительно оказывает на читателя серьезное влияние. Хороший текст не выдает в первых же абзацах посылку и вывод – тогда любой сможет заметить нестыковки; нет, он ведет читателя через многие страницы рассуждений, переключая внимание на все новые и новые вопросы, чтобы к моменту, когда появляется наконец главное заключение, отправные точки большинства рассуждений были уже крепко забыты.

В этом смысле книга Даля – не просто хороший, а гениальный текст. Ведь и начинается он не с «решенческой» методологии, а с куда более понятной простому читателю «**позиционной**»: кто находится на

важных должностях (ключевых позициях), тот и есть власть. Первая часть книги («От олигархии к плюрализму») содержит исторический очерк Власти в Нью-Хейвене: кто занимал в этом городе руководящие посты в XVIII, XIX и XX веках?

С момента основания (1784) и до середины XIX века Нью-Хейвеном «правили» (кавычки тут потому, что, строго говоря, неизвестно, правили или нет – ведь Даль не проводил «решенческого» анализа тех лет) «патриции» – американские аристократы, т.е. наследственные богачи и знатные люди. Начиная со второй половины XIX века на выборные должности Нью-Хейвена начинают все чаще попадать «предприниматели» – богачи в первом поколении, не имевшие многолетних семейных связей с городской аристократией. Даль объясняет этот переход всеобщим избирательным правом и большей активностью «предпринимателей» в борьбе за голоса избирателей; в результате к концу XIX века предприниматели *«занят практически все ключевые посты в органах власти»*. На следующем этапе – в 1900-1950-х годах – предпринимателей сменяют на выборных должностях «выходцы из народа» (ex-plebs). Даль объясняет этот факт изменением состава избирателей – город быстро растет, его наполняют мигранты (в 1920 году из 160 тыс. жителей Нью-Хейвена 40 тыс. были рождены за пределами США; основные национальности мигрантов – итальянцы, ирландцы и русские); вместо богатства от претендентов на выборные должности теперь требовалась популярность среди сплоченных иммигрантских общин. Наконец, начиная с 1950 года на городских должностях появляются «новые люди» – профессиональные политики, сочетающие умение заработать популярность у избирателей с умением успешно управлять городскими делами (чтобы эту популярность сохранить).

Весь этот процесс Даль характеризует как переход «от кумулятивного к распределенному неравенству» (так называется заключение к 1-й части книги). «Кумулятивным» Даль называет такое неравенство, которое усиливается со временем («богатые станут еще богаче, бедные – еще беднее»); классический пример – благосостояние крупных землевладельцев, ведь «новой земли не производят», а население растет. Предпринимательский капитал также является кумулятивным – при прочих равных условиях в конкурентной борьбе побеждает тот, у кого толще кошелек. Но из только что рассказанной истории мы знаем, что и наследственные аристократы, и предприниматели утратили политическую власть в Нью-Хейвене, хотя и располагали «кумулятивными» преимуществами. Даль объясняет это появлением нового типа неравенства – «распределенного», в котором текущее высокое положение не гарантирует какого-либо успеха в дальнейшем. Именно такое неравенство и реализуется на выборных должностях – успех на прошлых выборах ничего не гарантирует на следующих, избирателей каждый раз нужно убеждать заново. Чем шире становился круг избирателей (за счет отмены разнообразных цензов) и чем разнообразнее оказывались их интересы, тем сложнее «нотаблям»^[647] было конкурировать с другими, более близкими избирателям лидерам.

Даль не остается голословным в этом утверждении, а приводит численные данные, убедительно доказывающие утрату «нотаблями» позиций в городских органах власти. Сначала он – на этот раз в полном соответствии с «решенческой» методологией – выделяет «сферы власти», в которых будет вестись учет принимаемых решений. Их три – общественное образование, назначение на муниципальные должности

и собственно городское строительство, по масштабам которого Нью-Хейвен находился едва ли не впереди всей Америки.

Затем Даль составляет списки. К «социальным нотаблям» он относит членов самого престижного в городе Лаун-клуба, участвующих в его ежегодных собраниях с 1951 по 1958 год (всего 231 семья). В число «экономических нотаблей» включаются лица с состоянием более 250 тыс. долларов (1950-х годов, по нынешним меркам, это многие миллионы), председатели правления крупных корпораций, профессиональные топ-менеджеры, президенты банков – всего 238 семей. Затем составляется список должностей, связанных с принятием решений по вопросам образования, муниципальной кадровой политики и городского строительства. Все три списка сопоставляются, и пожалуйста:

«Из 1024 публичных должностей в трех сферах социальные нотабли занимали лишь 27, из них 24 – в сфере городской реконструкции. При этом занятие данных позиций в большей степени было связано с экономическим положением, чем с социальной позицией [2, р. 64-65]. Экономические нотабли занимали 52 должности, из них 48 – в сфере городской реконструкции [2, р. 70]» [Ледяев, 2012, с. 250].

Не правда ли, впечатляющая точность? В отличие от Хантера, обнаружившего в Атланте какую-то «правлящую элиту», Даль рисует совершенно иную картину: элита (в виде «нотаблей») существует, но получить сколько-нибудь серьезное число должностей не способна. Мешает демократия!

Остановимся на этом месте и переведем дух. Четверть книги уже позади, и хотя до собственно «решенческого» исследования дело еще не дошло, читатель уже усвоил основную мысль Даля. Власть в Нью-Хейвене – это выборные должности, и кто на них в

конечном счете попадет, зависит исключительно от избирателя. Но на самом ли деле «нотабли» лишились контроля за городскими делами, или же, как это описано у Хантера, просто **делегируют** этот контроль полностью зависящим от них профессиональным политикам? Для ответа на этот вопрос «позиционной» методологии недостаточно, и Даль переходит к основной части книги: к анализу принятия решений, позволяющему установить, кто же на самом деле правит в Нью-Хейвене. Если 48 должностей экономических нотаблей в сфере городского строительства позволяют принимать в ней большинство решений – то нотабли и есть Власть. А если нет...

Практик. Есть довольно много логических ошибок, которые может сделать исследователь. В частности, для того, чтобы доказать *существование* некоторого явления, достаточно предъявить всего один его пример. А вот для того, чтобы доказать *несуществование*, например, что в квартире нет кота, *мало* показать, что его нет на кухне, под диванами и в шкафу. Нужно тщательно обшарить все возможные места; а сумел ли Даль это сделать?

Теоретик. Даль вновь составляет список – принятых на городском уровне решений (в трех выбранных сферах) и их инициаторов (которых он называет «лидерами»). Таких «лидеров» обнаруживается 50 (на 160 тысяч населения, тысячу муниципальных должностей и примерно 500 «нотаблей»), причем далеко не все из них действительно влиятельны:

«Из 50 лидеров только трое участвовали в инициации или блокировании решений во всех трех проблемных сферах. Большинство лидеров (27) оказывали непосредственное влияние на принятие только одного решения. Среди наиболее влиятельных,

как уже отмечалось ранее, преобладают те, кто занимает публичные должности. Лидеры рекрутируются из разных социальных страт, и их специализация связана с их постоянными профессиональными интересами. Лидеры в сфере городской реконструкции за небольшим исключением официально, профессионально или финансово связаны с нею; большинство лидеров в публичном образовании также каким-то образом относятся к этой сфере, и лишь группа партийных лидеров имела более сложную социальную основу» [Ледяев, 2012, с. 257].

Конечный результат «решенческого» подхода оказывается столь же неутешительным для нотаблей, как и позиционный анализ:

«В числе 23 человек, оказывающих наибольшее влияние на принятие политических решений в трех проблемных сферах (высшие лидеры)^[648], было лишь два социальных нотабля (8,7%) и три представителя крупного бизнеса (13%). Еще шесть социальных (12%) и девять экономических (18%) нотаблей Даль отнес к группе лидеров второго эшелона (*minor leaders*)^[649], насчитывающей 50 человек [2, р. 64-67, 69-70]» [Ледяев, 2012, с. 251].

В самой интересной (для нас и для нотаблей) сфере – городском строительстве – Даль насчитал 57 принятых решений (за период с 1950 по 1958 год). Больше половины из них – 34 (60%) – были инициированы двумя людьми: лично мэром Нью-Хейвена Робертом Ли (Robert Lee) и его помощником по проекту городской реконструкции Эвардом Логом (Edward Logue). Остальные 23 решения (40%) продвигались «малыми лидерами» – различными людьми и организациями. Несмотря на то что Роберт Ли создал специальную Комиссию Гражданского Действия^[650], куда вошли многие «нотабли»,

«большинство социальных и экономических нотаблей... никогда непосредственно не инициировали решения, не блокировали и не оппонировали каким-либо предложениям, идущим от других групп; их вклад имел скорее технический характер и в значительной мере сводился к легитимации принимаемых решений» [Ледяев, 2012, с. 255]. Сухой язык цифр и на этот раз не оставляет вариантов: никакой власти у нотаблей нет, их роль – соглашаться с решениями всенародно избранного мэра.

Практик. Тут я вспоминаю любимую поговорку Березовского: «Зачем покупать весь завод, если можно купить его директора?»

Читатель. Вы хотите сказать, что если нотабли уже купили мэра и его помощника, то им ни к чему самим принимать какие-то решения?

Теоретик. Да, уважаемый читатель, Практик именно на это и намекает. Но возможно ли вообще с помощью «решенческой» методологии установить, что мэр «куплен» нотаблями? Для этого в городских архивах должна найтись бумага, подписанная мэром: «принимая от нотаблей взятку в сумме XXX долларов, обязуюсь провести в жизнь следующие решения...». Как мы уже знаем из предыдущих частей книги, реальные решения во Власти всегда принимаются на словах, и в очень узком кругу; документальная их фиксация – скорее исключение, чем правило^[651]. Поэтому давайте сначала закончим с «решенческой» методологией, а уже потом рассмотрим основной вопрос далевской книги – вопрос о Власти.

Итак, в результате анализа решений в трех сферах Даль делает закономерный вывод: *«граждане Нью-Хэйвена оказывали существенное косвенное влияние на принятие политических решений путем участия в выборах, результаты которых интерпретировались*

лидерами как выражение определенных приоритетов, учитывавшихся при выработке политического курса» [Ледяев, 2012, с. 253]. Граждане выбирают мэра, ориентируясь на его программу, а мэр принимает ключевые решения, ориентируясь на мнение избирателей. Демократия торжествует.

Но как убедиться, что мэр в своих решениях действительно руководствуется мнением граждан, а не пляшет под дудку «нотаблей»? Как мы уже знаем, «решенческим» способом этого не сделать – официально решения инициирует один человек, а подталкивают его к этому совсем другие. Поэтому Даль в очередной раз меняет методологию и прибегает к *умозрительным* рассуждениям. Предположим, что закулисное влияние «нотаблей» на мэра действительно существует. Нью-Хейвен – маленький город, здесь все друг друга знают, и факт, что нотабль А «контролирует» мэра, сразу бы стал широко известен. Но в проведенном исследовании (включавшем также и вопросы о влиятельности тех или иных личностей) ничего такого не наблюдалось.

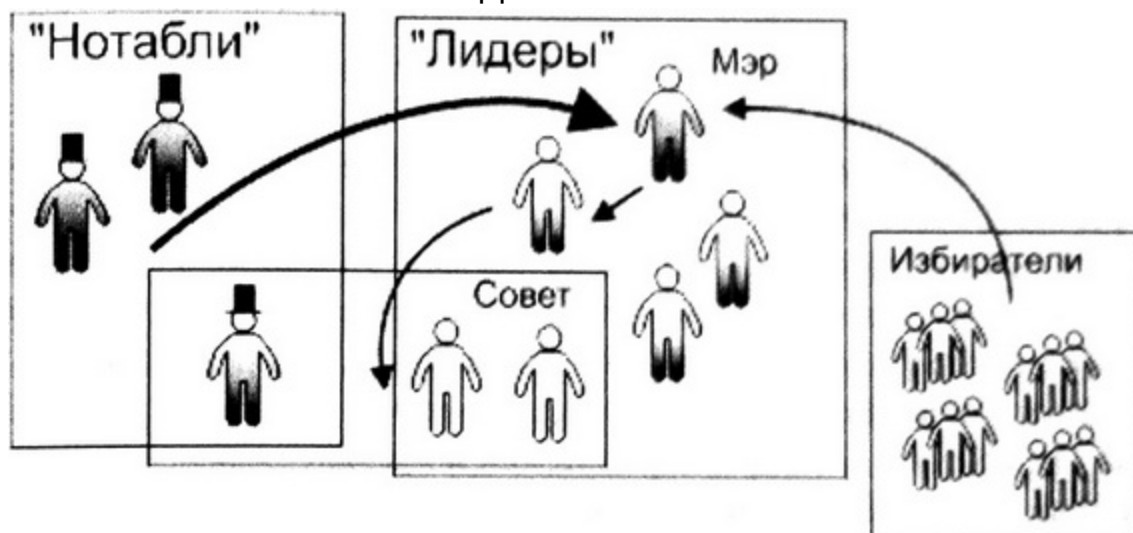

Рисунок 5. Принятие решений по Хантеру

«Во всех трех проблемных сферах, которые были исследованы в Нью-Хэйвене, не было обнаружено существенного влияния представителей экономической элиты. В сфере городского переустройства именно мэр побуждал экономических и статусных лидеров "выйти на передний план", и ему удалось преодолеть нежелание многих из них сотрудничать в осуществлении городских программ. В публичном образовании Полсби обнаружил лишь один пример очевидного влияния представителей статусной элиты (в вопросе выбора места для школы), а в сфере политических номинаций высшему классу и вовсе трудно оказывать существенное теневое влияние в силу того, что партийные организации требуют выдвижения в качестве кандидатов на руководящие должности только тех членов, которые имеют шансы на победу. Поэтому в исследовании не зафиксировано ни одного случая, где экономические или статусные лидеры навязывали "своих" кандидатов [18, р. 89-90]» [Ледяев, 2012, с. 256].

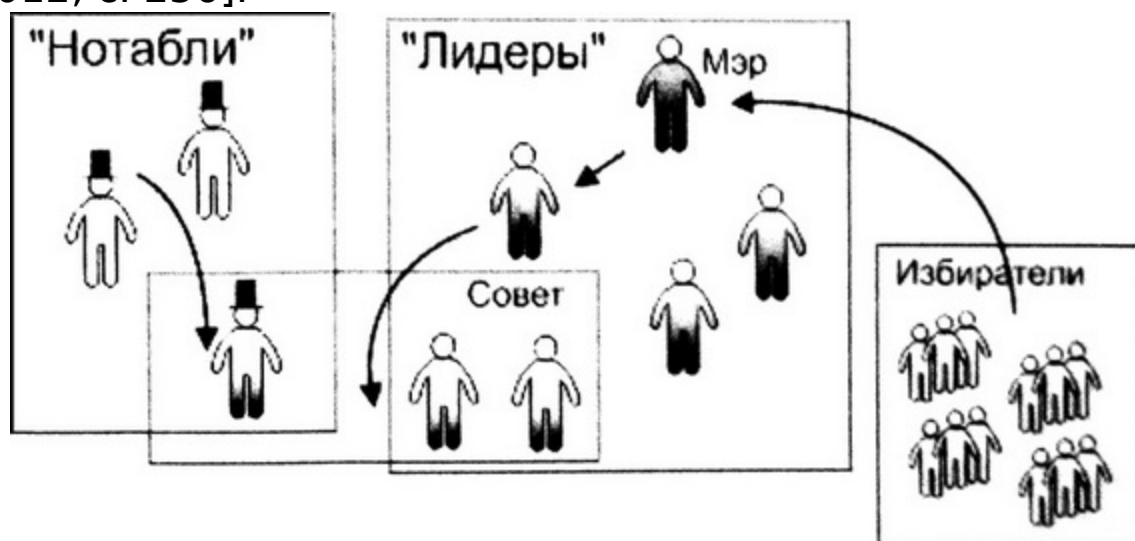

Рисунок 6. Принятие решений по Далю

Один случай влияния за восемь лет (1951-1958) – это все равно что ничего; и Даль спокойно отбрасывает версию о «закулисном влиянии» нотаблей. Для завершения своей книги ему теперь нужно решить другую, не столь интересную для нас, но существенную в рамках собственной теории Даля проблему. А что если выявленные в ходе «решенческого» анализа лидеры – высшие и малые – и есть пресловутая «правлящая элита»? Что если они обо всем между собой сговорились и правят без учета мнений избирателей?

Всю вторую половину книги Даль решает именно эту проблему. На многих десятках страниц он показывает разногласия и противоречия между выявленными «лидерами» – начиная от их разного социального происхождения и профессиональной принадлежности и заканчивая анализом разных конфигураций «коалиций» между ними. Как нетрудно догадаться, в конечном счете Даль приходит к выводу (подтвержденному многочисленными реальными примерами), что любая коалиция в реальных условиях оказывается неустойчивой и носит временный характер. Таким образом, демократия спасена, правит действительно избиратель. Для нас эта часть книги не представляет особого интереса, поскольку мы уже знаем (от самого Даля!), что больше половины решений в Нью-Хейвене принимает лично мэр, и рассуждения о «коалициях» между подчиненными ему персонажами представляются явной схоластикой.

Разногласия между Далем и Хантером можно представить графически, что мы и сделали на рисунках 5 и 6 на предыдущей странице.

В модели Хантера (рисунок 5) ключевыми фигурами являются нотабли, которые для *некоторых* своих дел (в случае Нью-Хейвена – городской реконструкции) используют технических специалистов (например, мэра-демократа для реализации проекта, подготовленного

республиканским лобби в Вашингтоне). Таким образом, избиратели выбирают человека, но не то, что он будет делать, а правят в городе именно нотабли.

В модели Даля (рисунок 6) ключевой фигурой является мэр, который создает Совет и в который кооптирует представителей нотаблей (причем без решающего голоса). Никакого влияния нотаблей на принимаемые мэром решения не обнаружено. Мэр опирается на волю избирателей и действует в их интересах. Таким образом, правят в городе избиратели.

Но что значит «влияние нотаблей не обнаружено»? Почему не обнаружено – потому, что его действительно нет, или же потому, что его плохо искали? Поскольку Даль начинал свое исследование, уже располагая готовой концепцией, «как оно должно быть на самом деле» (теория плюрализма), подозрения о том, что «плохо искали», совсем не беспочвенны. Что же на самом деле происходило в Нью-Хейвене в 50-е годы?

Ответить на этот вопрос попытался другой американский социолог, главный на сегодняшний день представитель «элитизма» Уильям Домхофф. В своей книге «Кто правит на самом деле», изданной в 1978 году, он фактически повторил исследования Даля, воспользовавшись дополнительными архивными материалами. Нетрудно догадаться, что в руках «элитиста» картина власти в Нью-Хейвене поменялась на противоположную.

Домхофф начал с самого простого: откуда деньги? Откуда вообще взялся проект городского развития Нью-Хейвена, самый дорогой из подобных проектов 50-х (около 1000 долларов инвестиций на одного жителя города)? Взялся он из федеральных средств, выделенных после многолетнего лоббирования проекта, начатого нью-хейвенским объединением бизнесменов (Торговой палатой) еще в 1948 году. Лоббирование увенчалось успехом благодаря активным действиям

сенатора от Коннектикута Прескотта Буша^[652], входившего в сенатский комитет по развитию городов. Помимо своих сенатских обязанностей, Прескотт Буш являлся членом правления Йельского университета. Его усилиями в 1954 году республиканской администрацией был принят Federal Urban Renewal Law (закон о развитии городов), открывший путь к получению Нью-Хейвеном фантастической (по тем временам) суммы в 80 млн долларов^[653] на городскую реконструкцию (позднее бюджет реконструкции еще увеличился, как всегда бывает с подобными проектами).

Одновременно подготовка к освоению проекта шла и в самом Нью-Хейвене. На мэрских выборах 1953 года убедительную победу одержал демократ Ричард Ли. Однако для республиканских лоббистов «реконструкции» эта победа вовсе не стала неприятным сюрпризом.

Родившийся в 1916 году и попавший в большую политику в 1939-м, Ричард Ли сразу же был нанят Торговой палатой в качестве публичного представителя и организатора (например, он организовал в Нью-Хейвене молодежную торговую палату). В 1942 году Ли был призван в армию и по возвращению получил должность уже в Йельском университете – опять же в сфере публичных отношений, в специально под него созданном Йельском бюро новостей. Именно оттуда он и начал свою предвыборную кампанию.

Неизменным напарником Ли начиная с избирательной кампании 1953 года был Эдвард Лог (Logue), выпускник Йеля, специалист по городскому планированию и одновременно – зять Уильяма ДеВейна, декана одного из колледжей Йеля. Причину, по которой все активные участники проекта городского развития оказывались связаны с Йелем, раскрыл сам президент

Йеля (1950-1963), Уитни Грисволд, в своем разговоре с Далем^[654]:

«Мэр и Лог... оба клятвенно заявляли публично снова и снова на собраниях Комиссии Гражданского Действия и на публичных завтраках и везде и всюду, что, если не будет для Йеля благоволения повысить свой статус до первичного подрядчика на эту землю, весь проект по Оак-стрит окажется мертворожденным... Вы же знаете, правила, законы, политика Вашингтона требуют твердого предложения от некоего представителя населенного пункта, перед тем как контракт такого рода будет подписан и путь к финансированию всего проекта – открыт. И вот, как бы там ни было, это то, что мы сделали. И снова... это не чистый альтруизм Йеля, в этом случае, я думаю, это осознанный интерес. Мы были, и остаемся, в сложном положении по обеспеченности жильем» [Domhoff, 2014].

Как видите, Йель – как университет и как его правящая верхушка – был крайне заинтересован в продвижении проекта как с целью расширить собственные площади, так и с целью просто поучаствовать в освоении огромных средств. Окончательно посвящение Ричарда Ли в задачу по продвижению «городской реконструкции» состоялось буквально сразу же после его избрания мэром. В архивах Торговой палаты остались записи о событиях, развернувшихся после победы Ли на выборах 1953 года. Уже 10 ноября 1953 года, через семь дней после выборов, на заседании Палаты принято решение просить будущего мэра о встрече с целью презентации проекта городской реконструкции. Ричард Ли благосклонно отнесся к своим бывшим работодателям, и уже 19 ноября отобедал в (том самом!) Лаун-клубе в обществе пяти руководителей Палаты. В ходе обеда участники остались довольны друг другом и обо всем

договорились, Ричард Ли приступил к выполнению обязанностей мэра и – по совместительству – ярого лоббиста проекта городской реконструкции.

В качестве завершающей иллюстрации отношений между «нотаблями», объединенными в Торговую палату, и мэром Нью-Хейвена, Домхофф приводит следующий отрывок из интервью, опять-таки взятом самим Далем:

«Даль: Так это вы предложили городу этот проект?

Руководитель Палаты: Да, мы (Торговая Палата) имели свою собственную программу из десяти пунктов, которая включала проект на одной из стадий. В итоге мы получили одобрение города, и мэр Ли принял мяч и с тех пор пинал его сам» [Domhoff, 2014].

Таким образом, Домхофф пусть и не статистически достоверно, но весьма убедительно продемонстрировал наличие сильных закулисных связей между политическим «лидерами» Нью-Хейвена и людьми, реально составляющими программы «городского развития». Разумеется, последних никто не выбирает, и даже с помощью самых совершенных социологических инструментов увидеть их Власть невозможно. Однако она есть.

Тем не менее критика Домхоффа опоздала на 20 лет. В 1961 году никто не сумел оспорить результаты Даля, «Кто правит» заслуженно заняла место среди лучших книг столетия, а сам Даль вскоре обогнал по популярности своего главного соперника. Уже к 1965 году цитируемость Роберта Даля в научных журналах превысила цитируемость Флойда Хантера.

Тот факт, что до наших дней (XXI век!) многие политологи ссылаются на Даля в качестве основного аргумента против «элитизма», показывает, насколько удачно у Даля получилось защитить господствующую идеологию американского истеблишмента. «Вы же и правите», – вкрадчиво убеждает простых американцев

эта книга, и несмотря на 50 лет последующих исследований, это убеждение до сих пор работает. Почему работает – надеюсь, нам удалось хоть немножечко объяснить.

4. Англо-американский истеблишмент
Кэрролл Квигли, «Трагедия и надежда»
(1966),
«Англо-американский истеблишмент» (1981)

Теоретик. Итак, на попытках изучать «властвующую элиту» в рамках социологии был поставлен жирный крест. Даль убедительно [\[655\]](#) доказал, что плюралисты правы, а элитисты нет, и власть в США распределена (пусть и неравномерно) между всеми американцами. Ситуация в современной (начала XXI века) социологии вполне соответствует этому тезису: изучением *властвующих* элит в ней занимаются лишь отдельные маргиналы (вроде Домхоффа). Эмпирическая социология изучает «элиты» (будь то топ-менеджеры корпораций или министры европейских правительств) как самые обычные, то есть *безвластные* социальные группы. Теоретическая социология предпочитает обсуждать «власть вообще», не задаваясь опасным вопросом – а кто конкретно и, главное, *почему* обладает этой самой властью. Властвующие элиты успешно закрыли один из каналов утечки информации и спокойно продолжили *решать вопросы* за кулисами американской демократии.

Однако не прошло и десяти лет, как существование властвующих элит обнаружила другая наука – **история**. В 1966 году на полках американских магазинов появилась толстенная, в 1350 страниц, книга профессора Джорджтаунского университета Кэрролла Квигли «Трагедия и надежда: История современного

нам мира»^[656]. В ней уважаемый профессор изложил свои теоретические взгляды на экономическую и политическую историю XX века, представив ее единым процессом эволюции западной цивилизации^[657]. Казалось бы, столь отвлеченная и абстрактная тема должна была быть совершенно безопасной для правящих кругов; однако на деле оказалось, что Квигли не просто знал о *нескольких* властных группировках, стоявших за ключевыми событиями мировой истории, но и безо всякого стеснения рассказывал о них читателю. Вот так, например:

«В дополнение к [текущим] прагматическим задачам, силы финансового капитала имеют другую, долгосрочную цель, не менее, чем создание мировой системы финансового управления в частных руках, способную господствовать над политической системой каждой страны и мировой экономикой в целом. Такая система должна управляться на феодальный манер центральными банками мира, действующими сообща, согласно тайным соглашениям, достигаемым во время частых личных встреч и совещаний» [Quigley, 1966, p. 324].

Или вот так:

«Существует, и сохраняется из поколения в поколение, международная англофильская группировка, действующая, в некотором приближении, в направлении, которое радикальные правые приписывают коммунистам»^[658].

Действительно, эта группировка, которую мы называем Общество Круглого Стола, не испытывает отвращения к сотрудничеству с коммунистами, или с любыми другими политическими силами, и частенько к нему прибегает. Я знаю о деятельности этой группировки, поскольку я изучал ее двадцать лет и был

допущен, в начале 1960-х, к работе с их документами и секретными записями...» [Quigley, 1966, p. 950].

Мало того, Квигли пошел гораздо дальше и *пофамильно* перечислил участников одной из упомянутых группировок, а также с академическим бесстрашием описал их цели, предпринятые действия и достигнутые результаты. Многие события XX века ^[659] в изложении Квигли оказались следствием решений не государств и правительств, а стоявших за ними властных группировок, действовавших в своих частных (хотя и не всегда корыстных) интересах. Фактически книга Квигли представляла собой частичную реализацию «программы Моски» – рассказать об истории государств и народов как о результатах действий их правящих классов. Существование *властных группировок* было для Квигли самоочевидным фактом – еще бы, ведь он сначала «вычислил» одну из таких группировок по открытым источникам, а потом познакомился с ее представителями и лично убедился в ее существовании!

Читатель. Надо же, какой прокол. Столько усилий потратили, чтобы нейтрализовать Миллса – и вдруг какой-то историк, да еще посвященный, выкладывает все открытым тестом! Что же с ним за это сделали, если даже Миллса довели до инфаркта? Наверное, вообще убили?!

Теоретик. Вот так сразу взять и убить – реакция *обычного* человека, не умеющего считать даже на один ход вперед. Посмотрите на ситуацию глазами человека Власти. Что произошло? Во-первых, предательство незначительного вассала (не будь Квигли вассалом, никто не допустил бы его до «внутренней кухни» Общества Круглого стола). Чья это проблема? Сюзерена этого вассала, то есть куратора Квигли в Круглом столе. Как он будет ее решать? Обычным для данной

группировки способом – это не первое предательство и не последнее, дело привычное^[660].

Во-вторых, произошла серьезная утечка информации. Но какая? Есть разница между утечкой «я готов дать показания в суде»^[661] и «мне кажется, что я уверен в существовании группировки, о которой я написал». Мало ли что кажется отдельно взятому ученому; утечка станет серьезной только тогда, когда его предположения начнут проверять *другие ученые*. Если такой проверки не будет, «разоблачения» так и останутся чудачествами эксцентричного профессора. Так что нужно спокойно разобраться, почему Квигли решил написать о властных группировках, что он собирается дальше делать с этим знанием, и как можно повлиять на других историков, чтобы они не испытывали особого желания лезть в эту тему. Вот тогда проблема утечки будет окончательно решена.

Читатель. Признаю, погорячился. Но с другой стороны, раз уж я ничего не слышал про теорию Квигли, получается, что его *все-таки убили*? Не как человека, а как ученого?

Теоретик. Иначе и быть не могло. Чтобы понять, как это было сделано, представим себе, что это мы с вами ведем «дело профессора Квигли» в мировом правительстве. Раннее утро, кофе, свежая газета на столике, а рядом с ней толстая книга с закладкой и записка: «Смит, это по вашей части; взгляните, что написал ваш уважаемый профессор».

«Как мы уже говорили, Восточный Истеблишмент действительно стоит над обеими партиями и заботится больше о реальной политике, нежели о победе демократов или республиканцев» [Quigley, 1966, p. 1244] – читаем мы на странице с закладкой и тянемся за гаванской сигарой. **«Ваш** уважаемый профессор» – сюзерен, похоже, готов рвать и метать. Тут простыми

оправданиями не отделаться, нужно предложить ему что-то масштабное, с лихвой перекрывающее допущенную ошибку. С чего вдруг Квигли все это написал? Насколько подтверждены фактами его рассуждения насчет «истеблишмента»? Как воспримет эту идею научное сообщество? Как предотвратить ее дальнейшее распространение или направить ее обсуждение в безопасное русло?

Чтобы ответить на все эти вопросы, придется вспомнить, кто такой Кэрролл Квигли, как он стал профессором истории и каковы были его интересы на момент написания пресловутой книги. Родился Кэрролл Квигли в 1910 году в Бостоне^[662], в семье ирландского^[663] происхождения (отец – начальник пожарной части, мать – домохозяйка) [Quigley, 1979, p. 20]. Как и у его предшественника Миллса, внешняя биография Квигли проста и обычна: учился в Бостонской Латинской школе с 1924 по 1929 (где был одним из лучших учеников за всю историю школы и написал три статьи в «Registry», старейшую школьную газету США [Hyde, 1961]), благодаря успехам в учебе получил стипендию для обучения в Гарварде, куда сразу же после школы и поступил. В Гарварде Квигли первоначально интересовался биохимией, физикой и математикой; однако по регламенту ему полагалось прослушать и какой-нибудь гуманитарный предмет. Квигли выбрал историю – и увлекся ею на всю жизнь.

В 1933 году он получил магистерское звание (с особым отличием, став лучшим учеником среди изучавших историю) и произвел столь благоприятное впечатление на экзаменатора, принстонского профессора Мак-Илвайна, что тот пригласил Квигли в Принстонский университет. Два года спустя (1936) уже Гарвард предоставил Квигли стипендию, оплатив двухлетнюю поездку в Европу для написания

докторской диссертации о наполеоновском правлении в Италии. В 1938 году Квигли представил в Гарвард три тома своей диссертации, получив степень доктора философии и новое место работы. Наконец, в 1941 году успехами Квигли заинтересовался Эдмунд Уолш^[664], основатель Дипломатической школы^[665] при Джорджтаунском университете (Вашингтон). Он пригласил Квигли в Джорджтаун читать лекции по истории (в Гарварде Квигли вел только семинары). Квигли без колебаний согласился, и вскоре выяснилось, что он – прирожденный преподаватель, лектор от Бога, производящий неизгладимое впечатление на своих слушателей^[666]. За 35 лет работы в Школе международных отношений (1941-1976) Квигли издал только две книги («Эволюция цивилизаций» и «Трагедия и надежда»), но зато подготовил десятки тысяч (!) студентов, многие из которых определяли впоследствии внешнюю и внутреннюю политику США. Составить представление о том, как воспринимали Кэрролла Квигли его друзья и коллеги, можно по следующему отрывку из предисловия Гарри Хогана к «Эволюции цивилизаций»:

«Для меня он был – можете смеяться, если хотите, – человеком масштаба Блаженного Августина, Пьера Абеляра и Фомы Аквинского, разыскивавшим истину путем исследования подлинной реальности, которую он вытаскивал на свет божий из человеческой истории... Если бог Западной цивилизации, которой Квигли посвятил так много лет, существует, – сегодня он приветствует Квигли как одного из своих лучших угодников» [Quigley, 1979, p. 16].

Упоминание бога западной цивилизации в этой цитате не случайно; в Джорджтауне Квигли читал курс лекций по эволюции цивилизаций, рассматривая историю человечества в самом крупном масштабе.

Разумеется, среди уже умирающих или еще не набравших силу цивилизаций особо выделялась одна – западная, мнение о которой, сложившееся у Квигли за годы работы, нашло свое лучшее воплощение в знаменитом высказывании Билла Клинтона:

«Еще тинейджером я слышал призывы Джона Кеннеди к активной гражданской позиции^[667]. Будучи студентом Джорджтаунского университета, я услышал кристально ясную формулировку этого призыва, сформулированную профессором по имени Кэрролл Квигли: американцы являются величайшей нацией в мире, поскольку мы всегда верим в две вещи – в то, что завтра может быть лучше, чем сегодня, и что каждый из нас несет личную моральную ответственность за то, чтобы это было сделано^[668]» [Clinton, 1992].

Гражданская позиция Квигли была замечена, разумеется, не только президентом Клинтоном (через 16 лет после смерти профессора); на протяжении многих лет он был консультантом различных правительственных учреждений, таких как Министерство обороны^[669], Государственный департамент и Особый комитет Конгресса по науке, космосу и технологиям. Любопытно, что несмотря на увлечение историей вооружений и работу на Министерство обороны, сам Квигли по политическим взглядам был скорее пацифистом, выступая против войны во Вьетнаме^[670] и чрезмерной роли военно-промышленного комплекса в правительстве США. Тем не менее к середине 1960-х годов профессор Джорджтаунского университета Кэрролл Квигли был уважаемым членом общества, принятым^[671] в американском истеблишменте и не проявлявшим (в отличие от того же Миллса) каких-либо бунтарских наклонностей. И вдруг – «Трагедия и надежда»! Какая муха укусила уважаемого профессора?

Читатель. А может быть, он и не собирался «разоблачать» истеблишмент? Просто изучал свою любимую западную цивилизацию, изучал, да и доизучался?

Теоретик. Вот это было бы здорово, подхватывает господин Смит. Тогда можно доложить сюзерену, что Квигли просто вскрыл «дырочки» в нашей системе безопасности, за что его, а лучше меня, следует представить к награде! Но можем ли мы быть уверены, что все дело только в научном подходе? Что там писал Квигли в своей первой книге, «Эволюция цивилизаций»? *Следует* ли из нее специализированный интерес к властвующим элитам? Держа перед собой эти вопросы, обратимся к научной биографии мятежного профессора.

Кэррол Квигли начал читать свой курс по эволюции цивилизаций в 1941 году, всего через несколько лет после выхода в свет первых шести томов [\[672\]](#) «Постижения истории» Тойнби [\[673\]](#), труда, сделавшего «цивилизации» предметом исторической науки. Опубликованное в 1946-м краткое изложение [\[674\]](#) шести томов Тойнби стало мировым бестселлером, и с этого момента слово «цивилизация» у любого образованного читателя стало ассоциироваться с «вызовом и ответом» [\[675\]](#), а также с «творческим меньшинством», которое находит этот самый ответ [\[676\]](#). Концепция истории, которую Квигли преподавал уже несколько лет, существенно отличалась от теории Тойнби, и ему конечно же приходилось разъяснять студентам недостатки идей модного бестселлера. За 15 лет подобной работы концепция Квигли превратилась в целостную, понятную каждому студенту и действительно многое объясняющую теорию, которую он и счел нужным изложить в отдельной книге.

Поначалу может показаться, что Квигли попросту повторяет Тойнби. И у того, и у другого присутствует

список цивилизаций (26 у Тойнби, 16 у Квигли); и у того, и у другого каждая цивилизация проходит определенный цикл от рождения до смерти^[677]. Однако затем становится ясным, что Квигли описывает цивилизации совершенно иначе, чем Тойнби. Тойнби понимал под цивилизацией «более протяженный в пространстве и времени, чем города и государства, объект исторического исследования», наделяя этот «объект» разными чертами в разных томах своего произведения^[678].

Квигли дает своей «цивилизации» однозначное определение. «Производящее общество, обладающее инструментом для экспансии» [Quigley, 1979].

Цивилизация, по Квигли, это такая штука, которую невозможно не заметить: она доберется до вас, куда бы вы ни спрятались, потому что главное занятие цивилизации – экспансия. Только распространяя свое влияние (военное, экономическое, религиозное) на окружающие пространства, общество может стать «более протяженным объектом», просуществовать многие века и оставить значимый след в истории^[679]. Сделать это цивилизация может, лишь располагая соответствующим инструментом – в том значении, которое этому обыденному термину («если у вас есть молоток, все вокруг превращается в гвозди») придает Квигли. Он выделяет в обществе шесть базовых потребностей: 1) коллективная безопасность, 2) организация взаимодействия, 3) материальное благосостояние, 4) дружеские отношения, 5) уверенность в правильности своего образа жизни, 6) понимание окружающего мира. Им соответствуют шесть видов общественной деятельности – военная, политическая, экономическая, социальная, религиозная^[680] и интеллектуальная. Вот теперь можно

рассказать, что такое *инструмент* и как трудно держать его в постоянной готовности:

«Для удовлетворения этих потребностей на каждом уровне общества создаются соответствующие организации. Такие организации, состоящие главным образом из личных связей их участников, мы называем „инструментами“ – до тех пор, пока они преследуют свои исходные цели. Но каждая такая организация может превратиться в „институт“, переключившись на удовлетворение собственных потребностей^[681], в результате чего их первоначальные задачи решаются со все меньшей эффективностью» [Quigley, 1979, p. 101].

Квигли приводит блестящий пример превращения «инструментов» в «институты». Великолепный *инструмент* Римской империи, пешие легионы, завоевавшие все Средиземноморье, стали на закате империи *институтом*, который занялся сменой «солдатских императоров», но не смог ничего противопоставить новой военной технологии – кавалерии «варваров». Подобные превращения инструментов в институты происходят во всех сферах общественной жизни неравномерно, и «мгновенное фото» общества может показать самую причудливую картину – от лучшей в мире армии, финансируемой только за счет случайно захваченных серебряных рудников, до богатейших торговых городов, бессильных отразить нашествие варваров. Но точно такое же превращение испытывает и *основной инструмент* цивилизации, инструмент ее экспансии:

«Когда инструмент экспансии в цивилизации становится институтом, напряжение усиливается... Общество в целом привыкает к экспансии; массы населения ожидают и желают ее продолжения. Общество, создавшее инструмент экспансии,

занимается многие поколения, или даже столетия. Население привыкает к экспансии. Когда ситуация перестает становиться “лучше чем вчера”... оно оказывается растерянным, беспокойным и даже озлобленным. В то же время само общество, после веков экспансии, перестроено под продолжение экспансии, и испытывает болезненный стресс, когда экспансия замедляется... После веков экспансии наше общество организовано так, что оно не может просто существовать; оно должно расширяться – или погибнуть» [Quigley, 1979, p. 139,141].

Как видите, у Квигли присутствует совершенно оригинальная, и притом весьма глубокая идея: то, что порождает цивилизацию, становится причиной ее гибели. Более того, тот же самый процесс наблюдается и в меньших масштабах: любой инструмент, когда-то сослуживший вам службу, норовит превратиться в институт, с трудом выполняющий первоначальные функции, но требующий все больших затрат.

Читатель. А нельзя ли выбросить такой мутировавший инструмент на помойку и завести себе новый? Раз уж речь идет о жизни и смерти целой цивилизации?

Теоретик. Это, мягко говоря, непросто. Вспомните римские легионы – кто из «солдатских императоров» смог бы выбросить их на помойку? Социальные инструменты не молоток или рубанок, это способ организации целой сферы общественной жизни, без которых можно элементарно погибнуть. Квигли приводит примеры инструментов экспансии: коммерческий капитализм на древнем Ближнем Востоке^[682], социалистический город-государство в минойской цивилизации, рабовладение в Древней Греции и Риме. При попытке выбросить их на помойку – как бы и самим там не оказаться. Институт нельзя

отбросить, его можно лишь *постепенно* заменить новым инструментом. Для такой тонкой операции требуются, чтобы новые инструменты *не уничтожались* старыми институтами (попробуйте-ка создать новую религию при действующей инквизиции).

Если таких инструментов не находится, остановка экспансии (после продолжительной эпохи конфликтов, когда вместо внешней агрессии цивилизация выясняет, кто у нее внутри самый главный) приводит к созданию величественной и богатой, но остановившейся в своем развитии Империи:

*«Но эта внешняя оболочка богатства обманчива. Незначительная экономическая экспансия является следствием того, что для нее **нет реальных инструментов**. Инновации происходят редко, а инвестиции недостаточны; инвесторы предпочитают проедать свой капитал, расходуя его на бессмысленные монументы вроде египетских пирамид» [Quigley, 1979, p. 159].*

Своевременное появление новых инструментов оказывается важнейшим фактором долгосрочного выживания цивилизаций (в очередной раз вспоминаем макиавеллианскую *доблесть*). Бывали ли в истории человечества столь либеральные времена, чтобы старые институты не сумели задавить новые инструменты? Да, отвечает Квигли, бывали, и даже несколько раз:

«Существует несколько случаев, когда цивилизациям удавалось путем реформ или хитростей преобразовать свои инструменты экспансии, и мы рассмотрим их в дальнейшем... Наилучшие примеры можно найти в эволюции нашей собственной Западной цивилизации, где применялись как реформы, так и обходные пути. В результате Западная цивилизация имела три периода экспансии, первый около 970-1270 гг., второй около 1420-1650 гг. и третий около 1725-

1929 гг. Инструментом экспансии в первом случае был **феодализм**, позднее институализированный в **рыцарство**. Параллельно и незаметно для рыцарства возник новый инструмент экспансии, который мы называем **торговым капитализмом**. Когда торговля была институализирована в **меркантилизм**^[683], торговый капитализм сумел реформироваться в **промышленный**, который стал инструментом третьей эры экспансии Западной цивилизации.

В 1930-е годы этот инструмент оказался институализирован в **монополистический капитализм**, и общество в третий раз вступило в эпоху кризиса» [Quigley, 1979, p. 145].

Читатель. Ничего так кризис – Великая депрессия, а потом еще и Вторая мировая война! И все это из-за превращения промышленности из инструмента в институт?

Теоретик. Вторая мировая война – да, а вот насчет Великой депрессии не совсем. Третья эра экспансии продолжалась 200 лет, и за это время много чего случилось (Наполеоновские войны^[684], например). Внутри «большого цикла» экспансии Квигли выделяет несколько «малых циклов», на каждом из которых внутри **общего** для всей эпохи инструмента экспансии (промышленного капитализма) создавались (а потом институализировались) новые экономические технологии:

«Мы можем выделить следующие этапы: 1) аграрная революция^[685] с 1730 года, 2) промышленная революция с 1770, 3) финансовый капитализм с 1850, 4) монополистический капитализм с 1900» [Quigley, 1979, p. 391].

Квигли уделяет главное внимание двум последним способам организации капитализма – финансовому и монополистическому. Финансовый капитализм, в его

представлении, возник внутри промышленного в ходе строительства железных дорог – слишком дорогих для любого отдельного капиталиста. Чтобы построить железные дороги, требовалась консолидация разных капиталов, и тут к делу подключился давно существовавший банковский капитал. Столетиями жившие только за счет кредитования, банки увидели новый способ заработать – инвестиции во вновь создаваемые отрасли промышленности, позволяющие получать контроль над крупными корпорациями и участвовать в их прибыли. Обычные банки тут же стали инвестиционными, капитализм получил мощный приток новых средств, а найденный эффективный инструмент стал быстро трансформироваться в институт, претендующий на мировое господство (помните цитату про «создание мировой системы управления в частных руках»? вот это она и есть).

Однако, профинансировав создание огромных промышленных корпораций (где железные дороги, там и сталь, и нефть, и электричество... весь современный мир создавался вокруг инвестиционного бума конца XIX – начала XX века), инвестбанки (подобно капитализму Маркса) породили своего могильщика: монополистический капитализм. Корпоративная (то есть находящаяся в совместной собственности различных владельцев) форма капитализма позволяла компаниям не только передавать пакеты акций инвестбанкам, но и самостоятельно размещать их на биржах, а также продавать их другим компаниям. Тем самым возникла (и была сразу же использована) возможность появления корпораций, не связанных с банковским капиталом (а напротив, способных создать собственные инвестбанки). На первый взгляд кажется, что нет никакой разницы между корпорациями, созданными банками, и банками, созданными корпорациями – там и там одинаковые буржуи. Однако

Квигли отмечает принципиальное разногласие между этими двумя формами капитала^[686]:

«Международный золотой стандарт стал главным механизмом, с помощью которого предложение денег сохранялось низким, а их цена – высокой. Высокая цена денег была выгодна кредиторам... но одновременно она означала низкие цены на товары и ставила в невыгодное положение заемщиков и товаропроизводителей» [Quigley, 1979, p. 393-394].

Фундаментальные интересы банков и корпораций (финансового и монопольного капитализмов) были противоположны: банкам были выгодны дорогие деньги и дешевые товары, монополиям – дешевые деньги и дорогие товары. Подобное противоречие не могло не вылиться в прямое столкновение двух инструментов, один из которых – финансовый капитализм – уже практически превратился в институт^[687].

Так вот, кризис 1929-1945 годов и был финальной схваткой монополистического капитализма с финансовым:

«...финансовый капитализм родился около 1850 года и умер насильственной смертью в сентябре 1931, с крахом международного золотого стандарта...

Вследствие этого господство в экономике финансистов, таких как Рошгильды, Морган, Мирабо^[688], Баринг, Монтегю Норман^[689] и даже Ивар Крюгер закончилось, и им на смену пришли крупные монополисты, такие как Дюпон, Мелчетт^[690], Леверхульм^[691], Рокфеллер, Форд, Наффилд^[692] и другие» [Quigley, 1979, p. 393-394].

Что же касается куда более масштабного кризиса, связанного с окончанием третьей эры экспансии и вступлением в эру конфликтов, то он нам еще предстоит, и в этом, по Квигли, заключается трагедия XX века. Но его же теория дает и надежду – на новый

инструмент экспансии, который сумеет выйти победителем из схватки с *институализировавшимся* монополистическим капитализмом.

Читатель. Ну что, теория Квигли действительно многое объясняет. Кроме одного: а при чем здесь властные группировки? Какого банкира ни возьми, он будет за дорогие деньги, и точно так же любой промышленник – всей душой за дешевые. Историческая необходимость, судьбы цивилизации и так далее; хоть убейте, я не вижу здесь интереса к изучению отдельных группировок.

Теоретик. Господин Смит недоволен, но вынужден с вами согласиться. Описание эволюции цивилизации в теории Квигли (шесть сфер деятельности, семь стадий, инструменты и институты) вполне самодостаточно; инструменты и институты конкурируют между собой без каких-либо сознательных усилий отдельных личностей. Рокфеллеры сменяют Морганов не в результате хитрой интриги, а в силу большей эффективности института, который они контролируют. Отдельным людям, и даже целым группировкам нет места на величественном полотне, охватывающем целые народы и континенты.

Читатель. Так с чего же Квигли заинтересовался властными группировками?!

Теоретик. Пока не знаю, отвечает господин Смит. Попробуем поискать ответ в главной книге профессора – «Трагедии и надежде». Как она развивает цивилизационную теорию? Какие властные группировки сумел обнаружить Квигли, и по поводу каких событий? Включил ли он эти властные группировки в свою модель цивилизации или упоминал их возникновение наравне с другими историческими фактами? И самое главное – понял ли Квигли реальное устройство Власти^[693], или только случайно прикоснулся к ее тайне?

По первоначальному намерению Квигли, заявленному уже в предисловии, «Трагедия и надежда» действительно должна была стать применением его теории к современной западной цивилизации. События XX века следовало осмыслить как определенный этап эволюции Запада – замедление третьей волны экспансии и начала третьей эпохи конфликтов.

Вторая мировая война и возникшее уже через несколько лет после нее ядерное противостояние США и СССР превосходно укладывались в эту схему – вместо планомерного распространения своего влияния на «периферию» (к которой Квигли относил не только Российскую империю, но и Германию) западная цивилизация столкнулась с ее активным сопротивлением. Уже в первой главе Квигли формулирует новый исторический закон, объясняющий, почему у вроде бы «отсталой» периферии получается успешно противостоять «ядру» цивилизации:

*«Распространение материальной культуры из центра цивилизации в ее периферийные области и далее, к народам с совершенно другим общественным строем, приносит странные результаты. Когда элементы материальной культуры передаются от центра к окраинам внутри одной и той же цивилизации, они имеют тенденцию **усиливать периферию по отношению к центру**, поскольку центр ограничен в использовании результатов таких изобретений старой правовой системой [отсутствующей на периферии]»* [Quigley, 1966, p. 13].

Усилившись за счет импорта технологий (главным образом, конечно, систем вооружения – танки были изобретены в Великобритании, Франции и России, а танковые армии – уже в Германии), периферия бросает вызов центру цивилизации. Крах колониальной системы, Вторая мировая война, возвышение СССР – все эти великие события XX века успешно объясняются с

помощью цивилизационной теории **Квигли**. Согласно этой же теории, эпоха конфликтов может завершиться либо новой волной экспансии (что уже дважды случалось в истории Запада), либо формированием Империи, устанавливающей единые порядки как в центре, так и на периферии, и тем самым закрепляющей господство «институтов» над вновь возникающими «инструментами». После возникновения такой Империи разложение и гибель цивилизации – лишь вопрос времени; он неизбежен, как восход солнца^[694].

Конечно же, у читателя сразу возникает вопрос: а как спасти западную цивилизацию? Что нужно делать, чтобы избежать возникновения Империи и начать новую, четвертую по счету экспансию? Квигли не знает ответа; более того, история XX века учит, что «единственно верные ответы» могут оказаться опаснее их отсутствия:

«События тридцати лет, с 1914 по 1945, показали реальную природу предшествующего поколения, его невежество, чванство и ложные ценности. Две ужасные войны с мировой экономической депрессией между ними обнаружили реальную неспособность человечества контролировать свою жизнь технологиями XIX века, такими как экономическая свобода, материализм, конкуренция, индивидуализм, национализм, насилие и империализм» [Quigley, 1966, p. 1310].

Где гарантия, что придуманные в XX веке технологии окажутся полезнее предыдущих? Единственное, что может посоветовать Квигли – это помнить уроки истории; все остальное в руках читателей, теперь уже знающих о трагическом положении западной цивилизации и о надежде на успешное преодоление кризиса.

Читатель. Странное дело, Квигли сначала пишет про «всемирное правительство банкиров», доведшее мир до Великой депрессии, – а потом вдруг винит во всем этом какое-то «предыдущее поколение». Как барыши подсчитывать, так банкиры, а как отвечать – так все поколение!

Теоретик. Вы обратили внимание на важный момент в рассуждениях Квигли: на его *идеализм*. Будучи искренним (то есть честно считающим себя верующим) христианином, Квигли полагал, что и действиями других людей руководят не их личные и групповые интересы, а их *вера*, например, вера в свободу, материализм или насилие^[695]. Вот как он описывал причину могущества упомянутых вами «банкиров»:

«Влияние финансового капитализма и международных банкиров на предпринимателей и правительства не было бы таким большим, если бы банкиры не сумели убедить их в правильности "двух аксиом" своей идеологии... что святость частной собственности должна быть защищена двумя средствами: золотым стандартом и независимым от бизнеса и правительств, то есть банковским, контролем над предложением денег» [Quigley, 1966, p. 53].

Как видите, для Квигли вполне нормально полагать, что предприниматели и правительства (!) отдают банкам право распоряжаться деньгами только потому, что *верят* в правильность соответствующих «аксиом». Точно так же под «поколением» он понимает скорее *идеи* поколения, чем конкретных людей; любой человек с теми же идеями в голове поступил бы на месте банкиров точно так же. Возьмем, к примеру, Франклина Делано Рузвельта:

«...президент Рузвельт был фундаментальным ортодоксом в своих убеждениях относительно природы

денег... Все двенадцать лет, когда он сидел в Белом доме, Рузвельт располагал законным правом выпуска бумажных денег, эмитируемых правительством без содействия банков. Но эта возможность ни разу не была использована» [Quigley, 1966, p. 534].

По мнению Квигли, Рузвельт принимал решения *самостоятельно*, исходя из личных экономических убеждений, а вовсе не из интересов группировки, в составе которой он и добился высшей государственной власти. Подобные моменты в книге (а их там хватает) лишь усиливают наше недоумение: как же все-таки Квигли умудрился вместо разных *идеологий* разглядеть в истории XX века властные *группировки*?! Ведь рассказ об исторических событиях в духе «Америкой в те годы управляла компания "Дженерал моторс"», да еще иллюстрируемый фразой Чарльза Уилсона «Что хорошо для "Дженерал моторс", то хорошо и для Америки»^[696], ни в коей мере не является описанием властной группировки. Это всего лишь абстрактный пример *влияния* крупного бизнеса на государственную политику, ничего не сообщающий читателю о конкретных *механизмах* такого влияния.

Описать конкретную властную группировку значит: 1) обозначить хотя бы приблизительно время и обстоятельства ее возникновения, 2) перечислить ее участников, с указанием места в иерархии группировки, 3) упомянуть основные ресурсы группировки, то есть организации (компании, учреждения, правительства), подконтрольные ее участникам, 4) рассказать хотя бы об одной операции группировки (скоординированных действиях ради достижения понятной цели), оставившей реальный след в Истории. Посмотрим, удовлетворяет ли этим критериям описание «банкиров», лидеров «финансового капитализма», разбросанное по страницам «Трагедии и надежды».

Первое упоминание «банковских семейств» мы находим уже на 52-й странице книги – *«Баринг, Лазард, Эрлангер, Варбург, Шредер... и над всеми – Ротшильд и Морган»*. Далее Квигли перечисляет психологические особенности всех этих семейств (включая фанатичную склонность к секретности), но ни слова не говорит об отношениях между ними (подчиняются ли Варбурги Ротшильду? кто главнее – Ротшильды или Морганы?). На странице 61 приводятся слова Вальтера Ратенау^[697], сказанные им в 1909 году: «Три сотни людей, отлично знающие друг друга, держат в руках судьбу Европы»; имеются в виду все те же банкиры. На странице 62 появляется новый персонаж, директор Банка Англии Норман:

*«Власть этих интернациональных банкиров достигла своего пика в последнее десятилетие их могущества, в 1919-1931 годах, когда **Монтегю Нормани** Дж.П. Морган контролировали не только международные финансы, но и международные отношения^[698]... Уолл Стрит Джорнал 1 ноября 1927 года назвал Нормана "валютным диктатором Европы"»* [Quigley, 1966, p. 62].

Квигли не находит нужным уточнить, что упомянутый здесь Дж.П. Морган-младший является сыном упоминавшегося ранее (в 1909 году) Дж.П. Моргана (все, что мы знаем о властных группировках, говорит, что никакая власть не передается автоматически от отца к сыну). В группировке поменялся лидер (реальный или публичный), но для Квигли это не представляет интереса. Вторым лидером «банкиров» оказывается вдруг *наемный менеджер* (пусть даже и Банка Англии), которого никто не знал до 1920 года, но Квигли и здесь совершенно не интересно, как это произошло и куда подевалась власть предыдущего европейского лидера (Ротшильда).

Возвращаясь к этой теме через 250 страниц, он просто констатирует переход власти от Ротшильда к Морганам:

«В этой системе Ротшильд верховодил большую часть XIX века, но в конце столетия его сменил Дж.П. Морган, чей центральный офис располагался в Нью-Йорке, но который всегда действовал так, как если он был в Лондоне (где, собственно, и была основана первоначальная компания Морганов, "Джордж Пибоди и К"). Старый Морган умер в 1913 году, но ему наследовал сын с тем же самым именем (и который стажировался в лондонском отделении компании до 1901 года), а после 1924 года ключевые решения принимал главным образом Томас Ламонт»^[699] [Quigley, 1966, p. 327].

Если верить этой цитате буквально, то в группировке «банкиров» произошла не одна, а целых три смены власти – от Ротшильда к Моргану-старшему, от него к Моргану-младшему, а от него уже к Томасу Ламонту. Интересуясь Квигли именно *властной группировкой*, он вряд ли прошел бы мимо возможности «покопаться» в этой истории; но в очередной раз его внимание тут же переключается с внутреннего устройства «банковской» группировки на их внешнее влияние. Квигли рассказывает об усилиях банкиров в 1930-1933 гг. по спасению «золотого стандарта», и подробно объясняет ошибочность этой политики с точки зрения экономической теории.

Переходя к описанию американской ситуации между двумя войнами, Квигли снова возвращается к собирательному образу «Моргана»:

«В 1920-х система экономической и политической власти [в США] формировалась иерархией [инвестбанков и контролируемых ими компаний, организаций и партий], возглавляемой интересами Моргана и игравшей принципиальную роль как в экономике, так и в политике» [Quigley, 1966, p. 532].

Как же повела себя эта «иерархия, возглавляемая интересами», столкнувшись с Великой депрессией?

«Переход фермеров, легкой промышленности, торговли, строительства, квалифицированных и неквалифицированных рабочих на сторону Демократической партии в 1932 обеспечил избрание Франклина Д. Рузвельта и начало Нового Курса» [Quigley, 1966, p. 533].

Не контролирующая всю политическую жизнь США властная группировка «Моргана», а какие-то избиратели, переметнувшиеся к другой партии, привели к власти нового президента и поменяли экономическую политику! Да интересуйся Квигли по-настоящему деятельностью и судьбой этой группировки, он бы наизнанку вывернулся, но раскопал бы историю борьбы «Морганов» за выживание в годы Нового Курса^[700]. Но нет, ничего такого на страницах «Трагедии и надежды» мы не находим; экономическая история США и дальше излагается в терминах идеологий и настроений масс.

Практик. Это довольно обычная ситуация для академических ученых, пусть и приобщенных к некоторым властным тайнам. Их дискурс все-таки создается именно в академической среде (я не исключаю, что именно для того, чтобы оторваться от этого дискурса, Миллс и эпатировал академическую публику), и освободиться от него достаточно сложно.

Теоретик. Таким образом, совершенно очевидно, что группировка «банкиров» как организованное сообщество не представляет для Квигли научного интереса. Вместо нее он видит перед собой институт финансового капитализма, существующий в виде банков, их владельцев и их управляющих, действующих исходя из определенной идеологии. Поэтому для Квигли не так уж и важно, какой конкретно Морган

(отец или сын), и Морган ли вообще стоит во главе крупнейшего инвестбанка мира, – важно, что действовать он будет все равно в направлении сохранения «золотого стандарта». Из четырех составляющих описания властной группировки у Квигли присутствуют, и то частично, лишь два (история создания и подконтрольные организации), иерархия подчинения и конкретные операции остались за кадром. Неоднократно сталкиваясь с потенциально интересными вопросами Власти (вроде самого простого – а кто был главным среди банкиров в 1931 году?), Квигли спокойно проходит мимо, продолжая традиционное изложение исторических событий. При всем желании, констатирует господин Смит, мы не можем сказать, что теоретическая модель Квигли *требует* изучения властных группировок; в своих рассуждениях Квигли прекрасно обходится без него.

Читатель. Погодите-ка! Если я правильно помню, детально Квигли описал только одну властную группировку, «Общество Круглого стола», да и то у него ушло 20 лет на ее изучение. А вы захотели еще чего-нибудь и про «банкиров». Может быть, у Квигли просто не было вторых 20 лет?

Теоретик. Понятно, что вторых 20 лет у него не было. Вопрос в том, *на что* он решил потратить *первые* 20 лет. Почему заинтересовался этим «Круглым столом», а не теми же «банкирами», чьи уши торчат из-за каждого куста мировой истории? Если бы интерес к властным группировкам диктовался цивилизационной теорией, Квигли *должен был* подробно написать про Морганов – Ротшильдов. Но нет, теория позволяет ограничиться общими словами. Тогда почему Квигли включил в свою книгу очерк о «Круглом столе»? Пока мы этого не поймем, мы не сможем надежно предотвратить дальнейшие утечки.

Первое упоминание о «Круглом столе» мы находим на 131-й странице книги, в контексте рассказа Квигли об английской идеологии «раскинизма», созданной первым оксфордским профессором изящных искусств Джоном Рёскином^[701]:

«Рёскин обращался к оксфордским студентам как к членам привилегированного, правящего класса. Он говорил им, что они владеют величественной традицией образования, красоты, власти закона, свободы, добропорядочности и самодисциплины; но эту традицию невозможно сохранить, и она не заслуживает сохранения, если ее не удастся распространить на низшие классы в самой Великобритании и на неанглийское население всего мира. Если эта благородная традиция не охватит эти два громадных большинства, меньшинство высшего класса англичан в конечном счете будет затоплено невежественными массами, и традиция погибнет» [Quigley, 1966, p. 130].

По Квигли, именно вокруг идей Рёскина о миссии благородного англичанина и начали объединяться некоторые его студенты (такие как Альфред Милнер, Реджинальд Бретт, Альберт Грей, Эдмунд Гаррет):

«...они были воодушевлены рёскинскими призывами и хотели посвятить жизнь расширению Британской империи и возвышению английских горожан как двум частям одного проекта, который они называли "распространение английской идеи"» [Quigley, 1966, p. 131].

Ну а дальше произошло маленькое чудо – энтузиазм идеалистической молодежи соединился с финансовым и пропагандистским ресурсом:

«Они [последователи Рёскина] оказались успешны в своих начинаниях, поскольку самый известный английский журналист, Уильям Стед^[702], вступил в союз с Родсом^[703]. Этот союз был формально учрежден 5

февраля 1891 года^[704], когда Родс и Сед组织了 тайное общество, которым Родс мечтал^[705] шестнадцать лет. В этом тайном обществе Родс был председателем, Сед, Бретт^[706] (лорд^[707] Эшер) и Милнер^[708] входили в исполнительный комитет, Артур (лорд) Балфур^[709], Гарри Джонстон, лорд Ротшильд, Альберт (лорд) Грей^[710] и некоторые другие включены в список "круга посвященных", а непосредственную работу планировалось вести через внешний "круг помощников" (позднее организованный Милнером в виде Общества Круглого стола). Бретт был приглашен присоединиться к организации в тот же день, Милнер - пару недель спустя; оба с энтузиазмом приняли приглашение... Эта группа сохранила доступ к деньгам Родса и после его смерти в 1902 году, а также финансировалась преданными сторонниками Родса Альфредом Бейтом и сэром Эйбом Бейли... Далее они привлекли к своему делу других друзей Седда и рёскинитов, таких как лорда Грея и Флору Шо^[711]...» [Quigley, 1966, p. 131].

Таким образом, в 1891 году в Лондоне создано тайное общество мильнеритов^[712] (еще не Круглый стол, он появился позднее, и в качестве дочерней организации) с совершенно конкретной стратегической целью - объединением всего англоязычного мира (включая США) под властью *благородных англичан*^[713]. С чего следовало начать эту многолетнюю и довольно сложную кампанию? Разумеется, с расширения своей власти, то есть распространения ее на новые территории и организации. Пока что в распоряжении мильнеритов находились всего лишь африканские алмазы и английская пресса; для успеха же требовался контроль над всем англоязычным миром - британскими колониями, самой Британией и в перспективе - Соединенными Штатами Америки. Следовательно, нужно было обзаводиться своими людьми в колониях

(начиная со своей вотчины, Южной Африки) и в центральном правительстве, а буквально на следующем этапе – создавать свои школы для подготовки кадров. Но как перебросить мостик от Южной Африки, одной из многих колоний, к центральному правительству? Ну-ка, уважаемый читатель, проверим, как вы усвоили теорию Власти!

Читатель. Надо что-то такое устроить, чтобы колония привлекла внимание. Погодите-ка, это ведь Южная Африка, конец XIX века? Там уже Англо-бурская война была или только намечается?

Теоретик. Блестяще! В точности так же рассуждали и мильнериты: война, причем не местных масштабов, а с участием всей Британии, сделает Южную Африку «кузницей кадров» министерства колоний, а может быть, и всего центрального правительства. Тем более что на начало 1890-х ситуация в Южной Африке сложилась довольно напряженная: к северу от английских колоний лежал контролируемый бурами^[714] Трансвааль, куда по случаю алмазной лихорадки переселилось огромное количество английских старателей. Разумеется, в Трансваале они были людьми второго сорта^[715], что создавало отличную возможность для защиты прав соотечественников.

«В этих условиях Родс составил план по свержению Крюгера^[716] путем поднятия восстания в Йоханнесбурге, финансируемый им на паях с Бейтом, под руководством своего брата Фрэнка Родса, вместе с Эйбом Бейли и другими магнатами, и заключавшийся во вторжении в Трансвааль отряда Джеймсона^[717]. Флора Шо использовала "Таймс" для обработки общественного мнения в Англии, в то время как Альберт Грей и другие агенты договорились с министром колоний Джозефом

Чемберленом об официальной поддержке» [Quigley, 1966, p. 137].

На первый взгляд, этот план закончился неудачей: отряд Джеймсона, понеся потери, попал в плен, Крюгер предстал перед мировой общественностью невинной жертвой, да еще проявил великодушие, отпустив большинство пленных на родину. Однако дальнейшие события показали, что «неудача» скорее пошла Родсу на пользу. Крюгер, напуганный столь явной агрессией, начал лихорадочно вооружаться^[718]; кайзер Германии Вильгельм II прислал ему телеграмму поддержки, которую Крюгер истолковал как обещание военной помощи; словом, Трансвааль решительно встал на тропу войны. В Англии, несмотря на то, что Джозеф Чемберлен официально осудил рейд Джеймсона, его участники воспринимались как национальные герои – ведь они сражались за права англичан, оказавшихся во враждебном государстве. Неудача рейда воспринималась многими как национальное унижение; оставалось лишь грамотно подогреть котел:

«Пропаганда, по большей части правдивая, о бедствиях ойтландеров, благодаря Флоре Шо, Уильяму Стеду, Эдмунду Гаррету и прочим заполнила английские и южноафриканские газеты; Милнер был назначен^[719] Верховным комиссаром Южной Африки (1897); Бретт продолжал свои многолетние труды по укреплению доверия со стороны монархии, поддерживая свой статус главного политического советника королей (в 1901-1910 годах он почти ежедневно посылал письма с рекомендациями королю Эдуарду VII). Каким-то способом, детали которого навсегда остались неизвестны, блестящий выпускник Кембриджа Ян Смэтс, бывший до 1895 года активным сторонником Родса и его агентом в Кимберли (и который стал одним из важнейших членов “Круглого

стола" в 1908-1950 гг.) прибыл в Трансвааль и, с помощью яростной антибританской агитации, стал госсекретарем этой страны и главным советником президента Крюгера. Милнер организовал вооруженные группы провокаторов, нападавших на пограничные территории буров... и война стала неизбежной, когда Смэтс подготовил ультиматум с требованием отвода английских войск, который был отвергнут Милнером» [Quigley, 1966, p. 137].

В октябре 1899 года началась Вторая англо-бурская война, продолжавшаяся до мая 1902-го. В ней погибли 20 тысяч англичан и 40 тысяч буров (в том числе около 30 тысяч от голода и болезней в концентрационных лагерях, созданных англичанами в рамках тактики «выжженной земли»), Британия победила (благодаря четырехкратному перевесу в численности войск), но буры нанесли английским войскам несколько запоминающихся поражений, продемонстрировав всему миру, что европейские колонизаторы не столь уж и непобедимы^[720]. Германия, хоть и не решившаяся вступить в войну на стороне буров, окончательно заняла антианглийскую позицию. Тактика концлагерей, использовавшаяся во время войны, встретила осуждение в обществе, что позволило оппозиционной Либеральной партии развернуть активную антивоенную кампанию^[721]. А вот милнериты достигло всех запланированных целей: Южная Африка стала горячей точкой колониальной политики, а на освоение новых территорий были выделены финансовые и административные ресурсы.

Основатели общества Родса не смогли порадоваться успеху его первой операции. Уильям Стед, занявший вместе с либеральной общественностью антивоенную позицию, в апреле 1900-го был исключен Родсом из общества с примечательной формулировкой: «Это

проклятье, которое грозит смертью нашим идеям – неподчинение!» [Quigley, 1981, p. 35]. Сам Сесил Родс, отличавшийся слабым здоровьем (собственно, в Южную Африку он впервые и приехал с целью его поправить, и уже там увлекся империализмом), умер в марте 1902-го. Все плоды Англо-бурской войны достались Альфреду Милнеру, продолжившему реализацию первоначального стратегического плана:

«В качестве генерал-губернатора и верховного комиссара в Южной Африке в 1897-1905 гг., Милнер привлек к работе группу молодых людей, главным образом из Оксфорда и из Тойнби-холла^[722], сформировав из них свою администрацию. Благодаря его влиянию^[723] эти люди впоследствии заняли важные посты в правительстве и международных финансах и стали господствующей силой в Британской империи и иностранных делах вплоть до 1939 года. В Южной Африке они были известны как „детсад Милнера“. В 1909-1913 гг. они организовали полусекретную группу, известную как Общество Круглого стола. ...В 1919 году они организовали Королевский институт международных отношений (Чатем Хаус), который финансировали сэр Эйб Бейли и семья Асторов^[724] (владельцев „Таймс“). Аналогичные Институты международных отношений были созданы и в главных британских колониях, а также в США (Совет по международным отношениям) в период с 1919-1927...» [Quigley, 1966, p. 132].

Однако все эти достижения последующих 20 лет не стали бы возможны без достижения промежуточной цели: серьезного успеха в деле управления Южной Африкой, и людей, сумевших этого успеха добиться. Сам Милнер проявил себя блестящим военным администратором (подготовив, спровоцировав и в конечном счете выиграв захватническую войну), но

война закончилась, а мирная жизнь ставила совсем другие задачи. Победенное, но не покоренное население бурских колоний нужно было интегрировать в британское общество, превратить из противников в союзников – то есть совершить в малом объеме ту самую работу, которую Рёскин завещал своим последователям в масштабе всего человечества. В этих условиях Милнер (а может быть, его сюзерен) повел себя как настоящий профессионал Власти: не стал сам браться за незнакомое дело, а нашел человека, способного сделать его лучше других. Таким человеком оказался Лайонел Кертис^[725]:

«Он был фанатичным приверженцем идеи, что совершенная мораль и совершенная организация (местное самоуправление и федерализм) позволят построить Царство Божие на Земле. Он был уверен, что, если людям доверять чуточку больше, чем они того заслуживают, они будут стремиться оправдать такое доверие. Как Кертис писал в “Проблемах Содружества” (1916), “если политическая власть даруется сообществу, еще не нуждающемуся в ней, оно быстрее формирует соответствующие потребности”. Эту идеологию группа Милнера пыталась применить к бурам в 1902-1910, к Индии в 1910-1947 и, крайне неудачно, к Гитлеру в 1933-1939» [Quigley, 1966, p. 146].

Весной 1905 года Милнер покидает Южную Африку и перебирается в Лондон^[726], оставляя Южную Африку на попечение своего «детсада». В начале 1906 года либералы сменяют консерваторов у власти^[727], и предоставляют Трансваалю самоуправление; у южно-африканской команды Милнера развязаны руки для реализации нового проекта:

«Детсад провел следующие четыре года в успешных усилиях по созданию Южно-Африканского Союза. Задача была не из легких, даже с поддержкой таких

лиц, как Селборн^[728], Смэтс (который теперь был главной политической фигурой в Трансваале, хотя формально пост премьер-министра занимал Бота) и Джеймсон (премьер-министр Капской колонии в 1904-1908 гг.)... [в январе 1907] Селборн опубликовал меморандум, написанный Филипом Керром^[729] и Лайонелом Кертисом, призывающий объединить четыре^[730] южноафриканские колонии. Керр основал газету (*The State*, финансируемую сэром Эйбом Бейли), в каждой статье призывающую к созданию федерации; Кертис с коллегами спешно организовали общество "Тесного союза") Роберт (лорд) Брэнд^[731] и (сэр) Патрик Дункан готовили почву для новой конституции. На конституционном совещании в Дурбане (где Дункан и Лонг были официальными советниками) делегация Трансвааля контролировалась Смэтсом и Детсадом. Эта делегация, щедро профинансированная, хорошо организованная и в точности знающая, чего хочет, доминировала на конференции, написала конституцию для Южно-Африканского Союза и добилась ее ратификации (1910)» [Quigley, 1966, p. 138].

Читатель. По сравнению с войной, не очень-то впечатляющее достижение. Или я чего-то не понимаю?

Теоретик. Вы правы, здесь требуется кое-что пояснить. Война дело понятное, а вот предоставление завоеванным народам каких-то прав и свобод – это что за глупость? А между тем война стоит денег, и случись в колонии какое-нибудь восстание, оно съедает все доходы за десятилетия эксплуатации. Бурская война, помимо репутационных потерь, встала английской казне в копеечку, и англичанам совсем не хотелось, чтобы через десять – пятнадцать лет все началось сначала. Потому-то вояки-консерваторы потеряли большинство в парламенте; но и пришедшие к власти

либералы не располагали надежными способами мирного управления колониями. Фактически после бурской войны в Британии был объявлен негласный конкурс на проект обновления Империи. В награду победителю доставался долгосрочный мандат на практическую реализацию этого проекта.

Читатель. В точности то самое, что и требовалось мильнеритам! Какой отличный трамплин они себе сделали из бурской войны!

Теоретик. Кому война, а кому мать родна!^[732] Но мирное объединение английских и бурских колоний в Южно-Африканский Союз, ставший образцово-показательной колонией нового типа^[733], было куда большим достижением Милнера, нежели развязывание исходной войны. Теперь «детсад» мог перебираться в Лондон с репутацией людей, создавших Южно-Африканский Союз.

«Вскоре после объединения Южной Африки, „детсад“ вернулся в Лондон, чтобы попробовать теми же методами реорганизовать всю империю» [Quigley, 1966, p. 144].

Повторим методы, которые сработали в Южной Африке. Главным фактором, разумеется, были свои люди в правительствах колоний (Селборн и Смэтс); но его обеспечивал не сам «детсад», а стоявший над ним «блок Сеси́ла»^[734]. Второй составляющей успеха была команда администраторов, оперативно готовящая бумаги (меморандумы и конституции) и организовывающая конференции (собственно «детсад»). Третьей – беззастенчивая пропаганда в средствах массовой информации, контролируемых «детсадом». Таким образом, для повторения южно-африканского успеха в масштабах всей Империи группировке Милнера требовалось решить три задачи: 1) вернуть утерянный «блоком Сеси́ла» (основатель

группировки, Роберт Сесил, маркиз Солсбери, умер еще в 1903 году) контроль над центральным правительством, 2) создать аналоги «детсада» в каждой крупной колонии Великобритании, 3) расширить число контролируемых изданий.

Решением первой задачи Милнер занялся самостоятельно^[735], а вот к двум остальным подключил свой «детсад», который создал для этого специализированную организацию:

«Общество Круглого стола было закрытой дискуссионной и лоббистской организацией, созданной в 1908-1911 гг. Лайонелом Кертисом, Филипом Керром (лордом Лотианом) и Уильямом Маррисом^[736]. Оно было создано в интересах лорда Милнера^[737], главного управляющего Фонда Родса в 1905-1925 гг. Первоначальной целью общества было объединение всего англоговорящего мира в одну федерацию, в соответствии с идеями Сесила Родса и Уильяма Стеда, а средства на ее деятельность поступали из Фонда Родса. К 1915 году группы Круглого стола были созданы в семи странах, включая Англию, Южную Африку, Канаду, Австралию, Новую Зеландию, Индию и, с некоторой натяжкой, США... Позиции разных групп координировались на регулярных встречах, а также с помощью хорошо информированного и абсолютно анонимного журнала "Круглый стол", выходившего ежеквартально с ноября 1910 года» [Quigley, 1966, p. 950].

Как видите, Круглый стол и создавался, и действовал как одно из подразделений стоявшей за ним властной группировки Милнера – как «круг помощников», но никоим образом не центр власти. Результатом напряженной работы Круглого стола в 1910–1916 годах стали не только дочерние организации во всех крупных колониях, но и проект

реорганизации Британской империи. Поскольку уже в первые годы существования Круглого стола стала очевидной^[738] разница между южно-африканскими колониями времен Англо-бурской войны и самоуправляемыми доминионами^[739], Британской империи 1910-х, первоначальный план создания Имперской Федерации был полностью пересмотрен:

*«Он включал смену названия с „Британской Империи“ на "Содружество нации", как называлась книга Кертиса 1916 года, предоставление крупным зависимым территориям, включая Индию и Ирландию, полной независимости (разумеется, постепенной и в качестве подарка, а не уступки), более тесной работы с США в том же направлении и стремление поддерживать единство финансовых, образовательных и политических лидеров каждой страны с помощью **неформальных связей**» [Quigley, 1966, p. 144].*

Мы выделили в этой цитате неформальные связи, поскольку считаем необходимым подчеркнуть эволюцию взглядов милнеритов на способ объединения «англоязычного мира». Их первое поколение (Родс и Стед) считало необходимым создать для такого объединения государственную машину – единую Имперскую Федерацию. А вот второе поколение (Милнер, Кертис и Керр) обнаружило, что государство не является последней ступенькой в иерархии Власти, и вполне возможно сформировать надгосударственную машину, работающую ничуть не хуже государственной^[740]. Разумеется, для ее надежной работы требовалась заинтересованность региональных властных группировок – каковую и планировалось поддерживать за счет неформальных связей. Судя по результату^[741], региональные группировки оценили заботу своих старших товарищей.

Как только проект Содружества был закончен, группировка Милнера приступила к его практической реализации. В декабре 1916 года Милнер вошел в правительство Ллойд-Джорджа в качестве министра без портфеля (фактически вице-премьера). В 1917 году Милнер созвал Имперскую конференцию (регулярное собрание премьер-министров британских доминионов, не собравшееся в 1915 году из-за войны), принявшую резолюцию о правах доминионов (в точности соответствующую планам Круглого стола). В 1926 году, уже после смерти Милнера, на очередной Имперской конференции была принята Декларация Балфура, провозгласившая независимость доминионов; в 1931-м британский парламент придал ей статус закона. Так был успешно завершён 22-летний проект «реформирования Империи», начатый в далёком 1909 году.

Читатель. Получается, и Милнер не дожил до победы? Так кому же достались ее результаты? Кто поднялся на следующую, международную ступеньку Власти?

Теоретик. Как вы могли бы догадаться (по критическому тону нашего рассказа), об этом у Квигли ничего не написано. Круглый стол продолжал свою работу (по налаживанию отношений между элитами) примерно до 1950-х годов, под руководством Кертиса (умер в 1955) и Брэнда (умер в 1963). Но мы помним, что Круглый стол был лишь *дочерней* организацией «блока Сесила», о котором Квигли почти ничего не пишет. Далее, после Второй мировой войны центр мировой политики переместился из Лондона в Вашингтон, и главную роль в организации неформальных контактов стал играть американский филиал Круглого стола – Совет по международным отношениям. Обстоятельства его создания (в далёком 1919 году) и первых 20 лет работы плохо документированы, и кроме

обычного для «Трагедии и надежды» упоминания фамилии Моргана, Квигли ничего не сообщает о стоявших за этой публичной организацией властных группировках. Таким образом, история Круглого стола представляет собой лишь небольшой фрагмент в деятельности намного более могущественных группировок, который почему-то попал в поле зрения Квигли. Но почему именно Круглый стол, а не настоящие хозяева жизни?

Читатель. Быть может, потому, что про Круглый стол еще можно что-то узнать, а настоящие властные группировки умеют хранить свои секреты?

Теоретик. Вопрос заключается в том, зачем Квигли понадобилось что-то узнавать о Круглом столе, да еще тратить на это целых 20 лет. Ведь для развития его цивилизационной теории вполне хватило бы «инструментов» и «институтов». А между тем Квигли создал образцово-показательное описание властной группировки: 1) создание – Родс и Сед, с привлечением Милнера, входившего в вышестоящую группировку и закономерно ставшего лидером, 2) иерархия – сюзерен Милнер, основные вассалы – Кертис, Керр и Брэнд, 3) ресурсы – контроль над фондом Родса и деньгами его южноафриканских партнеров, лондонскими газетами, Круглым столом (а через него – политиками, журналистами и преподавателями во всех англоговорящих странах), 4) операция – проектирование и создание Содружества наций. Собственно, в этом исчерпывающем описании (первом в истории) и заключается **открытие** Квигли в теории Власти: структура и функции серьезной властной группировки начала XX века.

Но что побудило Квигли совершить это открытие, все еще остается непонятным. Вот как он сам объясняет появление мильнеритов на страницах «Трагедии и надежды»:

«...история США в последние десятилетия в описании радикальных правых представляется хорошо организованным заговором радикальных левых... с целью разрушить американский образ жизни в пользу идеологий русского социализма и британского космополитизма... Этот заговор втянул США во Вторую мировую войну на стороне Великобритании (*первой любви Рузвельта*) и Советской России (*второй любви Рузвельта*) путем сознательного приглашения Японии атаковать Перл-Харбор... Этот миф, как и любая выдумка, несет в себе **малую толику правды**» [Quigley, 1966, p. 949-950].

И дальше Квигли пишет свой знаменитый абзац про «англофильскую группировку, действующую в направлении, приписываемом коммунистам» (то есть про Круглый стол), придавая ей весьма важное значение:

«...Американская ветвь этой организации (иногда называемая “восточным истеблишментом”) сыграла значительную роль в истории Соединенных Штатов последних десятилетий» [Quigley, 1966, p. 950].

В этой интерпретации Круглый стол оказывается не специализированной организацией мильнеритов по проектированию Британского содружества, а куда более могущественной властной группировкой, сравнимой с мировым коммунистическим заговором! Мы с нетерпением читаем дальше – какую же «значительную роль» сыграл Круглый стол в истории США? На протяжении нескольких страниц Квигли перечисляет английские и американские связи мильнеритов (разумеется, с международными банкирами), создание Совета по международным отношениям, проникновение в американские университеты, контроль над американскими газетами – словом, стандартные действия Круглого стола в любой англоязычной стране. Но когда речь заходит о *цели*

всех этих масштабных действий, Квигли упоминает лишь пропаганду свободы слова, прав меньшинств, главенства законов и англо-американской солидарности! Никаких конкретных задач и успешно законченных операций; перед нами, говоря языком Квигли, описание *инструмента*, а не властной группировки.

Нужно ли было для критики «правого мифа» рассказывать о реальном влиянии британской (то есть иностранной, если смотреть глазами американцев) полусекретной организации на американское общественное мнение? Вряд ли, такой рассказ мог разве что подтвердить опасения «радикальных правых»; историку следовало бы фактически опровергнуть какие-либо эпизоды «коммунистического заговора». В очередной раз появление Круглого стола на страницах книги оказывается нелогичным, не вытекающим из научного метода и стоящих перед автором задач. Создается впечатление, что Квигли просто *очень хотелось* рассказать про свое открытие, и он счел допустимым вставить его в общий контекст истории XX века!

Читатель. Ну если 20 лет что-то изучать, то конечно потом захочется поделиться.

Теоретик. Самое главное в этом предположении – отсутствие связи между цивилизационной теорией Квигли и его изучением Круглого стола. Если такой связи действительно нет, и Квигли заинтересовался мельницами исключительно из собственного любопытства, то для пресечения такого интереса в дальнейшем не требуется отбрасывать всю его теорию. Самое время спросить самого профессора – как вам пришло в голову заняться Круглым столом?

Квигли^[742]. Как я на них вышел? Это очень интересная история. Я заметил, что многие

знаменитости в английской истории носят звания «Член совета колледжа Всех Душ^[743]». Например, Лорд Галифакс, который был министром иностранных дел, а потом его направили послом в Вашингтон; по статусу это явное понижение, но оно показывает, как важна для англичан была наша поддержка во Второй мировой войне. Понимаете? Отлично. Он был членом совета Всех Душ. Далее, человек, предложивший Невиллу Чемберлену уйти в отставку в 1940-м – Ради всего святого, уходите!^[744] – это был Лео Эмери. Он был подручным, лейтенантом лорда Милнера, и он тоже был членом совета Всех Душ. Ну я и решил изучить этот колледж, как историк. Я взял имена всех людей, которые были членами совета, с 1899 по 1947, их оказалось сто сорок девять. Я выяснил, что большинство из них числились в совете только семь лет^[745], но некоторые находились в совете многие десятилетия! Например, человек по имени Дугал Малкольм, директор Британской Южно-африканской компании, из Родезии. Я обнаружил, что лорд Брэнд, еще один партнер Милнера в Южной Африке, тоже числился там долгие годы. И еще он был директором банка Лазар в Лондоне. Уже знакомый нам Лео Эмери тоже оказался таким долгожителем. И в дополнение ко всему, я обнаружил человека по имени Лайонел Кертис, который не имел никаких оснований входить в совет Всех Душ. Вы можете стать постоянным членом совета, если вы – знаменитость или если вы в течение семи лет добились экстраординарных успехов в учебе, как, например, лорд Галифакс. Тогда его звали просто Чарльз Вуд, и в 1903 году он выдержал самый сложный экзамен и заслуженно получил свое звание. Правда, он почти сразу же отбыл в Южную Африку, где присоединился к «детсаду», группе сотрудников лорда

Милнера, получившему такое название, потому что все они были молодыми людьми.

Так вот, Лайонел Кертис. Он был человеком, который сказал – Мы должны поменять «Британскую империю» на «Британское содружество наций». Почему он так сказал? Он был студентом Альфреда Зиммерна, который в 1909 году написал книгу «Греческое содружество наций». Понимаете? И кто был человеком, который сделал Арнольда Тойнби великим ученым, знаете? И привлек его к иностранным делам? Я до сих пор не знаю точно. Но я знаю, что был такой парень, Лайонел Кертис, который был настолько бедным студентом, что ему понадобилось 50 лет, чтобы доучиться в колледже. А когда он наконец выпустился, его выходной балл был самым низким за всю историю. И никто его там не знал, никто о нем не слышал. Но зато он был соседом по комнате у лорда Галифакса в колледже Всех Душ. И когда я нашел этого человека, я понял, что именно он стоял за всем происходящим. Лайонел Кертис, представляете себе?..

...Уже раскопав это, я встретил самого Альфреда Зиммерна, когда он приехал в Вашингтон для выступления. И я ему сказал: «Разве не забавно, что колледж Всех Душ...» Он сразу же ответил: «Так это же Общество Круглого стола!» Я никогда раньше о таком не слышал – настолько мало я тогда знал. Оно существовало с 1909 года и с 1910 года издавало журнал! А мы говорили с Зиммерном в 1947. Конечно же, я спросил: «А что такое Общество Круглого стола?» Он перечислил людей, которые в него входили, и добавил: «Я был его членом, десять лет, с 1913 года, они взяли меня, потому что я вел вечерние курсы для рабочих^[746]. Я был там десять лет, но вышел из общества в 1923, потому что они приняли решение усилить^[747] Германию против Франции. Я не

согласился, и подал в отставку». Но когда позднее я познакомился с лордом Брэндом и спросил у него про Зиммерна, он ответил, что никогда не видел заявления об отставке» [Quigley, 1974, part 3].

Теоретик. Вы написали в «Трагедии и надежде», что были допущены к закрытым материалам Круглого стола. По-видимому, тут сыграло свою роль ваше знакомство с Брэндом. А когда вы получили такой доступ?

Квигли. Я работал над «Трагедией и надеждой» 20 лет – с 1945 по 1965 год... Одновременно я написал другую, более короткую книгу [\[748\]](#), которую отвергли 15 издательств, и я отложил ее в сторону... Двадцать лет я работал над книгой летом, в период собственных отпусков; только в 1960 или в 1961-м мне удалось оформить творческий отпуск и съездить в Англию для проведения исследований [Quigley, 1974, part 1].

Теоретик. Благодарим вас, профессор. Теперь нам понятно, насколько важной для вас была история Круглого стола. Осталось ответить на последний вопрос – а зачем вы рассказали о ней широкой публике?

Квигли. Если вы читали мою книгу (страницы 146-147), вы должны знать, что Общество Круглого стола под влиянием Лайонела Кертиса придерживалось христианской веры. Возможно, интеллектуальной гордыней было ожидать «построения Царства Божьего на Земле», и они конечно же потерпели сокрушительное поражение. Никто не знает этого лучше меня. Но я все еще не осуждаю их, и я не вижу, чтобы американские радикальные правые могли предложить что-то получше. Я думаю, что усилия Круглого стола оказались безуспешными потому, что они пытались действовать через правительства, а не через индивидуальные усилия каждого гражданина [Quigley, 1971].

Теоретик. Ну что ж, говорит наш воображаемый мистер Смит, откидываясь на спинку кресла. Вот теперь мне ясно. Наши английские коллеги слишком увлеклись публикацией своих биографий, и талантливый мистер Квигли смог обнаружить довольно высокопоставленную властную группировку. Но сделал он это *случайно*, не по долгу своей основной профессии, а в частном порядке, и увлекся изучением Круглого стола лишь в силу совпадения своих христианских убеждений с идеологией Лайонела Кертиса. Собственно научное содержание «Трагедии и надежды» соответствует удобной для нас традиции (историю делают идеи и институты, а не организованные группы людей), и вставки про Круглый стол выглядят на общем фоне исторического материала обычными биографическими подробностями. Хотя профессор Квигли и посвятил изучению Круглого стола 20 лет, сам он так и не понял, что на самом деле открыл (властную группировку), и оставался в убеждении, что основой Круглого стола была его *идеология*. Таким образом, крайне маловероятно, что кто-то из *именитых* ученых разделит энтузиазм Квигли и перейдет от изучения исторических событий к выявлению стоящих за ними властных группировок.

Однако маловероятно не значит невозможно, и в отношении Квигли и его книги следует предпринять определенные меры предосторожности. Самого профессора проще всего представить тем, кем он и так является – экстравагантным чудаком, иногда совершающим странные поступки^[749]. Книгу его, конечно, нужно попридержать^[750] – поменьше рецензий в прессе и никакой шумихи про Круглый стол; начальный тираж в этих условиях будет расходиться несколько лет и тихо умрет в неизвестности. Но для гарантированного пресечения всех последующих

попыток поизучать властные группировки нужно сделать следующий шаг: отбить у историков всякую охоту даже приближаться к подобным темам. Термины «тайное общество» и «полусекретная группа» должны стать для историков тем же, чем стала «элита» для социологов: красным флажком, за которым находится вердикт «вон из профессии». И у меня есть идея, улыбается Смит, как это сделать!

Читатель. А как? Устроить Квигли обструкцию, как Миллсу? Но Квигли не Миллс, тот был едва ли не главным социологом Америки, а Квигли – простой лектор, которому даже не дают творческих отпусков. Вряд ли обструкция расстроит его до инфаркта...

Теоретик. Вот именно – все люди разные, и к каждому нужен индивидуальный подход. В случае Квигли нам нужно нанести точечный удар по его рассказам о Круглом столе, сохранив в целости все теоретическое окружение. Для этого существует проверенный (еще на Макиавелли) способ: нужно искусственно раздуть отдельную мысль автора, придав ей другой, более выгодный правящей элите смысл. Квигли критикует «радикальных правых», утверждая, что Круглый стол не является коммунистическим заговором? Отлично, значит нужно представить дело так, что Квигли (пусть сам того не желая) разоблачил заговор^[751], частью которого является Круглый стол! Скандальная тема, готовая толпа последователей, универсальный ответ на все вопросы: да здравствует теория заговора!

Неизвестно, так ли развивались события на самом деле, или все это лишь наши фантазии, но четыре года спустя, в 1970-м, на американском рынке появляется книга признанного мастера политических и религиозных бестселлеров, бывшего агента ФБР Клеона Скоузена^[752] – «Голый капиталист». Она на треть (!)

состоит из перепечатки фрагментов «Трагедии и надежды», на другую треть из фотографий и биографий известных бизнесменов и политиков (начиная, разумеется, с Ротшильдов) и на последнюю треть – из выдержанных вполне в духе Квигли рассказов о многочисленных связях американских политиков с Морганам, Рокфеллерами и Советом по международным отношениям. Основное содержание книги сводится к ее первой же строке: «Я думаю, что коммунистический заговор является лишь частью куда большего заговора!» Как нетрудно догадаться, этим «куда большим заговором» является созданное финансистами (Ротшильдами, Морганом и Рокфеллерами) мировое правительство (в лице сначала Круглого стола, а затем Совета по международным отношениям), а его первооткрывателем – профессор Кэрролл Квигли.

За несколько лет «Голый капиталист» расходуется в США 500-тысячным (!) тиражом, про «мировое правительство банкиров» теперь не знает только ленивый, а Квигли становится скандальной знаменитостью. Незнакомые люди звонят ему домой с целью убедиться, правда ли он тот самый профессор, и действительно ли Нельсон Рокфеллер ^[753] – коммунист?

Квигли попытался возразить Скоузену и дистанцироваться от прямолинейной трактовки всей истории как «заговора» (в солидном журнале «Диалог»):

«Мое описание финансового капитализма относилось к 1880-1933 гг. Скоузен неоднократно цитирует эти даты, но все равно полагает, что эти организации действуют до сих пор. Я недвусмысленно давал понять, что хотя они и обладали влиянием, но не контролировали ситуацию полностью и не были

способны предотвратить неприятные для них решения, такие как повышение налогов. Более того, я полагал, что ясно объяснил, как банковский контроль был заменен самофинансируемыми и государственными корпорациями, что однозначно изменило американскую политику начиная с 1950-х...» [Quigley, 1971, p. 109].

Но маховик «мирового заговора» уже не остановить. В том же 1971 году в свет выходит книга известного радикального журналиста, члена ультраконсервативного общества Джона Берча, Гэри Аллена (в соавторстве с Ларри Абрахамом) «Никто не посмеет назвать это заговором!». В этой разошедшейся уже многомиллионным^[754] тиражом книге повторялись цитаты из Квигли и доводы Скоузена о «заговоре» мирового истеблишмента, а центром этого заговора прямо назывался рокфеллеровский Совет по международным отношениям. С этого момента имя Квигли стало однозначно ассоциироваться с «теорией заговора» (еще бы, вон этот заговор, прямо в заголовке), и шансов оправдаться перед научным сообществом у него уже не было. «Профессор, который слишком много знал» – так озаглавлена последняя прижизненная биографическая статья о Квигли; профессор так и остался в истории исследователем Круглого стола, а вовсе не автором оригинальной и весьма практичной^[755] теории цивилизаций.

Вот теперь нейтрализацию открытия Квигли можно было считать законченной. Ни один историк в здравом уме не станет заниматься *теорией заговоров*; это удел скандальных журналистов-разоблачителей, обслуживающих какую-нибудь политическую партию. Более того, поскольку любая совместная деятельность людей, не объединенных официальной организацией, может быть названа *заговором*, на подобные исследования тоже стали косо поглядывать. Мировая

правлящая элита торжествовала победу: отныне о ее делишках разрешалось говорить открыто, и даже печатать такие рассказы миллионами экземпляров – но все нормальные люди понимали, что все эти книжки *конспирология*, не имеющая ничего общего с реальностью. Ученые потеряли возможность всерьез изучать высшие уровни власти; **«правлящая элита существует, но ничего не решает»** сделалось общепринятой точкой зрения на устройство общества; вторая маска Власти превратилась в телевизионный экран, показала рядовому избирателю его собственную физиономию и тем самым надежно скрыла за собой реальные властные группировки.

Читатель. А что же дальше? Как могла развиваться теория Власти в условиях, когда и правящую элиту, и властные группировки фактически запретили изучать? Я вижу, что впереди у нас еще добрая сотня страниц; о чем они, если все кончилось?

Теоретик. Дело в том, что можно запретить отдельные теории^[756], но нельзя запретить изучать саму реальность. Лишившись возможности описывать Власть в терминах «элиты» и «тайных обществ», ученые тем не менее сохранили интерес к самой Власти, которая никуда не исчезла из повседневной жизни. Только теперь они стали описывать ее с помощью куда более хитрых понятий, которые мы объединили под одним словом – «институты».

Мы уже использовали этот модный в последние годы термин в рассказе о теории профессора Квигли – в ней «международные банкиры» выступали не властной группировкой, а институтом. Под этим «институтом» понимались и официальные организации, и мировая банковская система как совокупность правил международных расчетов, и более общие «правила игры» (вроде поддержки золотого стандарта), которые

в ней были приняты. Вот все это вместе и составляет институт международного банкинга, который можно описывать как нечто самостоятельно существующее. Поменяйте в нем какую-то деталь – например, золотой стандарт, – и перед нами возникнет новый «институт», заслуживающий отдельного описания.

Начиная с семидесятых годов прошлого века наиболее интересные открытия в теории Власти стали делаться с помощью создания таких вот *теоретических* конструкций, проливающих свет на отдельные аспекты стоящей за ними реальности. У каждого исследователя при этом получались *свои собственные* институты, каждый из которых, если читать про него отдельно от всех остальных, вполне можно принять за нечто реальное, и притом лежащее в основе всей общественной жизни.

Насилие, дисциплина, деньги, право – не правда ли, эти слова вызывают почтение, и каждое из них весомо претендует на роль *самого главного* в нашей жизни? А между тем это всего лишь *институты*, теоретические конструкции, созданные для описания очередного проявления все той же Власти.

Глава 5. Институты Насилие, дисциплина, ресурсы, деньги и право - многочисленные друзья человека Власти

Насилие, если оно позволяет себе помедлить, становится властью.

Элиас Канетти

Теоретик. Печальная судьба открытий Миллса и Квигли надолго отбила у ученых интерес к изучению властных группировок^[757]. Однако сами эти властные группировки и осуществляемая ими Власть от этого никуда не исчезли.

Практик. Более того, никуда не исчезла и потребность *самых* властных группировок узнавать что-то о своих конкурентах. Расскажу одну историю, мораль из которой вы легко сможете вывести сами. Однажды я сидел в некоторой компании, в которой один из участников, по чисто личной причине, воскликнул: «Откуда взялся этот Бойко?»^[758] У меня был ответ на этот вопрос, и я ответил, что он сын Владимира Шамберга^[759] и правнук Соломона Лозовского.

– Ну ладно, – сказал мой собеседник, – предположим, Лозовский действительно представлял серьезные силы в мировом еврействе, но он уже давно умер. А Шамберг кто?

– Тебе имя Григория Морозова^[760] что-то говорит? – спросил я.

– Это первый, случайный и недолгий муж Светланы Аллилуевой.

– Ну вот, а Шамберг – первый, случайный и недолгий муж дочери Маленкова. В то же самое время!

После этого в комнате установилось долгое молчание, а затем кто-то сказал: «В разведке случайностей не бывает...»

Читатель. Не могу не спросить – а сами-то вы откуда узнали такую пикантную подробность? Читали брачные новости начала 1950-х, которых в СССР отродясь не было?

Практик. Нет. Мне это сказал Георгий Георгиевич Маленков^[761], которого я знал по совместной работе. Причем сказал довольно *случайно*, просто воскликнув, увидев кадр в телевизоре: «До чего же он на отца похож в молодости!», в тот момент, когда я находился в одной с ним комнате.

Читатель. Опять случайность... Неужели во Власти нет более надежных способов узнать, кто есть кто?

Теоретик. Самый надежный способ что-либо узнать во Власти – это оказаться в нужное время в нужном месте. Посудите сами, если одно из главных правил Власти – «ничего не говорить о Власти», то кто же вам скажет правду в ответ на прямой вопрос? Нема дурных, как говорят в Неаполе. Остается ловить *случайности*, когда осведомленный человек по тем или иным причинам (например, считая ситуацию безопасной или желая произвести впечатление) проговаривается, причем возможно даже не вам, а просто в вашем присутствии. Умение прогнозировать такие моменты и организовывать свое в них участие – одно из самых полезных качеств человека Власти!

А теперь у меня к вам «вопрос на засыпку». Вы поняли, что имел в виду *кто-то*, сказав «в разведке случайностей не бывает»?

Читатель. Он догадался, что Бойко не просто так стал вице-премьером, а был туда продвинут

группировкой, в которую входили, в разное время, Лозовский, Морозов и Шамберг? Кстати, ничего себе получается группировка, из видного деятеля международного еврейства и эмигрировавшего в США родственника Маленкова...

Практик. Браво! Остается добавить, что Шамберг не просто так эмигрировал в США, а стал там сотрудником одного из финансируемых ЦРУ институтов. Так все становится совсем понятным, не правда ли? Скажу больше, через несколько месяцев я встретил этого «кого-то» в другой компании, и он доверительно сообщил мне, что распорядился^[762] разузнать биографии крупнейших российских олигархов. Выяснилось, что все они, кроме одного, имели родственные связи уровня членов Политбюро ЦК КПСС. А началось все с моего скромного замечания, кто кому правнук...

Читатель. А кто был тот олигарх, без родственников в Политбюро?

Практик. Мы часто упоминали его на страницах книги, как пример человека, ничего не понимавшего во Власти и не имевшего реальной команды. Отсутствие политической культуры, воспринятой в детстве от родителей, трудно компенсировать личными талантами, особенно если не знаешь, *чего именно* тебе не хватает.

Теоретик. Как видите, по меньшей мере «в разведке» изучение властных группировок успешно продолжалось. Точно так же и теоретики, лишенные возможности раскрыть истинное устройство Власти^[763], все равно продолжали сталкиваться с ее проявлениями, и развивать ее *описательные*^[764] теории. Поскольку слово «власть» многозначно и может использоваться не только в сущностном («что это такое, и как оно устроено»), но и в транзакционном значении («обладает ли А властью над Б»), для этой работы совершенно не

требовалось раскрывать «внутреннее устройство» Власти. Достаточно было назвать «властью» такую штуку, благодаря которой отдельные люди и организации получают возможность *применить власть*; ну а дальше уже можно рассуждать об их действиях как вытекающих из *обладания властью*.

Благодаря такому нехитрому, но действенному маневру теория Власти продолжила развиваться и после негласного запрета на ее настоящий предмет (саму Власть). Не задавая больше неудобных фундаментальных вопросов о власти (что она такое, и как она устроена), теоретики сосредоточились на ее практических проявлениях. Что значит «А обладает властью над Б» и как А может добиться такой власти – этот вопрос, который даже в голову не приходил теоретикам прошлых лет, вышел на первый план в конце XX века. Такая «власть», понимаемая как *способность влиять на поведение конкретного человека*^[765], оказалась удобным понятием для анализа **организаций** (как раз и состоящих из множества влияющих друг на друга людей).

Вспомним наше классическое определение Власти: сфера человеческой деятельности по созданию и развитию властных группировок, контролирующих *организации* и их ресурсы путем продвижения своих членов на ключевые должности. Таким образом, большинство членов властных группировок одновременно являются и *сотрудниками организаций*. Подавляющее большинство их действий (за исключением «закулисных обсуждений», недоступных исследователям) – это публичные действия в качестве должностных лиц. Столь же публичны *проявления их власти* («вы приняты», «вы уволены», «вам выделен бюджет», «ваш проект закрыт»). Вот почему, изучая организации (любые – от небольших компаний до целых

бюрократических государств), ученые вместе с тем, хотя бы они этого или нет, изучают также и Власть. Однако разглядеть Власть за организационными структурами и управленческими правилами^[766] удастся лишь тогда, когда в ходе такого изучения обнаруживается нечто странное, непонятное и необъяснимое.

Обладать властью, в понимании *организационных* теорий, значит занимать значимую (не обязательно руководящую, об этом ниже) должность в могущественной организации^[767]. Количество власти, находящееся в руках отдельного человека, определяется его способностью влиять (отдавать распоряжения, которые скорее всего будут выполнены) на других людей. Способность эта зависит, в свою очередь, от умения *управлять*, от количества *способов* такого влияния; обычный начальник имеет влияние только на своих подчиненных, а ловкий интриган может раскинуть свои сети по всей организации. Книга Дейла Карнеги «Как приобретать друзей и оказывать влияние на людей», вышедшая в далеком 1936 году, была первой ласточкой такого подхода к власти; она и до сих пор служит прекрасным учебником управления.

Очарование организационного подхода к Власти настолько сильно, что мы просто обязаны подчеркнуть его единственный, но смертельный недостаток. Управление дает вам прекрасный набор средств для влияния на других людей, которые успешно работают в 99% случаев. Но проблема заключается в том, что если один из этих «других» входит в какую-нибудь властную группировку, ни одно из этих средств^[768] не сработает, причем не сработает как раз в критически важный для вас момент. В столкновениях с настоящей Властью средства управления бессильны – ведь в них вам

противостоит не отдельный человек или разрозненная организация, а сплоченная властная группировка.

Вот в этот самый момент перед исследователями и приоткрывается возможность перейти от изучения организаций к изучению Власти.

Практик. Любой более или менее крупный организатор (ну или чиновник) знает, что самое сложное в серьезном большом проекте это – координация. Но именно ее совершенно невозможно организовать по чисто управленческой линии. Это очень хорошо видно по ситуации в сегодняшней России, где все управление сводится к распределению бюджетов. Поскольку «своим» бюджетом делиться ни с кем *нельзя* (это снижает административный «вес»), то в результате все проблемы решают узкие специалисты. А если проблема носит комплексный характер, это приводит к большому количеству детских «ляпов». По платным дорогам никто не ездит (М11), дальнобойщики устраивают демонстрации, народ начинает воспринимать слова власти прямо противоположным способом. Вот такие явные неудачи чистого управления и могут заставить задуматься: а чего же в организации не хватает? Не хватает, как мы уже знаем, Власти!

Теоретик. Тем не менее в большинстве случаев подмена Власти (закрывающейся в несомненном превосходстве организованной группы над любым количеством изолированных индивидов) Управлением (совокупности средств влияния на отдельных людей и организации) вполне допустима, и может быть положена в основу работающих теорий. К тому же поступающие так теоретики будут пользоваться благосклонностью правящих классов – ведь развитие теории и практики управления не только увеличивает их власть над людьми, но одновременно еще и отлично скрывает от непосвященных подлинное устройство Власти.

Отождествление Власти с Управлением является работающим и социально одобряемым способом развития теории Власти. Более того, поскольку Власть существует только за счет подконтрольных организаций, сделанные в ходе изучения организаций открытия могут относиться и к самой Власти. В этой главе мы рассмотрим наиболее интересные достижения теории Власти, сделанные в рамках «организационного» подхода – в тех случаях, когда его применение привело исследователей к обнаружению *странного*. Каждый раз это приводило к созданию нового теоретического описания реальности, сводящегося к тому или иному институту.

Начнем мы с вопроса, который наверняка вертится у вас на языке. Все мы неоднократно слышали, что любая Власть в конечном счете опирается на **насилие**, что *винтовка рождает власть*; так почему же на сотнях страниц нашей книги об этом не было сказано ни слова?!

1. Развенчание насилия

Ханна Арендт, «О насилии» (1969/1970)

Теоретик. *«Вот скажи мне, американец: в чем сила?»* – издевательски вопрошает герой фильма «Брат-2», недвусмысленно положив перед собой пистолет. *«Есть два типа людей, – вторит ему герой фильма "Хороший, плохой, злой", – те, кто копают, и те, у кого револьвер».* Прямое и неприкрытое насилие считалось ^[769] главным способом обеспечить повиновение вплоть до середины XX века:

«Обратившись к дискуссиям о феномене власти, мы обнаруживаем, что среди политических теоретиков от левых до правых существует консенсус относительно

того, что насилие – не более чем самое яркое проявление власти» [Арендт, 2014, с. 41].

Арендт^[770] приводит в обоснование своих слов цитаты из Миллса, Вебера, Бертрана де Жувенеля^[771] и Мао Цзэдуна, констатируя, что при всей разнице политических взглядов (от фашистских до коммунистических) все эти авторы сходятся в одном: конечным выражением, а значит, и самой надежной опорой власти является **насилие**. Подобный консенсус среди популярных авторов сразу же заставляет нас (людей Власти) насторожиться: это убеждение явно *одобрено* правящими классами, а значит, им *выгодно*. Но как такое возможно? Зачем правящим классам убеждать массы в могуществе *насилия*? Ведь поверив, массы могут вооружиться булыжниками и винтовками и смести с лица Земли предыдущую Власть?

Читатель. А я уже привык к вашим риторическим вопросам! Подумаешь, бином Ньютона: ясное дело, никакой настоящей Власти булыжниками и винтовками не захватишь. Власть будет, по меньшей мере, у тех, кто эти булыжники и винтовки **подвозит**. Так что «изучать автомат Калашникова» – отличный совет для лохов. Пусть изучают, Власти спокойнее будет!

Теоретик. С одной стороны, хорошо, что вы уже настолько освоились с теорией Власти. С другой стороны, чем же мне теперь вас заинтриговать? Попробуем зайти с другой стороны. Кто такая^[772] Ханна Арендт, и почему вдруг в 1969 году она усомнилась в очевидной для всех истине – что винтовка рождает власть?

Ханна Арендт – еврейский философ^[773] немецкого происхождения, дважды (в 1933 во Францию и в 1941 в США) бежавшая от германского нацизма. Мировая слава пришла к ней в 1951 году, с выходом книги, о которой все слышали («Истоки тоталитаризма»), однако основы

для этой славы были заложены двумя десятилетиями ранее. Все эти годы Арендт активно участвовала (в качестве публициста) в международном еврейском движении (начиная с 1933 года в составе германского отделения Всемирной сионистской организации, за что даже была арестована гестапо). Поэтому, когда у Арендт вышла книга, первая часть которой называлась «Антисемитизм», вопрос о международном ее признании был практически решен. Дальнейшая судьба Арендт складывалась как и у любого американского ученого – преподавание в разных университетах США (в Принстоне она стала первой женщиной, допущенной читать лекции), публичные выступления, публицистика, новые книги.

Однако мы ценим Ханну Арендт не за ее активную сионистскую позицию, а за сделанное ею *настоящее* открытие в теории Власти. Чтобы оценить это открытие в полной мере, а также понять, чем Арендт не угодило насилие, вернемся в середину прошлого (XX) века. Ужасы германского фашизма (оккупация, гестапо, концлагеря, Холокост) еще успели не стать историей, а на смену Германии в качестве врага Запада уже пришел сталинский СССР, обзаведшийся атомной бомбой. Мощь и натиск новых (по отношению к западным демократиям) политических режимов поражал воображение и в очередной раз заставлял задуматься о «закате Европы». Будущее человечества казалось принадлежащим социализму^[774] – монолитному обществу рабочих и крестьян под мудрым руководством правящей Партии. Сама жизнь – германскими танками на подступах к Парижу и советскими танками в Берлине – ставила перед теоретиками вопрос: в чем причина успеха Германии и СССР, и в чем причина слабости европейских демократий?

В своих «Истоках тоталитаризм» Арендт отвечала именно на этот, жизненно важный для европейского самосознания вопрос.

Ее ответом стала целостная историко-философская концепция, основанная на трех ключевых понятиях: империализма, расизма и тоталитаризма.

Промышленная революция XVIII-XIX веков и появление «национальных государств», в которых экономическая мощь капитала сочеталась с военной мощью государства, позволили европейцам достигнуть подавляющего превосходства над всеми остальными странами мира. Вся планета оказалась поделена между несколькими европейскими государствами, и на Земле воцарился **империализм**.

Для большей части земного шара империализм означал **колониальную власть**. Присланные из метрополии военные и чиновники должны были править местным населением, неграмотным, примитивным, а то и просто диким. Сложившиеся в Европе республиканские (описанные нами в третьей главе) практики власти оказались в этих условиях совершенно неэффективными, и им на смену – ведь как-то управлять все равно нужно! – пришло доходящее до мелочей бюрократическое администрирование^[775], опирающееся на прямое насилие. В оправдание жестокостей, которые неизбежно приходилось проявлять в отношении аборигенов, возник (и приобрел силу личного убеждения – ведь повседневная жизнь полностью подтверждала отсталость «дикарей») **расизм**: представление о богоизбранной, высшей расе^[776], имеющей право на насилие в отношении других рас.

А вот затем земной шар кончился, и европейские государства начали войну друг против друга – ведь каждому требовалось еще больше колоний. Война

приобрела совершенно неожиданные масштабы – миллионы жертв вместо ожидавшихся тысяч. В этой всемирной бойне погибла изрядная часть европейской аристократии (ведь война – ее исконное призвание); ее жертвами стали четыре громадные империи (Российская, Австро-Венгерская, Германская и Османская), погрузившиеся в беспросветную нищету, а Европу заполнили потерявшие дом и работу *беженцы*. В этих условиях республиканские технологии власти оказались неэффективны – «восставшие» массы не готовы были подчиняться авторитету Закона, им, повидавшим ужасы войны, требовался поводок поостроже.

И такой поводок нашелся. Века колониального управления уже сформировали и технологии, и людей, готовых перенести свои **расистские** практики на территорию самой Европы! Ведь там теперь – нищее, потерявшее привычные связи, лишенное своей Родины, «атомизированное» население, мало чем отличающееся от дикарей; все, что требовалось для утверждения колониального правления в бывшей метрополии – обоснование **чьей-либо** «богоизбранности» (а большие отряды вооруженных людей после войны везде имелись в избытке). Так на сцене мирового театра появляется **тоталитаризм**.

Вот в чем, по Арендт, заключалась сила тоталитаризма: это был *более современный и более универсальный способ управления* обществом, равно пригодный для черной Африки и для белой Германии. При разрушении привычных социальных связей (послевоенная Европа, «восстание масс») демократия перестает работать, одинокие люди готовы проголосовать за кого угодно, лишь бы он «наводил порядок». Афоризм Мао – «винтовка рождает

власть»^[777] – становился успешным руководством к действию.

Ответ «Истоков тоталитаризма» (по крайней мере, в нашем понимании) на вопрос об успешности тоталитаризма прост и беспощаден: **тоталитаризм был наилучшей формой правления** для европейских стран, отброшенных в варварство итогами Первой мировой войны. Власть в бывших метрополиях была выстроена по образу и подобию вчерашних колоний и основывалась на прямом насилии администрации (разумеется, называющей себя «высшей расой», «твердокаменными коммунистами» и т. д.) над атомизированными массами. Арендт конечно же обставила свой вывод множеством оговорок, указывая на предполагаемые недостатки тоталитаризма, которые должны привести к его гибели, но на момент выхода книги в свет (1951, еще жив Сталин) эти утешения мало кого могли обмануть. Большинство интеллектуалов во всем мире в те годы полагало, что будущее принадлежит социализму, поскольку только он способен удержать в узде восставшие массы.

Практик. Отметим, что отождествление «тоталитаризма» (то есть слова с явно негативным подтекстом) с «социализмом» – чисто идеологический момент. Демократии при социализме в чем-то было больше, чем при капитализме. Но дело в том, что если власть принадлежит капиталистам, для которых главное – контроль над собственностью, то понятно, что общество, которое частную собственность запрещает, должно быть обругано максимально. Потому что контроль над собственностью – это источник власти при капитализме!

Теоретик. Разумеется, идеологический: ведь «тоталитаризм» это чистой воды теоретическое описание, полностью соответствующее нашему

пониманию «института». А вот социализм (как, впрочем, и германский нацизм) – это реальный общественный строй, который был и остается намного сложнее любых теоретических описаний. Исходя из концепции «тоталитаризма», лозунг «власть растет из дула винтовки» оказывается научным фактом, а насилие – лучшим инструментом Власти, что подтверждается всей историей человечества...

Читатель. Погодите, но вы обещали совсем другое! Кто сильнее, тот и власть – тоже мне, новость; вы говорили, что Арендт *усомнилась* в этой избитой истине. Ну и где же? Где анализ, почему именно Гитлер и Сталин оказались сильнее других, почему именно из их винтовок (а не из винтовок Тельмана или Троцкого) выросла Власть?!

Теоретик. Вот, вы все прекрасно понимаете! Действительно, нет никакого открытия в том, что «винтовка рождает власть», иначе любой человек, отдавший деньги грабителю, был бы великим ученым. Свое *настоящее* открытие Арендт сделала через 18 лет после «Истоков тоталитаризма», и открытие это заключалось в маленьком слове «не». Власть не растет из дула винтовки; насилие не порождает власть; тоталитаризм не сильнее демократии – вот о чем Арендт написала в небольшой книжке 1969 года, к которой мы теперь и переходим.

«О насилии» вышла в свет в 1969 году^[778], по горячим следам «событий» 1968 года^[779], когда волна революционного (и контрреволюционного) насилия выплеснулась на улицы европейских и американских городов. «Будьте реалистами – требуйте невозможного!», – писали на стенах французские студенты, «Делайте что хотите, лишь бы вас сфотографировали», вторили им студенты американские. Лозунг Франца Фанона^[780] «Только

насилие результативно», выдвинутый в его последней книге «Проклятьем заклеянные», казалось, был взят на вооружение поголовно всеми левыми активистами (а сам Фанон, судя по частоте его цитирования у Арендт, стал властителем дум целого поколения). Насилие, породившее великие тоталитарные государства, весомо и ярко вернулось в повестку дня, и Арендт приняла вызов времени, решив осмыслить его как философскую категорию.

«...на первый взгляд даже удивительно, что насилие так редко делалось предметом особого рассмотрения. (В последнем издании энциклопедии социальных наук "насилие" даже не заслужило отдельной статьи.) Из этого видно, насколько насилие и его произвольность принимались за данность и поэтому оставались в пренебрежении; никто не изучает и не ставит под вопрос то, что всем очевидно» [Арендт, 2014, с. 13-14].

Но работа философа как раз и заключается в том, чтобы ставить под вопрос очевидное. Растет ли и на самом деле власть «из дула винтовки»? Что *в действительности* обеспечивает победу революции – насилие вооруженных революционеров или же неспособность их противников к сопротивлению? Аренд сразу же замечает, что Маркс (учитель всех левых) придерживался второй точки зрения (революции побеждают только тогда, когда старое общество ослаблено своими внутренними противоречиями), а следовательно, ответ на вопрос не столь очевиден, как принято считать. Как же соотносятся между собой власть (ради которой и делается революция) и насилие?

Как мы уже отмечали выше, среди «политических теоретиков» существовал полный консенсус: власть опирается на насилие, и насилие есть высшее выражение власти. Арендт находит лишь одного ^[781] (!) автора, различавшего «власть» и «насилие», но даже у

него власть описывается как «ограниченная или институционализированная сила». Столь редкое среди философов единодушие поражает Арендт: ведь для нее самой очевидно, что власть и насилие – далеко не одно и то же. Различие этих двух сущностей Арендт иллюстрирует знаменитым примером «образца 1968-го»:

*«...очень неточно было бы утверждать (как часто делается), что ничтожное безоружное меньшинство с **помощью насилия** – криков, топота и так далее – успешно срывало лекции, в то время как подавляющее большинство голосовало [без насилия] за нормальную процедуру обучения... На самом же деле в подобных случаях происходит нечто намного более серьезное: большинство недвусмысленно отказывается использовать свою власть и "пересилить" смутьянов; университетские занятия срываются, потому что никто не желает защищать статус-кво ничем, кроме поднятой в голосовании руки. Университеты столкнулись с "огромным негативным единством"... Все это доказывает лишь то, что меньшинство может обладать намного большей потенциальной властью, чем предполагают подсчеты голосов в опросах общественного мнения. Бездейтельно наблюдающее большинство, развлеченное перепалкой между профессором и студентом, на самом деле уже стало тайным союзником меньшинства. (Нужно только попробовать вообразить, что бы случилось, если бы один или несколько безоружных евреев в Германии накануне Гитлера попробовали бы сорвать лекцию профессора-антисемита, – и тогда станет ясна вся нелепость разговоров о крошечных "меньшинствах активистов".)» [Арендт, 2014, с. 49-50/.*

Оказывается, успешность применения насилия зависит от того, обладает ли применяющий его **уже** какой-нибудь властью. Когда «активисты» пользуются

молчаливой поддержкой большинства, насилие работает; когда же большинство настроено против, применивший насилие будет тут же уничтожен ответным насилием. Вот почему революции и мятежи редко бывают успешными. Насилие вовсе не порождает власть; наоборот, лишь приобретя власть, можно успешно применять насилие^[782].

Практик. Напомню, что один из самых великих практиков революции Ленин объяснял, что революционная ситуация включает в себя три главных момента: невозможность «низов» жить в ухудшающихся условиях, невозможность для «верхов» управлять ситуаций по-старому (коротко: «низы» больше не могут терпеть, а «верхи» – управлять), при резко усугубляющихся противоречиях. Но этого для революции мало! Для революции еще нужна революционная партия! А вот тут есть один небольшой практический момент: все революционные партии во всех революциях в качестве руководителей, неявных, а подчас даже и явных, включали в себя *представителей правящих групп!*

Теоретик. Выяснив (скорее не для себя, а для читателя), что различие между властью и насилием до сих пор никто не замечал, Арендт дает свое определение власти, фиксируя совершенное открытие:

«Власть (power) соответствует человеческой способности не просто действовать, но действовать согласованно. Власть никогда не бывает принадлежностью индивида; она принадлежит группе и существует лишь до тех пор, пока эта группа держится вместе. Когда мы говорим о ком-то, что он "находится у власти" мы на самом деле говорим, что некоторое число людей облекло его властью действовать от их имени. В тот момент, когда группа, от которой первоначально произошла эта власть (*potestas in populo* – без народа

или группы нет власти), исчезает, исчезает и "его власть". В обыденном языке, когда мы говорим о "властном человеке" или о "властной личности", мы используем слово "власть" метафорически – на самом деле имеется в виду "мощь" (*strength*)» [Арендт, 2014, с. 52].

Как видите, это почти слово в слово наша концепция Власти («к власти рвутся бандой»), в которой не хватает лишь главного – ответа на вопрос, за счет чего группа «держится вместе». Удивительно, но до Арендт понимание, что **власть есть свойство группы, а не индивида**, совершенно не встречалось в теории Власти; вот почему мы называем арендтовское определение власти как группового феномена **открытием**.

А как же насилие? Насилие оказывается всего лишь инструментом, «мощью», «властностью» (можно добавить и «агрессивностью»), который может принадлежать отдельному индивиду, но совершенно не гарантирует ему места во власти:

*«Мощь (*strength*)... свойство, присущее объекту или лицу, принадлежащее их характеру, способное проявляться по отношению к другим вещам или лицам, но в сущности от них не зависящее. Мощь даже наимоощнейшего индивида всегда могут одолеть многие, которые часто лишь для того и объединяются, чтобы разрушить чью-то мощь – именно из-за ее особой независимости»* [Арендт, 2014, с. 52].

Новое (по отношению ко всем предшествующим теориям) понимание власти позволяет Арендт с легкостью разрешить непреодолимое для других противоречие: как могут в XX веке, создавшем оружие массового уничтожения (артиллерию и авиацию), происходить успешные революции? Ведь в руках государственной власти – вся мощь армии, авиации и

флота, а в руках революционеров – только «булыжники и винтовки»?

«С самого начала века теоретики революции говорили нам, что шансы революции значительно уменьшаются в соответствии с ростом разрушительной силы оружия, находящегося в исключительном распоряжении правительства. Но история последних семидесяти лет с ее невероятным перечнем успешных и неуспешных революций говорит о другом...» [Арендт, 2014, с. 56].

Все дело в том, что революции побеждают не с помощью насилия, а с помощью **власти**:

«В споре насилия с насилием превосходство правительства всегда было абсолютным; но это превосходство длится лишь до тех пор, пока в неприкосновенности сохраняется властная структура правительства, т.е. пока приказы исполняются, а войска или полицейские силы готовы пустить в ход оружие... Когда приказы не исполняются, средства насилия становятся бесполезны; а вопрос об исполнении приказов решается не отношением "приказ – повиновение", но мнением и, разумеется, числом тех, кто это мнение разделяет» [Арендт, 2014, с. 57].

Когда у правительства есть тяжелое вооружение, а у революционеров только коктейли Молотова, революции все равно иногда побеждают, потому что на сторону революции **переходит Власть**. Арендт анализирует события 1968 года именно как пример «разрушения власти» бюрократии, проявившейся при совершенно не претендовавшем на власть выступлении студентов, и обратного «собирания власти» де Голлем, договорившимся о поддержке армии и пошедшего на уступки профсоюзам.

«Никогда не существовало правительства, которое бы опиралось исключительно на насилие», – констатирует Арендт и приводит в пример Вьетнам

(сегодня мы бы прибавили сюда Афганистан и Ирак): подавляющее преимущество американцев в тяжелом вооружении не обеспечило им установление прочного оккупационного режима.

*«Насилие всегда способно **разрушить** власть; из дула винтовки рождается самый действенный приказ, приводящий к самому немедленному и полному повиновению. Но **родиться** оттуда власть не может никогда». [Арендт, 2014, с. 63].*

Но как же так?! За 20 лет до этого Арендт сама утверждала (в «Истоках тоталитаризма»), что насилием и пропагандой можно подчинить любой народ! Что поменялось за эти 20 лет? Почему тоталитаризм уже не воспринимается как наивысшая форма власти, почему насилие перестало быть «палочкой-выручалочкой»?

Изменился сам мир. Тоталитаризм Гитлера закончился Нюрнбергом и денацификацией, тоталитаризм Сталина – его смертью и XX съездом^[783]. Стало понятно, что государственное правление, опирающееся *только* на пропаганду и насилие (но не на Власть), недолговечно, и гибнет вместе со своим лидером. Более того, опасность «обратного экспорта» насилия из колоний в метрополии оказалась осознана правящими кругами этих метрополий, и насилие было взято под контроль:

«В империалистическую эпоху существовал страх перед обратным воздействием, которое "правление покоренными расами"... может оказать на внутреннее правление, – иначе говоря, перед тем, что правление с помощью насилия в далеких странах в конце концов окажет воздействие на правление в самой Англии, так что последней "покоренной расой" станут сами англичане» [Арендт, 2014, с. 64].

Таковы, по Арендт, глубинные причины деколонизации второй половины XX века, ухода Англии

из Индии и Франции из Алжира. Понимание, что платой за сохранение колоний станет колонизация метрополии, установление в ней тоталитарного режима^[784], достигло правящих классов европейских государств (прежде всего, конечно, Великобритании, начавшей деколонизацию еще во времена мильнеритов). И правящие круги сделали выбор: лучше жить на меньшей территории, но под защитой государственной машины, нежели править всем миром, но лишиться этой защиты. В конечном счете насилие оказалось не просто чем-то другим, нежели власть, но ее полной **противоположностью**:

«Власть и насилие противоположны; абсолютное владычество одного из членов этой пары означает отсутствие другого. Насилие появляется там, где власть оказывается под угрозой, но, предоставленное собственному ходу, оно приводит к исчезновению власти. Отсюда следует, что неверно мыслить противоположность насилия как ненасилие; противоположностью насилия является власть» [Арендт, 2014, с. 66].

Вот почему в нашей книге мы почти не уделяем внимания насилию. Конечно, любого можно заставить подчиняться, приставив ко лбу пистолет; но Власть заключается в том, чтобы пистолет оказался именно в ваших руках. Насилие – всего лишь одно (и самое простое) из средств Управления, и хотя про него нужно знать и уметь пользоваться, ни в коем случае не следует отождествлять его с самой Властью.

Практик. Как известно, закон работает только тогда, когда есть общественный консенсус по его выполнению. Иначе – он работать перестает. Насилие эффективно работает только тогда, когда обществу (государству) не нужно решать никаких новых задач (например, экономического роста). Если такие задачи

есть, то чем они сложнее, тем более *свободно* должно быть общество. В этом случае, увеличивая насилие, Власть неминуемо уменьшает собственную устойчивость. Не самый разумный подход. Кстати, именно по этой причине наивно называть послесталинский СССР тоталитарным государством, поскольку в нем постоянно увеличивались качество и глубина образования населения, а вовсе не масштабы насилия. Образованных людей нельзя удержать насилием, только идеей. И разрушение СССР произошло именно в тот момент, когда Власть не смогла адекватно ответить на появляющиеся экономические проблемы.

Читатель. Да, с насилием интересно получилось – думали, что оно Власть, а оказалось, что оно Управление. Даже интересно стало, а какие еще *странности* обнаружили ученые в изучении организаций?

Теоретик. Мы упомянули насилие еще и потому, что анализ этого *института* позволил Арендт открыть **групповую** сущность власти (и притом сделать это так аккуратно, что это открытие прошло практически незамеченным). А вот теперь мы перейдем к более интересному институту, про который вы слышали миллион раз, но не подозревали, насколько он важен. Этот институт называется *дисциплиной* и используется настолько широко, что сделался привычным и незаметным для большинства граждан. Более того, многие склонны полагать, что эта дисциплина (законопослушность, следование инструкциям) возникла в обществе сама по себе, естественным путем, как язык, обычаи и верования. А между тем, изобретение дисциплины представляло собой очень интересный исторический процесс, шедший параллельно совершенствованию и развитию организаций.

2. Создание дисциплины

**Мишель Фуко, «Надзирать и наказывать»
(1975)**

Теоретик. Повторим еще раз, чем отличается власть от управления. Власть – это способность добиться своего невзирая на сопротивление других. «Будет по-моему, а не по-твоему», – говорит вам человек Власти, и вам приходится соглашаться, поскольку власть у него, сопротивление бесполезно. А вот управление (способность мотивировать других на достижение определенных целей), в отличие от власти, не предполагает сопротивления со стороны управляемого. Подчиненному можно обещать денег, давить на совесть или запугивать, но если он откажется повиноваться (или хуже того, согласится и все испортит) – цель не достигнута, управление не состоялось.

Практик. Непонимание этой разницы в свое время дорого обошлось Борису Березовскому. Он начинал свою карьеру среди голодных людей, которым достаточно было пообещать (или, в крайнем случае, заплатить) денег, и они были готовы на все. В результате Березовский считал, что деньги – это ключ к решению любых проблем^[785]. Впрочем, он не один был такой, помню, как мне рассказывали, что Гусинский, когда хотел купить того или иного чиновника, сажал его в свою машину и говорил: «Мы едем смотреть твой загородный дом».

Но когда Березовский вышел на уровень людей, владевших *собственными* состояниями, деньги перестали работать – а налаживать властные отношения (типа сюзерен – вассал) Березовский так и не научился.

Теоретик. В силу этой фундаментальной разницы организации так беспомощны перед властными группировками – занимая должность в организации, человек Власти действует в интересах своей группировки, и организация бессильна (не имеет власти) ему в этом помешать. Поскольку дальше мы рассмотрим одну из самых впечатляющих концепций власти, отождествляющую ее с управлением, при чтении последующих страниц нужно постоянно помнить об этой разнице.

Ну а теперь встретимся лицом к лицу с самым цитируемым гуманитарным писателем за всю историю человечества^[786]. Знакомьтесь – Мишель Фуко^[787], культовый в конце прошлого века философ, ставший знаменитым во Франции с выходом «Истории безумия» (1961) и получивший признание в США в 1975 году, сразу же после прочтения в Беркли курса лекций по теории сексуальных извращений [Стретерн, 2005]. В какой степени популярность Фуко обусловлена его гомосексуальностью (в XX веке дававшей пропуск в узкий, но сплоченный круг интеллектуальной элиты, и гарантировавшей его всестороннюю поддержку), а в какой – действительно оригинальным подходом к изучению человеческой жизни, решать будущим поколениям. Все, что мы можем сказать в рамках нашей книги – так это то, что именно Фуко принадлежит одно из важнейших открытий в изучении человеческого поведения, имеющее непосредственное отношение к теории Власти.

Фуко открыл (то есть увидел в окружающем мире и описал как самостоятельную сущность) едва ли не главный на сегодня способ существования людей в обществе: **дисциплину**. В европейских языках discipline – многозначное слово; это и наша русская «дисциплина» (соблюдение людьми определенных правил), и

«порядок» (сами правила), и «наказание» (за их несоблюдение). Общепринятый русский перевод названия «Discipline and Punish» как «Надзирать и наказывать» утратил эту многозначность, сдвинув смысл дисциплины от самих правил к тому, кто следит за их выполнением. Но сам Фуко понимал дисциплину именно как систему правил, пронизывающих повседневную жизнь каждого человека. А дальше он сделал обычный для попавших в наш обзор теоретиков шаг: назвал найденную им сущность (систему правил) **властью**:

*«...тело непосредственно погружено и в область политического. **Отношения власти** держат его мертвой хваткой. Они захватывают его, клеймят, муштруют, пытаются, принуждают к труду, заставляют участвовать в церемониях, производить знаки. Политический захват тела связан сложными двусторонними отношениями с его экономическим использованием; тело захватывается отношениями власти и господства главным образом как производительная сила. Но, с другой стороны, его функция как рабочей силы может осуществляться только в том случае, если оно вовлечено в систему подчинения (где потребность служит также политическим инструментом – тщательно подготовленным, рассчитанным и используемым); тело становится полезной силой только в том случае, если является одновременно телом производительным и телом подчиненным» [Фуко, 1999, с. 39-40].*

Даже из одной этой (довольно знаменитой) цитаты можно понять, что под «отношениями власти» Фуко понимал отношения *подчинения*, возникающие в условиях совместной деятельности людей (то есть *в организациях*). «Власть» Фуко – не более чем должностная инструкция, которой обязан следовать наемный работник; «властвовать» в его понимании

значит устанавливать правила, следить за их выполнением (Discipline) и наказывать (Punish) за их несоблюдение.

Читатель. Позвольте, но мы это уже проходили! Еще в третьей главе, в разделе про Гоббса и Локка, придумавших государственную машину. Та тоже следила за соблюдением законов и бесстрастно наказывала за их нарушение; разумеется, это никакая не Власть, поскольку она сама подчиняется своим же законам. Так в чем же здесь открытие? Чем «власть дисциплины» по Фуко отличается от «власти закона» по Локку?!

Теоретик. Открытие Фуко заключалось не в том, **что** делает его «власть» (понятно, что заставляет соблюдать правила), а в том, **как** она это делает. Как мы уже неоднократно говорили, научное открытие заключается в том, чтобы увидеть давно существующее, но до сих пор никем не замеченное явление. До Фуко ответ на вопрос «А как обеспечивается соблюдение законов?» казался очевидным. Что значит «как»? Кто нарушит закон, тому отрубят голову! Вот кому и за что будут рубить голову, это интересно, это нужно исследовать; а обеспечить соблюдение законов – задача палача. И только Фуко в своем историческом анализе *тюрьмы* обнаружил, что в один прекрасный момент в истории человечества поменялись не только правители, но и **способ**, которым они поддерживали соблюдение законов.

«Надзирать и наказывать» начинается с рассказа о казни Робера-Франсуа Дамьена, совершившего в 1757 году покушение на Людовика XV. Фуко натуралистически воспроизводит все ее ужасающие подробности, вплоть до неудачной попытки четвертования:

«...был наказан палач Дамьена, который, не сумев четвертовать пациента по правилам, вынужден был

резать тело осужденного ножом: обещанных ему в награду лошадей, которых использовали для казни, конфисковали в пользу бедных» [Фуко, 1999, с. 77-78].

Всего 200 лет прошло с того дня до времени, в которое Фуко писал свою книгу. Однако за этот короткий (в историческом масштабе) срок публичные пытки и казни прекратились по всей Европе, а преступников стали наказывать, сажая в тюрьму. Что же поменялось за эти 200 лет? Почему власть отказалась от столь наглядного способа демонстрации своего могущества, как публичная мучительная казнь?

«Итак, публичная казнь исполняет юридическо-политическую функцию. Она – церемониал, посредством которого восстанавливается на миг нарушенная власть суверена. Восстанавливается путем проявления ее во всем ее блеске. Публичная казнь, сколь бы поспешной и повседневной она ни была, относится к целому ряду пышных ритуалов, восстанавливающих власть после ее временного упадка (таких, как коронация, въезд монарха в покоренный город, усмирение взбунтовавшихся подданных); вслед за преступлением, унизившим суверена, казнь разворачивает перед всеми его непобедимую мощь» [Фуко, 1999, с. 73].

До Фуко никому в голову не приходило задавать этот вопрос. Когда перемены («гуманизация наказаний») уже наступили, людям свойственно думать, что установившийся порядок **вещей** «естественен», а любой другой – всего лишь «тьма средневековья» или «варварство». И только немногие мыслители способны поставить под сомнение очевидное («публично казнить плохо»), задавшись вопросом: почему раньше (XVIII век) публично казнить **было хорошо**, а теперь (XX век) **стало плохо**?

Для Фуко задавать такие неудобные вопросы было привычным делом. Известность во Франции он получил

парадоксальной книгой «История безумия» (1961), в которой задал тот же самый вопрос относительно сумасшествия. В традиционных обществах (включая средневековую Европу) сумасшедших считают святыми (юродивыми) и относятся к ним как к нормальным, но занятым чем-то другим людям. Но начиная с какого-то момента отношение к ним меняется – появляются «сумасшедшие дома», развивается психиатрия, разрабатываются разнообразные методы лечения. В какой момент и почему это происходит?

Проанализировав европейскую культурную историю, Фуко пришел к парадоксальному выводу: понятие «безумия» появилось в Европе только после того, как там же возникло понятие «разума». Появлению первого сумасшедшего дома предшествовало создание культа Разума (лично Декартом, его последователями-картезианцами, да и всеми интеллектуалами Нового времени). Только тогда, когда все общество узнало, что оно «разумно», юродивые и святые превратились в его противоположность – безумцев, которых следовало держать от себя подальше.

Так что же случилось с наказаниями? Почему публичные казни вдруг сменились тюремным заключением? Фуко снова погружается в историю и обнаруживает на протяжении XVIII столетия изменение «народной противозаконности». Если в начале века основной мишенью «противозаконного» поведения были **права** (бунтовщики отказывались платить положенные сборы, соблюдать цеховые правила и т.д.; не случайно народным героем того времени был контрабандист, уклонявшийся от уплаты пошлин и тем нарушавший права феодальной вертикали), то по мере роста уровня жизни под удар все чаще стала попадать **собственность**:

«Ле Трон не преувеличивал действительную тенденцию, когда писал, что крестьяне страдают от

лихоимства бродяг еще **сильнее**, чем от требований феодалов: теперь воры обрушиваются на них, словно полчища вредных насекомых, пожирая урожай и разоряя закрома» [Фуко, 1999, с. 122].

Но способна ли королевская власть столь же успешно, как **права** своих вассалов (а значит, и делегировавшего их верховного сюзерена), защитить собственность **крестьян**? Может ли публичная казнь одного вора помешать другому очищать карманы собравшихся на нее зевак? По-видимому, нет: публичная казнь демонстрирует, кто здесь хозяин, но вовсе не означает, что этому хозяину есть дело до чего-либо, кроме посягательств на *его права*. Для защиты собственности простых людей необходима была **другая власть** ^[788]. И она появилась, сначала в публикациях немногих «реформаторов», а затем и на практике:

«Новая юридическая теория уголовно-правовой системы фактически открывает новую „политическую экономию“ власти наказывать. Отсюда понятно, почему у „реформы“ нет единого истока. Реформа не была инициирована ни наиболее просвещенными подсудимыми, ни философами, считавшими себя врагами деспотизма и друзьями человечества, ни даже общественными группами, противостоящими парламентариям. Вернее, она была выношена не только ими; в глобальном проекте нового распределения власти наказывать и нового распределения ее воздействий сходится много различных интересов. Реформа не подготавливалась вне судебного аппарата и не была направлена против всех его представителей; она готовилась главным образом изнутри – многочисленными магистратами на основе их общих целей и разделявших их конфликтов, вызванных борьбой за власть. Конечно, реформаторы не составляли большинства магистратов, но именно

законоведы наметили основные принципы реформы: должна быть создана судебная власть, недостижимая для непосредственного влияния власти короля. Власть, которая будет лишена всякой претензии на законотворчество; будет отделена от отношений собственности; и не имея иных ролей, помимо судебной, будет исполнять свою единственную функцию в полную силу. Словом, судебная власть должна зависеть отныне не от многочисленных, "прерывистых", подчас противоречивых привилегий власти суверена, но от непрерывно, сплошь распределяемых воздействий государственной власти» [Фуко, 1999, с. 117-118].

В отличие от королевской власти, устанавливающей только отношения подчинения (кто имеет права, а кто нет), эта новая власть должна распространиться **на всю** повседневную жизнь граждан, защитив составляющие ее привычного распорядка – безопасность, собственность, договоры. Но чтобы сделать все это, «власть Закона» должна не только подробно регламентировать сам этот распорядок, но и эффективно (словами самого Фуко – экономно) его поддерживать:

«Надо принимать во внимание будущий беспорядок, а не прошлое правонарушение. Надо добиваться того, чтобы у злоумышленника **не возникло желания повторить преступление** и чтобы возможность появления **подражателей** была исключена. Итак, наказание должно быть искусством последствий; вместо того чтобы противопоставлять чрезмерность наказания чрезмерности проступка, надлежит соразмерять друг с другом два следующих за преступлением ряда: его собственные следствия и следствия наказания» [Фуко, 1999, с. 135].

Задержимся на этом историческом моменте. Как только задача поддержания порядка распространяется за пределы «феодалской лестницы» (людей, связанных

отношением личной преданности), она перестает решаться средствами власти. Крестьяне и наемные работники не присягают сюзерену, а лишь соглашаются платить ренту и работать от звонка до звонка. В отличие от вассалов, они не заинтересованы в знании правил, а уж тем более в их соблюдении^[789]; их нужно к этому отдельно мотивировать. Перед нами – классическая задача управления; именно здесь власть уступает ему свое место. С этого момента наказание перестает быть демонстрацией Власти и превращается в средство управления (управления не только самим преступником, но и его возможными последователями). Казнить преступника на площади по любому поводу – пусть и наглядный, но не единственный способ такого управления; во многих случаях небольшое наказание за малую провинность позволяет «дисциплинировать» потенциального преступника и предотвратить более серьезные нарушения:

«Цех, школа, армия подчинены целой системе микронаказаний, учитывающей: время (опоздания, отсутствие, перерывы в работе), деятельность (невнимательность, небрежность, отсутствие рвения), поведение (невежливость, непослушание), речь (болтовня, дерзость), тело («некорректная» поза, неподобающие жесты, неопрятность) и сексуальность (нескромность, непристойность). При этом в качестве наказания используется целый ряд детально продуманных процедур: от легкого физического наказания до небольших лишений и унижений. Требуется, с одной стороны, сделать наказуемым малейшее отклонение от корректного поведения, а с другой – придать карательную функцию на вид нейтральным элементам дисциплинарной машины: тогда в случае необходимости все будет служить наказанию малейшего нарушения, а каждый субъект

окажется захваченным наказуемой и наказывающей всеобщностью» [Фуко, 1999, с. 260-261].

Теперь мы можем понять, почему именно тюрьма **пришла** на смену публичным казням. Тюремное заключение наилучшим образом решает обе воспитательные задачи. Во-первых, преступники помещаются в особую среду, где наказания применяются к ним 24 часа в сутки^[790]. Во-вторых^[791], преступники изолируются от общества и тем самым лишаются возможности подавать личный пример преступного поведения. В-третьих, и это самое главное, тюрьма служит **своего рода «школой»** для создания контролируемой и обособленной преступности^[792]:

«Организация обособленной противозаконности, замкнутой делинквентности, была бы невозможна без развития полицейского надзора...

Но такой надзор мог осуществляться лишь в соединении с тюрьмой. Ведь тюрьма облегчает надзор за индивидами, когда они выходят на свободу: она позволяет вербовать осведомителей и умножает число взаимных доносов, способствует взаимным контактам правонарушителей, ускоряет организацию среды делинквентов, замкнутой на самой себе, но легко контролируемой; и все следствия того, что бывший заключенный не получает обратно свои права (безработица, запрет на проживание, вынужденное проживание в установленных местах, необходимость отмечаться в полиции), позволяют без труда принудить его к выполнению определенных задач. Тюрьма и полиция образуют парный механизм; вместе они обеспечивают во всем поле противозаконностей дифференциацию, отделение и использование делинквентности. Система полиция - тюрьма выкраивает из противозаконностей „ручную делинквентность“» [Фуко, 1999, с. 412-414].

Но коль скоро дисциплина работает так хорошо, то разве может она распространяться только на правонарушителей? Конечно же нет: *тюрьма* служит Фуко лишь отправной точкой исследования, первоначальным вопросом; ответ на него (как это часто случается в науке) оказывается значительно более широким. Дисциплина – надзор и наказания – пронизывают всю жизнь современного человека, начиная со школы, продолжая армией и заканчивая работой «в офисе». Фуко посвящает сотни страниц текста описанию различных дисциплинарных практик («дисциплин»), вроде расстановки столов, расписания дня, экзаменов и так далее (можно смело добавлять сюда «тиранию отчетов»), приходя к заключению, что именно они и являются в современном обществе **настоящей Властью:**

«Через дисциплины проявляется власть Нормы. Является ли она новым законом современного общества? Лучше сказать, что начиная с XVIII века эта власть соединилась с прочими властями – Закона, Слова и Текста, Традиции, – навязывая им новые разграничения. Нормальное становится принципом принуждения в обучении с введением стандартизированного образования и возникновением “нормальных школ”. Оно становится таковым в попытке организовать национальный медицинский цех и больничную систему, руководствующиеся общими нормами здоровья. Оно проникает в стандартизацию промышленных процессов и изделий. Подобно надзору и вместе с ним нормализация становится одним из главных инструментов власти в конце классического века» [Фуко, 1999, с. 269].

Так появляется на свет концепция «дисциплинарного общества», власть в котором «везде и нигде», она не принадлежит ни индивидам, ни классам, ни даже группам заговорщиков, а

распределена между субъектами в виде дисциплинарных практик. Эта власть «растет» внутри общества подобно траве на газоне (отсюда популярный на Западе термин «биовласть»), создается и воспроизводится усилиями миллионов людей, и опирается на систему норм (откуда другой популярный среди последователей Фуко термин «знание-власть», ведь чтобы следовать нормам, нужно их знать).

Как легко видеть, эта концепция власти перекликается с далевским «плюрализмом» (никто не имеет всей власти), но заходит значительно дальше; в представлении Фуко, общество представляет собой самостоятельно существующую «машину власти», которую никто из живущих не создавал и которую можно использовать только в очень ограниченных пределах. Отождествив власть с управлением, Фуко в метафорической форме («знание-власть») описывает реальное положение дел в современном мире, где жизнь каждого человека регламентирована бесчисленным набором разнообразных правил. Порой может и в самом деле показаться [\[793\]](#), что миром правят именно эти бездушные регламенты, а не создающие их (в своих собственных целях, разумеется) властные группировки.

Практик. Тут нужно добавить одно важное обстоятельство. Это только кажется, что правила независимы друг от друга. На самом деле они тесно связаны и образуют некоторую системную картину. И если их сочинять произвольно, то противоречия в картинке могут привести к тому, что общество «пойдет вразнос». У Фуко это не написано, потому что если предположить, что существует некоторая парадигма, метаправило, которым должны соответствовать правила, то немедленно отсюда следует вывод, что должен существовать еще один институт, который, во-

первых, эти метаправила утверждает и, во-вторых, проверяет, насколько новые правила им соответствуют. Мы-то понимаем, что это и есть институт правящей элиты, но Фуко об этом, по понятным причинам, не говорит.

Теоретик. Разумеется, представления о Власти, «растущей на газоне», да еще изложенные великолепным языком с обилием фактических примеров, должны были понравиться правящим кругам, совершенно не заинтересованным в раскрытии подлинного устройства Власти. «Дисциплинарное общество», «знание-власть», «биовласть» на долгие десятилетия сделали наиболее популярными понятиями в социальных науках, а Фуко заслуженно (с точки зрения хозяев мира) получил мировую славу и статус самого цитируемого автора современности. Но хотя Фуко и подменяет власть управлением, его **открытие** и теоретическое описание «дисциплинарных практик» заслуживает самой высокой оценки. Благодаря Фуко мы можем осознанно требовать от вассалов преданности, а от несистемных игроков – дисциплины, и не путать то и другое между собой!

Читатель. Да, про дисциплину очень интересно. А где можно почитать, как правильно дрессировать подчиненных?

Теоретик. Боюсь, что с этим у вас будут определенные проблемы. В современном мире не приветствуется отношение к сотрудникам как к людям второго сорта, и книга, где прямо написано что-то вроде «эти обезьяны требуют тщательной дрессировки», вряд ли может увидеть свет. Так что, если вы действительно заинтересовались этой темой, вам придется самостоятельно перелопатить десятки книг на самые разные темы, начиная с дрессировки животных и заканчивая противодействием

психологическим манипуляциям^[794]. К счастью, большинству людей Власти не требуется высокая квалификация в данном вопросе: для управления персоналом всегда можно подобрать профессионального менеджера, собаку съевшего на дрессировке подчиненных, но совершенно наивного в вопросах Власти.

А вот в чем нужно *самому* быть специалистом – так это в умении вовремя распознавать карьерные амбиции и корпоративные интриги своих подчиненных, чтобы не пасть жертвой возникшей под самым вашим носом властной группировки. В то же самое время, когда Мишель Фуко во Франции исследовал «историю тюрьмы», в США Джеффри Пфеффер^[795] постепенно приближался к открытию, сделавшему его главным авторитетом в современной теории Власти. Изучая организации (как бюджетные, так и коммерческие), Пфеффер обнаружил, что их благополучие зависит от *политических* факторов – состава совета директоров, личностей топ-менеджеров и устойчивых связей с *другими* организациями. Тем самым он фактически обнаружил существование властных группировок – но, поскольку тема «властвующей элиты» в социологии оставалась запретной, описал их *под другим названием*. В результате на свет появилась «теория ресурсной зависимости» (кто догадается по названию, что это про Власть?!), которую просто невозможно не упомянуть в нашем обзоре.

3. Важность ресурсов

**Джеффри Пфеффер, Джеральд Саланчик,
«Внешний контроль над организациями:
концепция зависимости от ресурсов» (1978)**

Теоретик. Джеффри Пфеффер пишет о власти уже больше 40 лет. Его книги «Влияние и власть в организациях» (1992) и «Власть. Почему у одних она есть, а у других – нет» (2010) переведены на все основные языки мира и являются обязательными к прочтению для любого уважающего себя менеджера. Но самой цитируемой до сих пор остается его первая книга, написанная в соавторстве с Джеральдом Саланчиком в далеком 1978 году^[796]. Что же такого открыли миру авторы «Внешнего контроля», если и до наших дней в любом тексте об организациях нельзя обойтись без ритуальной ссылки на эту работу?!

С самого начала своей научной деятельности (1971-1972) Джеффри Пфеффер интересовался не столько самими организациями, сколько *политикой в организациях* (расстановкой кадров, принятием решений). Названия его ранних статей говорят сами за себя – «Размер и состав советов директоров: организации и их окружение», «Принятие решений как политический процесс: случай университетского бюджета», «Эффект неопределенности в использовании влияния на принятие решений». Всесторонне изучив процессы принятия решений, Пфеффер совместно с Саланчиком (отвечавшим за «полевые исследования» в организациях) суммировал их результаты в статье с примечательным названием: «Кто получает власть и как за нее держится» (1977).

Почему вместо обычных слов «политика» или «принятие решений» Пфеффер использовал намного более сильный термин – «власть»? Потому, что сделанное им открытие не укладывалось в обычные представления об организации как формальном механизме, действующем строго по должностным инструкциям. В ходе эмпирических исследований Пфеффер с Саланчиком обнаружили, что значительное

число решений принимается в ситуациях высокой неопределенности, к которым не применим ни один из имеющихся в организации регламентов. В этих условиях «организационная машина» неспособна двигаться дальше, и для ее нормальной работы требуется вмешательство человека. На какое-то мгновение сотрудники компании перестают быть «жизнерадостными роботами» и получают возможность *самостоятельно* принять решение. Вот здесь-то у кого-то в компании и возникает (пусть на мгновение, но такие мгновения повторяются снова и снова) **власть**.

Читатель. Вот прямо так и возникает? Сама по себе, без соответствующей властной группировки? Это точно та самая Власть, о которой наша книга?

Теоретик. Вы все верно подмечаете: конечно же нет! Ту самую Власть мы пишем с большой буквы, и она заключается в возможности добиться своего, невзирая на сопротивление других. А «власть» Пффеффера (вслед за Далем и его последователями) представляет собой возможность принять решение, которое будет выполнено, *если никто не выскажется против*. Это организационная власть, власть с маленькой буквы (на языке нашей теории это всего лишь *отдельный ресурс* человека Власти); но Пффефферу для выстраивания своей теории хватило и этой малости. Рассмотрим гипотетическую ситуацию: менеджер какого-нибудь проекта желает увеличить его бюджет, и строгих правил, сколько денег отвести на проект, не существует. Получит менеджер желаемое или нет, зависит исключительно от его влиятельности в организации (вхожести к шефу, умения говорить, наличия неформальной поддержки среди коллег). Все эти качества Пффеффер суммирует в одну величину, которую называет **количеством власти**.

Но откуда у простого менеджера может возникнуть такая власть? Вот тут-то и возникает открытие,

сделавшее Пфеффера и Саланчика знаменитостями (в узких кругах). Каким бы ни был «простым» менеджер, он располагает определенными **ресурсами** – будь то репутация высококлассного специалиста, личное знакомство с одним из владельцев компании или уникальные знания, «как это работает». Ресурсом может быть что угодно («карьера через постель» встречается столь же часто, как и «карьера через квалификацию»), и какие-то ресурсы есть у каждого. Но какой именно ресурс будет конвертирован во власть – вот в этом-то и заключается открытие! – зависит не от самих менеджеров, а от **внешних** по отношению к ним обстоятельств.

Если на рынке полно квалифицированных специалистов, квалификация не будет аргументом в политических играх. Если у владельца много друзей внутри компании, один друг вполне может проиграть другому. Если продукт, который хорошо знает сотрудник, сходит с рынка, уникальные знания о нем ничего не стоят. Цену всем этим ресурсам определяет текущая ситуация в компании, зависящая прежде всего от ее **внешнего окружения** (клиентов, поставщиков, владельцев).

Пфефферовская власть (и наше *влияние*) возникает «на стыке» набора ресурсов, контролируемых человеком (или подразделением предприятия), и набора ресурсов, предлагаемых внешней средой.

Теперь вернемся к возникшей перед организацией непредвиденной ситуации. Инструкции бесполезны, требуется решение в условиях неопределенности. Кто именно его примет? Топ-менеджер компании? Если дело касается появившихся *возможностей* (новых заказов, продуктов или технологий), он охотно возьмет ответственность на себя. Но если неопределенность – это серьезная (угрожающая самому существованию компании) *проблема*, юридическая, производственная

или финансовая? В этом случае цена ошибки слишком велика, и право *подготовить* решение предоставляется тому подразделению^[797] компании, которое обладает необходимыми **ресурсами** (юридической или производственной квалификацией, контактами с финансистами и так далее). Еще вчера эти ресурсы ничего не стоили (в смысле влияния в компании), а сегодня оказываются на вес золота!

Что происходит дальше? Конечно же подразделение предлагает способ и успешно^[798] решает проблему. Организация спасена, а подразделение приобретает особый статус (никто не брался, а они сделали) и получает приоритетный доступ к обсуждению *последующих* критических ситуаций. Если эти ситуации относятся к той же области, что и первая^[799], решения с большой долей вероятности будут передоверены тому же подразделению. На этом этапе в состав принимаемых решений входят и различные бонусы для самого подразделения («серьезная проблема, нам нужно нанять двух сотрудников, чтобы ее досконально проработать»); при дальнейших успехах руководитель подразделения становится первым кандидатом на повышение, а само подразделение – «священной коровой» компании^[800].

Так наряду с формальным процессом принятия решений мы обнаруживаем в организациях политику, лоббирование, интриги – словом, все то, что с давних пор принято называть **борьбой за власть**.

Неудивительно, что и Пфеффер назвал происходящее точно так же. Помимо повседневного (и формализованного) управления, в любой организации существует и неформально организованная **власть**. Ее неиссякаемым источником являются ситуации неопределенности, когда принятие решений зависит исключительно от «политического веса» допущенных к

его обсуждению подразделений (или конкретных менеджеров). Политический вес (уровень власти) подразделений зависит не столько от их формального статуса, закрепленного в штатном расписании, сколько от их значимости для выживания организации. Значимость, в свою очередь, зависит от контролируемых подразделением ресурсов (знаний, умений, связей) и от того, насколько успешно они решают возникающие перед организацией критические проблемы.

Читатель. А если проблемы решить не удастся? Скажем, «священной коровой» является юридический отдел, а к фирме пошли претензии на качество товаров?

Теоретик. Ну, вы же умеете рассуждать как человек Власти. Попробуйте сами ответить на свой вопрос – что сделает в этих условиях юридический отдел?

Читатель. Ответит на претензии «обращайтесь в суд», а потом попытается выиграть процессы. Но так ведь можно и всех покупателей распугать!

Теоретик. Тем не менее именно так действует большинство обладающих властью подразделений. Ведь иначе придется делиться властью с другими, что мало кого устраивает. Мы только что обнаружили завершающий элемент в концепции корпоративной власти, предложенной Пфеффером: стабильность «структуры власти» в организации. Однажды возникнув^[801], привилегированное положение отдельного подразделения имеет тенденцию сохраняться, а вновь возникающие проблемы – решаться за счет уже испробованных ресурсов. Вот откуда появилась вторая часть заголовка – «Как они за нее держатся». Структура власти внутри организации – существенный (если не главный) фактор,

определяющий ее реакции на возникающие проблемы и возможности, и она достаточно стабильна во времени. Так Пффеффер открыл причину, по которой разные организации по-разному ведут себя в одной и той же внешней среде: у них разные «священные коровы», владеющие разными ресурсами. Столкнувшись с сокращением спроса, одна организация (где всем заправляет маркетинг) активизирует рекламную кампанию, другая (где правят производители) разработает новый товар, третья (в совет директоров которой входит бывший министр) пролоббировывает государственные заказы.

Практик. А бывает и прямо противоположная ситуаций. Сегодня в нашей стране (в результате «либеральных» реформ) есть только один интересный актив – деньги. Получается, что в организациях самое главное – контролировать выделяемый тебе бюджет. И в результате хоть сколько-нибудь сложные проекты реализовать не получается, поскольку невозможно организовать взаимодействие нескольких подразделений – они не хотят делиться бюджетами даже на доли процента!

Теоретик. Пффеффер и Саланчик приводят пример из своего исследования американских больниц. Те из них, которые возглавлялись бывшими финансистами, получали большую часть своих доходов от страховых компаний; а те, руководителями которых были врачи, финансировались за счет частных пожертвований и муниципальных бюджетов. Руководители использовали доступные им *ресурсы*, то есть личные связи в соответствующих кругах. Ну а теперь, уважаемый читатель, задавайте вопрос, который давно вертится у вас на языке!

Читатель. Да нет у меня особых вопросов. Вроде все понятно...

Теоретик. Разве? Вспомните последовательность работ Пфеффера – статья про власть (1977), книга про ресурсную зависимость (1978), книга про власть (1992), еще одна книга про власть (2010). Какая из них самая цитируемая?

Читатель. Та, которая не про власть. Действительно, странно. А почему так?

Теоретик. Вот именно, почему? Как так получилось, что теории Миллса и Квигли оказались забыты, а теория ресурсной зависимости Пфеффера – ведущего теоретика Власти, причем пишущего про нее чистую правду^[802], – до сих пор остается одной из самых популярных в социологии организаций?! Как Пфеффер сумел обойти негласный запрет на использование слова «власть» в официальной науке?

Читатель. Давайте попробую угадать. Просто его не использовал?

Теоретик. Совершенно верно! Уже к концу семидесятых Пфеффер разобрался, как устроена Власть (именно так, с большой буквы) и что можно про нее писать, а чего нельзя. Можно предположить, что он встал перед выбором: либо написать всю правду, и повторить научную судьбу Миллса, либо переформулировать свои идеи таким образом, чтобы они звучали безобидно для властей предрежащих^[803]. Для этого требовалась самая малость – сместить фокус с одной из составляющих модели организации («власти») на какую-нибудь другую. И такая составляющая нашлась! Что служит источником власти для конкретного подразделения или человека? **Ресурсы**, которые он контролирует и благодаря которым может решать критические проблемы организации. Что изменится в модели, если переписать ее таким образом, что все зависит от ресурсов? Да ровным счетом ничего: ведь, по большому счету,

человек (или подразделение) политически и есть лишь совокупность доступных ему ресурсов^[804].

Ресурсы – это звучит безобидно и наукообразно; более того, это термин, одинаково пригодный для описания и Организаций, и Власти (вы знакомы с ним с первых страниц нашей книги). Значит, можно смело переименовывать «теорию зависимости поведения организаций от властных группировок» в «теорию ресурсной зависимости»; смысл и содержание теории от этого не изменится. Вот теперь мы можем знакомиться с содержанием классической книги Пфеффера и Саланчика, не пугаясь заумных слов. Теория ресурсной зависимости – это и есть теория власти в организациях!

Как можно понять уже из нашего краткого пересказа, теория Пфеффера и Саланчика сводилась к двум относительно независимым пунктам: 1) поведение организации зависит от ее **окружения** (определяющего, какие ресурсы нужны именно здесь и сейчас), и 2) оно также зависит от сложившейся в ней структуры власти, которая в свою очередь зависит от того, какие ресурсы были востребованы окружением **в прошлом**. В конечном счете все решает внешняя среда (хотя разные организации и реагируют на нее по-разному). Но в организационной теории 70-х годов прошлого века преобладал противоположный подход: такие внутренние характеристики компаний, как мотивация, лидерство, организационная структура, внутрикорпоративные коммуникации, считались основными факторами успеха, а то «серебряной пулей», определяющей успешность бизнеса в целом. В этих условиях идея о внешней зависимости организаций сама куда более революционная, чем очередное исследование «власти». Вот почему свою книгу Пфеффер и Саланчик называли «Внешним контролем» и посвятили ее большую часть обоснованию своего

главного тезиса: чтобы понять поведение организации, нужно прежде всего понять окружение, в котором это поведение позволяет ей выжить. Именно эта хитрость (вместо привычной «власти» вести речь о «среде», «выживании», входящей в 70-е в моду «экологии») и сделала книгу Пфеффера и Саланчика такой знаменитой.

От чего зависит, выживет ли компания в следующем году, или пойдет ко дну? От качества управления компании, отвечали предшествующие теории, от лидерских навыков ее руководителя. Популярная точка зрения, соглашались с ними Пфеффер и Саланчик; но основана ли она на достоверных фактах? В 1975 году психолог Стоу (Staw) провел любопытное исследование: давал разным группам сложное задание, и случайным (!) образом выбирал из них те, которые с заданием «справились». Последующий опрос участников – благодаря чему вам удалось добиться успеха? – дал вполне предсказуемый результат. Конечно же, благодаря лидерским качествам руководителя! [Pfeifer, 2003, р. 7]. Исследование 167 предприятий, проведенное в 1972 году Либерсоном и О'Коннором, показало, что их экономические показатели (продажи и прибыль) в среднем намного сильнее зависели от отраслевой принадлежности и фазы экономического цикла (бум или кризис), чем от управленческих талантов руководства [Pfeffer, 2003, р. 10]. Люди **привыкли** связывать успех с личностью руководителя^[805], но это всего лишь привычка; фактические данные говорят скорее о противоположном. Выживет организация или нет, определяет внешняя среда (где в любой момент может возникнуть непредвиденный кризис) и наличие в распоряжении организации ресурсов (например,

возможности взять кредит, чтобы пережить тяжелые времена), которые она может ей противопоставить.

Читатель. Это все, конечно, интересно, но при чем здесь Власть?

Теоретик. То есть как при чем? Мы ведь просто пересказали предыдущую страницу на другом языке – внешней среды и ресурсов. Власть осталась там же, где и была: кто контролирует ключевые для организации ресурсы, тот и обладает в ней *реальной* властью! Выживет организация или нет, зависит не от того, как она управляется в *обычном* режиме, а от того, к какой властной группировке она принадлежит, и готова ли эта властная группировка в *кризисной ситуации* поделиться с организацией своими ресурсами. Единственное, чем два описания отличаются друг от друга – *названием* внешнего фактора, определяющего судьбу организаций; «окружающая среда» звучит куда научнее (экология!) и нейтральнее, чем «вышестоящая властная группировка».

Заявив в самом начале книги свой главный тезис, Пфеффер с Саланчиком развили его на протяжении нескольких глав. Внешняя среда организации, в отличие от ее внутреннего устройства, чрезвычайно разнообразна: к ней относятся и владельцы компании, и ее клиенты-покупатели, и партнеры-поставщики, и банки-кредиторы, и местные власти, и налоговые органы, и так далее, практически до бесконечности. Выживание организации зависит от того, насколько ей удастся совместить противоречивые требования всех этих групп влияния (например, требование владельцев минимизировать налоги и требование местных властей быть «социально ответственным»). Делать это можно совершенно разными способами^[806], и как раз в этом, а вовсе не в наведении дисциплины среди сотрудников компании, Пфеффер и Саланчик видят основную роль

менеджмента компании. В результате таких усилий каждая организация формирует свое достаточно уникальное *окружение* (партнеры, заказчики, аффилированные лица...), подстраивается под него и тем самым обеспечивает свое существование^[807].

Насколько глубоко это *окружение* влияет на организационное поведение, можно понять из исследования оборонных предприятий США (Саланчик, 1976). Исследователи направили в адрес 78 компаний письмо с просьбой о трудоустройстве и сравнили полученные ответы (или отсутствие ответов) с тем, насколько велика была доля госзаказа в продажах этих предприятий (то есть насколько они зависели от государства как от главного заказчика). Выяснилось, что сильная зависимость от государства практически гарантировала получение вежливого и подробного ответа на письмо о трудоустройстве, в то время как относительно независимые предприятия ограничивались кратким сообщением «работники не требуются». Стандарты, принятые в делопроизводстве основного заказчика, стали стандартами предприятия (а ведь традиционное исследование «корпоративной культуры» наверняка приписало бы их личным качествам руководства).

Итак, поведение организаций практически полностью определяется их окружением. Но *как именно* определяется? Каким образом «требования» внешних партнеров становятся частью поведения компаний? На первый взгляд (который и господствовал в теории организаций до Пфеффера и Саланчика), руководство компании *сознательно* меняет ее структуру и действия в зависимости от меняющихся условий:

Рисунок 7. Организационное поведение в традиционной теории. События в окружающей среде непосредственно влияют на структуру и действия организации

Однако вспомним последний пример с ответами на просьбу о трудоустройстве. Очевидно, что требование вежливо и подробно отвечать всем претендентам не было прописано в госконтрактах (будь это так, его соблюдали бы все компании, контрактная дисциплина это святое). Вряд ли оно звучало и в устных переговорах («мы дадим вам заказ на новый самолет, но взамен вы будете подробно отвечать на письма граждан»). Но тем не менее ответы на письма действительно были вежливыми и подробными! Как же такое могло произойти?

Вот теперь самое время перейти ко второй составляющей теории «ресурсной зависимости»: к

структуре власти в компании. Зададимся простым вопросом: а кто будет самым главным в компании, живущей за счет госзаказов? Конечно же тот отдел или даже отдельный человек, который контролирует *ключевой ресурс* – хорошие отношения с государством. Кто бы это мог быть? Быть может, бывший высокопоставленный госслужащий? Который привык к определенному стилю ведения дел и требует точно такого же в собственной компании? Тогда получится, что подробные ответы на письма даются вовсе *не с целью* получения госзаказов, а являются логичным *следствием* хорошего положения компании на этом рынке!

Мы видим, что реальное поведение организаций зависит от окружения не напрямую (как можно было ожидать из классических представлений об управлении), а опосредованно: от окружения зависит, кто получит в организации власть, а уже от него – все остальное. Пфеффер и Саланчик доводят эту идею до логического завершения: поведение организаций зависит от внешней среды не напрямую, а опосредованно:

«В этой главе мы предлагаем модель влияния окружения на организационные изменения, заключающуюся в смене руководства. Мы приведем данные, демонстрирующие, как внезапные изменения внешней среды влияют на назначение и увольнение топ-менеджеров организаций с целью сделать организацию более соответствующей новому окружению» [Pfeffer, 2003, p. 225].

Мы помним, что существующее распределение власти в любой организации является результатом успешного выстраивания ее окружения за счет ресурсов какого-либо подразделения (или топ-менеджера). Что происходит, когда это окружение неожиданно

меняется?^[808] Ресурсы, на которых держалась «власть» существующего руководства, оказываются в новых условиях бесполезными; чтобы выжить, компании приходится меняться.

Рисунок 8. Организационное поведение по Пфефферу и Саланчику [Pfeffer, 2003, р. 229]. Среда определяет поведение организации только через изменения в распределении «власти». Если таких изменений не возникает, воздействие внешней среды игнорируется

Внимательнее рассмотрим предложенную модель. Мы знаем сколько угодно примеров, когда организации гибли из-за упрямого нежелания^[809] руководства менять привычную политику. Схема Пфеффера и Саланчика говорит именно об этом: организации вовсе

не приспособливаются к внешней среде, их поведение меняется лишь тогда, когда изменения во внешней среде приводят к изменениям в руководстве. Структура власти организации оказывается едва ли не главной характеристикой организации, без которой невозможно понять ее поведение в критических ситуациях. Причем речь идет именно о той власти, которую мы изучаем – власти, не совпадающей с должностными обязанностями сотрудников фирмы, невидимой, но реальной власти, определяющей назначения на должности и принятие ключевых решений.

В подтверждение своей концепции авторы приводят результаты нескольких эмпирических исследований. Изучение американских больниц показало, что продолжительность пребывания в должности их руководителей положительно коррелирует с количеством спонсоров, и в конечном счете – с профицитом бюджета. Выстраивание отношений с «внешней средой» (общественными и коммерческими организациями) оказалось важнее, нежели фактор «новой метлы» внутри больниц. Схожими оказались и результаты исследования топ-менеджмента среди предприятий 20 производственных отраслей (Пфеффер и Леблебичи, 1973). В нем выявлялись связи особенностей карьеры руководителей с результатами деятельности компаний (ростом продаж). Вот что получилось:

Показатель	Значимо его улучшает:	Значимо его ухудшает:
Рост продаж	Предыдущее место работы – правительственные учреждения, армия или <i>другое</i> предприятие той же отрасли	Предыдущее место работы – то <i>же</i> самое предприятие
	Большое число предыдущих мест работы (на <i>других</i> предприятиях)	Большая продолжительность работы на том <i>же</i> самом предприятии

Успешнее других наращивали продажи те предприятия, руководители которых обладали доступом к *внешним ресурсам* (полученным в ходе частой смены места работы или работы на правительство). Опыт работы руководителя внутри своей же компании, не позволявший завести столь же обширные связи, *отрицательно* коррелировал с результатами деятельности такого «опытного» менеджера. В который раз доступ к внешним ресурсам оказался важнее умения ими распорядиться *внутри* компании!

Обратите внимание, что во главе значительного числа компаний все-таки оказались «неудачники», руководители, не сумевшие наращивать сбыт на уровне отрасли в целом. Казалось бы, их «послужной список» (и его следствие – отсутствие необходимых ресурсов) должен был подсказать владельцам, что подобных людей не следует назначать топ-менеджерами; однако они были назначены и достаточно долго руководили предприятиями. Нетрудно сообразить, что причиной подобных назначений могла стать «политика», контроль кандидатов над *другими* ресурсами, непосредственно не связанными с продажами. Да-да, как сами организации, так и их владельцы далеко не всегда стремятся к росту продаж; иногда им требуется *просто выжить*.

Вот так в 1978 году Пфеффер и Саланчик сформулировали круг идей, которые и сегодня звучат достаточно революционно для привыкшего к традиционному менеджменту читателя. Успешность организации определяет ее окружение, задача менеджмента – правильно его выстроить, наладив отношения с другими организациями. Влияние в организациях получают те, кто контролирует жизненно важные ресурсы, а какие ресурсы окажутся важными, опять-таки определяет внешнее окружение. Казалось бы, очевидные вещи – теперь, когда мы на нескольких страницах подробно о них рассказали; но до Пфеффера и Саланчика в научной теории организаций о них никто не говорил всерьез, да и сейчас 99% менеджеров будут говорить о «лидерстве» и «корпоративной культуре», а не об окружении, ресурсах и структуре власти в организации.

Вот почему цитирование книги из далекого 1978 года до сих пор является обязательным в любых работах по теории организаций, и вот почему мы включили эту фундаментальную работу в наш краткий обзор. Пфеффер и Саланчик открыли и разложили по полочкам весь механизм власти в организациях, начиная с роли внешней среды (сюзерена) как источника жизненно важных ресурсов и заканчивая *параллельной* официальному штатному расписанию структурой власти. До открытия настоящей Власти им оставался всего один шаг (обнаружить властные группировки, построенные на отношения личной преданности), но сделать его они просто не желали. Зачем повторять судьбу неудачников, если сделанные открытия и так гарантируют место в топ-50 мировых бизнес-интеллектуалов?

А теперь переместимся из Стэнфорда в Мичиган. В то время как Пфеффер и Саланчик открывали (но не так, чтобы до конца) Власть в организациях,

выдающийся историк Чарльз Тилли^[810] бился над куда более масштабной задачей. Его интересовал едва ли не самый интригующий вопрос во всей исторической науке: каковы самые общие законы общественного развития? Как получилось, что на смену традиционному обществу (сотням мелких догосударственных образований вроде вольных городов или частных владений отдельных феодалов) пришли современные государства (с их громадными бюджетами, миллионными армиями и сложной системой управления)? Была ли эта эволюция **неизбежна**, то есть predetermined некими общими для всех времен и народов законами?

Может показаться, что, отвечая на подобные вопросы (а значит, и изучая достаточно подробно десятки, если не сотни различных обществ), невозможно пройти мимо различных форм Власти. Однако у всех у нас перед глазами пример классиков марксизма, разработавших «исторический материализм» на основе полностью **безличной** концепции способов производства и борьбы классов. В прошлой главе мы рассмотрели замечательную теорию цивилизаций Квигли – в ней тоже не нашлось место Власти (а только экспансии, инструментам и институтам). Так что далеко не всякий историк, даже под микроскопом рассматривая пронизанное Властью общество, способен разглядеть эту Власть у себя под носом. Для этого требуется широкий кругозор и некоторая субъективная заинтересованность в вопросах «дележа власти». Как вы можете догадаться, и того и другого у Тилли хватило; в результате на свет появилась историческая теория, как нельзя лучше ответившая на еще один популярный в теории Власти вопрос.

4. Сила денег

Чарльз Тилли, «Принуждение, капитал и европейские государства» (1992)

Теоретик. Три персонажа рассказа О'Генри «Кто выше» – вор-медвежатник, карточный шулер и биржевой аферист – служат прекрасной иллюстрацией эволюции человеческого общества. Первому удастся разбогатеть вору – он успешно взламывает банковский сейф. Следом приходит очередь шулера – предложив сыграть «на интерес», он легко обчищает вора. Но выше всех оказывается аферист – открыв подставную брокерскую фирму, он обменивает наличные шулера на ничего не стоящие «акции». Более сложные формы отъема денег победили менее сложные. Так и в человеческой истории – прямой грабеж постепенно сменился сложной системой налогов, а затем и относительно честным обменом наличных на кредитные карточки и брокерские счета. Все мы привыкли к такому положению дел, но когда в случайном разговоре заходит речь об источнике Власти, им как правило оказывается **сила** – «кто сильнее, тот и прав».

Но почему тогда в современных развитых странах власть принадлежит гражданским, а не военным правительствам? Ведь **сила** – в виде больших отрядов вооруженных людей, современного вооружения, наконец, ядерного оружия – находится в руках военных? Почему же они подчиняются гражданским, каким-то чиновникам, умеющим только писать бумажки? Почему в давнем споре «золота» и «булата» победителем оказалось золото?

Как видите, разгадать загадку происхождения современных государств значит одновременно и ответить на ключевой вопрос Власти: **что сильнее насилия**, на что опираться, когда из дула винтовки

может вылезти разве что уголовная статья? Вот почему мы считаем книгу Тилли «Принуждение, капитал и европейские государства», посвященную на первый взгляд совсем другому вопросу, важным этапом в развитии теории Власти. Именно в ней раскрывается тайна превосходства денег над пистолетом.

Но обо всем по порядку. Сам Тилли, как мы уже писали, начинает книгу с совсем другого вопроса. Почему, собственно, вообще появились на свет современные европейские государства? До 990 года не существовало ни Франции, ни Англии, ни Испании – а уже с середины следующего тысячелетия эти невесты откуда взявшиеся государства колонизируют весь земной шар. Как получается, что Власть, существовавшая в истории в самых разных формах – кочевых империй, городов-государств, религиозных общин, – превращается в конечном счете в одни и те же национальные государства? И почему это превращение происходит столь разными путями, что многочисленные попытки построить «общую теорию развития государств» так до сих пор и не увенчались успехом?

Тилли развивает последний тезис, перечисляя и критикуя предшествующие теории формирования государств. *Этатистские*^[811] концепции предполагают существование в каждом обществе правящих элит, имеющих общие цели и сознательно действующих (государственное строительство, войны, реформы) для их достижения. В качестве критики Тилли замечает, что, хотя цели у всех элит одинаковы – захватить побольше территорий и накопить с них побольше богатств, – действуют они порой совершенно противоположными способами (абсолютизм во Франции и парламентаризм в Англии). Никакой «базовой последовательности» государственного строительства в истории обнаружить не удастся, а следовательно,

формирование государств нельзя рассматривать как «сборку государственной машины» по каким-то общеизвестным чертежам.

Геополитический подход предлагает учитывать тот факт, что разные страны находятся в разном географическом и политическом (соседние страны) окружении, что не может не влиять на их внутреннее устройство^[812]. Тилли критикует этот подход за неверный подбор факторов внешнего влияния (экономические связи, или «международное сообщество» в целом) – поскольку, с его собственной точки зрения, такой фактор, как прямое военное вторжение, перевешивает все остальные^[813]. Теории *способа производства*, ведущие свое происхождение еще от классического марксизма, выводят особенности государственного устройства из господствующей на территории страны экономической формации. Подобно этатистским концепциям, за формирование определенного типа государства здесь отвечают правящие элиты и их интересы, с той лишь разницей, что под элитами теперь понимаются «эксплуататорские» классы, а под их интересами – банальное увеличение прибавочной стоимости. Тилли справедливо отмечает, что, как только речь заходит о конкретных государствах, на поддержку общим принципам в подобных теориях сразу же приходится бросать многочисленные частные допущения, в результате чего они могут все объяснить, но не могут ничего предсказать.

Наконец, **мир-системный** подход обращает внимание на международное разделение труда и фундаментальные различия между странами-колониями и странами-метрополиями. Тип государственного устройства, формирующийся в конкретной стране, определяется ее местом в общемировом хозяйстве:

центральному (у великих держав), периферийному (у колоний) или полупериферийному (у всех остальных). Однако при всей оригинальности данного подхода его продуктивность невелика: Тилли указывает, что мир-системным теоретикам так и не удалось описать, как именно положение страны в мировой торговле влияет на ее государственное устройство. Даже рассматривая самую богатую страну XVII века (Голландию), виднейший представитель мир-системного анализа Валлерстайн не в состоянии объяснить, почему ее государственное устройство оказалось столь «легким» (союз городов) на фоне абсолютистских Испании и Франции.

Таким образом, заключает Тилли, на конец XX века в исторической науке так и не появилось хорошей теории государственного развития. Историки^[814] вынуждены прибегать к явно устаревшему представлению о «магистральном пути» развития всех государств, трактуя все не укладывающиеся в нее случаи как «задержки в развитии». Чтобы преодолеть тупик, требуются новые идеи; и в 1992 году Тилли наконец-то смог их предложить.

К этому моменту Чарльз Тилли был уже маститым историком, автором нескольких значимых монографий. Первую известность он получил еще в 1964 году, с выходом книги «Вандея, Социологический анализ контрреволюции 1793 года», а в 1977 году вышла его самая цитируемая (на сегодня) книга «От мобилизации к революции». Еще в «Вандее» Тилли поставил задачу создать «многопараметрическую» модель общественного устройства, способную объяснить, почему в одной и той же Франции в Париже победила революция, а в Вандее разгорелся контрреволюционный мятеж. Хорошо было бы найти «параметры» социального устройства и заранее различить

«революционные» и «контрреволюционные» провинции Франции, а затем и вовсе объяснить, почему в одних странах происходят революции, а в других десятилетиями сохраняются самые одиозные режимы.

В «Вандее» эти планы так и остались нереализованными; первым серьезным успехом Тилли в построении его теории стала статья 1973 года «Действительно ли модернизация ведет к революциям?» [Tilly, 1973]. Она появилась в ответ на популярную в 60-е годы теорию «модернизации», наиболее ярко выраженную Хантингтоном (позднее прославившимся своим «Столкновением цивилизаций») в книге «Политические порядки в меняющихся обществах» [Huntington, 1968]. Хантингтон выдвинул предположение, что рост насилия и нестабильности в третьем мире в 1950-1960 годы связан с модернизацией (под влиянием западных стран), приведшей к *«мобилизации новых групп в политическую деятельность»*, и этот рост насилия неизбежен из-за *«лага между институтами и социальными изменениями»*. Такое предположение было вполне в русле основной идеи «модернизации»: все страны проходят в своем развитии одни и те же стадии, по образцу передовых стран Запада, и для формирования «современного» общества должны пройти через период революций^[815].

Тилли обстоятельно раскритиковал гипотезу Хантингтона как противоречащую фактам и теоретически слабую. Прежде всего, эмпирические исследования^[816] революций и восстаний 1960-х годов выявили, что возникают они по самым разными причинам, причем большей частью вследствие религиозных конфликтов и вмешательств сторонних государств. Кроме того, предположение Хантингтона, что *«революции происходят в результате*

противодействия правительства стремлениям новых групп принять участие в политической деятельности», входит в противоречие с многочисленными примерами того, как правительства **успешно** противодействуют «новым группам» (вплоть до полного их уничтожения), и никаких революций не происходит. Наконец, выдвижение в качестве причины революций единственного фактора (модернизации) выглядит чрезмерным упрощением в анализе социальных процессов.

Взамен неудачной гипотезы Хантингтона Тилли предложил собственную модель революции, основанную на анализе **центров власти**. Готово общество к революции или нет, зависит от того, сколько таких центров (polity) в нем сформировалось. Как только в добавление к одному центру появляется второй – будь то вторжение колонизаторов или раскол существующей власти на фракции, – революция может начаться в любую минуту. Все, что для этого требуется, – достаточная сила альтернативного центра власти, возникающая в результате **неспособности** центрального правительства подавить его на ранних стадиях формирования. Одним из факторов, способствующих усилению второго центра власти, Тилли считал потребность в ведении войн: войны требуют денег, для их получения требуется увеличение налогов, вызывающее недовольство налогоплательщиков и желание «переприсягнуть» кому-то еще. Таким образом, не модернизация, а дисбалансы в структуре власти и необходимость вести войны приводят к революциям.

Так еще в самом начале своего творческого пути Тилли нащупал идею, превратившуюся к 1992 году в главный фактор, объясняющий эволюцию государств. **Война** – вот что приводит к революциям, сносит одни правящие элиты и выдвигает им на смену другие,

умеющие лучше собирать деньги с подвластного населения^[817].

«Все великие европейские революции и некоторые меньшие начались с трудностей, вызванных войной. Английскую революцию вызвали попытки Карла I в обход парламента получить средства для ведения войны на континенте и в Шотландии и Ирландии. Французскую революцию приблизил долг французской монархии, появившийся во время Семилетней войны и Войны за независимость в Северной Америке. Потери России в Первой мировой войне дискредитировали самодержавие, способствовали военным поражениям, ослабили государство, обнажили его слабые стороны, и последовала революция 1917 г.» [Тилли, 2009, с. 268].

Способность к ведению войн является необходимым условием существования государства, без которой оно погибает в первом же внешнем конфликте. Следовательно, заключает Тилли, *«государственная структура – побочный продукт деятельности правителя по приобретению средств ведения войн»* [Тилли, 2009, с. 39]. Как и в теории ПфEFFера – Саланчика, в качестве таких средств могут использоваться разные ресурсы: *«перед слабыми правителями открываются две возможности: или приспособливаться к требованиям могущественных соседей, или прилагать невероятные усилия, готовясь к войне»* [Тилли, 2009, с. 40]. Вариант *«приспособиться к могущественным соседям»*, являющийся практически единственным в мире организаций, часто встречается и в мире государств^[818]; образцовым примером тут служит история возникновения Бельгии. Часть Нидерландов, завоеванная Францией в 1795 году, за 20 лет жизни по французским законам сделалась одним из индустриальных центров Европы. После победы над Наполеоном в 1815 году эта территория вернулась

обратно в Нидерланды, но тамошние законы пришлось не по вкусу разбогатевшим промышленникам. В 1830 году, вдохновленные очередной революцией во Франции, они создали собственное революционное правительство и обратились за помощью к могущественным покровителям – Франции и Англии. После длительных переговоров и небольшой войны, в которой французы и англичане разбили голландцев, в 1839 году Бельгия была признана независимым государством^[819]. Все это время бельгийское правительство успешно экономило на военных расходах, предоставив сражаться более приспособленным к этому партнерам [Тилли, 2009, с. 261-262].

Однако если для слабых государств все просто – выбирай, кому подчиняться, и дело с концом, – то сильным государствам приходится самим заботиться о своей безопасности. Какие же именно «невероятные усилия» могут ее обеспечить? И вот тут мы обнаруживаем кое-что интересное. Все государства (а особенно^[820] – европейские государства) постоянно воюют друг с другом. Но в 990 году, 1490-м и 1990-м сами войны ведутся совершенно по-разному. *«В XIII в. каждое знатное домохозяйство имело шпаги (мечи), но ни одно домохозяйство XX в. не имеет авианосцев»* [там же, с. 132], замечает Тилли и знакомит своих читателей с упрощенной периодизацией развития военного дела:

«В первом приближении разделим эпоху после 990 г. н.э. на четыре временных отрезка, причем продолжительность их различна в разных частях Европы:

1) патримониализм – время (вплоть до XV в. на большей территории Европы), когда главную роль в ведении войны играли такие основанные на обычае силы, как племена, феодальные сборы, городские

ополчения и подобные. Когда монархи добывали необходимый капитал как дань или ренту с тех земель и населения, которые находились под их непосредственным контролем;

2) *брокераж* – эпоха (приблизительно 1400-1700 гг. в основных районах Европы), когда военной деятельностью занимались главным образом **наемники**, набранные котракторами, а правители сильно зависели от формально независимых капиталистов, у которых они брали в долг, которые управляли приносящими доходы предприятиями, а также устанавливали и собирали налоги;

3) *формирование современных армий национальных государств* в период (на большей части Европы особенно в 1700-1850 гг. или около того), когда государства создают массовые армии и флоты, набирая главным образом собственное национальное население, а суверенные правители включают вооруженные силы непосредственно в государственные административные структуры и переходят к прямому управлению фискальным аппаратом, решительно ограничивая деятельность независимых котракторов;

4) **специализация** – эпоха (примерно с середины XIX в. до настоящего времени), когда военные силы становятся мощной специализированной властью, фискальная деятельность организационно все больше отделяется от военной, усиливается "разделение труда" между армией и полицией, представительные институты все больше влияют на определение расходов на военные цели, а государства все больше занимаются распределительной, регулирующей, определяющей компенсацией и судебной деятельностью» [3, с. 59-60].

Так вот, оказывается, что на каком-то этапе (1400-1700 гг. в Европе^[821]) преимущество в войнах получают государства, использующие **наемную** армию.

Вдумайтесь в этот факт: принято считать^[822], что наемники воюют плохо, предают при первой возможности и обходятся слишком дорого. Однако государства с наемными армиями (Венеция, Испания, позднее Голландия) образуют мировые империи и чувствуют себя превосходно, а их воюющие по старинке соседи терпят одно поражение за другим.

Когда войны между государствами ведутся постоянно, в течение сотен лет, способы войны, используемые в государствах-победителях, нельзя не признать самыми эффективными. Но как же наемники могут воевать **лучше**, чем феодалские дружины и городские ополчения?! Можно предположить, что в «патримониальную» армию монарх способен собрать лишь ограниченное количество воинов, а вот численность армии наемников ограничена только размерами его кошелька. В результате «Господь на стороне больших батальонов», и богатые государства побеждают бедные. Тилли формулирует тот же тезис более детально:

«Ведение войны и подготовка к ней вынуждают правителей заняться изъятием средств для войны у тех, кто владел основными ресурсами – людьми, оружием, продовольствием, или деньгами, – чтобы купить на них все это у тех, кто вовсе не склонен был отдавать эти средства без сильного на них давления или компенсации» [Тилли, 2009, с. 40].

Ресурсы на создание армий можно получать двумя разными способами – 1) в натуральном виде, путем прямого изъятия или повинностей, либо 2) в денежном виде, собирая налоги или привлекая займы. Какой из двух способов пойдет в дело, зависит не от прихоти правителя, а от особенностей занимаемой им территории:

«Варианты располагаются в спектре от регионов с интенсивным принуждением (ареалы с небольшим количеством городов и преобладанием сельского хозяйства, где значительную роль в производстве играло прямое принуждение) до регионов с интенсивным капиталом (ареалы со множеством городов и ведущей ролью коммерции, где основную роль играли рынки, обмен и ориентированное на рынок производство)» [Тилли, 2009, с. 40].

Исходя из уже изложенных соображений, книга Тилли должна была называться «Войны и европейские государства». Однако сейчас мы подошли к следующей идее ученого, которая собственно и привела его к открытию важнейшего ресурса Власти. Дело в том, что помимо принуждения (угрозы насилия, «винтовки, рождающей власть») Тилли рассматривает и второй способ создания сильной армии – ее покупку. Оказывается, на *некоторых* территориях (с развитым разделением труда, коммерцией, рынками и денежным обращением) правитель может не только собирать налоги, но даже брать в долг (!) у независимых горожан, вести на эти деньги войны, облагать налогами новые захваченные территории и из этих средств возвращать долги. При этом «технологии» принуждения (сословное общество, иерархия, военное дело) могут развиваться совершенно *независимо* от технологий капитала (торговля, банковское дело, транспорт, промышленность) и одновременно с ними (в разных пропорциях).

В результате развитие вооруженных сил в каждой отдельной стране сильнейшим образом зависит от ее индивидуальных особенностей^[823]. Пытаться собирать денежные налоги с малонаселенной сельскохозяйственной территории – столь же тупиковый путь, как и требовать рекрутов и

продовольствия с богатого города, способного дать деньги и предоставить возможность купить на них все необходимое для войны (включая наемников). Тилли особо замечает, что, хотя возникновение торговых (а позднее и промышленных) городов происходит по всей территории земного шара, существование регионов с **интенсивным капиталом** характерно только для Европы^[824]. Это автоматически делает «капитал» отдельной теоретической проблемой^[825]. Во всех частях света, кроме Европы, развитие государств шло по пути «концентрации принуждения»^[826]; это естественный процесс, не требующий специального объяснения. А вот как же в условиях всеобъемлющего «принуждения» мог возникнуть *самостоятельный*, не зависящий от государства «капитал», к помощи которого потом (только потом!) можно обращаться для развития военного дела? И почему государства не просто отбирают у этого капитала деньги, а прибегают к *договорным* отношениям – купле-продаже, налогам и займам?

Хотя Тилли не рассматривает специально этот вопрос, в его книге содержится достаточно соображений и примеров, полностью его закрывающих. Во-первых, капитал, как и принуждение, обладает свойством **накапливаться**:

«...города – это не только место обитания капиталистов, они сами по себе являются организационной силой. Поскольку выживание домохозяйств зависит от присутствия капитала (в виде трудовой занятости, инвестиций и перераспределения, а также других крепких связей), то и распределение населения следует за капиталом. (Капитал, впрочем, иногда следует за дешевой рабочей силой, так что здесь наблюдается взаимозависимость.) Торговля, складирование, банковское дело и производство, тесно

связанное с одним из этих видов деятельности, – все они получают прибыль от соседства друг с другом» [Тилли, 2009, с. 43-44].

Возникнув однажды, центр концентрации капитала – город – становится лучшим местом для торговли и наемного труда, чем соседние деревни, туда начинают стекаться работники и товары, и город начинает расти. Однако такое накопление капитала в городах имеет свое ограничение:

«В городах, которые не соединялись с сельскохозяйственными районами посредством дешевого водного транспорта, устанавливались непомерно высокие цены на продовольствие» [Тилли, 2009, с. 44].

Только там, где такой водный транспорт имелся, обычные торговые города смогли развиваться до уровня **городов-государств**, таких как Венеция или ганзейские города Балтики; в остальных же местах рост городов прекращался. Таким образом, далеко не везде в распоряжении будущих государств могли оказаться достаточно богатые «центры капитала»^[827]. В Европе 1300 года только на трех территориях^[828] – в Северной Италии, Испании и Фландрии – городское население составляло более 10% [Malanima, 2007, p. 6]. На протяжении следующих веков именно на этих территориях и возникли первые европейские сверхдержавы – Венеция, Генуя, Испания и Голландия.

Следующим отличием города (в книге Тилли «город» фактически синоним для «капитала») является тот факт, что он представляет собой намного более **сложную систему**, нежели живущая натуральным хозяйством деревня. Для получения доходов с деревни достаточно регулярно изымать какую-то часть урожая в пригодном для хранения виде (зерно, рис); а вот что брать с городов?! То же самое зерно? Но город богат не

только и не столько зерном, сколько всем многообразием товаров. Брать с него дань каким-то списком товаров? Но для этого нужно заранее знать, сколько каких товаров понадобится в будущей войне, что никому не под силу. Единственным эффективным способом использования городов является обложение их **денежными налогами**, с последующей покупкой за собранные деньги именно того, что прямо сейчас потребуется на войне. Начальным этапом такого обложения были разовые откупы осажденных городов от разграбления (после этого завоеватель оплачивал услуги наемника и шел воевать в следующий город); на следующем этапе налоги становятся постоянными.

«...европейские государства обычно переходили к системе сбора налогов в денежном выражении, оплате средств принуждения собранными деньгами и использованию части этих (наличных) средств принуждения для дальнейшего сбора налогов. Для того чтобы такая система работала, необходимы были два непереносимых условия: относительно монетизированная экономика и доступность кредита. В экономике, где только небольшая часть товаров и услуг продается и покупается, имеются следующие неблагоприятные факторы: сборщики доходов (revenue) не могут сколько-нибудь точно определить и оценить ресурсы, многие претендуют на какой-нибудь отдельный ресурс и утрату этого ресурса утратившему лицу трудно восполнить. В результате всякое проводимое налогообложение неэффективно, по видимости несправедливо и, скорее всего, вызывает сопротивление. Когда кредит малодоступен, даже при монетизированной экономике, текущие расходы зависят от наличных денег, и большие траты возможны только после долгого накопления» [Тилли, 2009, с. 132].

Государства, опирающиеся на города как поставщики товаров и кредита, получали возможность

не только содержать большие армии, но и быстрее собирать их в случае войны. Однако такая возможность требовала от государств встречных уступок: развитые отношения между городами и государствами **не могут строиться только на принуждении**. Тилли цитирует Адама Смита: *«В стране, где множество купцов и промышленников... конечно, множество групп людей, которые могут во всякое время, если пожелают, направить очень большие суммы денег правительству»*, особо выделяя слова «если пожелают» [Тилли, 2009, с. 88]. Откуп от грабежа можно получить простой угрозой, но получить тем же способом **кредит** не получится: кредит придется возвращать, иначе это будет **последний** кредит.

Читатель. Последний у этого кредитора, но кто мешает занять у других?

Практик. На самом деле, все еще веселее. Представим себе двух феодалов, которые хотят друг друга завоевать. Но по силе они равны – и значит, воевать опасно, поскольку даже победитель ослабеет настолько, что его легко завоюют другие соседи. Но тут обнаруживается, что можно нанять наемников, которые позволяют легко победить противника. Следующий шаг – догадаться, что деньги на наемников можно взять в долг, а потом из завоеванной добычи долг вернуть. Но теперь представьте себе, что в долг взяли оба феодала... В этом случае вернуть его сможет только один. А что делать банкиру, который дал кредит проигравшему?

Теоретик. Так что банкирам нужно тщательно взвешивать, кого кредитовать, а кого нет. Если эти «другие» что-то понимают в бизнесе, они тоже не выстроятся в очередь кредитовать ненадежного заемщика!

Читатель. Ну тогда можно двинуть на них войска...

Теоретик. Погодите, какие еще войска? Мы с вами обсуждаем ситуацию, когда правителю срочно понадобились деньги на ведение войны. На него уже кто-то напал, денег нет, воевать не на что – и в этих условиях вы предлагаете напасть на богатый город? Какой армией, откуда ее взять?

Читатель. Хм, да это же кредитная удавка получается. Экономим на постоянном содержании армии, зато когда припрет, приходится идти к кредиторам с протянутой рукой?

Теоретик. Совершенно верно. Но другого выхода нет – постоянно кормить многотысячную армию не мог себе позволить ни один европейский правитель. Выбирать приходилось между двумя вариантами: либо вообще не вести масштабных войн (слабое государство), либо вести их на заемные деньги. Приведем наиболее показательный пример^[829] такого «частно-государственного» сотрудничества: финансирование генуэзскими банкирами Испанской империи во времена Филиппа II (1566-1598).

В знаменитой книге Фернана Броделя «Средиземноморье и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II» рассказывается в числе прочего о нескольких дефолтах короля Испании, разоривших огромное число кредитовавших его банкиров. В начале XXI века историки Дрелихман (профессор Ванкуверской школы экономики) и Вот (завкафедрой Цюрихского университета) заинтересовались вопросом: а чем думало следующее поколение банкиров, снова давая кредиты столь ненадежному заемщику? Неужели они были настолько наивны, что не понимали, чем дело кончится? Исследователи на пять лет погрузились в архивы, изучили более 5000 страниц кредитных договоров^[830], создали целую базу данных по всем финансовым операциям между банкирами и Филиппом II

и написали интереснейшую книгу «Кредитование заемщика из ада» [Drelichman, 2014], раскрывшую подлинную «кухню» имперских финансов.

Что же обнаружилось в ходе проверки бухгалтерских книг? Во-первых, и это, наверное, стало главным открытием, кредитовали короля одни и те же банкиры. Да-да, не было никаких массовых банкротств, и никаких «новых дурачков», польстившихся на королевские обещания. В период с 1566 по 1600 год круг кредиторов короны был ограничен 60 банковскими семьями, и 70% общего количества займов пришлось на 10 самых богатых. Несмотря на дефолты, только пять семей из 60 в конечном счете^[831] потеряли на этом часть^[832] своих денег, и только девять семей заработали меньше тогдашней «безрисковой» ставки процента (7,14% годовых). [Drelichman, 2014, p. 183]. Фактическая средняя доходность кредитования Филиппа II (с учетом дефолтов!) составила 15,5% [там же, p. 192], вдвое больше обычной процентной ставки. Так были ли банкиры наивными дурачками? Вовсе нет, они были профессионалами своего дела.

Почему же Филипп II после дефолтов шел на попятную, снова занимая у тех же самых банкиров и выплачивая им компенсации? Дело в том (и это стало вторым открытием исследователей), что основные кредиторы короля выступали **единым фронтом**. Они создали большую банковскую группу, где каждый участник нес свою часть риска, а также практиковали объединение нескольких семей в одном договоре. В результате Филипп II имел дело не с многими отдельными банками, а с организованным сообществом, способным в случае дефолта практически полностью отрезать короля от будущих кредитов. Большинство семей обнаруженной группировки относились к числу генуэзских банкиров (самые крупные – Спинола,

Гримальдо, Ломелин, Малуэнда, Центурион, Джентил, Марин), в нее же входило крупнейшее испанское семейство Торре. Если бы Филипп II решился окончательно разорвать отношения с этой группировкой, он больше нигде не смог бы найти нужный ему объем средств: в неудачные годы^[833] ему требовалось от трех до пяти миллионов дукатов, в то время как крупнейший из оставшихся банков Европы, Фуггеры, мог предоставить не более полутора. В 1575-1585 годах Филипп II предпринял попытку обойтись без услуг банкиров (кредитование в этот период практически прекратилось), но два «голодных» года подряд заставили его вновь обратиться к генуэзцам.

Как видите, у достаточно *интенсивного* капитала имеются способы защитить свои интересы, не прибегая к прямому принуждению (никто Филиппу II пистолет к голове не приставлял). Для этого самому капиталу потребовалось организовать в целую **властную группировку**, построенную по олигархическому принципу (и завести себе целое государство, Республику Генуя, но это уже другая история). Разные формы устройства Власти (монархическая и олигархическая) с точки зрения Организации могут описываться как разные формы государственного устройства (с преобладанием принуждения или с преобладанием капитала), и Тилли успешно реализует эту возможность. Государства с преобладанием капитала (города-государства) становятся у него естественной основой для проникновения *договорных* отношений в структуры государственной власти. Точно так же, как для получения следующего кредита, необходимо выполнить договор о возврате предыдущего, и для сбора налогов за очередной период правителю приходится выполнять свои предыдущие обязательства. Размер налогов нельзя устанавливать

произвольно^[834] – города умеют считать и не пойдут на налогообложение, превышающее убытки от военных действий^[835]. В результате на свет появились институты *представительского* правления:

«...в длительной исторической перспективе эти институты были платой или результатом переговоров с различными представителями подчиненного населения о необходимых средствах для деятельности государства, в особенности о средствах ведения войны. Короли Англии вовсе не желали, чтобы парламент получил и все дальше расширял свою власть – они просто уступали требованиям баронов, а затем духовенства, джентри и буржуазии по мере того, как убеждали их давать им денег на войну» [Тилли, 2009, с. 106].

Представительные институты (упоминающиеся в известном лозунге американских колоний «Нет налогам без представительства!») стали необходимым способом согласования размера налогов с подвластными территориями:

«Представительные институты, как правило, появлялись в Европе там, где местные, региональные или национальные правительства вели переговоры с группами подданных, имевшими достаточно власти, чтобы мешать действиям правительства, но недостаточно, чтобы взять управление в свои руки» [Тилли, 2009, с. 106].

К чему приводили попытки королей применить прямое насилие в вопросах налогообложения, хорошо известно по примерам английской и Французской революций. Разнообразные восстания, мятежи и революции Тилли трактует как своеобразную форму **переговоров** между принуждением и капиталом:

«Что делали правители, когда они сталкивались с сопротивлением, разрозненным или соединенным? Они

вступали в переговоры. Ну, вы можете возразить против употребления слова "переговоры", когда речь идет о посылке войск для подавления мятежа против налогов или захвата сопротивляющегося налогоплательщика. Тем не менее частое использование наказания для **устрашения** – повесить не всех повстанцев, а нескольких зачинщиков, заключить в тюрьму не всех должников по налогам, а самого богатого – указывает на то, что власти вели переговоры с основной массой населения. Согласование принимало также множество других форм: обращение к парламенту, подкуп городских чиновников освобождением от уплаты налогов, подтверждение преимуществ гильдии в обмен на заем или выплату, урегулирование суммы обложения и сбора налогов в обмен на гарантию, что их будут платить охотнее, и т.д. Это согласование производило или подтверждало индивидуальные и коллективные требования к государству, индивидуальные или коллективные права по отношению к государству и обязательства государства по отношению к своим гражданам. Оно также порождало права – признанные принудительные требования – государства по отношению к гражданам. Суть того, что мы теперь называем „гражданством“ состоит из множества переговоров, затеянных правителями и проведенных в ходе борьбы за средства деятельности государства, в особенности за средства ведения войны» [Тилли, 2009, с. 154-155].

Ну а теперь самая неприятная новость для сторонников переговоров и представительского правления. Все эти сложные отношения между принуждением и капиталом проявляются только тогда, когда **средства на войну действительно нужны**. Карл I не собирал парламент 11 лет, и не собирал бы вообще, не потребуйся ему средства на ведение войны в Шотландии; находишь Англия в менее воинственном

окружении, английский капитал постепенно оказался бы в полной зависимости у принуждения. Если бы географические условия Европы (будь там поменьше водных путей и побольше территории) затормозили рост городов и затруднили перемещения войск, представительское правление могло бы вообще не возникнуть:

«В Китае, как только формировался громадный аппарат империи, растущая империя немедленно приобретала множество врагов, но соперников ни внутри страны, ни за ее пределами не было. Монголы были постоянной угрозой северным границам Китая, они непрерывно совершали опустошительные набеги на империю, но захватили ее только однажды... Китай стал громадной территорией, где свирепствовали мятежи и гражданская война, а не война между множеством государств. Этим славилась Европа» [Тилли, 2009, с. 116].

Результат для Китая известен – два тысячелетия сменявших друг друга империй, и никаких крупных городов-государств. Вторая составляющая современных национальных государств – капитал и связанные с ним договорные отношения – не возникает автоматически в любой части планеты; для своего происхождения она требует практически уникальных условий: многочисленных городов с хорошей доступностью по воде и не менее многочисленных государств, постоянно воюющих между собой. Но уж зато когда такие **уникальные** условия возникают, остальным территориям приходится туго:

«...по мере того как военное дело претерпевало организационные и технологические изменения в XV и XVI вв., несомненные преимущества получали государства, имевшие в своем распоряжении большие массы людей и капитала. Такие государства или отбрасывали взимателей дани, или заставляли их

включаться в ту схему изъятия, которую выстраивали более долговременные государственные структуры» [Тилли, 2009, с. 107].

За мягкими словами «заставляли включаться» скрывается вполне банальный смысл: основанные только на одном принуждении государства попадали в полное подчинение к более развитым, сочетавшим принуждение и капитал, и становились если не прямыми колониями, то зависимыми сателлитами, чью политику и экономическое развитие определяли более могущественные партнеры:

«Национальные государства победили в мире в целом, потому что сначала они победили в Европе, и европейские государства затем стали воспроизводить себя. Они победили в Европе, потому что самые сильные государства – прежде всего Франция и Испания – восприняли такие формы ведения войны, которые позволили (временно) сокрушить их соседей, такие формы, которые развились как побочный продукт централизации, дифференциации и самостоятельности государственного аппарата... только те страны, где немалые источники капитала сочетались с громадным населением, обеспечивавшим значительные военные силы, преуспевали в ведении войны в европейском стиле» [Тилли, 2009, с. 263].

Как видите, добавление фактора *капитала* (городов-государств) к давно известному фактору принуждения (военно-бюрократических государств, «взимателей дани») позволило Тилли дать хороший ответ на вопрос «Почему Европа?». Европа колонизировала Азию, а не наоборот, не потому, что была богаче или умнее, а потому, что в ней принуждению удалось «договориться» с капиталом. Та же самая модель позволяет ответить и на другой вопрос: почему в современных западных государствах преобладают гражданские, а не военные правительства (и почему в

обществе предпочитают договариваться, а не подчинять друг друга). Коль скоро для ведения войны государству требуются регулярные *взаимовыгодные* отношения с капиталом, оно становится прямо заинтересовано^[836] в налаживании с ним *прямых* отношений:

«До XVII в. все европейские государства управляли своими подданными через имевших большую власть посредников, которые пользовались значительной самостоятельностью, препятствовали удовлетворению запросов государства, если таковые противоречили их интересам, и действовали к собственной выгоде, пользуясь властью, которую им делегировало государство» [Тилли, 2009, с. 158].

Понятно, что такой способ ограничивал размеры изъятий, и должен быть заменен на прямое правление с помощью госбюрократии; первым в Европе это сделала Франция после революции 1789 года. При старом режиме сбор средств был делегирован социальным группам, в массе своей не поддерживавших революцию, поэтому у Конвента, а позднее Наполеона просто не было другого выхода, кроме как создать свою собственную систему – многочисленные «комитеты граждан», состоявших из новых классов. Результат (после нескольких лет кровавых войн и мятежей) превзошел все ожидания: новая система прямого взаимодействия государства и капитала позволила Франции два десятилетия (!) на равных вести войны со всей остальной Европой.

Переход к прямому правлению, обеспечившему увеличение поступающих государству средств, внес изменения и во внутреннюю политику. Традиционно правители опирались на принцип «разделяй и властвуй» (что позволяло подавлять мятеж в одной провинции за счет средств, полученных из другой

провинции). Увеличение доступных средств позволило перейти к «гомогенизации» – благодаря новому, более мощному аппарату подавления стало возможно управлять большими массами однородного населения, не опасаясь даже повсеместного восстания. Отсюда Тилли выводит возникновение **национальных** государств, и подъем национализма как идеологии этой самой «гомогенизации» (мы – один народ). С появлением прямого государственного правления в европейских странах появляется и растет особый класс – государственная бюрократия, – имеющий собственные интересы, а его влияние распространяется на все сферы общества. В результате аппарат по сбору налогов, созданный первоначально для ведения войн, начинает все больше становиться **гражданским**:

«Рассмотренные нами процессы трансформации государства привели к удивительному результату: к огражданствлению правительства, то есть к переходу власти от военных к гражданским. Этот результат нельзя не считать удивительным, поскольку именно развитие вооруженных сил было двигателем процессов формирования государств» [Тилли, 2009, с. 182].

Так военные, породившие бюрократию для обеспечения себя все большими ресурсами, постепенно потеряли власть в государстве: как метко выразился Читатель, власть не у того, кто бросает камни, а у того, кто их подвозит. Современные государства возглавляются гражданскими правительствами потому, что именно они оказались способны обеспечить максимум поступлений в государственный бюджет. И хотя доля этого «пирога», достающаяся военным, в процентном отношении значительно сократилась, в абсолютных числах военные сегодня буквально купаются в роскоши, по сравнению с положением дел еще два века назад. Точно такая же эволюция произошла и в мировых властных группировках:

военную аристократию, добывавшую себе Власть силой оружия и олицетворявшую *принуждение*, сменила экономическая аристократия, умеющая договариваться (главным образом, как и генуэзские банкиры, между собой), и олицетворяющая *капитал*. Настоящая сила оказалась в руках тех, кто в любой момент может ее купить, причем за относительно, в сравнении с общим богатством, *небольшие* деньги.

Вот теперь мы вместе с Тилли можем ответить на его первоначальный вопрос. Почему разные государства так сильно отличаются друг от друга своей историей и почему большинство из них так до сих пор и не стали современными буржуазными демократиями? Дело в том, что каждое из них столкнулось с разными сочетаниями принуждения и капитала! Тилли рассматривает эволюцию европейских государств в координатах «капитал-принуждение» и получает разные траектории, ведущие (утех, кто дошел) к конечной точке – национальному государству. Через интенсификацию принуждения – на примере России (а также Сицилии). Через интенсификацию капитала – на примере севера Италии (Венеции). Через одновременное развитие того и другого – на примере Англии (которая до конца XVIII века не имела регулярной сухопутной армии).

Стартовать государство может с любого сочетания двух факторов, и двигаться дальше по любой траектории; но финишировать в этом забеге можно только одним способом: объединив принуждение и капитал в современном национальном государстве. Все остальные пути ведут в никуда: вы будете слишком слабыми, чтобы вести войны, и вынуждены будете подчиняться соседним, более могущественным государствам (как раз таким *подчинением*, главным образом, экономическим, и занимаются сегодня большинство стран третьего мира).

«Почему же Венеция или Россия не стали Англией? Это не нелепый вопрос; он проистекает из признания того факта, что в целом европейские государства двигались ко все большей концентрации капитала и принуждения, превращаясь в национальное государство. Отчасти следует ответить: **они стали**. Российское и итальянское государства, вступившие в Первую мировую войну, имели гораздо больше черт национальных государств, чем их предшественники за один-два века до того» [Тилли, 2009, с. 233].

В этом часто цитируемом отрывке Тилли сформулировал окончательный вывод своей теории: государство^[837] может развиваться любым путем, но в конечном счете должно стать либо современным национальным государством (страной первого мира), либо сделаться полуколонией более сильных соседей. Третий путь, возможный в условиях особо удачно захваченных ресурсов, недолговечен:

«Там, где правители получали доходы от экспорта товаров или от военной помощи великих держав, они смогли обойтись без переговоров с их населением, громадные здания государств возводились в отсутствие согласия или поддержки граждан. Без крепких связей между государственными институтами и основными общественными классами эти государства стали более уязвимыми перед лицом насильственного захвата власти и резкой смены правительств» [Тилли, 2009, с. 233].

Государства, основанные на одном только принуждении, не способны долго конкурировать с государствами, где принуждение союзничает с капиталом и тем самым дает ему развиваться. Однако «долго» означает здесь «на протяжении нескольких поколений», а вовсе не «на протяжении нескольких лет»; в краткосрочном плане принуждение позволяет

добиться быстрых и впечатляющих результатов. Теоретически объяснив формирование в странах первого мира гражданских (бюрократических) правительств, Тилли резонно замечает, что в менее развитых странах наблюдается совершенно противоположная картина. «Военный переворот» стал в конце XX века постоянным заголовком международных новостей, но почему?

Тилли объясняет «возвышение военных» следующим образом. Эволюция государственного устройства стран третьего мира серьезно отличалась от европейской. Во-первых, деколонизация середины XX века застала эти страны с сильными средствами принуждения (армии и оружие, оставшееся от двух мировых войн), но с очень слабым капиталом. Во-вторых (и это самое главное), «великие державы» перешли к **войне чужими руками**, вмешиваясь в конфликты по всему третьему миру с целью приведения к власти «своих» правительств. Вследствие этого армии стран третьего мира стали воевать не столько между собой (как некогда европейские державы), а с политическими противниками внутри своих собственных стран (и по большей части – за счет иностранной военной помощи). Военные стран третьего мира не нуждались в услугах гражданской бюрократии – им не требовалось (да особо и не с кого было) собирать налоги. В результате военные правительства так и остались основной формой политического устройства для этих *зависимых* и *несамостоятельных* стран. Третий мир надолго застрял на докапиталистической стадии развития, и совершенно непонятно, как он будет оттуда выбираться^[838].

Как видите, размышляя над одним (и казавшимся довольно простым) вопросом – «Почему европейские государства с совершенно разной историей оказались в

конечном счете так похожи?» – Тилли в своей книге выявил закономерности, относящиеся уже к теории Власти. Вечная проблема – какая из двух форм предпочтительнее, монархия или олигархия? – оказалась рассмотрена в терминах «принуждения» и «капитала». Тилли убедительно показал, в каких случаях союз с «капиталом» (прежде всего, добровольное соблюдение договоров) оказывается единственно возможным способом **выживания** государства (а значит, и контролирующей его властной группировки). Тем самым он объяснил, как столь странное положение дел (чтобы сильный добровольно делился со слабым? вы что, с ума сошли?) не просто может возникнуть, но и становится преобладающим в европейской истории. Поскольку для человека западной культуры полезность соблюдения договоров – аксиома^[839], усвоенная с детства, Тилли не формулирует свой ответ в явном виде, но все содержание его книги подробно разъясняет, **насколько полезным для государств является «капитал»**.

Мы уже знаем, что английские властные группировки еще в конце XVII века осознали преимущества олигархического правления и с тех пор не только стараются его придерживаться, но и пробуют (по большей части, безуспешно) распространить его на весь мир. Книга Тилли рассказывает о том же самом процессе на уровне менее сознательных социальных структур – государств (то есть организаций); выгода относительно^[840] мирного разрешения споров обнаруживается и здесь. Тем самым Тилли не только раскрыл перед нами источник силы денег, но еще раз напомнил о стратегическом преимуществе олигархического устройства Власти.

Читатель. Однако ваша теория кое в чем отличается от теории Тилли. У вас властные

группировки **сами** решают «жить дружно», а у Тилли их **принуждает** к олигархии недостаток денег. Вы уж определитесь, что здесь первично, а что вторично!

Теоретик. Мы определились еще в главе про Государство. Англичане несколько раз пробовали поменять одну монархию на другую, пока не убедились, что все равно получается плохо. Группировки выбирают олигархию сами, но делают это не от хорошей жизни; первичным и необходимым условием такого выбора являются исторические обстоятельства – угроза самому существованию группировок и наличие хоть каких-нибудь традиций мирного сосуществования. Вот когда эти условия имеются, тогда и можно обсуждать вопрос, а не завести ли нам олигархию. Во всех остальных случаях выбора нет – сколько бы слабые ни совещались, сильнейшая группировка все равно захватит всю власть и установит *монархическое* правление.

Читатель. А как насчет современного мира? Уже 70 лет, как в нем не было войн между крупными государствами. Внешней угрозы для жизни больше нет; получается, что олигархическая власть на Западе держится теперь только на традициях?

Теоретик. На самом деле, угроза Западу перестала существовать только в конце прошлого века, с развалом СССР, но традиции уже начали разрушаться! Помните, что мы писали про «новых финансистов»? Так что мы нисколько не удивимся, если Запад снова откатится к монархическому правлению. События последних лет по своей брутальности все больше напоминают канун Первой мировой войны... но это опять-таки тема для другой книги. Мы с вами изучаем Власть вообще, а не политические расклады в современном мире, и с нашей точки зрения, гораздо интереснее изучить вопрос о самой этой традиции, нежели предсказывать очередной Закат Запада. Мы хотим обратить Ваше внимание на вторую составляющую, **необходимую** для

формирования устойчивого олигархического правления, на ту самую традицию, на которой только и держатся современные западные демократии: на привычку властных группировок **разрешать конфликты относительно мирным путем**. В нашем рассказе эта традиция восходит к Макиавелли и его республиканским технологиям Власти; однако даже самые замечательные идеи оказываются востребованными лишь тогда, когда приносят непосредственную практическую выгоду.

Как же появилась и в чем заключалась выгода мирного сосуществования властных группировок, и почему это мирное сосуществование пришло на смену не менее древней традиции «Вождь всегда прав»?

5. Рождение права

**Дуглас Норт, Джон Уоллис, Барри Вайнгаст,
«Насилие и социальные порядки» (2009)**

Теоретик. Как вы уже наверняка заметили, большинство открытий в теории Власти делались учеными из других наук и при изучении вопросов, на первый взгляд никак к Власти не относящихся. Не стало исключением и последнее^[841] открытие, сделанное коллективом американских исследователей в 2009 году. «Родоплеменное» (альтернативное феодальному) устройство Власти на ее высших уровнях было обнаружено при попытке ответить на самый «горячий» вопрос XXI века^[842]. Почему до сих пор (через полвека после деколонизации) на планете существуют бедные государства? Почему их «догоняющее развитие» по большей части приводит только к еще большему **отставанию** от «золотого миллиарда»? Почему западные рецепты (рынок, демократия, права человека) **не работают** в странах «третьего мира» (а при попытке

насильственного насаждения и вовсе приводят к гражданским войнам и полному разрушению государственной власти)?

Согласитесь, трудно представить себе столь далекие друг от друга темы для исследования (высшие коридоры Власти и экономический рост в развивающихся странах). Однако реальная жизнь не делится на экономику, социологию, политологию и кучу прочих «логий», и начиная исследовать общество с одной стороны, можно легко оказаться на противоположной. Вот так и получилось, что Дуглас Норт^[843], начавший свою научную карьеру рядовым экономистом, к своему девяностолетнему юбилею оказался (сам того не подозревая) одним из ведущих теоретиков Власти. Посмотрим, как интерес к самому простому явлению – экономическому росту – привел выдающегося ученого к открытию одной из важнейших особенностей устройства современных правящих классов.

Биография Дугласа Норта похожа на тысячи других биографий современных ученых: родился в 1920 году в семье служащего, в 1942 поступил в Калифорнийский университет, закончил его в 1952-м по специальности «экономист», в 1953-м получил место ассистента в Университете штата Вашингтон (Сиэтл)^[844]. В 1956 году на одном из мероприятий Норт познакомился с Соломоном Фабрикантом^[845] и получил приглашение поработать на NBER^[846]. Там Норт познакомился уже с самим Саймоном Кузнецом^[847] и принял участие в эмпирических исследованиях экономического роста в США.

Количественные исследования на исторических данных в те годы еще только-только начинались, и многим казалось, что именно они станут главным направлением развития экономической науки. На

конференции NBER 1957 года в городе Вильямс (штат Массачусетс) эмпирические экономисты из США и Канады составили «критическую массу», обнаружив, что количественные данные по экономическому развитию США в XIX веке присутствуют чуть ли не в каждом докладе. Новый подход в экономике решено было назвать клиометрикой^[848], учредить журнал и проводить регулярные конференции. Базой новой науки стал Университет Пердью (штат Индиана), с 1960 года начал выходить «Журнал экономической истории», а Норт стал одним из его редакторов^[849].

Теперь Норт был уже не одним из многих исследователей, а редактором модного журнала по перспективному направлению. Его книга «Экономический рост Соединенных Штатов, 1790-1860 гг.», вышедшая в 1961 году, была встречена с особым интересом – что нового сможет сказать один из лидеров клиометрики? И у Норта действительно нашлось, что сказать. На основе анализа платежных балансов внешней торговли США он выявил движущий фактор роста всей американской экономики. Им оказалось *белое золото*, хлопок, продажа которого в Англию обеспечивала приток капитала, который затем распространялся по всем другим отраслям. «Нефть XIX века» – так озаглавлена одна из современных рецензий на книгу Норта; «хлопковый тезис» (решающая роль хлопка в экономическом развитии США) до сих пор упоминается в учебниках. Казалось бы, проблема экономического роста решена – его «вытягивает» ведущая отрасль экономики^[850].

Однако у этого блестящего решения имелась одна чисто национальная проблема. Как всем хорошо известно, производством хлопка в США XIX века занимались южные штаты, в которых было легализовано рабство. Выходит, именно рабству США

обязаны своим экономическим ростом? Не слишком-то приятный вывод даже для консервативной атмосферы 60-х годов! К тому же еще в 1958 году в США была опубликована и вызвала широкую дискуссию статья Конрада и Мейера «Экономика рабства на довоенном Юге», в которой авторы с цифрами в руках^[851] доказали: рабство на Юге было прибыльным и обеспечивало высокий экономический рост. Все в точности как у Норта, и совершенно неприемлемо с политической точки зрения; это что же получается – экономисты призывают пересмотреть итоги Гражданской войны?!

Перед Нортом в полный рост встала серьезная проблема: требовалось *экономически* обосновать правильность отмены рабства (ради чего, собственно, и были убиты в Гражданской войне почти 700 тысяч американцев). Благодаря рабству Юг не только обеспечивал собственное процветание, но и служил локомотивом роста всей американской экономике; зачем же было его отменять? И вот тут-то Норту пришла в голову гениальная идея: а что если посмотреть не только на сами доходы, но и на то, как они используются? Что если рабство как институт^[852] накладывает определенные ограничения на использование полученных от него доходов^[853]?

Действительно, в то время как на Севере США развивались промышленность, банки и страхование, патриархальный Юг инвестировал свои доходы в расширение плантаций и увеличение численности рабов. Можно было предположить, что на каком-то этапе отсутствие собственной промышленности (включая железные дороги и судоходство) сделает экономику Юга неконкурентоспособной по сравнению с Севером. Действительно, экономика Юга после Гражданской войны погрузилась в глубокий кризис, из

которого начала выбираться только к 1920-м годам. Значит, долгосрочный экономический рост обеспечивают технологические инновации, и рабство справедливо отправлено на свалку истории?

Будь Норт политиком, а не ученым, он наверняка бы остановился на этом месте и вошел бы в историю (подобно Шумпетеру) как великий пропагандист технического прогресса. Однако ученому интересно добираться до истины, а не почивать на лаврах однажды найденного решения. Гипотезу о решающей роли технических инноваций в экономическом росте следовало проверить количественно, и сначала коллега Норта по клиометрике, Роберт Фогель^[854], а потом и сам Норт сделали это. Фогель занялся железными дорогами, за несколько десятилетий покрывших всю территорию США; уж такая-то инновация не может не подхлестнуть экономику! Однако в книге «Железные дороги и рост американской экономики» (1964) Фогель пришел к разочаровывающему выводу: вклад железных дорог (за счет удешевления перевозок и роста товарооборота) в национальный продукт США 1890 года не превышал трех процентов^[855]. Разумеется, Фогель не мог учесть всех побочных последствий появления железных дорог, и сегодня его результат не воспринимается как окончательный; но 50 лет назад он произвел на Норта сильное впечатление.

Сам Норт изучил другую транспортную систему: судоходство. Вывод из его статьи «Источники производительности океанских перевозок: 1600-1850» (1968) оказался столь же обескураживающим. Хотя технический прогресс и сделал океанские корабли несколько быстрее (а также заметно больше), главными факторами роста производительности перевозок оказались сокращение пиратства (!), появление обратного потока грузов из Старого Света в Новый и

увеличение числа рейсов, совершаемых кораблем в течение года. Все они носили социально-организационный, а не технический характер; гипотеза о решающей роли технического прогресса в экономическом росте была окончательно опровергнута.

К счастью, в 1968 году Норт уже не нуждался в этой гипотезе. В 1966-1967 годах он поработал в европейских архивах (проживая в Женеве благодаря очередному гранту на исследовательскую работу) и открыл для себя совершенно новую экономическую реальность – европейский феодализм. Цеховые, религиозные и феодальные ограничения на экономическую деятельность, повсеместно распространенные в средневековой Европе, не поддавались привычным экономическим методам анализа. «Мы нуждались в новом инструменте, но его попросту не существовало», – писал Норт в своей нобелевской автобиографии, но на самом деле заготовка для инструмента уже была у него в руках. Подобно тому, как рабовладение на американском Юге делало выгодным захват территорий, а не строительство предприятий, *другие* институты (такие как «феодализм» или «цеховая система») могли вносить существенные изменения в уравнения экономической науки. Пусть технические инновации не играют существенной роли в росте производительности; но другие изменения – то же сокращение пиратства – такую роль *играют*! Институты – вот что определяет режим функционирования экономики, а значит, и темпы экономического роста; следовательно, экономическая наука должна стать *институциональной*.

Вы замечаете, как шаг за шагом Норт переходил с территории чистой экономики (издержки-выпуск, спрос-предложение) на более зыбкую почву социологии (обычаи, законы, социальные группы)? Начиналось все с «отрасли-локомотива», затем появилась разница в

инвестициях, потом она превратилась в институциональные ограничения; еще немного, и перед исследователем неизбежно должен встать вопрос: кому выгодны эти ограничения и откуда у него *власть* их устанавливать? Но чтобы сделать этот последний шаг, Норту с соавторами понадобилось еще 40 лет; слишком уж хорошо найденный инструмент – **институты** – справлялся с имеющимися экономическими проблемами.

Уже в 1973 году Норт (в соавторстве с куда менее известным Робертом Томасом) опубликовал книгу «Возвышение западного мира: Новая экономическая история», в которой предложил свое решение загадки «европейского чуда». Почему именно Европа, и именно в XVIII-XIX веках, показала уникальный в истории человечества экономический рост, приведший к возникновению современного **западного мира**? На эту тему написаны десятки книг и предложены сотни ответов (начиная с банального и очевидно неверного [\[856\]](#) «за счет грабежа колоний»); ответ Норта звучал так: **за счет института прав собственности**. В период с 1600 по 1700 год в Европе (на фоне общей стагнации экономики и падения реальных доходов большинства населения) возникла развилка в политической истории разных стран. Во Франции и Испании сохранились феодальные и цеховые ограничения, обеспечивающие защиту собственности только представителей определенных сословий; экономики этих стран продолжили деградацию. А вот в Англии и Нидерландах право частной собственности было распространено на всех участников экономической деятельности (торговцев, банкиров, промышленников). В результате доходы этих групп населения стали инвестироваться не в социальный статус, а в развитие бизнеса, Англия превратилась в

мировую империю, и глядя на нее, по тому же пути пошла и остальная Европа^[857].

Объяснение достаточно очевидное, но Норт был первым известным экономистом, отважившимся отказаться от обычного «рост возникает за счет технического прогресса» и открыто объявившим: причины *экономического* роста заключаются в изменении *политических* институтов. Смелость ученого была вознаграждена в 1993 году, когда Норта (вместе с Фогелем) наградили Нобелевской премией по экономике – как раз за открытие решающей роли института прав собственности. В 1990 году Норт окончательно сформулировал свою теорию в своей самой цитируемой книге «Институты, институциональные изменения и функционирование экономики». В ней институтам прав собственности был приписан конкретный экономический смысл: права собственности сокращают издержки обмена^[858], причем не только в смысле «дешевле довезти груз», но и в смысле «можно строить новое предприятие, не захватывая сначала, чтобы его не отобрали, политическую власть в государстве». Возникновение и расширение таких прав собственности несомненно порождает экономический рост (когда инвестициям ничто не угрожает, люди обычно расширяют бизнес). Но данный Нортом ответ порождал следующий, еще дальше выходящий за рамки экономического мышления вопрос: а откуда взялись сами права собственности? Почему до XVII века они никому в Европе не были нужны^[859], а начиная с XVII века вдруг кому-то понадобились в Англии?

Как видите, ответ «экономический рост порождают права собственности» снова оказывается недостаточным. Откуда берутся эти «права собственности», отличающиеся от обычного «права

сильного»?! Почему правящие группировки в отдельных странах допускают (или даже организуют) их возникновение? Как это происходило в реальной человеческой истории? Все эти вопросы неизбежно возникают перед исследователем, отказавшимся от наивного экономического детерминизма и обнаружившего, что реальный экономический прогресс обеспечивается изменениями социальных «правил игры». Вот почему Норт должен был написать следующую книгу, раскрывающую причины появления «прав собственности», которые в свою очередь обеспечивают экономический рост.

На осмысление новой проблемы и проведение исследований потребовалось более 15 лет и тесное сотрудничество с постоянными соавторами Норта, Барри Вайнгастом^[860] и Джоном Уоллисом^[861]. Результатом стала выдающаяся книга «Насилие и социальные порядки», поставившая жирную точку в полувековом изучении причин экономического роста, а заодно открывшая и объективные предпосылки родоплеменной организации высшей Власти. Экономика в ней уже окончательно вынесена за скобки, авторы начинают рассмотрение человеческого общества с гоббсовской «войны всех против всех», с чистого насилия, а затем шаг за шагом раскрывают возможность его превращения в право. Последуем за авторами, сверяя логику их рассуждений с нашей теорией Власти.

«Все общества сталкиваются с проблемой насилия» – так начинают авторы изложение своей концепции. При любом общественном устройстве физически более сильный человек способен побоями или угрозами заставить подчиниться более слабого. Но если подобное случается регулярно, мы говорим о «беспределе» или о «несостоявшемся государстве». В таком сообществе

невозможна какая-либо осмысленная деятельность (в любой момент очередной «сильный» может отменить приказ предыдущего), и существовать они могут разве что в тюрьмах, где «сильным» полагается регулярный паек. Любое реальное сообщество должно так или иначе обеспечивать контроль над насилием, ограничивать его, чтобы оно не мешало слабым участвовать в добыче средств пропитания. Авторы делают отсюда логичный (но от этого не менее революционный) вывод: контроль над насилием, а вовсе не благосостояние и экономическая эффективность, является основной функцией организованного сообщества (племени, города, государства). Прежде чем производить материальные блага, люди должны иметь хоть какую-то гарантию, что доживут до ужина, что их не убьет или не сделает инвалидом хвляющийся силушкой отморозок.

Так, уже с первых строк книги авторы отодвигают в сторону экономику и фактически переключаются на теорию Власти. Государство (как и революция) только тогда чего-нибудь стоит, когда оно способно контролировать насилие; следовательно, и анализ причин, приведших в конечном счете к возникновению прав собственности, нужно начинать с того, какими способами возможен такой контроль и как эти способы сменяют друг друга. Как и в концепции Арендт, Власть здесь оказывается полной противоположностью насилию; Власть – это контроль над насилием, способность общества применять его к одним и не применять к другим, умение поддерживать среди «сильных» желание действовать сообща, а не друг против друга.

Так за счет чего же возможен такой контроль? Норт с соавторами выделяют два основных способа. Во-первых, люди способны *добровольно* отказываться от насилия, если такое поведение представляется им

правильным. Мы уже знакомы с нортовским определением институтов как правил игры, принятых большинством граждан; так вот, формирование в обществе определенных институтов само по себе способно ограничить насилие. В небольших сообществах (от десяти до 150 человек^[862]) насилие ограничивается личными отношениями – выстраивается иерархия подчинения, каждый знает свое место, более слабый привычно выражает покорность, и бить его уже не требуется. В то же время слабый знает, что в случае подчинения он получит определенный кусок от общего пирога, хотя и не такой большой, как у сильного. Институт естественной иерархии является исторически первым, и самым базовым способом контроля над насилием^[863].

Однако при увеличении числа людей в сообществе этот способ перестает работать – невозможно хранить в памяти кто есть кто, среди тысячи, не говоря уже о миллионе человек. Как удержать человека от насилия по отношению к незнакомцу, которого он видит первый и последний раз в жизни? Институт естественной иерархии тут бессилён – личные отношения не успеют сформироваться. Остается второй, куда более знакомый нам способ: *принуждение*. Среди членов сообщества выделяются специалисты по насилию (дружинники, стражники, полисмены), которые и применяют его по отношению к нарушителям порядка. Всем остальным применение насилия запрещается, под страхом более или менее сурового наказания.

Пока все это звучит достаточно банально, но следом Норт со товарищи задают правильный вопрос. За счет чего специалисты по насилию оказываются заведомо сильнее любого другого члена сообщества? Вовсе не за счет личной доблести или какого-то особого оружия, а за счет того, что действуют совместно, представляя

собой не отдельных людей, а организацию. Отлично; но что скрепляет вместе эту организацию? Мы с вами знаем ответ теории Власти (как и всякую властную группировку, ее скрепляют отношения личной преданности); Норт с соавторами отвечают на тот же вопрос более обстоятельно.

Сначала они уточняют само понятие «организация»: это группа людей, как-то координирующая свои действия, и за счет этого обладающая большими возможностями, чем сумма возможностей ее членов. Координировать действия индивидов опять же возможно двумя способами: средствами самой организации («сор из избы не выносим») и с помощью *внешнего* принуждения («нарушишь трудовой договор – подадим в суд»). Организации первого типа (которые на языке теории Власти и есть властные группировки) авторы называют **партнерскими**, а второго – **контрактными**.

«Мы различаем два типа организаций. Партнерские организации характеризуются исполняющимися без внешнего вмешательства и содержащими в себе стимулы соглашениями ее членов. Эти организации не нуждаются в существовании третьей стороны, которая принуждала бы к исполнению внутренних соглашений... Контрактные организации, напротив, используют... принуждение к исполнению контрактов при помощи третьей стороны...» [Норт, 2011, с. 60].

Разумеется, первые возникающие организации специалистов по насилию могут быть только партнерскими (им пока незачем, да и не к кому, обращаться за помощью в принуждении). Так что же скрепляет вместе партнерскую организацию, специализирующуюся на насилии?

Какой фактор объединяет отдельных вооруженных индивидов в коалицию, то есть позволяет им выстраивать иерархию подчинения и решать

внутренние проблемы мирным путем?^[864] Норт с соавторами осознают важность этого фактора для всех социальных наук:

«Первой проблемой ограничения насилия является ответ на вопрос: каким образом влиятельным индивидам удастся достичь достоверных обязательств прекратить борьбу? Наш ответ составляет основу этой книги и, по нашему убеждению, задает новые концептуальные рамки для социальных наук...» [Норт, 2011, с. 63].

Поскольку контроль над насилием (в рассматриваемой теории) является основой любого государства, идея о том, как он возникает и осуществляется, действительно заслуживает целой книги...

Читатель. Ну хватит уже меня интриговать! Говорите прямо: Норт с соавторами открыл то же самое, что и вы, или что-то другое?

Теоретик. Разумеется, то же самое; как они могли открыть что-то другое, если предмет изучения у нас один и тот же? Но на один и тот же предмет можно смотреть с разных точек зрения; взгляд Норта и соавторов был экономическим, и поэтому их *формулировка* открытия существенно отличается от нашей. Почему специалисты по насилию в какой-то момент перестают враждовать друг с другом и начинают сотрудничать? Потому, что такое сотрудничество становится **взаимовыгодным**^[865]:

«...самой большой угрозой, с которой сталкиваются специалисты, являются другие специалисты. Если они попытаются договориться о разоружении, первый специалист, опустивший свое оружие, рискует быть убитым другим. Тем самым равновесным исходом для обоих специалистов является сохранение вооружений и продолжение борьбы.

Для того чтобы один из специалистов прекратил боевые действия, он должен понять, что это также в интересах другого, и эти ожидания в отношении друг друга должны разделяться обоими специалистами. Только если издержки борьбы или выгоды ее прекращения осязаемы и ясны обоим специалистам, они поверят, что отсутствие борьбы является достоверным результатом. Названное решение предполагает, что оба специалиста согласятся разделить свой мир на две части, каждая из которых будет контролироваться одним из специалистов, а затем признать права друг друга контролировать землю, рабочую силу, ресурсы и торговлю в своей сфере» [Норт, 2011, с. 64-65].

Не пугайтесь последней фразы про «контролировать землю», прямиком растущей из исследований европейского феодализма, проведенных Нортом в 1966-1967 годах. Эпизод из фильма «Однажды в Америке», где главные герои начинают свою мафиозную карьеру с разрешения *огрбить пьяного*, полученного от местного авторитета, является куда лучшей иллюстрацией того же принципа. Объединившись в организацию, специалисты по насилию получают возможность взять некоторые ресурсы (территорию, население) под **полный** контроль (уничтожив или запугав всех остальных претендентов), которого они никогда не добились бы, действуя поодиночке. Вот почему на территории, контролируемой одной бандой, нельзя грабить пьяного: деньги пьяного, как и все остальное, принадлежат правящей группировке. «Это не твой зуб, и даже не мой зуб, это *их* зуб», как было сказано в фильме «Не бойся, я с тобой».

Дополнительный доход, получаемый членами группировки за счет монополизации контроля, Норт с соавторами называет **рентой** [\[866\]](#):

«Для специалистов в области насилия рента от мира представляет разницу между отдачей от их активов, приобретаемой в том случае, когда они не ведут борьбу, и отдачей, которую они приобретают, ведя борьбу [между собой]» [Норт, 2011, с. 65-66].

Смысл и возникновение ренты можно пояснить следующим (увы, близким российскому читателю) примером. Вспомним «лихие девяностые», когда к каждому предпринимателю на второй день открытия бизнеса выстраивалась очередь из требующих дани бандитов. Много ли им мог заплатить несчастный хозяин? Прошло десять лет, бандиты организовались в группировку, наладили учет и контроль, устранили конкурентов предпринимателя и даже посодействовали в получении выгодных заказов. Вот теперь с хозяина есть что взять! Разница между жалкими рублями девяностых и миллионами нулевых и составляет ренту, полученную российскими бандитами за счет монополизации насилия. Есть группировка – есть рента, нет группировки – перебивайся случайными заработками; не правда ли, выбор ясен?

Таким образом, основой для появления организаций, специализирующихся на насилии, выступает экономическая выгода (выражающаяся в ренте), происходящая из ограничения конкуренции (как между специалистами по насилию, так и между их подданными). Только благодаря этой выгоде возникает контроль над насилием:

«Систематическое создание ренты при помощи ограниченного доступа в естественном государстве – это не просто средство набить карманы членов господствующей коалиции; это также важнейшее средство контроля насилия...» [Норт, 2011, с. 62].

Поборники «социальной справедливости», критикующие «сверхдоходы» людей Власти, до сих пор не понимают этой простой вещи: только наличие

«сверхдоходов» позволяет властным группировкам содержать всю свою иерархию вассалов, и тем самым сокращать конкуренцию *между специалистами по насилию*. Уберите эти сверхдоходы – и вы сразу же получите свободную конкуренцию бандитов в очереди у вас перед дверью!

Итак, следующий за естественной иерархией способ контроля над насилием найден: это появление организации, *специализирующейся* на насилии. В каждом отдельно взятом сообществе может быть только одна такая организация (ведь основа ее существования – устранение конкуренции); поэтому авторы называют ее «господствующей коалицией»^[867]. Сообщество оплачивает контроль над насилием, выплачивая таким организациям дань^[868]. Сами эти организации являются партнерскими, а возникающее с их появлением общественное устройство авторы называют **естественным государством**:

«...господствующая коалиция в любом естественном государстве является партнерской организацией» [Норт, 2011, с. 67].

Читатель. Ну пока что ничего нового, все это мы и так знали. Смущает только слово «естественное» – это что же получается, бывают еще и неестественные государства? Например, искусственные? У которых правящие группировки – не партнерские, а контрактные организации?

Теоретик. Совершенно верно! Вы ухватили самую суть концепции «социальных порядков»; посмотрите, что пока получилось у авторов и почему этого недостаточно.

Правящая коалиция, являющаяся партнерской организацией, очень похожа на «племя» Ибн-Хальдуна, захватывающее власть над «городом» за счет высокой сплоченности. Племя, род, двор (в феодальном смысле)

– все эти организации являются партнерскими и могут успешно контролировать насилие на подвластной им территории. Появление таких организаций (правлящих классов) происходит на Земле повсеместно, независимо от исторических или географических особенностей отдельных территорий, и тот же самый процесс повторяется каждый раз, когда на какой-то территории утрачивается более сложное государственное управление (власть полевых командиров или африканских царьков). Вот почему авторы называют такое общественное устройство естественными государствами – они возникают сами по себе, без посторонней помощи, и очень похожи друг на друга, в какой бы части света ни находились:

«Порядок ограниченного доступа, или естественное государство, появился во время первой социальной революции [неолитической, или сельскохозяйственной. – Прим. авт.]. Личные отношения, в особенности личные отношения между властными индивидами, – то, кто кем является и кто кого знает, – составляют основу социальной организации и служат ареной для взаимодействия людей. Естественные государства ограничивают способность индивидов формировать организации» [Норт, 2011, с. 40].

Идея о **естественности** подобных порядков является, пожалуй, настоящим открытием Норта, Уоллиса и Вайнгаста. До последних лет в социальных науках господствовало представление о прогрессе – что любое общество в своем развитии проходит несколько стадий, а в конечном счете становится либеральной демократией. И вдруг ученые уровня нобелевских лауреатов открытым текстом заявляют:

«Слишком часто представители социальных наук в обществах открытого доступа неявно опираются на удобное допущение, что общества, в которых они живут, представляют собой историческую норму.

Напротив, мы утверждаем, что нормой является как раз естественное государство, а не открытый доступ. Еще два столетия назад не существовало порядков открытого доступа, даже сегодня 85% населения мира живут в порядках ограниченного доступа. В письменной истории человечества доминирующей моделью социальной организации выступает естественное государство (*the natural state*). Мы используем это название, а не более буквальное – "порядок ограниченного доступа", чтобы подчеркнуть, что в отличие от описанного Гоббсом естественного состояния (*the state of nature*), в котором масштаб и возможности человеческой организации крайне малы и нет государства, естественное государство оказывается устойчивой формой более крупных социальных организаций, возникшей пять-десять тысяч лет тому назад. Естественное государство просуществовало так долго, потому что помогает в интересах влиятельных индивидов формировать господствующую коалицию таким образом, чтобы ограничить насилие и сделать возможными устойчивые социальные взаимодействия более крупного масштаба» [Норт, 2011, с. 55-56].

Итак, естественное государство нормально, существует в 85% стран мира, является устойчивым способом организации человеческого общества, а правящая коалиция в них представляет собой *партнерскую* организацию. Теперь вспомним, что главной задачей Норта с соавторами является объяснение *появления прав собственности*. Но какие *права* могут быть в партнерской организации?! В ней (как мы знаем из теории Власти) есть рейтинги, есть положение в иерархии – но ничего больше; одна ошибка, или просто прихоть сюзерена, и вассал падает на самое дно (попадает *в опалу*). Все вопросы решаются в своем кругу: решил коллектив на общем собрании, что Вася враг народа, отвели за сарай и расстреляли;

«Государство это я», – говорит верховный правитель, и попробуй-ка с ним поспорь!

Партнерское устройство правящей коалиции означает **личный** характер любых отношений с властью, доходящий до анекдотических примеров:

«Как показывает замечательное исследование коррупции в Индии (Bertrand, Djankov, Hanna, Mullainathan, 2007), в естественных государствах на безличной основе не могут выписать даже такой, казалось бы, элементарный документ, как водительское удостоверение» [Норт, 2011, с. 52].

Даже для получения удостоверения нужны знакомства^[869]; ровно та же самая ситуация возникает и с любыми другими «правами»:

- Я имею право?
- Да, имеете.
- Значит, я могу...
- Нет, вы не можете.

С появлением концепции «естественного государства» проблема «прав собственности» заостряется до парадокса: большую часть истории все человечество и большая часть человечества наших дней прекрасно обходились без каких-то там «прав». Так как же они возникли, и возникли ли вообще (может быть, «права человека» и в самом деле – всего лишь пропагандистский лозунг)?!

Авторы начинают с того, что констатируют факт (несомненный для западного читателя, но совершенно не очевидный для российского): в мире существуют государства, в которых права собственности *действительно работают*. Это – государства с «порядками открытого доступа», в которых действуют *«мощные, консолидированные военные и полицейские организации, подвластные политической системе»* [Норт, 2011, с. 69]. В отличие от естественных

государств, организации, специализирующиеся на насилии (и даже обладающие монополией на насилие), являются в таких государствах **контрактными** (то есть основанными на соблюдении правил, контролируемых сторонним арбитром). Тем самым организации, занимающиеся насилием, ставятся под контроль общества^[870]. Контрольные функции могут выполнять другие организации (например, пресловутая «четвертая власть»), а их создание разрешено всем желающим. Описание современного западного общества как «порядков открытого доступа» (к созданию организаций) авторы считают своим весомым вкладом в социальную теорию:

«Как показывает недавнее исследование гипотезы модернизации, проведенное Асемоглу, Джонсоном, Робинсоном и Яредом (Acemoglu, Johnson, Robinson, Yared, 2007), одновременная связь между демократией и высоким доходом с точки зрения формальной статистики оказывается не каузальной, а отражает воздействие упущенного фактора. Мы полагаем, что этим упущенным фактором является модель социальных взаимоотношений в порядке открытого доступа» [Норт, 2011, с. 55].

На что похоже общество, в котором монополия на насилие принадлежит *контрактным* организациям (полиции), внешний арбитраж которых осуществляют в свою очередь другие *контрактные* организации (госаппарат), которые в свою очередь контролируются третьими *контрактными* организациями (судами и СМИ), и так далее до бесконечности? Конечно же на **государственную машину** имени Гоббса и Локка, о которой мы рассказывали в третьей главе! Именно ее впервые «собрали» себе англичане в конце XVII века, и с тех пор она активно используется во многих западных странах. Положение человека внутри такой машины

уже можно характеризовать в терминах права – что ему положено правилами функционирования машины, то и будет предоставлено; машина на то и машина, чтобы не различать одного гражданина от другого, а предоставлять им *одинаковые* услуги по защите «прав собственности».

В нашей теории такой странный (с точки зрения естественных государств) порядок был изобретен английской элитой ради собственного выживания, как страховка от захвата власти какой-то одной из нескольких группировок. А как объясняют возникновение «прав» авторы «Насилия и социальных порядков»? Зная их ответ на предыдущий вопрос (организации порождает рента), мы ожидаем, что нам будет предложена схожая модель, основанная на осознании выгоды правовых отношений^[871]. Так и есть; по мнению авторов, участники правящей коалиции (в долгосрочном плане) желают сменить зыбкий и временный личный рейтинг на *постоянные привилегии*, закрепленные за ними и их наследниками. Авторы уделяют много страниц истории английского земельного права, служащего хорошей моделью эволюции партнерской организации. Первоначально (XI век, сразу после Нормандского завоевания) вся земля в Англии принадлежит одному человеку – главе правящей группировки, – а он наделяет ей своих вассалов на *временной* основе:

«Изначально собственность на землю возвращалась обратно королю после смерти держателя. Логика была безукоризненной: король нуждался в сильных и способных военных держателях (то же самое было верно и в отношении сеньоров). Личность сеньора имела для короля очень большое значение. До тех пор пока армии формировались посредством созыва вассалов, король вынужден был выделять основные

земли именно способным командирам» [Норт, 2011, с. 155].

Однако уже к концу XII века вассалы добились *для своих сыновей* преимущественного права на получение от короля той же земли, которой владел их отец (тем самым и король сохранял свое положение единственного землевладельца в стране, и высшая знать – свои земли). Достаточно было выплатить королю установленные отступные, и наследник вступал во владение. Насколько земельное право отдалилось от первоначального королевского произвола, можно судить по истории Ричарда Йоркского^[872]:

«Ричард, герцог Йоркский... был сыном герцога Кембриджского. Его отец был казнен как предатель и в силу лишения всех привилегий оставил сыну очень маленькое наследство. Пару месяцев спустя в 1415 году дядя Ричарда Эдуард, герцог Йоркский, умер без наследника... Ричард унаследовал все состояние Эдуарда и, более того, стал герцогом Йоркским^[873]. Смерть дяди Ричарда по материнской линии Эдмунда Мортимера, герцога Марча и Ольтера, который также не имел потомка, сделала Ричарда в 1432 году... крупнейшим землевладельцем Англии...» [Норт, 2011, с. 177-178].

Как видите, король ничем не мог помешать *сыну предателя* унаследовать огромное состояние; к XV веку Англией правила уже не единая властная группировка, а правящая коалиция, каждый из участников которой обладал соблюдаемыми другими участниками **правами**.

В 1660 году (уже после революции и реставрации Карла II) это положение дел было оформлено официально: английский парламент принял «Закон об уничтожении держаний», полностью отменивший право короля на возврат пожалованных земель. Права

собственности окончательно отделились от статуса землевладельца во властной группировке:

«Как только все землевладельцы из числа элиты получили одинаковые права, такие как право наследования и позднее – право завещания, элита приобрела общий интерес защищать эти права от посягательств со стороны короля или какого-то одного из элементов господствующей коалиции. Теперь элиты могли использовать землю более эффективно, поскольку собственность всех представителей элиты была одинаково защищена. Землей теперь преимущественно владели не могущественные индивиды только потому, что они обладали политическим влиянием; теперь ею чаще владели индивиды, которые способны были использовать имеющуюся у них земельную собственность наиболее эффективным образом» [Норт, 2011, с. 276].

Таким образом когда-то исключительно личное отношение «землевладения» эволюционировало в безличное право собственности, легко передаваемое произвольным лицам. *«Происхождение правовой системы связано с определением привилегий элиты»* [Норт, 2011, с. 111], – не очень удачно формулируют авторы свое понимание этого процесса; правильнее было бы сказать – у членов элиты нет другого способа закрепить свои привилегии, кроме *создания института безличного права*. Обычаи, писанные законы, традиции судебных разбирательств, согласованные действия землевладельцев в парламенте – все это вместе и создает такие институты.

Читатель. Погодите-ка, вы упомянули судебные разбирательства?! Но разве партнерская организация, которой, по Норту, является правящая коалиция, может обращаться в суд? Это ведь внешний арбитраж, организация сразу становится контрактной!

Теоретик. И снова я с вами соглашусь: конечно же контрактной! По-другому и быть не может, ведь мы помним, что естественная иерархия возможна лишь в организации с небольшим количеством участников (до 150 максимум, а реально и того меньше). Уже к 1436 году в Англии насчитывалось 234 крупных землевладельца [Норт, 2011, с. 199], и регулировать их взаимоотношения партнерским способом было совершенно невозможно. Поэтому параллельно с «феодальной лестницей» возникло и земельное право, защищавшее привилегии правящей элиты на безличной основе. Разумеется, захват чужих земель как с помощью вооруженных людей, так и с использованием коррумпированных судов благополучно продолжался всю английскую историю; но подобные события были относительно редкими. Основная масса аристократов (в число которых входил, в частности, Ричард Йоркский) реально обладала правами наследовать землю.

Таким образом, длительная эволюция правящей коалиции (по крайней мере, в условиях наделения ее участников землей и правом наследования) шаг за шагом приводит к возникновению внутри нее контрактных отношений, которые поддерживаются внешним институтом – сначала королевским, а затем и более независимым судом. Мы выделили слово «длительная» жирным шрифтом, чтобы подчеркнуть крайнюю медленность этого процесса: от формирования в Англии правящей коалиции (Нормандского завоевания) до появления в ней первых прав наследования прошло 150 лет (пять поколений), и еще 450 лет понадобилось, чтобы окончательно закрепить это право за представителями правящей элиты. Шестьсот лет, уважаемый читатель, шестьсот лет – таков реальный срок естественного формирования безличных прав в правящих группировках [\[874\]](#).

Читатель. Шестьсот лет! Да у какой современной страны есть лишние шестьсот лет?! Получается, что кто не успел сформировать правовую элиту, то опоздал навсегда?

Теоретик. Ну, это уже довольно крайний вывод из теории «социальных порядков». Норт с соавторами ничего подобного не утверждают, да и из нашей теории Власти следует, что в делах государственного обустройства нет ничего невозможного^[875]. Настоящая проблема – надеюсь, вы помните, что Норта интересует *экономический рост*, а не эволюция элиты? – заключается совсем в другом. Права членов правящей коалиции, даже безличные и защищаемые внешним судом, все равно еще не те «права собственности», которые обеспечивают экономический рост. Для решения своей главной задачи Норту с соавторами требовалось сделать еще один шаг: объяснить, как уважение прав хорошо вооруженного джентльмена превращается в безусловную защиту прав не умеющего держать оружие обывателя^[876].

К счастью, у авторов есть безотказный способ решения подобных вопросов. Достаточно показать выгодность чего-либо для элиты, и дело в шляпе: конечно же элита тут же сделает то, что ей выгодно. Распространение безличных (универсальных) прав собственности на простых граждан оказывается тоже выгодным делом:

«Переход, таким образом, осуществляется в два этапа. Во-первых, естественное государство должно развить такое институциональное устройство, которое позволит элитам создать возможность безличных отношений внутри них самих. Во-вторых, действительный переход начинается, когда господствующая коалиция приходит к выводу, что в интересах элиты расширить безличный обмен внутри

элиты и институционализировать элитарный открытый доступ к организациям, эффективно обеспечивая открытый доступ для элит...» [Норт, 2011, с. 75-76/.

Но в чем же заключается выгода распространения безличного права за пределы элиты? Авторы снова обращаются к историческому примеру:

«В Семилетней войне (1754-1763), также известной как Война с французами и индейцами, британцы победили французов в Канаде, потому что британский флот помешал французскому флоту осуществлять снабжение своих сил в Канаде... Проблема блокады Франции... заключалась в том, что в 1700 г. ни один флот мира не мог больше месяца держать большие флотилии кораблей в море. Низкое качество провизии приводило к тому, что матросы и офицеры на кораблях быстро слабели и заболевали. Тем не менее в 1758 г. флотилия адмирала Хоука оставалась в море непрерывно в течение шести месяцев. Хоук оставался у берегов Франции до тех пор, пока французская флотилия не вышла из Бреста 16 ноября. Хоук вступил в сражение с французами и заставил их укрыться в заливе у полуострова Киберон, где французы остались под британской блокадой до окончания войны» [Норт, 2011, с. 312-313].

Победу англичанам обеспечило качественно лучшее, чем в 1700 году, снабжение своего военно-морского флота. Что же изменилось в его организации за полвека? Изменился порядок финансирования государственных закупок. В XVII веке он носил глубоко личный характер:

«...Гауден [генеральный инспектор по закупкам середины XVII века. – Прим. авт.] лично договаривался о [товарных] кредитах с поставщиками, у которых он покупал товары. Затем Гауден ожидал возмещения от правительства. До тех пор пока долги перед поставщиками были лично связаны с физическими

лицами в военно-морском флоте вроде Гаудена, конкуренция среди поставщиков была невозможна. Кто из поставщиков получит оплату первым? От ответа на этот вопрос зависело, кто из поставщиков выживет. Потенциальные поставщики понимали, что личные кредитные соглашения приведут к тому, что один из поставщиков [личный друг Гаудена. – Прим. авт.] будет обладать явным преимуществом перед другими. В результате потенциальные поставщики так и оставались потенциальными, а не реальными поставщиками» [Норт, 2011, с. 315].

Оказывается, личные отношения представляют проблему^[877] не только для поставщиков (не знаком с Гауденом – не получишь денег), но и для покупателя (сторонние поставщики не желают рисковать, и выбирать приходится только из узкого круга). Начиная с 1688 года (когда в Англии произошла Славная революция и на престол взошел Вильгельм III Оранский) английское государство – несомненно, под голландским влиянием – стало применять безличные формы кредитных соглашений: облигации и векселя со свободным обращением на рынке. Получив оплату векселями, поставщики могли не только ждать их погашения британским правительством, но и в любой момент продать их с некоторым дисконтом. Уже не требовалось быть хорошим знакомым инспектора по закупкам, чтобы получить деньги. Круг поставщиков расширился, возникла конкуренция, и уже через полвека это дало свои результаты. Вот так переход от личных к безличным отношениям за пределами элиты обеспечил Англии победу над извечным врагом – а позднее и статус «владычицы морей».

Вторым существенным изменением, произошедшим в Англии в итоге Славной революции, стало внесение

безличных отношений и в сферу государственных финансов.

«Личностная природа суверенных долгов в естественном государстве приводила к ограниченности кредитных ресурсов, доступных всем европейским суверенам в начале Нового времени; так, короли династии Стюартов не могли получить достаточно денег для финансирования своих правительств... После Революции 1688 года суверенный долг стал безличным обязательством парламента. Для выпуска или изменения долговых обязательств теперь нужно было принимать парламентский закон. Король больше не мог в одностороннем порядке изменять условия заимствований (например, снизить процентные платежи, прекратить платить кредиторам или объявить дефолт), не получив сначала от парламента нового законодательного акта. Новый долговой механизм значительно увеличил кредитоспособность английского государства. Меньше чем за десятилетие долг вырос почти на порядок – примерно с 5% предполагаемого валового национального продукта до 40%» [Норт, 2011, с. 319-320].

Таким образом, те господствующие коалиции, которые рискуют перенести безличные отношения за пределы элиты^[878], получают ощутимое преимущество – как Англия перед Францией в XVIII веке. Получается, что безличные (правовые) отношения оказываются выгодны как внутри элиты, так и за ее пределами. Так может быть, они *вообще* лучше личных, и «правовое государство» может быть рекомендовано в качестве универсального рецепта не только для государств, но и для властных группировок? На первый взгляд кажется, что авторы именно это и утверждают:

«Рождение национального государства произошло не в момент апофеоза правителя, а тогда, когда

личности всех правителей оказались подчинены прочной и постоянной корпоративной структуре государства. Бессрочные организации и институты, обладающие правом вето, например парламенты и независимые судебные инстанции, стали составной частью государства...» [Норт, 2011, с. 415].

Но не будем забывать, что безличное право не падает с неба, а появляется лишь там, где уже существует достаточно стабильная господствующая коалиция, осуществляющая эффективный **контроль над насилием**. Даже Англии для перехода к «открытому доступу» понадобился приехавший с континента (с немаленькой армией) новый король – Вильгельм III; до Славной революции ни один английский король не позволил себе такого риска. Способны ли безличные организации вроде парламентов, и безличные права вроде прав человека сами по себе, без стоящих за ними господствующих коалиций, обеспечивать контроль над насилием? Норт, Вайнгаст и Уоллис не задают прямо этот вопрос, но косвенно признают его право на существование:

«...свойственное естественным государствам ограничение доступа призвано решить проблему насилия – индивиды и группы, способные на насилие, получают стимулы к сотрудничеству. То есть ограничение доступа – не просто средство максимизировать доходы правящей элиты. Политика на основе порядков открытого доступа: универсальные безличные права и принцип верховенства права, открытый доступ к рынкам, все большие экономические свободы – все это снижает способность естественного государства контролировать насилие. Таким образом, подобные перемены угрожают сделать жизнь людей хуже, а не лучше» [Норт, 2011, с. 437].

Разумеется, авторы не задаются вопросом, насколько «открытый доступ» снижает способность

контролировать насилие для «неестественного» государства (это было бы слишком даже для нобелевского лауреата). Но примеры фашистских переворотов во вроде бы уже вполне «неестественных» Италии и Германии наводят на мысль, что та же самая закономерность работает и здесь: контроль насилия с помощью контрактных организаций неустойчив и должен подкрепляться дополнительным *институтом*, а именно – привычкой^[879] сложившихся властных группировок решать конфликты мирным путем. Как только одна из таких группировок (в силу молодости или резкого изменения личного состава) отказывается от принципа мирного сосуществования и прибегает к внутриэлитному насилию, контрактные организации оказываются неспособны ей противостоять.

Таким образом, книга Норта, Уоллиса и Вайнгаста дает окончательный (и полностью согласующийся с нашей теорией Власти) ответ на вопрос о причинах экономического роста в одних государствах и экономической стагнации в других. Различие между этими государствами заключается в устройстве их правящих коалиций (наличие внутри них самих правовых отношений) и уровне их политической культуры (готовности распространить правовые отношения на все население, и умение удержаться при этом у власти). Те страны, чьи правящие элиты *неспособны* к качественному государственному правлению (не говоря уже о неумении решать вопросы между собой правовым путем), обречены на экономический застой и деградацию.

Однако это вовсе не означает, что подобные «нехорошие» элиты нужно немедленно отстранять от правления (особенно с помощью гуманитарных бомбардировок): худо-бедно, но они все же обеспечивают **контроль над насилием** – главную

жизнеобеспечивающую функцию государства. Уничтожение плохих элит не может привести ни к чему другому, кроме как к формированию еще более молодых и неопытных новых элит, что неизбежно сопровождается значительным ростом насилия. Социальный прогресс следует искать на пути повышения политической культуры властных группировок, ради чего, собственно, мы и написали нашу книгу.

6. Теория власти

Михаил Хазин, Сергей Щеглов, «Лестница в небо», (2016)

Теоретик. Нам осталось ответить на последний, но самый каверзный вопрос, который наверняка висит у вас на языке. Почему мы, авторы, так уверены в правильности нашего *собственного* понимания Власти? Почему мы без колебаний пишем на каждой странице книги «теория Власти», как будто она является общепризнанной дисциплиной, преподающейся в университетах наравне с теорией механизмов и машин?

Читатель. Честно говоря, вы так задавили меня эрудицией, что я уже и забыл про этот вопрос. Но в самом деле, а почему? Ваша теория только-только появилась на свет, а потому признания в научном сообществе еще не получила; как же тогда вы убедились, что эта теория действительно работает?

Теоретик. Обратите внимание, какой критерий первым пришел Вам в голову при вопросе о правильности теории. Признание в научном сообществе! И это после сотен страниц, посвященных механизмам формирования такого «признания» в интересах действующей Власти! Коль скоро сама наша теория включает в себя строжайший контроль Власти за

результатами социальных наук и даже описывает некоторые его механизмы – разве имеем мы право проверять собственную теорию через ее официальное признание? Конечно же нет! Мы слишком хорошо понимаем, насколько условным является «общественное признание» и какое далекое отношение имеет оно к истинности или ложности **социальных** теорий.

Практик. Даже обидно, право слово! Мы целую книгу рассказывали о том, что любая общепризнанная теория в *общественных* науках является **инструментом** Власти, направленным на сохранение ее стабильности и устойчивости. Иначе никто не позволит ей стать «общепризнанной». В лучшем случае соответствующие исследования никто не будет финансировать и пропагандировать. В худшем они будут объявлены лженаукой, мракобесием и поощрением терроризма, а их авторы подпадут под законы о борьбе с подрывом устоев.

Читатель. Простите за откровенность, но тогда я вообще не понимаю, зачем было писать вашу книгу. У нее же нет никаких шансов!

Практик. А вот тут вы ошибаетесь. Власть (с большой буквы), если она всерьез заботится о своем будущем, всегда оставляет место для «экологических ниш», в которых сидят люди, *действительно* открывающие что-то новое и интересное. Официальная наука их не любит, но в случае возникновения *критических* ситуаций некоторые из таких исследователей могут «выстрелить» и даже стать на какое-то время «властителями дум».

То, что современная ситуация является кризисной^[880], по-моему, очевидно. Это не значит, что наша теория станет *общепризнанной*, но у нас есть серьезные основания считать, что *сегодня* она будет

позитивно воспринята Властью. Есть еще одна серьезная причина, по которой ее могут не просто принять, но даже, пусть и не по полному масштабу, продвинуть. Дело в том, что в условиях острого системного кризиса мало найти людей, которые могут предложить какие-то новые идеи. Нужно эти идеи *реализовать*.

Но как это сделать? Авторы новых идей – всего лишь одиночки (в общественных науках новые открытия не требуют больших коллективов), за ними нет сколько-нибудь масштабной организации. Да ее и не может быть, поскольку любая сколько-нибудь серьезная организация либо создается Властью, либо является для нее угрозой. Создать организацию с нуля под конкретных людей? Не получится: все ее потенциальные сотрудники уже *выучены* в рамках общепризнанных, «единственно верных» теорий, и будут в своих действиях воспроизводить старые концепты^[881] и парадигмы. Как говаривал незабвенный Виктор Степанович Черномырдин, какую партию мы ни строим, всегда получается КПСС^[882]. Молодежь, способную сразу же начать работать в новой модели, взять неоткуда; она должна сперва ей *научиться*. Причем желательно начинать это делать с детского сада. В противном случае велика вероятность, что некоторые идеологические «табу» («что такое «хорошо» и что такое «плохо»») уже будут вбиты в голову.

А значит, будут порождать априорные симпатии и антипатии, которые могут сильно помешать будущей работе.

Поэтому в системно-кризисные времена альтернативным концептам (пусть они идеологически и противоречат «мейнстриму») и может быть дан «зеленый свет». При этом мнение представителей

самого «мейнстрима» никому во Власти к этому моменту уже не интересно; поезд ушел, кризис на дворе! Именно по этой причине мы и говорим о том, что наша книга является пособием для начинающих. В условиях современного кризиса, буквально *здесь и сейчас* она может быть использована для прорыва; «вчера было рано, завтра будет поздно» – как говорил один из величайших практиков Власти.

Читатель. Да, вот теперь все понятно. Вот только «завтра будет поздно»... Что, все так плохо? Нужно уже бежать и что-то делать?

Практик. Завтра действительно будет поздно, но упомянутый практик эту фразу произнес по поводу вооруженного восстания, когда счет идет на часы. А сейчас речь идет об исторических мерках – год, два, может быть даже десять [\[883\]](#). Поэтому лучше спокойно дочитать книгу до конца. Мы возвращаемся к крайне интересному моменту: откуда, собственно, появилась на свет теория Власти? Это крайне полезно знать, прежде чем бежать применять ее на практике, поскольку если теория, какой бы она красивой ни была, взялась из неправильного места, применять ее бессмысленно и даже опасно.

Теоретик. Как видите, общепризнанность теории является результатом оценки ее полезности для Власти [\[884\]](#), но слабо соотносится с *правильностью*. Поэтому мы руководствовались куда более надежным, хотя и не менее трудоемким способом проверки наших догадок. По уже сложившейся традиции мы расскажем о нем с самого начала, как если бы книга, которую вы держите в руках, была бы точно таким же источником по теории Власти, как и все предыдущие книги, рассмотренные нами до сих пор.

Читатель. Вы говорите про СССР?

Теоретик. Разумеется. Авторы «Лестницы в небо» родились, получили образование и начали свою трудовую деятельность в Советском Союзе, и беспрецедентная социальная трансформация, случившаяся на его территории в конце XX – начале XXI века, происходила прямо у них на глазах. Сегодня многие события прошлого века уже порядком подзабыты, поэтому давайте освежим в памяти не просто советскую и российскую историю последних десятилетий, но и само историческое пространство, на котором возник СССР.

Начать тут нужно с 500-летней старины, поскольку все современные события^[885] уходят корнями в XVI век. Появившаяся тогда модель *капиталистического* развития была основана на постоянном углублении разделения труда («научно-техническом прогрессе»), что, в свою очередь, требовало постоянного расширения размеров экономических систем^[886]. И если мы посмотрим на историю крупных экономических объединений^[887], то увидим, что с конца XIX века, когда свободного экономического пространства в мире больше не осталось, количество таких систем все время сокращалось.

Вы наверняка помните, что открытия в теории Власти часто совершались учеными, жившими в *особые* периоды человеческой истории, «на сломе эпох», когда одни формы Власти сменялись другими, и потому на какое-то время сбрасывали маски. В конце XX века подобный период переживала страна, которой вы уже не найдете на карте мира.

К началу XX века их было четыре: Британская, Германская, Американская и Японская. По итогам Первой мировой войны (которая как раз и была войной *за рынки*) Германская система проиграла и разделилась на две: собственно Германскую (настолько «урезанную»

в правах, что это практически сразу привело к новой войне) и Советскую. Разумеется, Советскую систему тоже хотели разделить, но Гражданскую войну выиграли как раз те, кто не дал этого сделать. По итогам Второй мировой войны из пяти систем осталось две: Советская и Американская. Первые десятилетия после войны они интенсивно развивались, осваивая новые экономические пространства, но затем снова начался кризис развития, связанный с исчерпанием возможностей роста. В СССР он начался чуть раньше (в начале 60-х годов), но протекал медленнее, в США – позже (в 1971 году), зато пошел быстрее.

Рассказ о деталях этого процесса мы опустим, поскольку он требует отдельной книги^[888], но отметим существенный во всех смыслах момент. Возникший кризис был осознан правящими элитами и в СССР, и в США. А вот дальше произошло то, что никакая экономика объяснить не может. В СССР были предприняты две масштабные попытки преодолеть кризис (хозяйственная реформа Хрущева начала 60-х и реформа Косыгина второй половины 60-х), но когда они не дали ожидаемых результатов, новых реформ за ними *не последовало*.

Практик. Вот здесь как раз проявилось принципиальное отличие монархии от олигархии. В СССР к началу 70-х (когда кризис начался и в США) у власти находился уже пожилой «монарх», Леонид Ильич Брежнев^[889], поддерживаемый таким же, а то и более пожилым окружением. На фоне явно ухудшающейся ситуации у главного противника (СССР еще рос, хотя и все замедляющимися темпами, а экономика США все 70-е годы фактически падала) руководство СССР^[890] фактически отказалось от каких-либо активных действий по реформированию экономики. Более того, оно решило, что победа сама

упадет в руки, и пошло на уступки Западу сразу по трем основным направлениям «борьбы двух систем».

Во-первых, начало в условиях нефтяного кризиса продавать нефть на экспорт. Во-вторых, пошло на ограничение стратегических вооружений (договор ОСВ-1, 1972 год), поддерживать которые в то время было куда труднее для бюджета США, чем для СССР. В-третьих, СССР в 1975 году подписал Заключительный Акт совещания в Хельсинки, включавший в себя так называемую «третью корзину» – положения, признающие в качестве общепризнанных ценностей «права человека» в их западной формулировке^[891].

Теоретик. Кажется невероятным, чтобы одна из двух ведущих мировых держав пошла на подобные односторонние уступки своему противнику, да еще в условиях его очевидного ослабления. Но при монархической власти такое бывает сплошь и рядом^[892]: человек слаб, даже если он руководит великим государством. С возрастом все больше хочется передохнуть, сделать паузу в борьбе за власть, переключиться с Власти на Управление. И вот результат: в течение 15 лет СССР не только упустил возможность выигрыша в «соревновании двух систем», но и вырастил в собственной системе Власти целое поколение потенциальных предателей, ориентированных на «уровень жизни» и «права человека», а потому не видевших будущего в рамках сложившейся экономической системы^[893].

Если бы современная экономическая теория и теория Власти была к этому времени общим местом, то, скорее всего, этого бы не произошло. Просто потому, что понимание объективных причин кризиса заставило бы бороться до конца. Поневоле вспоминаются слова Сталина, сказанные им в частной беседе незадолго до смерти: *«Нам нужна хорошая теория, иначе нас*

сомнут». Теория была создана, но... уже после распада СССР.

Но это сейчас, зная теорию Власти, мы можем легко объяснить читателям и самим себе, что произошло. В рамках предшествующих социальных теорий, вроде «классовой борьбы» и «Экономикса», действия советского руководства выглядели совершенно необъяснимыми и порождали целую лавину слухов про «масонский заговор» и «американских шпионов». Объяснить случившееся *рационально*, без привлечения потусторонних сил, было совершенно невозможно.

Практик. А вот в США ситуация была другая: там высшая Власть в государстве была организована *олигархически*. Американская элита *осознала*, что проигрывает «соревнование двух систем», и дико испугалась. В результате она срочно разработала программу экономических реформ, так называемую «рейганомiku»^[894] и, не обращая внимание на протесты части общества (например, профсоюзов), эту программу железной рукой осуществила.

Суть этой программы состояла в том, что в США имитировали расширение рынков с помощью кредитного стимулирования спроса домохозяйств. Это потребовало серьезных изменений и в механизме кредитования (концепцию возврата частного долга заменили на его бесконечное рефинансирование), и в системе обслуживания госдолга (стали снижать учетную ставку, предварительно подняв ее до заоблачных высот); но тем не менее очередной этап технологического прогресса^[895] был успешно запущен. Отдаленным результатом «рейганомики» стал современный (куда более серьезный) «долговой» кризис, но в первые десятилетия найденное решение сработало, и его инерции вполне хватило для победы над геополитическим и идеологическим противником.

Теоретик. Главное, что мы хотим подчеркнуть, – это то, что кризис в 70–80-е был взаимным, и кто в нем окажется победителем, по всем экономическим теориям предсказать было невозможно^[896]. Проигрыш СССР стал следствием слабости (относительной) его элиты и устройства его верховной Власти, а вовсе не был вызван какими-либо «объективными» экономическими причинами^[897].

Но это сейчас, в 2015 году, мы такие умные и все знаем; а вот будущие авторы смотрели на те же события с точки зрения людей, *еще не написавших «Лестницу в небо»!* В годы их молодости историю было принято понимать как «живое творчество масс» или как «следствие экономических изменений»; и с этой точки зрения период 1979-2004 годов представлял собой последовательность по меньшей мере странных, а то и *совершенно необъяснимых* событий!

Руководство находящегося на пике своего могущества СССР, столкнувшись с активизацией своего главного противника и ухудшением экономических показателей, не предпринимает никаких реальных реформ, а передает кресло Генерального секретаря от одного смертельно больного человека к другому. Когда в этом кресле наконец оказывается молодой и энергичный генсек, он ни с того ни с сего решает отказаться от руководящей роли КПСС и прекращает борьбу за мировое господство. Постепенная «демократизация» управления и предоставление организациям больших экономических свобод приводит не к улучшению, а к ухудшению экономической ситуации. Предоставленная республикам СССР большая свобода действий используется ими не для работы на благо всей страны, а для «парада суверенитетов», уничтожающего вчерашнюю сверхдержаву.

Пришедший к власти под лозунгами борьбы за народное дело политик устраивает своему народу «шоковую терапию» и запускает грабительскую «приватизацию». Армия, милиция и спецслужбы поддерживают этого политика в противостоянии с объявившим ему импичмент высшим органом власти. Стартовав на следующих выборах с рейтингом менее 5%, этот политик выигрывает их, несмотря на совершенно явную раздачу государственной собственности своим приближенным^[898]. Получив очередной мандат от народа, политик перестает заниматься государственными делами, и страной долгое время руководят сменяющие друг друга «группы влияния». Наконец, поставленный перед перспективой потери власти, а вместе с ней и свободы, этот политик назначает на свое место никому не известного человека – и тот спустя несколько лет оказывается выдающимся государственным деятелем, восстановившим статус России как ведущей мировой державы!

Читатель. Ого. Да тут и впрямь «загадка внутри головоломки, завернутая в тайну»!

Практик. Не нужно думать, что мы одни такие «загадочные» и что победа далась Западу легко и без последствий. Дело в том, что политика финансового стимулирования, «рейганомика», очень усилила позиции финансовой элиты (точнее, финансовой части мировой элиты), даже с учетом того, что уже были в наличии ФРС США и Бреттон-Вудские соглашения. И поскольку задачу накачки спроса и перестройки экономики США (перехода к новой технологической «волне») нужно было решать быстро, впервые за много веков были ослаблены механизмы пополнения верхней, родоплеменной части западной элиты. Грубо говоря, финансистов туда стали пускать просто по факту

наличия очень больших денег, без долгой и утомительной проверки.

В результате к моменту распада СССР финансовая часть мировой элиты стала не просто доминировать, она начала превышать ее остальную часть и численно, и по контролируемым ресурсам. Что позволило ей сильно изменить общие правила функционирования управления государствами в своих интересах. Более того, был радикально изменен управленческий и научный дискурс, в части того, что доминирование финансовой элиты стало его (дискурса) имманентной, то есть неотчуждаемой частью. И, как следствие, когда кризис (который, в первую очередь, связан с невозможностью сохранить нынешнюю финансовую систему со всей ее системой бенефициаров) начался уже в более или менее крупном масштабе, все попытки что-то изменить или исправить выстраивались в условиях, во-первых, признания того факта, что финансы и финансисты ни в чем не виноваты, и, главное, при любых условиях должны сохранить свое место в элите.

В результате сложилась потрясающая ситуация – кризис идет уже как минимум лет восемь, а хоть сколько-нибудь внятного его объяснения в рамках научного «мейнстрима» не существует! А люди, которые, в общем, привыкли относиться к самим себе с уважением, говорят вслух о том, что он «закончился»...

Теоретик. Вернемся от нынешней непростой ситуации к концу прошлого века. Наверное, во всей истории человечества не было другого случая, когда за какие-то 25 лет^[899] ведущая мировая держава претерпела бы столь масштабные изменения в своем политическом и экономическом устройстве. Уникальная советская политическая система, в которой принадлежность к правящей элите была строго

формализована членством в КПСС и местом в так называемой номенклатуре^[900], сменилась «разгулом демократии», где долгое время нельзя было понять, кто главнее – министр, олигарх или бандит. Экономическая система, представлявшая собой огромное государство-корпорацию, где каждый гражданин был ее наемным служащим, была практически мгновенно преобразована в смешанную частно-государственную экономику, где больше не действовали сложившиеся в предыдущий период социальные гарантии.

Казалось, все мыслимые устои общества были разрушены, но не прошло и десяти лет, как на развалинах предыдущего государства стало формироваться новое, а в нем – возрождаться привычная каждому советскому человеку «вертикаль власти». Подобно Англии XVII века и Италии XIX, где глазам исследователей предстала молодая, а потому еще не слишком умело прячущаяся за масками Власть, трансформация СССР в Россию открыла для исследователей возможность разглядеть за политическими и экономическими структурами более глубокую реальность – ту самую Власть, которая в обычных условиях умеет оставаться невидимой. Но чтобы ее увидеть, нужно было обладать еще и *особой оптикой*.

Зададим следующий, вполне логичный вопрос: почему авторами теории Власти стали *несистемные* для российской науки люди? Государственный деятель, экономист (не академический, скорее, практик государственного управления экономикой) и публицист Михаил Хазин? Писатель-фантаст, программист и блогер Сергей Щеглов? Почему именно им удалось «размотать» звено за звеном цепочку, приведшую в конечном счете к теории Власти, и почему этого не смогли сделать *профессиональные* политологи?

Читатель. Ну, для читателей вашей книги это уже не вопрос. Конечно же потому, что они были *несистемными*! Ведь все системные ученые вписаны в какие-то группировки и думают только то, что им положено думать!

Теоретик. Печально, если вы вынесли из нашей книги столь прямолинейную трактовку *социального контроля*. На уровне столь умных и независимых людей, какими обычно бывают выдающиеся ученые, он работает куда тоньше, чем товарищ майор за плечом^[901]. Контроль над ними осуществляется путем долговременного обучения определенным мыслительным приемам и базовым представлениям, которыми эти ученые потом и пользуются всю оставшуюся жизнь^[902]. Или, выражаясь современным языком научной публицистики, путем формирования научного *дискурса*. Поэтому профессиональным ученым так легко делать научную карьеру (с теми, от кого она зависит, они говорят на одном языке), но так трудно придумать действительно новую теорию. Вспомните, сколько десятилетий (!) ушло у нобелевского лауреата (!) Норта на разработку концепции «насилия и социальных порядков», и как медленно преодолевал он на этом пути привычные экономические концепции.

Практик. Ну, Россия все-таки не США. Это в США тотальная дисциплина и жесткое подчинение вертикали, поскольку без них карьеры не сделаешь. А в России внутренняя свобода всегда была выше, особенно в период СССР, когда все больше смотрели на результат, который показывает работник, а не на то, о чем он думает. Есть и еще одно обстоятельство. В силу того, что в США всегда был избыток квалифицированной рабочей силы, основной упор они делали на производственные схемы, все элементы которых (исполнители) были легко заменяемы. СССР

применить эти схемы не мог – исполнителей просто не было. И по этой причине в СССР учебная система была выстроена под поиск и подготовку гениев. Которые могли заменить сложные схемы силой мысли.

А уж если нужен гений, то нужно терпеть и все его выверты. И тяжелый характер, и желание задавать разные неудобные вопросы. Кстати, когда я впервые столкнулся с американскими профессорами, я удивился, насколько они «зашорены», насколько любая попытка хотя бы на миллиметр отойти от «утвержденных» схем вызывает у них отторжение и раздражение. В этом смысле советская школа была куда более «либеральной», хотя и она *в последние* годы СССР стала постепенно переходить на американские рельсы. А сейчас этот процесс еще усилился.

Теоретик. Так что, Читатель, в главном вы действительно правы: для настоящего теоретического прорыва в какой-либо области требуется появление «человека со стороны», не только способного посмотреть на имеющиеся проблемы свежим взглядом и привлечь для их решения приемы и методы из других областей, но и не входящего в сложившуюся научную иерархию. Именно это и произошло с теорией Власти, когда ею – на первый взгляд чисто случайно, но исходя из логики развития Науки – с железной необходимостью занялись Хазин и Щеглов.

Михаил Хазин^[903] начинал свою личную карьеру как математик (выпускник мехмата МГУ 1984 года, работал в Институте физической химии до 1989 года), затем заинтересовался экономикой (несколько лет работал в Институте статистики и экономических исследований Госкомстата СССР/РФ, после чего еще год – руководителем аналитического отдела в Элбим-банке), и на волне бурных кадровых изменений 90-х закономерно попал на государственную службу^[904]. К

1995 году он дослужился до начальника департамента кредитной политики Министерства экономики, а к 1996-му уже метил в замминистры, но угодил в «разборку» между вышестоящими руководителями и вынужден был уйти из министерства. В 1997 году Хазин перешел в только что образованное Экономическое управление Президента РФ и впервые получил возможность для спокойного анализа экономических процессов. Далее слово самому Хазину:

«...В силу служебных обязанностей исследовал обстоятельства предстоящего российского кризиса^[905] и с интересом обнаружил, что некоторые его аспекты удивительно напоминают американскую экономику. После чего стал размышлять о сущности экономической парадигмы, сложившейся в США в 90-е годы прошлого века...» [Кобяков, Хазин, 2003].

Так обычный экономист незаметно для самого себя стал теоретиком – поставил перед собой и попробовал разрешить серьезную научную проблему (причины происхождения масштабных экономических кризисов). Одновременно первый заместитель руководителя Администрации Президента, который принял Хазина на работу, поручил ему обеспечить для Президента (тогда – Б. Н. Ельцина) «прозрачность» работы правительства. В результате на свет появилась не только концепция «мирового кризиса», но и понимание того, как в Правительстве реально принимались решения^[906].

В 2003 году в Интернете открылся посвященный проблеме экономического кризиса сайт www.worldcrisis.ru, и в том же году Хазин со своим соавтором Андреем Кобяковым издал классическую сегодня книгу – «Закат империи доллара и конец «Рак Americana». Несмотря на провокационное название, книга содержала целостную концепцию происхождения кризисов из структурных дисбалансов, вызываемых

волонтаристской кредитной накачкой отдельных отраслей в ущерб всем остальным. Прогнозировавшийся в книге глобальный кризис действительно разразился в 2008 году (затронув в том числе и Россию), но был «залит деньгами», в полном соответствии с прогнозом *другого* соавтора «Лестницы в небо».

Сергей Щеглов^[907] на своем жизненном пути всегда исповедовал принцип «заниматься тем, чем интересно», и в результате поменял множество профессий. Начав свою карьеру инженером в оборонном КБ (1988), он вскоре перевелся в философскую аспирантуру Пермского политехнического института (1989-1991) – но тут развал СССР сделал преподавателей и аспирантов нищими, и Щеглову пришлось искать другие источники доходов. В последовавшие за этим «лихие девяностые» он занимался и торговлей видеотехникой, и работой в кредитном отделе банка, и поставками отделочных материалов, а в качестве хобби^[908] писал довольно своеобразную фантастику (благодаря которой до сих пор известен в Интернете как «писатель-фантаст»).

Но все эти занятия не позволяли удовлетворить личное любопытство Щеглова (которое некогда и привело его в философскую аспирантуру): как устроено окружающее нас общество, какие законы им движут, и куда оно благодаря им движется? Поиски ответов привели Щеглова на первые дискуссионные площадки в Интернете, где он заинтересовался экономикой и вскоре стал активным участником дискуссий на сайте Михаила Хазина worldcrisis.ru. Первым творческим достижением Щеглова стала небольшая заметка о циклах Кондратьева [Щеглов, 2003/2009], из анализа которых вытекал странный (для 2003 года, когда золото стоило примерно 350 долларов за унцию) прогноз о скором *многократном* подорожании золота (и других природных ресурсов)^[909].

Следом на свет появилась статья «Будущее денег» [Щеглов, 2003], в которой был выявлен *долговой* характер американской экономики и дан прогноз, что очередной финансовый кризис *может* быть «залит деньгами», поскольку на тот момент ставка рефинансирования еще не достигла нулевой отметки. В ходе «великой рецессии», как в конечном счете был назван экономический кризис 2008 года, этот прогноз также прошел практическую проверку: раздав банкам более трех триллионов долларов и опустив ставку рефинансирования до нуля, американская ФРС сумела стабилизировать экономику на краю пропасти.

После обнаружения практически полной управляемости экономики финансовыми кругами интересы Щеглова сместились в следующую область. Действительно, какой смысл изучать «экономические законы», если простым решением «дать кредит» их действие может быть отменено в любую минуту^[910]? Изучать нужно те закономерности, которые *действительно* определяют поведение людей, и они совершенно явно лежат за пределами экономики! Нужно изучать способы совместной деятельности людей, то есть способы их организации!

Результатом многочисленных дискуссий на форуме и знакомства Щеглова с нейроинформационной концепцией, развиваемой Игорем Бощенко, стала совместная статья [Бощенко, Щеглов, 2005] «От племени к нейросоцу». В ней развивалась «теория социальных систем управления», главной идеей которой была классификация организаций («социальных систем управления) по способу, которым в них вырабатываются и принимаются решения. Бощенко и Щеглов выделили и пронумеровали четыре таких способа («систем управления»): СУ-1 (родоплеменной, решения принимаются коллективным

сознанием племени), СУ-2 (феодалный, решения принимается одним человеком, стоящим во главе иерархии), СУ-3 (капиталистический, решения принимается путем формальной процедуры – Закона – и за счет этого учитывает мнения разных людей) и наконец СУ-4 (нейросоциальный, решения формируются в ходе обмена информацией между людьми подобно тому, как это происходит в ходе обмена информацией между нейронами головного мозга). ТССУ, как ее называли авторы, получила определенную популярность в Сети, и легла в основу монографии Бощенко «Эволюция социальных систем» [Бощенко, 2006].

Однако нейроинформационный подход к общественной жизни показался Щеглову слишком абстрактным, и в дальнейшем он удовлетворял свое любопытство исследованиями конкретных вопросов общественной жизни. Так, в 2006 году он провел анализ структуры собственности крупнейших мировых предприятий и опубликовал у себя в блоге^[911] ее неожиданный результат: почти половина из топ-500 акционерных обществ оказалась под контролем тесно связанной между собой десятки крупнейших инвестиционных фондов^[912]. Мировая экономика оказалась куда ближе к «плановому хозяйству» с единым центром принятия стратегических решений, нежели к стихии «свободного рынка». Через пять лет, в 2011 году, схожую работу проделала группа швейцарских исследователей во главе с Джеймсом Глаттфельдером; они проанализировали данные о владельцах 37 миллионов (!) компаний, и пришли к тому же самому выводу: во главе мировой экономики стоит кластер из большой десятки инвестфондов^[913]. Но как именно эта десятка управляет своими активами? Какие законы – экономические, социальные или политические, – могут позволить нам понять поведение людей,

стоящих у руля всей мировой экономики? К началу 2010-х годов Щеглов вплотную подошел к теме нашей книги: там, на самом верху, действуют совсем другие правила игры, правила Власти!

Тем временем Хазин активно продвигал свою теорию «мирового кризиса», по-видимому, рассчитывая на ее признание в государственных структурах. Однако реакция российского ^[914] экономического сообщества на многочисленные статьи и публикации оставалась демонстративно-пренебрежительной: «теория Хазина ненаучна, потому что сам Хазин не экономист, поскольку его не печатают экономисты в своих научных журналах». Постепенно в интервью Хазина стала появляться *рефлексия* такого отношения: он все чаще говорил о господствующей в среде экономистов либеральной экономической теории как о главном препятствии на пути реальной борьбы с кризисами. Опыт кризиса 1998 года, который был виден Хазину и его коллегам по Экономическому управлению, но так и не был предотвращен, повторился в 2008 году: снова кризис был предсказан за несколько лет, и снова для его предотвращения ничего не было сделано. Только на этот раз уже в крупнейшей державе мира, в США, а не в коррумпированной ельцинской России.

Чем можно объяснить такое *повсеместное* игнорирование реально сбывающихся прогнозов? Неужели они *выгодны* заправляющим всем олигархам? Вовсе нет – и в 1998 году в России, и в 2008 году в США многие олигархи потеряли в ходе кризиса все ^[915]. Тогда, быть может, дело в господствующих экономических теориях? Представим себе, что некий олигарх вызывает к себе придворного экономиста, и между ними происходит примерно такой разговор:

– Вот, Хазин пишет, что скоро будет кризис, и я все потеряю. Что скажешь?

– Хазин шарлатан, современная экономическая наука давно установила эффективность рынков, и никаких кризисов там происходить не может, спрос и предложение быстро уравновесят друг друга.

– А как же предыдущие кризисы?

– Они были вызваны субъективными ошибками отдельных лиц, которые больше не повторятся. Объективных экономических оснований для нового кризиса нет!

И успокоенный олигарх продолжает свои рискованные операции – с понятным результатом. Какое-то время эта версия казалась Хазину наиболее вероятной, и он посвятил много страниц критике «либеральной экономической теории». Однако существовала еще одно возможное объяснение, в 2000-е годы казавшееся совсем уж экзотическим. Что если олигархи *вынуждены* вести себя так, как если бы никакие кризисы им не грозили? Что если над экономической мотивацией (сохранить свои капиталы) существует более могущественная *политическая*?

Читатель. Ну да, то же самое, что и у Щеглова – какая, к черту, экономика, когда самое главное, дадут кредит или нет! В случае кризиса, глядишь, еще и скорее дадут! Нужно только знать, как сделать, чтобы дали именно тебе, а не конкуренту!

Теоретик. Вот именно: логика размышлений о кредитной экономике и о «либеральных теориях» неотвратимо выводит нас на вопрос: а каковы *истинные* мотивы лиц, принимающих решения на самом верху? Руководствуются ли они экономическими или же в *первую очередь* политическими соображениями? И если последними – то не пора ли переключиться с экономики на политику?

Идея переключиться с экономики на политику [\[916\]](#) была тем более привлекательной, что сам Хазин многие

годы провел в «коридорах власти» и прекрасно знал, как принимаются там ключевые решения. Более того, еще в 2006 году он обобщил свой опыт в кратком пособии «Как делать карьеру», написанном для Лены Ижицкой^[917] (тогда еще студентки) и никогда не публиковавшемся в открытой печати^[918].

Читатель. 2006 год? Позвольте, но сейчас уже 2016-й! Что уважаемые авторы делали целых десять лет?!

Теоретик. Ну, это у них надо спросить. С нашей теоретической колокольни, длительное отсутствие какого-либо развития своих политико-экономических идей что у Хазина, что у Щеглова говорит о существенных *сложностях*, возникших при попытке создать соответствующие теории. Переход от привычной и понятной экономики, где основной понятийный аппарат (деньги, товары, ВВП, кредиты...) был уже наработан предшественниками, к совершенно новой науке, которой даже и названия-то не придумано^[919], казался практически невозможным. Поэтому до ноября 2012 года фактически уже созданная, но еще не оформленная теория Власти никак не развивалась. А потом произошла одна из тех случайностей, которые обычно и создают Историю.

Заочно Хазин и Щеглов познакомились еще в 2003 и регулярно общались на сайте worldcrisis.ru. За этим последовало личное знакомство, поддерживаемое в ходе визитов Щеглова в Москву и Хазина в Пермь. В одну из таких встреч, уже в 2012 году, Хазин упомянул о своем давнем тексте «Как делать карьеру»; Щеглов им активно интересовался и регулярно просил прислать на ознакомление. В ноябре 2012 года Хазин наконец-то нашел в своих архивах пособие 2006 года и переслал его Щеглову с примечанием: «А давай

сделаем из этого книгу». С этого момента события приобрели необратимый характер.

Щеглов открыл «Карьеру», прочитал в файле «*к власти рвутся бандой*» и хлопнул себя по лбу...

Практик. Нужно заметить, что для Хазина эта фраза была столь же обычной, как «лошади кушают овес и сено». Дело в том, что ее часто повторял его отец, Леонид Григорьевич Хазин^[920], рассказывая сыну о своем понимании устройства Власти. Когда Хазин сам начал работать во властных структурах, это понимание хотя и несколько уточнилось, но в целом осталось без особых изменений. Как видите, реальные корни теории Власти уходят глубоко в недра советского общества.

Теоретик. А вот Щеглов посмотрел на эту «само собой разумеющуюся» фразу с совсем другой, теоретической точки зрения. «Банда» – это же *новое* понятие, быть может, то самое, которого так не хватало для сборки «социальной системы управления»: малая, но *организованная* группа! Все известные до сих пор социальные теории признавали за субъектов истории либо отдельных людей (царей и героев), либо *большие* группы людей (этносы, классы, элиты), либо совсем уж безличные социальные и экономические законы. А вдруг получится создать теорию, взяв за субъект социального действия *малую* группу? Причем не какой-нибудь кружок филателистов, а группу *организованную*, четко понимающую свои задачи и *сознательно* рвущуюся к власти? Добившись которой она будет играть решающую роль в принятии всех значимых решений и тем самым определять ход Истории?!

Практик. В то время как Щеглов считал «властные группировки» интересным теоретическим понятием, Хазин уже давно на собственном опыте убедился в их реальном существовании. Он пришел на

государственную службу уже в достаточно серьезном возрасте (33 года), без навыков руководящей работы и представлений о правилах игры в структурах исполнительной Власти, но с большим опытом практического управления неформальными коллективами, полученным в работе со школьниками. Сталкиваясь с большим количеством высокопоставленных чиновников (вплоть до министров и вице-премьеров), он напряженно искал способы правильно «вписаться» в новую для себя систему отношений и выработки решений. Необходимо было понять, как можно мотивировать своих коллег и подчиненных на реальное выполнение сложных и подчас неформальных задач, поставленных руководством.

В процессе такого интенсивного обучения Хазин с удивлением обнаружил, что у «старых» работников аппарата (в отличие от новых людей, пришедших в правительство после 1991 года) совершенно *невозможно* было узнать, с кем и в рамках решения каких задач они реально работают. «Новые» работники поначалу были куда более откровенны^[921], но со временем тоже потихоньку закрывали рты на замок. Вот в этот короткий период относительной открытости Хазин и успел обнаружить, как возникают властные группировки и как они переходят от своих служебных обязанностей к задачам захвата и укрепления власти. Заметим, что следующий «призыв» новых людей в структуры федеральной власти, связанный с Путиным, такую пищу для размышлений уже не давал, поскольку эти люди пришли в правительство пусть и из региональной, но все равно – Власти. Они уже научились скрывать свои реальные связи и интересы.

Было и еще одно обстоятельство. Поскольку властные группировки в начале 90-х еще только

формировались, им необходимо было иметь некоторые предварительные маркеры «своих», например вхожесть в группы, из которых выбирали новых членов «команд». И тут Хазину снова повезло – в силу общественной активности и его самого, и некоторых членов его семьи у него оказалось много полезных связей, созданных еще до 1991 года. Они и сработали в полном масштабе (в частности, серьезную роль в его судьбе сыграли люди, окончившие с ним одну кафедру, однокурсники его родителей, родители его учеников по школе и другие аналогичные контакты).

Ну а самым важным стало то, что в период работы в Администрации Президента Хазину, и в силу порученной работы, и в силу сложившейся на тот момент политической ситуации, пришлось напрямую поучаствовать в борьбе за высшую власть в стране, в ходе которой рухнула^[922] «команда Чубайса». В этот момент в 1997-1998 годах перед ним высветилась вся система российских властных группировок, разглядеть которую с другого места было бы практически невозможно^[923].

Теоретик. Как видите, с точки зрения Хазина, властные группировки были не теоретическим понятием, а практической и весьма грубой реальностью. Чтобы осознать масштаб сделанного открытия, требовалось взглянуть на него в более широком социально-философском контексте. Щеглов увидел возможность объяснить с помощью «властных группировок» не просто ельцинскую Россию, а всю мировую историю: от такой перспективы дух захватывало! Щеглов незамедлительно ответил на письмо: *«Круто! Речь идет о работе в большой корпорации, такой как система Власти!»*, еще сам не понимая, что именно он написал. Так сначала на словах, а только потом уже на деле и появилось на свет новое

название: теория Власти. Представление об обществе, в котором организованные группы^[924] целенаправленно добивались все большей Власти, конкурируя при этом друг с другом, обещало объяснить много больше, чем уже показавший свою слабость чисто экономический анализ.

Теперь у наших соавторов появилось понимание, что же именно они делают. Первый год ушел на преобразование сугубо практических советов «Карьеры» в теоретическое описание Системы Власти (как она тогда называлась). В январе 2014 года Хазин позвонил Щеглову и поинтересовался, когда же появившиеся в процессе наброски можно будет собирать в целую книгу. Далее состоялся следующий разговор:

– У нас полная катастрофа. По основной работе у меня вот-вот начнется аврал, но это еще полбеды. Беда в том, что я уже полгода изучаю разные тексты про Власть, и нигде нет ничего похожего на нашу концепцию. Похоже, что мы сделали настоящее научное открытие.

– И что же в этом плохого?

– Так научное открытие нужно проверять! А это – чертом уйма работы. Не просто написать, как делать карьеру и почему ее нужно делать именно так. Нужно, во-первых, проверить концепцию на историческом материале, а во-вторых, обосновать ее научную новизну. Книгу в текущем виде можно закончить за несколько месяцев, но это будет совсем не то, что нужно.

– Понятно. Ну что ж, будем делать «нетленку»^[925].

На то, чтобы «сделать нетленку», ушло еще два года. «Лестница в небо» насыщена примерами из самых разных эпох – и каждый раз за историческими событиями в них обнаруживаются осознанные действия

одной или нескольких властных группировок. Способ, которым на этом этапе проверялась теория Власти, напоминает геометрию Лобачевского: *предположим*, что Историю действительно двигают властные группировки, и попробуем найти в ней эпизоды, которые при всем желании *нельзя* интерпретировать таким образом. По мере того как число эпизодов множилось, а искомого опровержения так и не находилось, подозрения авторов переходили в уверенность: теория работает!

Теперь она была готова к второй, более серьезной проверке. Хорошая научная теория должна обладать свойством *кумулятивности*: объяснять те же самые явления, что и предыдущие теории, плюс кое-что из того, чего они объяснить не могут. Вторая часть «Лестницы в небо» не случайно представляет собой анализ предыдущих концепций Власти: так авторы проверяли свою теорию на полноту и непротиворечивость. Поскольку вы уже прочитали эту часть, вы знаете результат: в свете современной теории Власти предшествующие разношерстные идеи сложились в единую мозаику, практически полностью повторившую все концепции «Лестницы в небо». За исключением одной-единственной, той самой, с которой все и началось. Понятие **властной группировки**, позволившее собрать эту мозаику воедино, так осталось *оригинальным* открытием Хазина и Щеглова. *Власть – это система, в которой не существует индивидуальных игроков*; это открытие, совершенное «на стыке» личного опыта, экономической теории и многолетнего анализа Истории, при всей своей простоте является существенно новым вкладом авторов в теорию Власти.

Читатель. Я правильно понял, что основное доказательство правильности вашей теории – это сама ваша книга?

Теоретик. *Не доказательство;* наша книга – всего лишь аргумент^[926] в пользу того, что эта теория действительно кое-что объясняет в окружающем нас мире. Мы начали это раздел с вопроса, почему авторы так уверены в правильности своей теории; вот и ответ – потому что десять лет (с 2003 года) искали новый подход к экономическим и социальным проблемам, а потом два года проверяли его на многочисленных практических примерах^[927]. Сейчас, когда работа над книгой завершена, Хазин и Щеглов, как в том анекдоте^[928], наконец-то сами поверили в свою теорию, и готовы отстаивать ее положения в дальнейших научных дискуссиях. Мы убеждены, что содержанием «Лестницы в небо» действительно является **научная** теория, позволяющая по-новому взглянуть на многие исторические события.

Практик. Причем эта теория появилась на свет очень вовремя. Во второй половине прошлого века в мире существовали две конкурирующие системы Власти, построенные на совершенно разных идеологических, управленческих и государственных конструкциях, но опиравшиеся **на одну и ту же модель** экономического развития (углубления разделения труда). Объективный кризис экономической модели вызвал серьезные управленческие проблемы, которые не были в полной мере осознаны ни в одной из двух систем (Советская в результате погибла, Западная до сих пор пребывает в серьезном кризисе). Причины этого лежат в устройстве элиты, которая всегда прежде всего заботится о собственном благополучии и по этой причине рассматривает негативные изменения прежде всего как угрозу себе, а не объективный внешний фактор. В результате ее адекватной реакцией^[929] становится не решение объективно возникших проблем, а их усугубление с целью устранения наиболее явной

угрозы (например, Советской системы). Даже если внутри элиты и возникает понимание, что нужно что-то менять, в ее распоряжении не оказывается ни языка, ни теории, ни людей, которые способны сформулировать понимание ситуации и предложить адекватный план.

Однако в России сегодня еще живет довольно большой слой людей, который не только вышел из-под табу Советской системы, но и не полностью попал под табу системы Западной. По этой причине мы не только в состоянии увидеть слабые места западного научного «мейнстрима», но и видим, что и как там табуировано. И, соответственно, именно мы, россияне, сегодня способны предложить тот комплекс идей и действий, который, возможно, и приведет к выходу из сложившегося кризиса.

Теоретик. Как ни странно, именно такой вывод можно сделать, внимательно прочитав «Лестницу в небо». Появление новых прорывных теорий случается как раз в эпохи величайших потрясений, и было бы глупо не использовать возможности, открывшиеся в результате гибели Советской системы. У нас еще нет языка, на котором можно сформулировать теорию современного, как теперь выяснилось, *властно-экономического* кризиса, и предложить план его преодоления. Но десять лет назад у нас не было и языка для теории Власти – а теперь он создан: «Лестница в небо» как раз и претендует на то, чтобы стать первым шагом к более общей теории. И тот, кто воспримет ее как руководство к действию, весьма возможно, и сформулирует тот самый план, который позволит не только вывести мировую экономику из кризиса, но и даст возможность его творцу войти в мировую элиту, реализовав высшую мечту человека Власти!

Читатель. Вот даже как?! Лестница, которую вы мне подсунули, и в самом деле упирается в небо? Зачем

только я прочитал вашу проклятую книгу! Теперь **с этим придется что-то делать!**

Практик. Правильно! Теория только тогда чего-нибудь стоит, когда применяется на практике; что нужно делать, вы знаете, и пусть вам сопутствует удача!

Москва, Пермь, 2006-2016

ПРИЛОЖЕНИЕ

Памятка человеку власти

Теперь вы знаете о Власти намного больше, чем несколькими часами [\[930\]](#) ранее, когда только открывали нашу книгу. Возможно, вы даже узнали о Власти так много, что прочитанное никак не хочет укладываться в голове, вызывая ощущение «там такое... такое... да что же это такое!». Чтобы помочь вам разложить по полочкам полученную информацию и быстрее выделить главное в нашей книге, мы повторим ее основные положения, сопроводив их хорошо запоминающимися афоризмами. Итак, памятка человеку Власти.

Что такое Власть

Властная группировка - это самое главное, о чем надо знать

Властная группировка – группа людей, связанных между собой отношением **личной преданности** (отношения, «прочнее супружеских и уж точно прочнее любовных») и действующая **как единое целое** (все добытые членами группы ресурсы поступают в распоряжение группировки). Благодаря этому властная группировка получает способность задействовать против других людей и групп все свои ресурсы, что в большинстве случаев (против одного человека или против недостаточно сплоченной и единой группы) позволяет навязать им свою волю.

Властные группировки строятся двумя способами. 1) В абсолютном большинстве случаев – **феодальным (монархическим)** («вассал моего вассала не мой

вассал»), когда у каждого члена группировки существует только один сюзерен, который и определяет направление использования добытых ресурсов. При этом от вассала требуется прежде всего личная преданность своему сюзерену. 2) В редких случаях, главным образом среди *долго* живущих в одном месте семей, или на высших уровнях Власти – **родоплеменным (олигархическим)**, когда вместо личной преданности одному человеку возникает «распределенная» преданность родственникам и «своей среде» в целом (что не отменяет единоначалия, но позволяет без риска предательства формировать *временные* коалиции).

Родоплеменной способ требует очень больших затрат на кооптацию новых членов, но зато обеспечивает более высокий уровень доверия между своими, что, в свою очередь, позволяет более эффективно использовать доступные ресурсы. Феодальный способ более динамичен и существует на всех уровнях власти, однако требует больших затрат ресурсов на обеспечение безопасности (постоянную проверку вассалов, постоянная боеготовность в отношении конкурирующих группировок). Каким способом будет организована конкретная группировка, зависит от политической культуры ее основателей – если они выросли в родоплеменной среде, такой же будет и группировка, в противном случае (в силу дефицита доверия) может получиться только монархическая «вертикаль власти».

Власть – это арена со львами

Власть – это деятельность **властных группировок** по использованию **ресурсов** контролируемых ими организаций с целью для захвата других, еще **больших ресурсов**, а следовательно, и еще большей **власти**.

Формула власти: ресурс → власть → ресурс' → власть'.

Поскольку ресурсов вокруг нас всегда меньше, чем хочется, Власть – это вечное поле боя между конкурирующими властными группировками.

Ресурс – это все, что позволяет контролировать поведение людей

Деньги (денежные потоки), материальные ценности, имущественные и неимущественные права, привилегии, должности (денежные потоки для конкретного человека), информация (за исключением общедоступной), доступ к влиятельным людям и даже красивая задница... Все, что вынуждает других людей обращаться к Вам, а не проходить мимо, может стать Вашим ресурсом.

Чаще всего в современной Власти используются должности (особенно государственные) и бюджеты (включая доступ к кредитованию). Ну а информация, кто где с кем когда почему, всегда была и остается главной валютой Власти!

Три общих правила Власти

Первое: «К власти рвутся бандой».

Индивидуальных игроков во Власти не существует, и не стоит даже пытаться действовать в ней в одиночку. Только примкнув к какой-нибудь властной группировке, Вы сможете реализоваться как человек Власти.

Второе: «Вассал моего вассала – не мой вассал».

На нижнем и среднем уровнях Власти властные группировки организованы по феодальному принципу: во главе группировки стоит единственный сюзерен, которому подчиняются лично ему преданные вассалы –

и только они! Вассалы могут (и должны) набирать собственных вассалов, но это уже *их* личные вассалы.

Третье: «Молчание - золото».

Основным способом борьбы за власть является передача информации с целью повлиять на принимающих решения людей. Истинная информация может быть независимо проверена, и потому работает эффективнее ложной. Как следствие, любая [\[931\]](#) достоверная информация может быть использована против вас, или против вашей властной группировки. Поэтому говорить нужно только то, что изменяет поведение слушателей в нужную вам сторону; обо всем остальном следует молчать.

Три правила Власти для вассала

Первое: «Не могу дождаться, когда попаду в офис».

Власть любит тех, кто сам ее любит. Успешная карьера во Власти требует работы по 16 часов в день семь дней в неделю, и выдержать такое напряжение можно только тогда, когда вам *нравится* этот круговорот встреч, телефонных разговоров, хитро составленных бумаг и формальных мероприятий.

Второе: «Ничего личного».

Власть – командная игра, и вы действуете в ней не как личность, а как человек Власти, являющийся частью своей группировки. Точно так же ведут себя и другие люди Власти, будь то другие вассалы вашего сюзерена или представители конкурирующих группировок. Поэтому следует раз и навсегда разграничить личные отношения и отношения в рамках борьбы за Власть. Последние нужно воспринимать как что-то вроде

спорта (иногда смертельно опасного, но все же спорта); вы же не обижаетесь на друга, когда он обыгрывает вас в шахматы? Вот и он пусть не обижается: вы пришли во Власть не любезничать, а делать карьеру.

Третье: «Сюзерен моего сюзерена - не мой сюзерен».

Отношения с вышестоящими (по отношению к вашему сюзерену) персонами – самые опасные. Сюзерену выгодно продвигать вас куда угодно – но только не на свой уровень, к себе же самому в конкуренты. Поэтому любые такие контакты, если они происходят по вашей инициативе, или без моментального доклада о них сюзерену, могут (и должны) быть восприняты как нарушение вассальной присяги.

Три правила Власти для сюзерена

Первое: «Где вы видели еврея с лопатой?»

Чем выше ваш уровень во Власти, тем больше внимания на нем приходится уделять собственно борьбе за Власть, и тем меньше времени остается для формальных должностных обязанностей. Поэтому для успешной карьеры вам необходимо набирать своих вассалов и перекладывать на них как можно больше «черной» работы. Кто работает своими руками – тот не настоящий человек Власти!

Второе: «Доверяй, но проверяй».

Верность – необходимое качество вассала; если вассал начинает работать на кого-то другого, все его прочие таланты обращаются против вас. Поэтому вы должны не только обеспечивать эту верность (например, классическим «продвижением неявного

избранника»), но и постоянно проверять своих вассалов на верность. Кто этого не делает, всегда рано или поздно оказывается предан.

Третье: «Короля играет свита».

Чем больше у вас вассалов и чем лучшие позиции в организациях они занимают, тем сильнее ваша властная группировка. Поэтому необходимо защищать своих вассалов и продвигать их как можно выше (за исключением, конечно, тех мест, где они начнут напрямую конкурировать с вами).

Три правила высшей Власти при монархии

Первое: «Государство - это Он!»

В условиях монархии статус любой властной группировки (и ее сюзерена) определяется *исключительно* расположением верховного сюзерена. Поэтому основные усилия на высшем уровне власти нужно прилагать для создания *хоть какого-нибудь* личного контакта с действующим монархом. Власть находится только там, больше - нигде.

Второе: «Подобное тянется к подобному».

Монарх - человек, и ничто человеческое ему не чуждо. У него существуют личные пристрастия, какие-то темы ему интересны, а какие-то он терпеть не может. Конкуренция потенциальных вассалов вокруг монарха такова, что он может подбирать себе фаворитов уже не по принципу личной преданности (все будут преданы, никуда не денутся), а по пригодности для интересующих его дел (у кого-то это будет построение Империи, а у кого-то - разврат и пьянство). Если вы по своему складу характера и интересам подходите действующему монарху - сами

идите в фавориты; если нет – выдвигайте вместо себя более подходящего вассала.

Третье: «Вовремя предать значит предвидеть».

Монархи не вечны, а иногда и насильственно не вечны. Этот факт всегда нужно учитывать, и иметь наготове запасные варианты. Наследников престола или серьезных конкурентов действующего монарха нужно всегда держать в поле зрения, и в случае чего – без колебаний переходить на сторону победителя.

Три правила высшей Власти при олигархии

Первое: «Прислуги здесь не было»^[932].

Власть при олигархии распределена между сюзеренами высшего уровня, каждый из которых наравне с остальными пользуется определенными привилегиями (например, передачей по наследству титула и имущества даже в случае казни). Гарантиями этих привилегий являются традиции и ценности, которым следует каждый из олигархов. Их отношения к остальным людям – как у знати к «подлому» люду: между собой мы соблюдаем правила, а с нижестоящих какой спрос? С ними просто нельзя иметь дела.

Ваша задача – войти в число этих сюзеренов, для чего требуется продемонстрировать свою верность элите в целом, ее традициям и ценностям. Стать своим для элиты можно, породнившись с ней или заслужив уважение в ходе совместной деятельности.

Второе: «Объединяться со слабыми против сильного».

Олигархи выше всего ценят свои привилегии и прекрасно понимают, что возврат к монархической форме Власти означает их утрату. Максимум

централизации Власти, который они готовы терпеть – это *временный* лидер господствующей коалиции, «первый среди равных». Поэтому большинство коалиций при олигархии составляются против сильных (чтобы не дать им еще более усилиться), и именно такие коалиции имеют больше шансов на успех. К ним и надо присоединяться.

Третье: «Как дело до петли доходит».

В условиях кризиса, угрожающего самому существованию олигархии, ее «спасители» допускаются в нее вне конкурса [\[933\]](#). Это единственный шанс попасть в элиту, не меняя собственных ценностей и убеждений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Айзексон, Уолтер. Стив Джобс. Астрель, 2011.
2. Арендт, Ханна. О насилии. М.: Новое издательство, 2014.
3. Арзаканян, Марина. Де Голль. М.: Молодая гвардия, 2007.
4. Аристотель. Политика.
5. Арриги, Джованни. Долгий двадцатый век. М.: Территория будущего, 2006.
6. Ашманов, Игорь. Жизнь внутри пузыря, веб-публикация <http://www.ashmanov.com/pap/bubble>, 2007.
7. Бабель, Исаак. Как это делалось в Одессе. 1923.
8. Бажанов, Борис. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. СПб.: Всемирное слово, 1992.
9. Байгушев, Александр. Партийная разведка. М.: Алгоритм, 2007.
10. Бакунин М.А. Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010.
11. Балин, Владислав. Защита от темных искусств, http://softwarepeople.ru/blog/2009/11/10/balin_defense_against_the_dark_arts, и далее в разных местах, 2009.
12. Батыгин Г.С. Лекции по методологии социологических исследований» М.: Аспект-пресс, 1995.
13. Бинг, Стенли. Как поступил бы Макиавелли? М.: Попурри, 2005.
14. Боброва, Ирина. Изнанка смерти Березовского (интервью с Фельштинским), часть 2 // Московский комсомолец № 26230 от 16 мая 2013.
15. Борисов Ю.В. Дипломатия Людовика XIV. М.: Международные отношения, 1991.
16. Босворт К.Э. Мусульманские династии. М.: Наука, 1971.

17. Бощенко И.В., Щеглов С.И. «От племени к нейросоцу», 2005, http://worldcrisis.ru/crisis/wc_schegloff
18. Бощенко И.В. «Эволюция социальных систем», 2006, веб-публикация <http://neuroquad.ru/book/ess/ess.html>
19. Васильев Л.С. Политические интриги и стратагемные планы в Древнем Китае // Политическая интрига на Востоке. М.: Восточная литература, 2000.
20. Восленский, Михаил. Номенклатура. М.: Захаров, 2005.
21. Гоббс Т. Сочинения: В 2 т. Том 2. М.: Мысль, 1991.
22. Грин, Роберт. 38 законов власти. М.: РИПОЛ классик, 2003.
23. Даль Р. Полиархия, плюрализм и пространство. Вопросы философии 1994. № 3.
24. Дикки, Джон. Cosa Nostra. История сицилийской мафии. М.: Эксмо, 2007.
25. Диль, Шарль. Византийские портреты. М.: Искусство, 1994.
26. Жюльен, Андре. История Северной Африки. Том 2. М.: Издательство иностранной литературы, 1961.
27. Зенгер, Харро фон. Стратагемы. О китайском искусстве жить и выживать: В 2 т. М.: Эксмо, 2004.
28. Иглз, Робин. История Англии. М.: АСТ, Астрель, 2008.
29. Игнатенко А.А. Ибн-Хальдун. М.: Мысль, 1980.
30. История Италии. В 3 томах. Том 2. М.: Наука, 1970.
31. Катков Г.М. Февральская революция. М.: Русский путь, 1997.
32. Кемп, Фредерик. Берлин 1961. Кеннеди, Хрущев и самое опасное место на Земле. М.: Центрполиграф, 2013.
33. Кин Ц.И Италия конца XIX века: судьбы людей и теорий. М.: Наука, 1978.

34. Кови, Стивен. Семь навыков лидера. Минск: Вегапринт, 1996.

35. Кори, Льюис. Морганы. Династия крупнейших олигархов. М.: Центр-полиграф, 2012.

36. Лависс, Рамбо. История XIX века / Под редакцией профессоров Лависса и Рамбо: В 8 т. М.: ОГИЗ, 1938.

37. Ледяев В.Г. Социология власти. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2012.

38. Локк, Джон. Сочинения в трех томах. Том 3. М.: Мысль, 1988.

39. Люттвак, Эдвард. Государственный переворот. Практическое пособие. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2012.

40. Макиавелли, Никколо. Государь: Сочинения. М.: Эксмо, 2003.

41. Макьявелли Н. Сочинения исторические и политические. Сочинения художественные. Письма. М.: АСТ, 2002.

42. Миллс Ч.Р. Бессильные люди. Роль интеллектуалов в обществе. Неприкосновенный запас. 2014. № 2(94).

43. Миллс, Чарльз Райт. Властвующая элита. М.: Издательство иностранной литературы, 1959.

44. Млечин, Леонид. Путин. Россия перед выбором. СПб.: Питер, 2012.

45. Мортон А.Л. История Англии. М.: Издательство иностранной литературы, 1950.

46. Моска Г. Правящий класс. Глава 2 // Социологические исследования. 1994 (1). № 10. Глава 7 // Социологические исследования. 1994 (2), № 12.

47. Моска Г. Элементы политической науки. Глава 3 // Социологические исследования. 1995 (1). № 4. Глава 5 // Социологические исследования. 1995 (2). № 5. Социологические исследования, 1995 (3) р 8.

48. Мусский, Игорь. 100 великих заговоров и переворотов. М.: Вече, 2004.

49. Мясников В.С. Антология хитроумных планов // Зенгер, Харро фон. Стратегемы. Том 1. М.: Эксмо, 2004.
50. Нечаев, Сергей. Талейран. М.: Молодая гвардия, 2013.
51. Никулин А.М. Автобиографическая социология Чарльза Райта Миллса // Социологический журнал. 2003. № 4.
52. Норвич, Джон. История Византии. М.: АСТ/Астрель, 2010.
53. Норт, Д.; Уоллис, Д.; Вайнгаст, Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества. И.: Издательство института Гайдара, 2011.
54. Парето В. Социалистические системы. М.: Директ-медиа, 2007.
55. Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей. СПб.: Наука, 1992.
56. Пфеффер, Джеффри. Власть и влияние в организациях. М.: Вильямс, 2007.
57. Пфеффер, Джеффри. Власть. Почему у одних она есть, а у других – нет. М.: Карьера пресс, 2014.
58. Рахшмир П.Ю. Идеи и люди. Политическая мысль первой половины XX века. Пермь: Издательство Пермского университета, 2001.
59. Ремник, Дэвид. Мост. Жизнь и карьера Барака Обамы. М.: Астрель, 2011.
60. Ритцер Дж. Современные социологические теории. 5-е издание. СПб.: Питер, 2002.
61. Сахаров, А. Д. Воспоминания. М.: Права человека, 1996.
62. Скиннер К. Макиавелли. Очень краткое введение. М.: Астрель, 2009.
63. Смирнов А.В. Ибн Халдун. Введение (ал-Мукаддима) // Историко-философский ежегодник 2007. М.: Наука, 2008. Цитируется по вебпубликации PDF на сайте автора.

64. Смит Э. Национализм и модернизм. М.: Праксис, 2004.
65. Сталин И.В. Сочинения. Том 6. М.: ОГИЗ, 1947.
66. Стретерн П. Макиавелли за 90 минут. М.: Астрель, 2004.
67. Стретерн П. Фуко за 90 минут. М.: Астрель, 2005.
68. Суворов, В. Аквариум. М.: АСТ, 2002 (?).
69. Тарле, Евгений. Талейран. Биографический очерк в книге Талейраи, «Мемуары» (ред. Е. Тарле). М.: Издательство института международных отношений, 1959.
70. Тенненбаум Б. Великий Макиавелли. М.: Эксмо, 2012.
71. Тилли, Чарльз. Принуждение, капитал и европейские государства. 990 – 1992. М.: Территория будущего, 2009.
72. Токарева, Елена. Кто подставил Ходорковского? М.: Яуза, 2006.
73. Томсинов В.А. «Славная революция» 1688-1689 годов в Англии и Билль о правах. М., 2010.
74. Успенский Ф.И. История Византийской империи. Период Македонской династии. М.: Мысль, 1997.
75. Фуко, Мишель. Надзирать и наказывать. М.: Ad Marginem, 1999.
76. Фурсов А.В. De Conspiratione: Капитализм как Заговор. В De Conspiratione (сборник монографий). М.: КМК, 2014.
77. Челищева, Вера. Заключение № 1. М.: Эксмо, 2011.
78. Чернявский, Г. Рузвельт. М.: Молодая гвардия, ЖЗЛ, 2012.
79. Щеглов С.И. «Циклы Кондратьева в 20 веке, или Как сбываются экономические прогнозы», 2003/ 2009, веб-публикация <http://schegloff.livejournal.com/242360.html>

80. Щеглов С.И. «Будущее денег», 2003 - веб-публикация [http:// worldcrisis.ru/crisis/wc_schegloff](http://worldcrisis.ru/crisis/wc_schegloff)

81. Щеглов С.И. «Фининтерн = Менялы = ПП = Мировое правительство», 2006, веб-публикация <http://schegloff.livejournal.com/101198.html>

82. Яковлев А. Завещание Джона Локка, приверженца мира, философа и англичанина. М.: Издательство института Гайдара, 2013.

83. Adontz N. Basil I The Armenian, 1956.

84. Bobbio, Norberto. Gaetano Mosca and the Theory of the Ruling Class. Banca Nazionale del Lavoro, Rome, Quarterly Review 60:3-23, 1962.

85. Dana R. Carney, Andy J. Yap, Brian J. Lucas & Pranjal H. Mehta. How Power Corrupts: Power Buffers the Emotional, Cognitive and Psychological Stress of Lying. Columbia University, 2011.

86. Clinton, William. Democratic National Convention. Speech by William Jefferson Clinton, 1992.

87. Dahl Robert. A Preface to Democratic Theory. The University of Chicago Press, Chicago, 1956.

88. Davis John. Italy in the Nineteenth Century. Oxford, 2000.

89. Domhoff, William. Atlanta: Hunter was right. Веб-публикация, <http://www2.ucsc.edu/whorulesamerica/local/atlanta.html>, 2005.

90. Domhoff, William. Who Really Rules in Dahl's New Haven? Веб-публикация, http://www2.ucsc.edu/whorulesamerica/local/new_haven.html, 2014

91. Drelichman, Mauricio, Voth, Hans-Joachim, «Lending to the Borrower From Hell», Princeton University Press, 2014

92. Drysdale, John, Hoecker-Drysdale Susan. The History of Sociology: The North American Perspective. In «21 Century Sociology: A Reference Handbook», SAGE, 2007.

93. Dye, Thomas R., Ziegler Harmon. The Irony of Democracy. An Uncommon Introduction to American Politics.

14th edition, 2009.

94. Enan, Muhammad Adullah. Ibn Khaldun, His Life and Work. Lahore, 1941.

95. Geary, Daniel. Radical Ambition. C.Wright Mills, the Left, and American Social Thought. University of California Press, 2009.

96. Gupta, Udayan. Done Deals: Venture Capitalists Tell Their Stories, 2010.

97. Gurr, Ted Robert. Why Men Rebel. 1970.

98. Hertzfeld Andy. Black Wednesday. Comment 2, 2004. Веб-публикация, http://folklore.org/StoryView.py?project=Macintosh&story=Black_Wednesday.txt&showcomments=1.

99. Huntington, Samuel. Political Order in Change Societies. 1968.

100. Hyde Austin. The Improbable Dr. Quigley. Courier, Vol, X, No. 2, October 1961.

101. Isaacson, Walter. Kissinger. A biography. 1992.

102. Long, Norton. The Administrative Organizatuon and Political System. 1962

103. Malanima, Paolo. Decline or Growth? European Towns and Rural Economies 1300-1600.2007.

104. Martinelli, Claudio. Gaetano Mosca's Political Theories: a Key to Interpret the Dynamics of the Power. Italian Journal of Public Law, 1,2009.

105. Mills C.Wright. The Power Elite. New York, Oxford Press, 1956.

106. Mills C.Wright. White Collar. The American Middle Classes. New York, Oxford Press, 1951.

107. Mosca Gaetano. The Ruling Class. McGraw-Hill, 1939.

108. Most cited authors of books in the humanities, 2007. На основе данных Thomson Reuters ISI Web of Science: <http://www.timeshighereducation.co.uk/405956.artide>).

109. Newey Glen. The Routledge Guidebook to Hobbes' Leviathan. 2 ed., Routledge, 2014.

110. Owen David, Davidson Jonathan. Hubris syndrome: An acquired personality disorder? A study of US Presidents and UK Prime Ministers over the last 100 years. 2009.

111. Pfeffer, Jeffrey, Salancik, Gerald. The External Control of Organization: A Resource Dependence Perspective. Stanford, 2003.

112. Quigley Carroll. Audio Taped Interview. 1974. (<http://www.carrollquigley.net/interviews.htm>.)

113. Quigley Carroll. Quigley Response. In «The naked capitalist: round table review», Dialogue. Vol. 6. No. 3-4. Autumn/Winter, 1971, p. 99-116.

114. Quigley Carroll. The Evolution of Civilizations: An Introduction to Historical Analysis. Liberty Press, 1979.

115. Quigley Carroll. Tragedy and Hope. A History of the World of Our Time. New York, 1966.

116. Quigley, Carroll. The Anglo-American Establishment: From Rhodes to Cliveden. New York: Books in Focus, 1981.

117. Sachse William. Lord Somers: A political portrait. 1975.

118. Sculley John. Being Steve Jobs' Boss. 2010 – электронная публикация
http://www.businessweek.com/magazine/content/10_44/b4201096309840.htm#p4.

119. Schulze, Robert. Top Leadership, U.S.A. By Floyd Hunter. Review in Administrative Science Quarterly. Vol. 4. No. 3. (Dec., 1959), pp. 373-377.

120. Summers J.H. (Ed.). The Politics of Truth: Selected Writings of C. Wright Mills. New York: Oxford University Press, 2008.

121. Tabarrok, Alexander. The Separation of Commercial and Investment Banking: The Morgans vs. The Rockefellers. The Quarterly Journal of Austrian Economics. Vol. 1/ No. 1 (1998).

122. Tilly, Charles. Does Modernization Breed Revolution. 1973.

123. Weber Thomas. Regrets From the Man Who Fired Steve Jobs. 2010. Электронная публикация <http://www.thedailybeast.com/articles/2010/06/06/why-i-fired-steve-jobs.html>.

notes

Примечания

1

С тех пор на улицах Москвы еще ни разу не было полумиллионных политических демонстраций.

У нашей книги два автора, и может показаться, что от имени Теоретика выступает один из них, а от имени Практика – другой. Но на деле и Теоретик, и Практик являются литературными персонажами, говорящими не то, что хочется отдельным авторам, а то, что нужно для максимально точного и интересного рассказа о Власти.

Именно так: анализу определений и концепций, а не самой Власти. Философу всегда интереснее мнения других философов, чем предмет их философствований.

Такой оказалась судьба работ Макиавелли (распиарены как «дьявольские» и «аморальные»), Миллса (признаны «ненаучными») и Квигли (заклеймены как «конспирология»). Подробно об этом – во второй части нашей книги.

Здесь и далее мы будем различать Власть с большой буквы, означающую сферу общественной деятельности (подобную науке, торговле, организованной преступности и т.д.), и власть с маленькой буквы, означающую возможность отдельного человека навязать свое решение всем остальным. Власть с маленькой буквы довольно заметна, но само существование Власти с большой буквы (и людей Власти, в ней работающих) до сих пор ставится под сомнение общественными науками.

Одна из главных функций которых, как мы увидим дальше, заключается в отвлечении внимания людей от реальных задач, решением которых занимается Власть.

К реальным событиям в российском интернет-бизнесе рассказ Ашманова имеет весьма косвенное отношение, но для наших учебных задач является прекрасным образцом корпоративной жизни.

Google тогда тоже был всего лишь поисковиком – вот какие перед «Порталом» открывались перспективы!

По названию «лингвисты» мы догадались, что задачей команды могла бы быть дальнейшая разработка поисковой машины; но поскольку ее существующая версия принадлежала Основателю, лидеру другого подразделения и личному знакомому Президента, можно предположить, что реально никакая разработка не планировалась, а требовалось лишь занять чем-нибудь титулованную команду, привлеченную для увеличения капитализации «Портала».

Мы снова различаем два слова: Управление с большой буквы как сферу деятельности (которой профессионально занимаются менеджеры) и управление с маленькой буквы, означающее организацию совместной работы людей в конкретной ситуации. Управление с большой буквы – совсем другая деятельность, нежели Власть, и скоро вы в этом убедитесь.

Заставляющая периодически вспоминать бессмертную фразу Жванецкого: «Чтобы нашим народом руководить, нужно с утра немного принять». Не от хорошей жизни алкоголизм стал в последние десятилетия профессиональным заболеванием западных менеджеров!

Джеффри Пфеффер (р. 1946) – американский социолог, автор многочисленных бестселлеров, таких как «Власть и влияние в организациях» и «Власть. Почему у одних она есть, а у остальных ее нет», один из самых цитируемых на Западе гуманитарных авторов, создатель теории «ресурсной зависимости организаций». Подробнее о нем и о его теории – во второй части нашей книги.

А такие органы государственной власти редко «на виду» у вышестоящего начальства.

См. раздел 5, «Несистемные элементы».

Есть и исключения: если все в соответствующей среде знают, что сам сюзерен не заботится о своих вассалах, то вассалам, которые от него сбежали и которые его сильно не любят, никто претензий не предъявляет.

Тут может возникнуть вопрос – а почему сюзерены договариваются между собой о переходе вассалов? Чуть дальше Практик дает ответ: потому что сами сюзерены тоже чьи-то вассалы, и такие переходы возможны только в рамках одной группировки (т.е. двух сюзеренов-вассалов одного вышестоящего сюзерена). Вассалу знать других сюзеренов не положено, так что единственный способ корректного перехода – согласовать его со своим сюзереном.

Байгушев Александр Иннокентьевич (род. 1933) – советский писатель и журналист, автор популярного исторического романа «Плач по неразумным хазарам» (1960) и автобиографического романа «Партийная разведка» (2007), посвященного борьбе за власть в брежневско-андроповские времена.

Который часто оказывается и последним; второй шанс во Власти выпадает далеко не каждому.

Благодаря личным усилиям Кэрролла Квигли, 20 лет посвятившего обнаружению и изучению этой группировки и решившемуся рассказать о ее деятельности. Подобно нам, Квигли оценивал историю XX века как трагедию (его самая известная книга так и называется – «Трагедия и надежда»), а причиной этого видел несовершенство устройства властных группировок; как и мы, он надеялся на появление в будущем новой элиты.

Подробнее об этом – во второй части нашей книги, в разделе об открытиях Квигли.

Восленский Михаил Сергеевич (1920-1997), советский и немецкий (после эмиграции в 1972 году) историк, начавший свою карьеру переводчиком на Нюрнбергском процессе, а продолживший – на многочисленных номенклатурных должностях в системе Академии наук СССР; автор знаменитой книги «Номенклатура».

Здесь и далее мы специально даем два примера из разных «миров» – чтобы продемонстрировать, что Власть везде устроена одинаково.

Фонд назван по инициалам его учредителей (Kleiner, Perkins, Caufield, Byers), под его управлением на 2013 год находилось 7 млрд долларов, что немного для инвестиционного (в уже состоявшиеся компании) фонда, но очень много для венчурного. В результате КРСВ оказался вторым по объемам венчурным фондом в США.

Тут нужно пояснить специфику венчурного финансирования. Оно как бы очень рискованно – небольшие вложения делаются в десятки компаний, лишь одна из которых «выстреливает», то есть начинает успешно работать и раскручивается до миллиардных оборотов. Когда такое происходит, на каждый доллар первоначальных инвестиций «набегает» тысяча долларов прибыли. А теперь подумайте, насколько полезным может быть появление в фонде человека, который точно знает, какие компании будут назначены в верхах получателями господдержки.

Об одном таком «отставнике», Генри Киссинджере, мы подробно расскажем во второй главе.

Профессиональный рейтинг определяется как официальной должностью в какой-нибудь организации, так и умением выполнять полезные для властной группировки должностные обязанности (готовить документы, вести переговоры, управлять персоналом).

Каком именно, позвольте пока не рассказывать – у нас, в конце концов, пособие для начинающих. Опытному человеку Власти иногда достаточно малейшего намека, чтобы догадаться о готовящемся кадровом решении.

Луис Герстнер (р. 1942) – генеральный директор IBM в 1993-2002 гг., «человек, который спас IBM» от кризиса, вызванного массовым появлением персональных компьютеров.

В СССР такого не было – там все прекрасно понимали, что жизненный успех – это место в номенклатуре, а не материальный достаток, который сегодня есть, а завтра пришли и забрали.

Иногда в буквальном смысле: Борис Березовский, отлученный от Власти в России, потратил все свое громадное состояние, пытаясь поддерживать в себе уверенность, что продолжает «решать вопросы» и «участвовать в Игре». А когда понял, что это иллюзия, повесился в ванной.

Как мы уже писали, это необязательно директор; это может быть хороший знакомый владельца, «смотрящий» от большого человека, контролирующего организацию, и так далее.

Автор популярного в Сети интернет-цикла заметок «Защита от темных искусств» о корпоративных интригах и способах с ними бороться.

Но не в нашем понимании: эти «интриги» и «власть» являются лишь способом повисить влияние одного человека. Настоящая Власть возникает, когда люди объединяются в группировку и действуют совместно под руководством ее сюзерена.

Как мы увидим во второй части, одним из лучших научных методов выявления людей Власти является репутационный – опрос среди достаточно осведомленных людей, «кто на самом деле влияет на принятие решений».

Даже если вы наладчик подслушивающего оборудования и имеете доступ к миллионам «жучков» и телефонов, никто не позволит вам подслушивать людей, которые действительно определяют вашу судьбу. Раздобывать информацию о них вам все равно придется дедовским агентурным способом.

Рассказы о блестящих перспективах особенно хороши, если у вас есть хотя бы один конкретный и проверяемый пример успеха. Его можно пересказывать одними и теми же словами каждому новому кандидату в информаторы, ведь лично он его еще не слышал.

Этого конгрессмена звали Ричард Клеберг, и кто его сейчас помнит?

Одному из боссов одесского преступного мира.

Фроима Грача это тоже коснулось – против ЧК его самоуверенный вассал ничего не смог.

Получить достоверную информацию о каких-либо событиях становится возможно лишь тогда, когда она больше не влияет на текущие расклады Власти. Обычно для этого требуется смена правящей группировки, чего в случае Обамы еще ждать и ждать.

Надеюсь, вы помните, что профессиональный рейтинг отличается от командного и президент США – тоже чей-то вассал?

В отличие от его либеральных читателей, понимающих цитату как «держитесь от Власти подальше».

Стивен Кови (1932-2012) – американский бизнес-консультант и тренер личностного роста, автор супербестселлера «Семь навыков лидера», который мы, собственно, и цитируем.

Проактивность – изобретенный Стивеном Кови термин, противоположный реактивности (реагированию на стимулы), и означающий всего-навсего активность ради собственных, а не чужих целей.

Не правда ли, напоминает действия Бисмарка в отношении Фридриха-Вильгельма IV?

Кови называет подобные действия «расширением круга влияния»: сначала вы решаете для сюзерена одну мелкую проблему, потом вторую, потом он перекладывает на вас все проблемы определенного типа, а потом вы оказываетесь незаменимым. Путь долгий, но при правильном исполнении беспроеигрышный.

Надо понимать, что президент-самодур не просто так стал президентом, а был поставлен на эту должность вышестоящими сюзеренами (владельцами компании и политическими игроками). Почему и мог позволить себе любое самодурство.

Тяжелым для тех, кто читает книги вроде нашей, – будь этот труд для него легок, он уже плел бы интриги во Власти, не растрачивая время на чтение.

До избрания папой – Жак Дюэз (1244-1334), римский папа в период Авиньонского пленения, избранный благодаря своему преклонному возрасту (на момент избрания в 1316 г. ему было 72 года), но в результате правивший еще 18 лет, больше, чем какой-либо другой папа XIV в. Его история рассказана в книге Дрюона «Негоже лилиям прясть».

Как якобы говорят в сицилийской мафии, «к кому можно приехать с трупом в багажнике».

Согласием отвечают далеко не все. Например, нашему Теоретику каждый раз было обидно, что он, такой умный, вдруг окажется всем обязан какому-то одному сюзеру. Теоретик отвечал отказом, вот до сих пор и работает теоретиком. Тем не менее для вас это хорошая новость: даже таких «не от мира сего» теоретиков, если они чего-то стоят, во Власть приглашают. Пригласят и вас, если будет за что.

Те, кто смотрел культовый фильм или читал не менее культовую (на Западе) книгу «Бойцовский клуб», сразу узнают Первое правило Бойцовского клуба: «Не упоминать о Бойцовском клубе». Ничего удивительного: Бойцовский клуб в книге Чака Паланика – типичная властная группировка, живущая по своим собственным законам, которые – надо же, какой сюрприз – совпадают с правилами Власти.

Не перепутайте его с братом, Энцо Бруской, который так и не стал «человеком чести».

Win-win – принцип заключения сделки на условиях «либо оба выигрывают, либо оба проигрывают». На Западе обычно обращают внимание на первую часть, а вот в России важнее вторая, «если я упаду, тебе тоже мало не покажется».

Чуть позже мы подробно расскажем о том, как Джобс вылетел из собственноручно созданной компании Apple.

Мы уже приводили формулу «власть – ресурсы – власть*». Вот ей и надо руководствоваться при попытке разобраться, что же для вас именно сейчас является ресурсом. То, чего не хватает для еще большей власти!

Поскольку это кино, а не реальная жизнь, на этом все и заканчивается – Фокс ссорится с Гекко, Гекко сдает Фокса за инсайдерскую торговлю, тот в отместку сдает Гекко... Вторая часть фильма – уже иллюстрация, как не надо играть во Власть.

Напомним, что это стратегия «сделать так, чтобы в случае неудачи партнеру тоже пришлось плохо». Либо победить вместе, либо погибнуть каждому.

И даже наказать толком не может – «волчий билет» во властные структуры неприятен только для карьериста.

Проблема «короткой скамейки запасных» не случайно так часто упоминается в разговорах о Власти. Назначать на ответственную должность человека со стороны вдвойне опасно – ладно, если это будет несистемный персонаж, а что, если им окажется вассал конкурирующего сюзерена?!

«В идеале» тут и везде означает, что это не абсолютное правило, а то направление, в котором следует искать правильное решение в конкретной ситуации.

Помните, у Достоевского: «Кто же сейчас на Руси Наполеоном сделаться не хочет?» Хотели все, но Наполеона среди современников Достоевского так и не появилось.

Знакомая техника, не правда ли?

На наш взгляд, даже не «читая человека, как книгу», всегда полезно сказать ему что-то вроде: «Я еще не встречал человека лучше вас!»

Не правда ли, напоминает анекдот про золотую рыбку и негра, латиноса и белого: «Значит, мои черные братья теперь в Африке, а мои латинские братья – в Мексике? Тогда – стаканчик колы!»

Информация о составе совета директоров взята из электронной публикации: The Men Who Fired Steve Jobs – <http://www.thedailybeast.com/galleries/2010/06/05/the-men-who-fired-steve-jobs-where-are-they-now.html#slide1>

Тут нужно дополнительно объяснить один тонкий момент. В целом вассалы нужны сюзерену для решения политических, а не профессиональных задач. Однако в тех организациях, должность в которых значит очень много, качественное выполнение профессиональных обязанностей – тоже существенный ресурс, будешь плохо справляться с текущей работой (подписывать плохие документы), скорее с нее вылетишь. Здесь хорошо работающий подчиненный порой ценнее, чем дающий отрывочную информацию сторонний вассал. Поэтому вассалов можно разделить на два типа – «непосредственные подчиненные» и «политические назначенцы». От первых требуется высокая профессиональная квалификация, и это реальный путь, по которому попадают во Власть умные люди. Другой вопрос, что они попадают туда достаточно случайно, без понимания законов Власти, просто за большие личные заслуги, из-за чего возникают дополнительные проблемы.

Мы постоянно приводим примеры «из двух миров», поскольку считаем важным продемонстрировать: законы и правила Власти одинаковы повсюду. Люди, заставшие СССР, помнят, как при просмотре фильма «Семнадцать мгновений весны» отношения внутри абвера и гестапо оказывались удивительно похожи и на отношения в советских структурах (будь то милиция или комсомол), и на нравы западных спецслужб, описанные в зарубежных детективах. А все потому, что по-другому человечество пока что не умеет!

Идеал преданного вассала одинаково популярен как в европейской («куртуазные романы»), так и в азиатской («кодекс бусидо») средневековых культурах, и это не случайность, а отражение законов Власти, одинаковых для всего человечества.

Роберт Грин в своих «48 законах власти» многократно упоминает Талейрана как мастера выведывать секреты в непринужденной беседе, и описывает несколько типовых приемов («откровенность в обмен на откровенность», «предположения, подаваемые как факты», и т.д.), которые он использовал.

Наказывают сюзеренов, естественно, не вассалы, а сюзерены этих сюзеренов.

В нее входили, помимо Франции, Испания, Италия, Германия, Голландия и Польша, а с Россией был заключен Тильзитский мир. Непокоренными оставались лишь Австрия и Британия.

Вы помните, что вассала и сюзерена должны связывать отношения win-win, то есть «если я упаду, то и тебе несдобровать»? А здесь вассалы обсуждают, как добиться выигрыша без сюзерена. По сути, это измена.

Подразумевается герцог Энгийенский, похищенный и убитый в марте 1804 года по приказу Наполеона (из опасений возможного заговора); именно об этом эпизоде была сказана (а позднее приписана Фуше и Талейрану) фраза: «Это больше, чем преступление, это ошибка».

Такое допустимо лишь в случае прямого указания сюзерена притвориться мятежником, но подобного приказа Наполеон точно не отдавал.

В буквальном смысле: за деньги!

Подобно Кромвелю, Франко, Сталину и другим более удачливым игрокам.

При этом понимание, что Кох его «подставляет», появилось у Чубайса в результате сложной и долгосрочной аппаратной комбинации, повторить которую больше никому не удавалось.

Редкими исключениями являются биографии действительно великих людей, жизнь которых изучается под микроскопом; см. некоторые примеры в последующих главах.

На высших уровнях Власти сюзерен уже может позволить себе не занимать никакой официальной должности, но до этого уровня дорастают далеко не все. Остальным так или иначе нужна официальная должность.

Джордж Хамфри (1890-1970) – министр финансов США в 1953-1957 гг.

Пауль Гофман (1891-1974) – директор Администрации экономического сотрудничества (которая управляла реализацией небезызвестного плана Маршалла) в 1948-1950 гг., с 1959 по 1972 г. руководил аналогичной Программой экономического развития ООН.

Скорее всего, исключительно для лоббирования реорганизации компании Студебеккер-Паккард, которая как раз произошла под руководством Гофмана в 1956 году. Вообще, если бы широкая публика знала, ради чего на самом деле производятся важные назначения и принимаются фундаментальные законы (см. наш рассказ о законе Гласса-Стиголла во второй главе), у нее улетучились бы последние иллюзии насчет «демократии».

Подобно той, которая описана у Восленского: там некий чиновник лоббирует создание новой должности в Академии наук, чтобы назначить туда с повышением неугодного ему собственного заместителя. Понятно, что такая интрига требует задействования серьезных ресурсов.

Вы, конечно, уже понимаете, что предательство вида «сдать сюзерена в обмен на деньги» никогда не окупается. Успешным предательство может быть лишь в варианте «сдать сюзерена более высокопоставленному сюзерену», но и в этом случае требуется, чтобы новый сюзерен был менее опытен в делах Власти, чем вы, и лишь волею случая оказался на ее вершине. Тогда у вас будет шанс – при условии хороших личных отношений – занять при нем место «первого министра».

В уже цитировавшемся эпизоде из «Аквариума» Суворова сюзерен Кравцов рисовал своему вассалу «картину маслом» про борьбу армии и КГБ, чтобы придать смысл проверочному заданию.

Как хорошо сказал Твардовский в «Василии Теркине» насчет танков – «повстречай один хотя б!». Властная группировка несоизмеримо могущественнее отдельного человека, и ее сравнение с танком – комплимент скорее танку.

Мы возвращаемся к уже обсуждавшемуся вопросу: когда вассал может успешно предать своего сюзерена. Вот в этом самом случае: когда вышестоящий сюзерен недостаточно опытен, чтобы понимать – предавший раз предаст и второй. А уж если вся командная иерархия состоит из неопытных сюзеренов, то по их головам можно стремительно взлететь на вершину Власти!

Количество вассалов, которых способен контролировать один сюзерен, сильно различается в зависимости от индивидуальных талантов, для кого-то и один человек много, а кто-то, как Александр Македонский, может знать в лицо и по имени всех солдат своей армии. Но для лучшей запоминаемости мы считаем, что в среднем один сюзерен контролирует десять вассалов.

В Палату лордов 65-миллионной Великобритании входит (на 2015 г.) 774 человека; конечно, не все из них являются людьми Власти, и не все люди Власти в Великобритании уже получили титул лорда, но среднюю численность правящей элиты это число вполне отражает.

Бруно Де Мескита в своем исследовании иранской ядерной программы анализировал публичные высказывания 60 наиболее «влиятельных» представителей иранской элиты.

И конечно же самую важную.

Поражение в которой большую часть человеческой истории означало смерть.

Поскольку вы уже знаете, что такое Власть, это может показаться вам странным. Но мы потому и написали книгу, что по правилам Власти играет лишь ничтожное меньшинство людей. Остальные, подобно Крису и Бобу, действуют наугад, путая Власть и Управление. Именно в этом заключается основная опасность назревающей революции XXI века. Противоборствующие в ней группировки будут слишком плохо организованы, чтобы одна из них одержала быструю и относительно бескровную победу. Все может закончиться бесконечной войной одинаково плохо организованных банд.

Неудивительно, ведь он и пригласил этого «неподобающего» Криса.

Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. СПб.: Всемирное слово, 1992.

Разумеется, обвинив его в преступлении, которое сам и совершил. За расстрел протестующих в Тимишоаре Стэнкулеску был осужден только в 2008 году.

Действительно выдающемуся – попробуйте-ка сами
продержаться у власти 24 года.

Румынское нефтяное месторождение Плоешти в годы Второй мировой войны было главным источником нефти для всей гитлеровской Германии.

Выдававшихся в том числе и с политическими целями – переманить Румынию из социалистического лагеря в капиталистический.

Румынии предлагали полное списание долгов за выход из Варшавского договора и СЭВ.

Хотя Румыния формально и принадлежала к социалистическому лагерю, Чаушеску проводил совершенно независимую политику, он лансируя между СССР и Китаем; в частности, он резко осудил события 1968 года в Чехословакии.

Дело дошло до запрета использования лампочек мощнее 15 ватт.

Со всеми его стандартными проявлениями – повсеместными портретами вождя, изданием его полного собрания сочинений, постоянным новостным потоком о достижениях лидера, соревнование придворных литераторов за лучший титул: «Отец нации», «Гений Карпат», «Полноводный Дунай разума». Особо удались подхалимам книга «Посвящение», содержащая 664 страницы непрерывных похвал Чаушеску, и исторические изыскания, обосновывающие право Румынии являться правопреемницей Римской империи.

В первые годы своего правления Чаушеску заменил все высшее руководство Румынии на своих ставленников, отдавая предпочтение родственникам.

Эта фобия столь же типична для правителей, как и культ личности. Она включает в себя страх отравления (из-за чего для Чаушеску возили по всему миру проверенную пищу и даже постельное белье) и страх перед инфекциями (охранник Чаушеску всегда имел наготове флакон со спиртом и передавал боссу тампон для протирки рук после каждого рукопожатия; кстати, аналогичной фобией страдал и известный американский миллиардер Говард Хьюз).

Существует масса публикаций о «заговоре олигархов», «продаже российской нефти Америке» и планах изменения государственного строя России с целью захвата власти Ходорковским посредством «скупленного парламента». Их проверка требует подробного анализа, выходящего за рамки нашей книги; мы можем лишь констатировать, что дыма без огня не бывает, и коль скоро такие версии были широко представлены публике (а значит, и Президенту), у Ходорковского имелись весьма могущественные противники.

Исторически первой компании в империи
Ходорковского.

Не потому, что были такими верными вассалами, а потому, что в этом случае их семьи сохраняли жизнь и свободу.

Уточним: невозможно в обществах, где Власть устроена по монархическому принципу. При олигархическом устройстве Власти нижестоящий сюзерен может привлечь к себе в союзники других, более высокопоставленных сюзеренов, и тем самым защититься от необоснованных претензий. Но даже в этом случае ему придется попотеть, доказывая своим потенциальным защитникам свою правоту.

Капитуляция в таких случаях возможна. В 2014 году другой олигарх, Владимир Евтушенков, оказался под домашним арестом по делу не законного приобретения акций «Башнефти». После возврата акций государству (пусть и с немалым убытком для компании Евтушенкова, АФК «Система») дело было прекращено, а Евтушенков вернулся на свободу.

Что характерно, вопрос «Почему Ходорковский не капитулировал?» в России вообще никто не задавал; в нашем менталитете («русские не сдаются») капитуляция настолько позорное дело, что никому даже в голову не приходит. А между тем... но об этом позже.

Представленный, например, в книге Веры Челищевой «Заключенный № 1» (М.: Эксмо, 2011).

Существуют свидетельства, что Ходорковский до последнего момента считал «своим» даже Владислава Суркова – только на том основании, что тот когда-то работал в «Менатепе».

В частности, Ходорковский был лично знаком с одним из Ротшильдов, Джейкобом (р. 1936), и даже включил его в траст, распоряжавшийся акциями ЮКОСа.

Напомним в очередной раз, что Власть – это принудительное изъятие чужих ресурсов, которые мало кто отдает с удовольствием. Властвовать значит обижать людей и плодить врагов, в белых перчатках Власть не делается. Подобное занятие требует крепких нервов и спокойного отношения к рискам.

Те, у кого не получается, не пробиваются к вершинам Власти, поэтому наверху оказываются только «баловни судьбы». В статистике это называется «ошибкой выживших», если проводить опрос по телефону, есть ли у вас телефон, результат будет 100%, точно таким же будет результат опроса «Везучий ли вы человек?» среди победителей лотерей.

См.: [Carney, 2011]. В экспериментах группы Даны Карни «облеченные властью» испытуемые демонстрировали меньший уровень кортизола (гормона стресса), чем контрольная группа.

Классический пример: вы везете труп в багажнике, и вас останавливает полицейский. У обычного человека тут ноги подкосятся, а человек Власти улыбнется и поинтересуется, чем он может помочь.

По иронии судьбы, одновременно с изучением психического здоровья людей Власти (в 2002-2005 годах) лорд Оуэн занимал должность председателя совета директоров компании ЮКОС Интернешнл.

В оригинале «Hitler 1889-1936: Hubris». Греческое слово, соответствующее английскому Hubris, по-русски пишется и как «гибрис», и как «хюбрис», но первый вариант более распространен и приятнее на слух. А означает это слово «дерзость», «гордыня», «самонадеянность». Но на наш взгляд, правильнее читать его в гомеровском смысле: «полагание себя равным богам, за что следует неминуемое возмездие (немезис)».

Аналогичные сомнения можно высказать и в отношении Франклина Рузвельта. В конце 30-х годов в США был популярен анекдот про психиатра, попавшего в рай. К нему тут же обратились ангелы с просьбой вылечить Бога, у которого развилась мания величия: Бог решил, что он – Рузвельт [Чернявский, 2012].

В русском переводе использовано слово «уход», полностью искажающее смысл фразы, поэтому эту часть текста мы даем по английскому оригиналу.

С незначительным перевесом по голосам (около 100 тысяч), но с подавляющим перевесом по выборщикам (303 к 219) благодаря победам в ключевых штатах.

Таких, как республиканец Дуглас Диллон, ставший министром финансов, или директор фонда Рокфеллера Дин Раск, назначенный госсекретарем.

Именно эту команду жена Кеннеди Жаклин назвала «Камелотом», подразумевая дух рыцарского Круглого стола. На деле, конечно, в Камелоте велась точно такая же подковерная борьба за власть, как и во всех прочих подобных местах, с поправкой на молодость (средний возраст 45 лет), а значит, и меньшую квалификацию собравшихся там игроков. Но это уже другая история.

Теодор Соренсен (1928-2010) – американский юрист и писатель, получивший известность как спичрайтер Джона Кеннеди. Впоследствии участвовал во многих избирательных кампаниях кандидатов в президенты от демократической партии, включая Барака Обаму.

Артур Шлезингер (1917-2007) – американский историк и писатель, дважды лауреат Пулицеровской премии.

Эндрю Джексон (1767-1845) – седьмой президент США (1829-1837), основатель Демократической партии.

Разумеется, эти розовые мечты разбились вдребезги при первом же столкновении с реальностью. Чтобы успешно заниматься политикой, нужно разбираться в теории Власти, а не в истории, юриспруденции или литературе.

Генри Киссинджер (р. 1923) – американский ученый, дипломат и государственный деятель, сыгравший решающую роль в формировании американской внешней политики в 1970-е годы (окончание войны во Вьетнаме, партнерство с Китаем, примирение арабов с Израилем, политика разрядки в отношениях с СССР – вот лишь некоторые успешные проекты Киссинджера). Разумеется, за столь активную и самостоятельную деятельность его считали и главным врагом СССР, и советским шпионом. Наша реконструкция пути Киссинджера к власти основана на его биографии [Isaacson, 1992].

В 1958 году было продано 70 тыс. экземпляров этой книги, в то время как уже 10 тыс. экземпляров считались (и до сих пор считаются) уровнем бестселлера.

Чтобы оценить важность этого решения, нужно знать, что с середины 50-х годов Киссинджер тесно сотрудничал с республиканскими политиками в рамках рокфеллеровского Совета по международным отношениям и свою книгу о ядерном оружии написал как раз на основе одного из тамошних проектов. Так что переход в демократы был для Киссинджера сознательным и рискованным шагом на пути к Власти.

Макджордж Банди (1919-1996) – американский ученый и эксперт в области госуправления, советник по национальной безопасности в правительствах Кеннеди и Джонсона.

В 1961 году Киссинджер работал в Гарварде в статусе «приглашенного» профессора, а статус полного получил лишь в 1962 году.

Дальнейшая карьера Банди говорит о том, что Киссинджер правильно рассчитал политические расклады: в 1966 году Банди ушел с государственной службы и до самой пенсии проработал директором фонда Форда, лишившись какого-либо влияния в правительственных кругах.

Находившаяся по международным соглашениям под контролем советских войск, но не принадлежавшая в явном виде ни Западной, ни Восточной Германии.

Что и подтвердилось уже в следующем году, в ходе Карибского кризиса. Киссинджер был прав, но правильность советов – не самое важное в политической карьере; нужно, чтобы вышестоящим сюзеренам еще и хотелось им следовать. Этому Киссинджеру еще предстояло научиться.

См.: [Кемп, 2013, с. 330].

Дело дошло до открытого скандала – в ходе командировки в Израиль Киссинджер допустил на пресс-конференции резкие высказывания в адрес Пакистана, и Банди направил Киссинджеру телеграмму: «Если не заткнетесь, я вас уволю!» Вот прямо так и написал [Isaacson, 1992].

Напомним, что Кеннеди был убит 22 ноября 1963 года.

Закончившейся убийством Роберта Кеннеди 5 июня 1968 года (справедливости ради надо заметить, что на момент убийства Кеннеди немного проигрывал своему основному конкуренту, Юджину Маккарти, а в итоге кандидатом от демократов и вовсе стал политический назначенец Линдона Джонсона Хуберт Хамфри).

Киссинджер к этому времени снова поменял партийную принадлежность, а назначение республиканцев на должности в демократических кабинетах в те годы было обычной практикой.

Пагуошское движение (названное по местечку в Канаде, где прошла первая конференция) – популярная в XX веке организация ученых, выступающих против использования ядерной энергии в военных целях.

Раймон Обрак (1914-2012) – символ французского Сопротивления, был арестован гестапо, освобожден соратниками, вывезен в Лондон, после войны возглавил полицию в Марселе и жестоко преследовал всех, кого считал пособниками нацистов.

Тогда у Киссинджера и возник термин «челночная дипломатия», ставший позднее его визитной карточкой.

Впрочем, периодически называя его «Шлезингер» – для босса уровня Джонсона все эти эксперты были на одно лицо.

Переговоры с Хо Ши Мином быстро зашли в тупик – вьетнамский лидер потребовал прекращения бомбардировок без каких-либо обязательств, что оказалось неприемлемо для администрации Джонсона.

Хуберт Хамфри (1911-1978) – вице-президент США при Джонсоне, однофамилец упоминавшегося ранее Джорджа Хамфри (Хэмфри).

До 1968 года Нельсон Рокфеллер, один из представителей династии Рокфеллеров, ограничивался неформальным контролем над республиканской партией и всеми ее кандидатами; по всей видимости, этот контроль стал ослабевать, что и привело к столь неудачному решению. Хотя Киссинджер и был знаком с Нельсоном Рокфеллером с 1955 года, он никогда не принадлежал к его ближнему кругу, и не приносил вассальной присяги.

Киссинджеру было чем подтвердить эти слова: в ходе республиканских праймериз он выступал на стороне Рокфеллера и много чего плохого сказал и написал про Никсона. Но мы помним один из законов Власти – «ничего личного». Мало ли что человек говорит и пишет; главное – какие ресурсы он приносит в группировку!

Этот эпизод можно трактовать совершенно конспирологически: что Рокфеллер с самого начала делал ставку на Киссинджера, продвигая именно его (а не себя или Никсона) к рычагам государственного управления. Однако эта версия не выдерживает никакой критики: сферой влияния Киссинджера стала исключительно внешняя политика, а Нельсону Рокфеллеру требовалась вся полнота власти. Решение Рокфеллера объяснялось другими соображениями: Киссинджер оказался фигурой куда большего масштаба, чем выглядел в начале президентской кампании. С такими людьми (в условиях олигархического правления) выгоднее сохранять хорошие отношения, оставляющие возможность будущих союзов.

Первый: прямая, грубая, наглая, непрерывная лесть [Кемп, «Берлин 1961»]. Второй: подготовка нескольких вариантов решений по каждому из интересующих начальство вопросов, из которых только одно лишено явных недостатков; сколько-нибудь разумный начальник его и выберет [Грин, 2006, с. 348].

«Я не доверяю Генри, но он мне полезен» – так характеризовал Никсон Киссинджера перед его недоброжелателями в своей администрации [Isaacson, 1992].

Всем известно, что Киссинджер последовательно придерживался этого подхода в своих внешнеполитических операциях (чего стоит, например, «принуждение к разрядке» СССР путем улучшения американо-китайских отношений – хотя СССР и не доверял США, но перед лицом союза США и Китая вынужден был пойти на уступки); а вот что точно так же он действовал и в собственных властных комбинациях, можно узнать лишь из его политической биографии.

Вспоминаете гибрис-синдром, да? И правильно вспоминаете! Именно он помешал Никсону принять решение, диктуемое теорией Власти.

Под угрозой отстранения от должности и тюремного заключения Никсон все же успел добровольно уйти в отставку, передав полномочия вице-президенту Форду, который тут же помиловал бывшего президента.

Разумеется, события, случившиеся буквально через несколько месяцев после этого (Майдан-2, Крым, санкции), можно считать простым совпадением.

Приведем пример того, как действовала эта группировка. В 1988 году Киссинджеру пришла в голову идея «Ялты-2» (пересмотра договоренностей с Советским Союзом относительно Восточной Европы, на основе обмена либерализации восточноевропейских стран на отказ от переманивания их в НАТО). Президентом США в этот момент стал Джордж Буш-старший, который в 1971-1973 годах работал послом США при ООН и с тех пор терпеть не мог Киссинджера (бывшего с подчиненными столь же грубым и надменным, сколь льстивым и внимательным с начальством). Тем не менее госсекретарь Джеймс Бейкер, знакомый с Киссинджером еще со времен никсоновской администрации, уговорил Буша, и Киссинджер отправился в Москву, где 18 января 1989 г. провел переговоры с Горбачевым [Isaacson, 1992] – с хорошо известными результатами. Обратите внимание, что мы приводим эту историю как пример власти Киссинджера, а не как эпизод из истории холодной войны!

Вошедший в историю как просто Ибн Хальдун (1332-1406), великий североафриканский историк и философ XIV века, совершивший помимо всего прочего одно из важнейших открытий в теории Власти. По его полному имени можно знакомиться с арабской системой имен: отец Зейда Абдурахман, потомок Хальдуна, происходящего из местности Хадрамаут (это на юго-западе Аравийского полуострова). Наш рассказ о карьере Ибн Хальдуна основывается на его биографии: [Enan, 1941], а русскоязычные имена действующих лиц и сопутствующие исторические события приводятся по книге: [Жюльен, 1961].

Хаджиб в мусульманском Средневековье – управляющий хозяйственными делами и дворцовой стражей, фактически второй человек в государстве после султана.

Политическая география Северной Африки тех лет выглядела следующим образом. На ее западе располагалась территория династии Меринидов со столицей в городе Фес, в центре (современный Алжир) правила династия Абдальвадидов со столицей в городе Тлемсен, а на востоке соперничали между собой три города – Бужи, Константина и Тунис, принадлежавшие династии Хафсидов. Разумеется, каждая династия охотно вторгалась на территорию соседей, но подобные завоевания оказывались недолговечными, поскольку местные кочевые племена поддерживали «своих».

Другое название для Северной Африки – «страны, лежащие к Западу от Египта».

Главной обязанностью которого было добавлять имя султана и восхваление Аллаху к каждому официальному документу. Ужасная скука для 18-летнего потомка хаджибов!

Наместника меринидского султана Абу-ль-Хасана, незадолго до того завоевавшего традиционные владения Хафсидов.

В дальнейшем такое поведение станет «визитной карточкой» Ибн Хальдуна; но обо всем по порядку.

Судя по дальнейшим событиям, в этом городе Ибн Хальдун завел неплохие связи – его всегда были рады там видеть.

От Феса до Тлемсена по прямой 350 километров, от Тлемсена до Бискры – 650, от Бискры до Туниса – 450 километров.

В ту пору знание Корана, хадисов и каллиграфии уже означало ученого человека; настоящим ученым, конечно, Ибн Хальдун стал значительно позже, но об этом мы напишем во второй части.

Каждый из которых располагал одним, а то и несколькими «законными» наследниками престола – уж этого-то добра в мусульманских странах всегда хватало.

В XIV веке религиозный фанатизм не был столь популярен, как в наши дни.

Он знал везира Омара еще со времен Абу Инана и сохранил свой министерский пост, получив прибавку к жалованью; можно предположить, что заговор Омара не был тайной для Ибн Хальдуна. Так, заговор за заговором у Ибн Хальдуна начала складываться репутация «мусульманского Макиавелли».

Для реальной карьеры Ибн Хальдуну надо было сохранить верность предыдущему султану, разоблачить заговор своего друга Омара, да еще суметь при этом очернить Ибн Марзука... но как раз этого Ибн Хальдун никогда и не умел.

Ибн аль-Хатиб (1313-1374) – арабский ученый, философ и государственный деятель, придворный эмира Гранады Мухаммада V, написавший среди прочих книг биографию Ибн Хальдуна.

Почему беду, станет ясно буквально через страницу.

Он прожил еще 52 года, успев за это время полностью поменять образ жизни и наконец всерьез заняться историей и философией, которые и были его истинным призванием.

Как вы, наверное, заметили, с этой Биксры, как и с Дона, выдачи не было; а все потому, что территория вокруг Биксры принадлежала кочевому племени дававида, периодически поддерживавшему того или иного султана, но сохранявшего полную независимость. Ибн Хальдун был в хороших отношениях с вождями этого племени и пользовался на его территории не только неприкосновенностью, но и немалым авторитетом.

Мы понимаем, что вся эта история все больше становится похожа на сказку из «Тысячи и одной ночи», но таковы уж были реалии тогдашней Северной Африки. Постоянные войны и смены правителей сопровождались значительными потерями среди образованных людей, и найти себе толкового хаджиба было не так-то просто. А если учесть хорошие отношения Ибн Хальдуна с племенем дававида, то он и вовсе оказывался нарасхват.

В своем дневнике Ибн Хальдун регулярно сетует на «интриги врагов», демонстрируя тем самым совершенно неприемлемую для придворного беспомощность перед нормальной конкуренцией вассалов. К счастью для себя, Ибн Хальдун оказался достаточно умен, чтобы вовремя прекратить попытки бороться за Власть, не умея этого делать.

Которого, как и хафсидского правителя, захватившего Бужи, звали Абу-ль-Аббас; но поскольку в нашей истории он не играет никакой роли, мы не станем запутывать читателя лишними подробностями.

Главная книга Ибн Хальдуна, о которой мы подробно расскажем во второй части.

Как мы уже писали, имя Ибн Хальдуна стало в арабской традиции столь же нарицательным, как имя Макиавелли – в европейской.

Именно по этой причине бизнесменам не место в госуправлении: они слишком часто меняют правила. В США, кстати, власть так устроена, чтобы некоторым бизнесам можно было правила немножко нарушать, именно из-за этого они более эффективны, чем другие страны.

Или же властная группировка переходит к «ручному управлению» источниками своих доходов.

Разницу между управлением «в один уровень» и в «три уровня» можно легко понять на простом эксперименте. Возьмите волейбольный мяч и стучите им по полу, отбивая вниз при каждом отскоке. Никаких проблем, верно? А теперь касайтесь его только на каждом третьем отскоке. Раз, другой – и вот уже мяч укатился далеко в угол. Вот так и в управлении!

И это даже гордо называют «шоковой терапией»!

Вспомните, что помогло в конечном счете Ибн Хальдуну!

Чести, идеологии, представлении о самом себе как о высшем существе и так далее.

Например, в случае серьезного экономического или военного кризиса, когда возникает угроза самому существованию элиты. Выдержать такие испытания способны лишь элиты с развитой политической культурой, включающей в себя понимание опасности «ручного управления».

Классический пример – Великая французская революция, когда народившаяся буржуазная элита попробовала поуправлять Францией в соответствии со своими представлениями о правильном обществе. Гильотина не знала отдыха.

Нужно понимать разницу между обычной передачей имущества и должностей по наследству и наследственной элитой как социальным институтом. Наследственная элита – это когда философ Бертран Рассел (1872-1970) приходится прямым потомком графу Эдварду Расселу (1653-1727), одному из «семи бессмертных», призвавших Вильгельма Оранского на английский престол. Имущество и должности без соответствующего воспитания и поддержки от других членов элиты ничего не значат: дети выбившихся в люди родителей, как правило, проматывают отцовские состояния, и следующее поколение снова опускается на дно; отсюда известная английская поговорка: «От деревянных башмаков до деревянных башмаков – три поколения» (в России она известна по американскому переводу: «От бедности до бедности», но версия с деревянными башмаками куда доходчивей).

Хотя этот закон Власти известен уже несколько сотен лет, в каждом веке появляются люди Власти, проверяющие его на прочность. Вернуть Европу к монархическому правлению в XIX веке пытался Наполеон, в XX веке – Гитлер, XXI век еще ждет своего Великого Вождя. Однако каждый раз родоплеменной тип власти оказывался прочнее.

Настолько сложные, что в социологии до сих пор идет спор между «элитистами», обнаруживающими в США наследственную элиту, и «плюралистами», отрицающими ее существование. Подробнее об этом во второй части.

Наиболее показательный пример – инвестиционные фонды. Вместо прямого владения корпорациями американские богачи стали покупать их от имени фондов, анонимность вкладов в которые защищена законодательством. Таким образом, реальные владельцы большинства мировых компаний попросту неизвестны: везде среди акционеров какие-то фонды, которые всего лишь держат акции в интересах анонимных клиентов.

На этой книге, «Ирония демократии», регулярно переиздающейся в США с 1966 г., выросло уже несколько поколений студентов; на 2016 год запланировано очередное, уже 17-е, издание. Поэтому мы и называем ее классическим учебником.

Как он был нарушен в середине XIX века, в результате чего началась весьма кровопролитная Гражданская война. По некоторым признакам (мировой экономический кризис, поляризация политического спектра) очередное нарушение консенсуса уже на подходе.

Кофи Аннан (р. 1938) – международный (родился в Гане, образование получил в Швейцарии и США, работал в ООН и в Египте) дипломат, первый чернокожий Генеральный секретарь ООН (1997-2006).

Коджо Аннан (р. 1973, Женева) – сын Кофи Аннана от первого брака (с нигерийкой Тити Алакиджа).

Сталину тогда, кстати, никто ничего не сказал по очень простой причине: Валленберги были посредниками по поставке американских товаров через Швецию Гитлеру. Кстати, одним из главных американских спонсоров Гитлера был Прескотт Буш – дедушка Буша-мл. Как говаривал Воланд: «Как причудливо тасуется колода!»

Напомним, что под «ресурсами» мы понимаем не только деньги (бюджеты), но и любые другие сущности, способные влиять на поведение других людей. Информация (СМИ), судебные решения (суды, адвокатура), следственные действия (правоохранительные органы, прокуратура), законы (законодательная власть), государственные услуги (исполнительная власть) и даже банальные тоталитарные секты – все это и многое другое тоже является ресурсом. Ресурсов вокруг куда больше, чем мы можем себе представить; проблема заключается в том, чтобы суметь их использовать по формуле «власть > ресурс > власть+».

Вспомните Ибн Хальдуна, для которого в какой-то момент не осталось места во всей Северной Африке. Территория в те годы была чуть ли не главным ресурсом и вся целиком контролировалась его врагами.

Возможно, поэтому зарубежный бизнес плохо получается у российских олигархов.

Все совпадения с российскими либералами и демократами случайны!

Блестящей иллюстрацией этому служит история российских политических партий. Все они (и у «демократов», и у «патриотов») оказались партиями одного человека, что и породило популярную поговорку: «Какую партию ни создавай, все равно КПСС получится».

Еще раз напомним, что под «ресурсами» мы понимаем любые сущности, способные влиять на поведение других людей. В примитивных сообществах главными ресурсами оказываются насилие (число вооруженных людей под командованием группировки) и религия, в более сложных – деньги и связи, в еще более сложных – информация, идеология и образование.

Например, когда господствующая группировка ослабла (смерть монарха при отсутствии явного наследника) или конкурирующая группировка получила неожиданные ресурсы (помощь соседнего государства, вассальная присяга другой крупной группировки). Об этом – чуть позже.

Пример СССР взят не только потому, что Восленский описывает Власть тем же языком, что и мы, но и потому, что в СССР была реализована выборная (а не наследственная) монархия, чаще встречающаяся в современных обществах. Наличие общепризнанного наследника – редкая роскошь, на которую нельзя рассчитывать при планировании стратегии в XXI веке.

Подобный же жизненный цикл воспроизводится и на низших уровнях Власти (промежуточные сюзерены так же смертны в физическом и политическом смысле, как и верховные правители).

Как и у всякого правила, у него есть свои исключения: некоторым вассалам удастся вовремя переприсягнуть новому сюзерену.

Если они этого не сделают (что, кстати, довольно часто бывает), лишенная единого руководства команда быстро проиграет конкурентам, даже если раньше те и головы поднять не смели.

Не правда ли, очень похоже на конкуренцию между вассалами одного сюзерена? И правильно, что похоже: Власть везде и всюду устроена одинаково.

Применять теорию Власти на практике совсем не так просто, как это кажется по рассказам Теоретика.

Это слово в понимании О'Генри («У нас бывают перевороты. Мы называем их перевыборами») лучше всего подходит для описания смены верховной власти.

Разумеется, для этого требуются соответствующие ресурсы, позволяющие контролировать вассала, ставшего верховным правителем. В примитивных обществах, где главным ресурсом является чистое насилие, подобные хитрости не работают. А вот когда срок правления «первого» лица ограничен (как и его полномочия) сложной системой традиций и контролирующих организаций - тогда можно и рискнуть!

Как мы увидим во второй части нашей книги, в этом и заключается идея «власти Закона», сформулированная английскими философами XVII века.

Классический пример – история Уолтера Рэли (1554–1618), в 1581 году бросившего бархатный плащ под ноги королевы-девственницы Елизаветы Английской. Рэли пробыл фаворитом больше 10 лет, получив рыцарское звание и став одним из самых богатых людей Англии.

Которое также называли «ольмюцским унижением», так как по этому соглашению Пруссия фактически капитулировала перед Австрией. Короля за многое хвалили, но похвала за такое «достижение» не могла не обратить на себя внимание!

И наоборот, никакие ресурсы, накопленные группировкой, не пойдут ей на пользу, если отношения с верховным сюзереном окажутся испорченными.

Таковыми делами часто оказываются бессмысленные развлечения, вроде охоты, пьянства и разврата. Тем не менее и за счет таких занятий можно завладеть вниманием монарха; классическим примером служит тут маркиза де Помпадур, организовавшая для своего короля, Людовика XV, целый элитный бордель.

В итоге эта война закончилась вничью, но в 1709 году положение Франции казалось безнадежным, поскольку противники (Австрия, Голландия, Англия, Италия) теснили французов по всем фронтам.

В истории он так и остался Людовиком Великим Дофином (1661-1711), умерев за четыре года до своего отца.

Вспомните Ибн Хальдуна: пока он перебегал от проигравших к победителям, проблем не возникало; но стоило ему несколько раз ошибиться и покинуть монархов, оставшихся у власти, как он оказался не ко двору во всех государствах сразу.

Разумеется, при этом обострится проблема верности такого вассала. Решать ее следует задолго до его продвижения вверх, за счет родственных связей, воспитания и идеологической обработки.

Роберт Харли (1661-1724), граф Оксфорд с 1710 года – английский государственный деятель, глава английской разведки, большой интриган, «любивший заниматься обманом чисто из удовольствия», литератор, друг Джонатана Свифта, Дэниэля Дефо и Александра Поупа.

Джон Черчилль (1650-1722), граф Мальборо с 1689 года, герцог Мальборо с 1702 года – выдающийся английский военачальник и политический деятель, лучший полководец XVIII века, фактически в одиночку выигравший Войну за испанское наследство.

Сидни Годольфин (1645-1712) – английский государственный деятель, собственно и вошедший в историю благодаря своей дружбе с Мальборо.

До 1782 году в Англии существовало два равноправных госсекретаря – по южным делам и по северным. В 1782 г. эти должности были распределены более разумно – появились внутренний госсекретарь и министр иностранных дел.

Абигайль Мешем (урожденная Хилл, 1670-1734) – фаворитка королевы Анны, более ничем не прославившаяся.

Современники, включая Сару Мальборо, не сомневались, что Анну и Абигайль связывали любовные отношения, однако с тем же успехом они могли быть просто собутыльниками, как, например, Харли с Дефо.

230

Откровенным саботажем – отказавшись исполнять свои обязанности до выполнения требуемого решения.

Им оказалось «дело Сашеверелла», англиканского священника, выступавшего с антивиговскими проповедями, которые были истолкованы как критика Славной революции. Возникла конфронтация (вплоть до массовых беспорядков) вигов и тори, требовавшая радикальных решений.

Справедливости ради заметим, что Роберт Харли, при всех его выдающихся талантах, как раз государственными делами заниматься и не любил, а предпочитал им бутылочку бренди с утра.

Год и месяц достаточно условны, поскольку византийские источники IX века практически не содержат точных дат.

Василий I Македонянин (? - 886) – византийский император (867-886), основатель Македонской династии, восстановивший статус Византии как наиболее могущественного государства Средиземноморья.

Наша реконструкция карьеры Василия Македонянина основана на следующих источниках: [Adontz, 1956], [Норвич, 2010], [Диль, 1994], [Успенский, 1997], [Продолжатель Феофана, 1992].

Историки (особенно Норвич) пишут о Василии как о неграмотном и тупом крестьянине; однако следует заметить, что о детских и юношеских годах этого человека не сохранилось никаких достоверных сведений, а те его действия, которые остались в истории, свидетельствуют как раз о противоположном: Василий был выдающимся человеком Власти.

До наших дней это здание не сохранилось.

В стилизованном под жития святых жизнеописании Василия I от Продолжателя Феофана приводится целая история о том, как сам святой Диомид явился настоятелю монастыря и повелел поспособствовать судьбе необычного странника. Но мы с вами понимаем, что люди Власти (к числу которых, несомненно, относятся и высокопоставленные священнослужители) и без того постоянно ищут новых вассалов.

В молодости это были женщины, охота и театральные представления, но уже через несколько лет главным из них стало неумеренное потребление спиртного, так что в историю молодой император Византии вошел как Михаил III Пьяница.

В ту пору разница между слугами, охранниками и воинами была довольно зыбкой.

Одни источники говорят про подаренного Михаилу коня, которого никто не мог объездить, другие – про случай на охоте, когда императорский конь ускакал, сбросив Михаила, и никто не был в состоянии его поймать; на наш взгляд, подробности тут только мешают разглядеть основную линию борьбы за власть.

Успешное устранение сюзерена конкурирующей группировки настолько меняет соотношение сил, что удивительно не то, что в мире часто происходят политические убийства, а то, почему они происходят так редко.

Для всех в Константинополе Варда был реальным правителем государства; его сын Антигон возглавлял дворцовую стражу, а сам Варда в 862 году был провозглашен кесарем, то есть соправителем императора.

Для окончательного убеждения императора Василий предоставил свидетеля: он убедил зятя Варды Симватия, что в его медленном продвижении при дворе виноват Варда, и пообещал золотые горы в случае его устранения. Симватий согласился и оклеветал Варду, да так убедительно, что Михаил поверил.

При всей кровавости этой истории нужно заметить, что Василий Македонянин никогда не убивал больше людей, чем это было необходимо.

246

Джон Пим (1584-1643) – английский государственный деятель эпохи революции. И кто его сейчас помнит?

Оноре Мирабо (1749-1791) – видный деятель Великой французской революции, тем не менее умерший от болезни, а не от гильотины.

Жильбер Лафайет (1757-1834) – французский государственный деятель, участник американской Войны за независимость, Великой французской революции и революции 1830 года.

Гучков Александр Иванович (1862-1936) – российский политик, председатель III Государственной думы, в 1917 году – председатель Военно-промышленного комитета, благодаря чему имел обширные контакты с генералитетом. Умер в эмиграции в Париже.

Заключившийся, по показаниям самого Гучкова Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, в восстании петроградского гарнизона и остановке царского поезда «где-нибудь между Царским Селом и Ставкой [находившейся в Могилеве]», в точности как и было проделано 23-28 февраля 1917 года.

Родзянко Михаил Владимирович (1859-1924) – российский политик, в 1917 года – председатель IV Государственной думы. Умер в эмиграции в Югославии.

Для подготовки давно запланированного и согласованного с союзниками весеннего наступления на Германию.

Даже наиболее авторитетный историк Февральской революции Г. М. Катков [1997] не смог установить, кто и как организовал эти беспорядки, но справедливо замечал, что «невозможно движение такого масштаба без какой-то направляющей силы». На наш взгляд, желающих организовать что-то подобное в феврале 1917 года было более чем достаточно, и у кого-то получилось.

Аятолла – звание исламских богословов, означающее право выносить самостоятельные судебные решения на основе шариата. В Иране 1970-х годов таких аятолл было около 30.

Рухолла Хомейни (1902-1989) – знаменитый иранский религиозный авторитет, глава исламской революции.

Мохаммед Реза Пехлеви (1919-1980) – второй шах Ирана из династии Пехлеви, бежавший из страны в результате исламской революции и умерший в изгнании от рака.

А может быть, и в полном соответствии с ожиданиями – см. дальнейшее развитие событий.

258

Верховный вождь и правитель.

Так, ни к чему не привели многомиллионные протесты в том же Иране в июне 2009 года. Не про кого было кричать «Аллах акбар!».

Шах умер в июле 1980 года, меньше чем через два года после описываемых событий.

Точно такая же история приключилась с Нельсоном Манделой, которого правительству ЮАР пришлось в 1990 году выпустить из тюрьмы, а в 1994 году – привести к власти путем «демократических выборов».

Вплоть до анекдотичных, но весьма неприятных очередей из разных бандитских группировок, выстраивавшихся в приемных у бизнесменов «лихих 90-х».

На самом деле, конечно, не «вдруг», а в результате многовековой эволюции, о чем будет подробно рассказано во второй части.

Повторим, что внешне эти два способа правления могут выглядеть совершенно одинаково: «президентская республика» может на практике оказаться и жесткой единоличной диктатурой, и олигархией, где «первый чиновник» мало что решает. Способ правления определяет не Конституция, а привычки и убеждения сюзеренов высшего уровня (элиты).

На выборах 1956 года в парламент прошло девять партий, ни одна из которых не набрала более 30% голосов.

266

С 1954 по 1958 год во Франции сменилось шесть премьер-министров.

На самом деле, конечно, их было больше, заговоры составляли все кому не лень, но для простоты изложения мы выделяем только две основные группировки.

Генерал Поль Шеррьер командовал французскими войсками в Алжире в 1953-1954 годах, но не заслужил даже персональной страницы в Википедии. Мы упоминаем его заговор (сведения о котором почерпнуты из книги [Мусский, 2004]), поскольку его история чрезвычайно поучительна.

Шарль де Голль (1890-1970) – великий французский политик, символ французского Сопротивления, председатель послевоенного Временного правительства 1944-1945 годов и первый президент Франции по действующей французской конституции (Пятая республика). На начало 1958 года он был частным лицом, 68-летним стариком, пишущим мемуары в провинции; его легальная политическая партия, «Объединение французского народа», имела рейтинг около 3%.

См.: [Арзаканян, 2007, с. 149] и далее. Наша реконструкция событий 1958-1961 годов опирается главным образом на эту книгу.

271

В результате чего на де Голля было произведено аж 32 покушения.

К этому времени успевший и получить повышение с переводом в Париж, и выйти в отставку.

Подготовку столь масштабного мероприятия, как вооруженный захват Парижа, довольно трудно сохранить в тайне.

Франция вышла из военной организации НАТО в 1966 году, но понятно, что такие серьезные решения требуют некоторой подготовки.

Результатом чего, как нетрудно догадаться, станет очередная «революция», то ли оранжевая, то ли культурная.

Мы уже говорили, что война – это упрощение политики; так что нет ничего удивительного, что организация революций и переворотов является сегодня самой изученной частью теории Власти. Поэтому мы спокойно отсылаем читателя к соответствующей литературе, ограничившись лишь упоминанием основных принципов ведения боевых действий.

Мы говорим о книге Люттвака «Государственный переворот» [Люттвак, 2012]. Предшествовавшие ей работы Ленина (серия статей о вооруженном восстании) и Малапарте «Техника государственного переворота» (1931) отражают лишь отдельные моменты захвата Власти и могут пригодиться лишь в качестве дополнительного чтения.

Вы ведь понимаете, что за эвфемизмом «использовать силу» стоит банальное убивать живых людей? Обычно за такое сажают в тюрьму, а то и расстреливают.

Люттвак приводит пример Венгрии 1956 года, когда антикоммунистический переворот был подавлен войсками СССР. Мы добавим сюда Италию 1848 года, когда итальянская революция была подавлена войсками Австрийской империи.

Люттвак приводит в пример
«коричневорубашечников» Гитлера, не сумевших
ничего противопоставить полиции.

Люттвак пишет, что в Сирии 60-х годов претенденты на власть в открытую расхаживали по казармам, обещая военным золотые горы в случае поддержки, но замечает, что в других странах за такое можно моментально угодить за решетку.

282

Узнаете иранскую революцию 1978-1979 годов?
Сделана как по учебнику!

Кроме них, в его учебнике приводится много практических советов, вроде технологии вербовки армейских офицеров или захвата «почты, телеграфа, телефона», но они носят совсем уж прикладной характер, излишний на этапе чтения нашей книги.

Проходивший по сценарию Великой депрессии: перегрев фондового рынка с последующим обвалом цен на акции, утрата платежеспособности банков, серьезно вложившихся в акции, угроза остановки всей банковской и финансовой системы. Дело дошло до того, что город Нью-Йорк готов был объявить себя банкротом!

Джон Пирпонт Морган (1837-1913) – знаменитый американский финансист, контролировавший к моменту своей смерти около 40% американской экономики. Тем не менее его личное состояние составило всего 69 млн тогдашних долларов в недвижимости и 50 млн в коллекции картин. Власть Моргану давали не деньги, а преданность обширного круга деловых партнеров, многие из которых были намного богаче самого Моргана.

Одна из функций центрального банка – поддержание ликвидности банковской системы, т. е. выделение срочных кредитов проблемным банкам.

Джон Дэвисон Рокфеллер (Джон Д. Рокфеллер, 1839-1937) – крупнейший американский предприниматель, создатель Standard Oil и основатель династии предпринимателей, до сих пор контролирующей изрядную часть американской экономики.

Эдвард Гарриман (1848-1909) - американский железнодорожный магнат, отец Аверелла Гарримана.

Нельсон Олдрич (1841-1915) – видный американский политик, сенатор, лидер республиканской партии с 1881 по 1911 год. В 1901 году Олдрич породнился с Рокфеллерами, выдав свою дочь Абигайль за Джона Дэвисона Рокфеллера-младшего. Именно в честь Нельсона Олдрича был назван уже знакомый нам Нельсон Рокфеллер – его внук по материнской линии.

Вопреки домыслам конспирологов, состав участников встречи (вторые-третьи лица крупнейших банков и автор двух статей про создание центрального банка Варбург) свидетельствует о ее техническом, а не политическом характере. Политические решения по ФРС принимались в другом месте и другим способом.

Картер Гласс (1858-1946) – американский издатель, политик, конгрессмен от демократической партии, министр финансов в правительстве Вильсона и автор двух законов, сформировавших современную финансовую систему США, – акта Гласса-Оуэна, ставшего законом о Федеральном резерве, и акта Гласса-Стиголла, запретивший банкам совмещать расчетные и инвестиционные операции.

Уже в 1914 году Морганы провели своего человека, банкира Бенджамина Стронга, на должность президента Федерального резервного банка Нью-Йорка, главного банка в системе ФРС первой половины XX века. После Первой мировой войны это позволило группировке Морганов получить контроль над расчетами по репарациям Германии, а вместе с ними – и над всеми международными расчетами.

Начали создавать ФРС Рокфеллеры, а закончили Морганы; так чья это была победа? Или вспомните историю неудачного выдвижения Нельсона Рокфеллера в президенты США. Можем ли мы однозначно сказать, уменьшилось ли в итоге влияние Рокфеллеров на американскую политику? Или же, с учетом продвижения хорошо проспонсированного Киссинджера на пост второго человека в государстве, наоборот, увеличилось?

После смерти Дж.П. Моргана-старшего эту группировку формально возглавлял его сын, Дж. П. Морган-младший, однако реально решения принимались несколькими крупнейшими совладельцами финансовой империи, наиболее публичным из которых был Томас Ламонт. Юридически группировка Морганов базировалась на компании J.P. Morgan & Co, совладельцами которой и были «партнеры» Моргана (владевшие иногда большими долями, чем сам Морган). Эта группировка контролировала два банка, First National и National City, а те, в свою очередь, сотни крупных и мелких корпораций.

Наш рассказ о Морганах и Рокфеллерах основывается на статье [Tabarrok, 1998], откуда и взята приведенная оценка.

В 1929 году 167 партнеров Морган и К° занимали 2450 (!) мест во взаимозависимых директоратах различных корпораций [Кори, 2012].

Составлявшее 1,4 млрд тогдашних долларов, или 1,5% ВВП; по личному состоянию Рокфеллер далеко опережал Моргана-младшего, но по количеству контролируемых компаний и совокупному влиянию на экономику столь же значительно отставал от Морган и К°.

Уинтроп Олдрич (1885-1974) – американский банкир, сын Нельсона Олдрича, президент Chase National Bank в 1930-1955 годах, в 1931 году перехвативший контроль над ним у Морганов и включивший этот банк в империю Рокфеллеров. Именно Олдрич лично обучал банковскому делу и прочим премудростям Власти ныне действующего главу дома Рокфеллеров, Дэвида Рокфеллера (р. 1915).

Рокфеллеры использовали более замаскированный контроль, через инвестиционные фонды; именно он сегодня стал основным способом владения корпорациями, при котором имена реальных собственников сохраняются в полной тайне.

Эдуард Хауз (1858-1938) – американский политик, «правая рука» президента Вильсона, советник президента Рузвельта, сыгравший решающую роль в разделе мира по итогам Первой мировой войны и сохранявший свое влияние в демократической партии США до самой смерти.

Винсент Астор (1891-1959) – американский бизнесмен из династии миллионеров Асторов.

Аверелл Гарриман (1891-1986) – американский предприниматель и политик, в числе прочего руководитель программы ленд-лиза и посол США в СССР в 1943-1946 годах.

Старший Джон Д. Рокфеллер хоть и был еще жив, но давно отошел от управления своей империей.

Вассал, преданный своему сюзерену и всегда следующий его указаниям, не может быть самостоятельным участником олигархических коалиций. С ним не о чем договариваться – дела можно вести только с его сюзереном. Поэтому участники олигархических группировок располагают значительно большей свободой действий, а лидеры таких группировок не обладают полной властью над своими партнерами (почему и называются у нас лидерами, а не сюзеренами).

В те годы Кофи Аннан был весьма импозантен, его даже путали на улицах с популярным актером Морганом Фрименом.

Мы почерпнули эту формулировку из «Волшебника Земноморья» Ле Гуин, где главный герой имел прозвище «человек, с которым говорят драконы».

Результативность таких кампаний тем ниже, чем менее олигархическим и более феодальным является реальное устройство Власти.

Мы пишем «взаимодействие», а не «борьба», поскольку отношения между разными командами могут быть и враждебными, и союзническими, причем даже одновременно.

На этот счет существует даже математически точный пример – задачка о «трехсторонней дуэли». Три стрелка, в порядке убывания меткости А, Б и В, устраивают дуэль, поочередно получая право на выстрел, и начинает самый плохой стрелок, В. Так вот, чтобы прожить подольше, ему следует стрелять в воздух. В этом случае стрелку Б будет выгоднее пытаться убить А, а вот если стрелок В выстрелит в кого-то из противников, и не дай Бог, попадет, то оставшийся более искусный стрелок займется уже самим В.

В 1990-е годы в России этот прием был доведен до уровня анекдота – раз за разом очередную группировку отстраняли от власти, выставляя ее главного сюзерена «преемником» Ельцина. Как вы теперь понимаете, происходило это вовсе не из-за мстительности самого Ельцина, а потому, что против «преемника» объединялись все остальные команды.

Васильев, Андрей Витальевич (р. 1957) – известный российский журналист, редактор газеты «Коммерсант» в 1999-2005 годах.

Бадри Патаркацишвили (1955-2008) – российский и грузинский бизнесмен, ближайший деловой партнер Бориса Березовского.

Черчилль, воспитанный в традициях олигархического правления, «мягкой силы», создания коалиций и всего такого, чуть со стула не упал от этих слов (благодаря чему они и остались в истории). Возможно, именно в этот момент он решил, что со Сталиным невозможно никакое долгосрочное сотрудничество, и сделал тем самым первый шаг к холодной войне.

Скрыть свои убеждения можно, представив обсуждаемые вопросы несерьезными; так поступал нынешний президент США Барак Обама, воздерживаясь от голосований в сенате США (когда он был еще просто сенатором от Иллинойса). Отсутствие позиции лучше, чем неприемлемая позиция; таким образом, Обама сумел понравиться большей части избирателей. Но переговоры между олигархами – это не голосование в Сенате: с человеком без позиции просто не станут разговаривать.

Это был самый острый момент так называемого Берлинского кризиса, когда СССР в нарушение Потсдамского договора построил Берлинскую стену и тем самым прекратил свободное перемещение граждан между западной и восточной зонами Берлина. США нужно было как-то реагировать на нарушение договора, и одним из рассматриваемых вариантов была ядерная война.

Как Ходорковский пытался решать свои вопросы через лорда Оуэна.

Собственно, именно так элитный консенсус и меняется: до 1929 года американский истеблишмент стоял на позициях «свободного рынка» и ни в грош не ставил государственное регулирование, но когда грянула Великая депрессия, элита быстро поменяла свои убеждения и принялась петь осанну антикризисному менеджеру Рузвельту. Потому что Рузвельт ее реально спас.

Их мы перечислим в самом конце книги, в Памятке человеку Власти.

Во второй части нашей книги мы подробно расскажем об истории науки о Власти и о том, как часто сделанные ее исследователями открытия оказывались забыты последующими поколениями.

Классический пример – отношение к такой простой вещи, как вежливость. В одних случаях она означает признание своего подчиненного положения, своего рода «битие челом» (и поэтому подпадает под строжайший запрет); в других случаях, напротив, говорит о принадлежности к особому слою людей, умеющих вести себя в обществе, и потому абсолютно необходима.

В 1970-е годы в СССР появился перевод книги Карнеги «Как заводить друзей и оказывать влияние на окружающих», и некоторые руководители попробовали применить рекомендуемые им методы на производстве. Результаты оказались чудовищными: при первых же признаках хорошего отношения со стороны начальства дисциплина летела к черту, и поднять обратно ее можно было только матерной проработкой провинившихся.

Выдающиеся открытия в социальных науках обычно возникают на переломных моментах Истории; поэтому наш обзор теорий Власти хорошо описывает и историю самой Власти, начиная с «враждующих царств» Древнего Китая и заканчивая «мировым правительством банкиров» начала XX века.

В нашей терминологии этому статусу соответствует командный рейтинг, но в отличие от феодальной системы, где он в точное ги известен лишь сюзерену, в племени его знают все.

Это не значит, что жизнь при родоплеменном строе была раем: низкий уровень насилия внутри племен компенсировался высочайшим уровнем межплеменного насилия, вооруженные конфликты случались почти каждый месяц, и до половины мужчин умирали в итоге насильственной смертью.

Здесь можно привести пример из жизни животных. Пресловутое отношение «как кошка с собакой» связано с очень простой особенностью. У собак при встрече принято друг друга достаточно близко обнюхивать. А у кошек подходить близко к другой особи – признак агрессии, они друг с другом знакомятся на расстоянии. И в результате дружелюбное поведение собаки рассматривается кошкой как агрессия – со всеми вытекающими. А вот стоит собаке с кошкой пожить рядом – и все проблемы такого типа мгновенно снимаются.

Когда такое мирное существование заканчивается и племена снова начинают резать друг друга, это называется «несостоявшееся государство».

В типичном средневековом европейском городе существовало до десятка отдельных судов – феодальный, городской, цеховой, общинный, церковный и так далее. Что-то похожее можно было встретить и в «лихие девяностые» в России – «решать будем по закону или по понятиям?».

Личная власть Генеральных секретарей в СССР намного превосходила все, о чем мог мечтать какой-нибудь средневековый король, но советская политическая культура не предусматривала передачу власти по наследству, и каждого секретаря приходилось выбирать заново (как когда-то – племенного вождя у древних франков). А вот в Северной Корее сложилась другая политическая культура (другие локальные правила), и там мы видим уже третьего по счету представителя династии Кимов.

Во второй части мы расскажем о законе Ибн Хальдуна, объясняющем причины ограниченности срока жизни династий.

Мы специально подчеркиваем это обстоятельство, поскольку господствующая либеральная идеология пытается представить «рынок и демократию» каким-то новым изобретением, осчастливившим человечество только в XX веке. Нет в них ничего нового, а успехи человечества последних веков вызваны совсем другими причинами.

Помните: «Нет ни эллина, ни иудея»? Именно таким и должно было быть первое правило мирного сосуществования разных народов в одном городе!

До XVII века республики на Земле можно было буквально пересчитать по пальцам – Рим, Афины, Флоренция, Венеция, Генуя... А дальше приходится вспоминать совсем маленькие республики, вроде Новгорода и Пскова!

Обычно по не зависящим от монарха причинам, вроде изменения торговых путей или появления новых видов промышленности.

Которая, кстати, и представляет собой типичный пример локальных правил «Вассал моего вассала не мой вассал» и означает, что правила игры на разных этажах феодальной лестницы разные, и король не имеет возможности напрямую управлять каждым из своих подданных.

Существует довольно обоснованная версия, что Славная революция была на самом деле операцией по захвату Британии голландским капиталом (который, в свою очередь, вел свое происхождение из Венецианской республики). На эту тему есть много интересных работ (см., например: [Арриги, 2006], [Фурсов, 2014]), но рассмотрение взаимодействия власти денег и власти традиции выходит за рамки нашей книги.

Которую у нас принято собирательно называть «Ротшильдами».

Подробнее см. в соответствующем разделе второй части нашей книги.

Банкиры первого поколения практиковали захват бизнесов по схеме «кредит под залог предприятия, не можешь вернуть деньги – отдавай бизнес», а также были фанатичными сторонниками золотого стандарта. В результате они оказались органически неспособны «залить кризис деньгами» и в один прекрасный момент оказались с кучей ничего не стоящих предприятий перед лицом требовавших живых денег вкладчиков.

К ним мы относим Великобританию, Германию, СССР, США и Японию.

Президента Рузвельта за его государственно-капиталистическую политику называли «предателем своего класса», но на деле Рузвельт был представителем американской аристократии, потомком первых пилигримов, прибывших в США на «Мейфлауре», и, наоборот, вернул США в руки своего класса.

Бессменным главой ФРС в 1951-1970 годах был Уильям Мартин, сын Уильяма Мартина, работавшего в 1913 году на уже известного нам Картера Гласса при подготовке закона о Федеральной резервной системе, а потом занявшего в ней должность председателя федерального банка Сент-Луиса. Как видите, второе поколение банкиров успешно продолжило дело своих отцов, научившись на их ошибках.

Отсюда возникли идеологии «конвергенции» и «разрядки» (политики готовили себе место в будущем советском мироустройстве).

Например, возможность подать в суд на своего нанимателя и реально выиграть этот процесс.

Джордж Сорос (р. 1930) – американский финансист, международный спекулянт, миллиардер (29-е место в топ-100 самых богатых людей мира в 2015 году), а также главный публичный идеолог «нового мирового порядка», основанного на власти денег.

По сравнению с колебаниями рубля это вроде бы и немного, но вдумайтесь в сам факт: какой-то частный инвестор определяет валютный курс Великобритании! Да еще и зарабатывает на этом миллиард долларов! При этом противник Сороса – министр финансов Великобритании Норман Ламонт был прямым ставленником Ротшильдов (до начала политической карьеры он был директором Rothschild Asset Management). Вот к каким потрясениям в мировой элите привел приход «новых финансистов»!

Частично она даже была создана в виде комиссий старых большевиков, проверявших советских граждан на лояльность перед выездом за рубеж в 1960-1970 годы. Но масштаб такого контроля, конечно, был совершенно недостаточным (для сохранения власти у этих самых большевиков).

Под элитой мы понимаем совокупность властных группировок высшего уровня, объединенных общей политической культурой.

В американской литературе этот кризис сегодня называется великой рецессией; официально она закончилась в 2010 году, но уровень доходов среднего класса до сих пор остается ниже, чем в 2008 году.

Новые бедные – устоявшийся термин американской социологии, означающий квалифицированных работников, оказавшихся невостребованными по своей основной специальности и предпочитающих сидеть без работы, а не менять специальность на менее квалифицированную. Мы пишем «новые бедные» в кавычках, поскольку имеем в виду других людей, тех, кто успел побыть в среднем классе, но в силу структурных изменений в экономике уже никогда не вернется к прежнему уровню благосостояния.

Жак Аттали (р. 1943) – французский публицист, политик и финансист, основатель Европейского банка реконструкции и развития, советник и личный представитель Миттерана в 1981-1990 годах, член Бильдербергского клуба.

Таковыми, как Международный валютный фонд и Всемирный банк.

352

Деятельность организации запрещена в России
решением Верховного суда.

Например, власть мировой финансовой элиты, власть английской аристократии, власть советской и российской номенклатуры. Чем старше государство (чем больше времени прошло с последней революции или смены династии), тем большую роль в нем играет наследственная аристократия.

Контроль за правильностью знакомств работает с детских лет: сначала закрытые частные школы, затем вроде бы в публичных университетах не менее закрытые клубы, только внутри которых молодые аристократы и заводят себе друзей.

В Великобритании для этого издавна предусмотрена процедура возведения в дворянство, когда человеку за особые заслуги присваивают (королевским указом) титул и допускают в палату лордов.

Надо правильно понимать это соотношение: если элита составляет 1% населения, то соотношение 2:1 означает, что в элиту следующего поколения попадут 66% детей элиты и всего 0,33% детей обычных людей. Так что «снаружи» в элиту попадают лучшие из лучших и верные из верных, а «внутри», напротив, нужно приложить серьезные усилия, чтобы из нее вылететь.

В предыдущем случае подобная угроза была устранена с помощью Второй мировой войны, в которой были буквально убиты многие представители старой элиты. В конце XX века умирать уже никому не хотелось.

Это люди, не дававшие вассальной присяги и не входящие во властную группировку, но работающие на нее за деньги, по убеждениям, вследствие обмана или манипуляции и, наконец, под прямым принуждением.

359

Сколько таких было в «лихие девяностые»!

Если до середины XX века контроль над крупными корпорациями осуществлялся их владельцами напрямую (пример – Дюпон, лично владевший «Дженерал моторс» до 1950-х годов), то начиная с 1960-х между корпорациями и реальными владельцами появляются «прокладки» в виде «взаимных фондов», перекрестно владеющих акциями. У крупнейших современных фондов – Vanguard и Barclays – миллионы частных вкладчиков, но как их имена, так и имена владельцев самих фондов хранятся в строгой тайне, защищенной всей мощью государства. Фактически немногие лица (владельцы и крупные вкладчики), контролирующие соответствующие фонды, пользуются не только своими ресурсами, но и ресурсами миллионов миноритариев. Подобным же образом работает и многоуровневая система мировой Власти, где каждый уровень пользуется ресурсами нижестоящих.

Роль случая в борьбе за власть часто преуменьшается, а между тем именно он, как правило, и определяет победителя. Успешная политическая карьера – это прежде всего умение привлечь внимание вышестоящего сюзерена, искусство оказаться в нужном месте в нужное время. Но даже оказавшемуся там вассалу для успеха все равно должно повезти!

Большинство определений власти – «Возможность А заставить В сделать С» – носят именно социологический характер, власть понимается как способность одного человека влиять на поведение другого человека (и притом опять же – одного конкретного человека).

Зато в наши дни мало кто отказывает себе в удовольствии порассуждать о «марионеточных правительствах» и о «шестерках вашингтонского обкома».

364

Интриговать в смысле добиваться желаемого не силой – откуда сила у нижестоящего? – а хитростью.

Однако, в отличие от Цыси, Ли Цзи не повезло – среди придворных все же сохранилась конкурирующая группировка, убившая Си Цы и призвавшая на царство одного из сбежавших наследников.

«Политика» Аристотеля датируется 335-332 годами до н.э., между тем как «Шу Цзин» была известна уже во времена Конфуция (551-489 гг. до н.э.), а приписываемое легендарному покровителю Сунь цзы «Искусство войны» создано в IV веке до н.э. [Мясников, 2004]. Классические книги по «китайской хитрости» – Чунь Цю, Чжо-Цзуань, Го Юй, Чжань-го Цэ – достоверно датируются более поздними веками (III-I вв. до н.э.), однако трудно сомневаться, что содержащиеся в них описания интриг были известны задолго до создания сохранившихся рукописей.

Обычно его называют Людвигом Баварским, но под этим именем куда лучше известен Людвиг Баварский XIX в., строитель Нойшванштайна, так что во избежание путаницы будем называть его Людвигом IV.

Сказать по правде, отлучение не сильно помогло папе – в 1327 году Людвиг предпринял успешный поход в Италию, а в 1328 году был коронован в соборе Святого Петра в Ватикане как император Священной Римской империи.

В последнее время становится популярной и противоположная сторона бритвы – «что может быть объяснено мировым заговором, не следует объяснять очевидными причинами». И это тоже великолепно работающее изобретение!

Ниже мы приведем пример ее работы даже в отношении высокопоставленного человека Власти, не то что в отношении обывателя.

Дальше всех в этом направлении зашел Гегель, у которого прусское государство стало вершиной саморазвертывания Абсолютного духа. Не какой-нибудь «мандат Неба», а само Небо – вот как нужно правильно льстить властителям!

Знание большего числа хитростей не помогло Али-Бей аль-Кабиру: в 1772 году он был свергнут своим приемным сыном, по совместительству главнокомандующим армии, захватившей к тому времени почти всю Сирию. Стандартный сценарий, не правда ли?

Завершившаяся успехом только в 221 году, когда Цинь Шихуанди наконец-то объединил Китай под властью своей империи Цинь; после этого войны велись в Китае уже не между отдельными государствами, а внутри одной империи за право называться императором.

«Троецарствие», самый популярный китайский роман, практически целиком состоит из описаний разнообразных интриг и военных хитростей, поскольку и описывает борьбу трех царств за господство над Китаем.

375

В скобках приведен номер стратагемы в справочнике Зенгера.

В русском языке названия не столь образны; например, стратагема «сманить тигра» у нас называется «играть на своем, а не на чужом поле».

Хищники обычно атакуют самых слабых животных в стаде, поэтому у таких видов выработался безусловный рефлекс – скрывать свою слабость, терпеть любую боль незаметно, бежать до последнего издыхания.

Пожалуй, самая знаменитая из стратагем, по которой была даже поставлена опера (!), и взятая из романа «Троецарствие». Столкнувшись с наступлением превосходящих вражеских сил, полководец Джугэ Лян открывает городские ворота, словно бы заманивая врага в город. Противник не решается войти, поскольку Джугэ Лян известен своими хитростями, и за версту видно, что это ловушка.

Обычные примеры практического применения стратагем представляют собой одноходовки, «обман – результат », и быстро навевают скуку.

380

В полном соответствии с первым правилом тирана.

Помните «легенды о динозаврах» из первой части? Насколько же лучше они работают, когда в них верит большинство населения!

Лю Сян (79–3 гг. до н. э.) – ученый и писатель империи Ранней Хань, составивший (а большей частью и написавший) книгу «Джаньго цэ» на основе рукописей, изученных в императорской библиотеке.

Забегая вперед, заметим, что открытия Аристотеля и Лю Сяна были в точности повторены уже в XX веке Парето («львы и лисы» во власти – сила и обман), а также военным теоретиком Лиддел-Гартом («стратегия не прямых действий», т. е. уклонение от крупных сражений и создание многочисленных угроз, из которых непонятно какая реализуется). Это не плагиат, просто когда умные люди долго исследуют один и тот же предмет, они часто приходят к одинаковым выводам.

Только в Делийскую лигу, созданную в 478 году до н. э. для противодействия персидскому вторжению, входило от 150 до 173 городов.

385

Неполноправным жителем, по нашим временам –
гастарбайтером.

386

Откуда и был изгнан (за македонские связи)
незадолго до смерти.

Разнообразие политических режимов, существовавшее в Древней Греции (от диктатуры до демократии с выбором должностей по жребию), никогда больше не повторилось в человеческой истории.

В XX веке эта идея получила название «культурного детерминизма», соответствующие представления граждан о «справедливости» измеряются путем социологических опросов, и результаты вполне сходятся с аристотелевскими: кто какое политическое устройство любит, тот при таком и живет.

Классификация «демократия – полиция, олигархия – аристократия, тирания – монархия» вовсе не является открытием Аристотеля или Платона, а была в античной литературе настолько общим местом, что невозможно даже установить ее авторство. У каждого хоть немного поездившего по древней Элладе эта классификация так и стояла перед глазами.

В нашей теории мы пошли несколько дальше Аристотеля, объясняя большее разнообразие политических форм в Элладе ее природно-географическими особенностями, которые, в свою очередь, и позволили некоторым переходным формам Власти просуществовать много дольше обычного.

Под «гражданами» здесь по-прежнему понимаются вооруженные люди, располагающие свободным временем и зачастую входящие в личную охрану первого лица.

«...совет, данный Периандром Фрасибулу – обрывать поднимающиеся над другими колоски, т. е. всегда стараться устранять выдающихся людей» [Политика, 1311a].

Автаркическая экономика города-государства, в отсутствие явных врагов, или же малозначащая бюджетная организация, финансирующаяся, «потому что так принято», – типичные тому примеры.

В наше либеральное время такая откровенность уже разрешена: в 1968 году был опубликован «Государственный переворот» Люттвака, а в 2011 – «Учебник для диктаторов» Де Мескита и Смита.

Альтернативным выходом из положения является продвижение на формальную руководящую должность самого аппаратно слабого вассала, что несколько затягивает, но не отменяет, зачистку всех остальных. А вот назначение на формальную должность человека со стороны – это уже образование олигархии. Бывшие вассалы в этом случае берут на себя функции «совета директоров», командующего исполнительным директором. Собственно, наемные директора и появились на Западе как решение проблемы «пауков в банке».

Коллективное правление в долгосрочном плане действительно выгоднее единоличного, поскольку обеспечивает устойчивость «правил игры» на протяжении многих поколений. Но выгоды эти и проявляются только в долгосрочном плане, через несколько сотен лет, а их еще нужно как-то прожить. Вопрос о сравнительной эффективности единоличного и коллективного правления является, пожалуй, самым актуальным и спорным в современной теории Власти.

397

В полном соответствии с законами Власти!

Даже в конце XVII века Локк в своем «Трактате о правлении» все еще критикует это «священное право», хотя, казалось бы, ему уже давно место на свалке истории.

Несколько веков успешно балансировавшая между франками и византийцами Венецианская республика оставалась пусть замечательным, но практически единственным исключением.

«...их [арабов] было всего каких-нибудь 200 тысяч среди миллионов берберов» [Жюльен, 1961, с. 191].

В этой войне вождь альмохадов аль-Мумин постоянно использовал стратегию «выманить тигра на равнину», в смысле – заманить врагов в горы, на свою территорию.

Этот сценарий был отлично обыгран в знаменитой «Дюне» Херберта – главный герой удаляется в пустыню, проповедует племенам, собирает армию и захватывает столицу, даром что дело происходит в эпоху звездолетов.

Если вы читали про злоключения Ибн Хальдуна в первой части нашей книги, вам должно быть понятно, откуда здесь кавычки.

Историческая часть потребовала больше времени, полный текст «Истории» (Китаб аль-Ибар) появился лишь в 1382 году; эта книга и сегодня остается одним из главных источников сведений об истории арабов и берберов Северной Африки, но не столь интересна, как «Мукаддима» с точки зрения теории Власти.

«Мукаддима» написана на арабском языке XIV века, для многих терминов которого просто не существует общепринятого перевода на русский. Поэтому каждый переводчик Ибн Хальдуна использует собственную терминологию, которая, в свою очередь, нуждается в объяснении. В данном случае «обустроенность» – это перевод арабского термина «умран», означающего «образ жизни», «жизненный уклад», «государственный строй» и все такое прочее. Каждый раз, когда в цитатах будут появляться такие термины, мы будем давать соответствующие разъяснения в примечаниях.

В этом Ибн Хальдун выгодно отличается от Аристотеля – тот больше интересовался практическими вопросами, как сделать Власть долговечной; возможно ли это в принципе, исходя из сущности Власти, – такой вопрос он даже не ставил.

Через 600 лет после Ибн Хальдуна аналогичный вопрос задаст в своей книге «О насилии» Ханна Арендт: как может победить революция, если военная мощь государства бесконечно превосходит военную мощь революционеров (у которых вообще нет никакого тяжелого вооружения)?

В оригинале – «бадв», «жизнь в пустыне», откуда, кстати, и происходит слово «бедуин». Ибн Хальдун обобщает этот «бадв» до «бидава» – «жизнь на открытых пространствах, вне городских стен», которую мы бы назвали «деревней», в противовес городу. Но это в России если не город, то деревня; в Африке если не город, то скорее пустыня с погонщиками верблюдов. Таковы сложности перевода не просто с другого языка, а с языка другой цивилизации.

В оригинале – «хидара», «жизнь в большом городе», под которой Ибн Хальдун понимал «цивилизованную жизнь», с дворцами, водопроводом, канализацией, домашней утварью и даже зелеными насаждениями («Когда начинают сажать горький померанец, династия клонится к закату»). Вот только в отличие от нас «цивилизация» для Ибн Хальдуна означала гибель и разложение.

Взгляд хотя и пессимистический, но полностью подтверждаемый практикой на протяжении тысячелетий.

В оригинале – «асабийя», главный термин, достижение и открытие Ибн Хальдуна. Смирнов переводит его как «спаянность», Розенталь на английский – как group feeling («чувство локтя»), у самого Ибн Хальдуна этот многозначный термин используется для обозначения и автоматической реакции «наших бьют», и для групповой увлеченности призывами какого-нибудь проповедника, и для «верности» большого числа людей единому правителю. Мы переводим его как «сплоченность», а смысл этого термина и открытия в целом раскроется на следующих страницах.

Реальная племенная сплоченность, разумеется, ничего общего не имела с всеобщей любовью и братством. В религиозной организации альмохадов, к примеру, «...иерархизированное общество подчинялось строгому распорядку, и махди крепко держал его в руках. Усердие при отправлении религиозных обязанностей было обязательно. Небрежное отношение к ним влекло за собой наказание кнутом и даже смерть» [Жюльен, 1961, с. 120]. Сплоченность племен достигалась, как и в современных тоталитарных сектах, полным контролем за свободным временем каждого человека, не оставлявшим для него возможности поступить как-то иначе, чем предписано обычаями и указаниями старших.

«Мулк» – еще один труднопереводимый термин Ибн Хальдуна. Он одновременно означает и принуждение (другого независимого человека), и владение им (как вещью), и возможность собирать с него налоги.

Читатель, конечно, узнает стандартный сценарий завершения совместного правления равных – как только один из них становится сюзереном, он предпочитает собственных вассалов, а не вчерашних соратников. Как видите, он действительно реализуется во все времена и у всех народов.

Ибн Хальдун упоминает срок – три поколения – и продолжительность одного поколения в 40 лет. Если сравнить его результат с эмпирическими данными по арабским династиям (120 лет – медианная продолжительность существования), то нельзя не признать, что перед нами один из самых точных результатов во всей теории Власти!

В то же время если взять последние 100 лет, то российская революция 1917 года оказывается блестящей иллюстрацией закона Ибн Хальдуна – состарившуюся и разложившуюся династию сменила совершенно новая группировка с ого-го какой асабией.

Разумеется – как же иначе! – под лозунгами «очистки мира от скверны» и «установления высшей справедливости».

На конец XX века, по крайней мере.

Сразу же после того как Макиавелли выпустили из тюрьмы и отправили в ссылку в родовое поместье.

Обычно полагают, что «Государь» был персонально адресован одному из правителей Флоренции, Лоренцо Медичи, но это всего лишь легенда (Лоренцо стал правителем в 1516 году, а «Государь» был закончен еще в 1513 году). На деле Макиавелли пытался просто устроиться на службу к новой власти, рукопись «Государя» он передал своему другу Веттори, послу Флоренции в Риме (где папой был избран еще один Медичи, Джованни, он же Лев XII), дабы тот похлопотал за него перед домом Медичи, но Веттори, прочитав «Государя», решил этого не делать, а других контактов при дворе у Макиавелли не было [Скиннер, 2009].

«Первая декада» Тита Ливия – это книги 1-10 из громадной «Истории от основания города», охватывающие период с VIII в. до н.э. по 293 г. до н. э. и полностью дошедшие до наших дней, в отличие от второй и большинства последующих «декад».

Раннюю смерть Макиавелли в 1527 году (ему было всего 58 лет, для тогдашней Италии не возраст) обычно связывают с отказом очередного – республиканского – правительства Флоренции взять его на службу, что повлекло за собой депрессию и тяжелую болезнь.

Квентин Скиннер, автор «Очень краткого введения», не просто историк, а один из основателей «кембриджской школы истории понятий», разработавший методологию понимания авторов исходя из исторического контекста, в котором они создавали свои произведения. В своем рассказе мы в значительной степени следуем его реконструкции теории Макиавелли.

Ибн-хальдуновская асабийя удовлетворяет этому условию, и поначалу кажется, что Макиавелли должен переоткрыть именно ее. Но никаких кочевых племен в Италии не было даже во времена Древнего Рима, так что свою «асабийю» Макиавелли пришлось искать в другом месте. Тем интереснее его результат.

В оригинале – *virtu*, доблесть, добродетель и сила одновременно. Как обычно, адекватный перевод с языка другой культуры невозможен, по-русски получается что-то вроде «добро с кулаками».

По меткому выражению грузинского вора в законе Джабы Иоселиани.

427

Этим «доблесть» Макиавелли напоминает
«пассионарность» Гумилева.

Образцовый негативный пример – отречение Николая II, вылившееся в гражданскую войну и гибель миллионов людей.

Пистойя – городок неподалеку от Флоренции, на полдороге к Лукке. В начале 1500-х годов в нем обострился давний конфликт между семьями Канчельери и Панчиатики (восходивший еще к старинной вражде между гибеллинами и гвельфами). Макиавелли предложил флорентийскому совету вмешаться в конфликт военной силой и установить в Пистойе мир; однако его предложение было отвергнуто. В 1502 году в Пистойе началась гражданская война, в результате которой к 1503 году многие его жители были убиты, а город частично разрушен. Знакомый сценарий и для XXI века, не так ли?

Разумеется, если его невиновность известна лишь самому государю, а остальные считают его виновным; иначе такая кара хуже, чем преступление.

Забегая вперед, отметим, что поражающее русских на Западе «доносительство» (когда граждане вызывают полицию по любому поводу, например, из-за играющей в 23:01 музыки) относится именно к такому типу поведения. Да, вызывать полицию к соседу нехорошо (с точки зрения морали); но это необходимое зло, без которого подъезд может превратиться в притон, и это, если угодно, доблесть.

Как мы увидим в третьей главе, фактически это было открытие национального государства, первые образцы которых стали появляться в Европе только в середине XVIII века.

Флорентийская республика просуществовала (с небольшими перерывами) с 1115 по 1532 год, и хотя не достигла величия Рима, все же оказалась стабильнее большинства мусульманских династий.

В полном согласии с Ибн Хальдуном: единоличное правление – мулк – гибель династии.

В XXI веке этот вывод Макиавелли вполне согласуется с практикой: великие государства современности – США, Китай, Евросоюз – как раз и являются «республиками», власть в которых распределена между разными группировками, а не сосредоточена в руках одного человека.

Мы уже писали о такой ситуации, рассказывая о теории власти Аристотеля.

Сдаться варварам в плен, оставить оружие и «пройти под игом», то есть каждый римлянин должен был поодиночке, пригибаясь, пройти меж трех копий, осыпаемый насмешками победителей.

Мы пишем «религия», но понимаем под ней любые формы сильных и дорациональных убеждений; сюда относится и патриотизм, и фанатизм, и «пролетарский интернационализм»; содержание убеждений не столь существенно, главное, чтобы они задавали образцы поведения к большинству граждан автоматически им следовало.

Ту же самую мысль через 250 лет образно высказал Томас Джефферсон: «Дерево свободы нужно поливать время от времени кровью патриотов и тиранов».

А уж как были шокированы ей современники Макиавелли, твердо помнившие, что сила любого государства заключается в единстве и отсутствии оппозиции, даже кратко пересказать невозможно!

Вспоминается «игра» Гарина и Шельги из «Гиперболоида инженера Гарина», проводившаяся по этому самому правилу. Не убивая друг друга до смерти, они в постоянной конкуренции захватили весь мир.

Кто именно «они», станет ясно уже в следующем разделе.

Обратите внимание, что начиная с Макиавелли, «государь» (сюзерен, властная группировка) и «государство» становятся разными субъектами: что хорошо одному (единоличная, а потом и наследственная власть), то плохо для другого (деградация правящей династии).

Это не шутка: добрую треть фундаментальной книги «Насилие и социальные порядки» Норта, Уоллиса и Вайнгаста занимает описание эволюции правовой системы Великобритании в XIII-XVIII веках. Доберись они до современности, этот раздел занял бы целую книгу.

Парламентские разногласия вокруг политического устройства Англии оформились в политические партии в ходе дискуссии по поводу Билля о запрете (предлагалось запретить брату Карла II, Джеймсу, будущему королю Якову II, наследовать английскую корону, в силу его католического вероисповедания) в 1678-1680 годах. Именно тогда появились либералы-виги (взявшие себе прозвище шотландских протестантов, начавших в 1637 году восстание против Карла I) и консерваторы-тори (взявшие в отместку вигам прозвище ирландских повстанцев-католиков).

Другой вопрос, насколько эффективно она работает. Одна из популярных книжек про английского премьера Блэра называется «Новый Макиавелли», и, уж конечно, не в смысле «сторонник политических свобод». При всей сложности американской политической системы за пост президента США уже четвертое десятилетие соперничают представители всего двух семей, Бушей и Клинтонов. Тенденция к слиянию всех правящих группировок в одну – одна из самых сильных в человеческой истории, и противостоять ей весьма непросто.

Возможно, поэтому республики и возникают довольно редко. Римская республика была создана в 509 году до н. э., почти одновременно с Афинской (508 г. до н. э.). Венецианская республика учреждена в 697 году н. э. Возникновение республик в других итальянских городах-государствах датируется началом XI века, чуть позже появилась Швейцарская конфедерация (1291). Вот и все значительные республики, существовавшие в истории человечества до XVII века. Остальные сотни, если не тысячи, государств были наследственными монархиями.

Население Англии составляло тогда около 5 млн человек, то есть погибло 4% всего населения. Сравните с числом жертв российской революции и Гражданской войны (10 млн человек на 175 млн жителей), и вы поймете, насколько глубоким потрясением стала английская революция для современников.

В один и тот же год, 1614-й, в Англии и Франции были созваны парламент и Генеральные штаты. Английский парламент, состоявший из крупных аристократов, отказал королю в требуемых средствах. Французские Генеральные штаты, где аристократов и представителей третьего сословия было примерно поровну, вообще не смогли прийти к какому-то решению. Оба собрания вскоре были распущены, но в Англии аристократы сохранили свое влияние, а во Франции короли начали договариваться напрямую с торговыми городами, благодаря чему потребность в созыве Генеральных штатов отпала на 200 лет.

В конце концов, «чья власть, того и вера», как постановила Священная Римская империя еще в 1555 году.

В нарушение принятых законов, что было установлено решением парламента в декабре 1640 году.

Это только в России Бегемот – придворный кот Воланда; в Европе его имя означает демона, превращающего человека в животное, способное лишь убивать и пожирать.

Например, Джона Локка (1632-1704): мальчиком он мог бы видеть толпы лондонцев, окруживших дворец Карла I в 1641 году, а в старости оказался чиновником по делам американских колоний в правительстве Вильгельма III Оранского, восшедшего на престол благодаря Славной революции.

Сначала в виде ополчения лондонского Сити (независимой территории, где королю запрещено было даже появляться), а затем и в виде традиционной для тогдашних времен армии наемников. Деньги, которые парламент отказался дать королю, пригодились для собственных целей.

На стороне парламента воевали пуритане – радикальные сторонники протестантизма внутри англиканской церкви.

В промежутках между этими существенными событиями затерялись такие несущественные, как, например, казнь Карла I в 1649 году, за которую проголосовали 59 (!) лордов-«цареубийц», казненных (кто дожил) после реставрации 1660 года. Для целей нашей книги это действительно несущественный эпизод, но лордам он таким совсем не показался.

Довольно ранней – в 59 лет, предположительно от малярии. Кромвель запросто мог прожить еще лет 20, и тогда вся история Англии, да и всего человечества, оказалась бы совсем другой. Такова роль случая в делах Власти.

Знакомому российским читателям главным образом по роману Дюма «Виконт де Бражелон».

На смену Долгому парламенту в 1661 году избирается новый парламент, прозванный Кавалерским за преимущественно роялистский состав. Несмотря на это, в финансовом вопросе он был столь же прижимист, как и предыдущие парламенты, и все свое правление Карл II испытывал дефицит средств.

Перед самой смертью Карл II все же перешел в католичество, из чего можно сделать вывод, что вопрос вероисповедания был для него чрезвычайно важен. Но при жизни он оставался в первую очередь человеком Власти и лишь во вторую – католиком. Прекрасный пример макиавеллиевской доблести!

Формально самая высокая должность после короля, аналог первого министра; Шефтсбери был назначен на нее в 1672 году, незадолго до перехода в оппозицию.

20 ноября 1675 года подготовленное Шефтсбери предложение переизбрать парламент (с понятной целью - получить преимущество в новом) было отклонено с преимуществом всего в два голоса, 50:48, причем в его поддержку выступили герцог Йоркский и 11 англиканских епископов. С этого момента парламент перестал быть союзником Карла II, сначала в его заседаниях был объявлен перерыв, в 1677 году дебаты о перевыборах продолжились, в 1678 году Кавалерский парламент был распущен, в 1679-1681 годах были избраны (и распущены) три (!) новых парламента, все более и более оппозиционных по составу.

Денби полностью провалил работу в парламенте: тайные переговоры с Людовиком XIV, которые он вел по поручению Карла II, были раскрыты, компрометирующие письма зачитаны в палате лордов, и после долгих разбирательств в 1679 году Денби оказался в Тауэре по обвинению в государственной измене.

Еще один пример огромной роли случая в делах Власти. Проживи Карл II столько же, сколько его спонсор Людовик XIV, еще 23 года, ничто не помешало бы ему стать английским «королем-солнцем», полностью изменив известную нам историю Европы.

Введенную Карлом II для борьбы с протестантами-пуританами, а вовсе не против католиков.

Томсинов (2010, с. 37) приводит слова епископа Бенета (соратника Вильгельма Оранского) – «одна из самых странных катастроф, случавшихся в какой-либо истории»; король Англии, в распоряжении которого была 30-тысячная армия, оказался отстранен от власти за несколько месяцев и без каких-либо крупных сражений.

Не парламент – право созывать парламент имелось только у короля, а короля на тот момент в Англии не было, бегство Якова II было приравнено к отречению от престола. Это была лишь одна из многочисленных юридических проблем: решить, кто будет королем, может только парламент, но собрать парламент может только король, а его нет; что же теперь, страну распускать?

Многие ученые XXI века, такие как Асемоглу и Робинсон или Нортон, Уоллис и Вайнгаст, считают Славную революцию поворотным моментом в истории человечества, давшим начало современной западной цивилизации.

Существует гипотеза (о которой мы уже писали в первой части), что английским властным группировкам помогли принять соответствующее решение старые европейские деньги – банковские дома, вышедшие из Венеции и обосновавшиеся к XVII веку в Голландии. Но даже в этом случае выбор английских аристократов выглядел как «между пачкой денег и пулей в лоб».

Знакомое имя, не правда ли? Но это не тот самый, а дед того самого Уильяма Кавендиша, первого герцога Девоншира, одного из «семи бессмертных», подписавших приглашение Вильгельму Оранскому на английский трон. Гоббс обучал и следующего Уильяма Кавендиша, третьего графа Девоншира, отца того самого.

«Работал» – слово нашего, XXI века, в котором большинство человеческих отношений свелось к работе по найму. В XVII веке все было сложнее – Гоббс начал свою карьеру при дворе Кавендишей в статусе семейного учителя, затем стал семейным секретарем, затем на короткий срок вернулся в учителя, после чего стал чем-то вроде придворного философа при дворе графа, а позднее герцога Ньюкасла (которого, как в графа Девоншира, звали Уильям Кавендиш – популярное имя в этой семейке). В наши дни все это называется «работа», но в те годы положение Гоббса было чем-то вроде «бедного родственника» или римского «клиента» при богатом «патроне».

Факт, лучше многих томов доказывающий, что Гоббс неплохо разобрался в теории Власти!

Существовая на средства графа Ньюкасла (оказывавшего подобную поддержку не только Гоббсу, но также его другу Гассенди и его философскому оппоненту Декарту), а также зарабатывая частным преподаванием.

Среди современников Гоббс считался выдающимся физиком и математиком (что говорит лишь о слабости этих дисциплин в те годы) и так и не был избран в Лондонское королевское общество, поссорившись с Джоном Валлисом, самым влиятельным английским математиком, по вопросу квадратуры круга. Как видите, Гоббс не во всех своих делах руководствовался теорией Власти – возможно, потому, что сам считал себя философом, а не математиком.

475

«Математические начала натуральной философии»
Ньютона – попробуйте по названию догадаться, о чем
эта книга.

По версии врагов Гоббса, сразу же после казни Карла I, с целью понравиться победившему в гражданской войне Кромвелю; враги, скорее всего, ввали, но Кромвелю «Левиафан» и вправду понравился.

Языком интеллектуалов в то время была латынь, и написание книги на английском было серьезным риском. Позднее Гоббсу все же пришлось подготовить текст «Левиафана» на латыни и издать его в 1668 г. в Амстердаме.

Тиражом 1000 экземпляров по бешеной для печатных книг цене в 8,5 шиллинга за штуку; поначалу тираж расходуется медленно, но через несколько лет был даже допечатан до 1500 экземпляров (Newev. 2014. с. 285].

Ни Германия («еда, больше похожая на грязь, чем на еду»), ни дипломатическая работа Локку не понравились, и от второго приглашения Вейна он уже отказался.

Обстоятельства этого знакомства заслуживают упоминания. Эшли заказывал у своего оксфордского врача минеральную воду, тот был вынужден отлучиться по другим делам и попросил своего друга Локка доставить воду, а заодно и извиниться за возникшую задержку. Локк прибыл в дом Эшли, был приглашен остаться на ужин, и знакомство двух великих людей состоялось под поднятие бокалов со все той же минеральной водой. В пересказах позднейших авторов этот эпизод превратился в отчаянные поиски Эшли личного врача и даже в спасение ему жизни (позднее, в 1668 году, Локк действительно порекомендовал Эшли успешную операцию по удалению гнойника); на деле будущий граф Шефтсбери просто заметил умного человека.

Например, проводил совместные эксперименты со знаменитым химиком Робертом Бойлем.

Многие исследователи произведений Локка отмечают, что в его книгах нет никаких новых и революционных идей, они представляют систематизированное изложение «здорового смысла», мировоззрения просвещенных аристократов конца XVII века. В этом нет ничего удивительного, ведь они и появились на свет как обобщение взглядов людей из окружения Шефтсбери.

Поскольку известно, что в это время готовился (в значительной степени – провокаторами Карла II), а потом был раскрыт заговор с целью убийства короля, после чего среди вигов начались массовые аресты, некоторые биографы полагают, что Локк был среди заговорщиков. Точно известно, что перед бегством в Голландию он уничтожил свой архив, а значит, там было что уничтожать.

Стараниями того самого лорда Мордонта, позднее первого министра в правительстве Вильгельма.

Биограф Сомерса William Sachse приводит выдержки из писем Сомерса 1689-1690 годов, в которых тот настойчиво просит Локка о помощи, как советами, так и прямыми инструкциями, и пишет в связи с этим: «Совершенно очевидно, что Сомерс находился под огромным влиянием Локка» [Sachse, 1975, p. 105-106].

Эта должность дает Локку доход в 200 фунтов в год и решает все его финансовые проблемы; позднее, в 1696 году, он получает должность во вновь созданном Совете по торговле и плантациям управляющим североамериканскими колониями, с доходом в 1000 фунтов, и умирает в 1704 году вполне обеспеченным человеком.

Например, с тем же Джоном Сомерсом по вопросам денежной политики.

Существует анонимная работа, «Письмо знатного лица своему другу в деревню», авторство которой сегодня приписывается Локку, хотя по многим признакам она была написана лордом Эшли [Яковлев, 2013].

В случае Локка такое суммирование привело даже к подозрениям в плагиате: «Рассуждения о правлении» Элджернона Сиднея (казненного за эти самые «рассуждения» в 1683 году, поскольку в них содержался прямой призыв «свергнуть тирана», т.е. распустившего парламент короля) местами дословно совпадают со вторым из локковских «Двух трактатов о правлении» [Яковлев, 2013].

«Два трактата о правлении» Локка вышли в свет (1690) уже после конституционной реформы в Англии (1689), но когда столетием позже возникли проблемы с государственным устройством Франции и США, «Два трактата» тут же оказались переизданы и стали основой для идеологов Французской революции и Войны за независимость.

Не потому «не работает», что одному королю отрубили голову, а потому, что основные властные группировки предпочитают бороться за власть не от имени нового короля.

Во времена Гоббса «передача права» была вполне материальной: передача королю права собрать налоги позволяла тому профинансировать армию и физически уничтожить каждого противника созданного таким способом Левиафана.

Этот эффект – автоматическая поддержка большинством действующей власти – позволяет контролировать голосование в крупных акционерных обществах пакетом в 1-2% от общего числа акций.

Даже в Англии – 14 января 1649 года палата общин английского парламента приняла резолюцию, в которой объявила, что «народ, живущий под Богом, является источником всякой праведной власти» [Томсинов, 2010, с. 122].

Левиафан у Гоббса, в отличие от его же Бегемота и от «Левиафана» одноименного фильма, – положительный образ, это защитник властных группировок от жестокостей гражданской войны, а не тиран, зачищающий под себя все политическое пространство.

Которым, после нескольких неудачных попыток, и оказался нынешний Президент России Владимир Путин.

Сначала в теории, выработанной по светским салонам, затем на практике в ходе Славной революции и только потом – в виде опубликованного текста, предназначенного стать библией нового государственного устройства.

Мы специально использовали слово «правление» вместо слова «власть», поскольку правитель, правящий по договоренности властных группировок, не обладает всей полнотой Власти.

Логика при этом использовалась самая современная: государственные люди должны служить интересам государства, а не своим собственным; чем больше людей, тем больше вероятность, что кто-то из них начнет преследовать корыстные цели; так что лучше пусть правит один «наворовавшийся» король, чем сотня «голодных» депутатов.

Тут можно было многое написать про Научную революцию XVII века, эмпиризм и материализм, сменившие в качестве философской моды общепринятый идеализм, паровую машину и «Человека-машину» Ламетри (появившиеся уже в следующем веке), но мы пишем учебное пособие, а не философский трактат. Поэтому скажем коротко: сам Локк еще не знал слово «машина» и не мог назвать свою версию Левиафана этим словом; но смысл его изобретения именно таков: государство как беспристрастный, не являющийся человеком механизм обеспечения справедливости.

Локк еще не выделял судебную ветвь власти, в зависимости от важности вопросов, ее функции выполняют у него и законодательная, и исполнительная власть, а в роли верховного суда выступает парламент.

В который раз обращаем внимание на совершенную случайность возникшего расклада: проживи Карл II еще пару десятилетий, группировка вигов была бы полностью ликвидирована, и тори не с кем было бы договариваться об учреждении парламентского правления.

История подготовки, обсуждения и, наконец, принятия этого Билля заслуживает отдельного рассказа. К счастью, такой рассказ уже написан, и мы отсылаем интересующихся к блестящей книге Томсинова «Славная революция 1688-1689 годов в Англии и Билль о правах».

Эта отточенная формулировка принадлежит лучшему в XX веке практику Власти – И. В. Сталину (работа «Об основах ленинизма», Сталин, 1947, с. 114). Любопытна эволюция взглядов на «государственную машину» у классиков марксизма. В «Манифесте коммунистической партии» (1848) государство рассматривается как вторичное по отношению к Власти образование: «Государство – комитет, управляющий делами всего класса буржуазии», и задачей коммунистов видится лишь смена владельцев этого комитета: «...централизовать все орудия производства в руках государства, т.е. пролетариата, организованного как господствующий класс». В 1871 году Маркс (на опыте Парижской коммуны, «Гражданская война во Франции») обнаруживает, что «...рабочий класс не может просто овладеть готовой государственной машиной и пустить ее в ход для своих собственных целей». В 1917 году Ленин («Государство и революция») приходит к выводу о необходимости «слома государственной машины», «уничтожения паразита – государства». Мы предоставляем читателю самостоятельно ответить на вопрос, чем так не угодила государственная машина коммунистической властной группировке. Вопрос-подсказка: каким было в ней устройство Власти, монархическим или олигархическим?

Но каких именно интересов? Марксистская традиция говорит о «подавлении угнетенного класса», но мы-то прекрасно знаем, что с угнетенными классами властные группировки справляются и безо всякого государства (пример: мафия и торговцы). В нашем представлении, государственная машина работает на обеспечение не просто корыстного, а самого что ни на есть шкурного интереса властных группировок – их выживания в междоусобной борьбе. Без государственной машины, защищающей терпящие поражение властные группировки, срок жизни любой элиты (даже правящей династии) ограничен несколькими поколениями. Долговременное существование властных группировок возможно лишь при наличии хоть самого плохонького, но государства.

Причем мыслителям не каких-нибудь «темных веков», а веков Просвещения и Промышленной революции, веков, когда была создана французская Энциклопедия, построены железные дороги и изобретено электричество!

Хотя Моска и обвинял Парето в заимствовании идеи «правлящего класса», внимательное сравнение работ авторов «теории элит» показывает, что они всего лишь независимо описывали один и тот же предмет (договорившиеся между собой властные группировки), причем с достаточно разных точек зрения.

Под Властью в данном случае мы подразумеваем правящий класс (состоящий из одной или нескольких властных группировок) той страны, в которой вы, уважаемый читатель, получили начальное образование.

Вопрос для самопроверки: почему в России все знают про Гарибальди, но далеко не все – про Мадзини и про Кавура?

Настолько тайное, что обстоятельства его возникновения так и остались неизвестными.

По распространенной в те годы легенде, папа Климент XIV был отравлен в 1774 году иезуитами с помощью чашки шоколада. Такой уж была репутация иезуитов в Италии XIX века, лозунги «Да здравствует папа, смерть иезуитам!» регулярно звучали в Риме во время очередных революций.

Джузеппе Мадзини (1805-1872) – «вечный революционер», по определению Гаэтано Моска, так всю оставшуюся жизнь и провел в подготовке и осуществлении очередных революций, последние из которых были направлены уже против объединенной (но не на условиях Мадзини) Италии.

Именно эта пропаганда в конечном счете и подготовила объединение Италии, но совсем не так, как планировал сам Мадзини, и значительно позже, чем он ожидал.

Численность «Молодой Италии» в 1833 году оценивалась в 60 тыс. (!) человек. Неудивительно, что в том же году правительство Австрии признало эту организацию преступной, и за членство в ней полагалась смертная казнь.

Джузеппе Гарибальди (1807-1882) – слишком известный человек, чтобы о нем можно было рассказать в двух словах; точнее всего было бы назвать его «последним кондотьером Европы», ведь услугами Гарибальди в качестве военачальника и пирата пользовались и тунисский бей, и бразильские повстанцы, и Уругвай, и лишь самым последним – объединитель Италии Камилло Кавур.

А следовательно, и всех «республиканских» организаций, ведь лидером их в любом случае оказывался Мадзини.

Мы вновь предоставляем читателю самостоятельно сообразить, почему такой способ организации общеитальянской властной группировки никуда не годился.

Массимо д'Азелио (1798-1866), наследник древнего аристократического рода, автор исторического романа «Этторе Феррамоска» и государственный деятель, положивший начало карьере Кавура.

Разумеется, сам д'Азелио говорил о реформах, но мы можем себе позволить называть вещи своими именами.

На русский обычно переводится как «возрождение», что приводит к путанице с другим, более известным итальянским Возрождением. Более точные значения таковы: классическое Возрождение, или Ренессанс, – это «второе рождение», а Рисорджименто – это «возвращение к жизни», «воскрешение».

Камилло Кавур (1810-1861) – «итальянский Бисмарк», настоящий объединитель и первый премьер-министр Италии.

Так называемый альбертинский статут, остававшийся основой государственного устройства Италии до самой отмены монархии в 1948 году.

За год, с марта 1848 по март 1849 года, в парламенте Сардинии сменилось 7 (семь) премьер-министров. Надо ли объяснять, кому в это время принадлежала реальная власть?

А вместе с ней и всей итальянской революции 1848-1849 годов – возникшие было республики были разгромлены австрийскими войсками, и на их месте восстановлены прежние монархии.

В связи с этим фактом становится понятной «нерешительность» Карла-Альберта в войне 1849 года; остается только догадываться, какой силы духа от его советников требовала эта королевская нерешительность!

Основные вехи этой работы: 1851 год – союз с Наполеоном III, 1855 год – союз с Францией и Англией в Крымской войне, 1858 год – тайный договор в Пломбьере с Францией против Австрии, в обмен на помощь в захвате Ломбардии Франции обещаны Ницца и Савойя.

А вовсе не к единой Италии! Подобный лозунг в то время мог закончиться потерей союзников.

Но не нам с вами, ведь мы помним, насколько неумело действовали Мадзини и Гарибальди каждый раз, когда они были лишены поддержки более организованных властных группировок. Популярность хороша для митингов, реальная же власть требует хорошего финансирования и сильных союзников.

При всей своей отваге Гарибальди отлично знал 36 стратагему и пользовался ею каждый раз, когда ситуация складывалась не в его пользу, благодаря чему, постоянно участвуя в войнах, дожил до преклонных лет.

Как и в случае с Кромвелем, предположительно – малярию.

Беттино Рикасоли (1809-1880), барон Рикасоли, он же граф Бролио, бывший тосканский министр внутренних дел, совместно с Кавуром проводивший присоединение Тосканы к Сардинии. Его потомки известны сегодня по одноименным винам, производимым в провинции Кьянти.

Урбано Ратацци (1808-1873), профессиональный туринский политик с 1848 года, с 1852 года вошедший в коалицию с Кавуром и бывший министром в нескольких правительствах Кавура.

Джованни Ланца (1810-1882), врач и фермер (владелец 33 гектаров земли в Пьемонте), министр нескольких правительств Кавура.

Марко Мингетти (1818-1886), издатель газеты в Болонье, сотрудник Кавура с 1856 году, министр в послекавуровских правительствах.

Например, Ратацци стал в 1862 году премьером вместо Рикасоли, чтобы поддержать отношения с Наполеоном III, возмущенным активизировавшимся при Рикасоли республиканским движением против римского папы. Когда в 1864 году возникла возможность союза с Германией против Австрии, премьер-министром тут же был поставлен генерал Ламармора, известный своими «пруссоманскими» взглядами.

Объединение Италии обошлось в копеечку: к 1872 году госдолг составлял 8 млрд лир при доходах бюджета в 800 млн [Лависс, т. 7, с. 282-283], т. е. долг превышал доходы в 10 раз! Для сравнения: в 2013 году в Японии это соотношение составляло 9, в Греции 4,7, а в США – всего 4.

Формальным поводом послужил законопроект по национализации железных дорог, затронувший интересы одного из самых доходных в XIX веке секторов экономики. Любопытно, что национализацию продвигали «правые», а заблокировали ее «левые» под лозунгами свободы рынка; нужен ли лучший пример условности деления на «правых» и «левых» по сравнению с вопросами Власти? [История Италии, с. 277].

Агостино Депретис (1813-1887), пьемонтец, соратник Гарибальди по войне 1860 года, министр двух «правых» правительств 1860-х, возглавивший в 1873 года «левую» фракцию парламента.

Вполне возможно, что и после; наш анализ заканчивается 1884 годом, поскольку в этом году вышла в свет книга Гаэтано Моска «Теория правлений и парламентское правление», зафиксировавшая научное открытие правящего класса.

Сорок лет спустя, когда эта маска стала по-настоящему красивой, идея «вся власть государству» была успешно использована Муссолини. Но это уже другая история.

Насколько это утверждение соответствует истине – вопрос открытый. В конкретном случае Италии 1860-1870 годов основным результатом экономической политики «правых» стали изменения в сельском хозяйстве: «...общее число земельных собственников в Италии сократилось на протяжении 1861-1881 гг. ... примерно на 1/5» [История Италии, с. 262], то есть богатые землевладельцы стали еще богаче, а бедные по большей части разорились. Конечно, разбогатевших землевладельцев можно назвать и буржуазией, но тогда этот термин становится слишком широким, чтобы хоть что-то объяснять.

Антонио ди Рудини (1839-1908), лидер «правых» после Мингетти, дважды премьер-министр Италии.

Где в числе прочих слушает лекции будущего премьер-министра Антонио Саландры (1853-1931). Через много лет, в 1914 году, Саландра пригласил Моску в свой кабинет помощником министра колоний.

В «Элементах политической науки» (1896), втором издании «Элементов» (1923) и английском издании этой же книги под названием «Правящий класс» (1939).

Витторио Эммануэле Орландо (1860-1952) – итальянский политический деятель, депутат с 1897 года, министр нескольких кабинетов, премьер-министр в 1917-1919 годах.

В отличие от Джона Локка, для которого влияние виговского окружения можно считать точно установленным, в случае с Гаэтано Моска влияние круга ди Рудини является лишь нашим предположением. Но теоретическая позиция самого Моски, всемерно оправдывавшего сосредоточение власти в руках узкого меньшинства, вполне согласуется с этой гипотезой.

Его характеристика российской буржуазии заслуживает того, чтобы здесь ее привести: «В России моментом краха первой революции стала в высшей степени идиотская спешка русской буржуазии с уничтожением собственной армии с помощью знаменитого „Приказа номер один“, лишившего офицеров авторитета среди солдат». [Mosca, 1939, p. 469]. Как видите, «правлящий класс» из немногих людей даже сам Моска легко путал с «правлящим классом» из целого социального слоя (буржуазии).

Это уже не асабийя-сплоченность Ибн Хальдуна и не доблесть Макиавелли, а вполне современное понятие, подразумевающее помимо единства цели еще и сложную структуру этой самой «организации».

Моска приводит любопытный пример обратного: «По наблюдениям Маколея, замыслы убийства почти никогда не удавались в Англии просто потому, что в английских убийцах нет ни крупицы нравственного чувства, столь необходимого для взаимного доверия» [Моска, 1994(2), с. 106].

Можно предположить, что «умение организовываться» было для самого Моски (выросшего в окружении представителей самого что ни на есть правящего класса) чем-то самоочевидным и потому не заслуживающим отдельного разговора.

В отличие от своих предшественников, представлявших официальную идеологию XIX века (представительское правление, парламентаризм, социал-демократия) единственно правильным и «научным» способом организации государства, Моска открыто называл ее всего лишь «политической формулой» и относился к ней весьма критически: «Мы полагаем, что социал-демократия угрожает будущему современной цивилизации, но, вместе с тем, вынуждены признать, что она основывается на чувстве справедливости, зависти и жажде наслаждений, а эти чувства столь широко распространены среди людей, особенно сейчас, что было бы серьезной ошибкой отрицать тот факт, что социалистические учения обладают большими способностями самовоспроизводства» [Моска, 1994(2), с. 112].

Впрочем, в XX веке появились и такие теории – что Землей с незапамятных времен правят рептилоиды, особая нечеловеческая раса.

Иными словами, когда государство превращается из вполне человеческой властной группировки в надчеловеческую государственную машину.

Вспомним нашу реконструкцию формирования итальянского правящего класса: неудачные попытки карбонариев и Мадзини, идеология «единой Италии» Джоберти, тайный и открытый план объединения Италии д'Азелио, союз короля Карла-Альберта с пьемонтскими либералами, формирование парламента как инструмента и «консортерии» как собственно властной группировки. Публичная деятельность «консортерии» позволила однозначно выделить ее в качестве правящего класса. Заметим однако, что разглядеть итальянский правящий класс удалось лишь потому, что мы застали его на самом раннем этапе формирования, когда он был заинтересован в своем расширении. Выявить более старые и замкнутые группировки так легко не получится.

Напомним читателям, что здесь идет речь о теоретической модели «правлящего класса», а не о реальных правящих и стремящихся править властных группировках.

Оба этих способа были в XX веке взяты на вооружение разными властными группировками; западные группировки предпочли первый (превратив публичную политику в клоунаду), группировки развивающихся стран – второй (создав вождистские партии и организации). Но это уже другая история.

С 1888 года, когда Моска начал работать секретарем ди Рудини, и вплоть до 1922 года, когда власть в Италии перешла к группировке Муссолини. Вопрос, произошло ли это в силу деградации предыдущей властной группировки или же она просто поменяла себе правящий класс; требует отдельного исследования.

«Рациональную бюрократию» в качестве нового (и наилучшего) правящего класса воспел Джеймс Бернхем в своей знаменитой, но малоинтересной с точки зрения теории Власти книге «Революция менеджеров» (1941). В ней он предсказывал всемирный успех «менеджеризма», образцом которого считал гитлеровскую Германию и милитаристскую Японию; уже через пять лет эти прогнозы оказались в мусорной корзине.

Начинал Моска с желания оправдать правление меньшинства и блестяще выполнил свою задачу. Но неумолимая логика научного анализа привела его и к куда менее приятным выводам.

Вильфредо Парето (1848-1923) – итальянский и швейцарский экономист и социолог. Родился в Париже в семье итальянского политического эмигранта, получил техническое образование, защитил диссертацию по «принципам равновесия в твердых телах», работал менеджером в железнодорожных компаниях. В 1893 году по приглашению видного экономиста Вальраса стал профессором политической экономии в Лозаннском университете. Широко известны в экономике «равновесие Парето», а в социологии – «циркуляция элит Парето».

Как и любую теорию, сводящую описание системы к индивидуальным особенностям ее элементов; жизнеспособность элиты по Парето зависит не от ее внутреннего устройства, и не от ее «политической формулы», а исключительно от качества ее «личного состава». «Привлекать лучших» – вот и вся рекомендация, которую можно извлечь из такого подхода; но мы-то с вами знаем, что Власть основывается не на лучших, а на верных и мотивированных, и их нужно не столько привлекать, сколько воспитывать через уже сформированную в группировке систему проверок и конкуренции.

Так, университет Чикаго, о котором мы еще вспомним, был основан лишь в 1890 году (причем на пожертвование самого Джона Рокфеллера).

В средневековых университетах их было всего четыре – теология, медицина, юриспруденция и философия, к которой относилось все остальное. Сегодня точное число «наук» уже невозможно подсчитать.

Мы понимаем, насколько это определение «науки» отличается от общепринятого, но полагаем, что оно вполне соответствует американскому духу позитивизма и прагматизма XX века.

В Европе социология как университетская дисциплина появилась лишь в 1895 году, когда Эмиль Дюркгейм основал при университете Бордо факультет социологии.

Уильям Грэхем Самнер (1840-1910) – основатель американской социологии, второй президент Американского социологического общества, автор классической (хотя и забытой) книги «Обычаи» (1906).

То есть людей, профессионально занимающихся преподаванием социологии и публикацией соответствующих работ.

Первоначально она называлась American Sociological Society, но к 1959 году участники наконец обратили внимание, что сокращение ASS выглядит как-то не очень, и организация была переименована в American Sociological Association (ASA).

Первые социологические работы, основанные на эмпирических данных, появились в конце XX века почти одновременно в Европе и США: в 1885-1903 годах исследование («карта») лондонской бедности известного филантропа Чарльза Бута (Англия), в 1897 году – книга «Самоубийство» классика европейской социологии Эмиля Дюркгейма (Франция) и в 1899 году – исследование «Филадельфийский негр» американского социолога Уильяма Эдварда Дюбуа.

Большая часть социологических теорий XX века (символический интеракционизм, структурный функционализм, этнометодология, теория конфликта, математическая социология и т. д.) была создана в США.

В один год с «Филадельфийским негром» Дюбуа в США вышла книга Торнстейна Веблена «Праздный класс» (1899), не содержащая ни единого эмпирического факта. И какая же книга стала более знаменитой? Правильно, «Праздный класс»!

Названия книг тех лет говорят сами за себя – «Бродяга» Андерсона, «Банда» Трешера, «Такси-дансинг» Кресси, «Неприспособленная девушка» Томаса.

До 1936 году эти опросы точно предсказывали, кто станет следующим президентом. Но к 1936 году расслоение американского общества из-за Великой депрессии стало настолько серьезным, что итог выборов решили избиратели, у которых не было денег на «Литературный дайджест». Учесть их мнения смогли конкуренты журнала, среди которых был и небезызвестный Гэллуп [Батыгин, 1995).

Фонд, основанный в 1907 году железнодорожным магнатом Расселом Сейджем для поддержки социальных исследований. Наряду с фондами Рокфеллера и Форда, один из главных «игроков» на американском «рынке» исследований.

Знаменитый Хоторнский эксперимент, давший помимо остальных результатов «хоторнский эффект»: сам факт участия людей в эксперименте по анализу их поведения уже изменяет это самое поведение. До 1932 года тот факт, что социолог может влиять на изучаемые процессы, совершенно не осознавался учеными.

В рамках которого в 1938 года была проведена знаменитая инсценировка «Войны миров» – прямой репортаж о вторжении марсиан в США. Любопытно, что слушатели сразу поверили в войну, но подумали, что на самом деле на США напала Германия, а про «марсиан» им слышалось.

Пауль Лазарсфельд (1901-1976) – сначала европейский, потом (с 1933 году, когда он получил первый грант от фонда Рокфеллера) американский социолог, фактически создавший современную методологию количественных социологических исследований.

Далее – BASR, Bureau of Applied Social Research.

Сэмуэл Стауффер (1900-1960) - американский социолог, профессор Чикагского университета (1934-1941), руководитель Исследовательского отдела при Министерстве обороны США (1941-1946), профессор и директор лаборатории социологических исследований в Гарварде (1946-1960).

Флойд Хантер (1912-1992) – американский социальный работник (первые 15 лет активной жизни), а позднее известный социолог, автор нескольких переиздающихся до сих пор книг, в том числе и всемирно знаменитой «Community Power Structure» (1953).

«Объединенные организации обслуживания», созданная в США в 1941 году общественная организация (существующая на частные пожертвования), занимающаяся организацией досуга военнослужащих (в годы Второй мировой войны – весьма актуальная деятельность).

582

Общественная организация, занимающаяся привлечением пожертвований для выплат пособий малоимущим.

Генри Уоллес (1888-1965) – вице-президент США в 1941-1945 годах при Рузвельте, выступавший за конвергенцию политических систем США и СССР и смещенный преемником Рузвельта Труменом за несогласие с политикой холодной войны; созданная им Прогрессивная партия также выступала с левых и просоветских позиций. В 1948 году Уоллес потерпел сокрушительное поражение на президентских выборах (2,37% голосов) и отошел от политической деятельности.

Точный перевод этого названия на русский язык невозможен – «community» по-английски означает одновременно и «сообщество», и «городскую общественность», и просто «поселение, город». «Структура власти в обществе» теряет городскую составляющую названия, а «Структура власти в американском городе» – общественную.

Фактически первым социологическим исследованием Власти в США была знаменитая книга Роберта и Хелен Линд «Средний город» (1929), в которой качественными методами (изучение документов, публикаций в СМИ, интервью с жителями) был выявлен факт «этот город принадлежит семье Х» (пятеро братьев, владевших основными бизнесами в городе Манси, штат Индиана, послужившем образцом среднего американского города) [Ледяев, 2012, с. 2014]. Однако в целом работа Линдов была посвящена жизни американцев в маленьком городе (например, там содержалась статистика по частоте посещения кинотеатров), а не только городской Власти. Кроме того, Хантер впервые применил для выявления структуры Власти формальный метод, создавший ощущение научного доказательства существования правящего класса. Поэтому именно Хантер по праву считается первооткрывателем «правлящей элиты».

После выхода своей знаменитой книги Хантер прожил долгую, обеспеченную и довольно счастливую жизнь – до 1960 года работал профессором в Северо-Каролинском университете, затем возглавлял две коммерческие социологические компании, писал книги и умер в почтенном для XX века возрасте 80 лет.

Атланта в 1950 году насчитывала 330 тыс. жителей, намного больше, чем в среднем американском городке вроде Манси (20 тыс.).

Несмотря на «женщин» в названии, работали в этой Лиге главным образом мужчины, занимавшиеся популяризацией актуальных политических проблем с целью привлечь женщин к голосованию... а заодно и повысить собственный рейтинг.

Разумеется, этот вопрос Хантер задавал, еще не показывая собственный список топ-40 [Domhoff, 2005].

Вассалам одного сюзерена не положено знать других сюзеренов, даже если эти сюзерены относятся к одной группировке. Хантер выявил ту самую структуру Власти, о которой мы пишем с первых же страниц нашей книги; как и во многих других случаях, когда разные умные люди изучают один и тот же предмет, выводы у них получаются одинаковые.

Не во всякой культуре такая «игра с положительной суммой» (ты выигрываешь, но и твой сосед тоже выигрывает) оценивается положительно, поэтому многим трудно поверить, что подобные олигархии реально могут вести мирное сосуществование. Тем не менее существуют культуры, в которых «вместе выиграть» ценится даже выше, чем «выиграть одному».

Не афишируется совершенно осознанно: «Хантер указывает на характерные для лидеров опасения, что люди могут узнать, кто на самом деле правит в городе» [Ледяев, 2012, с. 229].

Точный перевод на русский снова не получается – leadership означает одновременно и «лидерство», и «руководство», и «правлящие круги». Максимально близко по смыслу – «Верховное правительство» (в отличие от обычного, которое в Вашингтоне), по ассоциации с «мировым правительством».

Джон Фостер Даллес (1888-1959) - госсекретарь США (т. е. второй человек в государстве) при президенте Дуайте Эйзенхауэре в 1953-1959 годах, брат директора ЦРУ Аллена Фостера Даллеса, известного российскому читателю по пресловутому «плану Даллеса».

Чарльз Райт Миллс (1916-1962) – американский социолог и публицист левых убеждений, критически настроенный по отношению как к США, так и к СССР, автор трех знаменитых книг – «Белый воротничок», «Властная элита» и «Социологическое воображение».

Не только из-за ранней смерти в 1962 году, но и по причине неприемлемости его подхода для всего американского социологического истеблишмента. Единственным даже не учеником, а последователем Миллса считается английский социолог Ральф Милибэнд (1924-1994), помимо всего прочего отец лидера лейбористской партии в 2010-2015 годах, Эдварда Милибэнда. Не правда ли, неплохая иллюстрация того, как правящий класс работает с инакомыслящими?

«Новые люди власти» (1948) – о рабочих и профсоюзных лидерах, «Белый воротничок» (1951) – об американском среднем классе, «Властвующая элита» (1956) – о высших классах Америки.

Бескомпромиссно-критическое отношение Миллса к любой современной ему Власти иллюстрирует следующий эпизод. После выхода разоблачающей американский истеблишмент «Властвующей элиты» Миллса пригласили в СССР, и на банкете в Институте философии Академии наук он поднял тост за «полную реабилитацию товарища Троцкого как знак обретения политической свободы в СССР» [Никулин, 2003]. Довольно бестактно по отношению к советским товарищам, но вполне в духе Миллса, писавшего в те годы оставшуюся неоконченной книгу «Контактируя с врагом: Tovarich».

На защите диссертации Миллса в 1942 году они обменялись последними любезностями: «Идите к черту, Миллс!» – сказал Беккер, «После вас, сэр», – ответил Миллс [Geary, 2009, p. 27].

«Идеология и утопия» (немецкое издание 1929 г., английское – 1936 г.) – книга, в которой немецкий социолог Карл Мангейм (1893-1947) впервые обосновал социальный характер знания. Мы «знаем» только то, что нам выгодно (идеологию), что помогает выживать в реальном социальном окружении. Попытки «узнать» что-то другое являются утопией – мечтами о лучшей жизни, не подкрепленными реальными социальными силами. Набрав сторонников, утопии могут становиться идеологиями, но взамен появляются другие утопии. На фоне общепринятой точки зрения, что научные знания есть объективная истина, это была поистине революционная идея.

Возникает вопрос: а зачем тогда вообще заниматься наукой? Миллс, как и любой нормальный ученый, увлеченный своей работой, отвечал на этот вопрос так: не любой наукой нужно заниматься, а социологией, позволяющей отличить «социальные» знания от «объективных». Разумеется, на деле Миллс просто использовал одни «социальные знания» вместо других. Упреждая вопрос Читателя к Теоретику, заметим, что мы и не скрываем собственную «социальную ангажированность»: нам интересна Власть, и мы пишем обо всем на свете с точки зрения Власти. Вопрос объективной истины для нас менее интересен, чем вопрос, кто здесь главный.

Роберт Кинг Мертон (1910-2003) – классик американской социологии, один из лидеров Колумбийской школы (вместе с Парсонсом и Лазарсфельдом), в 1940-х – теоретик номер один в американской социологии.

Именно благодаря рекомендации Мертона Миллс уже в следующем, 1941 году получил приглашение в Мэриленд [Geary, 2009, p. 30].

«Характер и социальная структура», опубликована в 1953 году.

Диссертация ставила перед собой масштабную цель – объяснить социальными причинами возникновение и характер прагматизма, господствующей американской философской концепции. Из-за приглашения в Мэриленд Миллс не успел реализовать свой титанический замысел и защитил значительно сокращенный вариант диссертации («Социологическое объяснение некоторых аспектов прагматизма»).

Преимущественно левых политических взглядов: шел 1942 год, до холодной войны оставалось еще несколько лет, а до маккартизма и того больше, президентом США был автор левого «Нового курса» Рузвельт, сторонник «конвергенции» США с СССР Уоллес работал госсекретарем – в общем, быть левым в те годы в США было вполне комфортно.

Тот самый Дэниел Белл, автор «Конца идеологии» и «Грядущего постиндустриального общества».

Основной идеей которой была критика «смешанной экономики» (частный бизнес под строгим государственным контролем) с позиций чистого социализма. Именно тогда у Миллса сложилось представление о крупном бизнесе как об источнике всех социальных бед – от вырождения рабочего класса до монополизации всей власти владельцами крупнейших промышленных компаний.

Тому самому, автору «Среднего города».

О прочности положения Миллса в «группировке» американских социологов можно судить по следующей истории. В 1945 году, помимо формальной работы ассистентом университета, Миллс получил должность руководителя масштабного коммерческого исследования в г. Декатур (штат Иллинойс). Вопреки ожиданиям нанимателя (самого Пола Лазарсфельда), Миллс не только изменил методику исследований (добавив к стандартным опросникам открытые интервью), но и предложил собственную интерпретацию его результатов (изучалось влияние рекламы на потребителей, а Миллс доложил, что владельцы масс-медиа полностью определяют мысли и чувства простых американцев). В результате выпуск отчета об исследовании задержался на несколько лет (а книга о нем так и вовсе вышла только в 1955 году), Бюро прикладных социальных исследований понесло значительные убытки, Миллс был отстранен от должности руководителя исследования, но все попытки Лазарсфельда убрать его из Колумбийского университета и Бюро оказались тщетными. Лазарсфельду пришлось пойти на компромисс, поручив Миллсу другую работу (отчет о положении пуэрто-риканских мигрантов).

Причем Миллс, в отличие от, например, Моски, добился этого успеха собственными усилиями (вполне по-американски – за счет качественного продукта и агрессивной саморекламы). Поэтому и направление дальнейшего развития Миллс выбирал сам – исходя из личных, а не классовых представлений о том, чем следует заниматься ученому.

Миллс был социологом, а не историком, и писал о том обществе, которое видел вокруг. Но мы помним, что интеллектуалы предшествующих эпох были столь же зависимы от своих правящих классов.

Помимо уже упоминавшейся истории с Лазарсфельдом, отметим еще один факт из биографии Миллса: он везде ездил на мотоцикле (который ремонтировал самостоятельно) и ходил по территории Колумбийского университета, не снимая кожаной куртки и шлема. Подобное поведение должно было демонстрировать его неприятие академических условностей – или же своего более высокого властного рейтинга по отношению к академической власти!

Для этого Миллс воспользовался своим влиянием и в 1945 году организовал специальное подразделение в BASR – LRD, Labor Research Division (отдел по изучению труда).

Закон объявил многие виды забастовок незаконными, установив для профсоюзов обязательную финансовую отчетность и даже обязал руководителей профсоюзов давать подписку о непричастности к деятельности коммунистической партии.

На деле это было не столько оформление, сколько написание совершенно новой книги «по мотивам» проведенных исследований. Будучи и сам «белым воротничком», Миллс позволил себе более субъективный и литературный стиль изложения, который сам называл «социологической поэзией». Поэтому работа над книгой заняла целых три года.

Начальный тираж 3500 экземпляров разошелся в первый же месяц, и дальше книга продавалась примерно по 1000 экземпляров в месяц. Неплохой результат даже для XXI века (сегодня социологический бестселлер в США – книга с продажей более 10 тыс. экземпляров в год), но по сравнению с вышедшей годом ранее «Одинокой толпой» Дэвида Рисмена, чей тираж превысил 500 тыс. (!) экземпляров, – далеко не рекорд.

«Cheerful robots», термин, придуманный Миллсом и больше никем из социологов не использовавшийся, – ведь они, социологи, тоже должны демонстрировать верность университетским стандартам, жизнерадостность и искренность. Так что никаких «роботов»!

«Inactionary» – еще одно слово, придуманное Миллсом (по аналогии с «акционером» и «реакционером»), означающее «неакционер», «бездейственник», «неактивист»; мы выбрали перевод, наиболее подходящий по смыслу.

The High and The Mighty, «высокомерные»,
«надменные», «важные».

Во-первых, Миллс эмпирически опроверг распространенное в 1950-е годы убеждение, что «после Нового курса в США не осталось миллиардеров»; они остались, просто стали лучше маскировать свои состояния. Во-вторых, Миллс продемонстрировал динамику социального состава «сверхбогачей» – если в 1900 году среди них было 39% выходцев из низших классов (сыновья фермеров и рабочих), то к 1950 году таковых осталось только 9%. Напротив, 68% мультимиллионеров в 1950 году оказались сыновьями миллионеров.

Дуайт Эйзенхауэр (1890-1969) – президент США в 1953-1961 годах, представитель «рокфеллеровских республиканцев» (группы политиков при Нельсоне Рокфеллере, в которую входил, например, Ричард Никсон).

Джон Фостер Даллес, долгие годы работавший партнером в юридической фирме «Салливан и Кромвель», тесно связанной с Морганами и Рокфеллерами.

Джордж Хамфри (1890-1970) – юрист и администратор в сталелитейной промышленности, работавший председателем созданного в 1933 году. Делового совета (предпринимателей) при Министерстве торговли.

Чарльз Уилсон (1890-1961) – президент «Дженерал моторс» в 1941-1953 годах.

Во многих источниках указывается, что «Дженерал моторс» уже в ту пору была «народной» корпорацией, насчитывавшей более 2 млн акционеров. Фактически же до 1961 года (а возможно, и после) компания принадлежала семейству Дюпонов (тому самому, DuPont, создателю нейлона, кевлара, тефлона и напалма), владевшему самым значительным пакетом акций и контролировавшему топ-менеджмент.

Как промышленных, так и любых других – по мере изучения материала Миллсу становилось все очевиднее, что по корпоративно-бюрократическому типу устроены все крупные организации, будь то политические партии, госаппарат, армия или даже «некоммерческие фонды».

В оригинале – background, «подготовка вопросов», «обсуждение в своем кругу»; перевод «закулисное обсуждение» не отражает всей многозначности английского термина, включающего в себя и сбор информации, и ее обсуждение, и «шумовое сопровождение» принятого решения – в общем, все необходимые действия по принятию и осуществлению на публике решения, принятого властной группировкой.

Джордж Маршалл (1880-1959) – начальник штаба американской армии в годы Второй мировой войны, в 1945 году на короткий срок вышедший в отставку, но вскоре вернувшийся на госслужбу и в 1947 году предложивший небезызвестный «план Маршалла».

Пьер Дюпон (1870-1954) – легендарный американский предприниматель, основатель DuPont и крупнейший акционер «General Motors».

Альфред Слоан (1875-1966) – президент (с 1923) и председатель совета директоров (1937-1956) «Дженерал моторс». Кроме всего прочего, это именно он учредил Слоановский фонд, известный сегодня по одному из его научных проектов – Слоановскому цифровому обзору неба.

Миллс пользуется термином «prestige» – «репутация», «престиж», «авторитет» – но фактически речь у него идет о потенциальном рейтинге человека Власти.

Гарольд Тэлботт (1888-1957) – малоизвестный американский государственный деятель, в отличие от своего внучатого племянника, Строуба Тэлботта (р. 1946), занимавшего должность советника госсекретаря США в администрации Клинтона (1994-2001) и специализировавшегося по России и бывшим странам СССР. Как видите, в высших эшелонах Власти анекдот «Это у вас, русских, однофамильцы, а у нас, евреев, – родственники!» в большинстве случаев соответствует действительности.

Которого он, кстати, даже не потерял. Ответ правящего класса был более изощренным – Миллсу урезали финансирование на исследования, а друзья-социологи перестали с ним общаться. Дело дошло до того, что только один Роберт Линд выразил Миллсу соболезнование в связи с первым инфарктом в 1960 году [Geary, 2009, p. 182]. Фактически это было «вон из профессии». Учитывая, насколько популярным был Миллс в первые годы своей карьеры, можно себе представить, как он переживал изменившееся отношение коллег; возможно, четыре инфаркта и ранняя смерть как раз и оказались следствием такой социальной изоляции. В любом случае, судьба Миллса послужила ясным намеком другим социологам: ругать элиту нехорошо!

В 1971 года Валлерстайн, с 1958 года занимавший должность профессора социологии Колумбийского университета, вынужден был уйти с этой работы и на пять лет перебраться в Канаду, в малоизвестный университет Макгилла (Монреаль).

В ответ Миллс, в полном соответствии со своими бунтарскими привычками, написал книгу «Социологическое воображение» (1959), в которой в свою очередь объявил ненаучной всю остальную социологию. По мнению многих социологов, это была его лучшая книга.

Как с уже рассмотренным нами учением Макиавелли и в случае с открытием Квигли, которое будет рассмотрено в следующей главе.

Льюис Козер (1913-2003) – известный американский социолог, основоположник конфликтологии, автор классического труда «Функции социального конфликта» (1956).

Премия за лучшую книгу года (только одну!) в области госуправления, политики и международных отношений; одним из ее лауреатов стал Генри Киссинджер – в 1958 году, за книгу «Ядерное оружие и международная политика».

Джон Гэлбрейт в широко известной книге «Общество изобилия» (1958), до сих пор включенной в топ-100 самых влиятельных книг по версии Modern Library, критиковал американское «изобилие в частном секторе и нищету в общественном» и выступал за государственное регулирование экономики, приводя в пример успехи СССР в ракетно-космической отрасли. В американских учебниках экономики МакКоннела и Самуэльсона с начала 1960-х годов декларировалось превосходство СССР над США по темпам роста вследствие большей доли инвестиций в ВВП благодаря той же централизации.

Джеймс Мэдисон (1751-1836) – один из авторов Конституции США, четвертый президент США, помимо прочих заслуг вошедший в историю своим афоризмом: «If men were angels, no government would be necessary» (Если бы люди были ангелы, правительство не понадобилось бы).

642

Александр Гамильтон (1757-1804), в числе прочего
– первый министр финансов США.

Хантер Ф. Структура власти в сообществе (1953), – книга, рассмотренная в предыдущем разделе.

Йельский университет – один из восьми престижнейших университетов США («Лига плюща»), четвертый по времени основания (первый, конечно, Гарвард), и постоянно входящий в первую пятерку университетов по всем рейтингам (Гарвард, Принстон, Йель, Стенфорд, Колумбия).

Помимо «Кто правит?» Даля, по результатам этого исследования были написаны еще две работы: «Городская власть и политическая теория» Полсби и «Политика прогресса» Волфинджера [Ледяев, 2012, с. 243].

Обратите внимание, что это требование сразу же исключает из рассмотрения «закулисные обсуждения», открытые Миллсом, и тем самым делает невозможным научное изучение реальной власти.

Даль специально придумал этот термин, чтобы заменить им весьма субъективное понятие «элита»; экономические (богачи) и социальные (известные люди) нотабли в его теории выявляются с помощью строгих процедур.

648

Высшие лидеры – лица, инициировавшие два и более принятых решений.

649

Малые лидеры – лица, инициировавшие только одно принятое решение.

Citizen Action Commission, создана в 1954 году и включила в себя несколько сотен уважаемых людей Нью-Хейвена.

Иногда тайные решения все же документируются – например, в частных письмах, опубликованных посмертно, или в протоколах закрытых совещаний, ставших достоянием гласности. Но это всегда лишь единичные случаи, которые невозможно проанализировать статистическими методами.

Да, да, того самого Буша – отца и деда будущих президентов Джорджей Бушей, уже упоминавшегося нами в первой части книги.

Чтобы ощутить масштаб суммы, напомним, что с 1950-х годов доллар обесценился в 10 раз, и предположим, что такой же проект получил бы какой-нибудь российский «миллионник». Получается сумма в 10 млрд долларов, или 300 млрд рублей – несколько годовых бюджетов!

Цитируется по краткому пересказу книги, размещенному Домхоффом в открытом доступе в сети Интернет, «Who Really Ruled in Dahl's New Haven?». Само интервью Домхофф нашел в материалах исследования, которые сохранились в архивах Йеля.

По крайней мере, для тех социологов, которые не хотели повторить судьбу Миллса.

Tragedy and Hope. A History of the World In Our Time – дословно «История мира в наше время», но по-русски так не говорят, а «Современная мировая история» звучит слишком официально для подзаголовка к «Трагедии и Надежде».

Насколько нам известно, это была первая попытка теоретического осмысления XX века. Начиная с 1980-х годов подобные исторические обзоры стали достаточно популярны; среди «лучших книг столетия» мы встречаем «Новые времена» Пола Джонсона (1981), «Эпоха крайностей» Эрика Хобсбаума (1994), «После войны» Тони Джадта (2005). Однако в 1960-е годы внимание публики привлекали совсем другие темы (прежде всего – подъем левого движения, воплотившегося в революцию 1968 года), и книга Квигли поначалу осталась незамеченной. Ну а потом... дальше у нас как раз и написано, что случилось потом.

А именно – в направлении уничтожения «американского образа жизни», основанного на частной собственности, и создания всемирном коммунистической республики.

Такие как контролируемый распад Британской империи с целью образовать всемирную конфедерацию проанглийских стран, а также совершенно ошибочная политика «умиротворения» Гитлера, сознательно проводившаяся английским истеблишментом.

Предателя надо примерно наказать, но так, чтобы тяжесть наказания была понятна другим вассалам того же рода деятельности. Миллса не стали убивать, а разрушили ему профессиональную репутацию и лишили финансирования; судя по результату (четыре инфаркта), это было куда мучительнее простого убийства. Лишение финансирования и разрушение репутации является стандартным наказанием в американском истеблишменте, о чем мы уже упоминали в связи с исследованиями Хантера.

В этом случае речь идет уже не о предательстве вассала, а о свидетеле обвинения, и тут работают совсем другие правила, вплоть до «свидетеля надо прикончить»; все громкие скандалы (вроде убийства Кеннеди или Уотергейта) обычно сопровождаются многочисленными внезапными смертями малозначительных лиц.

662

Пятом по численности населения городе в тогдашних США, после Нью-Йорка, Чикаго, Сент-Луиса и Филадельфии

Не знаю как вам, уважаемый читатель, а мне сразу же вспомнился рассказ о Шерлоке Холмсе, где он притворялся озлобленным (по отношению к Англии) американским ирландцем. Хотя на страницах своих книг Квигли и воздерживается от негативных оценок в адрес англо-американского истеблишмента, общее критическое отношение Квигли к этой элите не вызывает сомнений.

Эдмунд Уолш (1885-1956), «отец Уолш» – католический священник, выдающийся консервативный интеллекуал и общественный деятель времен холодной войны, среди прочего знаменитый тем, что дал «путевку в жизнь» сенатору Маккарти, посоветовав ему активнее выступить против «коммунистической агентуры».

665

School of Foreign Service.

Вот довольно типичное воспоминание одного из студентов Квигли: «Он был убедительным, захватывающим лектором, и для меня не стало сюрпризом, что впоследствии почти каждый его слушатель соглашался, что Квигли фактически сформировал его собственное мышление».

Очередной пример трудности с английским языком: citizenship – это и подданство, и гражданство, и активная гражданская позиция, и социальная ответственность. Все в одном слове, а нам для передачи смысла приходится использовать три!

Узнаете «доблесть» Макиавелли? У нас так и не будет повода рассказать о технологии формирования такой «гражданской позиции» у простых американцев, поэтому заметим просто, что в США она была доведена до совершенства, и результаты получились соответствующие.

Одним из профессиональных интересов Квигли была история систем вооружения, которой он посвятил так и не изданную при жизни объемистую книгу.

Что, впрочем, неудивительно, эта война оказалась «чемоданом без ручки» и головной болью для целого поколения американских политиков.

Разумеется, на уровне «специалиста», то есть «второго слоя» правящего класса. Чуть позже мы увидим, что Квигли и сам прекрасно понимал свое место во властной группировке, к которой принадлежал.

Томы I-III вышли в 1934 году, IV-VI – в 1939 году.

Арнольд Тойнби (1889-1975) – знаменитый английский историк, профессор Лондонской школы экономики, сотрудник отдела пропаганды английского МИДа с 1914 года, член английской делегации на Версальских переговорах по итогам Первой мировой войны, научный директор (1925-1943) Королевского института международных отношений, созданного тем самым «англо-американским истеблишментом», о котором так подробно написал Квигли.

A Study of History by A.J. Toynbee. Abridgement of vol. I-VI by D.C. Somervell. London, 1946.

Создание цивилизации, по Тойнби, – ответ общества на «вызов», т.е. какие-нибудь внешние трудности, вроде сурового климата, воинственных соседей или всенародного унижения.

Нетрудно заметить, что Тойнби следует здесь за Парето, идеализируя правящую элиту и приписывая ей достижения цивилизации в целом. В этом нет ничего удивительного, поскольку сам Тойнби принадлежал к правящей элите Великобритании и разделял ее убежденность в своей миссии править менее «творческим» населением.

Квигли выделяет семь стадий этого цикла (смещение, беременность, экспансия, эпоха конфликтов, империя, разложение и оккупация), Тойнби в конечном счете – четыре (рождение, рост, надлом и распад); любопытно, что в первоначальных набросках к «Постижению истории» Тойнби тоже выделял семь стадий (рождение, дифференциация, экспансия, надлом, империя, универсальная религия и разрушение). Здесь мы в очередной раз сталкиваемся с ситуацией, когда при всем желании ученые не могут выдумать ничего оригинального: что есть в объекте исследования, о том и приходится писать.

Таковыми как «культурная общность», «религия», «удаленность от места первоначального зарождения» и т.д. В результате даже количество цивилизаций у Тойнби точно не известно – их насчитывается от 21 до 26, в зависимости от способа подсчета.

Насколько глубокий след оставила в истории классическая (греко-римская) цивилизация, можно понять из следующего примера. Когда в 1770 году знаменитый батальный художник Бенджамин Уэст работал над картиной «Смерть генерала Вольфа», его посетил архиепископ Йорка Драммонд и потребовал, чтобы генерал Вольф был изображен в античном одеянии, более соответствующем его величию, нежели военная форма [Смит, 2004, с. 11]. Через 40 лет по Гудзону поплывет первый пароход – но символом величия по-прежнему остается античное одеяние!

Мы бы добавили – и культурная, так как по-русски культура это литература и искусство, наполняющие жизнь смыслом. Но для англоязычного Квигли культура – это вся совокупность жизненных проявлений цивилизации (начиная с военных построений и заканчивая привычкой ходить в церковь), поэтому у него упомянута только «религия». Поэтому поясним, что коммунизм и непротивление злу насилием по этой классификации – тоже религии.

681

В переводе на язык теории Власти – превратившись из объекта Управления в самостоятельные властные группировки!

В оригинале Квигли пишет о «ханаанитской» цивилизации, названной так по библейскому названию современного Ближнего Востока (Израиль и прилегающие страны); на наш взгляд, «Ближний Восток» по-русски звучит понятнее.

Общепринятая идеология европейских государств XVI-XVIII веков, заключавшаяся политически в укреплении центральной власти (абсолютизм), а экономически – в регулировании торговли с целью обеспечения положительного торгового баланса («чтобы деньги из страны не уходили»). Понятно, что все страны одновременно не могут иметь положительный баланс, так что эта политика вела к нарастанию напряженности – как и положено любому институту.

В Наполеоновских войнах, затронувших только Европу, погибло до 6 млн человек из 250 млн тогдашнего ее населения; во Второй мировой – до 85 млн человек из 2300 млн населения всей Земли; в процентном соотношении вполне сопоставимые потери.

Квигли имеет в виду Британскую аграрную революцию XVIII века, заключавшуюся в переходе к четырехпольной системе севооборота (пшеница, ячмень, турнепс, клевер), позволившей избежать истощения почв и повысить среднюю урожайность зерновых в полтора раза.

Очевидное в 1961 году, когда доллар еще имел золотое обеспечение, и совершенно непонятное в 2015-м, когда золото превратилось в сырье для ювелиров.

В какой институт? Да в тот самый, с которого мы начали нашу главу: в сеть Центральных банков, контролировавших всю экономическую жизнь Запада в первой трети XX века!

688

Швейцарская банковская семья; банк Mirabaud & Cie существует и сегодня.

689

Директор Банка Англии в 1920-1944 годах.

690

Британский промышленник, создатель Imperical Chemical Industries, и сегодня являющейся крупнейшей промышленной компанией Великобритании.

Еще один британский промышленник, один из основателей Unilever (Knorr, Lipton, Dove – это некоторые из ее брендов).

Уильям Моррис, виконт Наффилд, основатель британской компании Morris Motors.

Применительно к Истории это понимание можно сформулировать так: субъектами исторических действий являются властные группировки, а не контролируемые ими организации (вроде правительств и корпораций) и уж тем более не первые лица этих организаций (вроде президентов или официальных владельцев).

Так что для Квигли, близко к сердцу принимавшего западную цивилизацию, ситуация 60-х годов прошлого века выглядела еще ужаснее, чем для прячущихся в атомных бомбоубежищах американцев: даже победа США в ядерной войне стала бы, по Квигли, поражением Запада, поскольку привела бы к формированию американской Империи.

Это лишний раз показывает, что сам Квигли принадлежал ко «второму слою» правящего класса, верящему в «политическую формулу», в отличие от «первого слоя», который ее формулирует.

На самом деле Уилсон сказал: «Да, я могу принять решение, идущее против интересов "Дженерал моторс", хотя долгое время думал, что то, что хорошо для "Дженерал моторс", хорошо и для Америки», и попробовал бы он так не сказать, ведь дело было в 1952 году на сенатских слушаниях по поводу его назначения министром обороны.

697

Немецкий промышленник, сын основателя AEG, сторонник плановой экономики, убитый за сотрудничество с СССР в 1922 году.

Ключевым фактором в тогдашней международной политике являлись репарации Германии (за Первую мировую), которые в силу своего непомерного объема в принципе не могли быть выплачены и требовали постоянных корректировок. Управлял всем этим процессом как раз международный консорциум банков, публичным лицом которых выступал Дж.П. Морган-младший.

Томас Ламонт (1870-1948) – американский банкир, партнер Дж. П. Моргана-старшего с 1911 года, совладелец «Дж. П. Морган и К?». Помимо всего прочего – отец философа-гуманиста Корлисса Ламонта, большого друга СССР в 1930-1950 годах.

Например, эпизод с актом Гласса-Стиголла, о котором мы рассказали читателю во второй главе.

Джон Рёскин (1819-1900) – самый влиятельный английский искусствовед Викторианской эпохи, автор более 20 книг по искусству; а также идеологии «социальной справедливости», позднее легшей в основу программы Лейбористской партии.

Уильям Сед (1849-1912) – самый известный британский журналист конца XIX века, редактор Pall Mall Gazette в 1880-1889 (и помимо всего прочего, погибший на «Титанике»). Квигли упоминает его вместе с Родсом, поскольку в 1891 году Родс, не имевший в Лондоне никаких связей, обратился к Седу за помощью в организации «тайного общества». Однако по своему потенциальному рангу ни Сед, ни даже Родс не соответствовали столь масштабной задаче, и в XX веке состав исходного общества практически полностью поменялся. Об этом чуть позже.

Сесил Родс (1853-1902) – британский бизнесмен и колониальный администратор, чья деятельность в Южной Африке финансировалась банком Ротшильдов. Основатель алмазной фирмы «Де Бирс», фанатичный империалист, автор знаменитой цитаты о звездах над головой, которые он аннексировал, если бы дотянулся.

Как указывает Квигли в «Англо-американском истеблишменте», столь точная дата создания тайного общества стала известна благодаря Уильяму Стеду, тщательно записывавшему события своей жизни, и его не менее дотошным биографам, опубликовавшим соответствующие записи. Будь общество по-настоящему тайным (как, например, карбонарии), Квигли вряд ли сумел что-нибудь о нем разузнать.

Может показаться странным, что богатейший бизнес-партнер Ротшильдов, собаку съевший на тайных обществах, мечтает создать что-то свое, а не присоединиться к самим Ротшильдам. Но судя по дальнейшим событиям (Родс умер, не оставив наследника, «Де Бирс» вернулся во владение Ротшильдов, а личное богатство Родса сформировало фонд, которым управляли достаточно случайные в его жизни люди), кажется маловероятным, что Ротшильды допустили бы Родса до «святая святых» собственных тайн.

Реджинальд Бретт (1852-1930), второй виконт Эшер – английский политик, близкий друг королевы Виктории и короля Эдуарда VII, бессменный председатель Комитета Имперской обороны в 1904-1930 годах.

Поскольку дальше часто будут упоминаться разные лорды, приведем здесь краткую справку по английским титулам. Английская знать делится, в порядке понижения статусов, на герцогов (высшая знать), маркизов, графов (earl), виконтов и баронов (все они имеют право заседать в Палате лордов). Английские Ротшильды смогли купить себе титул баронов, но дальше пробиться не сумели.

Альфред Милнер (1854-1925) – британский государственный деятель и колониальный администратор, фактически руководитель второй Англо-бурской войны и английских колоний в Южной Африке, получивший за это титул виконта (1902). Доверенное лицо трех богатейших людей Южной Африки (Родса, Бейта и Бейли), управляющий фондом Родса; один из самых влиятельных людей во внешней политике Великобритании в 1890-1920 годах. Выпускник Оксфорда 1877 года, до 1885 года работавший журналистом у Стеда в Pall Mall Gazette. В 1885 году оставил журналистику, получив должность личного секретаря Джорджа Гошена, директора Банка Англии, а в 1887-1892 годах – министра финансов в правительстве Роберта Сесила, маркиза Солсбери. Таким образом, на момент вступления в общество Родса Милнер уже был вассалом могущественной группировки («блок Сесила»), и не приходится удивляться, что в конечном счете общество Родса превратилось в «группу Милнера».

Артур Балфур (1848-1930), с 1922 года граф Балфур, английский политик конца XIX – начала XX века, премьер-министр в 1902-1905 годах, получивший эту должность фактически по наследству от своего дяди, Роберта Сесила. Неясно, перешло ли к Балфуру руководство всей властной группировкой («блоком Сесила»), но несомненно, что до конца жизни он был одним из ее публичных лидеров.

Альберт Грей (1851-1917) – британский политик, друг Сесиля Родса и его главный лоббист при Джозефе Чемберлене. Позднее, в 1904 году, по рекомендации Балфура стал генерал-губернатором Канады (до 1911 года).

Флора Шо (1852-1929) – британская журналистка, придумавшая название целой страны, Нигерии. В 1886-1892 годах работала в Pall Mall Gazette у Стенда, а в 1890 году стала редактором отдела колоний в «Таймс».

Хотя основали общество Родс и Сед, мы будем называть его «милнеритами», как это принято в англоязычной литературе. Дело в том, что основатель общества Родс умер в 1902 году, и с этого момента руководство обществом перешло в руки Альфреда Милнера, который и обеспечил достижение всех его амбициозных целей.

Лорд Милнер писал: «Я британский (в действительности даже английский) националист. Если я еще и империалист, то это лишь потому, что судьба английской расы, рожденной на острове и добывшей превосходство в морях, – пустить корни в различных частях света» (The Times, 25 July 1925)

Потомками голландских колонизаторов, называвших себя африканерами; прозвище «буры» («крестьяне») дали им уже англичане.

715

И назывались соответственно – ойтландеры (uitlanders), «иностранцы».

716

Пауль Крюгер (1825-1904) – президент Трансвааля в 1883-1900 годах.

Знаменитый «Рейд Джеймсона» 29 декабря 1895 – 2 января 1896 года, закончившийся окружением и захватом в плен всего отряда численностью около 500 человек.

Трансвааль закупил в Европе около 40 тыс. винтовок Маузера и 59 артиллерийских орудий.

Благодаря своим давним связям с «блоком Сесила». Роль этого «блока» в создании общества Родса и Круглого стола описана Квигли в «Англо-американском истеблишменте»; для наших целей достаточно знать, что Милнер хотя и входил в «общество Родса», но исторически принадлежал к другой властной группировке, Гошена – Солсбери, а судя по последующей карьере, еще и Ротшильдов. При всей амбициозности его планов, сам Родс был всего лишь вассалом вассала настоящих хозяев планеты.

Квигли пишет, что Русско-японская война 1905 года была прямым следствием Англо-бурской: японцы увидели, что европейцев можно побеждать, и тоже решили попробовать.

Именно в ее ходе выдвинулся Дэвид Ллойд-Джордж, будущий премьер-министр в годы Первой мировой войны.

Благотворительная организация, один из многих «домов для народа», в которых представители английских высших классов контактировали с жителями рабочих окраин, помогая им в защите своих прав и воспитании детей. Такая благотворительность была одним из направлений реализации «проекта Рёскина».

Может показаться, что Милнер был «серым кардиналом» Британии, лично назначая людей в господствующую властную группировку; поэтому следует заметить, что из «детсада Милнера» вышли лишь три сколько-нибудь известных человека – Керр, Брэнд и Кертис, и что реально британскую политику формировали совсем другие люди.

В «Англо-американском истеблишменте» Квигли указывает, что Бейли и Астор входили во «внутренний круг» тайного общества Родса – Миллса; по мнению Квигли, Уолдорф Астор (1879-1952), британский политик и бизнесмен, вошел в общество с подачи Милнера в 1917 году (а уже в 1918 году стал парламентским секретарем Ллойд-Джорджа). Несомненно, кроме «Круглого стола», группировка Милнера работала и в других направлениях, но эта деятельность осталась совершенно недокументированной.

Лайонел Кертис (1872-1955), британский публицист, участник, а после смерти Милнера и лидер «детсада Милнера». В 1901-1909 годах работал в Южной Африке, где подготовил проект организации Южно-Африканского Союза (из четырех независимых до этого колоний), современной ЮАР. В 1916 г. издал книгу «Содружество наций» и всю последующую жизнь пропагандировал единое всемирное государство.

Где Милнеру было чем заняться – получив титул виконта в 1902 году, он может заседать в палате лордов; кроме того, его ждали дела фонда Родса, а также место в совете директоров Rio Tinto (медь и цинк, одна из многочисленных сырьевых компаний Ротшильдов), директором которой он стал в 1911 году.

Консерваторам аукнулась не только развязанная под их руководством бурская война, но и другие неудачные решения, а также слабость Балфура в качестве лидера партии.

Уильям Палмер, второй граф Селборн (1859-1942), британский администратор, сменивший Милнера на посту верховного комиссара Южной Африки. Как и сам Милнер, входил в группировку Солсбери.

Филип Керр (1882-1940) – британский политик и дипломат, начавший карьеру в Южной Африке (1905-1910) в составе «детсада Милнера». Личный секретарь премьер-министра Ллойд-Джорджа в 1916-1921 годах, посол в США в 1939-1940 годах. Сын седьмого маркиза Лотиана, унаследовал титул в 1930-х годах, став 11-м маркизом Лотианом. Английская википедия перечисляет 24 герцогства и 33 маркизата, так что Керр относился к топ-100 английской наследственной элиты.

730

Две английские – Капская область и Наталь, и две
бурские – Трансвааль и Оранжевая река.

Роберт Брэнд (1878-1963), с 1909 года – барон Брэнд – английский госслужащий и бизнесмен, с 1909 года партнер, а позднее директор в банке Лазар, в 1941-1944 годах глава Британской продовольственной миссии в Нью-Йорке.

В наше время тактика «создать проблему, а потом предложить ее решение в обмен на допуск к власти» общеизвестна. Однако 100 лет назад мало кому приходили в голову подобные двухходовки.

На деле, конечно, «образцовость» Южной Африки поддерживалась не ее конституцией и политическими институтами, а участием ее лидеров (Джеймсон, Дункан, Лонг, Смэтс) во властной группировке Милнера. Подготовить им смену по каким-то причинам не удалось, и в 1948 году к власти пришел «бурский экстремист» Малан, рассорившийся с Англией, организовавший пресловутый «апартеид» и в конечном счете предрешивший печальную судьбу современной ЮАР.

У Квигли «блок Сесила» (властная группировка Солсбери – Балфура) упоминается только в «Англо-американском истеблишменте», но и там Квигли пишет, что после смерти Солсбери его группировка утратила прежнее влияние и вся инициатива перешла к Милнеру. Нам это представляется крайне сомнительным, поскольку публичный преемник Солсбери, Балфур, играл важную роль в английской политике (например, в 1917 году предоставил Ротшильду право на создание Израиля) вплоть до своей смерти в 1930 году; без поддержки работающей властной группировки это было бы невозможно.

Квигли почти ничего не пишет о том, как «блок Сесила» вернул себе политическую власть, а между тем это весьма показательная история. Исторически клан контролировал только консерваторов, но выборы 1906 года они проиграли с разгромным счетом (157 мест в палате общин против 400 у либералов) и на 15 лет лишилась каких-либо шансов на формирование правительств. В связи с этим клану пришлось сменить тактику и наладить контакты с лидерами Либеральной партии (такими как Асквит и Ллойд-Джордж). Далее, в ходе мировой войны, поставившей под угрозу само существование Великобритании, клану удалось убедить либералов и общественность в необходимости формирования правительства национального единства и провести на ключевые позиции своих ставленников. Возможно, именно тогда среди властных группировок и появилось понимание, что контролировать нужно не одну, а все соперничающие политические партии.

Уильям Синклер Маррис (1873-1945) – госслужащий Британской империи в Индии.

По Квигли, Милнер унаследовал от Родса не только многомиллионный фонд Родса, но и идею создания всемирного англоязычного государства; для идеалиста Квигли такого объяснения было вполне достаточно. Однако деятельность «Круглого стола» успешно продолжалась и после смерти Милнера в 1925 году, что наводит на мысль о существовании группировки более высокого уровня, в которой Милнер был всего лишь одним из вассалов.

В 1909 году Филип Керр побывал в Канаде и вернулся оттуда с полной уверенностью, что в Имперскую Федерацию с единым правительством в Лондоне Канаду никакой пропагандой не заманишь.

Государствами – владениями Британии, к которым в 1910-х годах относились Канада, Австралия, Новая Зеландия, Южно-Африканский Союз. Доминионы были фактически самостоятельными государствами, и вовсе не собирались отдавать обратно уже приобретенную независимость.

Позднее эта идея приобрела широкую популярность – так были созданы Лига Наций, ООН, СЭВ, а затем и Евросоюз. Но первым ее придумал, похоже, именно Круглый стол.

Пересмотр первоначального плана единой страны (Имперской Федерации) может показаться неудачей Круглого стола; на наш взгляд, такой пересмотр был проявлением гибкости и высокой квалификации в делах Власти. Запланированное в 1916 году, Содружество наций окончательно оформилось в 1949 году и сегодня включает в себя более 50 государств, треть мирового населения и 20% ВВП. Вот что значит хороший план!

742

Далее следует текст из записанного на пленку интервью Квигли 1974 года, расшифрованного и размещенного в Интернете его поклонниками.

Один из самых богатых колледжей Оксфордского университета» отличающийся от всех остальных тем, что все его студенты автоматически попадают в Совет колледжа.

«For God sake, go!» – слова, сказанные Кромвелем в адрес Долгого парламента и потом в лучших английских традициях повторенные Лео Эмери на историческом заседании парламента, закончившемся отставкой Чемберлена.

745

На время обучения в колледже.

Подобные странные высказывания обычно свидетельствуют о достоверности рассказов – придумывать их специально не станет ни один фальсификатор.

В оригинале «build up» – формировать, укомплектовывать, усиливать; возможно, современное «раскрутить» будет наиболее подходящим переводом. Обратите внимание, с какой небрежностью Зиммерн упомянул решение относительно раскрутки целой страны; казалось бы, такими вопросами должно заниматься правительство – ан нет, этим занимаются совсем другие, более постоянные и лучше организованные структуры.

«Англо-американский истеблишмент», законченный в 1949 году; но опубликованный только в 1981 году.

Двадцать лет за свой счет изучать какие-то мифические заговоры? Почему бы и нет, профессора имеют право на чудачества!

Так и было сделано: начальный тираж в 8800 экземпляров был распродан издательством за два года (с 1966 по 1968), после чего Макмиллан уведомил Квигли, что печатные матрицы уничтожены и допечатки невозможны. Книга стала библиографической редкостью, ее выкрадывали из библиотек, а цена на вторичном рынке доходила до 150 тогдашних (1000 нынешних) долларов.

Которого на деле конечно же не существует, и любые попытки исследовать его всерьез приведут к очевидным для любого ученого опровержениям этого вопроса.

Клеон Скоузен (1913-2006) – американский писатель и политический философ, автор более чем десяти книг, самой знаменитой из которых так и остался «Голый коммунист», крайне правый антикоммунистический памфлет 1958 года, разошедшийся в итоге многомиллионным тиражом.

Нельсон Рокфеллер (1908-1979) – американский бизнесмен и политик, самый публичный из семьи Рокфеллеров, один из лидеров Республиканской партии, губернатор штата Нью-Йорк в 1959-1973 годах и вице-президент США в 1974-1977 годах. Упоминался в «Голом капиталисте» как один из главных мировых заговорщиков.

До 4 млн копий; одной из причин такой популярности стало активное использование книги (явно антиреспубликанской направленности) в предвыборной кампании Макговерна против Никсона.

Да-да, практичной: консультировать Пентагон Квигли приглашали вовсе не за его исследования англо-американского истеблишмента.

Сильнее всего в этом смысле «досталось» теории расового превосходства; попробуйте-ка выйти с ней на публику!

Насколько нам известно, после Квигли никто из ученых «первого эшелона» не предпринимал попыток детального изучения какой-либо властной группировки. Конечно, изучение «элит» и «групп» продолжалось, но дело в том, что группы людей, выделенные по любым признакам кроме личной преданности и совместной деятельности по захвату ресурсов, как правило, не являются властными группировками, и их изучение мало что дает для понимания сущности Власти.

Бойко Максим Владимирович (р. 1959) – российский государственный деятель и бизнесмен, на момент обсуждаемых событий – вице-премьер и министр госимущества РФ.

Шамберг Владимир Михайлович (1926-?) – советский ученый, доктор исторических наук, работал в Институте мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) с 1956 года, автор многочисленных книг по экономике и политике США. В 1990 году эмигрировал в США.

Морозов Григорий Иосифович (1921-2001) – советский правовед, доктор юридических наук, работал в ИМЭМО с момента его создания в 1956 году, преподавал в МГИМО.

Маленков Георгий Георгиевич (р. 1938) – советский ученый, доктор химических наук, профессор, младший сын Георгия Максимилиановича Маленкова (1901-1988), председателя Совета Министров СССР в 1953-1955 годах.

Читатель, видимо, и так догадался, что человек это был не простой, а компетентный.

Истинное – это то, которое мы описали в первой части нашей книги. Разумеется, мы сознаем, что можем ошибаться, но пока обратное не доказано, мы считаем наиболее соответствующей истине именно нашу модель Власти.

Или, говоря научным языком, феноменологические.

В отличие от настоящей Власти, представляющей собой способность добиться выполнения решения в условиях сопротивления неопределенного круга «других».

Чем, собственно, мы и занимались в самом начале книги.

Вспомним мэра Нью-Хейвена, оказавшегося в результате исследований Даля главной и единственной властью в городе. Столь же очевидной кажется власть какого-нибудь сверхбогача (пресловутого Ротшильда), занимающего «должность» владельца крупнейших компаний.

768

Включая угрозу смертью – обет молчания в итальянской мафии давался как раз на этот случай.

Разумеется, ошибочно, иначе всеми бы правили мастера кун-фу, как в дешевых гонконгских боевиках.

Ханна Арендт (1906-1975) – немецко-американский философ, чьей самой знаменитой книгой является «Банальность зла, или Эйхман в Иерусалиме» (1963), посвященная психологии нацистских преступников (которые, как выяснилось, ничем не отличались от обычных граждан, просто работа у них была такая).

Бертран де Жувенель (1903-1987) – французский радикальный философ, симпатизировавший фашизму, один из основателей общества «Мон Пелерин» (созданного фон Хайеком с целью продвижения идей «открытого общества»).

В отличие от предыдущих глав, в этой мы не будем подробно анализировать личные биографии теоретиков. XX век сделал свое дело – эти биографии мало чем отличаются друг от друга, ведь все ученые ныне принадлежат к единому классу университетских преподавателей, возникшему на рубеже XIX и XX веков. Главным содержанием жизни теоретика в XX веке стали его интеллектуальные приключения, сохранившиеся в статьях и книгах.

Причем знаменитый: в списке самых цитируемых гуманитарных авторов [Most cited authors, 2007] Ханна Арендт находится выше Карла Маркса (но все же ниже Зигмунда Фрейда).

В известной даже сейчас, не говоря уже о 1950-х, книге Бернхэма «Революция менеджеров» подробно обосновывалось преимущество нового (по отношению к реальному капитализму и гипотетическому коммунизму) государственного устройства, управляемого менеджерами (т.е. профессиональными бюрократами, партийными функционерами и номенклатурой). В таком государстве (по мнению автора) исчезают все социальные конфликты, поскольку богатых и бедных не остается, а все люди в равной степени становятся служащими огромного государства-корпорации. Как мы уже писали в предыдущей главе, этот способ государственного устройства долгое время считался на Западе перспективным, и с ним были связаны надежды всего прогрессивного человечества.

Традиции этого периода живы и по сей день, например, в Сингапуре строго запрещены азартные игры и... жевательная резинка.

Помните милнеровское «судьба английской расы – пустить корни в разных частях света»? Отличный ответ на вопрос: «Зачем вы пришли на нашу землю? – Судьба!».

777

В переводе Арендт – «власть растёт из дула
ВИНТОВКИ».

В 1969 году вышло первое издание книги, но классическим считается дополненное нью-йоркское издание 1970 года от Harvest Books; отсюда и возникает двойная датировка.

Год выдался еще тот – в апреле в США убили Мартина Лютера Кинга, что привело к бунтам в более чем в 100 городах, в том же апреле в Германии был убит студенческий лидер Дучке, что также привело к беспорядкам; в мае восстали студенты Сорбонны, и во Франции началась всеобщая забастовка, приведшая к досрочным парламентским выборам; в июне в США убили Роберта Кеннеди; в августе советские танки вошли в Прагу, а «чикагская семерка», включая лидера «Черных пантер», организовала массовые беспорядки в Чикаго. Казалось, что волна революционного насилия вот-вот захлестнет весь мир, и хотя этого не произошло, до сих пор все это часто называют революцией 1968 года.

Франц Фанон (1925-1961) – алжирский революционер и философ, теоретик деколонизации и борьбы стран «третьего мира» за независимость; его самой известной (хотя ныне забытой) книгой стала запрещенная во Франции «Проклятьем клеймененные», идеи которой оказали влияние на более маститых Сартра и Маркузе.

781

Этот единственный – Алессандро Пассерев д'Антрев (1902-1985), итальянский философ-антифашист.

Как можно видеть из приведенного примера, Арендт формулирует весомый аргумент в пользу «репутационной» методологии в изучении власти. Хотя «власть тот, кого люди считают властью» и совершенно субъективный показатель, но власть и в самом деле оказывается у того, кого считает властью «молчаливое большинство», а не у того, кто применяет насилие или, в другом контексте, подписывает бумажки.

XX съезд запомнился громким «разоблачением сталинизма», но на деле стал всего лишь первым эпизодом в развернувшейся борьбе за власть между различными группировками. Отказ от «перегибов» сталинских времен можно интерпретировать как их попытку поменять «правила игры», гарантировав себе хотя бы личную безопасность. Тем самым был сделан первый шаг к формированию в СССР наследственной элиты.

Об этом как раз и писал свой «1984» Джордж Оруэлл, а вовсе не о совершенно ему незнакомом советском тоталитаризме.

Помните, как в интервью он объяснял предательства друзей? «Деньги, большие деньги». Он так до конца жизни и не понял, что деньги – всего-навсего один из ресурсов Власти, и при том далеко не самый важный.

По данным уже упоминавшегося нами списка [Most cited authors, 2007].

Мишель Фуко (1926-1984) – французский философ, теоретик культуры, создатель исторического метода анализа систем мышления («археологии знаний») и нескольких оригинальных концепций, из него следующих (антипсихиатрии, теории знания-власти и т.д.).

Настоящая «власть Закона», свободная от личных пристрастий монарха и его вассалов – то есть безличная и бездушная государственная машина.

Вассал, соблюдающий правила, может рассчитывать на большую благосклонность сюзерена; людям вне властной вертикали на это рассчитывать не приходится.

Тут можно спорить, насколько эти наказания применяются тюремной администрацией, а насколько – самими заключенными по отношению к другим заключенным; но что прошедший тюрьму человек выходит на свободу изменившимся, вряд ли кто будет спорить. Живучесть тюремных «понятий» на свободе тому отличная иллюстрация. Тюрьма работает.

Этого нет у Фуко, но однозначно следует из его логики «воспитательной» роли тюрьмы.

Именно поэтому критика тюрьмы как «школы преступности» бьет мимо цели: тюрьма как раз и создает эту вышколенную преступность, поддающуюся контролю со стороны надзорных органов; без такого «воспитания» преступный мир был бы куда менее дисциплинирован.

Может показаться любому, но только не нам с вами, уважаемый читатель. Для нас дисциплина – это мощнейшая (превращающая человека в «жизнерадостного робота», как верно подметил Миллс) технология управления, позволяющая объединять тысячи людей в сложнейших организациях. Но добытые этими организациями ресурсы распределяют а конечном счете властные группировки, на которые никакая дисциплина не распространяется. Люди Власти создают дисциплинарные практики (и обязаны хорошо знать, как они создаются), но их собственное поведение регулируется другими способами – верностью сюзерену и конкуренцией с другими вассалами. И хотя их жизнь полностью зависит от сюзерена, люди Власти свободнее большинства современных служащих, чьей жизнью управляют бездушные правила.

Не чтобы им противодействовать, конечно, а чтобы самому их применять.

Не правда ли, все это чрезвычайно похоже на обычную Власть – захват ключевых должностей, продвижение своих людей и контроль над ресурсами организации? Похоже, но с тем существенным отличием, что настоящая властная группировка целенаправленно захватывает требуемые позиции, а в этом примере мы сталкиваемся со стихийным, неосознанным властным поведением людей и подразделений. Такая стихийная «борьба за власть» ведется во всех крупных организациях и подчас серьезно мешает их основной деятельности; если организацию берет под контроль настоящая властная группировка, она должна по мере возможности (не в ущерб конкуренции вассалов) пресекать подобную «политику».

Джеффри Пфеффер (р. 1946) – американский теоретик менеджмента, профессор бизнес-школы при Стэнфордском университете, автор «теории ресурсной зависимости» организаций.

Именно благодаря ей Джеффри Pfeffer по праву занимает место в топ-50 бизнес-интеллектуалов наряду с Биллом Гейтсом и Ричардом Брэнсоном.

Конечно, если в компании уже существует нормальная властная группировка, решение проблемы будет поручено подходящему вассалу, и события пойдут совсем по другому пути. Но мы (вслед за Пфеффером и Саланчиком) говорим о такой организации, в которой еще нет властной группировки. Вот в этом случае право подготовки решения может быть формально делегировано какому-то подразделению – и тем интереснее посмотреть, что из этого получится!

Разумеется, попытка может быть и неудачной – но тогда организация погибнет, и социологи не смогут ее изучить. Реальные исследования ведутся лишь в тех организациях, где проблемы были успешно решены.

Насколько вероятно повторное появление схожих проблем? Если в подразделении не дураки сидят, то весьма вероятно – ведь такие проблемы: а) легко решаемы, б) приносят ощутимые выгоды.

Не правда ли, все это чрезвычайно похоже на обычную Власть – захват ключевых должностей, продвижение своих людей и контроль над ресурсами организации? Похоже, но с тем существенным отличием, что настоящая властная группировка целенаправленно захватывает требуемые позиции, а в этом примере мы сталкиваемся со стихийным, неосознанным властным поведением людей и подразделений. Такая стихийная «борьба за власть» ведется во всех крупных организациях и подчас серьезно мешает их основной деятельности; если организацию берет под контроль настоящая властная группировка, она должна по мере возможности (не в ущерб конкуренции вассалов) пресекать подобную «политику».

На эту тему в 1990-е годы рассказывали замечательную историю. Несколько молодых предпринимателей решили заняться импортом; взяли кредит, проплатили контракт, машина с товаром доехала до таможни. Встал вопрос: а как товар «растаможить»? Никто из начинающих бизнесменов не только не знал, как это делается, но даже не имел никаких знающих знакомых. В результате предприниматели бросили жребий (!), и один из них с печальной физиономией поехал на таможню, попытаться решить вопрос. К вечеру он вернулся довольный и заявил, что все в порядке, я обо всем договорился, никаких проблем больше нет. Надо ли пояснять, кто из этой компании оказался в итоге единственным владельцем фирмы?

В первой части книги вы уже познакомились с некоторыми его высказываниями.

Помните, что Практик говорил об ученом, одновременно умеющем быть и человеком Власти? Пфеффер – именно такой ученый!

В нашей формулировке «потерял сюзерена – потерял власть», да и формулировку Миллса про «отнимем у них денежные и людские ресурсы» вы тоже, наверное, помните. Так что в словах «человек – это его ресурсы» довольно много правды.

Запомните это правило и не стесняйтесь им пользоваться! Заняв руководящую должность, вы можете смело передоверять непосредственную работу подчиненным – можете быть уверены, что все успехи подразделения или организации людская молва припишет лично вам, а во всех неудачах обвинит «плохих бояр». Из этого правила есть только одно исключение: за выполнение заданий вашего сюзерена отвечаете лично вы, и здесь свалить неудачу на нерадивых вассалов не получится.

В американских корпорациях сменилось несколько типовых способов решения этой задачи. В начале XX века крупными корпорациями руководили инженеры, затем пришла очередь специалистов по сбыту, затем юристов, затем финансистов и так далее. Удачные решения одних корпораций копировались всеми остальными, после чего становились менее эффективными за счет роста конкуренции.

Распространенное среди технических специалистов мнение, что «вся эта политика мешает работать», основано на непонимании принципиальной разницы между экономикой и политикой. Экономика это про то, как достичь результата с наименьшими затратами, а политика – про то, откуда вообще взять средства на эти «наименьшие затраты». Без формирования дружественного окружения (естественно, путем политических уступок) невозможно само существование организации, поэтому политика всегда важнее экономики.

Вспомните пример с «Порталом» из первой части. Отход Банкира от дел и передача их Латиноамериканцу как раз и было таким неожиданным изменением в окружении.

А точнее сказать – из-за невозможности ее поменять, ведь старому руководству доступны только старые ресурсы, раздобыть новые оно, как правило, не в состоянии.

Чарльз Тилли (1929-2008) – выдающийся (по оценке «Нью-Йорк Таймс») американский социолог, политолог и историк, профессор Мичиганского и Колумбийского университетов, фактически создатель исторической социологии, автор многочисленных книг по происхождению государств и теории революций.

811

От французского *etat* – государство, откуда и *coup d'etat* – государственный переворот.

Не правда ли, точное повторение «внешней зависимости» Пфеффера и Саланчика? Как мы увидим дальше, эта идея продуктивно использована самим Тилли.

Тем самым Тилли упустил прекрасную возможность дополнить свою теорию еще одним параметром (географией), объясняющим, например, громадное отличие Европы от Китая. Но никто не в силах объять необъятное.

В том числе и сам Тилли с соавторами, например, в книге 1975 года «Формирование национальных государств в Западной Европе».

Как мы знаем сегодня, ничего подобного в «третьем мире» не случилось – революций было в достатке, но лишь немногие страны смогли приблизиться к «Большой семерке» по уровню жизни и социальной стабильности. А все потому, что между «революцией» как сменой правящей властной группировки и революцией как сменой способа организации высшей Власти имеется существенная разница.

Тилли ссылается на исследование Теда Гарра [Gurr, 1970], который собрал сведения о 1100 (!) случаях революционного насилия в 144 странах в период с 1960 по 1965 год и обобщил их в своей монографии.

Узнаете «теорию ресурсной зависимости»? Внешняя среда, она же война, приводит сначала к изменениям в структуре власти государства, а затем уже и к изменению его поведения. Насколько близкими эти две концепции оказались в нашей книге, настолько же далеки они друг от друга в научном мейнстриме: Тилли даже не подозревал о теории Пфеффера и ни словом не упомянул ее в своей книге.

Далее мы увидим, как в XVI веке Генуэзская республика достигла вершин могущества, воспользовавшись военным союзом с соседней Испанией. Можно также вспомнить английского короля Карла II, успешно использовавшего деньги соседней Франции для борьбы с виговской оппозицией. Вообще, представление о «независимости» «независимых» государств сильно преувеличено в эпоху национализма, созданного для формирования больших призывных армий, но об этом опять же чуть позже.

819

По примеру Англии – конституционной монархией.

На наш взгляд, уникальность Европы по многом обусловлена ее географией – Альпы и Пиренеи ограничивают транспортную связность по суше, позволяя отдельным территориям существовать в относительной безопасности от соседей; но это тема для совсем другой книги.

Ярчайшим примером 100%-ной наемнической и 100%-ной успешной войны является Славная революция в Англии (1688), в ходе которой примерно 50-тысячная наемная армия Вильгельма Оранского, прибывшего в Англию из Нидерландов, свергла тогдашнего английского короля и возвела Вильгельма на престол. Двумя веками ранее состоявшая из французских наемников армия позволила Генриху Тюдору свергнуть законного короля Англии Ричарда III.

О чем писал еще Макиавелли в «Государе».

Например, плотности населения (то есть климата) и географического расположения (морских и речных портов, караванных путей) – если продолжать дополнять теорию Тилли идеями «географического детерменизма».

Ответ на вопрос «Почему именно Европа колонизировала весь мир, а не наоборот» находится где-то здесь, но все еще ждет исследователя, способного дать его в виде развернутой монографии.

Еще раз отметим, что в западной традиции «капитал» представляется чем-то совершенно естественным, вроде атмосферного воздуха, и сознательно поставить вопрос «А почему капитал существует?» западному исследователю очень трудно. Почти так же трудно, как российскому исследователю поверить, что без частного капитала нельзя построить сильную армию.

Правда, закончилось это тем, что приплыли европейцы и всех колонизировали, в соответствии с правилом Тилли «нет капитала – не будет и сильной армии».

Поэтому там, где таких центров не было, для создания сверхдержав приходилось проводить специальную государственную политику – например, индустриализацию.

Каждая из которых располагалась на благоприятном для судоходства морском побережье.

В российском Интернете обычно приводят другой, не менее показательный пример – финансирование (в 1327-1345 гг.) английского короля Эдуарда III флорентийскими купцами Барди и Перуччи, которое якобы закончилось дефолтом и банкротством последних. Однако историки давно выяснили, что легенда о банкротстве итальянцев из-за дефолта короля основана на одном-единственном источнике, и если поднять архивы о реальных договорах и платежах, то окажется, что обанкротились банки этих семей (а не их торговые дома), причем исключительно из-за внутренних проблем Флоренции (мятеж против богачей) и с целью переложить убытки на вкладчиков. После этого «банкротства» семьи Барди и Перуччи благополучно торговали и дальше, оставаясь в числе самых богатых в Европе. Что же касается Эдуарда III, то он по традициям того времени компенсировал потери итальянцев в последующие годы и сохранил достаточную кредитоспособность, чтобы еще 30 лет вести свою часть Столетней войны.

Поскольку в архивах сохранились даже операции Барди и Перуччи XIV века, не стоит удивляться, что события 500-летней давности удалось так легко воспроизвести. Архивы хранят больше, чем нам кажется.

С учетом не только самих дефолтов, но и последующих дополнительных соглашений о новых кредитах, включавших реструктуризацию старых долгов.

832

Нужно ли говорить, что ни о каком банкротстве и речи быть не могло?

Испанская империя финансировалась в XVI века за счет импорта серебра из своих американских колоний, который носил нерегулярный характер – галеоны с серебром могли затонуть или долго простоять под загрузкой. Поэтому в некоторые годы денег элементарно не хватало.

Иначе вместо денег можно получить революцию, как случилось у Испании с Голландией после введения 5%-ного налога с продаж (алькабалы). Что интересно, этот налог многие века действовал в Испании и не вызывал там никаких возражений (в силу слабой развитости торговли), а вот в капиталистической Голландии привел к массовому возмущению.

Мы помним, как быстро английский парламент, не желавший давать денег Карлу I, выдал их армии Кромвеля – поскольку считал ее «своей».

Когда мы пишем «государство заинтересовано», это означает не «умные люди в государстве понимают, что...», а скорее «если государство этого не делает, оно проиграет войну тому государству, которое это делает». Слово «заинтересовано» тут служит сокращенной записью для слов «сталкивается с объективной необходимостью». А уж найдутся умные люди, чтобы это понять, или нет – это как повезет.

Не забываем, что все сказанное здесь об Организациях относится и к Власти; властная группировка не может быть сильнее, чем самое сильное из контролируемых ею государств, так что при всей сложности олигархического устройства оно в конечном счете является необходимым. Мало научиться захватывать единоличную власть; для долгосрочного успеха нужно уметь создавать коалиции, а еще лучше – правящую элиту.

Может показаться, что пресловутая «западная помощь демократии» способна здесь чем-то помочь. Но если немного подумать, то получится вот что: любая помощь это ресурсы, выдаваемые уже сложившейся в государстве системе власти. Полученные даром, они могут лишь снизить потребности военных в расширении гражданских институтов, и вместо союза с национальным капиталом принуждение будет попросту пользоваться готовыми ресурсами зарубежного.

А вот для русского человека, выросшего в стране, где элита несколько столетий никак не научится договариваться даже между собой, соблюдение договоров – это только для слабых. И в своей стране русский человек прав, потому что нет никакой выгоды соблюдать договоренности с теми, кто их сам соблюдать не собирается.

Относительно полномасштабной гражданской войны, разумеется. Локальные мятежи, заканчивающиеся казнью зачинщиков и прощением всем остальным, по Тилли, являются вполне приемлемой формой переговоров.

Последнее – на момент написания нашей книги (2015). Поскольку теория Власти, как и сама Власть, живет и развивается, совсем последнее открытие в ней не будет сделано никогда!

Да-да, XXI, а не XX; именно в начале XXI века стало ясно, что «сам собой» этот вопрос не рассосется, и человечеству придется его решать, причем не только теоретически, но и практически. Если наша книга пойдет вам на пользу, и вы войдете в состав будущей мировой элиты, практическое решение этого вопроса окажется вашей непосредственной задачей.

Дуглас Норт (1920-2015) – выдающийся американский экономист, нобелевский лауреат 1993 года, создатель целого направления в экономической науке (новой институциональной экономики), автор по меньшей мере трех классических монографий: «Возвышение западного мира» (1973), «Институты, институциональные изменения и экономический рост» (1990) и собственно «Насилие и социальные порядки» (2009).

Где и проработал до 1983 года, после чего переехал в Сент-Луис, штат Миссури, но тоже в Университет Вашингтона.

Соломон Фабрикант (1906-1989) – американский экономист, профессор Нью-Йоркского университета, в 1953-1965 годах директор по исследованиям NBER США.

846

National Bureau of Economic Research –
Национальное бюро экономических исследований,
крупнейшая в США частная (существующая на
пожертвования и доходы от своей деятельности)
исследовательская организация в области экономики.

Саймон Кузнец (1901-1985) – выдающийся американский экономист, фактически изобретатель понятия «валового национального продукта», нобелевский лауреат 1973 года за исследования в области экономического роста.

По аналогии с уже существовавшей в те годы эконометрикой. Клио – муза истории в древнегреческой мифологии, так что если эконометрика посвящена количественным измерениям текущей экономики, то клиометрика – столь же количественным измерениям экономики прошлого.

849

Скорее всего, по протекции своих руководителей, Фабриканта и Кузнеца.

850

Тезис тем более правдоподобный, что за век до этого производство шерсти точно так же стимулировало экономику Англии.

В статье содержались 17 таблиц с разнообразной экономической информацией – все по канонам клиометрики.

Поскольку в концепции Норта термин «институт» играет существенную роль, приведем его авторское определение: «Институты – это правила игры... формальные правила, писанные законы, формальные социальные соглашения, неформальные нормы поведения, а также разделяемые убеждения о мире и средства принуждения к исполнению этих правил и норм». В нашем, более широком, понимании институты – это не только правила игры, но и организации, этим правилам следующие и их поддерживающие.

Через 50 лет эта же идея вернулась к жизни в многочисленных концепциях «ресурсного проклятия» и «нефтяных государств».

Роберт Фогель (1926-2013) – выдающийся американский экономист, профессор нескольких университетов, нобелевский лауреат 1993 года за работы по экономике американского рабства.

Фогель сравнивал реальные экономические показатели 1890 года с альтернативной Америкой, в которой грузы перевозились бы по старинке – морем, реками и в запряженных лошадьми фургонах. Оказалось, что железные дороги сэкономили лишь 3% от совокупных расходов.

856

Сумеете догадаться, почему этот ответ неверен? А между тем все просто – у кого экономика лучше, тот и строит больше кораблей, после чего и начинает колонизацию. Если Запад колонизировал Восток, значит, к этому моменту Запад уже был богаче и мог себе это позволить.

У одного из авторов нашей книги, Михаила Хазина, есть на этот счет собственная концепция, идущая значительно дальше не только идей Норта 1973 года, но и соображений Тилли 1992 года. Но подробнее оно будет высказано в другой книге, посвященной уже экономической теории.

Помните борьбу с пиратством, оказавшуюся едва ли не главным фактором повышения производительности морских перевозок (в отсутствие пиратов они оказываются намного дешевле)? Так вот, эта борьба и была институтом, защищавшим права собственности владельцев грузов. Институт – это не на бумажке написать «каждый имеет право», а регулярная деятельность хорошо вооруженных людей.

Разумеется, это не совсем так, в городах-государствах права собственности были достаточно развиты, и по понятным причинам (иначе не выжить); однако в экономике Европы в целом такие «островки» прав не играли существенной роли.

Барри Вайнгаст (р. 1952) – американский политолог и экономист, профессор политологии Стэнфордского университета (с 1992), соавтор Норта с 1989 года, специалист по политическим и правовым системам.

Джон Уоллис (р. 1952) – американский экономист, профессор экономики Мэрилендского университета (с 1999), соавтор Норта с 1986 года, специалист по государственному регулированию экономики.

150 человек – это знаменитое число Данбара, предельный размер группы хомо сапиенс, в которой все ее члены могут лично знать друг друга. Данбар изучал связь размеров мозга у животных, живущих группами, со средней численностью их сообществ и обнаружил линейную зависимость. Чем больше группа, тем больше знаний о других участниках нужно хранить в памяти, а следовательно, тем больший для этого требуется мозг. Если подставить в эмпирически найденную формулу относительный размер человеческого мозга, получится как раз 150. Позднее открытие Данбара было подтверждено разнообразными исследованиями, начиная от численности примитивных племен, доживших до наших дней, и заканчивая средним числом знакомых у людей как в реальной жизни, так и в социальных сетях.

Подробнее естественные иерархии описаны в трудах этологов, например, в нашедших в свое время статьях В. Р. Дольника; «порядок клевания» одинаково выстраивается у всех живых существа – птиц, обезьян и людей.

В теории Власти этот фактор – личная преданность, воспитываемая сюзереном у вассала и подкрепляемая выделяемыми ресурсами. Решение вопросов внутри группировки должно быть по возможности мирным, вооруженные конфликты между специалистами по насилию обходятся слишком дорого и способны полностью разрушить властную группировку.

В нашей теории тот же процесс описывается несколько иначе: из двух специалистов по насилию один может оказаться существенно сильнее другого; в этой ситуации более слабому выгоднее принести вассальную присягу и получить взамен какие-то ресурсы, чем продолжать конфронтацию с угрозой быть уничтоженным. Мы несколько раз описывали стремительную консолидацию потерявших сюзерена вассалов вокруг нового на: сначала никто не решается на присягу, но как только первый-второй вассал это сделали, кто теперь сюзерен, становится ясным каждому.

Этот термин играет важную роль в концепции Норта, Уоллиса и Вайнгаста, поэтому мы попробуем разъяснить его как можно доходчивей.

В качестве основной метафоры для описания правящих группировок: авторы использовали европейский феодализм эпохи рыцарства, характерный союзами большого числа относительно равноправных «специалистов по насилию»; отсюда постоянное упоминание «коалиций». В нашем представлении феодализм – это скорее «феодалная лестница», и отношения внутри правящей группировки иерархические. Так что имейте в виду, что слово «коалиция» всегда можно прочесть и как «иерархия».

Мы используем это слово, поскольку оно наиболее точно отражает взаимодействие подданных с правителями на ранних стадиях развития общества. Это еще не налоги и уж тем более не проценты по кредиту.

И как наверняка добавит уважаемый Читатель, это не только в Индии.

Зная концепцию Тилли, мы можем сказать, что под маской «общества» здесь скрывается бюрократический аппарат государства, обеспечивающий сбор налогов и найм армии и полиции, которые тем самым и становятся контрактными организациями. Развивая собственные идеи, авторы упустили из виду целую эпоху брокеража – контрактных армий, – в которую как раз и зарождается ненасильственный (финансовый) контроль над насилием, ставший в наши дни преобладающим в развитых странах.

Заметим, что в отличие от Тилли, объясняющего эволюцию форм государственного устройства естественным отбором в ходе многочисленных войн, Норт, Уоллис и Вайнгаст объясняют социальные изменения психологически, в терминах «осознания выгоды» представителями правящих коалиций. Наш анализ английской политической теории XVII века также свидетельствует о сознательном выборе английской элитой «республиканской» технологии Власти и соответствующего ей общественного устройства. Однако в нашем случае властные группировки руководствовались не соображениями выгоды, а куда более весомыми соображениями выживания, так что наша концепция ближе к «естественному отбору» Тилли.

Отца знаменитого Ричарда III, английского короля времен Войны Алой и Белой розы.

Решением королевского совета при Генрихе VI в 1526 году.

Особенно смешно в связи с этим выглядят заголовки книг про «Новое российское дворянство». Какое там дворянство, когда в современной России не наследуется даже место правителя, и не то что «права», а саму жизнь детей бывшего президента приходится защищать закулисными соглашениями?!

По крайней мере, один пример скоростного внедрения правового сознания в головы правящей элиты у человечества имеется: это сингапурское правление Ли Кван Ю, принципиально поставившего закон выше статуса человека в местной элите. По всем рейтингам «власти закона» Сингапур находится в числе самых законопослушных государств планеты. Однако мы не проводили анализ сингапурских властных группировок и потому не исключаем возможности, что и там на практике «друзьям все, остальным закон», просто друзья эти находятся, например, за океаном.

Напомним, что на этот же переход обратил внимание Фуко: демонстративные казни-расправы, направленные на восстановление нарушенных привилегий знати, в один прекрасный момент сменились тюремным заключением, призванным защищать собственность простого люда. Фуко не задавался вопросом, почему вдруг элита озаботилась проблемами простонародья, а просто констатировал, что у нее появилась такая потребность. Норт, Уоллис и Вайнгаст идут дальше, раскрывая причины такого решения.

Запомните это и никогда не забывайте! Личные отношения хороши только во властных группировках, существующих за счет использования ресурсов, добываемых внешними по отношению к ним организациями. В самих этих организациях личные отношения и прочую «политику» нужно выжигать каленым железом: они снижают производительность и создают почву для возникновения конкурирующих властных группировок.

Разумеется, для этого за пределами элиты уже должна существовать развитая экономика. Как мы уже знаем из книги Тилли, «капитал» в виде крупных городов и связанных с ними финансовых рынков возникает далеко не везде; в аграрной экономике переход к безличным правам не дает никакого выигрыша. Успех «открытого доступа» возможен лишь там, где господствующая коалиция имеет доступ к торгово-промышленной городской среде.

А если по-научному – то политической культурой элиты, приводящей к олигархической форме Власти.

Не только и не столько в России; кризис носит глобальный характер, но об этом мы расскажем чуть позже.

А кроме того, создавать внутри организации властные группировки и подсиживать «идейных» руководителей.

882

Поэтому «хотели как лучше, а вышло как всегда».

В сложных системах можно предсказывать тенденции («трещины по всему фасаду, дом того и гляди рухнет»), но практически невозможно предсказать конкретный момент катастрофических изменений (ни один специалист не подпишется под прогнозом «дом рухнет 10-го числа в 18:00»).

И мы надеемся, что по крайней мере в текущей кризисной ситуации наша теория будет для нее полезной.

885

И особенно нынешний мировой кризис!

Или «рынков», как их принято называть в экономическом мейнстриме. Расширение необходимо потому, что разделение труда окупается только при определенном масштабе производства: машина может делать миллион булавок за то же время, пока отдельный работник делает одну, но если во всей экономической системе требуется только одна булавка, машина нерентабельна, и технический прогресс останавливается.

Крупных государств, империй, а в XX веке – «общих рынков».

888

А по-хорошему, так и целого нового раздела экономической науки.

Брежнев Леонид Ильич (1906-1982) – советский государственный деятель, генеральный секретарь КПСС в 1964-1982 годах. В 1970 году ему было уже 64 года, по меркам XX века – весьма преклонный возраст.

890

То есть сам Брежнев и его ближайшее окружение, примерно того же пенсионного возраста.

С точки зрения политической борьбы это была капитуляция на идеологическом фронте.

Вы помните, как в годы Войны за испанское наследство французский Великий Дофин вынужден был – при живом Людовике XIV – угрозами добиваться продолжения войны вместо позорной капитуляции?

Разработанной для совсем другой цели – для победы над геополитическими противниками.

Исходно эта программа была разработана под второй срок Картера, но когда стало ясно, что он не справится, через операцию захвата посольства США в Иране в президенты провели откровенного ястреба Рейгана.

895

Который мы сегодня знаем как «информационную революцию».

Более того, ведущие экономисты 70-х годов склонялись к мнению, что капитализм доживает последние годы.

В качестве примера страны, стартовавшей в еще худших экономических, но в куда лучших «властных» условиях, можно привести Китай. Все то время, пока СССР катился к обрыву, Китай полз к вершине.

898

Хуже того – даже не своим приближенным!

Мы датируем период трансформации СССР в РФ периодом с 1979 (Афганистан и обострение холодной войны) по 2003 год («дело Ходорковского» и окончательное восстановление в РФ монархического правления).

О ней мы писали в первой части, цитируя книгу Восленского.

Теоретик намекает на известную карикатуру, где за плечом ученого в белом халате стоит вояка в форме и тыкает пальцем в листок бумаги: «Интегрируй!»

Вам должно быть хорошо знакомо одно из таких базовых представлений – это концепция классовой борьбы. В ее рамках все исторические события объясняются исключительно изменениями в соотношении сил между большими (миллионы человек) социальными группами. Попробуйте на досуге объяснить с точки зрения этой концепции горбачевскую перестройку.

Хазин Михаил Леонидович (р. 1962) – российский экономист и публицист, в 1994-1997 годах, сотрудник Министерства экономики РФ, в 1997-1998 годах. – Администрации Президента. Получил широкую известность своей теорией мирового экономического кризиса, предсказавшей «величайшую депрессию» 2008 года. <http://khazin.ru/>

Первая половина «лихих девяностых» открыла огромное множество «социальных лифтов», толковые люди были востребованы везде, в том числе и на государственной службе. Любопытно, что второй соавтор нашей книги, Сергей Щеглов, в том же начале 90-х тоже посещал Правительство России – по каким-то приватизационным делам, которые теперь и вспомнить-то не получается. Такое вот было веселое время!

Кризис 1998 года был в деталях предсказан в докладе Экономического управления, который был подготовлен Хазиным и его группой осенью 1997 года, но в силу уже известных читателю обстоятельств лег под сукно. Ни одна из окол властных группировок не была заинтересована в предотвращении кризиса, все рассчитывали на нем заработать.

Именно это понимание и созданная на его основе система информирования Президента о реальном функционировании Правительства и стала главной причиной, по которой Хазину пришлось уйти с государственной службы. Властные группировки сделали все от них зависящее, чтобы «закрыть» Правительство от контроля Президента, созданная система была ликвидирована и до сих пор не восстановлена.

Щеглов Сергей Игоревич (р. 1965) – российский исследователь, писатель-фантаст, публицист и блогер, на время издания книги работавший программистом в небольшой частной компании.

Гонорары основной массы писателей-фантастов совершенно недостаточны, чтобы заниматься этой деятельностью профессионально.

К 2009 году цена унции золота перевалила за 1000 долларов, и «странный» прогноз блестяще подтвердился; но в это время Щеглов интересовался уже совсем другими вещами.

Помните шумиху вокруг «банкротства Греции» 2015 года? Дали новый кредит, и – никакого банкротства!

911

Эта публикация доступна по адресу
<http://schegloff.livejournal.com/101198.html>.

Мы упоминали их ранее, в рассказе о Стиве Джоббсе и Apple.

См. например статью в Форбс: «The 147 Companies that control everything», <http://www.forbes.com/sites/bruceupbin/2011/10/22/the-147-companies-that-control-everything>.

914

Не говоря уже о западном!

Например, банкиры Смоленский, Гусинский и Виноградов в России и бенефициары Lehmann Brothers (обанкротился), Merrill Lynch и Bear Stearns (сменили владельцев) в США.

Правильнее было бы сказать – на политическую экономику, но такой науки пока что нет, есть только политическая экономия, в которой политика зависит от «экономии», а не наоборот.

Ижицкая Елена Анатольевна (р. 1987) – генеральный директор НИЦ «Неоэкономика».

Именно из этого 25-страничного файла и выросла наша уже порядком надоевшая вам книга.

У Хазина получалось что-то вроде «карьерологии», у Щеглова и того хуже – «теория социальных систем управления»; попробуйте-ка догадаться, что это – об одном и том же!

920

Хазин Леонид Григорьевич (1938-1986) – советский математик, специалист по теории устойчивости.

Есть подозрение, что именно эта откровенность и позволила все тому же Виктору Степановичу Черномырдину прозвать их «мальчиками в розовых штанишках».

И с тех пор ни разу не допускалась к политической власти, хотя и постоянно на нее претендовала.

Напомним, что Хазин лично занимался системой сбора информации о деятельности Правительства для Администрации Президента. Обо всей деятельности, включая неформальные процессы подготовки решений!

Название «властные группировки» было придумано уже позднее, в ходе дальнейшей разработки теории.

На бюрократическом языке «нетленкой» называется документ, «срок жизни» которого намного превышает обычные для текучки месяцы. Ну а у писателей «нетленкой» называлась книга, которая пишется долгие годы, зато потом читается столетиями. Говоря на разных языках, наши соавторы тем не менее прекрасно поняли друг друга.

926

И довольно увесистый.

927

В том числе и в ходе закрытых консультаций, о которых по понятным причинам не стоит рассказывать.

Теоретик имеет в виду анекдот про преподавателя:
«Ну эти студенты и тупые! Три раза им все объяснил,
даже сам понял...»

Неадекватным в этой ситуации оказывается отсутствие реакции. Так, в СССР руководство 70-х верило в невозможность своего поражения, а пришедшее ему на смену руководство 80-х – наоборот, исходило из невозможности победы. Но в делах Власти ничего не делать – намного хуже, чем делать что-то неправильно!

Мы скромно надеемся, что оторваться от нашей книги у заинтересованного читателя не получится, по крайней мере до этого места.

Любая в буквальном смысле, например, ответ «Иванов слушает» по личному телефону – ведь звонивший может и не знать, что этот телефон действительно принадлежит Иванову.

Фраза из рассказа Куприна «Брегет», по сюжету которого у одного из офицеров, собравшихся выпить, пропадают часы, и поскольку прислуги не было, подозрение, что украл их кто-то из своих, моментально превращает дружеское застолье в шекспировскую трагедию.

Так Ротшильды стали английскими баронами.